

Маша Моран

Постучи в мою дверь

Пролог

Олесе удалось вырваться из офиса лишь за час до полуночи. Она куталась в колючий шарф и одновременно пыталась удержать тяжелый портфель с документами и коробку с самыми красивыми пирожными на свете. Кто-то празднует свадьбу, а она будет отмечать развод! Избавление от мужа-изменника и личной жизни. Больше никаких мужчин, никаких отношений, никакой любви. Хватит с нее! Натерпелась. Теперь у нее полно свободного времени, и она потратит его на карьеру. Добьется немислимых высот, успеха и денег.

Прижимая к груди коробку с заветным лакомством, Олеся дошла до дороги. Недавно снова шел снег. Он успел укрыть укатанную сотнями колес дорогу и грязные сугробы новым белым слоем. В свете фонарей мерцали пушистые снежинки. Может, снеговика слепить? Глупая какая-то мысль. Зато появится у нее мужчина. Всегда молчаливый и спокойный. Не будет таскаться по снежным бабам. А при плюсовых температурах растает и плавненько исчезнет из ее жизни.

И о чем она думает? Кого обманывает? Самая обычная неудачница с самой обычной жизнью. Ее ждет то же самое, что и тысячи других людей. Скудная рутинная работа, нудная возня с бумажками. И так изо дня в день. Пока не состарится и не умрет в унылом одиночестве. Не самые радостные мысли накануне Нового года. Но и праздник ей встречать, дежуря до последнего в офисе. Она, видите ли, теперь разведенка. «Ни мужа, ни детей, а значит вполне может подежурить вместо семейных» — слова ее уroda-начальника. И ведь не откажешься! Попрет с работы на раз. Плевать он хотел на трудовой договор. Нужно запастись любовным романчиком погорячее, коробкой конфет, желательно с ликером, и упаковкой бумажных платков, чтобы оплакивать свой убогий праздник. И ладно бы, была она врачом или спасателем. Но что делать тридцать первого декабря в офисе обычной пиарщице?!

Олеся остановилась у светофора. Конечно же, он уже не работал. Даже светофор ушел на покой, а ей еще тащиться домой. Пешком. Денег на такси не хватило. Между ним и пирожными, Олеся выбрала пирожные. Последний троллейбус ушел давным-давно. В лучшем случае через час она придет домой, наскоро примет душ, упадет спать и... через шесть часов проснется, чтобы снова ползти на работу. Вот и вся ее богатая событиями жизнь. Может, написать письмо Деду Морозу? Вон он как радостно и лукаво улыбается с огромного рекламного щита. Должна же у него где-то завалиться парочка чудес для подобных Олеся неудачниц.

Олеся непроизвольно замедлила шаг и совсем остановилась, не торопясь переходить дорогу. Она задумчиво рассматривала бородатого старика, всерьез размышляя о том, а не написать ли ему письмо? Впрочем, оно уже вряд ли успеет дойти, где бы старик сейчас ни находился.

Рекламный щит был похож на старинную винтажную открытку позапрошлого века. Дед Мороз в пушистом алом тулупе и таком же колпаке зазывал всех посетить какое-то чудесное место, затерянное непонятно где. Одной рукой он указывал на яркую, горящую праздничными огоньками деревушку, которая выглядела вполне сказочно и волшебю. В другой держал небольшую елку. Видимо, реклама какой-нибудь туристической компании. Ладно, письмо Деду Морозу писать действительно глупо. Но ведь никто же не запретит ей попросить?! Прижав к боку папку с документами и коробку с пирожными, Олеся быстро тихонько зашептала:

— Пожалуйста, Дедушка Мороз, я тебя очень-очень прошу... Исполни мое желание... Помоги мне встретить любовь... Я понимаю, что уже взрослая, но чего тебе стоит, а? Одно маленькое чудо? — Бабушка всегда говорила, что Вселенной нужно говорить конкретно, чего хочешь. — Пусть я завтра проснусь не от дурацкого будильника! Пускай ОН позвонит в дверь... Ой, нет, звонок у меня сломан. Пусть ОН постучит. Я открою, и мы пойдем, что созданы друг для друга. Пусть он будет смелым, сильным, каменной стеной. И сильно меня полюбит! И хотелось бы богатого. Ну и симпатичного. И чтобы был мне верен. И ценил меня. А я буду делать все, чтобы он ни разу не пожалел, что ошибся дверью и встретил меня. Я знаю, что многого прошу, но пожа-а-алуйста...

Олеся с мольбой взглянула на Деда Мороза. Его шуба переливалась в мутном свете фонарей. Неожиданно пошел снег. С неба сыпались огромные пушистые хлопья. Олеся щурилась от снежинок, падающих на глаза. Может из-за этого, а может из-за того, что был напряженный день, но показалось, что Дед Мороз подмигнул ей. Олеся потеряла глаза. С ума уже сходит, наверное, от безысходности и одиночества. Ладно. Хватит тут торчать. Пока домой дойдет, можно будет на работу снова выдвигаться. Олеся посмотрела по сторонам, проверяя нет ли запоздавших машин. Но улица была пуста. Конечно, все уже давно дома. Нежатся в теплых постелях и крепких объятиях. А у нее даже игрушки мягкой нет, с которой можно пообниматься. Олеся едва успела сделать пару шагов, когда из-за поворота вылетел огромный черный внедорожник. Он несся на фантастической скорости и прямо на нее. На какое-то мгновение она застыла, не зная, куда бежать. Назад? Вперед? Боже... Олеся неловко дернулась, заставляя себя сдвинуться хоть в какую-нибудь сторону. Но не успела. Автомобиль врезался в нее с чудовищной силой. Адская боль парализовала тело. Крик застрял в горле хрипом. Дыхание перехватило, и Олеся взлетела в воздух. Ей хотелось кричать от мучительного спазма. Снежинки раскаленными ножами врезались в лицо. Внутри все пылало.

Перед глазами кружилась улица, а время словно остановилось.

Олеся ощутила новую волну мучительной боли. Кажется, она упала на машину. В затылок врезалось что-то острое. Она не могла дышать. Пыталась, но не могла. Тупая нестерпимая боль сжигала тело, пульсировала. По лицу потекло что-то мокрое и горячее. В воздухе почему-то кружились листы белой бумаги. Позвоночник прошибло судорогой. Последнее, что она увидела, как Дед Мороз с рекламного щита широко улыбнулся, глядя прямо на нее.

Той ночью Олесе Ильевой дойти до дома было не суждено. И дежурить в офисе тридцать первого декабря тоже. Загадывая желание, она не знала, что в этот самый момент по дороге мчится пьяный водитель. Она не знала, что он ее даже не заметил. И, конечно, она никак не могла знать, что не остановись она перед щитом, то возможно уцелела бы. А еще ей было неизвестно, что на следующий день никто не ошибся бы адресом и не постучал в ее дверь. Что ей было суждено? Прожить одинокую тяжелую жизнь. Потому что в этом мире не существовало того мужчины, о котором она мечтала. Ей было суждено страдать от безысходности и невзгод. Но, конечно же, этого она тоже знала. И не узнает никогда.

Потому что той ночью Олеся Ильева умерла.

Но успела загадать желание...

Глава 1

Миклош рассматривал жену. Что-то долго она не приходит в себя. Возможно, он немного перестарался. Из ее носа все еще слабо сочилась кровь. На полу уже натекла темно-вишневая лужа. Хоть не сдохла? Он подошел к жене, опустился на корточки и, брезгливо морщась, запустил руку в спутавшиеся волосы. Едва он приподнял ее голову от пола, как послышался тихий стон. Жива. Равнодушно Миклош разжал ладонь. Голова женушки с тихим стуком упала обратно. Миклош отер руку. С дорогой супругой нужно что-то делать. Это была глупая идея — жениться на ней. С другой стороны чокнутая Маргит была лучшим прикрытием для его постыдных привязанностей. Узнай кто-нибудь, что он, наследник одного из самых уважаемых и влиятельных семейств, питает слабость к мужчинам, скандала не избежать. А взяв в жены слабоумную, он мог беспрепятственно встречаться с любовником и предаваться любимым развлечениям. Маргит жила в своем собственном мире, шарахаясь от теней, кружась под дождем и снегом, и, самое главное, оставаясь немой, как рыба. Миклош не знал, была ли она нема от рождения, но на его памяти она ни разу не произнесла ни слова. Да и деревенские не слыхали.

Иногда ему казалось, что у нее случаются проблески сознания. Временами Миклош ловил на себе ее внимательный пронзительный взгляд. Убогая пялилась на него так, словно все понимала. Тогда он доставал маску, кнут и возвращал ее в то состояние, в котором ей надлежало пребывать — его послушной марионетки.

Сегодня она особенно сильно донимала его. В деревне Маргит заметила Вильгельма, его любовника, начала тыкать в него пальцем и что-то бессвязно лепетать. Миклошу стало страшно. Пожалуй, впервые за всю жизнь. Он даже брата так не боялся, как разоблачения. Вряд ли Маргит могла раскрыть его тайну. Вряд ли она вообще что-то понимала! Но узнала же она Вильгельма. Кто знает, что она могла выкинуть в следующий раз? Поэтому, пришлось вновь надеть деревянную маску Крампуса, взять в руки кнут и преподать Маргит несколько уроков о том, что бывает с теми, кто плохо себя ведет.

Миклош не знал, почему Маргит так боится этого демона. Она буквально столбенеет, стоит ей увидеть короткие рога, заостренный подбородок и вываливающийся из зубастой пасти раздвоенный алый язык. Он понял, что она приходит в ужас от жуткого существа из старых легенд, во время одного из празднеств в деревне. Миклош потащился туда, чтобы показать подданным, как он их ценит. Толпа местных мужиков переоделась в Крампусов и пугала маленьких оборванцев, обещая им розги за дурное поведение. У Маргит, едва она их завидела, случился припадок. Пришлось силой уводить ее оттуда. Ему даже помогали несколько крестьян. Она брыкалась, вырывалась и что-то мычала, закатывая глаза. Сумасшедшая, одним словом.

Но в тот момент Миклош понял, как повлиять на женушку, если она начнет доставлять неприятности. Чтобы не вызвать подозрений, он специально поехал в город и прикупил у старого мастера маску. А заодно и кнут. Ночами, когда бушевала гроза, или начинался особенно лихой снегопад, Миклош надевал маску и заявлялся в спальню к жене. Чтобы она хорошенько рассмотрела его и запомнила жуткий лик, Миклош зажигал свечу. Странно, но во сне она выглядела вполне нормальной. Испытывая сладкое, ни с чем несравнимое, ощущение власти и превосходства, он касался ладонью плеча Маргит, сначала нежно и ласково, а потом сжимал до синяков. Она начинала просыпаться, тихонько постанывая и дергая рукой. Тогда Миклош отвечал ей звонкую пощечину. Он старался бить так, чтобы фамильный перстень до крови рассекал ей губы. Почему-то темная густая жидкость — единственное, что возбуждало его в женщинах. Обычно, после этого Маргит просыпалась окончательно. Несколько мгновений она просто глупо пялилась на него, а затем начинала метаться по кровати и хныкать.

Сначала Миклош просто взмахивал кнутом и, оставив жену в полуобморочном состоянии, уходил. Потом он начал разговаривать с ней. Тихим шепотом говорил, что пришел наказать ее за дурное поведение и за то, что не слушает мужа. А однажды, когда убогая осмелилась оказать ему сопротивление и расцарапала руку, Миклош ударил ее кнутом. О, сколько же наслаждения он тогда испытал. Это было невероятное ощущение. Пожалуй, сравнимое по силе с тем, что он испытывал в объятиях Вильгельма. С тех пор Миклош не отказывал себе в удовольствии немного покалечить дражайшую женушку. Иногда даже брал ее, не снимая маски, едва дышащую, посреди покрытых брызгами крови простыней.

Слуги давно привыкли к тому, что иногда их госпожа выглядит так, словно едва избежала смерти. Он сознательно распространял слух, что ее преследуют жуткие видения и галлюцинации, что она умышленно ранит себя. Доктор предлагал связывать ее. Но Миклош, усердно играя роль любящего мужа, раз за разом отвергал его методы. «Любые пути еще больше пугают ее. Она впадает в ярость, когда видит их. Я не хочу, чтобы мое сокровище страдало и мучилось.» И ему верили! Все эти глупые наивные людишки верили ему и восхищались его самоотверженностью и верностью жене. В такие моменты Миклош с трудом сдерживал улыбку.

Но в этот раз он переусердствовал с кнутом. Рассек до крови кожу на спине. Гонял Маргит по всей

спальне, швырял от стены к стене, пару раз даже едва не сломал шею. Она металась, беззвучно рыдая и царапая пальцами дверь.

Носком сапога Миклош перевернул Маргит на спину. Она не застонала, не открыла глаз. Даже грудь не поднялась от дыхания. Неужто, сдохла наконец? Преодолев отвращение, Миклош опустился на колени и прижался ухом к ее груди. Тишина... И куда ее теперь девать? Мозг лихорадочно заработал. В голове крутились маленькие винтики, как в часовом механизме. Лучше всего избавиться от тела. Например... Например он может вывезти ее отсюда, бросить где-нибудь в лесу, а на утро забить тревогу. За это время она окоченеет, и Миклош будет избавлен от нее навсегда. А еще лучше, если пойдет слушок о ее побеге. С любовником. Конечно же! Он найдет в одной из окрестных деревень какого-нибудь крестьянина и убедит его за пару монет свидетельствовать о греховной связи с его женой. Но как объяснить то, что она окажется в лесу? Миклош задумался... И как он сразу не сообразил? Жена и любовник задумали побег! Однако, у Маргит случился очередной приступ и вместо деревни она отправилась в лес, где стала жертвой метели и собственного безумия.

Так он и поступит. Стянув с кровати простынь, Миклош завернул в нее тело жены. Уже была глубокая ночь, а значит он сможет выйти из дома незамеченным. Но лучше подстраховаться. Народ здесь суеверный, а потому будет не лишним вновь воспользоваться маской демона Крампуса. Нацепив ее на лицо, Миклош вернулся к себе в спальню, быстро оделся, а затем возвратился обратно. Подняв с пола бездыханное тело, он взвалил его на плечо и беспрепятственно вышел из дома. На дворе стоял мороз. Самый разгар зимы. Через несколько недель Проводы Старого Года. И провожать его Миклош будет уже вдовцом...

Олеся приоткрыла глаза. Она не чувствовала своего тела — только дикую адскую боль. Попыталась пошевелить рукой, и боль усилилась настолько, что из горла вырвался стон. В уголке губ лопнула кожа, и рот наполнился соленой кровью.

— О, оклемалась! — Где-то над головой проскрипел низкий голос.

Перед глазами плыло, но несколько раз моргнув, Олеся удалось разглядеть румяное стариковское лицо. Белая борода и седые всклокоченные волосы торчали во все стороны. Он кого-то напоминал, но кого?

— Вот и славно. А то уж думал, до следующего года тут пролежишь. Ладно, голубушка, давай, вставай. Времечка-то у нас мало!

Он подхватил ее под мышки и, как куклу, стащил с кровати. Олеся вновь застонала от боли. Станный дед куда-то ее потянул, и ей пришлось прикрыть глаза от нахлынувшей тошноты. Она не могла понять, что именно болело. Боль просто была везде. Даже дыхание давалось с трудом.

Дед выволок ее на улицу, прямо в стылый сырой воздух, и водрузил на телегу. Олеся упала на твердые холодные доски. Сухое сено кололо щеки. Она начала замерзать. С трудом подтянула ноги к груди и обхватила их руками. В спину вонзились раскаленные иглы.

— Ты потерпи, потерпи, голубушка. Скоро уж...

С тихим свистом хлыст рассек воздух, и телега двинулась с места. Замелькали голые деревья, поникшие травы. Олеся снова закрыла глаза. Она не могла ни о чем думать. Где оказалась? Как? Все равно. Лишь бы не чувствовать, как телега подскакивает на каждой кочке. Так холодно... Но холод успокаивал боль, заглушал. Наверное, она задремала, потому что очнулась, когда телега уже остановилась, а дед уговаривал ее слезть. По виску потекло что-то липкое и горячее. Захотелось плакать. В глазах щипало. Босые ноги утонули в грязи.

— Вот голубушка, постой-ка здесь.

Олеся не выдержала и упала. Брызги коричневой жижи попали в глаза, но ей уже на все плевать. Зачем он мучает ее? Зачем все ее мучают?

— Ну или посиди, если хочешь.

Дед пожал плечами и подергал белоснежную бороду. Олеся закрыла глаза. Во рту тоже оказалась грязь. Земля вдруг задрожала.

— О! — Бодрый голос старика прорвался сквозь пелену отчаяния. — Едут, голубушка. — Хлопок в ладоши эхом и пульсацией отозвался в голове. — Тогда я пошел. А ты води себя хорошо.

Кряхтя он наклонился, убрал с глаз Олеся волосы и потрепал по плечу. Как будто действительно был заботливым дедушкой, который впервые отдавал непоседливую внучку в детский сад. Его морщинистое лицо вдруг начало расплываться, и Олеся поняла, что все-таки плачет. Она закрыла глаза, а когда открыла вновь, рядом никого уже не было. Земля тряслась сильнее. Заржала лошадь.

Резкий звук разрезал воздух, и кто-то выругался. Как же она устала... Ей нужна тишина. Чтобы можно было заснуть и забыть обо всем.

— Господи! Кто это?

— Кабы я знал, госпожа! Еду, а она валяется тут! Разлеглась!

— Чобан! Не смей так говорить! Нужно помочь бедняжке.

— Да чо ей помогать, госпожа? Скопытилась она!

Удар в живот привел Олесю в себя. Мучитель с такой силой пнул ее, что все внутренности перевернулись. Она закашлялась, выплевывая изо рта сгустки крови.

— Это же Маргит! Немедля бери и неси ее в карету! Ну, что стоишь? Приеду и прикажу тебя выпороть!

— Простите, госпожа, простите... Не признал, дурак слепой. Я уже!

Олесю вновь сгребли в охапку. Она попыталась закричать, чтобы ее наконец оставили в покое, но садист только еще больнее сжал. Внезапно на нее обрушилась темнота.

Вновь Олеся пришла в себя в крошечной комнатке, которая почему-то двигалась.

— Скоро уже, милая. Скоро совсем. Потерпи чуть-чуть. Уже почти приехали. Что же с тобой приключилось, бедная моя?

Олеся не могла понять, о чем ее спрашивает черноволосая красавица. Она была похожа на принцессу. У Олеси в детстве была книга сказок. Каждый разворот украшали красочные иллюстрации невиданной красоты. Когда разглядывала их, Олесе казалось, что она переносится в саму сказку, в чудесную волшебную страну. И эта женщина, что сейчас ласково убирала с ее лба волосы, казалась жительницей одной из невероятных историй. Может, это Белоснежка? Черные, как смоль волосы. Белое, словно снег лицо. Это точно про нее! Нужно предупредить о мачехе. И яблоке. Сказать, чтобы не кусала. Олеся попыталась открыть рот, чтобы сказать, но из горла вырвалось только несколько бессвязных хрипов. В груди заболело. Белоснежка нежно коснулась Олесиной щеки.

— Ш-ш-ш... Все будет хорошо, Маргит. Вот увидишь. Я позабочусь о тебе.

Маргит? Но она не Маргит. Она — Олеся. Нужно сказать Белоснежке об этом. Наверное она добра потому, что спутала Олесю с кем-то...

— Не переживай. Едва приедем в замок, тут же пошлем за доктором и Миклошем. Он будет рядом с тобой, и тебе наверняка полегчает.

Олеся не знала почему, но едва Белоснежка произнесла незнакомое имя, нутро сжалось от ужаса. Олесе казалось, что кто-то шурудит внутри нее раскаленной кочергой, словно угли ворошат в камине. Больно. Как же больно. Она застонала. Наружу рвался крик. Но все, что она смогла из себя исторгнуть — глупые раздражающие слух стоны. От усилий перед глазами вновь все поплыло. Олеся старалась удерживать веки открытыми. Она смогла рассмотреть голубую ткань с цветочным узором, обтягивающую стены ее тесной комнатки. Сиреневый бархат небольшого диванчика. Плывущие за окном ели. Где она? Где?..

— Скоро будем дома, Маргит. Держись. Осталось совсем чуть-чуть.

Олеся не знала, кто такая эта Маргит. Да и не хотела знать. Ей нужно было тепло. И чтобы ушла адская боль.

— Потерпи, милая... Потерпи... Приедет Миклош... Будет о тебе заботиться...

Олеся хотела сказать, чтобы Белоснежка перестала произносить имя, от которого внутри все словно начинало кровоточить. Вместо переливающихся серебром веточек на стенах комнатки Олеся видела жуткое существо с рогами и алым языком. Существо скалилось, с его языка стекала кровь, а глаза горели огнем. Оно взмахивало кнутом и смеялось, глядя на нее. Господи, кто это?! Что ему нужно?! Олеся пыталась закричать, но голос ее не слушался. Бежать! Нужно бежать... Она металась в попытке убежать, но везде натывалась на безобразное существо. Оно смеялось... Все время смеялось и повторяло, что она очень плохо себя вела. Олеся видела извивающийся ядовитой змеей кнут. В тот момент, когда он настиг ее и ужалил, она вновь провалилась в темноту.

Глава 2

Олеся открыла и тут же закрыла глаза. Слишком светло. Слишком ярко. Она так привыкла к темноте, что любые краски теперь раздражали. Она еще немного полежала зажмурившись, но все же решила приподнять немного веки. Странно, но оказалось, что в комнате не так уж и светло. И совсем не ярко... С трудом Олеся повернула голову и огляделась. В животе медленно скручивался тугой узел страха. Она лежала в просторной кровати. Это не ее комната. Потому что у нее не было кровати с четырьмя столбиками, украшенных миниатюрными крылатыми драконами. И с ее кровати точно не свисал небесно-голубой полог. Может, она сошла с ума, и это галлюцинации?

Олеся пыталась вспомнить, как могла здесь оказаться. Память, не хотя, подбросила тусклые картинки того, как она самой последней уходит с работы, как бредет по улице, боясь уронить папку и смять пирожные, как останавливается у светофора и рассматривает рекламный щит... Она отчетливо помнила, как загадывала желание Деду Морозу в тот момент, когда... Ее сбила машина. Огромная черная машина. Олеся помнила и боль от удара. Ужасную боль, от которой даже сейчас парализовывало все мышцы. Ей казалось, что она умерла. Даже не от удара, а именно от боли, просочившейся в каждый нерв. Но нет, кажется, она жива. Наверное, в больнице... Олеся снова осмотрелась. Может, это частная клиника? Но как-то не верится, что даже в частной может быть такая кровать... Олеся снова закрыла глаза. А если, у нее сотрясение мозга?

Она вдруг вспомнила, как пришла в себя в какой-то хижине, и старый бородатый дед заставлял ее выйти в самый мороз. А потом она тряслась на... телеге? Да, это точно была телега. Затем дед бросил ее посреди дороги, в грязи, и уехал. А Олесю подобрала красавица-Белоснежка. По затылку словно кто-то принялся стучать молотком. Олеся тихо застонала от мучительной пульсации. Но стоило ей издать даже такой тихий, едва слышный звук, как пульсация перебралась в виски. Хоть бы не сотрясение. Как она вообще осталась жива? В тот момент, когда в затылок вонзился осколок стекла, Олесе показалось, что она умирает.

Она вновь прикрыла глаза. Что теперь будет с работой? Ее же не выгонят за прогулы?! Урод-начальничек вполне может. Олеся вспомнила его мерзкий вездливый взгляд: «Вы работаете в солидной компании, Олеся Юрьевна. У нас офисы по всему миру. Ваш развод может и подождать» — так он ей ответил, когда Олеся пыталась выпросить отгул, чтобы сходить в суд. Господи, ну неужели без нее, работа остановилась бы?! Теперь он точно выставит ее за двери. Олеся так и видела, как он смотрит на нее, всю перебинтованную, в синяках и шрамах, а затем произносит: «Пара царапин — не оправдание для прогулов, Олеся Юрьевна. Вот если бы вы впали в кому... Я бы дал вам день отлежаться. Но не больше.» Олеся внезапно хихикнула. В голове плыл странный туман, но почему-то стало весело. Жутко зачесалась щека. Олеся попыталась поднять руку, чтобы почесать, но конечности казались набитыми ватой. Она чувствовала себя тряпичной куклой. А вдруг ее парализовало? Олесю бросило в жар. На лбу выступила испарина. Что с ней теперь будет? За ней некому ухаживать. Да если бы и было, кому она нужна?! Денег на лечение тоже нет. Господи... Да за что же ей это? Она никогда никому не делала гадостей. Ну разве что несколько раз подразнила одну противную девчонку в школе. Но та заслужила. Мужу она не изменяла. Изменял он. Помогала всем, кто просил помощи. Да она вообще никому не могла отказать. Даже не стала требовать денег с мерзкой соседки сверху, которая ее затопила в прошлом году. Может, за то, что она такая бесхребетная, Бог ее и наказывает? Ну какая от нее польза миру и людям? Да никакой. Не просто же так от нее отказались даже родители, едва Олеся родилась. Спасибо деду, хоть он не бросил. Но его уже пять лет нет в живых. А значит, не осталось никого, кому бы Олеся была нужной и необходимой. От этих мыслей ее начала бить дрожь. Такая, что зубы стучали друг о друга, а все тело тряслось, будто прошибаемое током. Олеся чувствовала каждую рану. Казалось, что она истекает кровью изнутри. Туман в голове превращался в серый дым. Как будто прямо в черепной коробке кто-то невидимый жег сырые осенние листья. От гари и едкого дыма слезились глаза. Олесе пришлось крепко зажмуриться. Но едва она опустила веки, как дым начал развеиваться, и сквозь пыльно-серые клубы проступило очертание жуткого лица. Она его уже где-то видела. Видела страшную рогатую маску. Видела жуткий раздвоенный язык со свистящим шипением, вырывающийся из пасти. Видела, как бешено горят его глаза. Чудовище смеялось и сипело:

— Ты знаешь, что я делаю с непослушными девочками?.. Знаешь?.. Я забираю их с собой... В свою пещеру... На скале... Там они выполняют то, для чего рождены... Ублажают меня... А тебе известно, как я потом с ними поступаю?.. После того, как наиграюсь... Очень быстро мне становится скучно... И я сбрасываю их со скалы... Ты полетишь следующей...

Олеся шептала: «Я тебя не боюсь. Ты не настоящий. Не настоящий. Тебя не существует.» А он смеялся. Хватал ее своими, почему-то человеческими руками, и тряс, как марионетку. Его язык скользил по Олесиным щекам, обдавая серным дыханием. Олеся пыталась вырваться, но никак не получалось. А чудовище под деревянной маской смеялось еще громче:

— Куда же ты Маргит?.. Не убегай от меня... Ты еще не сделала то, что должна делать женщина...

Олеся хотела крикнуть, что ничего она не должна, и никакая она не Маргит, но язык не слушался.

Он словно прирос к небу. Распух и не шевелился во рту. Удавалось лишь тихо шептать «Нет» и мотать головой.

— Тише-тише, милая... Что ж ты так...

Что-то прохладное коснулось лба, и нежные ладони погладили щеки.

— У нее жар... Вы осмотрели эту рану?

Нежность сменилась болезненным жжением. Олеся изо всех сил старалась разомкнуть губы и попросить, чтобы ее больше не трогали — она уже не могла терпеть боль. От нее мышцы натягивались, сокращались, и Олесе начинало казаться, что ее пытаются. Режут тупым ножом.

— Тише... Скоро все пройдет...

Вокруг разлился чудесный цветочный аромат. Что-то очень легкое и свежее. Жуткие видения начали отступать, оставляя Олеся в сиреневом облаке. Она как будто гуляла по чудесному саду. Ласково светит солнце, где-то жужжит пчела. Прохладный ветер колышет высокие стройные стебельки трав. И всюду невероятный запах. Олеся легла в траву, прислушиваясь к стрекоту насекомых. Чистое голубое небо было где-то высоко-высоко. И Олеся, наконец, поглотил покой.

Просыпаться совсем не хотелось. Тем более, ей снился такой чудесный сон. Просто волшебный! Будильник еще не звонил, а значит, можно хоть немного поваляться в постели. А вдруг она просто не услышала его? Вдруг проспала? Ай, ну и ладно! Директор, изверг, все равно уже, наверное, уволил ее. Олеся так и видела его суровые синие глаза за стеклами дорожных очков. Вот он сидит, внимательно изучает ее пиар-стратегию на будущий год, зажав между длинных пальцев карандаш, потом запускает руку в волосы, откидывая со лба несколько тронутых ранней сединой прядей и выдает пренебрежительное: «Даже школьник справился бы лучше, Олеся Юрьевна.» Затем комкает результат ее многомесячной работы и бросает в мусорку. Окинув равнодушным взглядом поверх очков Олеся, не забывает пренебрежительно сообщить: «Вы свободны».

Олеся аж застонала от вновь пережитой несправедливости. Чтоб он в аду горел! Испортил ей замечательный сон. Но пора вставать на работу. Даже если ее уже с позором уволили, нужно появиться в офисе. Хотя бы для того, чтобы собрать свои немногочисленные пожитки. Олеся с трудом открыла глаза и потянулась. Конечности отяжелели и плохо слушались. А над головой почему-то снова было небо... Пришлось несколько раз моргнуть, чтобы понять: нет, это не небо. Это полупрозрачные голубые занавеси, спадающие с кровати. Олеся резко дернулась и огляделась. Память медленно возвращала картинки из прошлого. Офис, ночь, она идет домой, потом ее сбивает машина. Станный старик. Белоснежка. Просторная, богато обставленная комната. Господи... Так. Главное — не паниковать. Слава Богу, она жива. И, кажется не парализована. Бородатый дед и Белоснежка ей точно привиделись. А еще жуткое существо в деревянной маске. Но комната была реальна. Все те же четыре столбика на королевских размеров кровати. Все те же крылатые драконы, их обвивающие. Струящийся полог. Пушистый, тоже голубой, ковер на дощатом полу. Массивный, старинный на вид комод. О, неожиданность: голубой! Изящный столик с огромным зеркалом и пуфик, обитый гладкой блестящей тканью. Белоснежка, спящая в массивном кресле. Высокие стрельчатые окна за темно-синими портьерами. Так, стоп! Белоснежка?! Олеся села на кровати и уставилась на самую красивую женщину, которую когда-либо видела. Это точно она! Белоснежка из ее видения. Не сон? Олеся глазела на сказочную принцессу и не могла понять, что происходит. У Белоснежки была какая-то удивительная прическа, из которой выбились темные пряди и вольготно рассыпались по плечам. В ушах переливались длинные серьги. Но удивительнее всего была ее одежда. Очень странное платье. Серое, с юбкой до самого пола, украшенной серебристой вышивкой. Из-под подола выглядывало белое кружево. Олеся поняла, что сидит с открытым ртом. Такие платья могли носить столетия назад. Да и то, в каком-нибудь фантастическом фильме.

Она сошла с ума. Точно. Конечно! Она чокнулась. А эта комната — палата. А Белоснежка наверняка, одна из пациенток.

Олеся начала копошиться в ворохе одеял и покрывал. Ей нужно немедленно выбраться отсюда. Убедить лечащего врача, что она еще не до конца утратила адекватность. На крайний случай, сообщит, что у нее нет денег на лечение. Тогда уж ее точно вышвырнут отсюда. Голова закружилась. Предметы вокруг заплесали в диком танце. Подсвечник кружил в вальсе небольшую шкатулку. А расписанный цветами таз лихо гарцевал в польке с таким же кувшином. Олеся встала на ноги и схватилась за комод. Ноги дрожали и подгибались. Адский бал перед глазами продолжался. В ушах шумело, как будто, в голове разлился океан, и пенные волны накатывали на берег. Держась за обитые прохладным шелком стены, Олеся добралась до белой двери. Бронзовая ручка с трудом поддавалась ослабленным пальцам. Навалившись всем телом, Олеся отворила дверь и выглянула наружу. Наверное все-таки сошла с ума. Она опасливо шагнула в пустой коридор. Узкий и сумрачный, он тянулся вперед и сворачивал вправо. На равном расстоянии друг от друга расположились небольшие окошки, затянутые хрустальным инеем. Больше всего Олеся поразили

покрытые известкой стены полуметровой толщины. Такие могут быть разве что в крепости... Ну или в клинике для буйно помешанных. Иначе зачем делать их подобной толщины? Нечто похожее она видела давным-давно в детстве, когда дед повез ее на экскурсию в средневековый кремль. Олеся осмотрелась. Возле комнаты, из которой она вышла, висел гобелен. Она даже забыла о боли. Вокруг потонувшего в тумане величественного замка развернулось жестокое сражение. Мастерница не поленилась вышить десятки разноцветных стягов и знамен, крошечные фигурки воинов — живых и убитых, и брызги крови, летящие в разные стороны. Олеся казалось, что она слышит крики храбрецов, обороняющих замок и даже чувствует гарь от костров.

— Госпожа! Вы очнулись?!

Олеся вздрогнула и начала оглядываться, застигнутая врасплох и пойманная с поличным.

— Что ж вы вышли, не одевшись? Простудитесь ведь! Еле лихорадку от вас отвели, а вы разгуливаете тут едва ли ни голышом. Ох, да что я распинаюсь... Болезная ведь...

Олеся глупо смотрела по сторонам, пытаясь понять, к кому обращается невысокая шустрая девица в забавном чепце и платье, вышедшем из моды лет четырехста назад. Поджав губы, девица смотрела прямо на нее. Едва шевеля языком, Олеся с трудом выдавила из себя два слова:

— Где я? — В низком хриплом шепоте Олеся едва узнала свой голос.

Она не успела подумать, почему он звучит иначе — девица в старомодном платье изменилась в лице. Она смешно открыла рот, а белесые брови поползли так высоко, что скрылись под чепцом.

— Говорит... Чудная говорит... Простите, госпожа! — Девица бухнулась перед Олесей на колени и согнулась в три погибели. — Простите, дуру! Сама не ведаю, что несу.

Олеся опасливо отодвинулась. Она точно в какой-то клинике. С очень странным персоналом. Может, это часть какой-нибудь современной терапии? Сделав еще один неловкий шаг назад, она повторила свой вопрос:

— И все-таки, где я?

Да что ж такое с голосом? Как будто совсем не ее. Олесе свой голос не очень нравился. Слишком высокий и какой-то детский, что ли. Сейчас он хоть и звучал хрипло, едва слышно, но стал более женственным. Наверное, вдобавок ко всему она еще и простуду подхватила. Девица немного разогнулась и подняла голову:

— Так в крепости вы, знамо дело! У господ Батьяни. Вас госпожа Адрианна по дороге сюда нашла. Три дня сама лично выхаживала. Мы уж думали вы все... того... Даже за супругом вашим послали... Ну... чтоб... в последние ваши минуточки рядом был...

Олеся нахмурилась. Ее «супруг» сейчас уже наверное нежится на тропических островах с длинноногой любовницей, попивая разноцветные коктейльчики. Сердце неприятно кольнуло при воспоминании о его предательстве. Ничего, она сильная. Если после такой аварии выжила, то его измену уж как-нибудь точно переживет. Но что-то еще в словах странной медсестры или кем там была эта девчонка, неприятно царапнуло. Где она сказала находится клиника? Какие-то еще господа... Точно, частная! И во сколько уже обошлось ее лечение? Нужно выбираться отсюда. Чем скорее, тем лучше. Если она не хочет всю жизнь оплачивать трехдневное пребывание здесь. Все еще чужим голосом Олеся как можно тверже заявила:

— А где врач? Мне нужно выписаться. И поскорее.

Глаза медсестры превратились в две круглые монеты.

— Простите, госпожа... Что вам нужно?

— Маргит!

Из комнаты, где Олеся очнулась, выбежала Белоснежка. Вид у нее был заспанный и встревоженный. Красивая прическа растрепалась. Она придерживала подол платья, который путался в ногах, и испуганно озиралась по сторонам.

— Маргит! Ох, вот ты где! Как же я испугалась! Дорогая моя... — Белоснежка кинулась к ней и сжала в крепких объятиях. Олесю обдало душистой волной сладкого цветочного аромата.

— Нана, дуреха, ты что тут устроила?! — Белоснежка отстранилась и сурово взглянула на медсестру.

Девица на коленях совсем распласталась на полу:

— Простите, госпожа... Я ничего дурного не делала... Шла порядки наводить, а тут госпожа Маргит одна в коридоре...

— Встань, глупая! И немедленно передай поварихе, чтобы сготовила завтрак. — Белоснежка повернулась к Олеся. — Идем, милая. Тебе нужно вернуться в кровать. Ты до конца еще не оправилась.

На этот раз тон ее был нежным и ласковым. Как будто мать к заболевшей дочери обращалась. Олеся покорно пошла за черноволосой красавицей, снова утратив дар речи. Ее мозг с трудом соображал, не справляясь с огромным объемом информации. Кажется, ее считали некой Маргит. Как бы то ни было, в странной психушке она оказалась по глупой и нелепой ошибке. И чем скорее все выяснится, тем лучше. Вдруг, эта Маргит опасна для людей? Бродит сейчас где-нибудь с ножом в руках, или еще что похуже... Очевидно, что она помешана на старине. Видимо, в клинике для нее создали антураж, на котором она повернута. А это снова возвращало к вопросу оплаты Олесяного лечения. Она и так концы с концами еле сводила и даже не представляла, в какую сумму выльется ее трехдневный отдых в таком месте. Оставалось надеяться, что родственники Маргит адекватные люди и не потребуют от нее возмещения ущерба. В конце концов, не Олеся вина, что ее с кем-то перепутали, пока она была на грани жизни и смерти. Все эти мысли пролетели со скоростью света, не смотря на тихий шум в голове.

— Все, милая, вот и пришли. Давай я тебя уложу, и ты еще немножко отдохнешь, пока не принесут завтрак.

Олеся, наконец собралась с силами и хрипло выдавила:

— Я не Маргит.

Белоснежка, пытающаяся уложить Олеся в кровать, вдруг ойкнула и выпрямилась. Ее лицо до странного стало похожим на лицо медсестры в чепце. Рот так же забавно открылся, а брови поползли вверх.

— Великие небеса... Маргит... Ты можешь говорить?..

И что в этом странного?! Конечно, может. О! Какая же она глупая! Наверное, пропавшая Маргит немая. Ну тогда тем более, все быстро разрешится. Олеся кивнула. Стараясь совладать с непослушным языком, она старательно объяснила:

— Да, я могу говорить. И я не Маргит.

Белоснежка забавно моргнула.

— Ох, милая... А я понадеялась, что ты излечилась от своей болезни...

Олеся начала терять терпение.

— Вы не понимаете... Наверное, вы меня с кем-то перепутали. Я — Олеся.

Белоснежка покачала головой и погладила ее по голове.

— Бедная моя... И имя-то какое чудное выдумала. Ты меня не помнишь?

Олеся отодвинулась.

— Конечно, не помню. Потому что я вас не знаю...

Она неожиданно замолчала и опустила взгляд вниз. По плечу и грудь струилась угольно черная волнистая прядь. Олеся коснулась гладкого локона. Ее бросила в жар, по спине скатилась капелька пота. У нее волосы были короткими, едва доставали плеч. Как только выяснилось, что Андрей ей изменяет, Олеся пошла в парикмахерскую и подстриглась — словно срезала старую жизнь. Сейчас волосы были еще длиннее, чем раньше, доставали до талии. Неужели она лежала в коме? Но не пять же лет?! Олеся сползла с кровати и осмотрелась:

— Мне нужно зеркало.

Белоснежка указала пальцем на столик, который Олеся увидела, едва пришла в себя. Над ним стояло зеркало в серой раме с искусной резьбой. Олеся бросилась к зеркалу и замерла, как будто врезалась в невидимую преграду. Волосы были заплетены в длинную толстую косу, из которой выбилось несколько прядей, завивающихся крупными кольцами. Ее волосы никогда так красиво не вились. Чаще всего они висели прямыми сосульками. Но даже не это было странным. В зеркале отражалась и она, и не она. Олеся шагнула ближе, почти уткнувшись носом в собственное отражение. Ее глаза... Один, как и прежде, был голубой. Второй же стал карим! От виска до подбородка тянулся некрасивый шрам с рваными краями. Олеся обернулась к Белоснежке:

— Что с моими глазами?!

Белоснежка вздрогнула и испуганно развела руками:

— Я не знаю... А что не так?

— Они разные! У меня голубые глаза.

— У тебя карие...

Олеся в ярости повернулась обратно к зеркалу. Нет, не карие и не голубые. И волосы... И голос изменился. Что с ней произошло?

В зеркале отразилось встревоженное лицо Белоснежки. Она остановилась за Олесиной спиной и заглянула ее отражению в глаза:

— Действительно, разные... Но раньше они точно были карими.

— Нет! — Олеся гневно обернулась. — Они были голубыми — мне лучше знать. Вы вообще кто?!

— Я — Адрианна. Неужели ты меня не помнишь?

Олеся покачала головой:

— Я вас даже не знаю.

— Я — сестра Миклоша, твоего мужа.

Олеся тяжело вздохнула. В голове снова начинал шуметь прибой.

— Моего БЫВШЕГО мужа, — Олеся выделила чужим голосом слово «бывшего», — зовут Андрей. И у него нет сестры. Я не Маргит.

— Конечно же, ты Маргит. Просто... Просто не помнишь ничего...

Дверь распахнулась, и вошла давешняя девица в уродливом чепце. За ней следовала еще одна, одетая точно так же.

Белоснежка, назвавшаяся Адрианной, хлопнула в ладоши:

— Ну, наконец-то! Почему так долго?! Совсем распустились.

Девушки быстро поставили нагруженные подносы на комод и поклонились, опустив головы:

— Что-то еще, госпожа?

— Нет. Ступайте.

Обрадованные, что избежали нагоняя, они вылетели прочь. Олеся проводила их взглядом и снова взглянула на «госпожу».

— Где я нахожусь?

Адрианна подошла к Олесе, ласково взяла ее за руку и вновь подвела к кровати.

— Возвращайся обратно, тебе нужно поесть, восполнить силы. А я все расскажу.

Адрианна говорила тихо и ласково, как с капризным ребенком. Олеся взобралась на кровать.

— Вы не понимаете. Я не должна здесь находиться. У меня нет денег на лечение.

Адрианна улыбнулась и покачала головой:

— Бедная моя девочка... В твоей голове все перепуталось. Но ничего страшного. Я тебе все-все расскажу! Как же хорошо, что ты теперь говоришь. Это чудо. Наверное Морозный Дед решил сделать Миклошу и всем нам подарок. Теперь мы можем тебя слышать.

И снова внутри что-то неприятно царапнуло, когда Адрианна произнесла незнакомое имя. Ах да, кажется это брат Адрианны. И муж Маргит. Как же еще объяснить этой упрямой Белоснежке, что она не ее родственница. Олеся предприняла еще одну попытку:

— Послушайте, я не Маргит. Я — Олеся. И у меня нет денег, чтобы лечиться здесь. Я даже не знаю, как сюда попала...

Адрианна кивнула. На ее лице было написано сочувствие.

— Не переживай, милая моя. Сейчас я все тебе расскажу. Но сначала ты должна съесть этот чудесный бульон. — Олеся приняла из рук Адрианны чашку. — Смелее. Тебе нужно восстановить силы.

Адрианна подтолкнула чашку к губам Олеси, а сама отломил кусочек ароматного хлеба. У Олеси заурчало в животе. Адрианна понимающе улыбнулась.

— Мы нашли тебя на дороге к Дьекельни. Ты пролежала в лихорадке три дня. Врач даже думал, что не спасем. Я сразу же послала за Миклошем — он о тебе так заботится всегда, стоит тебе заболеть... Но почему-то до сих пор не приехал. — Адрианна нахмурилась, протягивая Олесе хлеб.

Олеся выпила весь бульон. На удивление он оказался очень вкусным. Откусив кусочек мягкого хлеба, она спросила:

— Что такое Дьекельни?

Адрианна покачала головой и улыбнулась:

— Княжество нашей семьи.

Олеся перестала жевать, открыв от удивления рот.

— Княжество? Мы не в России?

Настала очередь Адрианны удивляться:

— Что такое Россия?

Олеся пыталась рассмотреть на ее лице признаки игры. Если она и притворяется, то делает это мастерски.

— Это страна... В которой мы живем. Ну, то есть, я живу...

Адрианна покачала головой:

— Ты живешь в Бергандии. Родилась и выросла здесь. В деревне Нокдис. Она находится у восточной границы Дьекельни. Три года назад, мой брат, Миклош, ездил на охоту. Он увидел тебя и сразу же влюбился. С тех пор вы женаты.

Олеся не верила своим ушам. Ну прям история Золушки! Глупость какая-то. Она тоже познакомилась с Андреем три года назад. Наверное, их брак был большой ошибкой. Огромнейшей. Она верила, что их жизнь будет похожа на сказку. А оказалось, что это глупая мелодрама. Неинтересная и скучная. Развод был правильным решением. В Новый год Олеся собиралась войти свободной от груза измен и предательства. А оказалась в психушке...

Адрианна по-матерински улыбнулась:

— Вспомнила?

Олеся покачала головой. С ней совершенно точно происходит какая-то чертовщина. Волосы, глаза, голос — все это как будто принадлежало и ей, и не ей. Как за трое суток она умудрилась так измениться?! И эта ужасная клиника... Олесе вдруг стало страшно. А что если ее уже напичкали какими-нибудь лекарствами и еще неизвестно чем. Адрианна продолжала на нее смотреть со странной смесью восторга и ожидания. Олеся покачала головой и тихо прошептала:

— Я хочу домой.

Адрианна сжала ее руку:

— Не переживай. Ты уже дома. На Проводы Старого года мы всегда собираемся здесь. А после праздника Миклош отвезет тебя в ваше поместье.

Перед глазами мелькнуло красивое мужское лицо. А по позвоночнику пробежал озноб. Кто это? И почему стало так страшно?! Олеся пыталась сообразить, что происходит. Может, ее разыгрывают? Она участвует в театрализованной постановке? Это какое-то реалити-шоу? Адрианна радостно хлопнула в ладоши:

— Теперь, когда ты можешь говорить, все наладится. Это самое настоящее чудо. Подарок от Морозного Деда. Просто из-за болезни ты... не совсем понимаешь, что происходит. Но я помогу тебе вспомнить.

Олеся слушала болтовню Адрианны, с трудом улавливая смысл.

Она и раньше могла говорить. И какой еще Морозный Дед? О-о-о... Она угодила в секту. Сейчас они добрые и понимающие, забивают ей голову всякой ерундой, наверняка оплатили лечение. А потом... Потом потребуют возместить убытки. А когда окажется, что у нее ничего нет, то заставят продавать квартиру и еще неизвестно что. Нужно выбираться отсюда. Немедленно. Олеся тряхнула головой:

— Мне нужно... Я хочу...

Адрианна терпеливо ждала, что она скажет. Выглядела она так, словно смотрела на своего малыша, который впервые произнес «мама». Олеся одновременно пыталась справиться с головокружением и подобрать правильные слова.

— Мне нужно подышать свежим воздухом.

Адрианна нахмурилась:

— Не знаю, можно ли тебе... Ты еще не оправилась от болезни.

Ну вот, началось! Похоже, ее решили держать взаперти, чтобы не сбежала. Что делать? Что делать? Что делать?! Олеся упрямо сжала губы и спросила в лоб:

— Вы собираетесь держать меня здесь под замком?

Адрианна, не ожидавшая такого напора, мотнула головой:

— Нет. Конечно, нет, милая... Но ты три дня лежала в лихорадке. И неизвестно, что с тобой случилось до этого. У тебя на спине и щеке раны. Ты не помнишь, как их получила?

Олеся нахмурилась. Некрасивый порез на щеке она увидела в зеркале. Но что произошло с ее спиной? Она не чувствовала боли или дискомфорта. Единственное, что она ощущала — страх. Страх из-за тех изменений, которые с ней произошли. Почему ее голос теперь звучит иначе? Когда волосы успели стать такими длинными? И каким образом один глаз поменял цвет? Адрианна снова погладила Олеся по руке.

— Мы с тобой обязательно сходим погулять. Давай вечером? Прогулка перед сном. Съездим в деревню, посмотрим, как местные готовятся к Проводам Старого года.

Глава 3

Если они действительно куда-то поедут, — это возможность сбежать. Может, удастся выпросить у кого-нибудь телефон и позвонить... А кому она позвонит? Не в компанию же, где работает, в самом деле! В полицию! Точно. Вот глупая дуреха. Полиция должна ведь помочь. Хотя, ее могут просто не принять всерьез. Уж не очень она верила в правоохранительные органы. Ладно, разберется на ходу.

— Хорошо, давай вечером.

— Замечательно! — Адрианна хлопнула в ладоши и поднялась. — Я сейчас пойду и проверю, как крепость готовят в гуляниях, а ты пока отдохни еще немного. Поспи. Лекарь сказал, что ты слишком слаба. А после я прикажу приготовить ванну. И служанки подберут кое-какие из моих платьев, которые тебе подойдут.

Олеся скептически осмотрела наряд Адрианны. Она согласна и на джинсы. Но чтобы не вызывать лишних подозрений, просто кивнула. Ей нужно спровадить Белоснежку, а самой внимательно все здесь изучить. А вдруг ее снимает скрытая камера? Ой, да и плевать. Это нормально, когда человек осматривает незнакомое место.

— Тогда я пошла. — Адрианна вдруг наклонилась и обняла Олеся. — Я так рада, что ты пришла в себя. Да еще и говоришь!.. Даже не представляю, как обрадуется Миклош. Это действительно чудо. Все, спи. К празднествам ты должна полностью выздороветь.

Адрианна подхватила поднос и выскользнула из комнаты. Олеся осталась в одиночестве, напряженно прислушиваясь, не повернется ли ключ в замке. Но нет. Дверь с тихим стуком закрылась. Шаги Адрианны становились все глуше. А у Олеся снова неприятно кольнуло в груди. Миклош... Кто он такой? И почему ей становится страшно, при одном только звуке его имени? Ах да, муж Маргит. То есть ее муж. Все, она окончательно запуталась. Либо ее действительно принимают за немую и, судя по разговорам, сумасшедшую женщину. Либо пытаются свести с ума.

Превозмогая слабость, Олеся снова выбралась из кровати. Она осталась одна, дверь не заперта. И если никто не караулит ее снаружи, то она может попытаться выбраться отсюда прямо сейчас. Но сначала нужно хорошенько осмотреться. Кажется, она переоценила свои возможности. Силы таяли. Ей было все тяжелее оставаться на ногах. Но если она позволит себе расслабиться, то возможно навсегда потеряет шанс сбежать отсюда. Олеся подошла к окну и выглянула. Что ж, похоже она действительно находится в крепости. Ей была видна квадратная белая башня с темно-красной крышей и узкими окошками. Все остальное пространство было занято густым хвойным лесом. Островерхние макушки словно пики торчали из земли, укрытые толстым слоем снега. Наверное крепость располагалась в горах. И это вызывало еще больше вопросов. Возле города и близко не было никаких гор. Олеся прижалась лбом к прохладному стеклу. В какую передрыгу она умудрилась попасть? Почему накануне Нового года вместо чудес с ней случилось все это?! Предательство мужа, развод, проблемы на работе, психушка в чертовом замке. Нужно выбираться отсюда! Олеся резко отстранилась от окна. От неловкого движения спину прострелило болью. Как будто чьи-то острые когти прошлись по коже. Олеся метнулась к зеркалу и обернулась. На тонкой белой ткани ночной рубашки, в которую она была одета, алели тонкие полоски крови. Олеся неловко стащила сорочку с одного плеча. На несколько секунд сердце перестало стучать. Кровь зашумела в ушах, и комната закружилась, будто была каруселью. Вдоль позвоночника тянулись три длинные уродливые отметины. Олеся дернула ткань еще ниже. Жуткие раны только начали затягиваться, но от резких движений края кое-где разошлись. Теперь из них сочились вишневые капельки крови. По спине растекалось горячее болезненное жжение. Ей нужны обезболивающие. Почему эти порезы никто не зашил? Ох, какая теперь разница?! Нужно убираться отсюда. Может, над ней вообще решили поставить какой-нибудь эксперимент? Узнали, что она одинока. Искать ее никто не будет. И вот... Олеся потрясла головой. Нужно избавиться от этих мыслей, взять себя в руки и... Сделать хоть что-нибудь. Сперва она решила обследовать ящики комода. Если она хочет сбежать отсюда, то ей нужна теплая одежда. В комод обнаружился еще десяток сорочек, что-то ужасно напоминающее корсет, бесчисленное количество шерстяных гольф и... Кажется, это были плащи. Судя по капюшонам и теплой, бархатистой подкладке. Ладно, пока хватит и их. Олеся вытащила первые попавшиеся гольфы, плотные и черные, и натянула на ноги. Что ж, стоит признать, что если это и психушка, то к лечению пациентов здесь подходят со знанием дела. Гольфы оказались чулками. Они доставали до середины бедра и явно нуждались в подвязках. Если она еще и не чокнулась, то уже в шаге от этого. Незнание и абсурдность происходящего способны довести до потери рассудка. Олеся накинула на плечи плащ. Темно-зеленая ткань с вышитым переливающимися нитками цветочным узором, огромный капюшон, прорези для рук... Такую одежду можно было увидеть разве что в фильмах про принцесс и драконов. Лучше не думать, в какую передрыгу она попала. Сражаясь с усиливающейся болью в спине, Олеся осторожно открыла дверь и выглянула наружу. В коридоре никого не было. Тишина и все тот же сумрак. Олеся выскользнула из спальни и снова осмотрелась. Странно, почему у нее такое ощущение, что она уже здесь бывала? Не в тот раз, когда впервые пришла в себя, а еще раньше. В памяти всплывали мутные расплывчатые картинки, как она куда-то бежит по этому самому коридору. Повинуясь непонятно откуда взявшимся воспоминаниям,

Олеся повернула влево. Медсестра, встреченная здесь, пришла с другой стороны. Но Олеся почему-то тянуло в совершенно другом направлении. Сейчас она дойдет до поворота и увидит там висящий на стене стяг — зеленый, немного выцветший, с изображением вороны. Олеся испугано вскрикнула, когда коридор изогнулся, и за поворотом действительно обнаружилось старое знамя. Откуда она могла это знать?! Олеся остановилась напротив потрепанного полотнища. Ворон держал в когтях вышитую серебряными нитками монету с каким-то странным символом. В его клюве было зажато что-то круглое. То ли ягода, то ли орех. Она всматривалась в изображение птицы, пытаясь понять что-то важное и совершенно забыв о своем замысле. Звук шагов и тихие голоса привели в чувство. Сейчас ее обнаружат! Олеся в панике огляделась. Ей нужно спрятаться, если не хочет быть запертой и обколотой наркотой. Или чем там умиротворяют буйных беглецов. Дальше по коридору виднелось углубление. Олеся побежала к нему, волоча за собой тяжелый подол. Помимо воли она глазела по сторонам. В толстой стене еще одно маленькое окно, затянутое инеем. Огромная темная картина. Вот и ниша. В ней оказалась скрыта дверь. Без раздумий Олеся надавила на ручку и юркнула внутрь. Тихонько прикрыв дверь, она прислонилась к ней ухом и прислушалась. Голоса звучали глухо, но вполне отчетливо. Олеся опустила на колени и заглянула в замочную скважину. Туда-сюда мелькали длинные серые юбки — совсем как у той девицы, которая назвала Олеся «чудной». Девушки о чем-то переговаривались, но тяжелая дверь и стук собственного сердца в ушах мешали расслышать их речь. Похоже, они собирались наводить порядок. Несколько из них опустили на колени и принялись оттирать пол. Олеся едва не застонала от отчаяния. Вот же дура! Если бы не застряла у знамени с вороном, давно бы была далеко отсюда. А теперь... Оставалось надеяться, что девушки не зайдут в комнату. Спина вновь начала болеть. Стараясь не шуметь, Олеся тихонько выпрямилась и осмотрелась. Непонятно, сколько ей придется здесь находиться, и будет лучше, если она придумает, где спрятаться. На всякий случай. Что ж, стоит признать: она действительно попала в переделку. Это тоже была спальня. Только если она пришла в себя в нежном голубом облаке, то это был мрачный темный подвал. Стены обитые красно-коричневым деревом с вырезанными узорами. В небольшой нише расположилась узкая кровать, явно рассчитанная на одного человека. Олеся подошла ближе. Кровать стояла на возвышении! Чтобы взобраться на нее, нужно было подняться по двум ступенькам. Тяжелый парчовый полог был собран у резных столбиков. Насыщенно зеленый, с желтоватыми переливами. Из окон лился мутный серый свет. Какого бы пациента здесь не держали, по статусу он был явно выше Маргит. И как ее угораздило? Нужно бежать... Бежать, пока не поздно. Пока у нее еще есть шанс. Олеся опасливо приблизилась к двери и заглянула в замочную скважину. Уборка была в самом разгаре. Ей не выйти. Придется переждать здесь. Ладно, ничего страшного. Адрианна несомненно ее хватится, уверенная, что Олеся спит. А значит, она действительно может отдохнуть. Только бы никто не зашел сюда. Нужно здесь все хорошенько осмотреть, но у нее больше не было сил. На Олеся навалилась жуткая слабость. Колени подгибались. Возле окна стояло кресло с высокой спинкой. Олеся опустила в его мягкие объятия, подобрала под себя ноги и закуталась в плащ, как в одеяло. Она совсем немножко отдохнет, а потом снова... Веки сами собой опустились на глаза, и Олеся провалилась в сон.

— Габор!

Олеся вздрогнула и открыла глаза. Сердце бешено стучало в груди. Волосы прилипли к влажной коже. Где она?

— Выслушай же меня!

Знакомый голос. Олеся потерла глаза и огляделась. Воспоминания нахлынули шумным потоком. Вот черт! Она же пыталась сбежать. И уснула. В первой попавшейся комнате. А теперь здесь кто-то был.

— Я переживаю за Маргит! С ней случилось что-то ужасное.

Да это же Адрианна. Что она здесь делает? Она уже поняла, что Олеся сбежала или еще нет? Олеся сжалась в комок. От этого раны на спине обожгло огнем. Кажется, снова выступила кровь. Олеся закусил губу, чтобы не всхлипнуть от боли. Высокая широкая спинка кресла скрывала ее от Адрианны. Но кажется та была не одна. Уверенные шаги принадлежали ее молчаливому собеседнику. Если они не подойдут к окну, то не увидят ее. А значит, у Олеся будет шанс не только сбежать, но и подслушать разговор. Вдруг, они проговорятся о том, зачем она им нужна. Олеся замерла, боясь даже дышать.

— Габор!

— Чего ты от меня хочешь?

Олеся нахмурилась. Знакомый голос. Очень... Она его уже слышала. Кровь забурлила в венах.

— Чтобы ты во всем разобрался. Я нашла Маргит по дороге сюда. Она была вся в крови, едва не умирала. А когда пришла в себя, то заговорила! Это чудо, настоящий подарок. Но она ничего не помнит. Называет себя другим именем, выдумала какую-то страну. И глаза у нее стали разного

цвета! Слуги уже начинают шептаться, что это происки демонов. Некоторые говорят, что она мечена Крампусом, и принесет крепости несчастье.

— Со слугами я разберусь. Но все остальное... Адрианна, Маргит — умалишенная. Это странно, что она до сих пор не кинулась ни на кого с ножом.

Одновременно знакомый и незнакомый голос повторял ее собственные мысли об этой загадочной девушке. Она действительно была сумасшедшей. Но больше Олеся пугало другое: Адрианна говорила так, словно... Словно все происходящее здесь совсем не часть лечебной терапии. И она не была похожа на обеспокоенную состояние пациента медсестру. В душу закралось дурное предчувствие. Мужской голос, низкий, красивый, но неумовимо жесткий прервал ее размышления:

— Я не хочу, чтобы ты общалась с ней. По крайней мере, не оставайся с ней наедине. Неизвестно, что взбредет ей в голову.

— Как ты можешь так говорить?! Она — жена твоего брата. Часть нашей семьи.

— Миклош сам сделал свой выбор. Никто его не заставлял брать в жены чокнутую.

— Габор! Он же твой брат!

— Ну и что?

Чем больше он говорил, тем больше в Олеся разрасталась жгучая неприязнь. Очевидно, это еще один брат Адрианны. И очевидно, что он не очень-то жалуется бедную Маргит. А еще очевидно, что именно в его руках сосредоточена огромная власть. Олеся улавливала в его голосе приказные ноты. Это был человек, привыкший управлять и повелевать. Кого-то он ей напоминал. Но вот кого? Олеся напряженно вслушивалась в каждое словечко. Но все, что могла понять, лишь то, что эти люди действительно верят в то, о чем говорят. Крепость, демоны... Где она оказалась?!

Адрианна ходила из стороны в сторону. Ее легкие шаги и шелест подола по полу нервировали. А вдруг, она заглянет за кресло? Или решит присесть? Но Адрианна продолжала метаться по спальне, не приближаясь к окну.

— А еще она не помнит Миклоша. Как такое может быть?! Между ими точно что-то происходит. Когда я заговариваю о нем, у Маргит лицо меняется. Она сразу бледнеет и... Даже не знаю как сказать... В раковину прячется. И Миклош куда-то пропал. Я послала за ним, но слуги сказали, что он уехал. Мне кажется, они поссорились. Ты должен разобраться в этом.

— Может Миклош сам разберется со своей женой? Хотя бы это он должен сделать самостоятельно.

Послышался странный шорох, затем — лязг металла. Что-то тяжелое бросили на кровать. Олеся совсем перестала дышать.

Адрианна упрямо продолжала стоять на своем. И дался ей этот Миклош! Олеся начала раздражаться, как будто действительно была обиженной женой.

— Нет, не разберется. Я же вижу: что-то не так. Он до сих пор не приехал. А ведь с Маргит случилась такая беда. Он всегда был рядом, когда она заболела.

— Адрианна, чего ты хочешь?

— Ну хотя бы поговори с ними!

— О чем? Мне усадить их перед собой, как двух молодых людей и рассказать, что происходит в первую брачную ночь? — Олеся с трудом удержалась, чтобы не хихикнуть.

И вместе с тем она испытывала раздражение. Что-то в этом Габоре ее злило.

— Габор! Какой ты... жестокий! Ты просто обязан во всем разобраться. Поговори с Миклошем по-мужски. А я спрошу у Маргит. Может у них... Ну... определенные проблемы... и...

Олеся поняла, что Адрианна смущается. Наверное, она имела ввиду секс, и говорить с братом об этом ей было жутко стыдно. Боясь пошевелиться, она еще сильнее сжалась в комок и наострила уши. Боль снова прострелила спину, но Олеся продолжала сидеть неподвижно, старая дышать как можно тише.

— Хорошо, я поговорю с ним.

— Ох, замечательно! Ты самый лучший брат на свете! Я всегда это знала. Теперь я могу спокойно готовить крепость к Проводам Старого года. Здесь столько всего нужно сделать. Ты превратил замок в мрачный склеп.

Снова шаги, шорох и скрежет металла.

— Ходят слухи, что нечисть разгулялась сильнее, чем обычно. Путешествие было опасным? — Голос Адрианна смягчился. В нем слышалась искренняя тревога.

— Ничего необычного. Пару раз кто-то мелькнул в лесу, но близко не подходил.

— Демоны? Крампусы?

— Не думаю, что это что-то серьезное. Не переживай.

— Как я могу не переживать? Ты опять ехал без охраны! И это ужасное нападение на Маргит. Я боюсь, что она тоже могла стать жертвой демона. Кто знает, что он с ней сделал! Она совсем не в себе.

— Адрианна, она всегда была не в себе.

Олеся насторожилась. Совершенно очевидно, что невидимый Габор недолюбливал Маргит. Наверное, она его раздражала своей болезнью. Но ведь вины девушки в этом не было. Неожиданно ей стало ужасно обидно за несчастную незнакомку. Обидно настолько, что захотелось выбраться из своего укрытия, взять что-нибудь тяжелое и как можно больнее ударить этого бесчувственного придурка по голове. Чтобы вставить мозги на место.

— Но теперь она говорит! И глаза... Ты бы видел. И она вовсе не похожа на сумасшедшую. Кажется вполне разумной, не считая своих фантазий о выдуманных странах...

— Что ж, либо она хорошо притворялась и умело провела нас всех, либо, — он издевательски хмыкнул, — свершилось долгожданное чудо.

— А что если слуги правы, и она действительно отмечена демоном?

Олеся даже предположить не могла, что это значит, но от того, каким тоном Адрианна задала непонятный вопрос, стало жутко.

— Я разберусь. Не оставайся с ней наедине. И это не просьба.

— Ты — мой брат, но приказывать мне не имеешь никакого права.

— Имею. И ты будешь меня слушаться. Либо я силой упрячу тебя туда, куда не доберется ни один демон.

— Это глупо!

Он ничего ей не ответил. Олеся сжала ладони в кулаки. Забота о семье не могла не вызвать уважение. Но его совершенное равнодушие к больной женщине, неспособной позаботиться о себе, выводило из себя. Да ей вообще какая разница, что у них тут происходит?! Нужно придумать, как выбраться из этой секты и бежать так далеко, как только сможет. От людей, которые всерьез рассуждают о демонах и разгуле нечисти, не следует ожидать ничего хорошего.

— Это не шутка, Адрианна.

— Но...

— Если ты не возражаешь, я бы хотел отдохнуть с дороги.

— Ты просто невыносим! Отдыхай. Но будь готов вечером сопровождать нас с Маргит на прогулке в деревню.

— Как скажешь, сестра. — В низком голосе в который уже раз звучала насмешка.

Олеся никак не могла вспомнить, где его слышала. Властный, не терпящий возражения тон, был ей знаком. Но было что-то еще. Мягкий раскатистый тембр, низкий, завораживающий, как тигриное урчание. Тело от него странным образом расслаблялось, и хотелось поджать пальцы на ногах. Олеся тут же себя отругала. Ну и глупости лезут в голову! Растаяла от мужского голоса, как девчонка. Тихий шорох платья и быстрые шаги. Открылась и закрылась дверь. Кажется, Адрианна ушла. Нужно выбраться. Но как? Пока ее братец здесь, у нее нет шансов. Что же делать? От попытки найти выход заболела голова.

Она не сразу поняла, что в комнате стало тихо. Не раздавалось ни звука. Может, этот Габор тоже ушел, а она не услышала? Олеся попробовала осторожно выглянуть из-за спинки кресла. В тот самый момент, когда она чуть наклонила голову, щеки коснулось холодное длинное лезвие. Сердце забило как сумасшедшее. По спине побежала капелька пота, скатилась в длинную рану, и ту

нешадно защищало. Холодный голос насмешливо произнес:

— Это подарок к моему возвращению?

Олеся выпрыгнула из кресла, удивляясь собственной скорости.

— Маргит? Что вы здесь делаете?

Она взглянула на брата Адрианны и перестала дышать. Напротив нее стоял ее ненавистный начальник. Или нет? На нем не было привычных очков. А в темных волосах таинственно мерцала серебристая седина. Щеки и подбородок покрывала темная щетина. Раньше ее никогда не было. Он опустил саблю, и Олеся только сейчас заметила его странную одежду. Длинный кожаный плащ, черный жилет или сюртук, с бордовой вышивкой, черная рубашка. Десятки ремней, ножны и кажется даже старинный пистолет. Господи! Да он главарь всего этого маскарада.

— Это все вы! Вы притащили меня сюда! — Олеся бросилась на него, не обращая внимание на острие сабли.

Он быстро опустил оружие и удивленно поднял брови:

— Вы действительно можете говорить...

Олеся подскочила к нему и со всей силы ударила кулаком в плечо:

— Конечно, могу! И вы прекрасно знаете об этом! Что вы затеяли?! Зачем все это?!

Олеся колотила его по груди, стараясь ударить как можно больнее, чтобы ощутил хоть толику тех мучений, которые пережила она. Лязг металла привел в чувство. Он отбросил оружие на пол и обхватил ладонями ее запястья. У него были обжигающе горячие руки. От прикосновения плавилась кожа и дрожали колени.

— Успокойтесь! — Он встряхнул ее, как тряпичную куклу, словно она ничего и не весила.

— Что здесь происходит? Я не собираюсь участвовать в вашей секте извращенцев. Верните меня обратно!

Олеся попыталась вырвать руки из его хватки, но он дернул ее на себя, прижимая к твердому телу.

— Тише, Маргит. Успокойтесь. Это же я... Я вас не обижу...

— Я не Маргит! И вы это знаете. Зачем этот спектакль?

Олеся сопротивлялась твердым объятиям. Из нее будто вытекали последние силы. Двигаться становилось все сложнее. Руки и ноги отяжелели. Она оказалась в клетке его рук и груди, прижатая к мягкой ткани и твердым мышцам под ней. Запах мороза, можжевельника и натуральной кожи. Он просочился в Олесю, смешиваясь с кровью. Она жадно втянула в себя еще и еще. Ничего лучше в жизни не ощущала. Как будто кто-то создал идеальный аромат мужчины. В голове словно мотыльки трепыхались слабые мысли: нужно остерегаться этого мужчины... Он задумал что-то плохое... И втянул в это ее... Но он так приятно пах. И был таким теплым. А она ужасно замерзла, сидя в дурацком кресле. Она вдохнет еще разочек, позволит дурману опутать ее изнутри легкой паутиной. Олеся втянула в себя смесь пьянящих ароматов и тихонько застонала. Показалось, что кто-то накинул ей на глаза темную повязку. Олеся почувствовала себя летящий в глубокий колодец, где кроме черноты и холода, ничего больше не было.

Глава 4

Габор успел подхватить Маргит, когда она неожиданно расслабилась и обмякла в его руках. Несколько мгновений он просто стоял, прижимая ее к себе. Понимал, что нужно отпустить, и не мог этого сделать. Она была такой мягкой и нежной. Когда бросилась на него с кулаками, ему пришлось остановить ее. От прикосновения к ее коже Габору показалось, что его хлещут мокрым кнутом. Какого дьявола?! Он и раньше касался Маргит: подавал ей руку, помогая выйти из кареты. Целовал ладонь. Когда она позволяла, конечно. Сумасшедшая девчонка боялась всего и всех. В том числе и его. Так почему сейчас так внезапно осмелела? Осторожно подхватив Маргит на руки, он уложил ее на свою кровать. Ее голова была запрокинута, открывая незащищенную шею. Во рту пересохло. Ему хотелось снова прикоснуться к ней. Дотронуться до маленькой выемки между выступающими ключицами, а потом опуститься ниже. Габор тихо выругался.

Она была сумасшедшей. Чокнутой. И, получив возможность говорить, лишь доказала свое сумасшествие. Но что-то в ней изменилось. Он не знал что, не видел и не мог понять. Но она была совершенно другой. Может дело в том, что раньше она дрожала и забивалась в самый далекий угол, завидев кого-нибудь из людей? Сейчас же стала... дикой. Из робкой тихони Маргит превратилась в сумасшедшую дикарку.

Нужно было позвать врача, прислугу, Адрианну. Нужно было отнести ее в другую комнату. Нужно. Но он почему-то не мог. Стоял над ней, разглядывая спутавшиеся волосы и ссадины на лице. Внутри все перемешалось. Боль сконцентрировалась где-то в животе, оседая там неприятной тяжестью. Иногда он завидовал Миклошу. Брат был свободен в своей жизни. От него никогда и ничего не ждали. Ему не нужно было оправдывать ничьих надежд и нести ответственность за честь семьи. Но сейчас Габор понял, каким идиотом был.

Маргит тяжело дышала, раскинувшись на кровати. Полы плаща разошлись. Тонкая сорочка задралась, обнажая обтянутые чулками ноги. Нужно все-таки кого-то позвать. Нет. Позже. Наверное ее сумасшествие заразно. Потому что он протянул руку и коснулся ее колена. Пальцы сами скользили по ткани вверх. Он заставлял себя убрать руку, но не мог. Задирая рубашку, вел пальцем, пока не коснулся обнаженного бедра. Ее кожа была нежной. Гладкой. Обжигающе горячей. Его сжигали на костре. За все грехи. Пытался и не мог убрать руку. Хотелось прикоснуться к ней везде. Трогать, пока ладони не запомнят каждый изгиб. Чтобы даже в темноте различать все до одной впадинки ее тела.

За свою жизнь Габор натворил немало. Его наверняка проклял ни один десяток человек. И то, что он делал сейчас, — еще одна буква в его смертном приговоре. Но он не мог остановиться. Сумасшествие Маргит перекинулось и на него.

Габор отодвинул плащ, скрывающий ее тело. Тонкая белая материя сорочки обтягивала округлую маленькую грудь. Огонь теперь горел и внутри, пожирая его. Ее соски набухли, и были отчетливо видны. Он знал, что сделает через секунду: нагнется и втянет каждый в рот, чтобы знать, каковы они на вкус. Каково ощущать их языком.

Шум за дверью вовремя остановил. Он успел укрыть Маргит плащом. Не потому что боялся, что ее застанут в его спальне. А потому, что не хотел, чтобы кто-то кроме него видел ее такой.

С момента рождения Миклоша, он завидовал ему. Зря. Единственно важное и ценное в его жизни появилось три года назад. А Габор не разглядел. Не понял. Но сейчас твердо осознал: он хочет жену своего брата. Хочет себе. И обязательно получит.

Он заставил себя отойти дальше. За дверью продолжалась какая-то возня. Должно быть прислуга. Маргит застонала, и он резко обернулся к ней. Она нахмурилась, как будто спала и видела дурной сон. Как она здесь оказалась? Едва он вошел, сразу понял, что в покоях кто-то есть. Во время приездов сестры ее служанки часто пытались пробраться в его спальню. Но он даже и предположить не мог, что это Маргит. Она изменилась. Стала совершенно другой. И дело даже не в голосе, о котором лучше не вспоминать. Мягкий и уверенный одновременно, немного охрипший. Он такой от природы? Или она сорвала его, крича под Миклошем? В животе заворочался клубок змей. Ревность подняла свою гадючью голову и впилась прямо в сердце. Это натуральный идиотизм, но невозможно было удержать сорвавшиеся с цепи мысли: кричать она должна только под ним. С Миклоша хватит и его любовников. Репутация семьи постоянно находится под угрозой.

Габор даже думать не хотел, что будет, если о пристрастиях брата станет известно. Пока Миклош тихо сидел в своем поместье и не высовывался, Габор был согласен закрывать глаза на его «увлечения».

Габор не удержался и снова подошел к Маргит, коснулся пальцами ее щеки. Миклош и так имеет слишком много, не приложив для этого никаких усилий. Он обойдется без Маргит. А Габор — нет. Она до безумия нужна ему. Так, что сводит мышцы. Если братец вздумает помешать, то Габор

лишит его всего. Между ними никогда не было особых родственных чувств. Габор подозревал, что Миклош его всегда ненавидел. Впрочем, это Габор может пережить. И Маргит ему поможет...

Она стала совершенно другой. Еще одно чудо? Габор не смог сдержать усмешку. Только Адрианна могла придумать подобное объяснение. Но он докопается до истины. Раньше Маргит всех сторонилась. Особенно его. Опускала глаза, сутулилась и, бормоча что-то, уходила. Иногда она смотрела на него с ужасом, а затем прятала глаза и невнятно бубнила какую-то ерунду. А сегодня бросилась на саблю, пытаясь в чем-то обвинить. И такая она возбуждала его до дрожи.

Дверь распахнулась и в комнату снова влетела Адрианна. Габор едва успел отскочить от Маргит и закрыть ее своим телом. Сестра выглядела перепуганной до смерти.

— Маргит пропала! Ее нигде нет. Мы не можем найти...

Она заглянула ему за плечо. Габор беззвучно выругался, придумывая правдоподобную ложь.

— Я нашел ее в коридоре. Она лежала без сознания.

— О, бедная... — Адрианна опустилась на кровать и коснулась ладонью лба Маргит. — Жара вроде бы нет. Нужно перенести ее обратно в спальню.

Габор подошел ближе и осторожно поднял Маргит с кровати. Внутри крепло чувство, что она находилась именно там, где и должна была. Но все же он заставил себя спросить:

— Где ты ее разместила?

— В голубой спальне. Надеюсь, ты не против?

Габор пожал плечами, стараясь сохранить невозмутимый вид. Адрианна сделала ему подарок. В северной башне было только две спальни — его и... Маргит. Когда приедет Миклош, Габор позаботится, чтобы брат оказался в противоположном конце замка.

— Нет, конечно, я не против. — Габор шел за Адрианной, стараясь не сжимать Маргит слишком сильно.

Она пахла невероятно. Чем-то цветочным и немного терпким. Мыло? Духи? Габор хотел вдыхать ее запах повсюду. Что с ним происходит?! Может, демоны и вправду наделили Маргит особой властью? И Габору предстоит стать ее первой жертвой. Но не раньше, чем она окажется в его постели. Впрочем, необязательно только в постели.

— Ты меня слушаешь? — Адрианна отворила дверь, пропуская его вперед.

Габор осторожно уложил Маргит на смятые простыни. Без нее в руках сразу стало холодно.

— Ты ни словечка не слышал, да?

Габор укрыл Маргит покрывалом и заставил себя отойти.

— Прости. Ты послала за врачом?

— Нет, он был уже несколько раз. Сказал, что это чудо — что Маргит осталась жива. Похоже, что несколько суток она провела на холоде. Да еще эти ужасные раны... Сказал, нам остается только молиться о чуде.

Что-то неприятно царапнуло в груди.

— Постой... Какие еще «ужасные раны»?

Адрианна замялась.

— У нее... на спине...

Габор быстро перевернул Маргит на живот и стащил плащ. Проклятье!

— Габор, нет! Это неприлично!

— Она истекает кровью.

Тонкая ткань пропиталась кровью и прилипла к коже. Неудивительно, что она упала в обморок.

— Пошли в деревню за Браженной.

— Нет. — Адрианна покачала головой. — Она — ведьма. И я не позволю ей приблизиться к нашей

семье.

Габор начинал терять терпение.

— Лучше не зли меня, Адрианна.

— Если она принесет беды нашей семье, виноват будешь ты.

— Быстрее. — Он старался не кричать на сестру. Голос звучал жутким шипением.

Когда Адрианна, нахмурившись, вышла из спальни, Габор осторожно отлепил окровавленную ткань от спины Маргит. Длинные тонкие полосы лопнувшей кожи. Кое-где они затянулись, но в некоторых местах лопнули и сочились кровью. Он видел такие раны. Много раз. По спине Маргит прошелся чей-то кнут. И будь он проклят, если не найдет того, кто это сделал.

Это сон. Жуткий бесконечный сон. Из которого не вырваться. Олеся не спешила открывать глаза. Она уже знала, что увидит: покрытые резьбой столбики кровати, тяжелый полог, скрепленный шнурками, высокий, как небо, потолок над головой. Психушка? Секта? Параллельная реальность? Ловушка. Она оказалась в ловушке, из которой нет выхода. Под щекой была гладкая мягкая ткань наволочки — не сравнить с дешевым бельем, которое она едва теперь могла себе позволить. Почему бы не насладиться лишнюю минутку комфортом, прежде чем она предпримет очередную бесплодную попытку сбежать отсюда.

— Когда она придет в себя?

— Терпение, мой господарь, терпение...

Сон, как рукой сняло. Олеся прислушалась. Первый голос она узнала сразу же. Теперь не было никаких сомнений, что это ее чертов начальник. Или не он? Просто, кто-то очень похожий? Второй звучал тихо и надтреснуто. По-старушечьи.

— Она слишком долго без сознания.

— Тебя ведь не это волнует, господарь? Совсем не это...

Олеся напряглась. Она лежала на животе, а по измученной спине разливалась приятная прохлада. Раны немного жгло, и ужасно хотелось их почесать, но Олеся заставила себя оставаться неподвижной.

— Нет, это единственное, что сейчас важно. — Красивый уверенный голос.

Почему раньше она никогда не замечала, какой у подлеца бархатистый голос? Слушала бы и слушала.

Старуха рассмеялась.

— По деревне уже ползут слухи, что сумасшедшая Маргит может говорить... Что ее отметил демон... Возможно, сам Крампус...

Олеся не поняла ни одного словечка из сказанного. Вот только при слове «Крампус» в памяти вдруг мелькнула жуткая деревянная маска с рогами, бородой и высунутым алым языком. Она едва не передернулась от отвращения и страха.

— Никто ее не отмечал. Ты знаешь, что я делаю с теми, кто распускает язык. Не болтай глупостей.

Старуха рассмеялась. Как будто что-то трескалось и ломалось. Олеся задышала чаще от волнения.

— Всю деревню не вырежешь, господарь.

— Зачем же резать всех? Достаточно одного... Все остальные быстро поймут, что лучше молчать.

По коже Олеси прошел озноб. Эти люди всерьез говорили об... убийствах?

— Ты жесток, господарь. Хуже многих демонов. Хуже Крампуса.

— Ты здесь не для того, чтобы обсуждать мою жестокость.

Дыхание с хрипом вырвалось из горла. Олеся испугалась, что ее услышат. Кем бы ни был этот мужчина, но это точно не ее начальник. Тот мог оставить без отгула, премии или выбросить в мусорку весь ее труд. Но убивать людей... Голос старухи ворвался в страхи Олеси:

— Кроме излечения от немоты в ней еще что-то изменилось?

— Один глаз стал голубым.

— Хм... Странно...

Олеся очень хотела услышать объяснение невидимой старухи. Опять демоны? Или еще что-нибудь похлеще? Олеся едва не рассмеялась. К каким психам она попала? Или все гораздо хуже?

— А раньше какие были? — Медленные шаркающие шаги, и на Олесю повеяло запахом трав и чего-то еще... Пахло как в аптеке.

— Карие. — Все-таки у этого Габора очень красивый голос. По-настоящему мужской. Уверенный, властный, низкий и неуловимо бархатистый.словно мягкая ткань ласкает тело.

Олеся вновь начала проваливаться в дрему, как вдруг чьи-то пальцы коснулись века и бесцеремонно его приподняли.

— Ай! — Олеся дернулась и попыталась взмахнуть руками.

— Тьфу ты! А госпожа-то уже очухалась!

Олеся проморгалась. Когда разглядела старуху, то от удивления раскрыла рот. Бабка была вся сморщенная, обмотанная в яркие цветастые тряпки. На голове и шее — платки с крошечными золотыми монетками и нитками бисера. С широкого кожаного пояса свисали какие-то странные мешочки и... меховой хвост. Олеся попробовала выбраться из-под груды одеял и отползти от странной старухи. На обнаженное плечо легла горячая мужская ладонь.

— Тише, Маргит. Вам нужно лежать неподвижно.

Олеся дернулась, но сильные пальцы лишь крепче сжали. От них по коже растекалось странное тепло, заставляющее все тело дрожать мелкой дрожью. Олеся подняла взгляд на высокого мужчину. Брат Адрианны. Или начальник. Нет, все-таки они отличаются друг от друга. Серебристая седина волос, внимательный прищур, морщины в уголках глаз. Он был похож на ястреба. Или на ворона. Длинный острый нос, выдающийся подбородок. От него словно исходили волны силы и власти. Уверенности. Олесе казалось, что он подчиняет ее себе одним только гипнотизирующим взглядом. Странное ощущение. Жуткое и пугающее. Будто она становится его послушной, на все согласной куклой. Как он скажет, так и будет. Так она и сделает. Помощь пришла с неожиданной стороны. Скрипучий голос вырвал из власти мужского взгляда:

— Хм... И вправду, разного цвета...

Старуха шагнула ближе, и на Олесю снова обрушился аптечно-травяной запах. Украшения на голове тихонько звякнули.

— Это не метка демона... Но я слышала о подобном...

Старуха подошла ближе к Олесе и сгорбилась, пристально глядя ей в глаза.

— Что это значит? — В голосе Габора слышалось нетерпение.

— Моя бабка рассказывала... Когда в теле поселяется другая душа...

Олесю прошибло холодным потом. Что она несет?! Габор снова в упор посмотрел на Олесю. Ей захотелось укутаться с головой, чтобы спрятаться от его серо-голубых глаз.

Старуха хихикнула.

— Вот так вот! Тело одно, а душа — другая.

Олеся не могла понять, что это значит. Но точно что-то плохое. Иначе почему бабка так злобно улыбается, а Габор сурово хмурится. Он встал между Олесей и старухой.

— Мне не нужны сказки твоей бабки. А еще я не хочу слышать сплетни о том, что ты здесь видела. Иначе останешься не только без языка, но и без глаз. — Габор что-то вытащил из кармана, и Олеся успела заметить яркий золотой блеск. — Это тебе за труды. Тебя отвезут обратно. Скажешь, что я приказал.

Старуха поклонилась. Мешочки и хвост на ее поясе колыхнулись. Старческие глаза слезились, но Олеся смогла разглядеть в них любопытство и что-то еще... Как будто, она знала больше, чем говорила.

— Благодарю, господарь. Вы милостивы. — Старуха еще раз поклонилась, на этот раз Олесе. — Здрaвы будьте, госпожа. Добром поминайте старую Бражену.

Олеся только кивнула, пытаясь справиться с потрясением. «Тело одно, а душа — другая». Что бабка имела ввиду? Старуха зашаркала к двери и проворно нырнула в коридор. За окнами сгущались темные сумерки. Только сейчас Олеся заметила разожженный камин и несколько свечей. Осознание того, что она не в психушке, обрушилось холодной волной. И все эти люди... Они не сумасшедшие. Олеся заташнило.

— Вы должны лежать.

Брат Адрианны заботливо поправил подушку и коснулся ее плеча.

— Какое-то время придется спать на животе.

Олеся не хотела, чтобы он убирал ладонь. От его прикосновения по телу проходили волны жара. Олеся послушно лежала. В спальню вошла встревоженная Адрианна.

— Слава небесам, она ушла! Жуткая женщина. И как тебе могло прийти в голову ее позвать? — Адрианна отодвинула Габора в сторону и уселась на край кровати. — Как вы, милая? Она вас не обидела?

Олеся, как могла, покачала головой. И почему-то снова спросила:

— Где я нахожусь?

Адрианна гладила ее по голове, перебирая волосы. Чужие, не Олесиные! Олеся поняла, что плачет.

— Т-с-с... Тише... Не плачьте, милая... Вы в Дьекельни. И мы позаботимся о вас. Все будет хорошо, вот увидите.

Олеся знала, что ничего хорошо не будет. Она оказалась в странном непонятном месте. Среди людей, которые вовсе не были актерами или участниками какого-то жуткого шоу. И все, что с ней происходило, взаправду. Олеся не могла остановить слезы. Они текли и текли, пока наволочка не стала мокрой. Лицо неприятно стянуло. Навалилась страшная усталость. Сквозь дымку до нее долетел ласковый голос Адрианны:

— Иди... А я с ней посижу... Это все из-за той ужасной женщины... Ты бы еще Крампуса сюда позвал...

Перед глазами Олеси вновь возникло безобразное лицо. На этот раз точно лицо. Не маска. Лицо, как древесная кора. Мерзкое, морщинистое. Из пасти выскальзывает раздвоенный язык. Существо шипит и смеется. За его спиной огромный короб, из которого доносится детский плач. Его уродливые пальцы покрыты редкой шерстью, а острые когти в грязи и, кажется, крови...

Он смеется и дергает за веревку, которая обвязана вокруг Олесиной шеи. Тащит ее за собой, смеется. А ребенок в коробе кричит и плачет, просит помощи.

Избавиться от веревки никак не получается. Она сдавливает шею, натирает кожу, перекрывает кислород. Но уродливое существо лишь смеется и тащит дальше. Через лес, по грязи, смешавшейся со снегом. И вот они уже в пещере. В мрачной и темной. Она едва освещена лунным светом. И слышно, как волны бьются о неприступные скалы. Чудище смотрит на Олеся и вдруг начинает стаскивать с себя лохмотья. Под бледной, покрытой струпами кожей, выпирают кости. И весь он оброс свалевшимся мехом. Олеся понимает, что остается один выход: прыжок со скалы. В черную бурлящую пучину.

Глава 5

Олеся проснулась от бешеных ударов сердца. Она попыталась отдышаться, убеждая себя, что это всего лишь сон. Просто яркий жуткий сон. Кошмар. Ужас. Она с трудом приподнялась и села. Одежда свалилось на пол. Сорочка прилипла к мокрой от испарины коже. Спину слегка покалывало.

Олеся огляделась. Адрианны не было. Наверное, ушла ночью. Олеся осторожно выбралась из постели. Мозг никак не хотел принимать то, о чем твердила интуиция. Либо она в коме после аварии. Либо... Либо замок и все его обитатели — реальные. А она... Каким-то непостижимым образом оказалась в теле некой сумасшедшей Маргит. У Маргит длинные волосы, карие глаза, и она нема. У нее есть муж, которого она до безумия боится. У мужа есть переживающая обо всем на свете сестра. И брат... Олеся нахмурилась. Брат с внешностью ее бывшего начальника. Брат с чувственным низким голосом, от которого дрожат колени. Самоуверенный, властный, привыкший всеми командовать. Но такой мужественный. Олеся вспомнила, как он быстро убрал саблю, чтобы ее не поранить. Он явно умел обращаться с таким оружием. А она явно дура, если стоит посреди комнаты и вспоминает, как он классно выглядел в своей странной одежде.

Единственное, что ясно наверняка: у нее проблемы. Огромная куча проблем. Нужно... Нужно что-нибудь сделать. Олеся подошла к зеркалу и сняла сорочку. Раны на спине были покрыты какое-то мерзкой желтой пленкой, но уже не выглядели так страшно, как вчера. Наверное бабка с ее травмами и впрямь помогла. Вот и замечательно! Теперь ей должно хватить сил на исследование замка. Ну или хотя бы на то, чтобы не уснуть в первой попавшейся комнате.

Нужно придумать, как вернуться обратно. В свою крошечную квартиру, к своему старенькому дивану и к своей скучной одинокой жизни. Но как это сделать? У нее ни денег, ни малейшего представления, где, а главное как она оказалась. И если это не выяснить, то она разделит с Маргит не только тело, но и сумасшествие. Так, стоп! О чем это она думает?! Нет-нет-нет. Это фантастика, и так не бывает. После ужасной аварии человек не может очнуться в странном замке в какой-то неизвестной науке стране. И в теле другой женщины. Пусть и похожей на Олеся, как две капли воды. За исключением волос. И глаз. Она хочет обратно свои голубые глаза! Но откуда-то Олеся знала, что привычный свой цвет они вернут лишь после ее возвращения домой. Значит, нужно понять, как это сделать.

А еще надо придумать, где раздобыть нормальную одежду. Не будет же она ходить в одной сорочке и чулках?! Ладно, сейчас и это сойдется. Олеся подтянула теплые черные чулки, сменила сорочку и надела плащ. В голове постепенно складывался план действий. Она все-таки должна постараться обследовать замок, понять, где он находится, и как отсюда незаметно выбраться. Может, получится подслушать еще какой-нибудь разговор? В прошлые разы ей ведь это удавалось. Да и узнала она много важного. Например то, что эти люди не прикидываются. И то, что они не пациенты клиники. И не врачи. Будь врачами, давно бы уже проговорились. Олеся изо всех сил запрещала себе верить в то, что каким-то непостижимым образом перенеслась в... в... Она даже не знала, как назвать это место. В другой мир, что ли?! То-то Дед Мороз на рекламном щите так ухмылялся. На виске забила жилка. Все. Больше она об этом не думает. Главное — найти способ вернуться домой. А чтобы это сделать она должна изучить замок, его обитателей и не забыть сделать вид, что она действительно Маргит. Надо бы привыкать держать язык за зубами. И так кучу внимания к себе умудрилась привлечь. По словам Адрианны слуги уже шепчутся о ее чудесном исцелении. В средневековье за такие фокусы ее бы давно уже сожгли на костре. Оставалось надеяться, что здесь законы помягче, и помалкивать. Она немая сумасшедшая девушка, которая всего боится и шарахается от собственной тени. А вдруг Маргит сейчас оказалась в Олесяном мире и вовсю хозяйничает в ее теле? Не-е-ет. Об этом она тоже не будет думать. Сейчас она отправляется на разведку.

В этот раз она будет осторожнее. Олеся заглянула в замочную скважину. Никого. Она тихонько повернула ручку двери и вышла наружу. Холод пробирался под одежду. Она осталась без обуви, в тонкой ночнушке и плаще, у которого даже не было рукавов! Олеся поежилась и осмотрелась. В одну сторону она уже ходила. Там оказалась спальня загадочного Габора. Значит, сегодня нужно идти в другую. Олеся на цыпочках пробежала до конца коридора. Она не будет останавливаться, чтобы полюбоваться на гобелен или картину, или... Олеся замерла возле ряда развешанных на стене... топоров? Она имела слабое представление об оружии, но это выглядело опасным. И судя по царапинам на блестящих лезвиях, ими много пользовались. Так, все, хватит. Олеся тихонько пробиралась по темному коридору. Все одно и то же. Толстые стены. Полукруглые окна. Гобелены. Картины. Оружие. Гобелены. Картины. Оружие. Гобелены. Оружие. Оружие. Оружие. Много оружия. Они тут что, готовятся к войне? Коридоры казались бесконечными. Они куда-то поворачивали, и Олеся то и дело натывалась на двери. Их тоже было не сосчитать. И самые разные. Обычные, покрытые белой краской. Тяжелые и высокие, из толстого дерева с искусной резьбой. На одной из дверей Олеся разглядела точно таких же драконов, которые карабкались по столбикам ее кровати. Ох, она уже считает кровать своей! Дурочка. Точно сойдет тут с ума. Олеся вдруг остановилась, словно уперлась в невидимую стену. Еще одна стена с коллекцией оружия. Его хватило бы на маленькую армию. На маленькую средневековую армию. Олеся подошла ближе,

встала на цыпочки и потянулась к одному из кинжалов. Он не был самым красивым из всех. В отличие от украшенных сияющими камнями и гравировкой собратьев, этот казался невзрачным. Но у него было раздвоенное лезвие. И рукоятка в форме дракона. Олеся не совсем подозревала, как им пользоваться, но все ж лучше, чем ничего. Только куда его спрятать? Олеся вспомнила многочисленные фильмы и любовные романы, которыми раньше зачитывалась. Там героини всегда прятали оружие в чулки. Чем она хуже? Кинжал есть, чулки тоже имеются. Олеся воровато огляделась, удостоверилась, что в коридоре пусто, и быстро задрала подол. Оттянула резинку чулка и осторожно, чтобы не пораниться, сунула туда раздвоенное лезвие кинжала.

Так, в фильмах точно показывают неправду. Под весом кинжала чулок скатывался вниз. А лезвие неприятно царапало кожу. Те, кто пишут об этом в книгах, точно не пробовали ходить с холодным оружием. Олеся останавливалась каждые две минуты и подтягивала сползающий чулок. Любовные романы официально заклеили себя несостоятельными. Нужно было читать фантастику. Знала бы, что теперь делать в такой ситуации...

Наконец, она дошла до узкого пролета лестницы. Вокруг было тихо, и Олеся рискнула спуститься вниз. Наверное, она все-таки пропустила какой-то важный поворот. Потому что сейчас оказалась в небольшом помещении с низким потолком и арочными сводами. По воздуху плыл такой чудесный аромат, что у Олеся громко заурчало в животе. Во рту выступила слюна. Олеся так увлеклась борьбой с собственным голодом, что не сразу расслышала голоса. Спрятавшись в крошечной нише, она осторожно выглянула наружу. Ага, кажется, это кухня... Обычная такая средневековая действующая кухня. Пора признаться самой себе. Она попала. Попала в самую настоящую жо...

— Про болезную-то нашу слыхала?

Олеся не успела додумать мысль и наострила уши.

— А что с ней?

— Мне тут конюх рассказал, что вчера из деревни к ней саму Бражену привозили!

— Ведьму эту?!

— Да-а-а... Видать, совсем дело плохо. Помяните мое слово: натерпимся еще. Зуб даю, демон ее отметил. Сейчас он выжидает, а потом явится к ней и прикажет нас всех извести.

— Что ты такое болтаешь, дура?

— А что? Разве я не права?

— У отмеченных демоном есть какой-нибудь знак на теле. Его печать. У госпожи такого нет.

— Ну и гусыня же ты! А глаза ее видала?

— А что с глазами не так?

— А то, что разного цвета у нее они! А раньше одного были. И нашла ее госпожа Адрианна на дороге возле Тщемного леса. А там до сих пор демоны обитают.

— Не болтай глупости.

— Не глупости это вовсе!

— С госпожой приключилась беда. Она и так страдает. А теперь еще и это...

— Жалей-жалей ее. Вот прикажет ей Крампус всех нас убить, она с тебя и начнет.

— Мы все под защитой господаря. Никто на крепость напасть не сможет.

— Так она с господаря и начнет.

— Что ты такое говоришь, глупая?!

— Ой, да ты ж влюблена в него, как я забыла... Ха-ха... Зря надеешься, Фиданка. Он о твоём существовании и не подозревает. А вот болезную госпожу на руках нес. Я сама видала. Вчера.

— Как — нес?

— А вот так. Она чувств лишилась, а он ее нес. Я полы чистила как раз. Там такая кутерьма поднялась. Он ее к себе прижимает, а она едва дышит. А может прикинулась просто. Одного мужика знатного схватила, теперь хочет и другого. Демонская прислужница!

Олеся закусила губу. Вот, значит, что о ней думают. Точнее, о Маргит. Никакого сочувствия к больной девушке. Она им сейчас устроит! Суровый голос заставил ее замереть на месте:

— Вы что тут раскудахтались, курицы?! Хотите оказаться на улице? А ну немедленно принялись за работу. Иначе я вас сейчас старой метлой отхожу!

Олеся совсем вжалась в нишу, когда рядом раздался шепот двух болтливых служанок.

— Не зли старуху. Ты уедешь с госпожой Адрианной, а мне тут еще работать.

— Может и не уеду.

— О чем это ты?

— Да так...

— Ой, постой... Ты что же, надеешься, что поступишь в услужение к нашему господарю?

Олеся едва ли не слилась с каменной стеной. Девушки были где-то рядом. Если они ее застукают, то популярности ей это не прибавит. Ох, не о том она думает. Олеся снова вся обратилась в слух.

— Может, и поступлю.

— Гусыня ты глупая. Он всех влюбленных в него дур отправляет обратно в деревню. Наш господарь выберет жену под стать себе. Да и любовницу тоже. Красивую. Аристократку. С манерами.

— Но Маргит же смогла окрутить господаря Миклоша.

— Господарь Миклош — это тебе не мой хозяин. Его какая-то несчастная девица не проймет. Ох, Фиданка, ну и дура ты.

— Вы опять болтаете? Сплетни разносите, гадины такие?!

— Мы работаем... Работаем!

Шарканье ног раздалось совсем рядом. Олеся бросило в жар. Если ее застанут здесь, то ей конец. Хотя, почему конец? Она всегда может прикинуться невменяемой. Наверняка они все привыкли к причудам Маргит. Олеся прилипла к стене, боясь дышать. Две девушки в одинаковых серых платьях вышли из кухни и поспешили в другую сторону. Олеся видела лишь спины, но все равно внимательно разглядывала сплетниц. Она, конечно, может узнать их по голосам, но все же лучше иметь особые приметы. Она еще покажет им «болезную»! Прежде чем найдет способ вернуться домой, обязательно разберется со сплетницами.

Когда обе ушли, Олеся выглянула из своего укрытия. Впереди еще один коридор с низким потолком. Но на этот раз широкий, с огромным количеством дверей и самыми настоящими факелами на стенах. Олеся быстро выбежала из ниши и осмотрелась. На небольшой деревянной двери был вырезан уже знакомый дракон. Ладно, если уж это существо везде ей попадается, то она начнет именно отсюда. Олеся осторожно потянула на себя тяжеленную дверь. Ее тут же окружил холод. Морозный воздух рвался из незнакомого помещения, но Олеся все равно юркнула внутрь. Она оказалась в просторной галерее с рядами каменных колонн, обвитых хвостатыми драконами. На их крыльях висели острые сосульки, которые матово переливались. Казалось, что драконы шевелятся. Олеся подбежала к перилам. Морозная стужа пробралась в кости. Олесе показалось, что она умрет от холода. Превратится в окоченевший труп и рассыплется на миллиарды осколков. Но то, что она увидела, заморозило все нутро. Даже душу. Страх забился в горле. Забывшись, Олеся положила ладони на каменные перила. Кожу обожгло. Но она продолжала держаться за покрытый инеем и снегом камень. Крепость словно парила в облаках, разрезая небеса на части. Лес, который она увидела раньше из окна, оказался самым настоящим морем из хвойных макушек. Кое-где в этом море обнаруживались островки — крошечные домики, похожие на иллюстрации к сказкам. Почему-то Олесе казалось, что в них могли жить самые настоящие ведьмы. Избы для старух, задумавших недоброе.

Но хуже всего был шум бьющихся о скалы волн. Как в ее сне... Замок стоял на скале. Вместо пещеры — каменная твердыня, из которой не выбраться. Дрожь холода и страха сотрясла все тело. Куда ей идти? Отсюда не сбежать так просто. Отсюда вообще не уйти. Она ведь даже не знает, как сюда попала. Олеся поняла, что плачет. Слезы текли по щекам, превращаясь в ледяные ручьи. Кожу кололо иглами. Где та дорога, на которой ее подобрала Адрианна? А старик?! Она ведь приходила в себя в избе какого-то старика. Может... может один из тех домишек принадлежит ему? Если Олеся его найдет, то сможет выяснить, как сюда попала. Ей нужно в деревню. Выбраться из замка и отыскать дом деда. Она точно помнила, что он притащил ее на дорогу и бросил там. Уж ему точно известно, как она тут очутилась. Олеся отерла слезы, успевшие превратиться в лед.

Порыв ветра набросился на нее с новой силой. Олеся едва устояла. Если у нее еще и оставались какие-то сомнения, где она оказалась, то они полностью развеялись. Сопrotивляясь урагану, на волнах качался корабль. Даже отсюда Олеся могла разглядеть его форму и собранные паруса. Мачта и какая-то фигура на носу.

Едва шевеля, ооченевшими ногами, Олеся отвернулась. Тело превратилось в кусок льда. Она даже не поняла, насколько сильно замерзла. Ступни и ладони примерзли к полу. Но ноги защищали плотные чулки. А ладони... Олеся дернула руки, обдирая кожу. Какая разница, сколько еще кровоточащих ран она получит? Какая вообще разница?

С трудом передвигаясь, Олеся пошла вдоль балкона. Справа была еще одна дверь. Чуть дальше — еще. Если она сейчас же не уйдет с этого холода, то превратится в кусок льда. Неожиданно одна из дверей отлетела в сторону, гулко стукнулась о стену. Пятясь из темного проема вышел Габор. Олеся замерла. В руке он сжимал саблю. Волосы растрепались. Полы длинного плаща с прорезями для рук обвивались вокруг его ног. Вслед за Габором вышел еще один человек. У него тоже была сабля, и он был почти так же высок, как Габор, но гораздо мощнее. Он наступал на Габора и довольно улыбался. Секунда, и морозная тишина рассыпалась градом осколков. Два изогнутых лезвия встретились друг с другом. Раздался такой звон, что у Олеси едва не заложило уши. Она и так уже едва соображала от холода. Еще и этот лязг. Мужчины сражались, как одержимые. Они с такой скоростью перемещались, размахивая оружием, что превращались в размытые пятна. Олеся различала лишь движение двух ярких мазков — их плащей. Отражая один из ударов, Габор вдруг повернулся к ней лицом.

Заметил... Он удивленно замер. Его противник воспользовался заминкой и выбил саблю из рук. Он уже потянулся, чтобы приставить свое оружие к шее Габора, но тот в каком-то фантастическом рывке отскочил в сторону и одним ударом отправил мужчину на холодный пол. Габор тут же бросился к ней:

— Маргит, что вы здесь делаете?

Олеся попыталась открыть рот, но так замерзла, что приросла к месту. Она даже языком не могла пошевелить. Второй мужчина тоже ее увидел. Он стремительно поднялся и поклонился:

— Госпожа Маргит?..

Габор его прервал:

— Найди кого-нибудь из слуг и прикажи подать горячее питье. Она замерзла. — Он стащил свой красивый плащ и укутал им Олесю.

Тут же стало теплее. Терпкий мужской запах, еще более ощутимый на морозе, коварно заполз в легкие.

— Что она здесь делает?

— Живо давай!

Мужчина тут же исчез, а Габор коснулся ладоней Олеси. Она вздрогнула от легкой боли. Он заметил и тут же взглянул на ее руки.

— Что произошло?

Олеся и хотела бы ответить, но по-прежнему не могла выдавить из себя ни слова. Габор вдруг поднял ее на руки и прижал к себе. Ее замерзшее тело жадно прижалось к его, сильному и разгоряченному схваткой. Он занес ее в очередной темный зал. Но Олеся так замерзла, что даже не могла повернуть голову и рассмотреть. Она сжалась в руках Габора, стараясь сохранить каждую капельку тепла.

— Сейчас мы вас согреем. Зачем вы вышли на мороз?

Она все-таки смогла прошептать. Зубы стучали, выбивая жуткий ритм.

— Я... г-гулял-ла... х-хо-т-тела... п-по-с-смо-т-треть з-замок...

Как же он приятно пах. Так по-мужски, естественно. От мужа так не пахло никогда. А еще у Габора была очень широкая грудь. Олеся пыталась украдкой прижаться к нему еще сильнее. В конце концов, она жутко замерзла. А он такой теплый. Даже горячий. Она не заметила, как тепло его тела начало проникать в нее. Теперь это был жар. Габор горел. Может, у него лихорадка?

— Ну и как? Посмотрели?

Его голос звучал над головой, и казалось, тоже согревал. Кончики пальцев начало покалывать.

Интересно, это будет слишком ужасно, если она положит голову ему на плечо и обнимет за шею? Да, пожалуй, слишком.

— Н-нет... Тут... с-сплош-н-ные коридоры... — Холод уходил, и ей удалось выговорить несколько слов без зубного стука. — Н-не пред-став-вляю, как в-вы тут не теряетесь...

Рука Габора, поддерживающая ее спину, напряглась. Он сжал ее крепче. Она что, такая тяжелая? Или он уже устал? Олеся не знала, что и думать. Она должна искать выход из замка, планировать побег, а вместо этого... Вместо этого мечтает, чтобы хозяин этого замка не выпускал ее из рук. Она все-таки решила рискнуть. Положила голову ему на плечо и прикрыла глаза. Пусть думает, что она устала. Тело оттаивало, согревалось, и теперь она могла ощущать, насколько горячим и твердым был Габор. Как нагретый солнцем камень.

Неожиданно он отпустил ее, усаживая на что-то мягкое. Олеся не смогла сдержать стон разочарования. Габор тут же опустился перед ней на колени:

— Я задел ваши раны?

Была не была! Рядом с ним она совершенно теряла здравомыслие. И даже внешнее сходство с ненавистным начальником, не мешало плавиться от его рук. Встревоженный взгляд Габора немного отрезвил. Она должна искать способ вернуться домой, а не... не пытаться ему понравиться! Но что-то в нем задевало ее. Олеся просто не могла сопротивляться его притяжению. И чем она хуже влюбленной сплетницы Фиданки и ее подружки?

— Маргит, где болит? Не молчите!

Габор сидел перед ней на коленях и пристально всматривался в ее лицо. Что бы такое придумать, чтоб он снова ее обнял?

— Ничего не болит... Просто холодно очень...

Для убедительности они тяжело вздохнула и обняла себя ранеными руками. Габор тут же начал растирать ее плечи.

— Кто надоумил вас бродить там да еще и голышом?

Олеся возмущенно вскинула голову:

— Я не голышом!

— На вас сорочка и чулки — это и называется «голышом». — Он опустил взгляд на ее ступни, а затем обхватил горячими ладонями, поставил себе на колени и принялся растирать.

По коже тут же побежали мурашки от приятных сладких ощущений. Забыв обо всем на свете, Олеся рассматривала Габора. Сначала он показался ей старше. Но ему, наверное, нет и сорока. Все дело в серебристой седине, придающей удивительный пепельный оттенок его волосам. Густая щетина тоже не молодила. Но она создавала вокруг него дымку загадочности. И этот прищур глаз с глубокими морщинами в уголках. Как будто он что-то задумал. Знал какую-то тайну и скрывал ее ото всех. Габор явно повидал в своей жизни многое. И никакими Олесями его не удивишь. Она, увы, не красавица. Наверняка, у него было много женщин. Но кто ей мешает хотя бы попытаться? И опять она забыла о своей цели.

Олеся печально вздохнула. Либо Габор, либо побег.

— Больше никакой одежды не было.

Габор поднял на нее глаза. Его взгляд медленно скользнул по ее лицу, шее, а затем остановился на груди. Дышать почему-то стало тяжело. Холод окончательно исчез. Его выгнал опаляющий жар. Глаза Габора потемнели. Олеся видела, как он сглотнул, как судорожно дернулся его кадык. Она опустила голову, пытаясь понять, что вызвало такую реакцию. К щекам тут же прилила кровь. От холода ее соски набухли и натянули тонкую ткань. Можно было даже разглядеть их цвет. А от взгляда Габора стало только хуже. Они казались крупнее, выделяясь на фоне бледной груди. Черт! Видны были даже темно-розовые ареолы.

Олеся попыталась запахнуть на груди свой собственный плащ и накидку Габора. Он ответил ей тяжелым взглядом. Будто... Будто был недоволен, что она укуталась. Ругая себя, на чем свет стоит, Олеся еще сильнее стянула полы на груди. Этот Габор ее отвлекает!

Неожиданно в зал вошла девушка в простом сером платье с тяжелым подносом в руках. Олеся встретилась с ней взглядом. В глазах незнакомки полыхнула такая лютая ненависть, что Олеся удивилась, как не сгорела заживо.

Девушка присела в поклоне:

— Вот, господарь Габор. Господарь Драган сказал, вы просили горячее.

Олеся узнала голос. Та самая Фиданка, влюбленная в Габора и мечтающая повторить успех Маргит.

— Спасибо. Ступай.

Габор даже не взглянул на нее. Служанка не желала униматься:

— Что-то еще, господарь?

От Олеси не ускользнуло, с каким раздражением Габор повернулся к Фиданке:

— Больше ничего не нужно.

И с нажимом повторил:

— Ступай.

Глаза девушки недовольно сверкнули. Олеся закусил губу. Ох, и добавит же она ей неприятностей. А у нее и так проблем полно. Таких «Фиданок» в их компании было полно. Закладывали друг друга ради повышения и прибавки к зарплате. Олеся удивлялась, как им хватает времени на сплетни и на работу. Фиданка присела в поклоне:

— Как прикажете, господарь.

Она скользнула по Олесе ненавидящим взглядом и, развернувшись, вышла.

Олеся перевела взгляд на Габора, по-прежнему сидящего у ее ног.

— Я ей не нравлюсь.

Он удивленно поднял брови:

— Кому?

— Фиданке.

Габор взял с подноса серебряный бокал, над которым вился едва заметный парок.

— Кто это?

Олеся едва сдержала улыбку. Получила, мерзкая сплетница? Он даже не знает ее имени.

— Служанка. Которая сейчас была здесь.

Габор выглядел удивленным. Он протянул ей бокал.

— Выпейте. Это поможет согреться.

Олеся взяла из рук Габора бокал, намеренно коснувшись его пальцев своими. Он ответил ей тяжелым пристальным взглядом, от которого внутри вспыхнул огонь. Олеся отдернула пальцы. Она точно что-то делает неправильно.

— Горячо...

Габор поднялся на колени, став почти вровень с ее головой. Он осторожно поднес к ее губам бокал:

— Пейте.

Олеся вдохнула пряный запах и несмело сделала глоток. Подогретое вино обжигающей лаской скользнуло на язык. В голове тут же зашумело. Горячее вино на пустой желудок — не самое разумное, из всего, что она успела натворить. Габор снова прижал бокал к ее губам:

— Пейте еще.

Олеся покачала головой:

— Я так слишком быстро опьянею.

«И начну вешать тебе на шею». Но это она, конечно, вслух не произнесла.

— Проклятье! Вы что, не завтракали?

Олеся снова покачала головой. Габор сжал губы. Его лицо стало жестким. Опасным... Он был очень опасным человеком. Откуда-то Олеся это знала. Чувствовала. Он мог быть сколько угодно до скрежета зубов воспитанным аристократом. Но под налетом этой воспитанности была опасность. Наверное, Олеся и впрямь чокнулась, но ее это притягивало. Он был сильным мужчиной. Способным постоять за себя и за своих родных. Если он был похож на ее шефа не только внешне, то на его совести тоже были темные делишки. Многие в офисе шептались о том, что когда-то он занимался не самой законной деятельностью. Габор такой же? Олесе казалось, что да. Но не смотря на это в нем чувствовалась мощь.

Габор потянулся, чтобы отставить бокал. Олеся жадно следила за его мощным телом. Он двигался легко, плавно, но очень уверенно. Каждое движение отточено до совершенства. Ничего лишнего. Олеся осмелилась спросить:

— Почему вы дрались с тем мужчиной?

Он встал с пола, нависнув над ней скалой. Какой же все-таки высокий...

— Мы не дрались. Мы тренировались. — Он прищурился. — Вы не помните его?

Олеся пожала плечами:

— Почему я должна его помнить? Я его впервые вижу.

Ой, черт! Кажется она ляпнула что-то не то. Маргит ведь его наверняка знала. Ну а ей что делать? Она видит их впервые. Может, удастся убедить всех, что ей капитально отшибло память?

— Это Драган — муж Адрианны.

— О-о-о...

Олеся неловко поерзала. Габор буквально прожигал ее пристальным взглядом. Олеся попыталась улыбнуться:

— Ваш родственник?

— И ваш тоже.

Олеся закусила губу. Конечно, теперь и ее. Габор наклонил голову. Его взгляд был острее ножа. Теперь Олеся знала, как себя чувствуют несчастные лягушки, которых препарируют во имя науки. Габор взял Олесю за руку, заставляя встать с кушетки:

— Вы не помните Драгана, но помните какую-то служанку... Как такое может быть?

Так вот что ему показалось странным! Внимательный черт. Наверное, она ошиблась в нем. Такой же гад, как и ее шеф.

— А я и ее не помню. Я ее увидела, когда заблудилась.

Секунду подумав, Олеся добавила:

— На самом деле, я нечаянно услышала ее разговор с другой служанкой...

Габор улыбнулся уголком рта:

— Они обсуждали что-то интересное?

Габор все еще сжимал ее руку, и это мешало Олесе соображать.

— Они обсуждали меня.

— Что же они говорили?

— Что меня отметил демон... Какой-то Крампус... И что я всех погублю в замке. И начну с вас...

Рука Габора скользнула по ее бедру. Что он делает? Неужели догадался о ее тайных фантазиях? Олеся тяжело выдохнула. К щекам прилила кровь. От одного, едва заметного, невесомого прикосновения ее бросает в жар. Это плохо. Это очень-очень плохо. Пока она пыталась выровнять дыхание, Габор снова легко поднял ее на руки.

— Раз так, то мне стоит быть осторожнее с вами, Маргит.

Олеся позволила себе обнять Габора за плечи. Они были сильными и широкими. Под богатой тканью чувствовалась мощь мышц.

— Вы тоже в это верите? Что со мной что-то не так?..

Он понес ее прочь из зала, который Олеся так и не рассмотрела, увлеченная братом Адрианной.

— На вас кто-то напал, Маргит. Вы оказались далеко от дома. Адрианна рассказала, что нашла вас по дороге сюда. Вы точно ничего не помните?

Она помнила прекрасно. Как выходила с работы. Как остановилась у рекламного щита, загадывая желание. Как ее сбила машина. Но вряд ли Габор спрашивал об этом. Он повернул к ней голову. Олеси коснулось теплое дыхание.

— Не врите мне, Маргит. Я здесь хозяин и выясню все, что вы надумаете скрыть. Я знаю обо всем, что здесь происходит.

Олеся поежилась в его объятиях, почувствовав себя неуютно под пронизательным взглядом.

— Я ничего не помню.

— Совсем?

Он начал ее раздражать. Олеся попробовала вырваться из его рук.

— Отпустите меня! Немедленно!

— Угмонитесь. — Он крепче сжал ее. — Хватит вырываться.

— Я же сказала: отпустите!

— Вы раздеты, а здесь холодно...

Олеся бесцеремонно перебила его:

— А вам разве не все равно? Вам же лучше, если я умру.

Габор потрянул ее:

— Что вы несете?!

— А вы что, не боитесь, что я приведу сюда демонов и всех убью? Не боитесь стать моей жертвой? Конечно же я скрываю от вас кучу всего. — Олеся продолжила вырываться из его хватки. — Да отпустите же меня!

— Успокойтесь!

Габор обладал колоссальной силой. Как бы Олеся ни пыталась вырваться, он все равно не выпускал ее. Она извивалась змеей, но все, чего добилась — Габор крепче прижал ее к себе. Олесе все же удалось извернуться и выскользнуть из его рук, но Габор успел ее перехватить, удержав за бедра. Обжигающая ладонь скользнула по коже, сминая сорочку. Олеся сжала губы, чтобы не застонать от горячей истомы, разлившейся по венам. Габор прищурился:

— А это еще что?

Он прижимал ее одной рукой, а вторую поднес к своему лицу. Олеся увидела знакомый кинжал. Наверное, этот гад нащупал его, пока она пыталась выскользнуть.

— А вы не знаете? — Олеся тяжело дышала. Волосы прилипли к коже. — Это кинжал.

Он нагло ухмыльнулся:

— И кого вы надумали им убить?

Олеся уперлась ладонями в его крепкую грудь. Под пальцами ощущались крепкие мышцы груди. Четкие рельефные линии, скрытые гладкой тканью. Жар его кожи просачивался в ладони. Олеся задрала голову, чтобы смотреть ему в глаза.

— Я надумала им защищаться.

Габор удивился:

— От кого же?

— Для начала от ваших мерзких служанок. Кто знает, что ей взбредет голову, чтобы защитить вас от меня?

Габор свел на переносице широкие брови:

— Если вас это так волнует, то она здесь больше не работает.

У Олеси отвисла челюсть? Вот так просто? Одно ее слово, и он готов выгнать девушку на улицу? Это какая-то проверка? Она пыталась понять, что Габор задумал, но по его лицу совершенно невозможно было что-либо прочесть.

— Вы серьезно? И куда она пойдет?

Габор пожал плечами:

— Это уже не мои проблемы. Если бы хотела здесь работать, не распускала бы язык.

Олеся онемела от возмущения.

— Это просто уму непостижимо. — Она снова попыталась отодвинуться. — Да отпустите же вы меня!

Как пресловутый уж, оказавшийся на сковороде, Олеся извивалась в его руках, злясь на саму себя.

— Успокойтесь, Маргит!

Габор встряхнул Олеся и, обвив сильной рукой ее талию, прижал к себе. Она постаралась отодвинуться в бесплодной попытке противостоять его притяжению. Габор следил за ней внимательным взглядом, пристально всматриваясь в лицо. По коже снова побежали мурашки. Олеся тяжело вздохнула, опять попадая под власть его глаз. Габор прищурился:

— Что же вы скрываете?..

Во рту пересохло. Едва ворочая неповоротливым языком, Олеся прохрипела не своим голосом:

— Ничего.

— Вы изменились.

Габор ласково коснулся шершавым пальцем ее щеки. От этого прикосновения, такого простого, Олесе показалось, что через нее пропустили ток.

Внутри зрело странное ощущение, что происходящее между ними недопустимо. Что он не должен удерживать ее вот так, прижимая к своему животу, а тем более — ласкать.

Но оказавшись в шаге от смерти, Олеся готова была нарушить все запреты. Что бы там ни подсказывал неизвестно откуда взявшийся внутренний голос.

Шум в коридоре привел Олеся в чувство. Она снова уперлась в плечи Габора, стараясь вырваться из его хватки.

— Отпустите меня. Кто-то идет.

Он улыбнулся кривоватой коварной улыбкой:

— Не беспокойтесь, Маргит. Мои слуги не будут болтать. Что бы они ни увидели.

Олеся нахмурилась. В мыслях вертелись обрывки каких-то воспоминаний. Но она никак не могла сосредоточиться, поймать их и сложить воедино.

— Все люди болтают. Ваши может и не будут, но любители потрындеть всегда найдутся.

Габор удивленно вскинул брови:

— По... что?

— Маргит, милая! Вот ты где?! Хвала небесам.

В коридоре появилась Адрианна, еще более красивая, чем вчера. В искусную прическу были вплетены золотистые нити. В ушах сверкали длинные серьги. Шею украшало кольцо. Олеся дернулась в руках Габора, и он ее все же отпустил. По лицу Адрианны было видно, что она успела все заметить.

— Драган сказал, что вы были на северной галерее. На таком холоде!

Олеся закусила губу. Что она там наврала Габору? Что хотела посмотреть на замок?

— Я заблудилась.

— Милая... Нужно было позвать меня, как только проснулись. Хорошо, что Габор и Драган вас нашли.

Она подошла ближе, вклинившись между Габором и Олесей.

— Завтрак уже готов. Я приказала накрыть для всех в Охотничьем зале. Плотно подкрепимся и поедем на прогулку.

— На какую еще прогулку? Маргит слишком слаба. — Габор сурово смотрел на сестру.

Олеся поспешила вставить свои пять копеек:

— Со мной уже все нормально! Я очень хочу поехать.

Лицо Габора окаменело:

— Не может быть и речи. Вы никуда не поедете до полного выздоровления.

Олеся сжала губы:

— Я сама решаю: ехать мне или нет.

Адрианна округлила глаза, став похожей на сову. На щеках Габора заходили желваки:

— Вы под моей защитой и в моем доме. А это значит, что я решаю, что вы будете или не будете делать.

У Олеси аж потемнело перед глазами от ярости:

— Вы мне никто. — Она встала на цыпочки и прямо посмотрела Габору в глаза. Его льдистый голубой взгляд завораживал. В их спор вмешалась Адрианна:

— Давайте решать после завтрака.

Она взяла Олесю за руку и буквально потащила за собой:

— Идемте оденемся, милая. Я выбрала несколько платьев, которые должны вам подойти.

Молчаливый поединок продолжался еще несколько секунд. Габор улыбнулся уголком рта и кивнул с поистине королевским величием. Олеся сразу же ощутила себя жалкой и никчемной замухрышкой. Простолюдиной, не успевшей вовремя убраться восвояси и попавшейся на глаза правителю. Габор заложил руки за спину. Он словно ждал, осмелится ли Олеся ему перечить. На нее вдруг накатила робость. Габор же словно догадался о ее чувствах. Он усмехнулся:

— Да, займитесь своими женскими делами. Мы с Драганом будем вас ждать.

Олеся безумно злилась на Габора. На его наглость и такой вид, будто повелевает всем миром, на то, как действует на нее. И на себя. За то, что не может найти достойный ответ и поставить его на место.

— Вот и славно! — Адрианна поволокла Олесю за собой. — Я не додумалась послать за вашим багажом. Совсем из головы вылетело. Ну, ничего. Думаю, пока можно будет обойтись парочкой моих платьев.

Адрианна болтала без умолку, явно стараясь отвлечь Олесю. Но быстрая сбивчивая речь оказывала противоположный эффект. Олеся никак не могла справиться с раздражением. Чертов Габор вывел ее из себя. Она не удержалась и обернулась. Он по-прежнему стоял посреди коридора и, усмехаясь, смотрел ей вслед.

Адрианна дернула ее за руку и встревоженно зашипела:

— Маргит, что вы творите? Зачем спорите с ним? Габор и так обещал запереть меня в замке. А вам должно быть известно: он слов на ветер не бросает.

Олеся удивленно посмотрела на Адрианну. А ведь у нее можно выведать много интересного. В том числе и о Габоре. Нужно только грамотно спросить. Олеся пожала плечами и тихо проговорила, добавив в голос все смирение, на какое только была способна:

— Я ничего не помню.

Адрианна споткнулась и жалостливо взглянула на нее:

— Ах, да. Я опять забыла. Простите меня...

Олеся улыбнулась:

— Ничего страшного.

Адрианна уверенно вела ее по лабиринту коридоров. Олесе даже не пришлось ничего придумывать — Адрианна сама начала:

— Габора вообще лучше не злить. Запомните это. Он настоящий изверг, когда дело касается семьи. До последнего вздоха будет защищать всех, даже Миклоша. Хотя они никогда особенно и не ладили.

Олеся жадно ловила каждое слово:

— А кто такой Миклош?

Адрианна резко остановилась:

— Ваш муж... И брат Габора...

Олеся едва не хлопнула себя по лбу. Черт! Как же она забыла?! У Маргит ведь имелся муж. Какое-то сказочное знакомство, о котором треплются все служанки. Слабоумная нищенка и прекрасный принц.

Почему-то при мысли о нем в животе возникло странное неприятное ощущение. Что-то с этим мужем не так. Адрианна хмуро смотрела на нее. Во взгляде читалось подозрение. Олеся с трудом сдержала ругательство. Ладно, она скажет Адрианне правду. Часть правды. Может, хоть это немного объяснит ее «странное поведение». С трудом подыскивая слова, Олеся проговорила:

— Я не помню ничего. Совершенно. Только какие-то обрывки и картинки. Даже не могу понять, это прошлое или сны... Или видения, пока я была без сознания.

Лицо Адрианны смягчилось. Она взяла Олеся за руку и вновь повела за собой.

— Простите, милая... Не могу даже представить, каково это. Я вам все обязательно расскажу. Давайте посмотрим на это иначе — у вас будет возможность заново познакомиться со всеми нами. — Адрианна восторженно улыбнулась. — Вы сможете опять узнать Миклоша! Как будто первая встреча. Это ведь так романтично... А теперь давайте вас оденем к завтраку. Одна из моих служанок — искусная швея. Она сможет быстро подправить платье.

Олеся поняла, что они в том самом коридоре, из которого она начала свое путешествие. Она даже не заметила, как они дошли. Нельзя быть такой невнимательной. О каком побеге может быть речь, если она даже не знает, как выбраться из замка?!

Но одно Олесе было известно точно: она не желала «заново знакомиться с Миклошем». И совсем не потому, что его брат интересовал ее гораздо больше. Нет. Причина была в другом. Кажется, вместе с телом Маргит Олесе достались и ее чувства. И если Олеся правильно разобралась в этих ощущениях, то вывод напрашивался плачевный. Сумасшедшая аристократка до смерти боялась и ненавидела своего мужа.

Глава 6

Габор сидел во главе стола в Охотничьем зале и невидящим взглядом смотрел на дверь. Серыми тенями сновали слуги, а он гипнотизировал проклятый кусок дерева. Каждый раз, когда она отворялась, его сердце ускоряло бег, а живот сжимался в предвкушении. Но снова и снова это оказывалась не Маргит.

Что же с ней произошло? В расскази Бражены он не сильно верил. Как и в то, что Маргит мог отметить Крампус. Но она изменилась. Совершенно.

До вчерашнего дня он не замечал ее. Всегда видел в ней безликое существо неопределенного пола, послушно следующее за Миклошем и шарахающее от собственной тени. Для Габора не было секретом, зачем братец женился над ней. Удивительно, насколько окружающие были легковверны. Все с удовольствием проглатывали сказку о неземной любви аристократа и сумасшедшей девушки. У Габора это вызывало лишь смех. Маргит — жена для отвода глаз. Никто и подумать не мог, что она — ширма, скрывающая похождения его брата. Впрочем, пока пристрастия Миклоша оставались в секрете, Габора они мало волновали.

Но сейчас все изменилось. У него везде были доверенные люди. Соглядатаи, шпионы, плевать, как их называют. Суть была неизменна. Глава древнего и могущественного рода — он должен был знать, что творится не только в его землях, но и в семье. За Миклошем тоже наблюдали. Как и за его женой. Габор никогда не ставил под сомнение сумасшествия Маргит. Никто бы не смог так искусно притворяться. Да к тому же в деревне ее знали с рождения. Когда Миклош надумал на ней жениться, Габор тут же все разузнал о будущей родственнице. От рождения она была нема. Обуза немощного отца и изгой в деревне.

Так что же произошло? Едва вчера ее увидел, Габора не покидало ощущение, что перед ним другой, совершенно незнакомый человек. Даже ее внешность казалась иной. Не то, чтобы раньше он внимательно рассматривал Маргит. Она была просто бледным пятном за спиной брата. Появлялась и исчезала, бессвязно мыча себе что-то под нос. Но сейчас... Габор не мог объяснить, что происходит. Он не понимал этого. Маргит не просто говорила. Она спорила с ним. Препиралась. Вела себя едва ли не наравне. Он чувствовал, идущий от нее вызов, волны непокорности. Такое явное неподчинение выводило его из себя. И безумно возбуждало.

Только сейчас он впервые разглядел ее. Увидел. По-настоящему. И понял, что зря это сделал. Маргит оказалась искушением, которому просто невозможно сопротивляться. Все грехи и мечты, собранные воедино. Он давно так никого не хотел. Проклятье! Да он вообще никогда и никого так не хотел. Женщины никогда не затрагивали его чувств. Живые игрушки. Череду каких-то имен и лиц, которые стирались из памяти, едва он использовал их по назначению. Маргит же... Разгуливала по замку, едва ли ни голышом. Как ни в чем не бывало. Неужели она не понимала, что под тонким полотном сорочки видно практически все. Габор едва не рассмеялся над самим собой. Куда уж ей понимать? Она же сумасшедшая. Сумасшедшая с идеальным телом. Крошечная, тонкая, воздушная. Она была хрупкой и изящной. Удивительно легкой в его руках. Но неожиданно сильной, когда пыталась вырваться. Худенькая, с тонкой талией и длинными ногами. Маленькая острая грудь с крупными сосками свела его с ума. Габор чувствовал себя неопытным мальчишкой, впервые увидевшим женщину. У него едва ли слюнки не текли, когда он смотрел на нее. Из-за сумрака ему не удалось разглядеть больше, но он позволил своим руками сжимать ее недопустимо сильно и крепко.

Маргит так доверчиво льнула к нему... И так горячо спорила. Габор уже знал, что она должна быть его. Медленно. Очень-очень медленно. С Маргит ему хотелось долгой, изнуряющей обоих, игры в кошки-мышки. Загнать ее в угол, лишиться возможности сбежать. Габор усмехнулся. Кто тут кого соблазнял? В какой-то момент ему показалось, что Маргит прекрасно понимает, какое воздействие на него оказывает и безжалостно пользуется этим. Но вряд ли она осознавала, что с ним творит ее полуобнаженный вид.

Дверь открылась, и в зал вошел Драган. Габор недовольно сжал челюсти. Где же она пропадает?!

— Так и думал, что ты уже здесь. — Драган устроился по правую руку от Габора. — Что там с Маргит? Совсем ополоумела?

Габор понял, что внутри поднимается волна гнева. Раньше он и сам называл Маргит чокнутой. Но лишь в мыслях. Сейчас же происходило что-то странное. Как будто оскорбили его самого. Какой бы Маргит ни была, она не могла постоять за себя. В любом случае, она лишь женщина. Габор, прищурившись, посмотрел на Драгана. На следующей тренировке он выбьет из него всю дурь.

— Маргит — член моей семьи. Подобные выражения о ней — оскорбление меня. И Адрианны.

Габор знал, куда бить. Драган безумно любил его сестру. Он хоть и был богат, но не так знатен, как они. То, что Габор позволил этой свадьбе состояться, — величайшая милость с его стороны. Драган

все понял верно. Побледнел и опустил взгляд. Начал бубнить какие-то извинения, но Габор его уже не слушал, потому что дверь снова открылась.

Он выпрямился, пристально глядя на темный проход. Сначала появилась Адрианна. Но Габор лишь скользнул взглядом по сестре, пытаясь рассмотреть Маргит.

Какого..? Габор порадовался, что на нем длинная безрукавка, скрывающая мгновенно налившийся кровью член. И проклял все на свете. Он был дураком, когда мечтал о медленном покорении Маргит. Он не выдержит и секунды. Выгнать всех отсюда, уложить ее на стол и узнать, каково внутри нее.

На ней было черное платье, расшитое яркими нитями. Пестрые бутоны цветов и зеленые листья украшали лиф, привлекая внимание к ее груди. Габор не знал, каким чудом ему удалось подавить стон. Платье было немного велико. Вырез сидел слишком низко. Или ему так казалось? Он ведь прекрасно помнил, что скрывается ниже. Куда вообще смотрела Адрианна, наряжая ее в это платье?! Ему нужно лишь немного потянуть вниз бархатную ткань, чтобы обнажить небольшие ареолы. Подол волочился за ней по полу, заставляя гадать, снова ли на ней те чулки? Перед глазами у Габора до сих пор стояли ее длинные стройные ноги, обтянутые черной тканью. Он представлял их у себя на плечах, широко разведенными или обхватывающими его за талию. Похоже, сумасшедшим был он, а вовсе не Маргит.

На ее шее была повязана тонкая черная ленточка с изящной жемчужинкой. Длинные концы опускались на ключицы и грудь. Габор тут же ощутил себя мальчишкой, получившим долгожданный подарок. Красиво упакованный и украшенный. Осталось потянуть за концы ленты, и его ждет самое незабываемое ощущение на свете. Давно сбывшаяся мечта. Хотя нет. О таком он даже не думал мечтать.

Маргит настороженно смотрела по сторонам, словно опасалась чего-то. Габор поднялся со своего места, чтобы поприветствовать Маргит и сестру. Впрочем, самому себе не стоит врать. Он просто хотел привлечь к себе ее внимание. Когда их взгляды встретились, Габор тяжело сглотнул. Скулы Маргит окрасились легким розоватым румянцем. Как же она красива. Просто невероятно. Маргит отвела взгляд, а Габор вдруг ощутил странный триумф. Он ее смущал. Действовал на нее. Возможно так же сильно, как и она на него.

— А вот и мы! — Адрианна села рядом с Драганом.

Габор вышел из-за стола и отодвинул стул слева от себя. Маргит удивленно взглянула на него, нахмурилась, закусил губу и покраснела еще больше. Проклятье! Он представлял, как тоже самое она проделывает, сидя на нем сверху, обнаженная, упираясь ладонями в его грудь, исследуя его тело.

Габор понял, что желает провожать Старый Год наедине с Маргит. Выгнать всех из крепости и остаться только с ней. Чтобы ходила перед ним в одной лишь нижней рубашке. Или еще лучше — сорвать с нее это платье, оставляя на молочно-бледной коже следы. Маргит заняла свое место. Габор жадно следил за нежным изгибом шеи и манящей ложбинкой груди. Он забыл, что они не одни, что она жена его брата, что он уже нарушил все возможные запреты.

И нарушит еще.

— Нам нужно послать слуг к Миклошу. Чтобы сообщили ему, что с Маргит все хорошо и привезли ее одежду. — Голос сестры выдернул Габора из фантазий.

Кто здесь точно был лишним, так это его братец. Маргит подняла голову и прямо посмотрела ему в глаза.

— Благодарю.

Габор, молча, кивнул. Во рту пересохло. Он уже не был уверен, что выдержит завтрак.

— Поскорей бы уже праздники! — Адрианна, похоже, решила болтать без умолку. — Не терпится узнать, что вы мне подарите.

Габор удивленно взглянул на сестру. Подарки... Адрианна сходила с ума от драгоценностей. И он с удовольствием баловал сестру. Но Маргит... Подари он ей бриллианты или комок грязи, вряд ли бы она видела разницу. Но так было раньше. Теперь она кажется вполне здоровой. И то, что он для нее приготовил, теперь ей вряд ли понравится.

Нужно будет сегодня же послать за ювелиром. Габор уже знал, что именно подарит Маргит. Под цвет ее румянца. Необычное. Загадочное. Нежное. Но колючее.

— Габор, ты меня слушаешь?

Габор выплыл из омута мыслей. Все это время он, не отрываясь, смотрел на Маргит и совершенно не слышал, о чем говорит сестра.

— Прости, задумался.

Адрианна недовольно поджала губы:

— Может, хотя бы на праздники забудешь про свои заботы?

— «Мои заботы», дорогая сестра, обеспечивают нам деньги и защиту.

Слева раздалось отчетливое хмыканье. Габор резко повернулся. Маргит, как ни в чем не бывало, накладывала в тарелку еду. Заметив, что он на нее смотрит, чертовка пожала плечами:

— Извините, икота. От голода.

Ну да, как же! Эта девица, похоже, его совершенно не боится. И Габора это безумно возбуждало. С каких пор его привлекают женщины, которые едва ли не ноги о него вытирают? Она только и делала, что оспаривала его решения и не подчинялась приказам. Для Габора это было в новинку. Обычно, если что-то шло не так, как он планировал, или его распоряжения выполнялись недостаточно усердно, он наказывал провинившихся. Но с Маргит... Она заслуживала совершенно особого наказания.

— Так вот что я хотела сказать... — Адрианна снова пыталась привлечь его внимание. — Если ты так против нашей прогулки в деревню, то мы можем взять с собой твою маленькую армию. И Драгана. Уж он-то сумеет нас защитить.

— Да, я с удовольствием с вами съезжу.

Какой отзывчивый. Габор переводил взгляд с сестры на Маргит и обратно. Адрианна бы никогда не решилась идти ему наперекор, чтобы она ни говорила. А судя по подстрекательским взглядам, которые на нее бросала Маргит, становилось ясно, чья эта идея.

— Или если хочешь, можешь сам с нами поехать. Подышишь свежим воздухом. Тебе тоже не помешает.

— Нет. — Габор с удовольствием наблюдал за тем, как Маргит резко вскинула голову.

Ее разноцветные глаза сверкали от злости, а щеки покрылись еще более ярким румянцем. Словно розы он расцветал на высоких скулах. Габор отвернулся, чтобы сохранить хоть каплю самообладания. Она его доведет! Тяжело посмотрев на сестру, отчетливо проговорил:

— Я уже подышал свежим воздухом, когда ехал сюда. Крепость никто не покинет без моего разрешения.

— Вы серьезно?

Маргит... Габор развернулся к ней и вопросительно приподнял бровь.

— Совершенно серьезно.

— И как вы нас удержите? Здесь есть подземелья? Темницы? Прикуете цепями? Этими... как их... Кандалами?! Или у вас в ходу колодки?

Кровь хлынула в пах, создав давление такой чудовищной силы, что он еле дышал. Демон ее побери! Воображение живо нарисовало обнаженную Маргит, прикованную тонкой цепью к его кровати. Кажется, теперь он не будет знать покоя, пока не воплотит эту чокнутую фантазию в жизнь. Кто же знал, что сумасшествие настолько заразительно? Быть может, уйдя от Маргит оно все-таки перекинулось на него? Наверное, так и было. Никак не избавиться от безумного видения. Член уже рвет брюки, мечтая вбиться в эту невозможную женщину. Во рту пересохло. Не своим голосом Габор проскрежетал:

— Здесь есть все. Если желаете, я вам обязательно покажу. Сможете на себе проверить, насколько они прочны.

Маргит упрямо сжала губы. Эти ее губы... Пухлые, розовые. На нижней — крошечная впадинка в центре. Как же было хорошо, когда она ничего не соображала.

— Я не думаю, что демоны решатся сейчас напасть. Действительно, почему бы не прогуляться? В деревне готовятся к праздникам. В конце концов, мы действительно сможем взять отряд.

Габор гневно взглянул на Драгана. Почему бы ему не заткнуться? Они что, сговорились за его

спиной? Возбуждение бурлило в крови, превращая ее в обжигающий кипяток. Вены плавились. Это все Маргит. Довела его... Неожиданно в голове закрутилось колесо мыслей. Больше всех на прогулку рвется именно она. Еще вчера она лежала, едва дыша. Ни жива, ни мертва. А сегодня уже пытается изо всех сил выбраться из замка. Чутье подсказывало, что это не просто. Ее желание попасть в деревню не заметит только слепой. И на какое-то мгновение Габор действительно ослеп. От дикой похоти и жажды. Нужно взять себя в руки. Он выяснит, что она скрывает. А ведь она действительно что-то скрывает. Новая Маргит была загадкой, которую он намеревался разгадать до последней запятой. Он заберется в ее голову, под кожу, проникнет в нее. Узнает все о ней. Что она скрывает. Какие мысли поселились в ее мозгу. А еще он обязательно разведает все секреты ее тела.

— Что ж.... Ладно... Давайте съездим. Думаю, нас с Драганом будет достаточно, чтобы обеспечить вам защиту.

Адрианна радостно захлопала в ладоши:

— Ты самый лучший брат на свете.

Но Габор даже не посмотрел в ее сторону. Маргит вдруг притихла и уткнулась в свою тарелку. Он видел, как быстро поднимается и опускается ее грудь, как напряженно она закусила губу и как слегка дрожит ладонь, сжимающая вилку. Он обязательно все выяснит. «Даже не сомневайтесь, прекрасная Маргит. У вас не останется ни одного секрета от меня. Ни одного.»

Глава 7

Олеся едва дождалась окончания завтрака. Скорее это оказалась натуральная пытка. Ее стычка с Габором была ошибкой. Еще когда примеряла платье, Адрианна предупредила ее: в препирательствах с ним лучше не вступать. Но она не удержалась. Он вел себя, как первобытный дикарь. Как будто никого больше не существовало, кроме него и его желаний. Все должно быть так, как сказал он. Ага! Как же! Не на ту напал. Но хуже всего оказался его взгляд, когда она упомянула о кандалах и подземельях. В ледяных голубых глазах зажегся странный синий огонь. Как будто он действительно раздумывает над этим. И совсем не в том смысле, какой вкладывала в эти слова Олеся.

Вот же попала в передрыгу. Габор смотрел на нее так, словно и в самом деле планирует, как лучше засунуть ее в подземелье. Олеся с трудом высидела полчаса, показавшиеся вечностью. Она пыталась напомнить себе, что попала неизвестно куда и нужно поскорее выяснить, как вернуться домой. Но под пристальным тяжелым взглядом Габора невозможно было сосредоточиться. Олеся ерзала и непроизвольно сводила бедра. Он как-то странно на нее воздействовал. Вроде бы просто смотрел, но ей казалось, что она сидит перед ним совершенно голая и ждет его одобрения.

Едва с завтраком было покончено, Олеся постаралась убраться из зала с такой скоростью, на какую только была способна.

Запыхавшаяся Адрианна догнала ее и схватила за руку:

— Маргит, ты куда?

Олеся задумалась. И в самом деле, куда это она собралась? Подальше от Габора. Самое время вспомнить о сумасшествии Маргит. Олеся пожала плечами:

— Не знаю...

— Ох, бедная. Идем соберемся на прогулку. Это чудо, что Габор все-таки разрешил.

Олесе совсем не нравилась подобная зависимость от мужчины:

— А если бы не разрешил? Что тогда?

Адриана удивленно округлила глаза:

— Ничего. Остались бы в крепости.

— Серьезно? Если он не хочет ехать, пусть не едет. Причем здесь ты и я?

Судя по лицу Адрианны, она о таком вообще никогда не задумывалась:

— Он — господарь наших земель. И наш тоже.

— Господарь? Хозяин, что ли?

— Ну-у-у... Да...

— То есть, мы у него в рабстве? Что он прикажет, то и делаем? И если он заставит нас сейчас голышом плясать на морозе, то мы обязаны будем пойти и сделать это?

Адрианна испуганно смотрела на Олесю, сдвинув брови.

— О, небо. Конечно, нет! В смысле... Мы не рабыни.

— Тогда он не имеет никакого права приказывать. И если я хочу поехать, то он никак не сможет меня остановить.

— Маргит, послушай... — Адрианна втокнула Олесю в спальню. — Габор — наш господарь. Защитник. Благодаря ему, у нас есть все это. Он старший в роду, глава. И мы обязаны его слушаться.

Олеся никак не могла понять эти рабовладельческие замашки. Что за дикое место?!

— У тебя ведь есть муж. Я пойму, если ты будешь подчиняться ему. Но Габор...

— Род Драгана не такой древний и богатый, как род Габора. Это чудо, что Габор позволил нам пожениться. В основном, господари отдают своих дочерей и сестер за тех, кто может принести деньги или положение.

Олеся всплеснула руками:

— Он еще и решал, за кого тебе выходить замуж?!

— Ну да. А как иначе?!

— Неудивительно, что он такой невыносимый. Власть его разбаловала.

Адрианна протянула Олесе тяжелый плащ, подбитый мехом.

— Габор — наш защитник. Как у самого старшего, в его руках сосредоточена огромная власть. Мы должны его слушаться и быть благодарными за его милость. Может, он немного чересчур... любит все контролировать, но он очень заботливый. Поверь.

Олеся хмыкнула, пытаясь разобраться с плащом. Адрианна подала ей невысокие сапожки.

— Одевайся скорее, пока он не передумал.

У Олеси в голове не укладывалось, как можно так слепо подчиняться какому-то человеку. Будь он хоть трижды братом или мужем. Если он так любит все контролировать, то наверняка будет совать нос в ее дела и всячески мешать. А ей очень-очень нужно пустить ему пыль в глаза и усыпить бдительность. Это значит, что она должна засунуть гордость и независимость, куда подальше, и изо всех сил изображать забитую несчастную Маргит. И поменьше высказывать свое возмущение здешним укладом.

— Давай помогу.

Пока Олеся размышляла, Адрианна успела переобуться и облачилась в плащ. Она помогла Олесе найти широкие рукава, застегнула необычные пуговицы и затянула у шеи длинный шнур с забавными кисточками. Олеся ощущала себя маленькой девочкой, которую мама собирает перед походом в садик. Ни к чему не способна. Как ребенок. Нужно поскорее отсюда выбираться.

— Готово! Ты — красавица... Давно уже не видела тебя такой. — Адрианна ласково улыбнулась Олесе. — Все, идем. Драган и Габор наверняка уже готовы.

Габор и Драган действительно были готовы. Они ждали во дворе крепости возле большой кареты. На дверце был знакомый герб — ворон, зажавший в когтях монету и что-то непонятное в клюве.

— А вот и мы! — Адрианна радостно тащила Олесю за собой.

Габор и Драган повернулись к ним. Габор открыл дверцу кареты. Олеся заставила себя отвернуться от него. В длинном плаще с саблей на боку, он выглядел как герой какой-нибудь фантастической истории. Так, все, хватит. Она не будет отвлекаться на красивых мужиков. Олеся старалась не слишком сильно вертеть головой. Но и без этого было ясно: отсюда не выбраться. Кругом высокие стены, вооруженные до зубов стражники или кем они там были. Тяжелые даже на вид деревянные двери. Такие высокие, что устремлялись прямо в небо. Сбежать из крепости не получится. Нужно придумать, как это сделать по пути.

Олеся закусила губу. Ей необходимо найти того деда, который вытащил ее на дорогу. Уж он наверняка все знает.

— Если вы хотели просто постоять во дворе, необязательно было отвлекать нас от важных дел.

Олеся обернулась так резко, что едва не упала. Габор придерживал дверцу и издевательски усмехался. Адрианна тут же бросилась к карете. Олеся изо всех сил старалась не торопиться и идти медленно:

— Простите, что отвлекла вас от перемалывания муки, приготовления ужина и очистки всего замка от пыли.

Олеся гордо шла к карете, а внутри все сжималось от страха. Зачем? Ну зачем она это ляпнула?! Обещала же себе, что будет изображать немощную девицу. Габор смотрел на нее в упор и ухмылялся. Но в глубине его глаз плескалось что-то недоброе. Темное. Интуиция, которой Олеся никогда не могла похвастаться, подсказывала... что подземелья и цепей ей не избежать.

Габор подал ей руку, чтобы помочь сесть в карету, и Олеся машинально протянула свою. Ох! Зачем она это сделала?.. Едва их пальцы соприкоснулись, ее прошиб заряд тока. Через позвоночник — в виски и низ живота. По коже побежали мурашки. Габор вздрогнул, глядя на Олесю сузившимися глазами. В его взгляде плескались гнев и злость. Неужели, он тоже почувствовал? Но как такое возможно?

Олеся быстро отвернулась, понимая, что краснеет от его пристального тяжелого взгляда. Нужно

отвлечься. Чем-нибудь занять свою глупую голову. Олеся быстро нырнула в просторную карету, где уже сидела Адрианна. Сестра Габора похлопала по сидению, подсказывая, куда нужно сесть. Олеся принялась во все глаза рассматривать убранство кареты, но все равно не могла выбросить Габора из головы.

А он, как назло, пропустил Драгана вперед и занял место напротив Олеси, вытянув вперед длинные ноги. Олеся сразу же напряглась. Она бросила на него быстрый взгляд и почувствовала новую волну дрожи. Габор так внимательно смотрел на нее, что становилось страшно. Словно видел насквозь. Гипнотизировал льдисто-голубым взглядом. Что он пытался разглядеть? Олеся отвернулась, надеясь, что в гнетущей тишине не слышен стук ее сердца. Она уставилась на тканевую обивку кареты, но перед глазами все равно стоял Габор. У него было такое выражение лица... Олеся поняла, что заигралась. Она могла сколько угодно ему хамить и демонстрировать свою независимость, но этим лишь рыла себе могилу.

Сейчас ему смешно и забавно, что сумасшедшая родственница вдруг заговорила. Но он уже начал подозревать что-то неладное. И если он сочтет ее опасной для своей семьи, то Олесе не сдобровать. Он явно не из тех, кто бросает слова на ветер. Олеся подозревала, что он в принципе не слишком разговорчив. Кроме их словесных перепалок, они ведь больше ни о чем и не говорили. А это значит, что у него на уме может быть что угодно. Такие люди и в ее мире особо ни с кем не церемонятся, что уж говорить об этом Дьекельни или как там его?! Похоже, здесь уважают и ценят лишь грубую силу.

Олеся коснулась пальцем гладкого блестящего узора, вышитого на ткани. Обвела серебристую веточку. Лучше подумать о своем начальнике. Все-таки это очень странно. У него и Габора совершенно одинаковые лица, но к первому она испытывает отвращение, а рядом со вторым мыслить нормально не может. Грубит и дерзит, совершенно теряя разум.

Карета вдруг подскочила на ухабе, и Олеся едва не свалилась со своего места. И снова Габор... Он подался ей навстречу, а она, чтобы не упасть, вцепилась в его колено.

Она тихонько буркнула «Извините» и постаралась отодвинуться от него, забиваясь в свой угол. Не смотреть. Отвернуться. Не смотреть! Но опять она не удержалась. Габор продолжал гипнотизировать ее взглядом.

Олеся попыталась стряхнуть с себя оцепенение и отвернулась к окну.

Они уже успели покинуть замок и сейчас катили через лес. Деревья росли так густо, что покрытые снежными шапками еловые ветки тыкались в окошко кареты. Олеся вспомнила об избе и румяном деде. Он же должен жить где-то поблизости. Но разглядеть что-то в непроходимой чаще было невозможно. Только снежинки таинственно мерцали в воздухе, и мелькали какие-то неясные тени. Может, дикие звери? Олеся поежилась. Здесь творилось что-то странное, что ей не дано было понять.

Неожиданно среди покрытых ледяной коркой стволов пронеслось какое-то животное. Вроде бы и далеко, но одновременно и рядом. Олеся даже смогла разглядеть густую шерсть и... когти? Она испуганно вздрогнула и снова вжалась в угол.

Адрианна ласково накрыла ладонью ее колено:

— Что случилось, милая?

Олеся снова опасливо покосилась на окно.

— Ничего. Просто показалось... зверь, наверное. — Ей стало стыдно, что она такая жалкая трусиха.

Все, на что хватало ее смелости, — препирательство с Габором. Олеся снова посмотрела на окно и немного отодвинула занавеску, стараясь показать, что совсем не испугалась.

— Да, точно зверь. Близко к карете пробежал, я не ожидала.

Она попыталась улыбнуться, но заметила, как Габор с Драганом переглянулись. Габор слегка отодвинул занавеску со своей стороны и выглянул в окно. Олеся едва не закатила глаза. Унылое настроение вмиг сменилось раздражением. Конечно никого он там не увидит, и все в очередной раз убедятся, что она сумасшедшая.

Олеся уже начинала ненавидеть эту поездку. Она хотела выяснить, куда попала, хотела найти странного деда. Но лишь выставила себя еще большей дурой. А почему-то перед Габором дурой выглядеть не хотелось. И от этого Олеся злилась еще больше. Он был ей никем. И его мнение должно волновать ее в последнюю очередь.

Адрианна принялась болтать о нехватке украшений для замка и о том, что в деревне как раз что-

нибудь купит. Она громко жаловалась, что из столицы привести не успеют, и она не может быть уверена, что украшения окажутся именно такими, какие ей нужны. Драган что-то ей отвечал, а Габор задумчиво смотрел на Олесю. Она снова отвернулась к окну. Неожиданно лес начал редеть. Карета съезжала с холма, и в заснеженной долине Олеся смогла разглядеть яркие шатры, столбы и развивающиеся стяги. Долина пестрела красками, особенно выделяющимися на фоне ослепительной белизны. Неожиданно Олеся почувствовала странное волнение. Как будто... Как будто ей все это очень нравится. И она даже испытывает восторженное предвкушение от предстоящей прогулки. Но ведь она хотела попасть в деревню вовсе не для развлечений.

Карета повернула, и красочная деревня исчезла из виду.

— Адрианна, не отходи от Драгана. А вы, Маргит, держитесь возле меня.

Олеся вздрогнула и отпрянула от окна. Габор смотрел на нее. Внимательным вездливим взглядом. Как будто он все про нее знал. Олеся удержалась от того, чтобы поежиться. Она вдруг вспомнила о старухе, которую он позвал ее лечить. Вот кому точно известно, что с ней произошло. Нужно попробовать найти ее. У кого выяснить, где она живет?

— Вы меня поняли? — Габор вздернул бровь, обращаясь именно к ней.

Олеся сжала губы.

— Поняла.

Габор неожиданно хитро улыбнулся:

— Как? И даже не будете спорить?

И вот зачем он ее провоцирует? Чего хочет добиться? Ждет, что она совершит какую-нибудь ошибку, и можно будет с чистой совестью от нее избавиться? Ну уж нет, теперь так просто она не сдастся. Будет держать себя в руках и помалкивать. Стараясь сохранить невозмутимый вид, Олеся пожала плечами и скрестила руки на груди:

— Ну, вы же здесь... главный. Все равно все будет по-вашему.

Габор усмехнулся. Его глаза как-то подозрительно сверкнули, и Олеся была уверена, что это не игра света.

— Жаль. А то я уже настроился на подземелье и цепи.

Олеся приоткрыла рот от удивления. Драган закашлялся, пытаясь скрыть смех, а Адрианна возмущенно воскликнула:

— Габор?!

Карета вдруг остановилась. Габор, словно ничего и не случилось, выглянул в окно. С совершенно невозмутимым видом сообщил:

— Приехали.

Олеся приросла к месту. В его словах явно был подтекст. И не заметить его могла только дура. Но вот чего он добивался, говоря это при других людях да еще и... жене собственного брата? Еще одна проблема. У Маргит ведь есть муж. Брат Габора и Адрианны. Чего ждать от него?

Габор проворно выбрался из кареты. Олеся последовала за ним, с удивлением понимая, что от езды по кочкам и сугробам ее и без того измученное тело теперь болит еще больше. Габор, как и прежде, подавал ей руку. Но Олеся не собиралась принимать его помощь. Не после того, что произошло в прошлый раз. И уж точно не после слов о цепях. Она выбралась самостоятельно, хоть это было и не так легко сделать, будучи закутанной в несколько слоев тяжелой одежды. Габор прищурился. Его лицо моментально утратило напускную веселость. Глаза наполнились льдом и молчаливой угрозой. Олеся сделала вид, что не заметила его сурово сжавшиеся губы и проступившие вокруг рта морщины. Он был взрослым мужчиной, защитником, с которым не стоило шутить. А еще он был опасен для нее. Опасен тем, что странным образом ее притягивал.

Олеся ступила на утоптанную тропу и неловко поскользнулась. Габор успел подхватить ее, стальной хваткой сжав пальцы вокруг ее локтя. Он оттащил ее в сторону, и, пока выходили Адрианна с Драганом, быстро шепнул на ухо:

— Я все равно узнаю, что вы задумали. Не думайте, что вам удалось скрыть, какие мысли бродят в вашей голове.

Олеся испытала острое желание выругаться. Пара крепких словечек так и грозили сорваться с

языка. Габор пытался ее запугать. И ему это, черт возьми, удастся! Очень не хочется умирать в каком-то чокнутом средневековье, получив второй шанс на жизнь. Она не покажет ему свою слабость. Пусть даже не думает, что сумел так легко ее раскусить. Не поддаваться.

Олеся смело встретила его взгляд. Действительно, как два осколка синего льда. Как она могла испытывать жар от его прикосновений?! Да он же одними только глазами мог заморозить человека и превратить несчастного в холодную глыбу. Но с ней обломится. Пусть идет на ком-нибудь другом тренируется. Олеся поправила капюшон и невинно улыбнулась:

— В моей голове только один вопрос: мой муж так же учтив, как вы?

Олеся не стала дожидаться его ответа и реакции. Сразу же отвернулась и поспешила к Адрианне, но заметила, как на щеках Габора заиграли желваки. Победа-не победа, но Олеся почувствовала себя немного увереннее. Она остановилась рядом с Адрианной, которая повисла на локте Драгана, едва держась на ногах.

— Так ско-о-ользко... — Она захихикала, когда Драган подхватил ее, обняв рукой за талию.

Олеся улыбнулась, чувствуя себя лишней.

— Идемте же скорее! Мне уже не терпится. Я так давно не была на ярмарках. — Адрианна потащила за собой Драгана.

Олеся поплелась следом. Габор суровым голосом давал указания маленькому отряду солдат, окружившему их компанию. Спустя несколько секунд он догнал ее. Без предисловий сразу же пошел в наступление:

— Вы не знаете, как себя ведет Миклош?

Олеся снизу-вверх посмотрела на Габора.

— Я не помню. Совершенно ничего.

Габор не ответил. В кольце стражников они спускались со склона. Шум веселья начал перекрывать скрип снега под ногами. Олеся уже слышала людской смех, крики, гомон и странную непривычную музыку. Спустя минуту перед глазами выросла картинка из книжки сказок. Все так ярко и громко. Олеся не успевала вертеть головой. Несколько человек устанавливали огромный котел. Рядом стоял шест с подвешенным на нем пушистым чудищем. На непропорционально длинных руках и ногах во все стороны у чудища торчали когти. Вместо лица — деревянная маска с жуткой мордой. Из пасти вывалился красный язык, который на деле оказался лоскутом ткани. Все тело этого странного существа напоминало свалявшийся ком шерсти.

Монстр заморозил Олесю. Она понимала, что где-то его уже видела, но никак не могла вспомнить, где именно. Звонкий женский смех отвлек от раздумий. Олеся посмотрела в другую сторону. Девушки в длинных цветастых платьях и распахнутых полушубках гонялись друг за дружкой, размахивая цветными лентами. Вместо головных уборов на них красовались пестрые венки. У одних — из тканевых цветов, у других — ободки, расшитые сверкающим бисером. Неожиданно для самой себя Олеся поняла, что она часть всего этого. Что она хочет точно так же, как эти девушки бегать, падать в снег и зачем-то размахивать цветной лентой. Она хотела себе такой же яркий толстый ободок с узором из стеклянных бусин. Это было ЕЕ место.

К их немногочисленной компании начали стекаться люди.

— Господарь Габор! Господарь! Храни вас небо!

Олеся с удивлением следила за тем, как к ним спешат взволнованные мужчины и женщины. Кто-то усиленно кланялся, а кто-то бухался на колени. Габор кивнул стражникам, и те отступили, позволяя людям приблизиться. Олеся не знала, как реагировать на такую реакцию. Судя по выражениям лиц этих людей, его и боялись, и любили, и уважали и едва ли не боготворили. Габор бросил на Олесю суровый взгляд:

— Будьте рядом.

Олеся почувствовала себя собачонкой. Хозяин оставил. Хозяин приказал. Габор отвернулся к людям, которые пытались обратить на себя его внимание. Многие пробовали вручить ему свои товары, наперебой расхваливая самих себя и заверяя, что у них «Господарь Габор может получить бесплатно все лучшее». Габор изредка бросал на Олесю предостерегающие взгляды, как будто чувствовал, что ей уже надоело тут стоять, как деревянному столбу. Адрианна с Драганом куда-то исчезли, и Олеся с новой силой ощутила свое одиночество и ненужность.

Ей хотелось туда, к смеющимся девушкам. Или к малышам швыряющим снежки в меховое чудище.

Но только не стоять тенью возле «великого господаря Габора». Происходящее уже начинало бесить. Судьба, видимо, решила как следует посмеяться над ней и окончательно уничтожить и без того пакостное настроение. К Габору пробилась высокая статная девица в ярком платке, из-под которого выглядывали длинные черные пряди. Она восторженно смотрела на Габора и подносила ему большой деревянный ковш.

— Это лучшая медовуха во всей Бергандии, господарь. Отведайте — уважьте нас. Она согреет даже лучше женских объятий.

Олеся закатила глаза. Ну это уже слишком. А запрыгнуть на него прямо здесь она не хочет?! Олеся не стала дожидаться ответа Габора. Она отвернулась и потихоньку выскользнула из кольца стражников. Те про нее, кажется, совсем забыли, сосредоточенные на защите своего господаря. Пробравшись сквозь толпу людей, Олеся быстро огляделась. Нужно выбрать место, где ее никто не заметит и не найдет. Пусть уже вся эта странная семейка оставит ее в покое.

Подобрав подол длиннущего платья, Олеся осторожно пошагала в сторону от людей. Она, не спеша, брела по площади, заполненной лавочками со всевозможными товарами. Если раньше у нее и были какие-то сомнения, то сейчас они развеялись полностью. Она попала не в клинику, и ее окружают не сумасшедшие. Она совершенно точно оказалась в другом мире. Непонятном. Странном. Пугающем. Хуже всего было то, что ей, кажется, тут нравилось. Но она не имела ни малейшего понятия, чего ожидать в будущем.

Олеся все больше удалялась от шума голосов. С площади она вышла на улочку, где и лавочек, и людей было меньше. Холодное зимнее солнце вдруг рассыпалось на миллионы сверкающих искр. Олеся зажмурилась и замерла на месте. Она стояла напротив лавки, сверху до низу заполненной стеклянными пузырьками, флаконами и бутылками. К тем, что покрупнее, грубой ниткой были прикреплены сложенные листочки желтоватой бумаги. К самым маленьким не крепилось ничего, и было видно, что внутри жидкость самых разных цветов. В некоторых плавали травинки, лепестки и еще бог знает что. Олеся подошла ближе. Миловидная черноволосая женщина приветливо ей улыбнулась:

— Присмотрели что-нибудь, госпожа?

Олеся восторженно рассматривала искрящиеся флаконы.

— А что вы продаете?

— О, вы наверное не местная?

Женщина махнула рукой в сторону бутылей:

— Это отвары для ванн. Чтобы снять усталость. — Она указала на бутылку с изумрудно-зеленой жидкостью. — Это, чтобы поскорее уснуть. — Взмах руки в сторону бутылки с сиреневой жидкостью, в которой плавали лепестки какого-то цветка. — А вот, чтобы волосы были мягкими и гладкими.

— Ага, значит шампунь? — Олеся не могла отвести глаз от длинных рядов полок.

— Простите, госпожа? — Продавщица, нахмурив брови, смотрела на Олесю, пытаясь понять, о чем она говорит.

Вот же! Опять она забыла, что здесь все совсем иначе. Олеся как ни в чем не бывало улыбнулась и указала пальцем на маленькие флаконы:

— Не обращайтесь внимания. А что там?

Продавщица сняла с полки несколько невысоких прямоугольных флакончиков.

— Это особые масла. Нужно капнуть в воду одну капельку, и масло сделает свое дело.

Олеся поняла, что хочет захлопать в ладоши, как маленькая девочка. Все это было так... странно. И вместе с тем — волшебным. Она не верила ни одному слову черноволосой женщины, но и уходить почему-то не хотела.

— Что же они могут делать?

— Вот это — придает уверенности в своих силах. Вы сможете сделать то, на что прежде никогда не решались. Это масло поможет очистить голову от дурных мыслей и принять верное для себя решение. А вот это усилит ваш естественный запах и подскажет, что к вам испытывает ваш избранник.

Олеся едва не расхохоталась. Ну это уже совсем фантастика.

— И как оно может подсказать?

— Если мужчина к вам равнодушен, то он никак не отреагирует, а если... хм... — Женщина немного покраснела и лукаво улыбнулась. — Если он испытывает к вам чувства и... томление... то он не сможет устоять перед вашим ароматом.

Олеся вздернула брови, не зная чему больше удивляться. «Томлению» или чудесным свойствам эликсира сомнительного происхождения. Она была готова купить эту штуку хотя бы просто для того, чтобы потом вернуться сюда и высказать продавщице, что не стоит обманывать людей такой откровенной ложью. Но была проблема. Одно огромное затруднение. У нее ведь не было ни копейки! Да и вряд ли здесь в ходу привычная валюта.

Женщина с неожиданно доброй улыбкой посмотрела на Олеся:

— Вы решили, что вам нужно? Я могу подсказать, какое масло использовать, если вы мне опишите свою проблему.

— Ее проблема в неповиновении моим приказам.

Суровый мужской голос прогремел над головой, как гром. Олеся вздрогнула и резко обернулась. Боковым зрением заметила, что продавщица склонилась в глубоком поклоне.

— Господарь... Да хранит вас небо... Долгих вам лет жизни и процветания вашему роду.

Габор сурово смотрел на Олеся. Его губы кривила жуткого вида улыбка, от которой Олеся хотелось зарыться под снег. От холодного угрожающего голоса тело начало покрываться ледяной коркой.

— Я непонятно выразился? Или вместе с памятью о Миклоше вы забыли значение слов «Будьте рядом»?

Олеся совершенно забыла о данном самой себе обещании молчать и не провоцировать его. Приподнявшись на цыпочки, она гневно прошипела:

— Рядом с вами не было места. Столько желающих, чтобы вы их... «уважили»... Я решила не путаться под ногами у ваших фанаток.

Габор наклонился к ней так низко, что она почувствовала на лице его горячее ароматное дыхание. Что-то хмельное и сладкое. Медовуха, черт бы ее побрал! Несколько секунд Габор пристально смотрел на нее, вновь как будто препарируя. Неожиданно его взгляд переместился на ее рот. Он приоткрыл губы, словно собираясь поцеловать ее. Олеся задышала чаще. Она вдруг поняла, что безумно хочет, чтобы он наклонился ниже и коснулся уже, наконец, ее рта. Ей хотелось почувствовать вкус его поцелуя. Узнать, как он это делает. Нежно и медленно, или страстно и немного грубо?

Но Габор неожиданно нахмурился, сведя брови в одну линию:

— У моих... кого?

Опять она ляпнула глупость. Он и так считает ее сумасшедшей, вступившей в сговор с какими-то демонами, а теперь вообще непонятно что будет думать. Ой, ну а ей какая разница, что он о ней подумает? Если бы он действительно что-то для нее значил, тогда да. А так... Они чужие друг другу люди.

Отвернувшись, Олеся побрела обратно:

— Идемте, а то медовуха прокиснет, пока вы тут со мной болтаете.

Габор не сдвинулся с места:

— Вы же хотели что-то купить? Покупайте.

Олеся почувствовала небывалый прилив злости:

— Ничего я не хотела покупать.

Продавщица с интересом следила за их перепалкой. Олеся окатила ее гневным взглядом, и женщина тут же потупила глаза.

— Маргит... не испытывайте мое терпение. Оно уже на пределе. — Габор схватил ее за локоть и дернул на себя.

Наклонившись, прошептал на ухо:

— И уверяю, вам не захочется узнать, что происходит, когда я его теряю.

Откуда-то Олеся знала, что это не пустая угроза и попытка ее запугать. Она попыталась выдернуть руку, но ничего не удалось. Габор держал так крепко, что она чувствовала жар от его ладони, охватывающий ее тело. Он проникал сквозь несколько слоев ткани, вплавляя нити в кожу. Чувствуя, что от гордости остается одна пыль, Олеся тихо прошептала:

— У меня нет денег! На мне даже одежда чужая — вашей сестры. Ясно?! Поэтому я ничего не собираюсь покупать.

Сдержатъ обиду не получилось и Олеся добавила:

— А вы даже посмотреть не дали.

Габор сжал челюсти. Его черты заострились, а глаза опасно сверкнули.

— Выбирайте все, что вам хочется.

Олеся удивленно вздернула брови. Габор раздраженно подтолкнул ее к лавке:

— Выбирайте!

Олеся вздрогнула от его сурового приказа, больше похожего на угрозу.

У продавщицы от предвкушения удачной сделки загорелись глаза. Олеся чувствовала себя неловко. Даже бывший муж не давал денег на ее траты. Он считал, что все, что не касается еды и оплаты квартиры, она должна оплачивать самостоятельно. Ей приходилось копить на мелочи вроде помады и духов. А тут... Габор ее подозревал во всех смертных грехах и постоянно напоминал об этом, но был готов потратиться на нее.

Оставив безуспешные попытки разобраться в его характере, Олеся указала пальцем на бутылку с отваром, обещающим снять усталость:

— Мы возьмем вот это... — Она посмотрела на флаконы.

Уверенность в силах ей, пожалуй, не нужна. Она и так уже дел наворотила. Бог знает что еще натворит, если будет уверена. А вот принятие верных решений ей не помешает... Да и последний флакон ее заинтриговал.

— И вот эти два.

Продавщица радостно закивала и достала из-под прилавка небольшую корзинку. Устлая дно соломой, она бросила на Габора опасливый взгляд:

— Один крейцер...

Видимо, по здешним меркам это было дорого, и женщина опасалась, что не получит за свой товар деньги. Но Габор, молча, достал блестящую монетку и вложил в протянутую ладонь. Кажется, серебряную. Женщина быстро и осторожно сложила пузырьки в корзинку и протянула Олесе.

— Доброго здравия, госпожа. И вам, господарь.

Габор забрал корзинку, снова схватил Олесю за локоть и потащил за собой, словно боялся, что она в очередной раз сбежит.

— Все? Я растратила все ваши годовые накопления, и теперь придется возвращаться в замок?

Габор удивленно взглянул на нее:

— Вы мне больше нравились, когда молчали.

— Можете надеть на меня кляп, но предупреждаю: я буду сопротивляться.

Габор взглянул на нее таким горячим тяжелым взглядом, что внизу живота стало жарко. Да что же такое?! Она возбуждается от одного его взгляда. Это уже ненормально. На щеках Габора заиграли желваки:

Олеся отвернулась и насупилась. Козел! Подумает он! Неожиданно на глаза попалась захудалая лавчонка. Низенькая, кое-как сколоченная, она скрипела даже под легким порывом ветра. В лавке копошилась сгорбленная старушенция. Ее некогда яркий платок давно выцвел и хоть выглядел чистым, но во многих местах был вытерт и заштопан. На темной одежде стояли заплаты. Седые

волосы задорно торчали в разные стороны, большинство зубов отсутствовало, а лицо состояло из сплошных морщин. Олеся вспомнила свою бабушку — величественную даму, даже на рынок выходящую при полном параде. Но что-то между ними было... общее.

Старушка возилась в своей лавочке, перекладывая из стороны в сторону свечи самых разных цветов и размеров. Низкие, высокие, тонкие и толстые. Желтые, белые, сиреневые, зеленые. Олеся пошла в сторону лавки, но ее бесцеремонно дернули назад. Габор.

— Ну и что вы там забыли?

Олеся указала на старушку, копошащуюся за прилавком.

— Пойдемте к ней?

— В крепости полно свечей.

Олеся попыталась выдернуть руку:

— Послушайте, если вы не хотите идти, то не надо. Я не просила вас ходить за мной.

— Вы напрашиваетесь на неприятности, Маргит, и я вам их устрою.

Олеся скривила рожицу, понимая, что исчерпала весь запас его терпения. Но эта старушка со свечами... Она что-то всколыхнула в ее душе. Пахнущее сдобой и ванилью детство. Связанная бабулей шапка, праздничные колготки с бантиками, купленные по немыслимой тогда цене, и обязательно гоголь-моголь воскресным утром. Олеся пошла к старушке, и на этот раз Габор не стал ей препятствовать. Он шел рядом с ней, все так же держа за локоть.

Заметив их, старушка выпрямилась и радостно улыbnулась, демонстрируя беззубый рот. Ее сморщенное лицо стало похожим на сухое яблоко.

— Господарь наш! Здрав будь! И госпожа молодая. Как хорошо, что вы ко мне пожаловали. — Старушка шамкала губами, и от этого половина слов оказалась едва различима.

— И тебе здоровья, госпожа. — Габор поклонился старушке.

У той аж румянец на щеках проступил. Она выглядела такой довольной, что у Олеси вдруг стало теплее на душе.

— Вы нам продадите... какую-нибудь свечу?

Старушка заулыбалась еще счастливее:

— Конечно, молодая госпожа! Какие желаете? Есть с запахом лаванды. Есть с розовым ароматом. А есть с клевером. А эти вообще чудесные — тут и мелисса, и бессмертник, и ваниль.

Олеся взяла длинную свечу нежно-розового цвета.

— Вот ее и возьмем. И еще ту, что розами пахнет.

Старушка радостно закивала и завернула каждую свечу в шуршащую бумагу.

— Вот, госпожа. Три геллера.

Олеся вопросительно посмотрела на Габора. Он уже протягивал старушке три монетки. На вид они выглядели, как самые обычные медяки. Олеся забрала свечи и потянулась, чтобы положить их в корзинку с флаконами, которую Габор держал в руках. Делая вид, что укладывает свечи, она встала на цыпочки и зашептала Габору в шею, не доставая даже до уха:

— Дайте ей эту... ну, серебряную... Кр... как-то его там.

Габор посмотрела на нее странным взглядом. Что в нем таилось Олеся не могла разгадать, но на всякий случай отступила на шаг. Габор же просто достал еще одну монету и отдал старушке.

— Что вы, господарь?! Я большего за свой товар не прошу.

Габор хоть и отвечал старушке, но продолжал смотреть на Олесю:

— Твой товар моей спутнице приглянулся.

— Благодарствуй, господин. Благодарствуйте и вы, госпожа. Долгих вам лет жизни. И берегите друг друга. Мужчине — стеной быть. А женщине — его поддержкой.

Олеся повернулась к старушке:

— О, нет-нет, мы не...

— Здоровья тебе, госпожа. — Габор перебил Олесю, снова подхватил ее под локоть и потянул за собой.

В кои-то веки Олеся решила промолчать. Габор заговорил первым:

— А вы действительно сумасшедшая. Теперь я точно уверен.

Олеся тяжело вздохнула. Вот и что ему на это ответить? Сейчас наверное действительно лучше промолчать.

Громкий металлический звон разнесся по холодному воздуху. Ритмичные удары привлекли Олесино внимание, и она с любопытством начала оглядываться. Жар полыхнул с одного из домов. Возле него оказался навес, под которым расположилась самая настоящая...

— Кузница! — Олеся с удивлением смотрела на огромного мужчину, больше похожего на медведя.

Он ловко орудовал молотком, отбивая быстрый ритм. Габор сурово оглянулся на Олесю:

— Стойте здесь. И ни шагу в сторону. Если не обнаружу вас, когда вернусь...

Он не закончил. Опалил каким-то странным взглядом, словно не знал, что с ней делать, и отошел к кузнецу. Великан оставил работу и поклонился. Габор о чем-то заговорил, изредка бросая на Олесю предостерегающие взгляды. Она же чувствовала себя дурачком, стоя в одиночестве посреди дороги. Ничего не оставалось, как рассматривать хмурого кузнеца. Он, в основном, только кивал, но вдруг посмотрел куда-то вверх и вытащил длинную цепь. Габор помотал головой, забрал из его рук цепь и на что-то указал на ней. А затем неожиданно посмотрел на Олесю.

У нее внутри все оборвалось. Габор отдал цепь кузнецу и вернулся к Олесе.

— Куда теперь?

«Подальше от вас!» Олеся огляделась, ища место, где сможет оказаться на приличном расстоянии от него. Ее внимание привлек громкий детский смех.

— Туда! — Олеся кивнула головой в сторону пестрой то ли палатки, то ли шатра.

Не дожидаясь согласия Габора, она пошла вперед. У палатки толпились дети. Одни стояли, другие сидели на бочонках. У палатки кто-то соорудил небольшую сцену, размером с кофейный столик. На ней торчали странного вида деревья — наверняка раскрашенный картон, треугольник, видимо, изображающий роль горы, и глиняный горшок. Судя по всему, котел. Дети хохотали и что-то выкрикивали. Олеся остановилась позади всех, чувствуя молчаливое присутствие за спиной Габора.

Аляповато раскрашенный артист неопределенного пола сидел за сценой, обхватывая ее руками. На его ладони были надеты забавного вида куклы. Одна изображала ребенка, вторая — какое-то пушистое существо. Стараясь говорить низким хриплым голосом, актер потряс пушистой куклой:

— Иди сюда, глупый ребенок!

Для куклы-мальчишки у актера нашелся писклявый голос:

— Не тронь меня, демон!

— Мы будем смотреть предоставление для детей? — Шепот Габора обжег ухо, и по телу Олеси вновь побежали мурашки.

Да что ж он на нее так действует? Она не стала оборачиваться к нему, полностью сосредоточившись на происходящем на крошечной сцене. Это пушистое существо было до странного ей знакомо.

— Да. — Стараясь не шуметь, Олеся отвечала тоже шепотом. — Я хочу посмотреть.

— Эта сказка всем наизусть известна. — В голосе Габора слышалось недовольство.

— А я ее не знаю.

— Я могу рассказать вам дома.

Это его «дома» подействовало на Олесю странным образом. Как будто у них действительно был

общий дом, какая-то связь. Гораздо более крепкая, чем ее «брак» с его братом. Олеся покачала головой и обернулась к Габору. Он стоял слишком близко. Задирая голову вверх, чтобы смотреть ему в глаза, ей самой казалось, что она подставляет лицо для поцелуя.

— Если вам скучно, можете оставить меня здесь. Я хочу посмотреть спектакль.

Она быстро отвернулась, чтобы не видеть таинственного ледяного сияния в его глазах, и сосредоточилась на представлении. Мальчишка как раз пытался удрать от чудища. Но пушистый монстр умудрился схватить того и посадить в мешок за спиной, из которого торчали тряпичные головы других детей. Чудище бодро шагало через лес, петляя мимо картонных деревьев и размышляло о том, какой чудесный суп сварит из своей добычи, и гадало, не сменила ли украденная красавица гнев на милость.

Олесю неожиданно увлекла эта история. В очертаниях странного существа виделось что-то знакомое. И это перекликалось с воспоминаниями Маргит, чей разум достался Олесе «по наследству». И вместе с тем она испытывала странное чувство восторга.

Она с детства обожала театр кукол. Денег часто не хватало, но по всем праздникам бабушка обязательно водила Олесю на представления. С замиранием сердца она следила за перипетиями, выпавшими на долю тряпичных персонажей.

Наверное артист с дурацким гримом и в глупом колпаке, который сейчас развлекал ребятню, был и вправду волшебником. Олеся брела по хмурому лесу вместе со странным монстром. Она даже вздрогнула от неожиданности, когда из-за дерева выскочило еще одно чудище.

Олеся удивленно прошептала:

— Разве одного чудовища недостаточно?

— Это Крампус. — Габор тоже шептал, продолжая обжигать ее кожу горячим дыханием. — Главный над всеми демонами.

— А тот, второй? Тоже Крампус?

— Нет, Крампус один. Другой просто демон.

— И зачем они нужны?

Олеся нахмурилась, пытаясь понять. Крампус в это время дотащил детей до пещеры и начал скидывать их в «котел».

— Они просто есть.

Олеся нахмурилась. В словах Габора отчетливо слышалась вера в то, что демоны — вполне реальные существа. Но этого же не может быть! Хотя... она ведь как-то попала сюда? А ведь раньше считала, что подобное происходит лишь в книгах и фильмах. Она внимательно следила за происходящим. Демон помешивал детишек в котле, напевая песенку. Ребята-зрители затаили дыхание, и Олеся вместе с ними. Не отводя взгляда от сцены, чтобы не пропустить ни одной детали, она тихо спросила у Габора:

— Он что же, и вправду собирается съесть детей?

— Да, конечно.

Голос Габора звучал так спокойно и ровно, что Олеся не удержалась и повернулась к нему:

— Я что-то не пойму. Вы верите, что демоны существуют и... едят детей?

Целую вечность он смотрел на нее своим непостижимым взглядом, снимая слой за слоем и пытаясь добраться до самой сути. Олесе стало страшно. Она отвернулась, вновь погружаясь в детскую сказку. Неожиданно Габор вновь зашептал ей на ухо:

— Демоны действительно существуют. Главный из них — Крампус. В конце каждого года он начинает свой обход. Тех, кто вел себя плохо, наказывает розгами и мажет лицо углем. А тех, кто ослушается запрета на прогулки после заката, может схватить и утащить в свою пещеру на скале. Вот как в этой сказке.

У Олеси даже челюсть отвисла.

— И никто ничего не делает, чтобы спасти детей?

— Крампус уже давно никого не похищал. Мы строго соблюдаем все запреты. Иногда в лесу

объявляются обычные демоны. Но они не обладают такой же силой, как Крампус.

Артист умудрялся подражать десятку детских голосов. Они ойкали в котле, умоляя Крампуса простить их и отпустить. Крампус гаденько хихикал, продолжая мешать свое варево. У Олеси внутри все аж сжалось от напряжения. Она и сама не поняла, когда начала воспринимать все происходящее всерьез.

— А если Крампус действительно схватит ребенка? Никому не будет до него дела?

— Почему же? — В голосе Габора отчетливо слышалось удивление. — Отправимся на его поиски.

Олеся все-таки отвлеклась от сцены. Что-то в его словах было такое... Она вдруг поняла, ЧТО именно он сказал.

— И вы тоже отправитесь?

Лицо Габора не выражало никаких эмоций:

— Конечно. Я — господарь этих земель. На мне лежит ответственность за всех, кто здесь живет.

Он действительно настолько благородный? Или просто хочет таковым казаться? Потащил за собой целую армию, опасаясь за свою шкуру, но тут же утверждает, что отправится искать какого-то ребенка, которого и в глаза ни видел.

— Разве не легче вам сидеть в замке? Под защитой и в безопасности? Ребенок ведь сам виноват, что вышел из дома после заката.

Губы изогнулись в усмешке:

— Вы так отчаянно напрашиваетесь на ссору со мной, Маргит... Вот только не могу понять, зачем?

Олеся попыталась вырваться из плена его глаз и не смогла. Слишком поздно она спохватилась. Слишком поздно вспомнила, что это не тот мир, к которому она привыкла. Люди здесь иные. Хотя нет. Люди такие же. Просто мыслят иначе. Опасность здесь кроется не в предательстве мужа, а в закатном солнце. Наверняка, измена тут воспринимается, как наименьшее из зол. Не находя сил отвернуться, Олеся закусил губу. Взгляд Габора тут же переместился на ее рот. Да когда же он поцелует ее?! Ей это необходимо. Никогда, ни разу в жизни она не хотела мужчину настолько сильно. Она прекрасно жила и без секса. Но с Габором... Хотя бы поцелуй...

С трудом вдохнув, Олеся нечеловеческим усилием заставила себя отвернуться. Невидящим взглядом уставилась на артиста и маленькую сцену. Рядом раздался быстрый напряженный выдох Габора. Что занимает его мысли? Кто? Красотка с медовухой наперевес? И почему ее это так волнует? Как будто бы ей есть до него какое-то дело. У него же наверняка полно женщин. Она сама слышала разговор Фиданки и другой служанки в замке. Глупо так реагировать на того, кто каждую ночь и каждый день может иметь новую.

Сказка закончилась. Артист забавно кланялся, облепившим его ребятишкам. Внезапно охрипшим голосом Олеся тихонько пожаловалась:

— Из-за вас я пропустила конец сказки.

— Я расскажу вам, чем все закончилось. Ночью. Когда и положено рассказывать сказки.

Олеся так резко повернулась к Габору, что едва не упала. Его тяжелый пристальный взгляд искрился, как снег под луной. У Олеси перехватило дыхание. Пока не натворила глупостей, она отвернулась и зашагала, сама не понимая и не видя, куда идет. Постоянно оскальзываясь и шатаясь, словно пьяная, Олеся брела вперед. Радостный женский смех вытаскивал из странного состояния полусна. Это были все те же девушки, которые до этого гонялись друг за дружкой с цветными лентами. На этот раз они ходили вокруг небольшого костерка, который кто-то для них развел, и тихонько пели. Слова песни Олеси не могла разобрать, зато разглядела в руках девушек небольшие подожженные... пучки соломы? Ей хотелось спросить у Габора, что они делают, но лучше действительно не открывать при нем рта.

Его присутствие за спиной Олеси ощутила так остро и ярко, как если бы увидела. Горячая и шершавая ладонь поднырнула под ее, легко коснулась и двинулась дальше. Олеся вздрогнула и взглянула вниз, а потом вверх. Габор устроил ее ладонь на своем локте. Он усмехался, небрежно склонив голову к плечу, как будто рассматривал забавную букашку.

— Такое стремление сбежать от меня... Где же ваша внезапно обретенная храбрость?

Олеся чувствовала себя странно. Габор всего лишь взял ее под руку — такое обычное и ничего незначущее действие. Но внутри забурился водоворот. Словно это было нечто большее, чем помощь

неловкой женщине. Муж никогда так не делал. Почему-то он считал, что любое проявление заботы о ней умалит его мужественность. Урод! Почему она вообще все время их сравнивает? Олеся снова взглянула на девушек у костра.

— А раньше я была трусихой?

Габор как будто удивился, услышав ее вопрос. Он пожал плечами и повел ее к ярким палаткам со всевозможными товарами:

— Я не часто с вами общался. Но вы были довольно... замкнутой. По-моему, вы меня недолюбливали.

Он ухмыльнулся, без сомнений провоцируя ее на что-то. Ладно, сам напросился. Или это она напрашивается? Но Олеся все сложнее становилось держать себя в руках.

— А с вашим братом... моим... моим мужем? С ним я тоже была замкнутой?

Чего бы она ни пыталась добиться, цель оказалась достигнута. Лицо Габора напряглось. На щеках проступили желваки, а глаза опасно сощурились. Даже голос изменился. Стал ниже и грубее.

— Понятия не имею, какой вы были с ним.

Габор, как с цепи сорвался. Потащил ее к шатру, едва ли ни волоча за собой. Олеся не могла понять такой странной перемены. Что его вдруг так разозлило? Он же знает, что она — жена его брата. То есть не она — Маргит. Ох... Так действительно можно сойти с ума. Мало того, что в голове полный сумбур, так еще и эти заигрывания с Габором... До добра они не доведут. А что, если все ее эмоции по отношению к нему на самом деле принадлежат Маргит? Ведь чувствует же Олеся ее страх от этого жуткого Крампуса. И зная, висящее в коридоре она узнала. Но в памяти Маргит не было вообще ничего, связанного с Габором. Как Олеся ни пыталась пробиться сквозь сумасшедшие видения, но разглядеть там Габора не удавалось. Похоже, для Маргит он вообще не существовал. А вот для Олеси стал болезненно реальным. Даже слишком. Она должна придумать, как отсюда выбраться. И чтобы не отвлекаться, следует помнить о муже Маргит.

— Выбирайте! — Габор подтащил ее к очередной палатке, чуть ли не швырнув на прилавок.

Мысли о муже тут же вылетели из головы, как Олеся ни старалась их удержать. Она уставилась на десятки ярких украшений. Цветной бисер и кристаллы задорно горели в лучах оранжевого закатного солнца.

Олеся удивленно повернулась к Габору. Он не отводил от нее разъяренного взгляда. Неужели действительно разозлился из-за ее слов о муже? Не может такого быть.

— Что я должна выбрать?

Он прищурился еще больше. На какую-то секунду Олеся показало, что в них мелькают вспышки молний.

— Что хотите, Маргит, то и выбирайте. Вы же за этим рвались в деревню.

Продавец, как и все до него, начал раскланиваться и рассыпаться в восторгах, но Габор его вообще, кажется не видел и не слышал. Олеся неловко поежилась: она терпеть не могла привлекать к себе внимание. Тем более, такое.

— Нет, не за этим. Я просто хотела посмотреть.

— Посмотрели? А теперь выбирайте. — Он уже шипел, как холодный камень, от упавших на него горячих искр.

Олеся вернулась к прилавку, заполненному вышитыми ободками, браслетами и воротниками. Тут были и серьги, и красивые кольца тоже из бисера, и необычные украшения для волос. Олеся выбрала первое попавшееся: искусное переплетение цепочек с маленькими розовыми кристаллами. Они напоминали крошечные звездочки. Нежное волшебное украшение, какое могло быть у Маргит или любой другой девушки, но не у Олеси. В том, реальном мире, муж бы не купил ей ничего подобного — потому что «нечего тратить деньги на всякую ерунду». И она бы сама не купила. Потому что «некуда надеть». А здесь... Здесь ее принимают за другую женщину, и она не имеет права ни на какие украшения. Она вообще здесь ни на что не имеет право. Просто, как говорят, «держит место» до возвращения Маргит. Интересно, она бы одобрила Олесин выбор? Ох, да плевать. Она не выбирала такой исход событий. Олеся ткнула пальцем в украшение:

— Вот это сгодится?

Габор, кажется, немного остыл. Он все еще выглядел злым, но лицо превратилось в ледяную маску.

Опять этот странный прищур, от которого стыла кровь, и сердце то останавливалось, то начинало стучать с невообразимой скоростью.

— Сгодится. — Габор швырнул торговцу блестящие монеты, бросил украшение в корзинку и, схватив Олесю за локоть, потащил дальше.

Она дергалась, как рыба на крючке:

— Пустите же меня! Что на вас нашло?

— Поздно уже. Солнце садится. Нагулялись. — Габор проскрежетал сквозь зубы так, словно это должно было Олесе о чем-то сказать.

— И что? Бойтесь Крампуса? Думаете, он выйдет на охоту за нашкодившим... господарем? — Олеся чувствовала себя безвольной игрушкой в руках умелого артиста. — А как же ваше войско? Кстати, где оно? Что-то я никого не вижу. — Олеся демонстративно обернулась.

Женское пение и смех стали громче. Девушки бегали вокруг разгоревшегося костра. Песня то обрывалась смехом, то вновь возобновлялась. Неожиданно Габор дернул Олесю на себя:

— Вы хотели неприятностей, Маргит? Вы их получили. Не могу отказывать женщине, когда она так горячо просит.

Олеся поняла, что это не простая угроза. Она действительно напросилась на неприятности. Будущее окрасилось в багряно-алые тона заходящего солнца. Карета пылала, а окружающие ее солдаты казались каменными изваяниями. Вот, значит, где его армия.

Один из солдат стремительно открыл дверцу, и Габор без церемоний зашвырнул Олесю внутрь. Рядом упала корзинка, тихо звякнули пузырьки. Путаясь в подоле и цепляясь о ступеньки, Олеся упала на мягкое сидение. Габор последовал за ней, на ходу приказав кому-то:

— Найди Адрианну и Драгана. Мы уезжаем.

— Слушаюсь, господарь.

Олеся с трудом села, убрав упавшие на глаза волосы. Габор захлопнул дверцу и опустился напротив, тяжело отдернув в сторону ворот плаща. Выражение его глаз обещало скорую расправу. Олеся выпрямилась и гордо вскинула подбородок. Ему ее не запугать! У нее тряслись поджилки от страха, но ничего этого она ему не покажет. Габор издевательски рассмеялся:

— Как бы ни пытались храбриться, я вижу, что вы дрожите от страха, Маргит. — Он резко приблизился к ней. Лицо стало серьезным и злым. — У вас есть время до прихода Адрианны и Драгана. Лучше расскажите мне сами, что с вами произошло, или я вырву правду пытками.

Олеся сглотнула ком в горле. Взгляд Габора стал бешеным. Он не шутил. Может действительно признаться? Но если она скажет правду, он не поверит. Подумает, что ее подослал этот странный Крампус. Понимая, что делает шаг в пропасть, Олеся заставила себя ухмыльнуться:

— Вы так обиделись на мои слова? Разозлились, как маленький мальчик. И все, что можете сделать — пригрозить пытками. Пытайте, если это единственное, на что вы способны с женщиной.

С лицом Габора произошло что-то странное. На какой-то миг Олесе показалось, что вены под его кожей вспыхнули, как разряды молний. Она моргнула, и тут же все исчезло.

— Хотите знать, на что я способен с женщиной? — От его низкого хриплого шепота, по телу прошла горячая волна.

Олеся не собиралась отвечать. И так вырыла себе могилу. А что если он и вправду... Она не успела додумать эту мысль — Габор метнулся к ней, прижимая к мягкому сидению. Олеся едва успела сделать вдох перед тем, как губы Габора набросились на ее рот. Именно набросились. Накинулись, как голодные звери. Они с Габором не закрывали глаз, продолжая смотреть друг на друга. Радужки мерцали странными вспылками, а рот... Олеся не выдержала и приоткрыла губы. Габор жадно скользнул языком между ними. Он целовал ее медленно, настойчиво, прикусывая зубами и слизывая тихие стоны. Олеся начала задыхаться. Ее захлестнуло странное ощущение неправильности.

Его губы были твердыми и чуточку шершавыми. Колючая щетина царапала нежную кожу вокруг рта и подбородок. Каждое движение было жестким и вкрадчивым, словно он пробовал ее на вкус.

Олеся поняла, что не так было в этом поцелуе. Он был расчетливым. Каждое движение четко выверено и отрепетировано. Олеся была молчаливой куклой, на которой он отработывал свое мастерство. О, да, он делал это почти совершенно. Ее бедное сердце выпрыгивало из груди от

восторга и ощущения горячих касаний языка. Но душа чувствовала, что все не так. Он просто наказывал ее. Пытался проучить. Ни капли эмоций. Холодный расчет.

Олеся собралась с силами и резко впилась в губу Габора зубами. Он тихо рыкнул, отстранившись. А Олеся ощутила на языке солоноватый привкус крови. Странно пьянящий вкус. Будоражащий. Это возбудило ее больше, чем механический поцелуй. Пристально глядя ей в глаза, Габор слизнул струйку крови, бегущую из раны на губе. Олеся вздрогнула. Ее бросило в жар, и одежда стала слишком тесной.

Снаружи слышались голоса и женский смех, а через секунду дверца кареты распахнулась. Олеся и Габор отпрянули друг от друга. С молниеносной скоростью он пересел на сидение напротив. Сама не зная почему, Олеся ощутила странную обиду. Сначала этот неживой поцелуй, теперь отодвинулся, как будто стыдился ее или считал прокаженной.

Радостно смеющаяся Адрианна забралась внутрь:

— Как же было замечательно! Нам нужно чаще выбираться в деревню. По-моему, мы слишком рано уехали.

Драган лишь молча кивал. Олеся заметила, каким взглядом он смотрел на Адрианну. Восторженно-влюбленным. На лице застыла глуповатая, но счастливая улыбка. Адрианна же покраснелась, явно от смущения. Олеся завистливо вздохнула. Она всегда мечтала о такой любви. Пусть это наивно и глупо, но ей хотелось, чтобы все было, как в сказке. Что она получила в результате? Муж ни капельки не любил и изменял. А Габор холодно демонстрировал свои умения. У него вообще не было сердца. Да и зачем она о нем думает? Он ей никто. Как только выберется отсюда, сразу же обо всем забудет.

Черт! Она ведь хотела разузнать про деда, который бросил ее на дороге. А вместо этого думала только о Габоре. Олеся сердита взглянула на него. Он смотрел прямо на нее.

— Уже закат. Да и Маргит... утомилась. — В его голосе Олеся отчетливо услышала обещание всех возможных пыток, которые только существуют на свете.

Дура! А она-то мечтала о поцелуе. Фантазировала, каким он будет. Технически — совершенный. И совершенно бесчувственный. Получила, дуреха? Чтобы знала, как на чужих мужиков зариться. Пусть, вон, идет к своей Фиданке. Вот уж кто точно будет рад.

— Ой, верно. Закат! — Адрианна не выглядела ни встревоженной, ни испуганной.

Они с Драганом все время переглядывались, после чего Драган загадочно улыбался, а Адрианна начинала хихикать.

— Габор, братец? С кем ты умудрился подраться?

— О чем ты?

Мерзавец, наконец, отвернулся от Олеси и обратил внимание на сестру. Олеся облегченно выдохнула. Она и не заметила, что все это время сидела в жутком напряжении.

Адрианна стала серьезной:

— У тебя кровь из губы идет.

Габор бросил на Олесю быстрый взгляд, который обжег сильнее, чем их поцелуй-недоразумение. Олесе стало интересно, что он ответит, но неожиданно лошади заржали, и карета начала останавливаться. Олеся попыталась выглянуть в окошко, но Габор бесцеремонно толкнул ее в плечо, прижимая к сидению. Рядом неподвижно замерла Адрианна. Габор и Драган почти синхронно откинули плащи и положили ладони на эфесы скрытых в ножнах сабель. Странно, а ведь Олеся даже не замечала, что Габор вооружен.

Он взглянул сначала на нее, а затем на сестру. Приложил палец к губам, призывая молчать. Адрианна тут же быстро закивала. Олеся тоже кивнула, начиная осознавать, что дело плохо. Габор бросил на нее внимательный взгляд и отвернулся к Драгану, указывая пальцем сначала на себя, потом на него. Драган кивнул и пропустил Габора вперед.

Габор открыл дверцу кареты, на ходу вытаскивая саблю и выскакивая наружу. До Олеси донесся и знакомый, и незнакомый голос, от которого внутри все заledenело. Теперь она точно знала, что значит выражение «волосы встали дыбом». Чужие воспоминания вихрем завертелись в голове. Отчетливый свист кнута. Издевательский смех и деревянная маска жуткого монстра.

— Брат! Вот так сюрприз! Не ожидал, что ты нарушишь свой же запрет и покинешь крепость на

закате.

Олесе стало дурно. Ее замутило, и завтрак попросился наружу. Сама того не замечая, она вцепилась в ладонь Адрианны. Та удивленно на нее посмотрела:

— Это же Миклош! Слава Небесам! — От радостной улыбки Адрианны Олесе стало только хуже.

Картинки перед глазами мелькали так быстро и часто, что Олесе начало казаться, будто она летит на карусели. Сумасшедшие видения Маргит сменялись вполне осознанными и четкими воспоминаниями. И от того, что видела, Олеся начинала испытывать почти животный ужас.

Она попала в ад. То, что она очутилась здесь — ее наказание за какие-то грехи. Когда воспоминания Маргит оборвались темнотой, Олеся уже все поняла. Несчастную сумасшедшую женщину убил собственный муж. Убил жестоко и расчетливо. И то же самое ожидает Олесю. Теперь она либо умрет, либо сбежит отсюда. Но есть ли у нее шанс?

Глава 8

Она творила с ним что-то невероятное. Никогда, ни разу в жизни, он не терял контроль и не выходил из себя. Самообладание и выдержка — первое, чему его научили родители. «Гнев — худший советчик.» «От тебя и твоей холодной головы зависят тысячи людей.» «Враги только и будут ждать твоей ошибки. Не сможешь скрыть свои замыслы, и они станут достоянием твоих врагов.» Каждый день отец повторял, что необходимо держать себя под контролем. И до сегодняшнего дня Габор прекрасно с этим справлялся. Он справлялся с этим великолепно. Никто не мог похвастаться тем, что вывел господаря Дьекельни из себя. Никто не мог заранее узнать о его планах. Никто не мог пробить стену его самообладания и вывести на ненужные эмоции. Никто, кроме Маргит. Эта ведьма умудрилась довести его до потери контроля. Так легко и искусно, словно привыкла играть мужиками.

Габор не узнавал сам себя. Пара слов. Чертова пара слов! Не о маленьком мальчике и не о его бессилии с женщинами. Нет, совсем нет. Его вывело из себя упоминание о Миклоше.

Во время этой нелепой прогулки по деревне он совершенно забыл о том, что Маргит принадлежит другому. Его собственному брату. И то, каким голосом она спросила о нем... Нежно, неуверенно, интимно. Как будто между ней и Миклошем было что-то особенное, что не дано понять такому, как Габор. Все остальные слова стали лишь очередными углями в горящем огне. И этот поцелуй... О чем он думал? О чем?! Хотел проучить зарвавшуюся девушку. Хотел наказать ее. Думал, что она забудется в его руках, перестанет соображать и прижмется к нему в поисках новой ласки. Ну или хотя бы смутится. Но она укусила его. Укусила! И кому он что доказал? Только сделал хуже самому себе. Потому что узнал, каковы ее губы. Мягкие, нежные, вкусные. Хотелось впиваться в них зубами и втягивать в свой рот. Хотелось ощутить их везде на своем теле. Теперь мысли об этом будут неустанно преследовать его.

Нет смысла отрицать, что он безумно хочет заполучить ее в свою постель. Габор не мог выбросить из головы картины того, что мечтает сделать с Маргит. Она забудет и о Миклоше, и обо всем на свете. Будет умолять его продолжить и соглашаться на все, что он прикажет ей сделать. Каким бы постыдным ей это ни казалось. Она будет его. В его власти. Полностью покорная и подчиненная. Он сделает так, что Маргит будет зависеть от его ласк. Они станут ей жизненно необходимы. Превратятся в ее наркотик. И она сама будет умолять его не отдавать ее Миклошу.

Наваждение какое-то. Габор понимал, что его влечение к Маргит переходит все допустимые границы. Если не прикоснется к ней снова, не поцелует, то сойдет с ума. Ее губы так послушно раскрывались под его губами. Она тихонько стонала ему в рот, согревая теплым дыханием, от которого Габор вспыхнул, как сухой хворост. Он едва удержал себя в узде, когда коснулся языком ее губ. Ему хотелось, нет, нужно было! превратить этот поцелуй не в наказание, а в порочное наслаждение. Чтобы только целуясь с ним, Маргит уже чувствовала себя принадлежащей ему. Это точно наваждение. Сумасшествие. Она околдовала его. Должно быть, это и впрямь происки Крампуса.

Когда карета начала останавливаться, Габор готов был вслух благодарить Небеса. Находиться в тесном пространстве, напротив Маргит, знать, что его губы совсем недавно касались ее губ — это сложно. Очень сложно. Невозможно было удержаться от желания хотя бы дотронуться до нее. Провести пальцами по нежной бледной коже, слегка тронутой румянцем. Вынужденную остановку Габор воспринял, как спасение. Он ринулся вперед, готовый к встрече с демоном, почти надеясь на нее. Он был готов ко всему. Даже к проклятому Крампусу! Но не к тому, что из кареты вальяжно и не спеша выйдет Миклош.

Хитрый гаденыш выглядел обрюзгшим, как будто пил, не просыхая, несколько дней подряд.

— Брат! Вот так сюрприз! Не ожидал, что ты нарушишь свой же запрет и покинешь крепость на закате.

Габор сжал зубы и огляделся, все еще надеясь увидеть демона. Но вокруг, как назло, все было спокойно. Габор не торопился убирать саблю. Миклош прибыл не вовремя. Хотя, учитывая все произошедшее с Маргит, сильно задержался. Как бы невзначай прикрыв дверцу кареты, Габор заставил себя улыбнуться:

— Кто еще осмелится нарушить мой запрет, если не я сам?

— Ха-ха-ха! Ты всегда любил ходить по краю. Раз уж мы встретились тут, отправимся в крепость вдвоем? — Миклош шагнул к карете, но Габор быстро преградил ему дорогу.

— Там у меня... дама, не совсем одетая. Сам понимаешь, она не готова к новому знакомству.

Миклош заржал. Габор в очередной раз убеждался, как между ними мало общего.

— Боишься, что она увидит меня и сразу же забудет о тебе?

Габору захотелось всадить кулак в его самодовольную рожу. Знал бы братец, кто сейчас находится в карете. Мысли вернулись к Маргит. Кого же на самом деле она предпочтет? Его или брата? Идиотизм какой-то. Она уже выбрала Миклоша. Но ведь и сам Габор не обращал на нее внимания до последнего времени.

— Да. — Габор пожал плечами. — Есть такие опасения.

— Не думал, что ты опустишься до подобного. — Миклош задумчивым взглядом буравил карету. — Ты всегда такой правильный. И кто же там? Какая-нибудь аристократочка? Или служанка?

Проклятье! Там же Адрианна. И она наверняка слышала голос Миклоша.

Пока сестра не выдала его, Габор направился в сторону кареты Миклоша.

— Я тоже человек и мне тоже иногда хочется расслабиться. — Габор распахнул дверцу кареты, пропуская брата вперед.

Когда Миклош, наконец, приблизился, Габор едва ли не силой впихнул его внутрь. Кивнул своему кучеру:

— Следуй за нами.

Он лишь надеялся, что успеет увести Миклоша до того момента, как появится Маргит.

— Ты один? — Габор демонстративно осмотрел пустую карету. — А где же супруга?

Лицо Миклоша изменилось. Моментально. Габор часто видел подобное. Тем более в брате. Знал его слишком хорошо, чтобы не разглядеть быструю смену масок. В детстве он часто становился свидетелем того, как Миклош принимал обиженный несчастный вид, пытаясь получить от родителей желаемое. Сейчас он выглядел так же — несчастным мальчиком, несправедливо обиженным страшим братом.

— А моя супруга, дорогой брат, сбежала. Вот так-то...

Габор подумал, что ослышался. Значит, сбежала... И кто же из них двоих врет?

— Как это — «сбежала»? Она же... Не совсем в себе.

Ему нужно знать, известно ли Миклошу о чудесном исцелении Маргит.

— Не в себе, но так же коварна как и все женщины. — Миклош отвернулся к окну, видимо, пытаясь скрыть свои истинные эмоции.

Габор едва зубами не заскрежетал. Ему что, силой вытаскивать из него подробности? Нет, Миклош сам ему все расскажет. Он не будет давить. Просто немного подыграет.

— Я никогда не понимал, зачем ты женился на этой полоумной.

На лице Миклоша мелькнуло раздражение. Кажется, подействовало.

— Я любил ее. Тебе, брат, неизвестно, что это такое.

Ну, да, любил. А как же тот смазливый слизняк?

— Ты любил ее, а она любила наши деньги.

— Не все меряется деньгами, брат. Я думал, она тоже меня любит. Возможно не так сильно, как я ее, но любит. И что же выясняется? Она умудрилась за моей спиной завести любовника и сбежать с ним! С каким-то крестьянином!

Габор на секунду утратил дар речи. Любовник? У Маргит? Когда же она умудрилась?

— Ты серьезно? Или решил подшутить?

— Мне не до шуток! — Миклош неуверенно заерзал на своем сидении.

Значит, все-таки, врет... Габор решил играть роль глуповатого старшего брата, одержимого приличиями.

— Нужно ее найти! Она позорит наш род.

Миклош скривился. Какую ложь придумал на этот раз?

— Я почти ее нашел. Выследил на пути в столицу, но им удалось уйти.

— Я дам своих людей. Они найдут и Маргит, и ее любовника. С кем она спуталась?

— С крестьянином, сказал же. Я не буду продолжать поиски, Габор. У меня все еще сохранилась гордость. После того, как своими глазами видел их поцелуи прямо посреди дороги... Пусть катится к Крампусу! Собралась в столицу? Вот там пускай и остается.

Габор запоминал каждое слово в этом нагромождении лжи. Что за игру затеял Миклош? И что скрывает Маргит?

— Как давно это было?

— Да вот вчера днем и было. Как увидел, решил: катись на все четыре стороны. Повернул карету и отправился сюда.

Маргит не могла целоваться посреди дороги со своим любовником — она уже три дня в замке. А вчера так и вовсе едва стояла на ногах. Если любовник и был, в чем Габор сильно сомневался, то он бросил Маргит. А вот в чем никаких сомнений не было, так это в лжи Миклоша. И если он зачем-то врет о том, что вчера видел Маргит целующейся... значит, скорее всего, врет и об остальном. У Маргит не могло быть другого мужчины. Не могло! Габор не желал верить, хоть и понимал, что это невероятно глупо. К тому же, Миклош ни слова не сказал о ее «исцелении». Вряд ли ему об этом известно.

Габор соображал быстро, как мог, складывая в голове кусочки головоломки. Как в детстве. Родители часто заставляли их соревноваться, считая, что это каким-то образом заставит сыновей стремиться к лучшему. Габору часто казалось, что родители их просто стравливают, делая ставки, какой из сыновей не выдержит первым и вцепится в глотку другому. Хотя, конечно, это было не так.

Но вот сейчас... Сейчас нужно соображать. Миклош врет. Зачем он это делает? Что произошло между ним и Маргит на самом деле? Они скоро приедут в крепость, и Миклош, так или иначе, узнает об исцелении Маргит. Или уже знает? Конечно! Как он сразу не подумал?! Похоже, после поцелуя он перестал соображать.

Габор нахмурился:

— Как она умудрилась завести любовника, если даже не может говорить? Вряд ли он писал ей любовные письма. Сомневаюсь, что она умеет читать и писать. Да и крестьяне грамотностью не могут похвастаться... Ты сам-то с трудом с ней общался.

Габор видел, как брат сжал губы. Он уже практически не сомневался, что все сказанное — ложь. Маргит не сбегала с любовником. Нет. Габор не верил в это. Не хотел верить. И раны от кнута на ее спине... Что случилось? И что они оба скрывают?

Лес начал редеть и в квадрате окна показались очертания замка. Габор решил поднажать:

— Так какие у тебя мысли на этот счет?

Миклош скривился, но тут же нацепил на лицо печаль:

— Никаких. Откуда я могу знать, как они договорились?! Она же сумасшедшая. Кто знает, что у нее там на уме.

Габор сдержал ухмылку.

— Раньше ты выходил из себя, когда кто-то называл ее сумасшедшей.

Габор видел, что Миклош с трудом сдерживается. Злился и пытался подавить ненависть, но она упорно проскальзывала на лице и в глазах. Его история была шита белыми нитками. Скорее всего, Миклош даже не утруждал себя тем, чтобы придумать сколько-нибудь правдоподобную версию. Он всегда был самовлюбленным подонком, уверенным в собственной безнаказанности. Ему вряд ли пришло в голову, что кто-то может не поверить в его историю.

Маргит не будет принадлежать ему. Нет. Габор знал, что сделает все, чтобы выяснить, что произошло на самом деле, а потом заберет Маргит себе. Что-то долго Миклош молчит. Нельзя позволять ему собраться с мыслями и придумать новую отговорку. Габор стер с лица все эмоции. Миклош никогда не поверит, что он вдруг превратился в заботливого старшего брата.

— Что ты намерен делать?

Миклош нахмурился. Видимо, уже успел расслабиться.

— Что ты имеешь ввиду?

— Твою жену. Нужно же ее найти.

Миклош побледнел, но быстро взял себя в руки. Подонок прекрасно умел притворяться и жонглировать эмоциями. Но и Габор бы не был тем, кем стал, ведись он на подобное.

— Зачем ее искать? Я ей не нужен. Она сбежала с жалким крестьянином. Предпочла его мне! А раз так — то и она мне теперь не нужна.

Не знал бы Габор Миклоша, поверил бы и сердитому выражению его глаз и обиде на лице и даже горечи в голосе.

— Дело касается всей нашей семьи, Миклош. Маргит — ее часть. Я не позволю смешивать наше имя с грязью. И не позволю, чтобы на каждом закоулке обсуждали то, как полоумная безродная девица обвела вокруг пальца нас всех, выставила дураками, наставила тебе рога, а затем сбежала.

Миклош все-таки не сдержался. Потерял контроль. На лице появилось злобное раздраженное выражение. Роль скучного главы семейства всегда удавалась Габору лучше всего. Может, потому что он таким и был? Привык с детства отвечать за все и всех, в то время как Миклош мог развлекаться, как душа пожелает. Габор загнал непрошенные воспоминания поглубже в память, туда, где всегда их хранил. Сейчас у него другая цель. И все меньше времени до приезда в крепость. Меньше времени до того момента, когда Миклош увидит Маргит, а она его. Габор хотел посмотреть на их реакцию от встречи друг с другом — она о многом могла бы ему рассказать. Но какое-то внутреннее предчувствие твердило, что это плохая идея. Чем дольше они не будут видеться, тем лучше. Невозможно скрыть от Миклоша приезд Маргит. Как и то, что она теперь говорит. Другой вопрос начал мучить Габора: как давно она говорит. Он не сомневался в том, что все эти годы Маргит не притворялась. Нет. Но что-то же случилось. Что-то, что вернуло ей голос и речь, окрасило один глаз в голубой и наделило неожиданной смелостью. Или глупостью, раз посмела спорить с ним. Но даже так сильно изменившись, она все равно оставалась странной. Как будто сумасшествие оставило на ней легкий отпечаток своего прикосновения.

Габор взглянул на Миклоша. Нужно срочно вызвать своих людей из замка брата и переговорить с ними. Должны же они были что-то заметить.

Миклош все еще пытался взять себя в руки. Он постоянно отворачивался к окну, чтобы скрыть свою растерянность, но Габор видел, как бегают его глаза. Да, это тебе не с любовником развлекаться.

Миклош наконец пришел в себя.

— Как считаешь нужным, брат. Ты же — глава рода. Мы все давно научились плясать под твою дудку. Выбирай музыку, а мы станцуем.

В его словах слышалась не злость, нет. Обида. Обычная детская обида. За то, что родился младшим. И — странная самоуверенность. Как будто он был уверен в своей правоте и своем успехе. Копыта лошадей застучали по камню, карета поехала по ровной поверхности. Крепость. Габор тут же собрался. Нужно увести Миклоша со двора. Даже если Маргит будет вести себя смирно, в чем Габор сильно сомневался, то Адрианна наверняка ляпнет лишнего. Она обожала Миклоша, не желая видеть червоточину, появившуюся в нем, кажется, с рождения. Габор почти не сомневался, что Адрианна сразу же расскажет Миклошу и о том, как нашла Маргит, и о ее исцелении. Этого допускать нельзя. Прятать Маргит от Миклоша он не сможет. Да и кто-то из слуг проболтается. Они просто могут обсуждать это между собой, как было в тот раз, когда Маргит умудрилась их подслушать. Нет, он должен поступить иначе. Сейчас Миклоша легче всего вывести на эмоции и заставить ошибиться. Он зол из-за расспросов, устал с дороги и, похоже, уверен в том, что удастся выбраться сухим из воды.

Габор и сам не знал, почему заранее принял сторону Маргит. Она ведь действительно могла сбежать с любовником, который ее избил и бросил умирать на дороге. Но... но что-то внутри упорно твердило, что это не так. Она не поддалась ему, отвергла поцелуй, которым он хотел ее проучить. Спорила с ним и дерзила. Вряд ли бы простой крестьянин вообще удостоился ее взгляда. Габор пытался придумать оправдания, но понимал, что просто не хочет верить в то, что она могла с кем-то спутаться. К тому же он слишком хорошо знал Миклоша. От него сбежала бы и святая. Хоть с крестьянином, хоть с демоном. Габор вдруг вспомнил, как Адрианна просила его разобраться в том, что происходит между Миклошом и Маргит. Он ведь не собирался этого делать. Не было никакого желания лезть в их семью. Но теперь все изменилось. Все изменилось в тот момент, когда Маргит выскочила прямо на его саблю, не боясь острого лезвия и смотря прямо в глаза. Перед ним словно была другая женщина. Вроде бы и черты лица те же, но все-таки незнакомка. И эта незнакомка околдовала. Какой-то странной демонской властью. Опутала его своими интригами, и теперь он готов биться за нее насмерть.

Карета совсем замедлилась и остановилась. Габор быстро выскочил наружу и кивнул подоспевшим слугам:

— Проводите господина Миклоша в его комнаты и проследите, чтобы он получил все необходимое.

Габор смотрел вдаль, где за поворотом уже показывалась вторая карета. Снова обернувшись к Миклошу, который с недовольством зыркал на окруживших его стражников, Габор вновь превратился в заботливого старшего брата.

— Ты долго был в пути. Отдыхай, сколько пожелаешь.

Миклош недовольно скривился:

— Так торопишься избавиться от меня?

Габор хмыкнул:

— Как ты угадал?

— Не переживай, я не буду претендовать на твою пташку. После тебя подбирать не хочется.

Габор знал, что Миклош пытается его уколоть. В этих словах было столько всего... Словно Габор был виноват в том, что родился первым. Но он уже давно перестал реагировать на подобное. Наоборот, у него было огромное желание рассмеяться в лицо брату. Конечно, он не будет претендовать. Хотя бы потому, что интерес у него вызывают мужчины. Но Маргит все еще его жена...

Габор подождал, пока Миклош скроется в замке. Он пристально следил за тем, как брат исчезает в сумраке холла, где еще не были зажжены ни свечи, ни факелы. Солнце бросало последние лучи на крепость, на темные стекла и утоптаный снег. Казалось, что все кругом тонет в огне и крови. Габор повернулся ко второй карете. Едва кучер натянул поводья, дверь распахнулась, и наружу вылетела Адрианна.

— Где Миклош? Почему ты его не позвал к нам? Я же слышала. Это точно он!

Габор любил сестру. Прощал ей многое. Но эта ее наивность, которая была бы нормальна для ребенка пяти лет, но никак не для взрослой женщины, начинала раздражать. Стараясь не выйти из себя и не наговорить лишнего Габор втянул сквозь зубы холодный воздух:

— Послушай меня внимательно, Адрианна. Сейчас вы с Драганом займетесь, чем угодно, но ни словом не обмолвитесь с Миклошем. Даже не вздумай идти к нему и приветствовать.

Адрианна попыталась его перебить:

— Но...

Габор видел недоумение, появляющееся на ее лице. Адрианна легко может все испортить и даже не понять, что натворила. Из кареты выбрался Драган. За его спиной Габор рассмотрел силуэт Маргит. Она по-прежнему сидела на своем месте и не двигалась. Как будто, кукла или статуя. Габор понял, что переживает за нее. Напряженность позы видна даже отсюда. Маргит боится и переживает. Но из-за чего? И что ее так пугает, что она даже не двигается.

Как только Драган встал рядом с Адрианной, Габор повернулся к нему:

— До тех пор пока я не позволю, с Миклошем вы не общаетесь. Даже не подходите к нему. Я жду всех за ужином. Это ясно?

Судя по лицу, Драган воспринял это как странную причуду, но Габору было плевать. Лишь бы удержал сестру.

— И вот еще что: не болтайте о Маргит. Ни со слугами, ни с Миклошем.

— Но как же так? — От возмущенного возгласа Адрианны застучало в висках. — Он наверняка извелся от переживаний. И Маргит тоже... И...

Габор одернул сестру:

— Адрианна, это приказ твоего господаря. Он не обсуждается. И не спорь со мной. Вы с Драганом сделаете так, как я сказал. Все. А теперь ступайте внутрь. Холодает.

Габор обошел застывшую пару и скользнул на сидение напротив Маргит. Одного взгляда на ее лицо

оказалось достаточно, чтобы понять: никаким любовником тут и в помине не пахло. Конечно, он мог себя обманывать, но Маргит никак не походила на женщину, застуканную мужем на измене. Нет, она казалась насмерть перепуганной. Слишком бледной. Руки сцеплены на коленях и судорожно сжимаются. Ему захотелось сесть рядом и обнять ее. Прижать к своей груди, успокоить, сказать, что защитит от всего. Но Габор подавил этот странный порыв и лишь коротко произнес:

— Ваш муж уже здесь.

Маргит резко подняла голову, как будто только заметила его. Несколько секунд она просто смотрела, а затем отвернулась к окну. Габор понял, что начинает выходить из себя.

— Маргит, посмотрите на меня.

Она не послушалась. Продолжила сидеть, как каменная статуя, глядя в одну точку и не моргая. С ней он слишком легко теряет контроль и способность нормально соображать. Нельзя так реагировать на женщину. На чужую женщину. На жену брата. Но он уже проиграл этот бой. Габор обхватил подбородок Маргит и развернул ее лицо к себе.

— Самое время признаться мне, что между вами произошло.

Ее взгляд блуждал по лицу Габора, и он вдруг ощутил себя перед ней странно обнаженным. Как будто Маргит были известны те его секреты, которые он намеревался унести с собой в могилу. Она что-то искала в его глазах, перерыла всю душу, перекопала нутро. Габор никак не мог понять что именно она ищет в нем. Наконец Маргит разлепила пухлые губы и хрипло печально произнесла:

— Вы все равно мне не поверите...

Габора накрыло странной горячей волной. Он почувствовал себя мальчишкой, которому безумно важно оправдать ожидания взрослых. Хотя нет... Ожидание одного взрослого — девушки, которая его странным образом приворожила. Откуда все это? В детстве и юношестве он не страдал от любви и подобной чепухи. Не было ни одной женщины, которая смогла бы тронуть его сердце. Но Маргит... Эти ее перемены. Загадочное исцеление. У нее был миллион секретов, и Габор подозревал, что никогда даже не приблизится к разгадке хотя бы одного из них. Вместе с тем он хотел ее защитить. Это желание стало потребностью. Словно бы именно для этого он и был рожден, а вовсе не для управления богатыми и обширными землями. Он ласково провел по нежной холодной коже Маргит, легонько сжал подбородок.

— Скажите, что произошло. Я разберусь.

Она покачала головой и, печально улыбнувшись, повторила:

— Вы не поверите.

— Просто расскажите мне!

— Вы УЖЕ не поверили.

— О чем вы? — Габор пытался зацепиться хоть за что-то. За смену эмоций на ее лице, за выражение глаз, позу. Но Маргит все так же отводила взгляд и не желала смотреть ему в глаза. Что-то случилось. Между ней и Миклошем что-то произошло. Но почему-то она не желает говорить. Во что он не поверил? Какие ее слова показались ему недостаточно убедительными? Габор пытался вспомнить и не мог. За несколько дней они умудрились наговорить друг другу столько всего... Габор ни с одной женщиной столько не разговаривал, сколько с Маргит. Да и с мужчинами все больше слушал.

— Маргит, если... если Миклош вас обидел, то расскажите мне. Я смогу помочь.

Она резко обернулась к нему, глаза сверкнули в сгущающемся сумраке кареты. Габор отчетливо увидел, как темно-карий цвет радужки заполняется ослепительной голубизной. Спустя один краткий миг оба ее глаза стали голубыми. С красивыми серыми крапинками, которые придавали взгляду странную глубину. То ли предрассветное небо, то ли темная опасная река. Знала ли Маргит, что происходит с ее глазами? Габор пытался понять, что это за магия, демонская она или иная, а Маргит его вдруг снова удивила:

— Нет. Он не обидел...

Габор был так заворожен ее взглядом, неестественно пугающей и вместе с тем потрясающей красотой, что едва не прослушал тихий дрожащий шепот:

— Он сделал кое-что гораздо-гораздо хуже...

Не отрывая взгляда от ее глаз, он снова хрипло приказал:

— Расскажите мне.

Она горько усмехнулась и покачала головой:

— Вы его брат. Вы будете на его стороне.

Он что-то хотел сказать, но сам не знал что. Да и зачем слова? Что они решат? Как помогут? Разве что он сможет как-то доказать Маргит, что не такой, как брат. Что отличается от него. Вряд ли намного лучше, но... Но она должна выбрать его. Габор успел лишь удивиться этим странным мыслям. Он взрослый мужчина, господарь великих земель, а пытается заслужить одобрение женщины. Которая ему к тому же не принадлежит... Но дальше не стал додумывать. Он потянулся к ее губам. Это все ее завораживающий колдовской взгляд. Демоны бы его побрали! Ее взгляд заставлял его делать то, что хочется, а не то, что должно. Габор наклонился ниже. Этот поцелуй будет другим. Он привяжет Маргит к нему. Он заставит ее довериться. Он станет ей необходимым и сотрет из ее памяти и души Миклоша.

Габор выдохнул теплый воздух на губы Маргит, и они призывно приоткрылись. Как будто она все-таки ждала поцелуя. Такому приглашению Габор сопротивляться не мог. Он коснулся ее губ, слегка зажал зубами нижнюю и ласково провел по ней языком. Он ощутил каждую трещинку и впадинку. Ее губы были теплыми и мягкими. Слишком нежными. Габор не смог удержаться и снова лизнул.

Маргит тихо вздохнула и чуть подалась ему навстречу. Габор сжал ее плечи, притягивая ближе к себе. От нее исходил мягкий жар, который вызвал лихорадку во всем теле. Ладони сами собой забрались под ее плащ, коснулись тонкой талии. В памяти всплыл силуэт под сорочкой. Очертания груди. Габор скользнул языком в горячую глубину рта. Нашел язык Маргит и жадно лизнул бархатистую поверхность. Маргит отозвалась на эту ласку. Отозвалась страстно и совсем не робко. Так, что у Габора все мышцы натянулись, как тонкие струны. Он готов был взять ее прямо здесь, в карете. Сделать правдой ложь, придуманную для брата. Габор впился в губы Маргит, не позволяя ей дышать чем-то, кроме того же воздуха, каким дышал он. Чтобы одно на двоих дыхание связало их крепкой нитью. Он потянул ее к себе на колени, вдавливая пальцы в нежное тело. Язык стал хозяином в ее рту. Стремился подчинить и установить свою власть, лаская щеки и небо, сталкиваясь с ее языком. Кровь так громко шумела в ушах, что он не слышал ничего, кроме их собственных тяжелых дыханий. Маргит была потрясающей. Пахла морозом, травами и душистыми цветами, а ее вкус... Габор хотел знать, какова она на вкус в самых потаенных местах ее тела.

Он не удержался и накрыл ладонью грудь, сжал, мечтая добраться до обнаженной кожи. Маргит протяжно застонала ему в губы, и Габор сорвался с цепей контроля. Рывком перетянул ее к себе на колени, разводя бедра Маргит и заставляя ее усесться на него верхом. Он задрал подол ненавистного платья и сжал округлую коленку. Двинулся дальше, нетерпеливо стаскивая чулок. Маргит ему необходима. Чтобы кожа к коже, горячие откровенные ласки и никаких запретов.

Пальцы Маргит путались в его волосах, скользили по шее, посылая волны дрожи по всему телу. Ее прикосновения такие страстные и неимоверно яркие заставляли мышцы сокращаться от нетерпения. Бедра были безумно напряжены. Габор сдвинулся вперед, стремясь прижаться теснее к Маргит, вдавить в ее тело возбужденную плоть. А она снова его едва не убила. Начала плавно двигаться, скользя на коленях, то прижимаясь к рвущему брюки члену, то отстраняясь. Габор зарычал ей в рот, жадно впился в губы. Он возьмет ее прямо здесь и сейчас. В этой проклятой карете. Насадит на свой член, войдет до упора и будет врываться в ее тело, пока оба не охрипнут от криков, а пот не пропитает одежду.

Маргит вдруг резко отстранилась и попыталась слезть с его коленей. Габор успел перехватить ее, вцепившись в тонкие хрупкие запястья. Она мотала головой из стороны в сторону и соблазнительно покусывала губу. По бледным щекам разлился яркий румянец, а голубые глаза лихорадочно блестели. Габор понял, что еще пара минут и кончит, просто глядя на нее.

Маргит хрипло простонала:

— Это неправильно...

Габор с трудом вник в ее слова. Неправильно? Неправильно?! Да это самое правильное, что он когда-либо делал в своей жизни. Все еще держа ее за руки, он потянул Маргит на себя:

— Теперь ваше место здесь. — Он взглядом указал на свои колени. — Вернитесь.

Ее румянец стал ярче. Глаза грозно сверкнули. Длинные локоны возмущенно колыхнулись, словно от ветра:

— Я вам не домашний питомец, место которого у ног хозяина.

Небеса! Да поговорят ли они хоть раз нормально? Будет ли между ними разговор, который не закончится спором или ссорой? Впрочем, ему хотелось заниматься с ней вовсе не разговорами.

Габор криво ухмыльнулся:

— У меня нет домашнего питомца. Но увидеть вас у свои ног я бы не отказался.

Судя по выражению ее лица, Маргит прекрасно поняла, что он имел ввиду. Она гневно приоткрыла рот, наверняка собираясь ответить ему что-то резкое, но сразу же его захлопнула. А Габор едва подавил стон, представив, как ее губы обхватывают его возбужденную плоть. И тут же в душе проснулась ревность. Неужели и Миклош получал от нее такие ласки? Руки крепче стиснули ее запястья. Подобной ревности он не ощущал ни разу в жизни. Похоже, именно так себя чувствуют избалованные дети, которые хотят, чтобы лучшие игрушки принадлежали только им одним.

К ревности примешалась и неожиданная злость:

— Что же вы молчите? Обычно я достаиваюсь от вас стольких комментариев...

Габор резко дернул Маргит на себя. Она тихо вскрикнула от удивления и опять закусила губу. Габор едва слышно выругался сквозь зубы. Это движение его добьет. Он накрыл ладонью попку, обтянутую тканью платья и надавил, прижимая Маргит еще ближе, устраивая отвердевшую плоть в развилке ее бедер. Как же хорошо... Ничто не сравнится с этим ощущением — быть рядом с ней и в то же время отделенным от нее несколькими слоями ткани. Предвкушение наслаждения — сладчайшая пытка. Маргит вдруг тоже усмехнулась и легонько поерзала, задевая налившийся кровью член.

— Могу вам песню спеть. Или стишок рассказать. Хотите?

Вот же bestия! Габор хотел и рассмеяться, и проучить ее, чтобы выбирала выражения. Но этим он займется, когда они останутся наедине. В постели.

— Хочу, Маргит... Я столько всего хочу...

Она сжала губы и вновь начала вырываться.

— Я тоже хочу. Чтобы вы меня отпустили.

— А я этого делать не хочу.

Маргит недовольно сжала губы, и Габор едва удержался от желания ее поцеловать. Теперь, когда знал, каково это, терпеть становилось практически невозможным. Маргит гневно тряхнула головой.

— Я уже поняла, что мои желания здесь не учитываются.

— Почему же? — За руки Габор медленно притянул ее к себе, пока их лица не оказались в миллиметре друг от друга. — Если ваши желания совпадают с моими, то они учитываются в первую очередь.

Глаза Маргит снова сверкнули. На лице застыло странное выражение. Как будто ей было больно.

— Не пойму, зачем вы все это делаете... Надеетесь, что сюда ворвется ваш брат, и вы сможете доказать всем, какая я плохая?

Проклятье! Он совершенно забыл о Миклоше. Его приезд напрочь вылетел из головы. И зачем только Маргит напомнила?! Какого демона думала сейчас о нем? Но она сказала «ваш брат», а не «мой муж». Или он просто цепляется за слова в надежде, что между ними не все так гладко? Пытается придумать оправдание своей слабости перед ней.

Неожиданная злость наполнила рот горечью, стирая невероятный вкус поцелуя Маргит. Едва ли не сбросив ее с колен, Габор ссадил Маргит обратно на сидение. Она прерывисто выдохнула, наверное, не ожидая подобного обращения. На ее лице отразилась обида. И все равно Маргит выглядела соблазнительно. Невозможно было сопротивляться ей. Плащ съехал в сторону. Подол платья задрался, обнажая ноги. Чулок съехал вниз, высвободившись из плена подвязки. И, кажется, она не испытывала ни малейшего чувства неловкости. Обида уступила место злости.

— Я отослал Миклоша.

Маргит окинула его презрительным взглядом:

— Как предусмотрительно.

Наверное она заметила, что он как последний дурак пялится на ее ноги. Медленным движением Маргит развела колени в стороны, а затем чуть нагнулась и принялась поправлять чулок. Решив забить еще один гвоздь в крышку своего гроба, Габор насмешливо вздохнул:

— А вы, я вижу, не обременены таким пороком, как скромность...

На ее щеках вновь расцвел яркий румянец. Но судя по лихорадочному блеску в глазах, вовсе не смущения или стыда, а гнева.

— А зачем? Вам ведь будет намного проще вывести меня на чистую воду, если я не буду краснеть и падать в обморок каждый раз, когда вы полезете ко мне со своими детскими поцелуйчиками.

Зачем? Ну зачем она его провоцирует? Рядом с ней и так невозможно сдержаться. А когда она еще говорит подобные вещи, его выдержка вообще летит к демонам. Проклятая девчонка! Сама напросилась. Сама разрешила своими словами. Габор метнулся к Маргит. Она не ожидала и тихо удивленно вскрикнула. Он прижал ее к спинке сидения, грубо вклиниваясь между стройных ног. На ее лице сменялись испуг и недоумение, как будто она не могла понять, чего от него ожидать. И Габор этим упивался. Тем, что она еще не осознает, в какую ловушку саму себя загнала. Он задрал бесконечные метры ткани вверх, облегчая доступ к обнажившейся коже. Маргит уперлась ладонями в его плечи и попыталась отодвинуться. Габор почти с наслаждением наблюдал, как она мечется в тесном пространстве. Отступить дальше было некуда.

— Ч-что в-вы делаете?..

Габор еще никогда так быстро не расшнуровывал брюки. Пальцы дрожали от предвкушения, а член рвался наружу, поскорее погрузиться в жар и влагу Маргит. Почему-то он был уверен, что внутри нее будет очень жарко и влажно. Эти мысли выбили последние остатки разума. Габорахватило лишь на то, чтобы сбивчиво прохрипеть:

— Как что? Разве непонятно? Лезу к вам со своими «детскими поцелуйчиками».

Он прижался к ее пухлым алым губам, с жадностью прикусывая зубами и втягивая в рот, как самое желанное лакомство. Маргит протяжно выдохнула горячий воздух. От одного только этого тело покрылось испариной. Она была такой вкусной. Сладкой и свежей. Невероятной. Хотелось пробовать ее часами. Везде. И он обязательно это сделает. Габор проник языком в рот Маргит, коснулся ее языка. Она с готовностью ответила на поцелуй. Их языки сплетались и сталкивались, узнавая друг друга, скользя по нежной поверхности. Проклятье! Она целовалась так... словно только одним поцелуем отдавалась ему. Ни одна женщина и близко не была сравнима с Маргит.

Габор развязал тесемки ее плаща, развел полы в стороны и потянул вниз лиф платья. Чертова ткань не поддавалась, плотно облепив тело. Он свихнется, если не увидит ее обнаженной. Кое-как Габору удалось стащить с плеч Маргит верх платья. Но она вдруг снова ударила его в плечо.

— Прекратите немедленно! Там ваш брат и... и...

Габор непонимающе уставился в ее покрасневшее лицо. Голубые глаза ярко сверкали, занимая почти половину лица.

— Пусть Миклош вас больше не волнует.

Маргит уперлась ногой в его бедро и с силой оттолкнула от себя:

— Он очень даже меня волнует!

После этих слов ему захотелось ее придушить.

— Вот как? И чем же он вас так взволновал?

Маргит растерянно моргнула, выпрямилась на сидении и быстро одернула платье.

— Он... он мой муж. И ваш брат.

— Раньше нужно было об этом думать.

Ярость в ее глазах могла бы его убить. Он почти ощущал покалывание на коже.

— Это вы начали меня целовать. Не я. — Ее голос превратился в гневное шипение.

Габор понял, что ему доставит огромное удовольствие сломить ее сопротивление. Заставить Маргит умолять о ласках... Довести ее до такого же состояния, в котором находится он. Чтобы сама пришла к нему и предлагала себя. А он вдоволь насладится ее мольбами и только после этого успокоит огонь, бушующий в крови.

Мышцы живота судорожно сжались. Член болел от необходимости выплеснуть семя в Маргит. Габору физически необходимо было скинуть дикое напряжение. Но Маргит оттолкнула его. Несколько раз. И чтобы наказать ее, он потерпит.

Неторопливо затягивая шнуровку брюк, Габор сражался почти с нестерпимой болью. Сжав зубы, он с трудом выговорил:

— Миклош поделился со мной подробностями вашей нелегкой супружеской жизни.

Маргит как раз одергивала подол платья. Ее плечи едва заметно напряглись. Совершенно бесцветным голосом она глухо произнесла:

— Вот как?..

И это все? Ей ни капли неинтересно, что братец наговорил? В какой-то момент Габор даже позавидовал ее выдержке.

— Да-а-а. — Откинувшись на спинку сидения, Габор с удовольствием рассматривал ложбинку между грудей Маргит. — Оказывается, вы далеко не такая верная жена, какой мы все вас считали.

Маргит вскинула голову и прищурилась. По ее лицу сложно было что-либо прочесть. Она пожала плечами и затянула у горла тесемки плаща.

— Но для вас это ведь не новость.

— Почему же? Я всегда был твердо убежден в вашей добродетели.

— Ну да! Значит, все, что здесь произошло — испытание моей добродетели? Которое я, конечно же, не прошла. И теперь вы уверены, что ваш брат говорит правду. Я права?

Габор удивленно поднял брови. А Маргит оказалась сообразительной. И хоть он не предполагал ничего подобного, но выглядел его поступок не лучшим образом. Действительно, как проверка. И Маргит быстро пришла к этому выводу. Но разубеждать он ее не будет. Пусть лучше думает, что он пытался таким образом ее проверить, чем знает, насколько сильно на него действует. Что рядом с ней, думая о ней, он теряет способность соображать.

— Правы, Маргит. Вы раскрыли мой коварный замысел. Но я все-таки спрошу еще раз: что произошло между вами и Миклошем?

Она тряхнула головой, откинув потрясающей красоты волосы назад. От этого движения по телу Габора снова прошла дрожь. Воображение с готовностью нарисовало десяток картин с участием блестящих черных локонов. Возбуждение, которое немного унялось, взвилось с новой силой. Габор едва не застонал сквозь стиснутые зубы. Эта девчонка сведет его с ума.

— Задайте этот же вопрос ему.

— Уже задал.

— И что он ответил?

— Что вы посмеялись над его доверием, изменив с каким-то крестьянином.

Лицо Маргит вытянулось. Она несколько раз удивленно моргнула и приоткрыла рот. Габор тут же испытал жгучее желание прижаться к ее губам, запустить язык в горячий рот и снова повторить все те поцелуи, которые так внезапно оборвались. Она выглядела слишком нежной и беззащитной. Либо весьма умелая актриса, либо... Нет, ей он верил. А вот брату — ни капли.

— Что ж... — Маргит разгладила последнюю складку на коленях. — На крестьянина вы мало похожи. Возможно, Миклош обознался.

Она попыталась выйти из кареты, наверняка задумав сбежать. Но Габор преградил дорогу рукой.

— Наденьте капюшон. — Он внимательно осмотрел Маргит.

Даже если Миклош следит за ними, вряд ли ее узнает. На ней не только одежда сестры, но и сама Маргит стала иной. Внешность та же, но внутри... Габор вдруг вспомнил слова старухи Бражены. «Тело одна, а душа — другая.» Так, кажется, она сказала. Да нет... Это самая настоящая глупость. Но разве Маргит не изменилась до неузнаваемости? У нее даже походка другая. Раньше она сутулилась и низко опускала голову. Теперь же ходит, гордо задирая подбородок. Не боится отвечать ему, даже откровенно грубить и провоцировать. И в одночасье излечившаяся немота...

Габор уже не знал что и думать. Зря он тогда не выслушал Бражену. Завтра же поедет к старухе сам и все выяснит. Нельзя упускать ни единой нити, разгадывая эту головоломку. Почему-то Габору казалось невероятно важным, узнать все о Маргит. Ее секреты, которых, ему казалось, не мало.

Он проследил, как Маргит накинута на голову капюшон и так низко надвинула на глаза, что

спрятала все лицо. Она вытащила из-под сидения корзинку с покупками, но Габор отобрал ее и пристально посмотрел в яркие голубые глаза:

— Пока я не разрешу, вам запрещено общаться с Миклошем.

— Ваша власть распространяется даже на это?

— Моя власть распространяется на все. В том числе и на вас.

Он потянулся к ее лицу и обхватил маленький круглый подбородок.

— Повторяю еще раз. Чтобы ни сказал я, и что бы ни сказал он, с этих губ не должно сорваться ни единого звука. — Он не удержался и провел пальцем по нижней пухлой губе, слегка надавил на впадинку.

Храни его небо от сумасшествия... Мягкая бархатистость нежной плоти пьянила и дурманила.

Кое как взяв себя в руки, Габор вышел наружу и подал Маргит руку. Она не стала отказываться. Вложила свою прохладную ладонь в его. Габор помимо воли сжал тонкие пальцы. Ему безумно хотелось ощутить их на своем теле. Как будто всю свою жизнь он существовал лишь для этого — для ее рук, скользящих по его коже, ласкающих и дарящих наслаждение. Глупая, идиотская мысль. Но так прочно засела в голове, что теперь ее оттуда не выкурить.

Глава 9

Дело дрянь. Дело дрянь. Дело дрянь. Олеся попыталась вырвать руку, но этот чертов господарь вцепился в нее насмерть. Не мог не понимать, что она хочет убрать ладонь. Но не отпускал. В голове царил мешанина. Прогулка по деревне. Приезд мужа Маргит. Габор со своими поцелуями. Олеся не знала, за какую проблему хвататься. Мало того, что она попала в непростую ситуацию, так еще и сама умудрилась заварить нешуточную кашу.

Нельзя было поддаваться на провокации Габора. Он так умело дергал за ниточки, вытаскивая из нее самые глубинные эмоции. Как она могла думать, что сможет его обмануть? Зачем говорила глупости?! Ох, ну как зачем?! Затем, чтобы он набросился на нее с тем диким невменяемым выражением лица. Чтобы начал целовать так, как ее никто и никогда не целовал. Рядом с ним Олеся ощущала себя школьницей, неуверенной девочкой-подростком. И вот эта девчонка, едва-едва начавшая носить лифчик и научившаяся краситься, впервые встречает Того Самого. Он, конечно же, взрослее. Успешен, красив, у его ног весь мир, а желания исполняются по щелчку пальцев. Никогда прежде он не обращал на нее внимания, но тут она вырядилась в мамино платье, туфли на шпильке и попала ему на глаза.

Олеся покачала головой. Боже, и о чем она думает?! Но рядом с Габором она чувствовала себя именно так. Глупая наивная девчонка. Она вообще не об этом должна беспокоиться. У нее проблем выше крыши. И первая из них — Миклош. Извращенец, убивший собственную жену.

А что если и Габор с ним в сговоре?! Да нет, не может этого быть. В путаных и сбивчивых воспоминаниях Маргит не было ничего подобного. Габора там Олеся вообще не смогла отыскать. Вряд ли он в курсе того, что творил его братец. Олеся вздрогнула, и Габор крепче сжал ее ладонь. Даже от этого простого движения по телу пробежали мурашки. Да что же он творит с ней? В карете ей каким-то чудом удалось сдержаться и оттолкнуть Габора. Но он что-то с ней сделал. Что-то такое, из-за чего ее мысли теперь вертятся вокруг его твердых губ и колючей щетины, так сладко царапавшей кожу. Олеся поняла, что сходит с ума от желания почувствовать, как эта щетина скользит по внутренней поверхности бедер. Олеся закусила губу, чтобы не застонать. Между бедер было влажно, а тело нуждалось в продолжении.

Габор уверенно вел ее в замок. Олеся старалась не думать, зачем он начал ее целовать. Хотел убедиться, что она способна на измену? Что он вообще задумал? Почему попросил, нет, скорее приказал, молчать? Хотя, она все еще не представляла, что может сказать убийце. В памяти Маргит всплывали ужасные картины изнасилований, избиений и постоянных издевательств. Миклош надевал маску жуткого существа, брал кнут и приходил к Маргит. Он насмехался над ней, гонял, как добычу, избивал кнутом, а потом несколько часов насиловал. Но это не все, что Олеся нашла в голове Маргит.

В калейдоскопе ее воспоминаний было еще несколько, которые Олеся еще пока не знала, как воспринимать. Например поцелуи Миклоша и еще какого-то мужчины, ночью проникшего в замок. Маргит умудрилась спрятаться и из укрытия проследить за тем, как проводит время муженек. Размытые картинки вполне недвусмысленно давали понять, что Миклош питает слабость вовсе не к женскому полу. Олеся передернуло от отвращения, хотя она никогда не была ханжой и считала, что выбор любовника — личное дело каждое. Но Миклош теперь воспринимался ею как личный враг. Убийца и садист. Он жестоко разделался с несчастной женщиной. И наверняка ни перед чем не остановится, чтобы сделать то же самое с Олесей.

Нужно что-то придумать и срочно. Мысль о побеге опять показалась невероятно привлекательной, но куда ей бежать? Вокруг лес и снег. Но лучше уж это, чем смерть от рук сумасшедшего.

Габор уверенно вел ее по переплетению коридоров. Из-под низко надвинутого капюшона Олеся мало что видела, но иногда ей на глаза попадались странные вещи. Она совсем не успела изучить замок, даже малую его часть. Поэтому на многое сейчас глазела, как маленький ребенок. Габор как раз вел ее мимо бесконечного полотна с вышитыми на нем чудовищами. Уже знакомые изрезанные морщинами лица, горящие алым глаза и длинные острые языки. Олеся не удержалась от вопроса:

— Это тоже демоны?

Габор бросил на гобелен удивленный взгляд и нахмурился:

— Это Крампусы.

Жуткие существа сгрудились вокруг огромного котла и что-то там с упоением помешивали. Все это происходило на скале, у входа в пещеру. В пещере, скованная цепями томилась девушка. Почему-то Олесе стало страшно. В этом удивительном, совершенно ненормальном мире, сказки становились реальностью. И совсем не безобидным детским развлечением. Она задумалась и решила снова спросить у Габора:

— Вы ведь говорили, что Крампус только один...

Кажется, ее вопросы его раздражали. По крайней мере, выглядел он сердитым.

— Я ведь, вроде бы, попросил вас не раскрывать рта.

Олеся почувствовала себя маленькой девочкой, которая умудрилась ошибиться в том, что учитель объяснил сорок раз.

— Я думала, что молчать нужно только при Ми...

Он резко перебил ее:

— Молчать нужно, пока я вам не разрешу говорить.

Желание поспорить разгорелось с новой силой:

— По-моему, вы просто хотите, чтобы я молчала, как все бесправные женщины вокруг вас.

Неожиданно Габор открыл какую-то дверь и втолкнул Олеся внутрь. Капюшон спал с головы, и она смогла разглядеть утонувшую в сумраке комнату. Здесь пахло пылью, а в некоторых углах притаилась паутина. Из мебели — огромная кровать с темным пологом, цвет которого было сложно угадать из-за все той же пыли. Рядом с кроватью притулился металлический подсвечник, высотой в человеческий рост. На нем стояла одинокая свеча, оплавившаяся и украшенная пушистыми нитями паутины. Пол и стены оказались каменными. Угрюмо. Камин был выполнен в виде драконьей пасти. В обе стороны на всю длину стены тянулись его крылья с перепонками. Вот он — настоящий замок. Ни налета цивилизованности, ни малейшего удобства. Страшно. И мрачно. Слишком мрачно для ее расшатанной психики.

Олеся гордо вздернула подбородок. Она не даст себя запугать. Ни за что на свете. Ладно, кому она врет? Он уже ее запугал.

— Вы хотите убить меня тут, а останки сжечь в камине? Чтобы никто никогда не нашел?

Габор как раз закрыл дверь на непонятно откуда взявшийся ключ. Резким движением он швырнул его прямо в драконью пасть. С тихим звяканьем ключ ударился о камни.

— Откуда в вашей голове берутся такие мысли? — Он рассматривал ее со странным выражением лица.

На какой-то миг Олесе даже показалось, что его глаза сверкнули ярким алым огнем.

— Зачем вы тогда меня сюда затащили?

Он устало потер глаза и покачал головой. Похоже, она его достала. Ну не умела она быть томной молчаливой красавицей с загадкой во взгляде. Не умела.

Габор пронзил ее тяжелым взглядом и медленно проговорил:

— Я «затащил» вас сюда, чтобы вы могли дать себе волю и наговориться на сутки вперед.

Олеся удивленно моргнула. Ладно, и о чем же он?

— Сама с собой?

— Нет, со мной. — Неожиданно он улыбнулся. Как хищник, загнавший добычу в ловушку и решивший с ней немного поиграть. Ведь теперь-то она никуда не денется.

Медленно и плавно Габор сделал шаг вперед. Точно хищник. Олеся непроизвольно отступила, сдавая позиции.

— И о чем мы будем говорить?

Габор опять улыбнулся своей недоброй, но почему-то безумно притягательной улыбкой.

— Мы не будем говорить.

— Но вы же сами сказали...

Он снова перебил ее:

— Вы будете кричать. Пока не сорвете голос.

От такого заявления сердце ушло в пятки. Олеся судорожно огляделась в поисках любого средства для самообороны. Кроме высоченного подсвечника тут больше ничего и не было. А эту железную громадину она вряд ли сдвинет с места.

Но, кажется, Габор имел ввиду совсем не убийство с последующим расчленением. Он так на нее смотрел... Олеся ощутила себя обнаженной, выставленной на обозрение, и в полной его власти.

— Мне уже начинать звать на помощь? — Помимо воли голос прозвучал хрипло и призывно.

Габор усмехнулся и сделал еще один шаг к ней.

— На помощь? Вы думаете, я один не справлюсь?

Олеся закусила губу, с удивлением понимая, что ее начинает трясти от волнения. Габор совершенно по-звериному следил за ней. Его взгляд скользил по телу, забираясь под одежду и глядя кожу. Ему удавалось соблазнять ее, всего лишь смотря. И этот его намек... Она еще не отошла от поцелуев в карете, а сейчас он, кажется, собирается продолжить.

— Я думаю, что вы засунули меня в этот склеп, чтобы избавиться от меня. — Вот, молодец. Перевела все в безопасное русло. Относительно безопасное.

Что безопаснее: разговор об убийстве или о... том, на что он намекает? В случае Габора точно об убийстве.

— Склеп? Наш склеп выглядит несколько иначе. Я обязательно вам покажу, чтобы вы видели разницу. Это моя детская комната.

Олеся от удивления приоткрыла рот:

— Детская? Теперь все ясно...

— Что вам ясно? — Габор чуть наклонил голову и принялся расстегивать мудреные застёжки на своей верхней одежде.

— Почему вы такой. Судя по комнате, детство у вас было так себе.

Габор стащил свой плащ и бросил на пол. В воздух взвилось облако пыли. Сердце забило быстрее. Он был очень красив. Суровой мужской красотой. Хищный взгляд, твердые губы, упрямый подбородок. Впалые щеки и выступающие скулы делали его похожим на того самого дракона, который стерег камин.

И вот как такому сопротивляться? Он был почти идеалом мужчины. Почти. Олеся изо всех сил старалась себе напомнить, кто он такой. И кто такая она. Но все благие намерения терпели крах под пристальным мужским взглядом. Габор смотрел на нее так... Никто и никогда не смотрел на Олеся настолько голодным взглядом. Ей хотелось скинуть с себя одежду и самой наброситься на него.

Пока не допустила ошибку, Олеся упрямо вздернула подбородок.

— Я хочу уйти отсюда. Выпустите меня.

— Обязательно выпущу. Позже. — Габор снял пояс с ножнами и небрежно бросил прямо на пол. — Как только вы расскажете мне, почему сбежали от Миклоша, и что с вами происходило, пока вас не нашла Адрианна.

— Я же уже сказала: я ничего не помню!

Габор странно усмехнулся:

— Это вы можете говорить, кому угодно, но не мне.

Габор неожиданно нагнулся и поднял брошенные ножны. Резким и одновременно плавным движением вытащил саблю. По длинному лезвию побежал хищный блик. Как будто оружие облизнулось, в ожидании новой жертвы. По коже Олеси прошел озноб.

Габор понял, куда она смотрит, и довольно ухмыльнулся:

— Это особое оружие. Предназначенное для убийства демонов и... их приспешников. После удара такой саблей, раны демонов не заживают, и они медленно умирают. Даже одна царапина может оказаться смертельной...

Олеся сглотнула ком в горле. А она-то думала, что хоть немного, но нравится ему. Оказывается, что

нет. Горечь во рту и тяжесть на сердце стали неприятным открытием. Неужели, ей настолько важно, что он о ней думает? Козел!

От обиды к глазам поступили слезы. Она опять чувствовала себя переданной. Обманутой. Ничего, она ему еще покажет! Десять раз пожалеет, что решил над ней так издеваться.

— Сначала вы хотели меня соблазнить. Теперь решили запугать? — Она едва ли не оторвала завязки плаща, сдернула тяжелую ткань с плеч и швырнула Габору под ноги. — Ну, давайте! Можете сразу перерезать мне горло! Или хотите, чтобы я помучилась? — Она высоко задрала подбородок, обнажив шею.

— Маргит, неужели вы думаете, что я сейчас расплачусь и брошусь на колени вымаливать у вас прощение?

— Не думаю. Поэтому предлагаю вам сразу разобраться со злоумышленницей.

— А вы злоумышленница? — Его губы изогнулись в ухмылке.

Нет, ну вы посмотрите на него! Вот козел! Еще и ухмыляется. Смеется над ней. Знает, что ей нечем ему ответить.

— Ну вы же сами уже все решили.

— Маргит... Вы думаете, что смогли убедить меня историей о потере памяти? Адрианна нашла вас едва живую, на другом конце княжества. Ваши глаза изменили цвет, и вы можете говорить. С каким демоном вы заключили сделку? И для чего?

Кулаки сжались самой собой. Олеся метнулась к Габору, забыв про страх и смертоносное лезвие в его руках.

— Я. Не. Заключала. Никаких. Сделок!

Габор отбросил в сторону саблю и, подхватив Олеся за талию, прижал ее к стене.

— Мне уже плевать.

Он набросился на нее, прикусывая губы. Язык скользнул в ее рот, касаясь зубов, неба, языка. Олеся попыталась отвернуться, чувствуя, что попадает под власть поцелуя Габора. Но он не оставил ей ни малейшего шанса спастись от хищного нападения твердых губ. Отросшая щетина мягко царапала нежную кожу щек и подбородка. Губы горели от колких волосков. Влажный язык сводил с ума нежными ласками.

Олеся задыхалась. Габор как будто пробовал ее на вкус. Их губы почти не соприкасались. Он облизывал ее губы и страстно ласкал язык, заставляя задыхаться. Собирая по крупичам последние остатки разума, Олеся нашла в себе силы поднять руку и коснуться пальцами губ Габора.

— Ни к чему хорошему это не приведет... Вы можете выбрать любую. Не мучьте меня... Вы наиграетесь, а я не хочу страдать...

Габор смотрел на нее пронзительным ледяным взглядом. Но его глаза больше не казались холодными... Не отпуская ее взгляда, он приоткрыл губы под ее ладонь и обхватил указательный палец. Втянул в рот, нежно посасывая и лаская языком. Олеся тихо застонала. Чего он добивается?! Что хочет от нее получить? У нее уже нет сил сопротивляться. Колени подгибаются, а соски набухают все сильнее с каждым порочным движением его языка.

Габор выпустил ее палец изо рта и прижался губами к ее шее. Зубы царапали кожу, прикусывали, как будто он старался отметить собой каждый сантиметр ее кожи. Олеся позорно сдалась. Зарылась пальцами в его мягкие волосы и откинула голову назад. Ей еще никогда не было так хорошо. Муж и близко не вызывал у нее подобной реакции.

Пальцы Габора жестоко расправлялись с платьем, едва ли не отрывая крючки. Олеся ни о чем другом думать уже не могла. Только бы поскорее избавил ее от ненавистой ткани и коснулся обнаженной кожи. Олеся стонала от нетерпения и боли, когда ткань врезалась в кожу. Габор срывал одежду с диким выражением лица. Платье, сорочка — все бесформенными кучами упало к ногам. Олеся и сама не поняла, как осталась в одних чулках и высоких сапогах. Кажется, этого Габору хватило. Он приподнял ее над полом, прижав к себе. На какой-то миг через его одежду она ощутила твердое давление члена. Но Габор не дал насладиться этим ощущением. Он стиснул ее бедро, заставляя обхватить ногами его за талию и снова зажал между своим телом и холодной стеной.

От контраста холода и жара Олеся задрожала. Габор накрыл ладонью ее грудь, и Олесе пришлось

до боли закусить губу. Но тихий стон все равно вырвался на волю. Он сжал сосок, пристально глядя ей в глаза. Олеся еще сильнее прикусила губу. Такая простая ласка, и такое невероятное ощущение. Ее тело еще никогда так остро не реагировало на ласки груди. Приходилось сдерживаться, чтобы не стонать в голос и не просить еще. Габор подтянул ее вверх, его лицо оказалось на уровне ее груди. Медленным, сводящим с ума движением, он лизнул набухший сосок. Олеся дернулась от влажного прикосновения. Внутри вспыхнул и разлился жидкий огонь. Сотни искр разлетелись по всему телу. Она загорелась, как щепка.

Габор лизнул снова. Но на этот раз его зубы слегка прикусили вершинку соска. Олеся напряглась. Боже... Как же хорошо... В животе начало скапливаться давление. Тянувшая боль оседала внизу и превращалась в горячие капельки. Олеся чувствовала, как собственной влаги становится все больше. Нет-нет, это ужасно... Только бы он не увидел. От одних только поцелуев и мимолетной ласки ее груди, она уже становится мокрой.

Но Габор был неумолим. Он снова бросил на нее тяжелый взгляд из-под нахмуренных бровей и наклонился. На этот раз его губы захватили в плен сосок, язык надавил на вершинку. С тихим влажным звуком он втянул сосок в рот и начал резко всасывать. У Олеси перед глазами потемнело. Чертов садист! Ей хотелось выругаться самыми грязными словами, какие она только знала. Кожа горела от выступившей испарины. И даже холодный камень нагрелся от жара ее тела.

Габор выпустил сосок и несколько раз жадно его лизнул. Олеся выгнулась в его руках и потерялась промежностью о скрытый одеждой живот. Черт! На ткани наверняка останутся следы... Ей еще никогда не было так стыдно. И так горячо. И так хорошо. До головокружения. Мышцы влагища сократились, требуя в себя горячий член Габора. Но он, наверное, обладал железной выдержкой.

Олеся не сразу поняла, что он остановился. Расфокусированное зрение с трудом пришло в норму, и Олеся уперлась взглядом в его взгляд. Непроницаемое выражение его лица было сущей пыткой. Неужели, он не испытывает ничего? Неужели, просто механически ее ласкает, чтобы доказать ее никудышность, развязность и еще бог знает что. Она тяжело дышала, мозг отказывался работать. Тело хотело только одного: Габора. Чтобы делал с ней все, что пожелает. И как можно дольше. Очень-очень долго. Чтобы вечность не выпускал ее из этой проклятой комнаты. Но она ему об этом не скажет. Ни за что.

Габор облизнул губы и тяжело сглотнул. Олеся проследила за резким движением его кадыка. Только сейчас заметила, что по шершавой коже стекают капельки пота. По шее, по лбу... Даже кончики волос стали влажными. На его скулах появился румянец. Он был едва различим на смуглой коже. Но все же был!

А еще Габор тяжело дышал. Грудная клетка с трудом поднималась и опадала. Глаза прищурены, а ноздри раздуваются, как будто ему безумно больно. Кажется, на него все это подействовало так же сильно, как на нее. Тогда какого черта он остановился?!

Хриплым, совсем не похожим на свой, голосом Габор спросил:

— Тебе же нравится — я вижу... Зачем ты сдерживаешься?

Олеся вцепилась пальцами в его плечи. Неожиданно для самой себя потянула вниз бюстгет.

— Я не сдерживаюсь...

— Ты пытаешься молчать... Не издаешь ни звука...

Габор отшвырнул бюстгет, который Олеся пыталась стащить с него, и неожиданно сильно зажал между пальцев другой сосок. Она выгнулась дугой в его руках, стремясь одновременно быть ближе и отстраниться. Наблюдая за ее реакцией, Габор оттянул тугую вершинку.

— Вот сейчас... Кричи...

Он зажал сосок между пальцев, накрыл ладонью грудь, и Олеся потеряла контроль. Брошенного низким голосом приказа было достаточно, чтобы она превратилась в один сплошной сгусток желания. Права она была, когда сопротивлялась ему. Знала ведь, что до добра не доведет. Прикосновения Габора, его руки и губы превращали ее в жадную до секса распутницу. Он ей был нужен. Ужасно нужен. Внутри. Долго и сильно. Тело ответило новым приливом влаги. Шелковистая смазка начала стекать вниз, по набухшим складкам, к ягодицам.

Олеся задыхалась и горела. От стыда и жажды. От того, что на ней ничего, кроме чулок и сапог, а он по-прежнему почти полностью одет.

Когда пальцы Габора устремились вниз, Олеся протяжно застонала. Она хотела снова чувствовать их на своей груди. Он коснулся ее плоти. Развел в стороны мягкие лепестки и скользнул ниже. Олеся громко застонала от пронзивших тело ощущений. Габор довольно улыбнулся:

— Ты уже влажная... Для меня... Только для меня...

Его палец вошел в нее, заполняя собой ноющую пустоту. Тихий всхлип вырвался из горла. Мышцы непроизвольно сжались, стискивая палец внутри. Габор двинул кистью, вводя до конца. Безумные ощущения. Узкие стеночки ответили новым приливом влаги. Олеся захлебнулась новыми стонами. Где-то глубоко внутри стало одновременно больно и сладко. Габор поймал губами ее стон, слизнул языком каждый звук.

— Тут должно быть мокро...

Олеся с трудом дышала от водопада эмоций, обрушившихся на ее хрупкое тело и мозг. С трудом сложила буквы в слова и непонимающе спросила:

— 3-зачем?

Габор снова лизнул ее сосок, медленно обвел ареолу в одну сторону, потом в другую.

— Потому что я... так хочу... Чтобы ты была мокрой... когда я буду тебя брать... и начинала течь, как только я тебя коснусь... даже случайно... Просто прикоснусь к руке, а тут, — Габор начал резко двигать рукой, то вынимая из нее палец, то полностью вводя, — уже горячо и мокро...

Она пропала. Целиком и полностью пропала. Не отдавая себе отчета, не контролируя движения, Олеся начала двигаться. В рваном темпе, но плавно тянулась за его рукой. Насаживалась, теряясь в водовороте ощущений. Кажется, она действительно становится зависимой от секса. С Габором.

Одной рукой держась за плечо Габора, другой Олеся потянулась вниз. Вытащила рубашку из-за пояса брюк, дотронулась до влажной, покрытой волосками кожи живота. Он был таким твердым, непоколебимым. Никакой мягкости и нерешительности даже здесь. А вот и ее цель. Пальцы дрожали и запутывались, но она безошибочно развязывала шнуровку его брюк.

— А что будет... если я... случайно тебя коснусь? — Произнесла последнее слово, Олеся наконец высвободила горячий твердый член из плена брюк.

Она обхватила пальцами набухшую головку, которая оказалась широкой и горячей на ощупь. Смотри Габору в глаза, провела подушечкой по щели, из которой выступила тягучая смазка. Габор откинул голову назад и с хрипом втянул воздух сквозь зубы. Вены на шее вздулись и натянулись отчетливыми жгутами.

Олесе безумно хотелось узнать, а видны ли они там, на стволе. Еще никогда она не желала настолько сильно рассмотреть и изучить вблизи мужскую плоть. Ей вообще было на это все равно. Но с Габором... Она хотела ощутить пальцами и языком каждый миллиметр.

— Так что будет... если случайно касаться буду я?

Сведенными в кольцо пальцами она начала ласкать член сверху-вниз и обратно, покрывая его выступившими капельками. Взгляд Габора стал совсем бешеным. Внутри вспыхивали, загораясь, ледяные искры, словно падающие звезды. Он приподнял ее еще выше над собой.

— Будет это. — Опустил руку вниз и направил в нее твердый член. — Где бы мы ни оказались.

Горячая плоть ворвалась в нее неумолимо и жестко, растягивая. Олеся, не сдерживаясь, вскрикнула. Он оказался слишком большим для нее. У нее давно не было секса. А тем более, такого. Не останавливаясь ни на секунду, не давая ей привыкнуть, Габор просто врвался в ее тело, преодолевая сопротивление. Внутренние стенки так тесно обхватили его плоть, что Олеся ощутила себя частью Габора. Он мощным рывком ворвался в нее, одновременно опуская Олесю вниз. Она чувствовала себя насаженной на него, едва ли не разорванной. От сумасшедшего трения внутри все горело и пульсировало.

Так горячо. И так хорошо... Ни с кем никогда не будет так хорошо. Они словно две части одного целого, разломанного тысячи лет назад, а теперь собранного воедино. Эта мысль напугала Олесю до чертиков. Она застыла в руках Габора. А он прижался лбом к ее лбу, тяжело хрипло дыша. Горячее дыхание коснулось щек и губ:

— Сейчас я не смогу... долго держаться... Но постараюсь... Как только ты кончишь, скажи мне...

Олеся кивнула. Габор отстранился и, не отпуская ее взгляда, вышел. Внутри стало пусто. Но Габор тут же заполнил эту пустоту резким ударом бедер. Олеся сжала внутренние мышцы, стараясь удержать его в себе. Низкий хрип Габора стал лучшей наградой. Он прижал ее к себе, отрывая от стены и развернувшись к кровати. Олеся пыталась стянуть его рубашку, но задохнулась от непривычных ощущений. Габор шел вперед, по-прежнему оставаясь в ней. Из груди начали вырываться стоны. Олеся не выдержала. Рванула в стороны полы рубашки и прижалась грудью к

его груди. Мягкие волоски кололи набухшие соски, и это было потрясающе.

Габор остановился рядом с огромной кроватью.

— Любишь, когда ласкают грудь?

Одной рукой он стаскивал с себя брюки, а другой удерживал Олесю на весу. От каждого его движения член скользил внутри нее, принося невероятные ощущения.

Олеся кивнула и прикусила губу, наслаждаясь видом крепкого мужского тела:

— Сегодня полюбила...

Габор улыбнулся и захватил зубами ее губу:

— В следующий раз...

Олеся хотела сказать, что следующего раза между ними скорее всего не будет, но Габор опять сжал ее грудь. Легонько покрутил пальцами сосок из стороны в сторону, безотрывно глядя на него. Как будто следил за Олесиной реакцией. Она уже не сдерживала ни стонов, ни криков. Габор вдруг снял ее с себя и грубо швырнул на кровать. В воздух взвилась пыль. Олеся закашлялась. Волосы упали вперед, закрывая обзор. Она оказалась лежащей на животе на пыльном мягком покрывале. Попыталась перевернуться на спину, но Габор надавил ей на плечо.

— Ты помнишь, что я сказал? — Его губы коснулись уха, захватили в плен мочку. Прикусили и втянули в рот.

— Н-нет...

— Как только... ты все... скажи мне... я постараюсь... продержаться... Но это будет тяжело... — Шершавая мужская ладонь накрыла и сжала ее ягодицу. Слегка шлепнула.

Олеся вдохнула пыльный воздух. Неожиданно Габор взял подушку, сгреб покрывало и простынь и подложил ей под живот. Олеся задыхнулась. Ее бедра оказались высоко приподняты вверх, бесстыдно открытые и доступные Габору. Грудь прижата к кровати, соски трутся о мягкую ткань. Пыльный воздух дурманит разум. Габор собрал в кулак ее растрепавшиеся волосы, придавил к постели, не давая даже повернуть голову.

Олеся поняла, что возбуждается еще больше. Габор рывком развел ее бедра в стороны, не позволяя сомкнуть ноги, встал между ними. Олеся не видела, что происходит за спиной. Не могла хотя бы обернуться. Но высоко приподнятая попка, широко раскинутые ноги и невозможность видеть Габора, но только чувствовать, усилили ее возбуждение во сто крат. Она почувствовала, как влаги становится все больше. Как набухают от возбуждения и боли нежные складочки. Ей хотелось... Она уже была готова умолять... Палец Габор погладил плоть между малыми губами, собрал смазку и коснулся ее губ, размазывая ее собственный сок.

Голос Габора послал по телу чувственную дрожь:

— Ты вкусная?

Олеся, уже себя не контролируя и потеряв власть над своим телом и душой, облизнула губы. Коснулась языком пальцев Габора, ощутила немного терпкий вкус собственной влаги.

— Д-да-а-а...

— Я попробую тебя... Позже... Каждую ночь...

Она должна была поспорить, сказать, что больше ничего не будет, но... Не сказала. Сердце забилось быстрее от предвкушения новых ласк, очередных ночей.

Она так ничего и не ответила. Габор развел ее ноги еще шире и медленно вошел. Олеся застонала. Он замер в ней на несколько томительных секунд, а затем начал двигаться.

Олеся потеряла связь с реальностью. Пропала в водовороте страсти. Габор начал двигаться. Хотя движением это было сложно назвать. Он вбивался в Олесю, одновременно насаживая ее на себя, до упора, до боли. Наслаждение затапливало. Олеся вцепилась пальцами в покрывало. Невозможность пошевелиться лишь усиливала возбуждение, которые уже раскалилось до бела. Новые потоки влаги устремлялись вниз. Габор врывался в нее и выходил с тихими хлюпающими звуками. Влаг было так много, что их кожа скользила друг о дружку. Мышцы начали сокращаться, обхватывая горячий твердый член, безжалостно таранивший ее тело.

Олеся вгрызлась зубами в покрывало. Габор не знал пощады. Он как совершенный безжалостный

механизм терзал ее тело, а Олеся лишь громко распутно стонала под ним, приподнимая бедра еще выше. Вкус пыли во рту, покрывало намокло от слюны, на спину капали капельки пота с тела Габора.

Ладонь Габора скользнула под живот, накрыла промежность. Палец нашел клитор и погладил. Олеся зарычала. Дернула головой и застонала от боли. Габор по-прежнему держал ее волосы в кулаке, прижимая к кровати. Он продолжал дико таранить ее тело, едва ли не разрывая на части. Палец вычерчивал круг на набухшем клиторе. В какой-то момент он ворвался слишком глубоко, поднимая ее над горой из подушек. Олеся закричала. Внутри что-то оборвалось. Мышцы сжались вокруг его члена. Все тело задрожало, бешено сотрясаясь.

— Я... в-все...

Габор сделал еще три рывка и замер. Упал на нее, вытащив из-под живота ворох покрывал и подушку. Прижал к кровати. Олеся чувствовала, как он дрожит, и от этой дрожи третса о ее тело. Его горячее дыхание накрыло шею. Никогда раньше не было так хорошо. Незнакомое раньше наслаждение мягкими волнами омывало тело. Дыхание медленно, с трудом, выбиралось из тела. Нежная истомы опутала своими сетями.

Олеся с трудом разжала пальцы, выпуская из хватки ткань покрывала. Почувствовала, как Габор отпустил ее волосы и чуть сдвинулся, позволяя дышать. Их ноги переплелись. Совершенно неожиданно он обнял ее, заключив в крепкое кольцо объятий. Чуть-чуть шершавые влажные губы коснулись основания шеи, оставили немного колющий поцелуй.

— Теперь ты только моя... — Еще один поцелуй, чуть ниже, по выступающему бугорку позвонка. — Ему я тебя не верну... Останешься со мной...

Олеся повернулась лицом к Габору. От его слов захотелось плакать. Она сползла вниз, уткнулась лицом в его покрытую волосами грудь и крепко обняла. Ей просто нужно еще немножко так полежать. Надышаться опьяняющим моментом счастья. Потому что очень скоро все закончится. Он ведь даже не знает, кто она. Как ее звать. Настоящее имя. И вряд ли защитит от сумасшедшего брата. Олеся гладила ладонью влажную кожу спины. Он был весь покрыт шрамами. Узкими и широкими, длинными и короткими. Габор был истинным воином... Но вряд ли ему будет дело до нее... настоящей. А если и будет, то он в очередной раз назовет ее предательницей, заключившей сделку с демоном.

Олеся крепко зажмурилась, чтобы не дать слезам пролиться. Она нежно поцеловала жуткого вида рубец на его груди. Как будто кто-то пытался разорвать кожу и добраться до сердца. Габор вздрогнул и задышал чаще. Его пальцы запутались в ее волосах, а руки еще крепче сжались вокруг расслабленного влажного тела. Впервые Олеся оказалась рада, что попала сюда. Познакомилась с Габором... Как он мог быть одновременно таким невыносимым и притягательным? Его «Ты только моя» забралось под кожу и осталось там магнитом, притягивающим к Габору.

Как ей теперь быть? Как быстро он устанет от нее? И как поступит, если узнает правду? Хотя вряд ли он поверит. Скорее убедится в ее сумасшествии. И тогда ей точно придется тяжело. Он ее не пощадит. Олеся не обольщалась насчет всего случившегося. Габор — мужчина. И как бы хорошо ему сейчас ни было, он все равно остается господарем, заботящемся о благополучии своей земли. И о себе.

— Я прикажу, чтобы здесь навели порядок. Из комнаты ведут потайные ходы, так что ты беспрепятственно сможешь бывать везде. — По своему телу Габор подтянул ее вверх и заглянул в глаза. — Я сам подберу тебе надежную горничную. Постарайся собрать свои вещи, а завтра я сам перенесу их сюда.

Олеся боялась даже шевельнуться. Ей хотелось еще хоть немного продлить это волшебство. Ну зачем?! Зачем он все портит своими словами? Лучше бы прогнал ее. Получил желаемое и теперь может выставить вон. Олеся отвела с его лба влажную прядь. В темных волосах кое-где блестела седина. Хитрый матерый хищник. Что у него на уме? Кроме того, чтобы наградить ее почетным званием своей любовницы.

Олеся пожала плечами, нечаянно еще больше прижавшись к Габору грудью. Сладкая истомы окутала все тело. Охрипшим от криков голосом призналась:

— У меня нет вещей...

Глаза Габора угрожающе сузились. А его пальцы почти невесомо прошли по спине. Там, где едва зажили раны, нанесенные кнутом Миклоша. В это Габор тоже вряд ли поверит. И пусть не Олеся пережила те ужасные моменты, но это ее тело. Потому что настоящая хозяйка убита! А Олеся в наследство от нее достались жуткие воспоминания. И теперь совершенно непонятно, что со всем этим делать. Зря она поддавалась эмоциям. Зря ответила на его ласки и позволила себе наслаждаться ими. И пусть так хорошо больше ей никогда и ни с кем не будет, но она все равно допустила

ошибку.

Габор продолжал хмуриться, и Олеся не удержалась. Коснулась пальцем морщины между бровей, нежно разгладила.

— Что заставило тебя так нахмуриться, мой господарь?

В глазах Габора снова вспыхнул тот странный ледяной огонь. Хрустальные искры загорались и мерцали, как снежинки на свету. Или скорее как сияющая звездная пыль. Габор резко перевернулся и навис над Олесей. Он смотрел на нее внимательно, пристально, проникая взглядом прямо в душу. Олеся поняла, что дрожит. Ей было безумно важно знать, что он в ней рассматривает. Нравится ли ему увиденное? Привлекает ли она его сейчас, когда страсть уже утихла и немного схлынула?

Габор наклонился и лизнул впадинку между ключицами. Олеся не смогла сдержать стона. Он прикусил кожу и всосал, оставляя пылающий алый след. Да, наверное привлекает... Олеся часто задыхалась, когда мужской язык скользнул ниже. Сердце тяжело забилось в груди, едва ли не выскакивая. Отросшая щетина мягко царапала кожу, горячие губы тут же накрывали бледные царапины. Овеая теплым дыханием грудь, Габор прошептал:

— Называй меня так.

Олеся непроизвольно развела бедра в стороны:

— Как?

Габор добрался до соска. Лизнул набухшую вершинку.

— Своим господарем.

Он втянул сосок в рот, зажал губами и начал обводить по кругу языком. Олеся не выдержала. Вонзила ногти в его сильные плечи, оставляя на гладкой коже глубокие борозды. Габор выпустил сосок изо рта и лизнул второй. Олеся уже едва дышала. Мышцы влагалища сократились, снова требуя в себя Габора. А он продолжил ее мучить. Сжал пальцами другой сосок и приказал:

— Повтори.

Олеся подняла ногу и погладила ступней Габора по бедру, надавила на ягодицы, заставляя прижаться ближе к ней. Габор прикрыл глаза и с тихим рычанием выдохнул. Олеся прошептала:

— Мой господарь...

Габор накрыл ладонью ее грудь и легонько сжал.

— Завтра сюда привезут портниху. Выбирай, что пожелаешь. Закажи полностью новый гардероб.

Олеся закрыла глаза. Ей было и приятно получить от мужчины такой подарок, и в то же время ужасно обидно. Решившись, она уверенно оттолкнула от себя Габора:

— Это правда, что ты рассказал про саблю?

Габор непонимающе нахмурился:

— Ты о чем?

— О том, что если кто-то заключил сделку с демоном, то умрет даже от царапины.

Габор прищурился. Олеся едва ощутимо задрожала от подозрительного выражения, появившегося на его лице.

— Да, это правда.

Олеся погладила пальцем шрам в виде креста на его плече.

— А если человек не заключал никаких сделок? Что с ним будет?

Его глаза превратились в две узкие щелочки.

— Ничего. Просто царапина.

Что ж... Если его даже это не убедит... Олеся быстро выбралась из-под Габора. Было видно, что он удивлен. Настолько, что даже не стал ей мешать. Олеся села на кровати и осмотрелась, ища, чем бы прикрыть наготу. Но вся одежда была разбросана по полу разорванным тряпьем. Габор

перевернулся на бок и оперся на локоть. И вправду господин. Решивший передохнуть после развлечений с очередной любовницей. Олесе ужасно не хотелось думать, что она всего лишь очередная. Но она упорно готовила себя к этой истине. Чем раньше смирится с этим, тем проще будет потом пережить его охлаждение. Да кому она врет? Ни капли не легче.

Габор пробежался пальцами по ее спине, очерчивая лопатки и каждый позвонок. Вроде бы ничего особенного и не делал, а кожа покрылась мурашками. В животе стало тяжело. Если не перестанет так реагировать даже на малейшие прикосновения, быть беде. Хотя куда уж хуже...

Низкий голос Габора окутал лаской и новым предвкушением:

— Я думал, что одного раза будет достаточно, чтобы выбросить тебя из головы. Но ошибся.

Олеся обернулась. Он задумчиво рассматривал ее спину и, как будто говорил сам с собой. Олеся встала. Ноги коснулись холодного каменного пола. Без объятий Габора показалось, что она немедленно покроется коркой льда. Хотелось вернуться к нему и снова прижаться. Но Олеся сжала кулаки. Она должна себя заставить сделать то, что задумала. Было жутко страшно, но она еще никогда не была настроена настолько решительно.

Ежась от холода, Олеся подбежала к брошенным вещам Габора и опустилась на колени. Подняла его саблю. Та оказалась неожиданно тяжелой. Рукоять приятно ласкала ладонь. По эфесу скользнуло несколько голодных бликов. Габор резко сел:

— Что ты делаешь? — Его грозный голос разнесся во все стороны мрачной комнаты.

Он уже спешил к ней. Боясь, что не успеет, Олеся поднесла другую руку к лезвию и со всей силы прижала запястье к острому краю. Дернула рукой, расплосовывая кожу. Боль прострелила все тело. Добралась до сердца и ударила в виски. В этот самый момент Габор подлетел к ней. Выхватил из рук саблю и отшвырнул в сторону. Олеся зажмурилась от накатившей дурноты. Из запястья хлынул поток темной густой крови. В воздухе повис металлический запах. Габор рывком поднял ее с пола, ставя на ноги. Но Олеся не смогла устоять. Колени подогнулись, и она куклой повисла на нем. В ушах шумело. Боль пульсировала в ране, расходясь волнами по всему телу.

Голос Габора доносился издалека. И кажется, он был очень сердит. Скорее даже зол.

— Как была сумасшедшей, так и осталась. Чем ты думала?!

Он прижимал ее к себе, и Олеся поняла, что боль уходит. Вместо нее появляются усталость и... эйфория. Она как будто была немного пьяна. Но ощущать его сильное тело, твердый живот, шершавую от волосков кожу, — действительно, как выпить самой бутылку вина. Пьяняще. С трудом Олеся подняла окровавленную руку и коснулась колючей щеки Габора:

— Теперь ты будешь знать... заключала я сделку... или нет...

Она взмыла в воздух, не сразу осознав, что Габор поднял ее на руки. Так хорошо было плыть в сильных руках, прижимаясь к его груди, слышать стук сердца.

— Да мне уже все равно! Ты — идиотка!

Не смотря на резкие слова и злое выражение лица, Габор очень бережно уложил ее в кровать. Послышался треск ткани. Он прижал к ране обрывок собственной рубашки и туго перетянул сверху.

Олеся тихонько рассмеялась:

— Ты же сам хотел это сделать... Угрожал мне... — Каждое слово давалось с трудом. Кажется, она перестаралась. — Как долго ждать?

Габор очень сильно злился. Губы сжаты, ноздри гневно раздуваются. Ну лбу снова выступили капельки пота.

— Ты сумасшедшая... Я поймаю тебе демона, и ты сама увидишь, как долго ждать.

Габор встал.

— Полежи здесь. Я сейчас вернусь.

Олеся из последних сил вцепилась в его руку.

— Нет, не уходи! Не оставляй меня с... одну...

Олеся едва не проговорила. Мозг соображал с трудом и приходилось подбирать каждое слово. Она просто не знала, что еще сделать. Какова вероятность того, что Габор поверит ей, а не своему

брату? Тем более после того, что только что случилось между ними. Жена-изменница против брата. Но Габор снова ее удивил. Опустился на корточки возле кровати и ласково убрал прядь волос с лица.

— Что сделал Миклош?

Олеся закусила губу. Вот он ее шанс! Неужели он все-таки сможет ей поверить? Беда в том, что Олеся даже не знала, какими словами обо всем рассказать. Те ужасы, что сохранились в памяти Маргит нельзя было описать парой фраз. Тягостное молчание разлилось по спальне.

— Ты мне неверишь.

На лице Габора читалось сомнение. Не смотря на то, что она сделала, пытаясь доказать свою невиновность, он все еще сомневался в ней. И это было хуже всего. Нет, она не надеялась, что их сумасшедший секс все изменит, но... Но в глубине души хотела, чтобы эта близость значила для него немного больше, чем удовлетворение физической потребности. Но похоже, как и многие женщины, перепутала влечение с глубокими чувствами.

К счастью Габор больше не стал ее пытаться. Поднялся на ноги и ласково поцеловал в лоб.

— Здесь тебя никто не найдет. Не бойся. Я схожу за лекарем и вернусь. Поспи.

Габор укутал ее в покрывало, пропахшее пылью и их сексом, быстро оделся и скрылся за неприметной дверью в углу комнаты. Олеся ее даже не заметила. Может ей действительно пока нечего бояться? Дверь заперта. Габор сам сказал, что ее тут никто даже не услышит. А что если Миклош все-таки отыщет ее укрытие? И тогда толстые стены сыграют с ней злую шутку. Опаляющий жар сменился ознобом. Таким, что зубы застучали. Ей нужно что-то придумать. Но накатывающая дурнота мешала сосредоточиться. Зря она совершила этот глупый поступок. Ничему он не поверил. И, наверное, не поверит.

Глава 10

Габор еще никогда не был в такой растерянности. Его раздирали на куски сотни самых противоречивых чувств и эмоций.

Тело до сих пор не остыло от самого потрясающего секса в его жизни. Даже мозг соображал с трудом. Из разрозненных обрывков он пытался собрать цельную картину и понимал, что упускает нечто важное.

Маргит вытеснила из головы все здравые мысли. Перед глазами стояла только она. Прижатая к стене. Пытающаяся сдержать стоны. Хрипло стонущая от его ласк. Распластанная на кровати. Выгибающая спину. Ни разу в жизни ему не было так хорошо. Маргит оказалась идеальной. Совершенной. Смелой. Откровенной. И настоящей. Он думал, что будет достаточно один раз уложить ее в кровать, или на стол, или прижать к стене. Один раз! И наваждение само собой пройдет. Но нет... После того, как его смело с ног потрясающее наслаждение, он понял, что хочет ее снова. В кровати, на столе, у стены. По телу снова прошли волны сумасшедшего жара. Как будто его сунули в костер.

Но ее поступок... Чем она вообще думала? Сознательно порезала себя саблей. Зачем он вообще рассказал ей о своем оружии? Хотел напугать. А в итоге испугался сам. Да заключи она хоть тысячу сделок с демонами, он все равно не смог бы отказаться от нее. Сейчас он понимал это как никогда отчетливо.

И все-таки он дурак. Совсем расслабился, даже не понял, что Маргит задумала. Раньше никто не мог прикоснуться к его оружию. Даже если кому-то удавалось, вскоре он оставался без руки. С Маргит же Габор забылся. Возьми она саблю и приставь ему к горлу, он бы не стал сопротивляться. Хотя, нет... Он бы поборолся с ней, чтобы победить и наказать. При мысли о том, каким может быть это наказание, снова стало жарко. Впрочем, она действительно будет наказана. Он уложит ее на колени и хорошенько пройдет ремнем по округлой аппетитной попке, чтобы больше не вздумала повторять подобное.

А потом они еще много раз повторят то, что было.

Он завалит ее подарками. У Маргит будут лучшие наряды и самые красивые драгоценности. Все, что она только пожелает. Габор был уверен, что легко убедит Маргит не возвращаться к Миклошу. Между ними ведь и так не все гладко. Осталось только усугубить положение дел. Скоро Проводы Старого года, а ювелир, за которым он послал, так и не приехал. И Миклош... С ним нужно что-то решать. Чем скорее, тем лучше. И он, и Маргит что-то скрывают. Нужно срочно ехать к Бражене. Но оставлять Маргит одну он не хотел. Он пошлет за ведьмой своего человека.

Габор настолько погрузился в свои мысли, что не заметил налетевшую на него служанку.

— Простите, господин! — Она выронила стопку белья и принялась судорожно его собирать.

Необходимо кому-то поручить привести его бывшую спальню в порядок. Теперь он будет жить там. Вместе с Маргит. От мысли о совместных ночах снова стало нестерпимо горячо. Ну он и идиот! Маргит ждет его помощи, пока он бродит по крепости. Ошарашенный и потерянный, как мальчишка, впервые вкисивший женщину.

— Не гневайтесь за мою неловкость. — Служанка, о которой он уже и забыл, напомнила о себе, подойдя слишком близко. — Возможно, у вас будут какие-то приказания?

Габор едва сдержался, чтобы не оттолкнуть ее. Навязчивая девица только отнимала время.

— Занимайся своими делами.

На ее лице мелькнуло недовольство, но девица тут же постаралась его скрыть. Габор вспомнил, где ее видел. Она приносила питье, когда он нашел Маргит на балконе. Маргит тогда еще пожаловалась, что служанка ее обсуждала. Наверное пора поменять прислугу.

К своему счастью девица уже испарилась, а тратить время на ее розыски Габор не хотел. Отсчитывая драгоценные минуты до того, как вернется к Маргит, Габор разыскал своих помощников. Одному приказал немедленно привести лекаря, второго отправил за городским лекарем, а третьего послал за пропадающим неизвестно где ювелиром.

Габор уже шел обратно, когда услышал за спиной шаги. Он обернулся и встретился с разъяренным Миклошем.

— И как прикажешь это понимать?

— Что именно? — Габор остановился, прикидывая, как быстрее избавиться от брата.

И какого демона он разгуливает по всему замку?!

— Адрианна мне все рассказала. Маргит здесь. Ты долго собирался от меня это скрывать?

Габор слишком хорошо знал брата. Он видел его в разных ситуациях. В отличие от него, Миклоша не учили скрывать чувства. Постепенно Миклош сам научился необходимому лицемерию. Но Габор всегда мог распознать его настоящие эмоции. Под какой бы маской они ни скрывались. Сейчас на лицо Миклоша была надета маска праведного гнева. Но за ней он отчетливо видел страх. Страх, недоумение и растерянность.

Габор продолжал молчать, гадая, что Миклош еще придумает. Его глаза бегали из стороны в сторону. Он старательно выжимал из себя гнев и ярость, но был до смерти напуган. В какое-то мгновение на его лице мелькнуло странное выражение. Габор мог поклясться, что это радость. Как будто братцу в голову пришла какая-то идея. Он вполне правдоподобно изобразил удивление, а за ним и гнев. Театр потерял прекрасного актера.

— А я знаю... Знаю! Это с тобой она сбежала. Ты — ее любовник! Ну, молодец, братец... И как она тебе? Понравилось спать с полоумной?

Габор подавил желание ответить, что они совсем не спали. Холодная ярость поднималась внутри морской волной. Он же приказал Адрианне не лезть во все это. Но она ослушалась его. И этим, возможно, поставила под удар Маргит. Что она успела рассказать Миклошу?

Габор изобразил равнодушие. Спокойно ответил:

— Еще пару часов назад ты утверждал, что видел Маргит с крестьянином. Неужели я так похож на крестьянина?

Глаза Миклоша забегали. Он врал. Больше Габор не сомневался. А сейчас просто пытался изобразить из себя обманутого супруга. Не давая брату опомниться и собраться с мыслями, Габор решил надавить:

— Как-то ты к ней не ласков. «Полоумная»... — Габор удивленно поднял брови. — А раньше она была «прекрасным, но несчастным созданием». Кажется так ты ее называл? Что ты о ней говорил? Что вы созданы друг для друга Небесами, и ее недуг лишь незначительное испытание для вашей любви? А еще мне нравилось вот это: «пусть она меня не понимает, но понимает мою любовь».

Сжавшиеся кулаки Миклоша стали лучшим доказательством того, что удар попал в цель. Миклош так часто твердил эту ерунду, что Габор выучил наизусть.

— Я хочу ее увидеть. И поговорить.

Габор улыбнулся:

— И как же ты с ней поговоришь? Она же тебя не понимает. Или ты собрался объясняться с ней... своей любовью?

— Адрианна сказала, что болезнь ушла. Маргит действительно исцелилась?

— Хочешь проверить?

Миклош побагровел:

— Да или нет?

— Ты забываешься, брат. Здесь никто и ничего у меня не требует и не спрашивает. Все присутствующие тут — гости. И находятся в крепости по моей милости.

Глаза Миклоша налились кровью. Брат уже с трудом сдерживался. Еще немного, и он наверняка допустит ошибку. Нужно только его к этому подтолкнуть. Габор молчал, позволяя Миклошу накрутить себя. Долго ждать не пришлось. Миклош подскочил к нему и ткнул пальцем в грудь:

— Маргит — моя жена! Ты не имеешь права мешать нам.

Спокойно убрав руку брата от себя, Габор отчетливо проговорил:

— Я имею право на все, что взбредет мне в голову. Потому что я господарь этих земель, а не ты.

Миклош отступил. На его лице застыла такая ненависть, что кожа едва не лопнула. Габор знал, что Миклош всегда жалел, что не родился первым. Когда Габор тяготился возложенной на него ответственностью, Миклош видел в этом бесконечные возможности для гулянок и развлечений. И напоминать Миклошу о том, кто из них старше, — означало резать брата по живому.

Миклош отступил. Сжал челюсти и бросил в Габора ненавистный взгляд.

— Ты еще пожалеешь об этом, братец! — Что-то в его голосе не оставляло сомнений: Миклош попытается отомстить.

Брат развернулся и бросился обратно. Словно за ним гнался сам Крампус. Габор задумчиво смотрел Миклошу вслед. Между ним и Маргит что-то произошло. Что-то очень нехорошее. Оба теперь трясутся от страха. Но если Миклош боится, что его дела выплывут наружу, то Маргит боится его самого...

— Господарь, только что приходил кузнец. Просил передать вам это.

Габор обернулся к слуге, который сжимал в руках небольшой бумажный сверток, перетянутый бечевкой. Он совсем забыл о своем заказе. Как будто прошла целая вечность, а не пара часов. Габор забрал сверток. Послышалось тихое звяканье. Он-то и пошел к кузнецу, чтобы позлить Маргит. Выражение ее лица того стоило. Она с таким неверием и удивлением смотрела на него расширившимися глазами, что Габор едва сдерживал смех. Какой же красивой она была в тот момент. Мечтательная, задумчивая и немного растерянная. Как будто все происходящее действительно было для нее в новинку.

Габор сжал сверток. Он доберется до истины, пусть даже придется устроить в крепости пыточную. Впрочем, как пытать Маргит, он уже придумал. Помимо воли на лице сама собой возникла довольная улыбка. Маргит разбудила в нем что-то странное. Волю к жизни, что ли... Раньше он просто существовал, прилежно исполняя свой долг. Нужно защищать народ от демонов? Хорошо, он будет это делать. Нужно заботиться о процветании своих земель. Хорошо, он позаботится. Нужно соблюдать и чтить традиции, показывая всем пример. Он и с этим справится! Проводы Старого года в кругу семьи? Запросто.

До сегодняшнего дня он и не подозревал, насколько сильно погряз во всем этом. Маргит стала ураганом, который смел на своем пути все привычки и приличия. Она не боялась его. Спорила и дерзила. Говорила колкости и... беззастенчиво отдавалась. Без капли фальши и наигранности. Она не старалась ему угодить, как делали другие в надежде заслужить плату побольше или украшение подороже. Она не позволяла себе наслаждаться, зачем-то сдерживалась. И это безумно злило Габора. Он ведь видел, что ей нравится, что она хочет стонать и кричать во весь голос. Но Маргит упорно сопротивлялась. А Габор выходил из себя.

Как влюбленному идиоту ему хотелось слышать, что он лучший, что ни с кем, как с ним, у нее никогда и ничего не было. Что он лучше всех мужчин, какие у нее были. А вместо этого она порезала себя, чтобы доказать свою невиновность. И где этот проклятый лекарь, когда он так нужен?!

Габор уже собирался послать еще кого-нибудь за доктором, но тот, уставший и всклокоченный, объявился сам. Что-то бубнил про сложные роды, но Габор не слушал. Прибыл второй помощник — которого он посылал за Браженной. Отводя глаза, гонец признался:

— Она отказалась ехать, господарь.

— То есть как это отказалась?!

Габор едва не схватил глупца за грудки. Остановило только присутствие доктора.

— Сказала... сказала, что знает о вашем желании с ней говорить. И просила передать, что если вы хотите задать ей свой вопрос, то должны сами приехать. До того, как мы проводим Старый год. После уже будет поздно.

Так какого демона она сама тогда не приехала? Впервые она ослушалась его приказа. Хотя знала, что он сделал с ее предшественницей за ослушание. И знала, что слов на ветер он не бросает.

— Мне следовало привезти ее силой? — Помощник заставил вернуться в реальность.

Габор покачал головой:

— Нет. Ты все правильно сделал. Сейчас отправляйся к моему брату. Найди его, где бы он ни был и не отходи ни на шаг. Сопровождай везде.

— Слушаюсь, господарь.

Слуга исчез, и Габор повернулся к лекарю:

— Идемте за мной. Моя... гостья сильно поранилась. Вы должны осмотреть рану.

Доктор устало поплелся следом, и Габору пришлось замедлить шаг. Ярость из-за отказа старой

ведьмы клокотала внутри. Как она могла послушаться его?! Какие цели преследовала?

Габор проверил, нет ли поблизости Миклоша и быстро свернул в нужный коридор. О том, где находится Маргит брату знать не нужно. Мало ли что ему взбредет в голову. Нехорошее предчувствие бурлило в груди, а Габор всегда доверял своим ощущениям.

Он провел лекаря в старую детскую. Маргит спала. Ровно и глубоко дышала. Во сне у нее было удивительное выражение лица. Спокойное, расслабленное и... загадочное. Как будто она скрывала какую-то тайну. Сама по себе эта тайна ничего не значила, но Габору во что бы то ни стало нужно было ее разгадать. Даже во сне Маргит подначивала его.

— Что случилось? — Доктор деловито разматывал пропитавшуюся кровью тряпицу.

Габор встал рядом, следя за каждым движением старого лекаря.

— Она поранилась о... мою саблю...

— Ох уж эти женщины... Вечно их тянет в мужские дела. — Лекарь покачал головой и достал пузырек с какой-то жидкостью. — Госпожа не в себе. Ее вообще нельзя подпускать к оружию. Ваш брат не уследил?

Нет, не уследил он сам — лежал уставший и расслабленный после великолепного секса. Почему какой-то докторишка вообще читает ему нотации?

— Просто сделайте все необходимое.

Лекарь поджал губы и плеснул на рану странного вида жидкость. После щедро покрыл мазью. По комнате разлился аромат диких луговых трав и цветов. Габор отчетливо увидел яркую до рези в глазах картину. Лето в Дьекельни. Прохладный ветер, огромные сверкающие звезды, соленый аромат моря, что бьется о скалы. Замок был выстроен среди скал, так повелели первые господа Дьекельни. И летом здесь было невероятно. С моря шел молочный туман, прилив напал на берег с песком, какого больше не было во всей Бергандии. Белый, с розовыми и голубыми песчинками — осколками этих скал.

Габор представлял, как отведет Маргит на берег. Как они вместе будут купаться в искрящейся воде. Как она будет задумчиво собирать ракушки. Почему-то Габор был твердо уверен, что Маргит обязательно захочет насобирать ракушек. Он видел, как она выходит из воды, дрожащая от утренней прохлады. Как сорочка облепливает каждый изгиб тела. Как с мокрых волос стекают на грудь капли воды. Как они падают на грудь, заставляя соски сжаться и натянуть ткань. Маргит таинственно улыбается и опускается на него сверху, задирая мокрую сорочку до бедер.

Габора бросило в жар. На спине и лбу выступила испарина. Он видел все настолько отчетливо, словно это было воспоминание, а не разыгравшееся воображение.

— Вот и все. Порез не очень глубокий. Когда госпожа проснется, прикажите подать ей плотный ужин. Ну или завтрак. Рану не тревожить. Пусть служанка меняет повязку раз в сутки. Мазь я оставляю.

Габор кивнул. Он уже знал, что никого и близко не подпустит к Маргит и сам будет обрабатывать ее рану.

Миклош летел по коридору, с трудом сдерживая бушующую внутри ярость. И холодный липкий страх. Эти два чувства сейчас сплетались в его душе, как ядовитые змеи в брачный сезон. Насколько плотный клубок, что непонятно, где одно, а где другое.

Маргит жива... Эта новость ударила кнутом, которым он так любил развлекаться с женой. Жива... Как такое может быть?! После всех предпринятых мер... Нет, невозможно. Он проверил пульс. Несколько бесконечно долгих минут ждал удара, но ничего не произошло. Сердце в ее груди не билось — это он знал совершенно точно. Пока гонял ее по спальне, несколько раз едва не сломал ей шею. Это натолкнуло на мысль... Уже вывезя Маргит в лес, Миклош свернул ей шею. Знакомый хруст и развернутая почти к спине, как у совы, голова, были лучшим доказательством — Маргит мертва. Еще четверть часа он, как дурак, держал у ее губ кинжал, ожидая заветное облачко пара. Как будто с лицом на затылке благоверная могла дышать!

Он убил ее! УБИЛ! Так какого демона к нему заявляется Адрианна и сообщает, что Маргит жива? «Это страшный секрет. Габор хотел сделать тебе сюрприз, но я больше не могу терпеть! Как представляю, что ты мучаешься в разлуке с ней и страдаешь... Маргит исцелилась! Теперь она разговаривает. Правда... болезнь не ушла полностью. Иногда она еще может сказать что-то совсем странное и почти ничего не помнит, но это ведь не так важно... Ты представляешь?! Морозный Дед не стал дожидаться Проводов Старого года и решил сделать тебе такой подарок!»

На словах «Маргит исцелилась!» в ушах зашумело. С каждым сказанным словом, ему хотелось свернуть шею и сестрице. Лишь бы заткнулась и не раздражала противным восторженным голосом.

Сначала он подумал, что это Габор подослал ее. Этот урод всегда обо всем знал. Миклош не удивился бы, выяснишь, что брату все известно. Ну почему?! Почему не он родился первым? Он бы нашел применение родовому состоянию. Их предки накопили достаточно. Какой прок в деньгах, если их не тратить? Умирать на сундуках с золотом? Миклош рассмеялся, но улыбка тут же схлынула с лица.

Он едва не выдал себя перед Габором. Попытка сыграть ослепленного подозрениями ревнивца провалилась. Габор обернул слова Миклоша против него же. Хитрая скоти-и-ина! Миклош влетел в свою спальню и в ярости заколотил по двери руками и ногами. Он срочно должен что-то придумать. Ну почему рядом нет Вильгельма? Он бы успокоил своими нежными ласками, усмирил бы бурю в душе. Вместе они сообразили бы, как выбраться из передрыги.

Миклош распланировал все. Он погрузит на семейном празднике без Маргит, а затем, сославшись на боль от одиночества уедет обратно к себе. Там его уже будет ждать Вильгельм. Миклош предвкушал, как сутки напролет будет наслаждаться совершенным телом любовника, как будет отдаваться то размеренным, то резким движениям Вильгельма. От воспоминаний стало жарко, захотелось скинуть одежду. Миклош прикрыл глаза и погладил себя по животу, представляя, что это руки Вильгельма скользят по ткани, пытаясь добраться до обнаженной кожи. Дрожь предвкушения прошла по телу. Он так погрузился в свои фантазии, что не услышал стук в дверь, пока тот не повторился с новой силой.

Раздраженно рывкнув «Войдите!», Миклош упал в кресло, не забыв нацепить на лицо скорбное выражение. На пороге появилась премиленькая служанка. Ее глаза судорожно бегали туда-сюда. Миклош моментально разглядел расчетливые замыслы в ее покрытой чепцом голове. Хорошенькая... Не чета Вильгельму, да и вообще слабая замена любому мужчине, но раз уж он в таких напряженных обстоятельствах... То почему бы и не снять напряжение? Так, стоп! Это служанка брата. А лишние проблемы Миклошу не нужны. И так хватает.

— Господин Миклош... — Служанка присела в глубоком поклоне.

Надо же, какая старательная. Миклош изобразил раздражение:

— Чего пришла?

Так и не выпрямившись, девица заговорила:

— Меня зовут Фиданка, господин Миклош.

— И что?

— Я... — Она несмело, но все же с вызовом подняла на него глаза. — Я слышала ваш разговор с господарем Габором...

Миклош напрягся. Ее что, братец подослал? Непохоже на него. Габор своих людей не выставляет на показ.

— Значит подслушивала? — Миклош изобразил суровое неодобрение. — За это положено наказание.

От мыслей о хлестких ударах кнута ему снова стало жарко. Хотя служанка не сравнится с Маргит. Та словно была создана для того, чтобы быть выпоротой.

— Нет-нет, что вы... — Хитрая сучка побледнела от страха. — Я хотела... Хотела вам помочь...

— И как же ты можешь мне помочь?

Миклош оценивающе рассматривал ее. Поиметь что-то, принадлежащее брату? Эта мысль всегда его возбуждала. Пусть даже это всего лишь служанка.

— Я слышала, что господарь скрывает от вас супругу. Я могла бы... могла бы помочь ее отыскать. Она здесь, в крепости.

Миклош заставил себя сосредоточиться. А девица-то, похоже, собирается предать доверие брата. Что ей еще известно?

— И где же?

— Этого я не знаю, но могу узнать.

— Это правда, что она исцелилась?

Служанка вдруг снова уставилась в пол:

— Я расскажу вам все, что знаю, помогу ее найти, но... молю и вас о помощи...

Вот те на! Настолько осмелела, что готова торговаться? Миклош возбуждался все больше. Служанка, как там ее звать, интриговала его все больше.

— С чего бы я стал тебе помогать?

Глаза девки хитро блеснули.

— После исцеления госпожа Маргит сильно изменилась... Мне кажется... кажется, она пытается завлечь господаря Габора...

У Миклоша отпала челюсть.

— Что-о-о?! Маргит?! Чокнутая Маргит?

Она точно говорит о его жене? Миклошу все больше казалось, что речь идет о совершенно другой женщине.

Служанка закивала:

— Она совсем не кажется чокнутой. Среди слуг... среди слуг ходят разговоры... — Она умело выдержала паузу. — Будто бы госпожу Маргит отметил демон... Но я, конечно, в это не верю.

— Конечно, нет... — Миклош скривился.

Значит, отмечена демоном? А что, может и такое быть. Он бросил ее в лесу. Мало ли, кто мог там на нее набрести. Как иначе объяснить ее воскрешение? Как ему сразу не пришло в голову?! А даже если дело не в демоне, то это ведь отличное решение проблемы.

Миклош прошелся взглядом по ладной фигурке служанки. Фиданка, кажется... В его голове медленно созрел новый план. Не все еще потеряно. Он может не только избавиться от полоумной обузы, но и от брата. Впереди замаячили прекрасные возможности: безбедная жизнь с Вильгельмом, развлечения, на любой вкус. Все, что Миклош только пожелает. Он сможет устроить себе бесконечный праздник. Десятки мужчин, пытающихся услужить ему и добиться его расположения своими ласками. Ревность Вильгельма. И даже эта миленькая служаночка, которую он отправит обслуживать своих друзей.

Судьба сама дает ему шанс! Он исправит ту безумную несправедливость, жертвой которой стал. Богатство, власть и безграничные возможности сами плывут ему в руки.

Миклош развалился в кресле, которое вдруг показалось невероятно удобным:

— А какая же помощь тебе нужна от меня?

Фиданка ответила ему прямым взглядом:

— Я хочу стать женой господаря Габора.

Миклош на пару секунд даже утратил дар речи. Такого он не ожидал. Серьезно? Женой? Она?! Даже его чокнутая женушка и то больше подходила на роль супруги благородного господина и аристократа, нежели эта замарашка. Миклош на корню задушил желание расхохотаться. Так это же замечательно! Мечтать она может, о чем угодно. И если в ее голове родилась настолько безумная идея, значит, использовать ее можно будет, как угодно. Девушка согласится на все, увлеченная перспективой стать госпожой.

Миклош сцепил ладони в замок. Он попользуется этой девкой, а потом швырнет братцу. Какого ему будет иметь то, что до него имел Миклош? Это будет его прощальным подарком перед тем, как закопает брата. Живьем!

— Возможно... я смогу тебе помочь в этом непростом деле. Но что получу взамен?

Рыбка попалась на крючок. Глаза служанки зажглись нездоровым блеском, на щеках показался лихорадочный румянец.

— Все. Я стану вашей союзницей. Сделаю все, чтобы вы смогли забрать свою жену обратно. Вообще все.

Миклош довольно потер ладони. Это ему и нужно. В голове уже возник чудесный план. Нужно его хорошенько обдумать. И сразу же приступить к исполнению.

— Отлично. Я согласен. Раздевайся.

Служанка забавно выпучила глаза. Нет, она проигрывала Маргит по всем статьям.

— З-зачем?

— Должен же я посмотреть, что буду предлагать брату. Ты обязана стать достойной госпожой. Сейчас я займусь твоим обучением...

Миклош удовлетворенно ухмыльнулся, когда служанка стащила с себя передник.

Глава 11

Габор рассматривал спящую Маргит. Происшедшие с ней перемены все никак не укладывались в голове. Нужно ехать к Бражене. Ведьма точно что-то знает. И это ее условие... Габор не удержался и запустил пальцы в разметавшиеся по подушке волосы Маргит. Мягкие и гладкие на ощупь, прохладные, как шелк... Он представлял ее в мехах, обнаженную. Хотелось лечь рядом, позабыв обо всех проблемах. Обнять Маргит, прижать к себе и хоть ненадолго побыть обычным мужчиной. Которого Маргит сможет полюбить.

Она изменилась. Ответ лежал на поверхности, но Габор все никак не мог его разглядеть. Маргит застонала и перевернулась на живот. Одеяло сползло, открывая совершенную спину. Даже длинные рубцы не уродовали ее. Габор нахмурился. Могло ли быть так, что это дело рук Миклоша? Вполне... Лицо брата всегда преображалось, когда он становился свидетелем насилия. Но почему Маргит так упорно молчит об этом?! Габор видел, чувствовал в ней страх перед Миклошем. И в то же время она так увлеченно следила за выступлением ярмарочного артиста. Словно видела впервые... Помнит мужа, но не помнит детскую сказку и остальную семью? «Душа другая»... Снова слова Бражены всплыли в памяти. Что имела ввиду старуха? И почему отказалась явиться? Он должен как можно скорее съездить к ней.

В дверь робко постучали. На пороге появился один из его немногих доверенных слуг.

— Господарь... Прибыл ювелир. Говорит, вы за ним посылали...

Габор раздраженно поднялся с кровати, стараясь загородить собой Маргит, хоть слуга и не смотрел в ее сторону. Почему нужно было приехать именно тогда, когда у него нет на это времени?! Но одна мысль о том, как Маргит, возможно, будет довольна и рада, немного охладила гнев.

— Прикажи ждать в моем кабинете. Пусть ему подадут ужин. Я сейчас приду.

— Слушаюсь, господарь.

Габор осторожно укрыл Маргит и огляделся. Он не был в детской уже много лет. Как только вырос достаточно, чтобы противостоять воле родителей, сбежал отсюда. Раньше эта демонова спальня пугала его до ужаса. Казалось, что в тени кто-то скрывается, под кроватью живет злобный демон, а через огромный камин без труда может проникнуть сам Крампус. Ночи Габор проводил под аккомпанемент шорохов, скрежетов и жутких скрипов. Он даже отказывался от того, чтобы слуги разводили огонь в камине. Лучше мерзнуть, чем смотреть на морду монстра, из пасти которого вырываются языки пламени. Особенно после отцовского рассказа о том, что в прежние времена предки сжигали в нем тех, кто не оправдал ожиданий рода.

Странно, что после своего безрадостного и мрачного детства он решил привести Маргит именно сюда. Но теперь, когда смотрел на нее, мирно спящую в огромной кровати, он понимал, что лучшего места и не найти. То, что раньше пугало до ужаса, сейчас могло ее защитить. Почему-то Габор верил, что именно тут Маргит будет под защитой.

Он подошел к камину и отыскал там запасной ключ, который выбросил на глазах у Маргит. Лучше его забрать. Ей вполне может взбрести в голову сбежать отсюда, пока его не будет. Какая-то часть его души даже захотела, чтобы она попыталась. Тогда у него будет повод наказать ее. Да что ж такое?! Он не может и несколько минут не думать о сексе с ней. Словно мальчишка, только что лишившийся невинности.

Осторожно, чтобы не разбудить, Габор поцеловал Маргит в лоб:

— Отдыхай. Я скоро вернусь.

Она тихонько вздохнула, и от этого звука и нежного выражения ее лица, внутри что-то сжалось. Как будто, уходя, в спальне он оставлял нечто важное.

Ювелир с аппетитом уплетал ужин, когда Габор ворвался в кабинет.

— Господарь... Позвольте поприветствовать...

Габор нетерпеливо перебил мастера. Ему некогда было выслушивать его лесть:

— Вы привезли, что нужно?

— Конечно-конечно, господарь... Вот здесь... — Ювелир протянул пухлую папку. — Новинки совсем мало, но я постарался... Вы ведь совсем недавно уже делали заказ... я не стал привозить то, что вам не понравилось в прошлый раз...

— Помолчите.

Габор раскрыл папку и начал перебирать листы плотной бумаги с цветными эскизами украшений. Несколько колец, браслеты, колъе. Все безумно вычурно, ярко и аляповато. Адрианна пришла бы в восторг. Но почему-то казалось, что Маргит не понравится ни одно из них. Ей нужно что-то особенное. Что-то, что будет сверкать, как ее глаза, когда она смотрела представление. И такого же нежного цвета, как ее румянец, когда она лежала рядом с ним, уставшая и покрасневшая.

В самом конце, небрежно сложенный вдвое, лежал лист. Габор развернул рисунок. Серьги. Две крупные капли розовато-сиреневого цвета в окружении белых сверкающих бриллиантов. Должно быть они достанут ей до плеч. Габор изо всех сил пытался прогнать картину вставшую перед глазами: он берет Маргит, и серьги раскачиваются в такт их движениям. Больше на ней не будет ничего. Это единственная одежда, которую он позволит ей надеть. Он положил эскиз перед ювелиром.

— Они.

Лицо мастера пошло алыми пятнами.

— Господарь Батьяни... Они еще не готовы... Я не думаю, что успею...

— А вы постарайтесь.

— Дело в том, что камни оказались велики, и... серьги будут стоить дорого... Я... хм... думал, что возможно принцесса пожелает их приобрести и уже...

Габор навис над пронырой-ювелиром:

— Я. Хочу. Эти. Серьги. Они должны быть готовы в кратчайшие сроки.

Ювелир стремительно серел:

— Н-но... что я скажу ее высочеству?

— Это не моя забота. Сделайте ей что-нибудь другое.

— Но ее высочество пожелала...

Габору надоел этот бессмысленный спор. Он тратил драгоценное время, которое мог провести с Маргит, на старого лысого ювелира.

— Либо вы привозите их мне, либо осваиваете новое ремесло. Потому что ювелиром вам больше не быть.

Старый мастер схватился за сердце, безуспешно пытаясь сделать глоток воздуха.

Габор удовлетворенно кивнул:

— Надеюсь, мы поняли друг друга и договорились?

— К-конечно, г-господарь Батьяни... Вы мой самый ценный заказчик... я сделаю в-все так, как вы прикажете.

— Замечательно. Не заставляйте меня ждать.

Ювелир начал что-то невнятно лепетать, но Габор его уже не слушал. Оставил мастера доедать ужин, а сам отправился обратно к Маргит.

Олеся безуспешно дергала запертую дверь. Конечно же заперто. В камине ключа не оказалось. И что ей теперь делать? Сидеть тут и дожидаться, пока великому господарю опять приспичит заняться сексом? Олеся подобрала мятую сорочку и с трудом натянула на уставшее тело, а потом без сил опустилась на пол рядом с камином. Чем она думала, когда пыталась доказать свою невиновность? Пальцы на раненой руке болели и слушались с трудом. Любопытство пересилило, и Олеся осторожно разбинтовала повязку. Рана выглядела жутковато. Кто-то покрыл порез странного вида мазью. Кровь запеклась темной корочкой.

И все это из-за мужика... Ради Андрея она бы на такое не пошла. Никто вообще такого не стоил! Так почему она это сделала? Наплевав на угрозу собственной жизни. Наверное после секса мозги размякли. Что она вообще творит? Вместо того, чтобы думать, как вернуться домой, она спит с тем, от кого нужно держаться как можно дальше.

В замке повернулся ключ, и дверь резко отворилась. На пороге стоял Габор. Сосредоточенный внимательный взгляд быстро скользнул по кровати. Ей показалось, или на лице Габора мелькнула тревога? Наконец он заметил ее. Быстро преодолел разделяющее их расстояние и, обхватив

горячими ладонями за талию, поднял:

— Тебе плохо? Зачем ты встала?

Габор легко поднял ее на руки и понес к кровати.

— Ух ты! Сколько заботы сразу. — Олеся не смогла удержать обиду. — Наверное нужно было сразу переспать с тобой.

В ней все бурлило. То ли гнев, то ли адреналин. А может просто глупость. Она не знала. Злилась на саму себя за то, как сладко и уютно было в его объятиях. Тепло и твердость мужского тела обволакивали. Олеся попыталась взять себя под контроль и не смогла: потерлась о твердую грудь, прижимаясь ближе.

— Нужно было. — Голос Габора послал по расслабленному телу горячие волны предвкушения. — Но ты сопротивлялась и твердила про пытки. Я все еще могу их устроить...

Габор опустил Олеся на кровать и сел рядом. Только сейчас до нее дошел смысл его слов. И то, каким тоном он это сказал. Словно... словно и впрямь собирался загнать ее в пыточную. Но странный возбужденный блеск его глаз говорил о том, что при этих пытках они точно будут голышом. Олеся прикрыла глаза, стараясь прогнать из мыслей образ обнаженного Габора. Это оказалось совсем не просто. Она никогда не залипала на накаченных парней, но тут... В ее мире за него бы передрались модельные агентства. Она вспомнила своего мерзкого начальника. Деловые костюмы на нем и вправду сидели потрясающе. И все же Габор был другим. Характер у него тоже оказался отвратительным, но совершенно иным.

— Маргит, с тобой все хорошо? Голова кружится? Ужин сейчас принесут. — Он заботливо придерживал ее за плечо.

— Да. — Олеся кивнула. — Все нормально.

Почему-то ей ужасно захотелось, чтобы он назвал ее настоящим именем. Принадлежащим ей, а не несчастной сумасшедшей женщине, умершей от рук собственного мужа. От воспоминаний о Миклоше ее окатило ледяной водой. Боже... Он ведь здесь! И наверняка захочет ее увидеть. И забрать с собой. Для того, чтобы завершить начатое. В мыслях, оставшихся от Маргит царили сумбур и путаница, но то, что Олесе удалось собрать по крупицам, пугало даже ее. А ведь она жила в мире, где каких только ужасов не происходило!

Наверное она не смогла сохранить бесстрастное выражение лица, потому Габор придвинулся еще ближе и обеспокоенно заглянул ей в глаза:

— Маргит, что происходит?

Олеся вцепилась пальцами в смятое покрывало, отчаянно пытаясь придумать отговорку.

— Когда ждать разоблачения? — Она выставила вперед раненую руку.

— Зачем ты сняла повязку? — Габор взял с тумбочки небольшую деревянную баночку и зачерпнул пальцем густую мазь.

Осторожно взяв Олеся за руку, он начал легко и бережно покрывать рану плотным слоем. Олеся недоверчиво покосилась на мазь. Она приятно пахла цветами. Олеся упрямо задрала подбородок:

— Хотела проверить, заживает ли рана.

— Она заживет быстрее, если ее не тревожить. — Уверенными, но нежными движениями Габор принялся бинтовать руку.

Сейчас он как никогда походил на властного господина, перед которым все падают ниц. В каждом простом и выверенном движении чувствовалась сдерживаемая сила и мощь. Он действительно был господарем, от которого зависели тысячи людей. А теперь зависит и она.

Молчание становилось тяжелым и давило на нервы. Олеся и так была на пределе. Между ней и Габором словно сверкали невидимые искры напряжения. Она слышала их треск — так трещит электричество в неисправной розетке. Вроде все нормально, но стоит поднести к ней «вилку», как тут же все заискрит, раздастся треск и случится взрыв. С Габором этот взрыв неминуем. Напряжение выплеснулось наружу необдуманными словами:

— И сколько ждать? Как понять, действует сабля или нет? — Олеся вдруг озарила страшная догадка. — Или это сказка для дурачков и... дурочек, которые захотят поиграть с твоим оружием?

Габор хитро улыбнулся:

— Для игр у меня есть другое оружие. — Его глаза сверкнули.

Олеся удивленно вздернула брови: он сейчас намекает на..? Она скосила глаза вниз, на его скрытые сюртуком бедра. Ужасный и всемогущий господарь пытается с ней флиртовать и заигрывать?

Видимо Габор заметил ее взгляд:

— Прежняя Маргит не поняла бы ни слова из того, что я сказал. Новая же моментально догадалась, что я имел ввиду...

Он задумчиво смотрел ей в глаза, продолжая перевязывать рану. Разговор пошел совсем не туда, куда нужно. Почему же с Габором так трудно?! Он не раскусил ее лишь каким-то чудом. Но Олеся была уверена: это дело времени. Вот только к какому выводу он придет? Потрясающий секс совсем не гарантировал, что он ей поверит. Что фантастичнее: рассказ о том, что его брат творил с женой, или о том, что она попала сюда из другого мира?

Стараясь ничем не выдать своего волнения, Олеся сделала вид, что не слышала его слов и попыталась вернуть разговор в прежнее русло:

— Так это все неправда? Заключивший сделку с демоном не умирает, поранившись о твою саблю? Просто выдумка?

Габор вдруг стал серьезным. Нахмурился, сдвинув брови на переносице:

— Я обязательно покажу тебе, что происходит с демоном и тем, кто с ним заключал договор.

— И как же?

— Поймаю его и дам тебе самой его поранить. Все увидишь собственными глазами.

Почему-то возможность увидеть настоящего демона взбудоражила. Наверное, часть сумасшествия Маргит передалась и ей. Но Олеся чувствовала себя попавшей в сказку. Она сможет увидеть жуткое существо, на которых остальные смотрят лишь в фильмах. Странно, но она совсем не боялась этого неведомого демона. С удивлением поняла, что это не из-за того, что до сих пор не верит в их существование. Нет... Просто она уверена, что Габор сможет ее защитить. Какие бы отношения между ними не сложились. Он ведь господарь... Обязан защищать всех своих подданных. Грусть сжала сердце. Они по-прежнему никто друг для друга. Стараясь не выдать сумятицу, бушующую внутри, Олеся улыбнулась:

— Хорошо. Договорились. Ты обещал. Не думай, что я про это забуду.

Он закончил перевязывать ее руку и неожиданно подсел совсем близко. Горячее дыхание обожгло Олесе губы. Она не удержалась и жадно вдохнула аромат Габора. Как же он потрясающе пах. Его губы быстро и жадно коснулись ее губ, пристальный взгляд удержал ее.

— Какая ты, оказывается... кровожадная...

Потеряв волю, Олеся потянулась за его ртом. Забылась и слегка лизнула шершавые губы. Тихий, на выдохе, стон Габора послал дрожь по всему телу. Олеся почувствовала, как в животе все сжимается от предвкушения. Провались все пропадом, но она снова хотела его! До боли. До рези в глазах. До судорожно сжимающихся пальцев в попытке зарыться в его волосы, притянуть к себе, не отпускать.

Габор обхватил ладонями ее талию, сжал и притянул к себе. Он набросился на ее рот с новой силой, как будто пару часов назад не целовал и не ласкал так, что подкашивались ноги. Олеся взобралась на его колени, часто дыша, обхватывая губами язык Габора, бесцеремонно вторгающийся в ее рот.

Может это воображение или самовнушение, но руки Габора казались невозможно горячими. Они обжигали кожу сквозь ткань сорочки, оставляя невидимые глазу отметины. Олеся покрылась испариной, когда он медленно потянул вверх подол, обнажая ее ноги. Она вцепилась в плечи Габора, боясь, что какая-то неведомая сила сможет его отнять. А у нее еще никогда не было такого мужчины. Сильного, властного, совершенно невыносимого, но, кажется, готового ее защитить. А как он оплатил все ее покупки в деревне? И отдал монетку той старушке. А ведь чем богаче человек, тем жаднее. Но Габор... Олеся не понимала его. Все еще немного опасалась и нестерпимо хотела. Вполне возможно, что совсем скоро она наскучит ему, или же он, наигравшись, отдаст ее братцу, и тогда ей придется совсем тяжело. Но до тех пор... Она не будет отказывать себе ни в чем. И сейчас ее самое большое желание — чувствовать обнаженной кожей его кожу. Слушать, как он стонет от ее ласк.

Олеся сама задрала сорочку выше, разводя ноги и устраиваясь на его коленях. Габор с новой силой принялся терзать ее рот. Боже... Он целовался так, словно занимался с ней любовью ртом и языком. Жадно и влажно. Пробовал на вкус, слегка прикусывал губы, а затем посасывал их. У Олеси

кружилась голова. Она впиалась в его плечи пальцами, чтобы не упасть. Ладонь Габора накрыла ее грудь, обожгла через ткань. Олеся тихонько всхлипнула, когда он сжал чувствительное полушарие, слегка сдавил между пальцев сосок.

Олеся развела ноги шире, придвигаясь вплотную к бедрам Габора. Кое-как расстегнула его шорты и прижалась к натянутому брюки члену. Она начала тереться промежностью о набухшую плоть. Габор с хрипом застонал и, оставив ее рот, переместился к шее. Царапал щетиной нежную кожу, прихватывая зубами и лизал. Олеся начала плавно двигаться, пытаясь понять, как ему больше нравится. Нежные складочки набухли, внизу стало влажно, мышцы влагалища сократились, желая ощутить внутри твердый и горячий член. Олеся задвигалась быстрее, прижимаясь к Габору все отчаяннее.

Влаги было так много, что ткань его брюк намокла. Но Олеся не было ни капельки стыдно. Она тяжело застонала, когда Габор укусил ее за плечо, а затем начал зализывать это местечко. Его голос отдался эхом во всем теле:

— Что ты со мной делаешь?..

Она не знала. Она ни черта больше не знала. Осталось только сумасшедшее желание к этому мужчине, и больше ничего. Олеся ухватила за его другую ладонь и прижала к своей груди. Сгорая от стыда, едва слышно попросила:

— Поцелуй мою грудь...

Габор уложил ее на кровать, втянул в рот кожу между ключиц и пососал. Олеся обхватила ногами его бедра, заставляя быть ближе. Габор прижался членом к ее плоти и несколько раз резко толкнулся, задевая чувствительный клитор. Олеся не выдержала. Откинула голову и застонала. Он приподнялся на локтях над ней, пристально глядя в лицо.

— Ты еще... слишком слаба... — Голос стал ниже, охрип и сел, будоража Олесиные нервы.

Она помотала головой. Серьезно? Он вспомнил об этом сейчас? Злым голосом, с трудом дыша, процедила:

— Тогда катись к своим демонам.

Губы Габора изогнулись в кривой улыбке, как будто ему одновременно было и больно, и хорошо.

Он резко стянул с ее плеч сорочку, беря руки в плен. Наклонился и, опалая дыханием кожу груди, лизнул сосок. Олеся выгнулась от наслаждения, прострелившего позвоночник. Дернула бедрами и прижалась к Габору. Он сжал пальцами тугую, моментально набухшую вершинку, и ухмыльнулся:

— Я просто пытался быть благородным...

— Мне не нужно твое благородство. — Олеся облизнула губы, с удовлетворением замечая, как затуманился взгляд Габора.

— А что тебе нужно?

— Чтобы ты повторил это снова. И вошел в меня...

Его взгляд стал совершенно сумасшедшим. Словно он перестал контролировать себя. Снова наклонился и сжал губами сосок. Олеся застонала, запуская пальцы в его волосы, притягивая к себе голову Габора. А он продолжил пытку. Начал сосать отвердевшую вершинку, втягивать в рот и резко выпускать с тихим влажным звуком.

Громкий стук в дверь напугал до чертиков. Олеся дернулась в руках Габора. Он, кажется, ничего не слышал. Олеся потянула его за волосы. Взгляд Габора немного прояснился. На лбу выступили бисеринки пота, а глаза блестели, как в лихорадке:

— Тебе не нравится? Хочешь... по-другому? Скажи как...

Господи, он в своем уме?! Как это может не нравиться?! Олеся тяжело сглотнула, пытаясь собрать несколько слов в предложение.

— В дверь стучат...

— Что?

— В дверь кто-то постучал...

В подтверждение ее слов снова раздался стук. Приглушенный мужской голос с той стороны

сообщил:

— Господарь Габор, ужин, как вы приказывали. Я могу войти?

— Нет!

Олеся обессиленно опустила руки, оставляя волосы Габора в покое. Голос за дверью не унимался:

— Н-но как же ужин?..

Габор едва ли не зарычал в сторону двери:

— Уберись отсюда.

— Слушаюсь, господарь...

Олеся немного пришла в себя. Ей бы следовало выбраться из кровати, догнать слугу и сказать ему «спасибо» за то, что остановил от очередной ошибки. О чем она вообще думала? Какое-то помутнение рассудка. Поддалась пагубной слабости, усложняя и так безвыходную ситуацию.

Габор снова начал опускаться к ней, но Олеся быстро накрыла ладонью его рот:

— Нужно остановиться...

Во взгляде Габора смешались недоумение и ярость. Он немного отстранился:

— Ты издеваешься?

— Нет... Мы допускаем... серьезную ошибку.

— Да. — На лице Габора появилось раздражение. Сердце Олеси пропустило удар, замерев в грудной клетке. — Растрчиваем время на разговоры.

Олеся собрала последние силы и попыталась оттолкнуть Габора. В душе она понимала, что ведет себя как истеричка, но повернуть обратно уже не могла.

— Не нужно. Это все только усложнит.

Глаза Габора сузились до двух щелочек, в которых застыла молчаливая злость. И угроза.

— А в прошлый раз мы ничего не усложняли?

Конечно, он прав. Тысячу раз прав! Но это не он, черт возьми, оказался в незнакомом страшном мире. Не его жизнь балансирует на тонкой проволоке.

— В прошлый раз я... — Олеся пыталась подобрать верные слова, чувствуя, что сама закипает. — Я...

— Ну? Что ты..? — Габор смотрел на нее так, словно мысленно уже раз десять придушил. — Не было слуги, который мог напомнить «об ошибке»? — Он передразнил ее, лицо превратилось в холодную маску. — Я пытался остановиться. Но ты не дала. Так какого демона было доводить меня до состояния, когда я даже мыслить нормально не могу, и думаю только о том, как бы отыметь тебя посильнее?!

Олеся почувствовала, как кровь приливает к щекам от этих слов. Внизу живота стало нестерпимо тяжело. Тело ответило на призыв Габора, исторгая еще больше влаги.

И в этот самый миг в спальне послышался жуткий вой. Нечеловеческий крик, перемежаемый хохотом. Олеся вздрогнула от страха, но Габор тут же укрыл ее своим телом и обернулся. Олеся боязливо выглянула из-за его плеча. Завывание раздалось снова. Отдалось в разные стороны приглушенным эхом.

— Проклятье! — Габор ударил ладонью по подушке и в одно мгновение спустился с кровати.

Олеся ощутила холод, пробирающий до костей. Без него она не просто замерзала. Без него казалось, что она в одночасье лишилась чего-то важного.

Хриплым шепотом, Олеся спросила:

— Что это?

Габор застегнул ремень с ножнами вокруг бедер. Его глаза странно сверкнули, а губы сложились в загадочную улыбку:

— Если повезет, прямо сегодня увидишь демона.

От этой новости дыхание застряло в горле. Взгляд Габора переместился ниже, и Олеся только сейчас осознала, что сидит со стянутой до талии сорочкой и выставленной напоказ грудью. Она судорожно начала дергать ткань вверх.

— Мне теперь даже посмотреть нельзя? — В руках Габора мелькнул неизвестно откуда взявшийся нож.

Олеся задрала подбородок:

— Вряд ли тут что-то такое, чего ты раньше не видел.

Неожиданно он улыбнулся. Легко, искренне и по-настоящему весело. Как будто она и впрямь сказала что-то невероятно смешное. Снова послышалось завывание, которое перешло в полный мучительной боли крик. От этих звуков кожа Олеси покрылась мурашками. Запутавшись в ворохе покрывал, она безуспешно пыталась выбраться из кровати.

Габор приложил палец к губам и подошел к камину. Опустился на корточки и заглянул внутрь. Кажется, он пытался что-то рассмотреть в дымоходе. Жуткий скрежет снова рассыпался на осколки эха. Такое впечатление, кто-то скребет ногтями по стеклу или когтями по камням. Габор быстро выпрямился, и тут же из камина вырвалось черное облако. Оно опутало его фигуру, оседая темной пылью на коже и одежде.

Олеся сползла на пол. Ноги дрожали. Едва слышным шепотом, она спросила:

— Что это?

Габор равнодушно отряхнул руки, а затем растер между пальцев оставшуюся пыль:

— Зола.

Как ни в чем не бывало холодно бросил:

— Оставайся здесь.

У Олеси отвисла челюсть от приказного тона и ледяной интонации. Как будто совсем не он только что орал на слугу за то, что их секс прервали.

— Серьезно? — Олеся подобрала испорченное платье и раздраженно снова швырнула его на пол. — Остаться тут, где воет этот... этот демон... пока ты будешь... где ты, кстати, будешь? Наверняка в какой-нибудь засаде со стенами в метр толщиной!

Габор приблизился к ней так быстро, что Олеся даже не смогла рассмотреть его движений. Секунду назад стоял у камина, и вот уже возвышается над ней, нависая разъяренной темной скалой.

— Ты в самом деле считаешь, что я оставлю тебя наедине с демоном, а сам буду трусливо отсиживаться в стороне? Умоляю, скажи, что придумала все это ради того, чтобы позлить меня.

Хриплый лающий смех раздался совсем близко. Из дымохода посыпались темные комья золы и еще бог весть чего. Завороженным взглядом Олеся следила за тем, как они превращаются в пыль, ударившись о каменные плитки. В воздух взлетали маленький черные облачка.

Габор обжег руками ее плечи и встряхнул. А затем сжал горячей ладонью шею и мучительно медленно погладил пальцем раздраженную щетиной кожу, которая до сих пор не остыла от его поцелуев и теперь желала новых.

— Неужели считаешь меня трусом?

Она и сама не знала, что сказать. Каждый день, каждый час в этом мире был для нее испытанием. Какая опасность подстерегает за поворотом?

— Ты сам сказал, что там демон... И собираешься оставить меня здесь...

К глазам подступили слезы обиды. Габор чуть сильнее сжал ладонь на ее шее, то ли пытаясь задушить, то ли изощренно лаская.

— Это самая защищенная комната в замке. Здесь тебе не грозит ничего.

Он вдруг тяжело и как-то обреченно вздохнул и добавил, резко притягивая Олесю к себе:

— Кроме меня.

Этот поцелуй отличался ото всех остальных. Горький, медленный и томный. Влажный и отчаянно тягучий, от которого кровь превращалась в лаву, а вены плавились. Сердце гулко билось о ребра, и пальцы сами вцепились в одежду Габора. Он не спеша и вкрадчиво целовал ее. Хотя нет, не целовал. Пожирал. Мучил Олесины губы то ласковыми нежными движениями, то прикусывая и всасывая в свой рот. Слизывал ее стоны, втягивая язык к себе в рот и встречая своим языком.

Олеся всхлипнула и прижалась животом к его бедрам. Даже громкий свистящий звук в дымоходе, как будто что-то падает, не нарушил волшебства момента. Неожиданно послышался гулкий удар, а за ним отчаянный визг, перемежающийся с сиплым воем. В комнате завоняло паленой шерстью. Олеся отодвинулась от Габора и сморщилась.

Он улыбнулся, скользя по ней ленивым, словно пьяным взглядом, и пояснил:

— В дымоходе особая защита на такой случай...

Послышалось жуткое кряхтение и клцанье ногтей о камень. Судя по всему, существо пыталось ползти вверх.

— Мне нужно разобраться с этим. Демоны просто так не появляются...

Олеся подхватила с пола плащ:

— Возьми меня с собой!

— Нет, ты останешься здесь. Там я не смогу тебя защитить.

— Ты и не сможешь? Разве ты не всемогущий господарь?

Олеся запахла полы плаща и огляделась в поисках сапог.

— Это могло подействовать, когда мне было лет десять. — Из дымохода опять посыпалась зола. — Все, мне пора.

Олеся не знала, как еще его убедить. Очевидно, что здесь ей ничего не грозило, но оставаться в одиночестве она все равно не хотела.

— Нет! Не оставляй меня тут одну.

— Ты не понимаешь. — Габор выглядел по-настоящему разозленным. — Я все время буду отвлекаться на тебя. И не смогу сделать то, что должен. А тут ты в безопасности.

— Но я могу побыть где-нибудь в стороне... Я не буду мешать!

Олесе стало противно от самой себя. Упрашивает его, как ребенок — родителей взять на их работу.

Габор уже был у двери:

— Тебя никто не должен видеть. Поэтому ты будешь находиться здесь. Пока я со всем не разберусь.

Олеся замерла. Кажется, он имеет ввиду вовсе не демона. Нехорошее предчувствие пустило в сердце гнилостные корни. Десятки самых разных мыслей, одна хуже другой, начали атаковать мозг.

В отчаянии Олеся бросила Габору в спину, перекрикивая новые завывания в камине:

— Не хочешь, чтобы тебя видели рядом с сумасшедшей?! Вдруг кто-то догадается, что ты переспал с умалишенной... Позору, наверное, будет...

Он обернулся. Красивое лицо оставалось холодным и бесстрастным, но в глазах... Ей показалось, или там действительно отразилась боль?

— Нет. — Он холодно качнул головой. Непослушная челка упала на глаза, и у Олеси пальцы зачесались откинуть ее со лба. — Не хотел, чтобы тебя видел Миклош.

Он отвернулся и вышел, не забыв запереть дверь на ключ. Олеся без сил опустилась на пол. Из камина снова вырвалось черное облако, но это ее уже мало волновало. Неужели, он оберегал ее от Миклоша?

Олеся обняла колени и уперлась в них лбом. Она запуталась. Пора это признать. Ей нравился Габор. Безумно. Он был идеалом мужчины. С тяжелым характером и тиранскими замашками, но идеалом. И чем дальше, тем больше он ей нравился. Вот только она не из этого мира. И она не жена его брата. И никогда не была сумасшедшей. Вся эта ситуация приняла дурной оборот. Ведь что бы ни происходило дальше, ему придется однажды выпустить ее отсюда. Да и она не сможет всю жизнь

провести в четырех стенах. Миклош где-то в замке. Возможно, он уже знает, что его жена жива.

У Габора не получится все время быть рядом с ней. Ей придется столкнуться с его жутким братом. И никто, кроме нее самой, не сможет ее защитить.

Олеся выпрямилась, потянулась за сапогами и быстро надела их. Встала с пола, застегнула плащ и опасливо приблизилась к камину. Перед тем как ее сбила машина она загадала желание... О мужчине. А нужно было попросить жизнь. Почему-то Олеся была уверена, что в своем мире она уже давно умерла. Но получила второй шанс. Правда, и здесь ее выживание под вопросом. Нужно попытаться сделать хоть что-то. Но что? Если она откроет Габору часть правды, поверит ли он ей? Не посчитает ли, что она хочет оболгать его брата? Да, они переспали, но это говорит не в ее пользу.

Господи... Она совсем запуталась. Подстегиваемая любопытством, Олеся опустилась на колени перед камином и осторожно заглянула вверх. Только темнота и горький запах. Может, если она попробует влезть глубже? Вспомнилась сказка про глупую ведьму, с которой так легко расправились Гензель и Гретель. Да, конечно, старуха ела детей и вполне заслужила свое наказание. Но почему-то казалось, что сейчас в роли ведьмы сама Олеся. И быть сожженной в печке или в камине — не самое лучшее окончание для ее сказки.

И все-таки, она пробралась глубже. Пришлось упереться ладонями в испачканные золой плиты и просунуть голову едва ли не в дымоход. Ничего. Сплошная темень. Олеся сощурилась, до рези в глазах всматриваясь в непроглядное пространство. Габор сказал, что она под защитой... Да и демон удрал. О какой защите шла речь?

Привыкшие к темноте глаза различили несколько прутьев над головой. На свой страх и риск Олеся задрала руку вверх. Пальцы коснулись толстых железяк. Решетка! Кто-то установил решетку. Выходит... Выходит, что демоны пытались проникнуть сюда не впервые? Или же это обычная предосторожность?

И вот так вот прошло детство Габора? Под жуткие завывания и хрипы? Теперь понятно, почему он такой.

Олеся вслепую шарилась рукой. Не оставалось никаких сомнений. Это действительно решетка. Неожиданно пальцы коснулись чего-то теплого и липкого. Она медленно убрала руку — пальцы оказались измазаны в крови. К ним прилипли несколько жестких, темно-бурых волосков. Шерсть?

Олеся снова протянула руку вверх. Так и есть. Ближе к стене решетка вся была липкой. Вдруг до ее ладони кто-то дотронулся. Снова слышались хрипы и тяжелое сиплое дыхание. Острые когти прошли по тыльной стороне, покрытые шерстью пальцы попытались обхватить ее за запястье.

Олеся тихо вскрикнула и отдернула руку, дрожа от страха. Сердце практически выскакивало из груди. Он там! Демон там! По-прежнему сидит в дымоходе. Затаился и ждет. Так и не поднявшись с колен, Олеся быстро отползла от камина. Габор, эта самоуверенная сволочь, оставил ее здесь. Совершенно одну! Хотя нет, не одну — наедине с демоном!

Мохнатая тварь прячется в темноте и только ждет повода напасть. А у Олеси ни оружия, ни даже чертовой кочерги! Как ей защищаться? Она посмотрела на свои перепачканные в золе и демонской крови ладони. Перевела взгляд на камин. Что-то потянуло обратно. Трясаясь от страха, Олеся тихонечко подползла к драконьей пасти и опасливо заглянула внутрь. На плитках остались следы ее ладоней и черные разводы золы. Но под ними было что-то еще...

Олеся осторожно стерла бархатистую черную пыль в сторону. На широких прямоугольных плитах были вырезаны какие-то знаки. Буквы или символы, Олеся понять не могла. Они переплетались друг с другом, образуя четкий геометрический узор. Квадрат, круг, треугольник... Ведь это что-то значит?

Олеся пыталась вспомнить, не могла ли она видеть их где-нибудь еще, как вдруг в дверь снова застучали. На этот раз тихо, осторожно. Как будто невидимый посетитель проверял, есть ли кто-то внутри. Олеся осторожно встала и, стараясь не шуметь, подошла к двери. Прижалась ухом к прохладному дереву и замерла. С той стороны несколько раз безуспешно дернули ручку.

Олеся быстро опустилась на пол и заглянула в замочную скважину. Но весь обзор заслоняла невзрачная серая ткань. Такими были платья у служанок... Кто это сюда рвется? Неожиданно «платье» пришло в движение. По ту сторону двери тоже кто-то хотел заглянуть в спальню. Олеся быстро выпрямилась и прижала черную от золы ладонь к скважине. Почти сразу до нее донеслось недовольное бормотание. Кажется, ругательства.

В груди засело очень нехорошее предчувствие. Незванный гость явился не с мирными намерениями. Откуда-то Олеся знала это точно. Она изо всех сил прижимала ухо к двери, но узнать голос не могла. В камине снова послышался вой. Жутковатое клацанье ногтей по камням удалялось.

Неужели, это действительно, демон? Олеся и хотела его увидеть, и боялась. С ней вообще происходило что-то странное. В душе все больше крепло убеждение, что она на своем месте. После долгого отсутствия наконец вернулась домой. Глупость какая-то. Наверное, все это связано с Габором. Олеся старалась себе напомнить, что ей нужно искать дорогу обратно, в свой мир, в свой дом. Что Габору она пока интересна, как нечто необычное, но скоро ему наскучит и... Скорее всего он женится на какой-нибудь красавице-аристократке, баснословно богатой и невинной. Наверняка же они тут помешаны на девственности.

Ей бы думать о том, как спастись от Миклоша — он наверняка не обрадуется, обнаружив жену живой. Но муж Маргит сейчас волновал Олеся меньше всего. Ей нужно придумать, как выкрутиться из всего этого. Как вывести мудака на чистую воду и остаться в живых при этом.

А вовсе не о Габоре и своем дурацком отказе. Вспомнила о глупой гордости, когда больше всего хотелось получить дозу его поцелуев. Олеся предчувствовала дурное, что ей недолго осталось находиться здесь. Жизнь никогда ее особо не баловала. И если случалось что-то хорошее, то после обязательно следовала неприятность. Так и здесь. Возможно, она все-таки найдет способ вернуться домой. И просто вынуждена будет это сделать. А возможно, Миклош доберется до нее раньше, чем она до него, — и это почему-то не пугало. Время, которое у нее тут осталось, она должна провести, наслаждаясь каждым моментом. Наполнить свою жизнь тем, чего в ней никогда не было. Приключениями, событиями, высоким замком, страстью, самым потрясающим мужчиной, какого только встречала... Даже чертовыми демонами!

Олеся отошла от двери и вернулась к камину. Там уже все давно стихло. Интересно, как Габор? Поймал демона? Или это оказалось животное? Олеся опустила на колени и снова взглянула на странный рисунок, покрывающий плиты. Что-то в нем не давало покоя.

Счистив ладонями остатки золы, Олеся уставилась на плиты. Это ведь должно что-то значить. Ну кто станет вырезать на камне какие-то символы? Да и зачем? Геометрические фигуры из неизвестных науке букв? Не то чтобы Олеся была полиглотом, но таких знаков она точно никогда не видела.

Она рассматривала жуткую драконью морду, крылья, украшающие камин, но ничего подобного не находила. Может, спросить у Габора? Хотя вряд ли он ответит честно. Этот хитрый господарь слишком многое скрывал от нее.

По стеклам забарабанил дождь. Олеся подошла к окну, скрытому пыльными порттьерами. Странная здесь погода. Все покрыто снегом, и вдруг дождь. Отсюда была видна скала, врезающаяся в море. Может дело в сиянии снега или во все усиливающемся дожде, но ее очертания напоминали... Олеся склонила голову на бок. Было похоже на силуэт дракона, такого, как изображают в книгах ее мира. Точно! Казалось, будто дракон пьет воду прямо из моря. Вон морда, вон шея, а вон и крылья, покрытые острыми наростами — елями и соснами.

Если... если она сможет разобраться с Миклошем, то обязательно попросит Габора отвести ее туда. Думать о том, что к тому моменту успеет наскучить господарю, не хотелось. Мужчины во всех мирах одинаковы... Но слишком больно было осознавать, что тот, кто так легко проник в ее сердце, мог оказаться таким же.

Олеся прижала ладони к широкому подоконнику. Ее начала ломать странная боль. Чувства, которые она испытывала к Габору, оказались гораздо сильнее минутного желания. Она не просто хотела его. Она хотела, чтобы он принадлежал ей. Чтобы был ЕЕ мужчиной, и чтобы ощущал себя таковым. Чтобы знал, что она единственная женщина, которая имеет на него право. И если он хотя бы взглянет в сторону настырной служанки или любительницы медовухи, то останется без глаз.

Олеся не знала, откуда в ней все это. Даже к бывшему мужу она не испытывала таких собственнических инстинктов, как к Габору. Все, что было с Андреем теперь выглядело бледным и наивным. Глупым. Она была убита его изменой. Раздавлена. И вместе с тем, проплакав сутки, собралась и пошла по жизни дальше, почти без мучений выбросив его из головы. Но с Габором так не получится.

Олеся погладила гладкую поверхность подоконника, пытаясь успокоиться. Пальцы коснулись чего-то шершавого. Олеся нагнулась. Света из окна едва хватало, чтобы разглядеть вырезанные на поверхности фигуры. С одной стороны подоконника кто-то умело изобразил силуэт дракона, который расправил крылья и скалил пасть. С другой стороны на него смотрел ворон с монетой в когтях. И что это значит? Что-то же ведь должно значить?

Олеся метнулась к высокому подсвечнику и осторожно взяла толстую белую свечу. От нее исходил приятный цветочный аромат. Олеся вернулась к окну и поднесла свечу к подоконнику. Просто два красивых изображения. Хотя выбор места для такого украшения казался откровенно странным.

От сквозняка, пробирающегося в щели окошка, пламя метнулось в сторону и осветило место стыка поперек подоконника. Вот, в чем дело. Подоконник состоял из двух частей. Одна с драконом, другая

с вороном. Но они оказались так плотно подогнаны друг к другу, что промежуток даже не был заметен.

Олеся задумалась. А что если это тайник? Она о таком когда-то читала. Инженеры и архитекторы устраивали секретные ящики в самых неожиданных местах. Так было в ее мире. Но что мешало соорудить подобное и здесь? Габор ведь говорил, что это его бывшая комната. Мало ли, что тут могло находиться.

Олеся попыталась нажать на каждую часть подоконника. Ничего не произошло. То ли прошло слишком много времени, с тех пор как им пользовались, то ли ее предположения были полнейшей чепухой. Ни-че-го. Глупость какая-то. Захотелось приключений на свою голову.

С досады Олеся прижалась лбом к холодному стеклу и уперлась бедрами в подоконник. Под действием ее веса часть с драконом подалась вперед, исчезая в стене. Олеся испуганно отскочила от окна. Слева послышался жутковатый скрежет. Олеся осмотрелась и не увидела ничего, что могло бы издавать такой странный звук. Но ведь какой-то механизм пришел в действие. Она повыше подняла свечу.

Плитки! Плитки камина, те самые, со странными символами, разъезжались в стороны, открывая лаз. Олеся опасливо подошла ближе. Света свечи хватало лишь на то, чтобы разглядеть массивные ступени, ныряющие в темноту. Итак, кажется, она нашла не просто тайник, а самый настоящий потайной ход! Интересно, как на это отреагирует Габор?

Олеся вернулась к подоконнику. Дракон сумел «открыть» ход. А что «может» ворон? Изо всех сил Олеся надавила на часть подоконника с изображением птицы. Снова раздался знакомый скрежет. Олеся метнулась к камину. Плиты и камни «выныривали» из темного провала и становились на свои места.

Олеся даже задрожала от возбуждения. Она должна попасть внутрь. Если уж она заняла место сумасшедшей девушки, то и поступки должны быть сумасшедшими. Ну что ужасного там ее может ждать? Вряд ли Миклош затаился и ждет, пока она обнаружит лаз. А если есть вход, то будет и выход. Олеся быстро натянула сапоги и накинула на плечи теплый плащ. Пострадавшее от нетерпеливости Габора платье поможет не заблудиться. Адрианна же не будет сильно сердиться потере одного наряда? С трудом, но Олеся удалось порвать ткань на неровные полоски, которые будут служить ей ориентирами. Может, дожидаться Габора? Ей любопытно было взглянуть на его лицо, когда поймет, что она обнаружила тайный ход. С другой стороны, он вряд ли позволит ей туда спуститься.

Олеся решительно встала и рассовала лоскуты по карманам плаща. Нет уж, не будет она его дожидаться. Взяв в руки свечу, она снова подошла к подоконнику и, что есть мочи, надавила на часть с драконом. Пришло время быть сумасшедшей. И если Габор будет сердиться, то она успокоит его поцелуями. Ну или не успокоит. Олеся улыбнулась, вспомнив, каким безудержным он оказался. Данное самой себе обещание поцеловать его, если разозлится, неожиданно возбудило и добавило решимости. Оставалось надеяться, что она не погибнет от когтей демона.

Крепче сжав ароматную свечу, Олеся сделала глубокий вдох и начала спускаться в спрятавшийся под камином лаз.

Глава 12

Держась рукой за холодную стену и сжимая свечу так, словно от этого зависела ее жизнь, Олеся спускалась по крутой лестнице. Внизу было ужасно холодно, тяжелый плащ не спасал. Кожа покрывалась мурашками, а колени дрожали.

Неожиданно лестница закончилась. Олеся подняла свечу над головой. Даже крошечного огонька хватило, чтобы увидеть, где оказалась... Сердце забилося быстрее, разгоняя кровь по венам.

Она стояла в коридоре, достаточно широком, чтобы могли пройти двое. Стены уходили далеко ввысь, превращаясь в красивые своды с полукруглыми арками. Кажется, на этих сводах было что-то нарисовано, но что именно, Олеся не могла разглядеть. А вот роспись стен видела почти отчетливо. Потемневшие от времени фрески скрывали серый камень. В некоторых местах они осыпались, и была видна грубая кладка. От холода особенно отчетливо и остро чувствовался запах штукатурки. Но он не был неприятен. Олеся с удовольствием вдохнула, наполняя легкие ароматом истории и легенд. Пока шла подносила свечу ближе и рассматривала. Она уже без труда узнала мохнатого Крампуса с жуткой, изрезанной морщинами, мордой и рогами. Были и другие демоны. Варили что-то в котлах, как на gobелене в замке, похищали детей и девушек. Танцевали под луной. Пили из кубков у ног Крампуса, который сидел в огромном троне.

Олесю передернуло от жути. Создавалось впечатление, будто мастер искренне восхищался безобразным демоном. Олеся осторожно продвигалась дальше, гулкое эхо шагов отражалось от стен коридора. Странное ощущение заставило Олесю остановиться и внимательнее рассмотреть одну из фресок. Она была ярче остальных, выглядела так, словно ее только вчера нарисовали. Даже воздух здесь пах насыщеннее. Олеся отчетливо ощущала запах сырой штукатурки, от которого немного саднило горло.

Пламя свечи дрожало от вольготно гуляющего туда-сюда сквозняка, и от этого картина на стене выглядела еще страшнее. Олеся видела... себя. Конечно, умом она понимала, что изображение не имеет к ней никакого отношения, но... Но откуда-то знала, что не ошибается. Мозг приводил все новые и новые доводы, что такого быть не может, а страх уже брал свое. Ну мало ли черноволосых девушек существует на свете. Да и то, что эта лежит посреди грязной дороги в окровавленной сорочке, еще ни о чем не говорит. Тут даже лица ее не видно. Олеся перешла к следующему сюжету. Эта же девушка, но уже в красивом длинном плаще, стояла возле костра, на котором сжигали мохнатое чудище. Олеся тут же вспомнила прогулку по деревне и чудовище, висящее на шесте, с длиннющими когтями и алым языком-лоскутом.

Это просто совпадение. Обычное совпадение. На следующей фреске девушка стояла на вершине холма. Ее волосы украшал алый венок, напоминающий корону. К рукам были привязаны длинные ленты, которые держали другие девушки, стоящие вокруг нее. Из темного леса, за ними наблюдали чьи-то жуткие светящиеся глаза. И эта картина показалась Олесе смутно знакомой. Она помнила, как ее заморозили девушки, бегающие друг за дружкой. И как стояла у прилавка, выбирая украшение.

Порядком растеряв весь свой боевой задор, Олеся перешла к следующей фреске. Подняла свечу выше и едва не выронила от страха. Прямо на нее, обнажив зубы и выпустив на волю огненно-алый раздвоенный язык, смотрел демон. Крампус... Мохнатый монстр шел по лесу, неся на руках бездыханную незнакомку. Ее волосы развевались на ветру, рука безжизненно повисла, плащ разошелся в стороны, обнажая стройные ноги. Но ни одной из фресок ее лицо не было полностью видно. Каким-то образом мастер умудрился спрятать его черты.

Свеча начала коптить и трещать, и в какой-то момент Олесе показалось, что это ломаются ветки под когтистыми лапами Крампуса. Сейчас она поняла, на кого он похож — один-в-один дьявол со средневековых книг в ее мире. И он пристально смотрел прямо на нее. Художник явно постарался изобразить демона во всех деталях. Олеся поскорее шагнула дальше. Под ногами скрипели мелкие камешки, пыль и фрагменты отвалившейся штукатурки. А Олесе казалось, что кто-то идет по пятам. Может, демон прокрался за ней и следит из темноты? Она обернулась, но никого не увидела. Лишь теряющийся в темноте коридор.

Ладно, если уж решила, то нужно идти до конца. Только это оказалось не так просто.

Она не сразу поняла, что изображено на новой фреске. А когда наконец сообразила, почувствовала позыв тошноты. Черноволосая девушка лежала на земле в огромной пещере, своды которой были покрыты непонятными символами, похожими на те, которые Олеся увидела на каминных плитах. Между ног незнакомки расположился Крампус. Не оставалось сомнений, чем они занимаются. Олеся с трудом сглотнула желчь, скопившуюся в горле. Мерзость какая! Она пошла дальше, но дальше оказалось только хуже. Крампус и его жертва совокуплялись в самых различных позах. Несколько метров стены были покрыты отвратительными картинками их неистовых ласк. Девушка сверху, и ее волосы разметались по спине. Она же, прижатая к стене, обхватывает ногами мохнатые

бедра Крампуса. Жуткий раздвоенный язык скользит по ее шее, потом по животу.

Ну и гадость. Олеся едва не стошнило на пол, но она продолжала смотреть и не могла отвести глаз. И что все это значит? Неудивительно, что коридор так тщательно спрятали. Будь ее воля, она бы своими руками соскоблила эти извращения. Крампус не просто похищал девушек — он их насиловал. Хотя, непохоже, что эта сильно против.

Олеся двинулась дальше, спеша миновать жуткие картины. Она так торопилась, что не заметила темную нишу в стене, и только странный звук заставил остановиться. Мелькнула шальная мысль, что она нашла самое настоящее привидение. Олеся отшатнулась, когда заметила два глаза, следящих за ней из ниши. Но присмотревшись, поняла, что это не глаза. Это крошечные отверстия в стене. И светятся они вовсе не по мистической причине. Олеся осторожно шагнула в узкую нишу. Пришлось встать на цыпочки, чтобы два отверстия оказались вровень с ее глазами. Опасливо, она приблизила лицо к ним и заглянула.

За нишей расположилась просторная спальня. Она была освещена десятком свечей, и Олеся без проблем смогла разглядеть присутствующих. Сплетницу Фиданку она узнала сразу. Служанка стояла на коленях, покорно опустив голову. Перед ней туда-сюда метался мужчина, лица которого Олеся не могла рассмотреть.

— Ты меня разочаровала! — Мужчина повернулся лицом, и Олеся тяжело выдохнула.

Чтобы не выдать себя, пришлось закусить губу. Это же Миклош... Миклош! Муж Маргит злобно скалился. В воспоминаниях Маргит его лицо было расплывчатым и нечетким, сейчас же Олеся могла разглядеть его почти отчетливо. Он казался ниже Габора и не таким широкоплечим. В распахнутом халате виднелись безволосые грудь и живот. Не было и следа тех мышц, которые так поразили ее у Габора. Миклош оказался бледным, как будто все время сидел взаперти. Он был красивым. Пожалуй, даже красивее брата. Но на Олесин взгляд слишком смазливый. Какой-то он... женоподобный. Хотя, неудивительно, учитывая его «увлечения».

— Я стараюсь, господин, правда...

Тихий всхлип Фиданки отвлек от размышлений. Это в чем же она его подвела? Олеся замерла, едва ли не дрожа от напряжения. У нее появился шанс, огромное преимущество. Оставалось надеяться, что эти двое окажутся достаточно болтливы.

— Тогда почему я до сих пор не знаю, где эта тварь?! — Он размахнулся и ударил Фиданку по лицу.

Служанка не удержалась и упала на бок. Олесе пришлось сжать кулаки, чтобы не закричать. Видеть такое в кино — одно, но быть свидетелем подобного в реальной жизни... Олесе стало страшно, что ее обнаружат. Ужасно страшно. Она боялась даже пискнуть. И вместе с тем жалела, что между ней и Миклошем есть стена. Даже зная, что силы не равны, она бы все равно набросилась на него. Он убил одну женщину, и сейчас измывается над другой...

— Я пыталась проследить... Господарь шел из Драконьей башни. В двух спальнях оказалось пусто, а третья заперта... — Служанка зарыдала, отирая кровь с губ. — Я попыталась заглянуть, но ничего не увидела... Только темноту-у-у-у... — Она начала подвывать, как раненое животное.

Все сочувствие и жалость, какие были в Олесе, моментально испарились. Вот же дрянь! Она в сговоре с Миклошем. Шпионит за Габором...

— Ну так надо было придумать способ отпереть эту комнату. — Миклош схватил ее за волосы и дернул вверх.

Служанка взвизгнула.

— Постой... Говоришь, шел из Драконьей башни?

— Д-да, господин... так, кажется, она называется... Я еще плохо знаю замок...

— Заткнись!

Он швырнул ее на мягкий ковер и опять принялся метаться туда-сюда. Олесе казалось, что ее сердце стучит с громкостью отбойного молотка. А хриплое дыхание похоже на скрежет ногтей по стеклу — отвратительно и громко, до рези в ушах. Но ни Миклош, ни Фиданка ее не слышали. И она продолжала приподниматься на цыпочки, напрягая ступни после короткой передышки.

— В Драконьей башне его прежняя спальня. Наверняка эта потаскуха там. Нужно ее найти.

Олеся без сил прижалась к холодной стене, чтобы остудить пылающее тело. От ужаса ее бросило в пот. Ощущение такое, будто горит в лихорадке.

— Куда он пошел? Ну, ты видела?

— Да-а-а... Слуги говорят, что на охоту. В замке только и разговоров, что о демоне... Он скачет по дымоходам. Кухарку напугал до полусмерти.

— Демон? Давно такого не было... Что он тут забыл?

Олесе и самой было любопытно, что демону здесь нужно. Если уж Миклош не знал...

Миклош вдруг пнул служанку и зло бросил:

— Раздевайся!

— Но господин... Вы ведь уже...

— Ты спорить со мной решила? Учти, одно мое слово, и будешь ползти из замка... — Откуда ни возьмись, в руках Миклоша появился кнут.

Олеся содрогнулась от смутного воспоминания боли и унижения. Только на месте Фиданки была перепуганная Маргит. И если у сумасшедшей девушки не было никакого выбора, то служанка, похоже, шла на все добровольно. Но ради чего?!

Она поспешно стаскивала с себя одежду. Олеся старалась не смотреть в ее сторону. Но вид Миклоша, который едва ли не подпрыгивал от возбуждения, был еще тошнотворнее.

— После того, как я с тобой закончу, отправишься к остальным слугам и выяснишь, как прошла охота Габора. Если ему удастся взять демона живым, скажешь мне. Ложись. Ну-ну-ну, куда собралась? На пол...

Олеся не собиралась смотреть дальше. Это еще более мерзкое зрелище, чем фрески с Крампусом и девушкой. Но как ей узнать об их планах?

Она уже собиралась выбраться из ниши, как Фиданка, улегшаяся прямо на ковер, глухо пробормотала:

— Некоторые слуги... некоторые слуги болтают...

— И о чем же? — Миклош погладил кончиком кнута ее спину.

Олеся зажмурилась, но успела увидеть, как он наступил ногой на ее щеку. Рвотный позыв был такой силы, что она едва не закашлялась.

— О том... о том... — Голос Фиданки звучал слабо и испуганно. — О том, будто Крампус ищет себе жену... И послал своих демонов в замок. И что... возможно... ему приглянулась ваша жена... потому что... потому что она не могла так быстро исцелиться. Некоторые говорят, что ее отметил демон, а теперь пытается забрать обратно...

— Вот как? Это нам на руку. Будет очень хорошо, если ты поддержишь сплетни. Если народ решит сжечь эту болезную тварь, то даже Габор не сможет им помешать. После нашего маленького... развлечения отправишься к слугам и будешь им рассказывать о том, что заметила на теле госпожи Маргит странные отметины. Еще скажешь, что видела, как она радуется нападению демона. А лучше добавь, что слышала, как она с ним говорит. Да, это будет отлично. Расскажи всем, что Маргит умоляла демона забрать его с собой и что желала отдаться ему. Умоляла, чтобы он овладел ею прямо в замке. Только не переусердствуй. Должно звучать так, будто ты напугана. Найди кого поглупее и с длинным языком. И поделись по секрету. — Миклош отчетливо усмехнулся.

Вот же мразь! Олеся жалела лишь о том, что не может ворваться сейчас туда и не вырвать с корнем его поганый язык.

— Я все сделаю так, как вы велели, господин... Только, пожалуйста, не надо...

— Что «не надо»?

— Не надо... делать то... что...

Он рассмеялся с отвратительным звуком. Олеся вогнала ногти в ладони с такой силой, что едва не застонала.

— Какой ты стала вдруг стеснительной... Поверь, ты еще «спасибо» мне скажешь... Я тебя всему обучу, и сможешь ублажать моего брата. А там и до свадьбы не далеко. Или ты же передумала? Не хочешь быть госпожой?

— Хочу... Но...

— Слушай внимательно, дрянь! Это ты ко мне пришла и предложила сделку. Ты помогаешь мне избавиться от жены, я помогаю тебе выйти замуж за Габора. Если что-то не устраивает, что прямо сейчас можешь валить из замка. Голышом. — Он снова рассмеялся.

Олеся задыхнулась от гнева. Женой Габора? Эта хитрая мерзавка нацелилась на Габора? Господи... В каком же гадюшнике она оказалась? И как теперь выбраться отсюда? Эти двое ни перед чем не остановятся.

— Нет-нет, господин... Я на все согласна...

— Ну вот и славно... Раздвинь-ка свои ножки...

Дальше Олеся не стала слушать. Как могла быстро и тихо выскользнула из ниши, тяжело дыша и дрожа от отвращения.

Нужно сказать Габору. Но какова вероятность того, что он поверит ей, а не своему брату? Плевать. Она все равно ему обо всем расскажет. Вот только он может запереть ее безвылазно в спальне, посчитав клеветницей. Она должна продумать путь к отступлению. Оставаться здесь опасно для жизни. Однажды она уже умерла. Не хотелось бы растрчивать впустую еще один шанс. Она ведь и прожила здесь лишь пару дней — всего ничего. Предчувствие не обмануло — из замка придется уйти. Но куда? Да куда угодно, лишь бы не находиться рядом с этими извращенцами. Им не составит труда настроить против нее народ. Кому поверят? Милой служанке, девушке из своих, которую все знают, или сумасшедшей, неожиданно исцелившейся, но от этого еще более опасной?

Это не Маргит. Будь он проклят, если женщина, которую он запер в спальне, — сумасшедшая жена брата. Вот только кто она на самом деле? И почему они так похожи? Близнецы? Вряд ли. У Маргит не было родственников, кроме отца, да и тот умер вскоре после ее свадьбы с Миклошем.

Тогда кто? Она не знала, именно не знала, их обычаев, традиций, даже сказки были для нее в диковинку. Но она помнила Миклоша — он видел это по ее глазам, по напуганному выражению лица. Вот только все остальное было стерто из ее памяти напрочь. Или же это какое-то чудесное преобразование? Ведь ее глаза поменяли цвет. Сначала один глаз оставался карим, но потом оба стали потрясающего голубого цвета. Во время их секса они буквально светились, выделяясь на ее лице. Она даже двигалась иначе. Иногда резко и порывисто, иногда — плавно, не спеша. Прежняя Маргит все время ссутулилась и пыталась словно уменьшиться в размерах, закрыться от всего мира. Новая была свободна. От движений на его бедрах, Габор едва не кончил. Сам не понимал, как сдержался.

Но что-то все же пошло не так. Но что?! Почему она так внезапно передумала?! Сведет его с ума. Она не была связана с демонами — сейчас Габор знал это точно, но обладала над ним по истине демонической властью. Он же теперь думает лишь об этом: как снова уложить ее в кровать. Ему жизненно необходима новая порция секса. Причем сегодня же. Иначе он свихнется. Утолить страсть и успокоиться с ней не получилось. Похоже, близость с Маргит действовала иначе. Попробовал один раз и ждешь, когда же удастся еще. И, чем глубже погружаешься в омут ее ласк, тем больше хочется.

— Господарь! Господарь! — Кухарка налетела на Габора из-за угла. Она трясла массивным половником и придерживала съехавшую с головы косынку. — Слава Небесам, я вас нашла...

— Что случилось, Марта?

— В замке демон, господарь! Я сама слыхала. Пробрался в наш дымоход и перепугал всех слуг своим завыванием. Это точно он. К решетке он не приблизился, но ч уверена, что это демон... Поверьте, я не стала бы вас тревожить...

— Я знаю, Марта.

— Правда? Ох, я думала, не поверите мне...

Габор остановился, удивленный словами кухарки:

— Почему я не должен был тебе поверить?

— Ну-у-у... — Служанка замялась. — Слуги всякое болтают...

— Что именно, Марта?

— Не знаю, следует ли мне это вам говорить...

— Марта! Что болтают слуги?

— Да, господарь... Разное говорят, бездельники... Я, конечно, тут же пресекаю все разговоры, но... В общем, говорят, будто это госпожа Маргит навела на нас беду. Что она завела связь с самим Крампусом, и он ее отметил. Потому она теперь и говорить может. Дескать, это плата за... — Кухарка понизила голос и страшно округлила глаза. — ...за ее... ну... услуги... Будто Крампус ее в жены пожелал, и вот прислал демона проверить, как она тут... Еще болтают, что она мороком вам глаза закрыла, и вы не видите, что она задумала.

Чем больше говорила кухарка, тем сильнее Габор злился. Он едва ли не скрипнул зубами от ярости. Проклятье! Еще этого ему не хватало. Он уже не единожды сталкивался с разъяренной толпой, требующей сжечь любовницу демона. Еще ни разу не обошлось без жертв. Но тогда жертвы были для него всего лишь несчастными женщинами, не более. Сейчас же дело касалось Маргит, которая... Которая... Кто она для него? Жена брата? Любовница? Странная загадка? Сводящая с ума дерзкая девчонка с острым язычком и невероятным пухлыми губами. Будь она связана с демонами хоть тысячу раз, для себя он уже все решил. Никуда он ее не отпустит.

— Это все? — Габор сурово взглянул на кухарку, лицо которой стало настолько красным, что впору было опасаться за ее здоровье.

— Да, господарь...

— Как только я разберусь с демоном, мне нужны имена всех, кто разносит эти сплетни. Ты запомнила их?

— Конечно, господарь... Будет сделано...

Габор пошел дальше. Если демон перескакивает из дымохода в дымоход, то легче всего будет перехватить его на крыше. Придется выбираться наружу, в жуткий трескучий мороз. А мог бы сейчас плавиться от жара в объятиях Маргит.

Из мыслей вырвал звук бьющегося стекла и грубые ругательства. Хлопнула дверь. Из-за поворота выскочил Драган.

— Вот ты где! Я запер его в Охотничьем зале. Эта сволочь буквально влетел в окно. Стекла вдребезги. Мечется сейчас внутри, злой, как шлюха, оставшаяся без денег. — Драган хохотнул, довольный собственной шуткой.

— Никого не успел ранить?

— Не думаю... Мы с Адрианной как раз собирались ложиться, когда он к нам прямо в окно заглянул, гаденыш. Я за ним проследил до кухни. Потом он куда-то пропал...

Габор даже знал, куда именно. Приходил «навестить» их с Маргит.

— Молодец. Сейчас разберемся с ним. — Габор обогнул Драгана.

— Стой... Разве ты не собираешься собрать еще людей?

Габор остановился, недовольный, что приходится тратить бесценное время на пустые разговоры.

— Зачем?

— Но там ведь... демон.

— Именно. Один жалкий демон. Наверняка он ранен, если разбил стекло. И скорее всего устал, облизав столько каминов. С ним и мальчишка справится.

— Хм... Если ты так считаешь...

— А ты — нет?

— Я раньше не охотился на демонов в одиночку.

— Ну вот как раз и попробуешь.

Габор отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

— Может, все-таки, позовем стражу? Знаешь, если он ранен, то может выкинуть что-нибудь...

Драган оставался за спиной, чем ужасно раздражал Габора. Нужно от него избавиться. Ноем, как девка. К тому же, в том, что задумал Габор, свидетели не нужны. Он резко обернулся:

— Ты прав. Нужно больше людей. Сходи за моей стражей.

Драган прищурился:

— Ты же не собираешься лезть туда сам?

Габор нацепил на лицо привычную маску, за которой даже родители не могли угадать его истинных чувств. Собственно, они же его этому и научили.

— Как ты так быстро меня раскусил?

Драган хмыкнул:

— Не ходи к нему в одиночку. А иначе Адрианна с меня три шкуры спустит за то, что я отпустил тебя.

Он сам устроит Адрианне взбучку за слишком длинный язык и не исполнение его приказов.

— Я не могу допустить, чтобы сестра так жестоко с тобой разделалась.

Драган смерил его недоверчивым взглядом, все еще сомневаясь в честности Габора. Но придя к какому-то решению, неохотно кивнул.

— Ладно. Я быстро. Жди меня здесь.

Габор кивнул. Пришлось выждать еще минуту, пока торопливые шаги Драгана не стихнут. Он уже начинал терять терпение. Наконец, тишина. Только в отдалении слышалось низкое рычание и глухие удары. Кажется, демон всюду разносит Охотничий зал. Тем лучше — пусть вымотается.

Габор тихо прокрался к двери и вытащил саблю из ножен. У него будет не так уж много времени перед нападением разъяренного демона. Осторожно, чтобы не выдать себя, убрал лавку, которой Драган подпер ручку, и распахнул дверь.

Огромный демон в бешенстве метался у окна. Удивительно, как в дымоход пролез. Мокрая спутавшаяся шерсть облепила непропорционально длинные конечности. С когтей стекали смешавшиеся кровь и вода. Он кряхтел и шумно дышал, выглядывая наружу. Видимо, пытался понять, как выбраться.

Учуяв человека, демон резко обернулся. Налившиеся кровью глаза сверкнули. Он оскалил пасть. Между острыми зубами мелькнул раздвоенный язык.

— А-а-а-а... человечес-с-ский гос-с-сподарь... — До Габора долетело тихое сипение, похожее на рычание раненого животного и змеиное шипение.

Он издевательски кивнул демону и крепче сжал саблю. Это не просто жалкий демон, которого можно натравить на людей. У него был разум. А значит, он был вдвойне опаснее и вдвойне хитрее.

— Приш-ш-шел меня убить? — Демон лающе расхохотался. — А с-с-силенок хватит?

Габор пристроил изогнутое лезвие сабли на плече и, не спеша, двинулся вперед.

— Я тебя отпущу. — Он небрежно откинул в сторону обломки стула, расчищая место для сражения. — Своими руками уберу решетку в камине. Но в обмен на одну услугу.

Демон замер у окна. В зал влетали капли дождя и оседали на свалявшейся шерсти. Демон пару раз едва заметно вздрогнул. Было видно, что ему неприятно.

— Ус-с-слугу? Я перегрызу тебе горло, пока ты будешь-ш-шь убирать реш-ш-шетку... Как тебе такая ус-с-с-слуга?

— Сейчас сюда явится отряд стражи. Ты должен понимать, что не сможешь выбраться живым.

Глаза демона перебегали с двери на камин и обратно. Через дымоход он сбежать не может — там железная решетка, к которой ему не удастся даже прикоснуться. Судя по крови, он уже пытался. А чтобы добраться до двери ему придется разделаться с Габором — это понимали оба. Сбежать через окно тоже вряд ли получится, иначе он уже давно смылся бы.

Единственный шанс демона — дверь. Габор безошибочно уловил тот момент, когда демон решил прорываться. Он оскалил пасть, пытаясь запугать противника. Алый язык с шипением извивался среди острых зубов-кинжалов. Даже немного присел. Собрался прыгать...

Демон взмыл в воздух, пытаясь перепрыгнуть, через Габора. Габор подался вперед, опускаясь на

колени. Лезвие сабли вошло демону в живот. Габор дернул саблю на себя, чтобы не ранить его сильнее. Демон заревел и упал, но тут же встал на четвереньки и ринулся к двери. Габор успел развернуться. Он не мог упустить зверя. Сорвав со стены массивную железную цепь, Габор бросился за демоном.

Тот был уже у дверей, когда удалось его настичь. Габор навалился сзади, затягивая цепь на горле демона. Завоняло паленой шерстью и кожей. Демон взревел так громко, что заболели уши. Начал вслепую размахивать когтями, старая задеть Габора и одновременно скинуть со спины.

Из всех сил Габор дернул демона назад. Тот начал заваливаться на спину. Пару раз его когти достигли цели, исполозовав руку Габора, задев щеку. Но Габор даже не обратил внимания на это. Сжав ту же цепь, потащил вопящего и сопротивляющегося демона к камину и изо всех сил приложил рогатой башкой о плитки. Череп хрустнул, демон невнятно булькнул. Габор чуть ослабил цепь. Переусердствовал? Нужно как-то привести его в чувства...

Габор надавил на брюхо демона, туда, где оставил саблей рану. Демон тут же раскрыл глаза и слабо зарычал. Габор уперся коленом ему в грудь и снова натянул цепь. Демон задержался.

— Что искал в замке?

— Жизнь мне с-с-сохраниш-ш-шь?

— Раньше надо было соглашаться, тварь.

— Тогда ни с-с-слова не с-с-скажу... Убей хоть с-с-с-сейчас-с-с-с...

Габор подобрал саблю и вонзил демону в плечо, прищипив того к полу. Демон завизжал от боли, а Габор перегнулся через него, нащупал в дымоходе рычаг и дернул за него. Решетка с противным лязганьем упала вниз.

Габо отер пот со лба и снова натянул цепь:

— Уйдешь отсюда, как только ответишь на все мои вопросы.

Демон кивнул.

— Повторяю снова: что ты искал в замке?

— Женщ-щ-щину... женщ-щ-щину я ис-с-скал...

Проклятье! Габор уже знал, какую именно. Надеясь, что ошибается, все равно спросил:

— Какую и зачем?

— Меня наш хоз-з-зяин пос-с-слал... Он ее в лес-с-су приметил... Лежала, умирала... Но Мороз-з-зный Дед опередил... З-з-забрал ее...

Едва сдерживая ярость, Габор снова спросил:

— Что за женщина?

— Она не ваш-ш-шей крови. И не из ваш-ш-шего рода.

— Тогда кто?

— Черноволос-с-с-сая... Чужачка...

— Зачем она вам?

— Крампус-с-с-с ее в жены пожелал, с-с-с-сделать наш-ш-шей гос-с-спожой хочет...

— Откуда ему известно, что она здесь?

— Он видел, как ее твоя с-с-с-сестра наш-ш-шла... А потом я увидел... в карете она с-с-сидела. В твоей...

— А сюда тебя Крампус зачем послал?

Язык демона снова замелькал между зубами. Тварь не оставляла намерения ухватить его за пальцы.

— Найти ее... проверить... забрать...

Снаружи послышался топот десятков ног. Драган все-таки привел стражей. Демон тоже услышал.

— Ты обеща-ещ-ещал меня отпустить...

Габор ту же сжал цепь:

— Что еще знаешь?

— Ничего больш-ш-ше...

Глаза демона забегали. Габор опять надавил на рану. Демон зашипел.

— Крампус-с-с верит, что она избрана... что пророчес-с-с-ство было о ней...

Стражники приближались. Было слышно, как лязгает оружие. Демон начал вырываться:

— Ты обеща-ещ-ещал... Мы договорилис-с-с-сь... Я все с-с-с-сказал...

Габор убрал цепь и бросил на пол. Демон поразительно быстро вскочил на ноги и тут же опустился на все четыре конечности.

Габор подхватил саблю и одним четким движением всадил демону в спину. Он снова заревел, задрожал всем телом и завалился на спину:

— Ты же об-бе-ещ-ещал... — Его язык вывалился наружу, из пасти потекла кровь.

— Зря ты мне поверил. — Габор пожал плечами и поднялся на ноги.

В тот самый момент, когда в Охотничий зал ворвался отряд стражников во главе с Драганом, Габор отсек демону голову.

— Габор! Я же просил меня подождать. — Драган подошел к демону и пнул ногой бесчувственное тело. — Ты сам с ним справился?

Габор поднял цепь и повесил обратно на стену.

— Ты видишь здесь кого-то еще?

— Ну и мерзкая тварь. Примитивный или что-то говорил?

Огромным усилием Габор взял себя в руки, стараясь не выдать весь тот гнев, который его охватил после слов демона. А еще страх... Страх, что с Маргит может что-то случиться. Она нужна Крампусу. А, значит, в огромной опасности. Хитрая демонская тварь сделает все, чтобы получить женщину. Особенно, если думает, что именно она ему напророчена. Нет... Маргит не может быть женщиной из пророчества. Не может!

Чужачка... Демон сказал, что она чужачка. Не их крови и не их рода. Значит, так и было — Крампус вхож в преисподнюю, и может видеть души. Он не ошибался. Но когда Маргит выходила замуж за Миклоша, Габор, как старший в семье, принял ее в род.

— Габор, ты меня слышишь? — Драган возник рядом. На лице — любопытство.

Габор протер глаза. Он забылся. В зале, полном людей, даже не слышит, что к нему обращаются. И все из-за Маргит. У нее слишком большая власть над ним. Не только над его телом, но и над разумом. Он не может позволить женщине пробраться так глубоко. Он допустил, чтобы незнакомка проникла туда, где никого до нее не было. Но отказаться от нее было выше его сил. Даже если она ему предпочтет демона.

— Ты что-то говорил? — Габор вспомнил о Драгане.

— Да. Спрашивал, куда нам его деть? Воняет страшно.

Габор посмотрел на камин. Стражники, взяв демона за лапы, тащили его к дверям.

— Сжечь его. Все, что останется сложить в ящик, обитый железом и закопать в лесу. Сделаете завтра с утра. Решетку не забудьте закрыть.

— Будет исполнено, господарь. — Стражники унесли тело.

— Я, пожалуй, вернусь к Адрианне. — Драган поднял стул.

Габор кивнул:

— Да, возвращайся к ней. Она, наверное, переживает.

Драган исчез так быстро, словно растворился в воздухе. Габор вытер о подол сюртука саблю и опустил ее в ножны. Нужно смыть с себя пот и демонскую кровь. И эту жуткую вонь паленой шерсти и плоти. Но сначала вернется к Маргит. Проверит, не влезла ли она в очередные неприятности и вытрясет из нее всю правду.

Габор покинул Охотничий зал последним.

— Ох, господарь! Стражники сказали, что вы здесь. — К нему спешил один из слуг. В руках он держал знакомую корзинку. — Вот, вы в карете оставили.

Габор забрал корзину с покупками Маргит и пошел обратно в Драконью башню. В каждом проходе приходилось проверять, не следят ли за ним. Габор все больше сомневался в своем окружении. Получалось, что доверять он уже не мог никому. В жизни Габора случались разные ситуации, но еще никогда они не были настолько запутаны. Хотя... Если уж быть до конца честным... Все кажется запутанным лишь потому, что настолько сильно его задевает. Раньше он всегда был отстранен. Что здесь, в Дьекельни, что на королевской службе. Просто делал то, что нужно. Сейчас так не получалось.

И дело даже не в репутации семьи. Одни только подозрения в связях с демонами могут принести кучу неприятностей. Сколько знатных семей было опорочено подобным образом? Слово там, слово здесь...

Но сейчас Габора это мало волновало. Он осознавал, что мог потерять то, что его предки создавали веками. Понимал, что каждый шаг может стать ошибкой. Но ничего не мог с собой поделать. Маргит — только она казалась сейчас важной. Необходимой.

Габор быстро отпер комнату и вошел. Первое, что бросилось в глаза, — пустая кровать. Втайне он надеялся, что она будет ждать его, лежа в постели, уже обнаженная, чтобы не тратить драгоценное время на раздевания.

Хуже оказалось то, что Маргит вообще нигде не было. Ну куда она могла спрятаться? Габор быстро запер дверь и позвал:

— Маргит!

Ну не под кровать же она влезла. По вискам било нехорошее предчувствие. Ее ведь никто не мог забрать. Никто! Оба ключа от комнаты у него, больше ни у кого не было. Габор ринулся к подоконнику и отдернул тяжелые портьеры. Может, она сидит там?

Вид вогнанного в стену деревянного бруска окатил ледяной водой. Нет. Не может быть. Он этот проход обнаружил в пятнадцать. В пятнадцать! Всю жизнь провел в этой комнате и лишь спустя пятнадцать лет сообразил, что к чему. Какова вероятность того, что Маргит нашла потайную часть крепости меньше, чем за сутки? Зная ее, велика.

Швырнув корзинку с ее покупками на кровать, Габор взял свечу и шагнул в темный провал камина. Лишь бы с ней там ничего не случилось.

Глава 13

Олеся быстро шла по коридору, изредка бросая взгляд на фрески. По сравнению с предыдущими эти были почти безобидными. Поле битвы с изодранными знаменами и насаженными на колья демонами. Воины, окружившие одно из чудовищ и поднявшие вверх кубки. Эти же воины, но уже пьющие из кубков. Они находились в каком-то зале, а за их спинами угадывалось знамя с вороном и монетой. Совсем как то, которое она видела возле спальни Габора. Олеся поспешила дальше. Все это уже не занимало ее так сильно, как еще несколько минут назад.

Ей нужно понять, куда ведет ход, и придумать, как выбраться из замка. Миклош уже догадался, где она скрывается. Сколько времени ему понадобится для того, чтобы добраться до нее? И Габора рядом может не оказаться.

Олеся так погрузилась в эти мысли, что не заметила, как коридор закончился. Пламя больше не освещало покрытые фресками стены. Оно рассеивалось в темноте, которая наступала со всех сторон. Кажется, это был зал. Да, точно. Просторный круглый зал. Олеся увидела поблизости несколько высоких подсвечников и подставок. На них белели низкие столбики свечей. Олеся осторожно зажгла их. В воздухе отчетливо запахло жженой пылью. Трепыхнулись клочья паутины. Олеся прошла чуть дальше и обнаружила еще несколько подставок со свечами. Она зажгла все, и постепенно зал наполнился светом. Здесь было жутко. Мрачно. Из каждого угла наползала безысходность. Свечи разгорались все ярче, пожирая пыль и высохшие от времени фитили. Желтый свет потек по залу.

Олеся огляделась и вздрогнула от сквозняка. Было похоже на старый европейски монастырь, что ли... Не то чтобы она бывала во многих, но создавалось именно такое впечатление. На стене напротив коридора, из которого она пришла, висела огромная картина. Как и те жуткие фрески в коридоре, она казалась совсем новой. Краски не выцвели и не потрескались. На холсте не было даже пыли.

Олеся замерла посреди зала, не решаясь подойти ближе. В центре снова был изображен Крампус. Да сколько можно?! Помешались тут все на нем?! Монстр до смешного напоминал земного дьявола. Шерсть, козлиные рога, вытянутая морда, алый язык. В оной из лап Крампус держал кубок. Наклонял его, поливая стоящих перед ним на коленях девушек. Красные мазки на их лицах и одежде могли быть только кровью.

По коже прошел озноб. Это очень-очень нехорошее место. И происходит тут что-то отвратительное.

Олеся не сразу поняла, что по бокам от картины стоят две статуи. Каменные Крампусы почти в два метра высотой. Какому извращенцу могло прийти в голову поставить их здесь? Кто вообще мог их сделать?

Олеся все больше убеждалась во мнении, что попала к сатанистам. Только вместо сатаны тут был Крампус.

Поборов страх, Олеся все-таки шагнула ближе. Женщины на картине, умывающиеся кровью демона и жадно слизывающие ее с пальцев, были удивительными красавицами. Некоторые в богатых пышных платьях и украшениях, другие — в ночных сорочках, третьи и вовсе обнаженными.

Во всем этом было что-то древнее и опасное. Страшное — Олеся чувствовала нутром. Она уже не сомневалась в существовании демонов. Да и переход в другой мир обычным делом не назовешь. Что если здесь, в этой Вселенной, в этом измерении, существовало жуткое первобытное зло?

И она каким-то образом с ним связана. Олеся ощущала эту связь. Она оказалась в эпицентре чего-то нехорошего. И понятия не имела, как теперь быть. Что делать?!

Речь уже шла не о возвращении в свой мир. Ей бы просто выжить здесь!

Олеся подошла почти вплотную к огромному полотну. От пугающей картины ее отделял лишь деревянный алтарь.

Он был весь покрыт пылью. С краев свисали клочья паутины — почти как белая простыня, такой плотной она была.

В центре стоял массивный кубок. Олеся осторожно взяла его в руки и счистила пыль. Кубок оказался тяжелым и жутко холодным. Темный металл, возможно серебро, был покрыт грубой угловатой резьбой. Олеся без труда узнала жуткую морду Крампуса. Она чередовалась с изображением ворона. Под резьбой тускло мерцали овальные камни насыщенного синего цвета. Их обработка тоже выглядела грубой, но в этом было что-то особенное, необычное. Олеся стерла тканью сорочки пыль с камней, повертела кубок, любуясь игрой света в резких гранях и поставила его обратно. Воины с кубками, празднующие победу. Крампус, поливающий женщин кровью, тоже

из кубка. И вот он сам кубок. От греха подальше.

Она пошла по кругу, изучая зал. Справа от этого своеобразного алтаря обнаружилась ниша, в которой «спряталась» еще одна статуя — обнаженная девушка с наброшенным на плечи покрывалом. Хотя она и прикрывала ладонями наготу, но улыбалась уж слишком зазывно.

Олеся пошла дальше. Стены зала были украшены резными панелями. Через равные промежутки в них были вделаны птичьи морды. Вороны с острыми клювами. А в каждый клюв было вставлено кольцо, обвитое нитями вездесущей паутины. Похоже на дверные кольца.

Может, постучать?

Олеся нервно хихикнула от этой мысли.

Зачем-то взялась за одно из колец и несколько раз ударила по деревянной панели. По залу пронесся глухой стук. Как будто кто-то рвался с того света на этот. И откуда у нее только такие мысли берутся?!

Точно сойдет тут с ума. Станет достойной заменой Маргит.

Олеся перешла к следующей вороньей голове. Кольцо, вставленное ей в клюв протяжно заскрежетало. Ну и для чего они? Какие тайны здесь скрыты? Олеся задумчиво потянула за кольцо, повиснув на нем.

Неожиданно оно сдвинулась вперед. Олеся испуганно отскочила в сторону. Сломала что-то? От громкого скрежета сотрясся весь зал. Черт! Если замок обрушится, то по ее вине. Но она же ничего не делала!

А вдруг ее завалит камнями? Сама виновата.

Внезапно посветлело. Холодный морозный воздух ворвался в затхлое пространство. Между стен заметался ветер, и нос уколола снежинка.

Олеся задрала голову. С уже гораздо более тихим скрежетом своды высокого купола разъезжались в стороны. В воздухе разлился странный запах. Соль... Так пахло на море. Холодной соленой свежестью. И странный не то шум, не то, плеск. Это же волны бьются о скалы!

Потолок полностью исчез, обнажив темно-серое пространство неба с алыми лоскутами. Наверное, дождь уступил место мокрому снегу. Снежинки закручивались в маленькие вихри, заворачивая диким танцем. Олеся поежилась от холода. Стало намного светлее, и вместе с тем... От ветра пламя свечей металось в стороны. А некоторые и вовсе гасли.

Как будто оказалась на сатанинском балу. По статуе Крампуса пробежали тени, и казалось, что демон лишь притворяется скульптурой.

Олеся попыталась вернуть кольцо обратно, но оно словноросло в крошечные ноздри на вороньем клюве.

— Оно может только открыть купол.

Тихий насмешливый голос звучал из самого ада. Олеся тихонько вскрикнула и задрожала от страха. Медленно обернулась, готовая к встрече с самыми жуткими монстрами. Ее воображение уже нарисовало окровавленную морду мохнатого Крампуса.

Свеча в руках мужчины освещала высокую и мощную фигуру. В проходе, из которого она сама пришла, стоял Габор.

Олеся тяжело выдохнула. Напряжение немного схлынуло. Но ноги оставались ватными. Ветер подлетел к Габору, попытался укротить пламя свечи в его руках.

Олеся поняла, что рано расслабилась. В огненном танце лицо Габора казалось одновременно и безумно красивым, и опасным. Жутким. Как изрезанная морщинами маска. Только вместо морщин — черные тени.

Это все иллюзия. Игра света и тени. С другой стороны она ведь ничего о нем не знает.

Габор медленно и бесшумно двинулся к ней. Из-за ветра его свеча почти тухла, но пламя упорно сопротивлялось. Все еще дрожало. Оставив непокорный огонек в покое, ветер полетел дальше. Облетел зал по кругу и затушил зажженные Олесей свечи. Все до единой.

Габор подошел к ней вплотную. Навис темной скалой и задул собственную свечу. Снежинки мерцали в воздухе, опускались на его волосы и оседали блестящими капельками.

— Я же просил...

Его тихий голос звучал угрожающе и соблазнительно. Чувственная хрипотца будоражила кровь. С ужасом Олеся поняла, что возбуждается. От ощущения опасности, от темноты, поглощающей их, от секретов между ними, ее и его.

С трудом Олеся выдавила из себя:

— О чем?

— Оставаться в спальне.

— Я оставалась...

— Нет... Ты не послушала меня... — Он ласково перекинул ее волосы на спину. — В Дьекельни все должны слушаться своего господаря.

Он соблазнял ее. Затягивал в омут своим голосом и странным блеском глаз.

Единственный способ удержаться на плаву — показать ему, что он над ней не властен.

Олеся отстранилась:

— Что это за место?

— Ты не должна здесь быть.

С ним что-то было не так. Что-то изменилось. И Олеся никак не могла понять что.

— Но я здесь.

— Ты такая непослушная...

От того, как он это сказал, по телу Олеся прошла судорога. Габор наклонился к ней. Теплое дыхание овеяло ухо. Влажный горячий язык скользнул по мочке, переместился на шею, где отчаянно бился пульс. От страха и предвкушения.

Пришлось сжать бедра, чтобы унять бурно расцветающее тепло внизу живота.

Проклиная дрожь в собственном голосе, заставила себя снова спросить:

— Что это за место? Почему здесь повсюду К-Крампус?

Олеся запнулась. Ладонь Габора скользнула по груди, едва прикрытой плащом, пальцы словно случайно задели сосок. Олеся едва успела загасить жадный стон. Ее грудь еще никогда не была настолько чувствительной. Как будто там сосредоточились все точки наслаждения. Соски моментально набухли, заострились и жаждали немедленной ласки. Грудь требовала, чтобы Габор сосредоточил свое внимание на ней, занимался с ней любовью, ласкал всеми возможными способами несколько часов подряд.

Господи... Хоть бы он не заметил, что с ней творится. Обжигающий жар цветком распускался в животе, обжигая нежные складочки. Олеся чувствовала, как они набухают, как между ног становится влажно.

Это все реакция на стресс! На самом деле она его не хочет. Ни капельки.

От голоса Габора тело покрылось мурашками.

— Раньше здесь могли находиться только мужчины. И те из женщин, которые... соглашались служить демонам.

Мороз начал вытеснять из тела жар возбуждения. Страх разливался по венам.

Ладони Габора накрыли ее талию, согрели через ткань. Он притянул Олеся к себе, не обращая внимания на ее сопротивление.

— Вы не мужчина. Это я знаю точно. — Кривая усмешка изогнула его совершенные губы. — Неужели, желаете послужить демону?

Олеся понимала, что он ее подначивает, зачем-то провоцирует. Но сдерживаться уже не было сил. Сколько можно этих подозрений?! Неужели она не доказала свою непричастность?

— Что вам еще от меня надо? Чтобы я перерезала себе горло вашей саблей? Такого доказательства

будет достаточно?

— Нет. Мне нужно, чтобы вы сказали, кто вы?

— Я же уже сказала: я не заключала никаких сделок с демонами. Я даже ни разу их не видела!

Габор подтолкнул ее к стене. Прижал к твердой поверхности, навалился твердым телом.

— Я хочу знать, кто вы такая на самом деле. Ваше имя. Откуда вы. И почему так похожи на Маргит. Это достаточно понятно?

От шока Олеся позабыла, как дышать. Пару секунд просто стояла с открытым ртом и не могла сделать вдох.

Она уже и не знала, от чего больше дрожит: от ветра, играющего с ее волосами, или от страха. Неужели он все знает? Но как понял?

Габор заправил прядь волос ей за ухо и вкрадчиво напомнил:

— Я жду...

Что он с ней сделает, когда узнает правду? А что сделает Миклош, когда доберется до нее?

Сейчас Габор выглядел едва ли не опаснее своего чокнутого братца. Чего от него ожидать? Этот риск мог стоить ей жизни. Однажды она уже доверилась мужчине и осталась с разбитым сердцем.

Но предательство Андрея — ничто по сравнению с тем, что мог сделать Габор.

Олеся попыталась отодвинуться от рук Габора, ласкающих щеку и ухо. Нужно настоять на своем. Пусть поймет, что ее так просто не запугать.

— А я хочу узнать об этом месте.

— Я уже все сказал. Больше, чем вы должны знать. Больше, чем знает кто-либо из моей семьи. Но вы ведь не моя семья.

Габор дернул за другое кольцо и привел в движение еще один механизм. Олеся не сразу поняла, что заскрежетало на этот раз, но когда увидела... мысли трусливо сбились в кучу и начали дрожать, как жалкие слизняки.

В центре зала появился узорчатый круг. Из скрытых темных недр показались каменные столбики с вделанными в них кольцами. Через кольца были пропущены тяжелые цепи. Массивной железной грудой они валялись в середине круга.

Олеся сглотнула, рассматривая их из-за плеча Габора.

— Знаете для чего они? — Габор намотал ее волосы на кулак. — Ну же? Знаете?

Олеся помотала головой. От каждого движения только сильнее натягивались волосы.

— Откуда я могу знать? Ведь вы не хотите мне объяснить.

— Я даже могу показать. Но не думаю, что вам понравится...

Почему-то Олеся была уверена, что он не обманывает.

— И пока вы на себе не прочувствовали все то, что здесь когда-то происходило, советую рассказать мне всю правду о себе. Моя прекрасная незнакомка...

Вид длинных цепей, спутавшихся между собой, словно клубок змей, подтолкнул Олеся. Наверное из-за страха, она открыла рот и сделала глубокий вдох.

Тайна, необходимость скрывать то, кем была на самом деле, заставили выпалить хриплой скороговоркой:

— Маргит умерла. Ее убили. А меня зовут Олеся.

Габор совсем не удивился. Только пристально посмотрел на нее, продолжая играть с ее волосами. Пропускал между пальцев длинные пряди, гладил их и слегка натягивал.

— Дальше. Расскажи мне все, А-ле-ся...

Он произнес ее имя по слогам, напевно растягивая. Стон не то удовольствия, не то пытки.

Олеся поняла, что не владеет собой. Слова толчками начали покидать горло.

— Не знаю, почему мы так похожи... Несколько дней назад я и не подозревала о существовании этого места. Я... я...

Произнести вслух то, что самой недавно казалось нелепостью? Признаться ему, что она из другого мира? Что может быть фантастичнее?

Но Габор не оставил ей шанса избежать этой странной темы.

— Откуда ты?

Набрав в грудь побольше холодного воздуха, Олеся тяжело выдохнула:

— Я не знаю, как это объяснить... Сама до конца не верю... Но... кажется, я из другого мира.

Габор немного отстранился:

— В смысле, «из другого мира»?

В его голосе звучало не недоверие, нет. Там почему-то слышались гнев, ярость.

— Из владений Крампуса?

Олеся вспыхнула. Ударил кулаками по твердой груди и вырвалась из ловушки между его телом и стеной. Тут же стало холодно. Ветер с новой силой набросился на нее. А снежинки превратились в маленький буран. Кололи лицо, оседали влагой на ресницах.

— Вы надоели уже со своим Крампусом. Крампус-Крампус-Крампус. Все только о нем и талдычат. Вы вообще уверены, что он существует?! Видели его хоть раз?

Габор невозмутимо надвигался на нее:

— Видел.

Олеся попятилась и едва не упала. Зацепилась ногой за один из столбиков с цепью. Замешкалась, пытаясь устоять, и тут же поплатилась за свою неуклюжесть. Габор схватил ее за руку и резко дернул на себя.

— Осторожнее. Не стоит входить в круг и будить те силы, о которых не подозреваете.

В его голосе шелестела угроза. Тихая, тягучая, вкрадчивая. Олеся поняла, что здесь происходит нечто большее, чем борьба с демонами.

Она уперлась ладонями в грудь Габора в бесплодной попытке оттолкнуть его. Но это все равно что двигать камень или гору. Не смотря на одежду, она чувствовала его непоколебимую твердость. И силу. Пальцы вдруг стали липкими.

Олеся отдернула руки. В сумраке отчетливо виднелись темные мазки на коже.

— Вы ранены?

— Нет.

— Но кровь...

— Она не моя.

Олеся почувствовала одновременно и облегчение, и злость. Габор вдруг стал таким невозмутимым, сдержанным. Холодным. Будто заledenел под открытым небом.

Олеся снова уперлась кулачком ему в плечо:

— Тогда отпустите меня!

Его рот изогнулся в пугающей ухмылке:

— И не подумаю. Вы все время от меня убегаете. Либо так... — Он еще крепче прижал ее к себе. — Либо с этими цепями. Я даю вам выбор...

Олеся дернулась в его руках:

— Это не выбор!

— Значит, хотите в цепях? Я давно подозревал, что вы к ним равнодушны. — Он нагнулся и медленно лизнул ее шею. — Я теперь тоже...

— Прекратите! Перестаньте же! — Олеся не оставляла попыток высвободиться.

Не смотря на эту дику, нелепую и одновременно пугающую ситуацию, она чувствовала возбуждение. Габор слегка прикусил зубами кожу между плечом и шеей, всосал в рот и снова лизнул.

— Если вы не расскажете мне всю правду, я отымею вас прямо тут. Приковав цепями. Или вы этого и добиваетесь?

— Хватит мне угрожать! Я все расскажу. Все! Слышите?!

Габор немного отстранился, но лишь затем, чтобы потянуть ее вниз. Он сел на пол и устроил Олеся у себя на коленях.

— Слышу. Вы закончили на том, что оказались здесь из другого мира.

— Да-а... — Олеся поерзала, устраиваясь удобнее.

Что-то было необычное в том, чтобы сидеть у него на коленях вот так просто, посреди холодного зала, с изваяниями Крампуса, странными картинами, и железными цепями за спиной. Пугающе. Волнующе.

— Только не смейтесь и не перебивайте, каким бы нелепым и... и сумасшедшим ни казалось то, что я сейчас скажу... Я до сих пор не понимаю, как такое могло произойти...

Габор терпеливо ждал. Его ладони, неспешно поглаживающие спину, отвлекали и сбивали с мыслей. Олеся заставила себя сосредоточиться. От того, что она сейчас скажет, зависело ее будущее.

А если он не поверит? Или все-таки сочтет ее сумасшедшей? Ну и грош ему тогда цена.

Кивнув самой себе, Олеся начала:

— До того как попасть сюда, я жила в... в мире, где не существует демонов.

Брови Габора скептически приподнялись, как будто он ставил под сомнение вероятность того, что где-то демонов может не быть.

— Про них, конечно, есть разные истории, легенды, сказки... Но люди в это не верят. И замков в моем мире нет. То есть, конечно, есть, но сейчас в них никто не живет. В моем мире люди жили в них много веков назад. Сейчас многие разрушены. А в других устроены музеи. Музей — это...

Габор ее перебил:

— Я знаю, что такое музей. Рассказывай дальше.

Олеся все больше волновалась. Не смотря на холод, ее уже начало лихорадить.

— Так вот... В том мире у меня был муж.

На этих словах ладони Габора остановились. Он сжал ее талию, как будто удерживая. Лицо стало серьезным. Как будто надел непроницаемую маску. Неужели, ревнует?

— Но мы с ним развелись.

— Что это значит? — Он опасно прищурился.

Олеся прочистила горло, не зная, как объяснить такие очевидные для нее, и совершенно непонятные для него вещи.

— Ну-у-у... В нашем мире иногда бывает так, что люди, которые жили в браке, по каким-то причинам больше не хотят так жить. Тогда можно пойти к судье, и... развестись. Не быть больше мужем и женой. Получить возможность иметь другую семью. Или просто жить с другим человеком.

Габор нахмурился:

— В твоём мире можно жениться несколько раз? — Он сказал это таким тоном, как будто ничего глупее в жизни не слышал.

— Да. Можно. Или можно просто жить с человеком, которого любишь. Без свадьбы.

— А как же репутация женщины?

— О! Я тебя умоляю! Только не говори, что думал о репутации своих любовниц!

— Мы не будем обсуждать моих любовниц.

Неожиданно для самой себя Олеся разозлилась:

— Почему же? По-моему, отличная тема для беседы. У тебя наверняка их было не мало. Пару часов назад прибавилась еще одна. О моей репутации вообще можно не переживать.

Каждое ее слово было наполнено ядом ревности и обиды. То, что она чувствовала, когда узнала об измене Андрея, когда увидела собственными глазами, ни в какое сравнение не шло с тем, что испытывала сейчас. Одна только мысль о женщинах Габора доставляла нестерпимую боль. И вызывала ярость. Что было бы, увидь она тех, с кем он спал?

Уголки его губ едва заметно дернулись вверх.

— Ты что, ревнуешь?

Он даже не пытался скрыть удовольствие, звучащее в голосе!

Олеся пыталась выдавить из себя хоть слово, но ничего не получалось. Габор снова коснулся ее волос. Обмотал вокруг пальцев несколько прядей, и потянул на себя, заставляя приблизиться.

— Считай, что я был девственником до тебя. И мне уже не терпится, чтобы ты продолжила мое образование.

Господи! Ну что он с ней делает?! Она же только справилась с безумным возбуждением. А он, словно нарочно, заново ее распаляет.

Голос предательски дрожал, когда она снова заговорила:

— Хватит со мной шутить. Для тебя я лишь очередная постельная игрушка. А моя жизнь рушится.

— Я не шучу! Не думай, что все это так просто закончится.

— Ты мне даже не веришь! — Олеся попыталась высвободить волосы и отодвинуться.

Но Габор держал крепко. И ее, и ее жизнь.

Притянул Олесю вплотную к себе, заглянул в глаза. Даже сидя у него на коленях, приходилось смотреть снизу.

— Ты еще ничего не рассказала. Мы закончили на том, что в другом мире у тебя тоже был муж. Но вы... развелись. Почему?

— Он мне изменил.

— Ты любила его?

Олеся ожидала любого вопроса, но только не этого.

— Какая уже разница?

— Я задал вопрос. Отвечай. Любила?

— Не знаю. Тогда думала, что да. Теперь... Не знаю... Он предал меня. И жизнь с ним не была такой замечательной, как я себе представляла. Он оказался совсем не таким, каким был до свадьбы. Может я просто не хотела быть одна. Устала жить в одиночестве, никому не нужная.

— У тебя нет рода? Семьи?

— Нет. Никого не осталось...

А вот думать об этом было действительно больно.

— Как так получилось?

— Это не имеет отношения к тому, о чем мы говорим.

— Имеет. Почему у тебя нет тех, кто должен был за тебя заступиться?

Его представления о справедливости были такими... странными. Совершенно нелепыми для ее мира. И в то же время, разве не так должен думать настоящий мужчина?

Олеся поняла, что плачет. Без рыданий, всхлипов и истерик. Слезы просто текут по щекам, прочерчивая теплые соленые дорожки.

Габор ласково стер капельки и прижал ее к себе, как маленькую. Погладил по голове и поцеловал в макушку.

Олеся и сама не поняла, как из нее полились слова:

— Когда я только родилась, мать и отец не были в браке. Она была очень красивая. Правда, я видела ее всего несколько раз. И то по фотографиям... Фотографии — это такие маленькие картины. Когда она поняла, что беременна, сказала отцу. А он решил, что ребенок не его. Бросил ее. Куда-то уехал. Год назад, правда, вспомнил обо мне. Приезжал и просил денег. Рассказывал, как тяжело ему жить. А я, дура, дала... Он потом снова пришел. Заливал мне, как невозможно прожить на крошечную пенсию, что не хватает даже на еду. И я опять купилась.

А потом увидела его с друзьями в летнем кафе. Бухали там веселой компанией. Я возле деревьев спряталась и подслушала. Он рассказывал, как отыскивал меня, как напел всякого, а я поверила. Представляешь, он даже тогда не верил, что я его дочь. Но «готов был сыграть папашу, пока доверчивая идиотка будет подбрасывать денюжку». — Она передразнила самодовольный голос отца и все-таки не удержалась от тихого всхлипа.

Но быстро взяла себя в руки. Тогда было обидно, да. А сейчас просто немного горько...

— В общем... когда я родилась, он пропал. А мама... Ну, она и вправду была красивая. А ребенок мешал искать богатого мужа. Она хотела отказаться от меня. В смысле, сдать в детдом. Это... это такое место, куда забирают детей, оставшихся без родителей. Там ужасно. Но дедушка меня забрал. Ее отец. Он все для меня делал. Долгое время я думала, что он и есть мой папа. Ему помогала наша соседка. Я считала, что она — моя мама. В детстве я и не задумывалась, почему она живет не с нами. Потом только узнала, что это не так. Когда настоящая мама приехала... нас «навестить».

Ладно. — Олеся отодвинулась и быстро стерла слезы. — Все это тоже неважно.

Габор придержал ее за плечо:

— Нет, это очень важно. Твой дедушка — настоящий мужчина. А отец...

Габор тихо произнес какое-то слово. Олеся его раньше никогда не слышала. Но судя по презрительному тону, это было какое-то ругательство.

— Дедушка умер. И наша соседка тоже. С мужем мы развелись... Перед Новым годом я осталась совсем одна. Новый год — это наш праздник... Я еще не во всем разобралась, но кажется, это как ваши Проводы Старого года. Все собираются семьей, наряжают елку, готовят много угощений, дарят друг другу подарки.

Габор снова выглядел удивленным:

— В смысле «наряжают елку»? Вы... надеваете на деревья одежду?

Олеся рассмеялась. Напряжение немного схлынуло. Габор тоже улыбнулся.

Нежно коснулся уголка ее губ:

— Ты впервые за все это время смеешься. Так непривычно и красиво.

Олеся сразу же перестала. Габор смотрел на нее со странной серьезностью, пристально.

Она опустила глаза и тихо объяснила:

— Нет, мы вешаем на ветки разные елочные игрушки — шары, гирлянды — это светящиеся огоньки. Кладем под елку подарки. А на утро дети их находят. Они думают, что их принес Дед Мороз. Это такой... добрый сказочный волшебник. Который на Новый год дарит всем подарки. Еще ему можно написать письмо! В нем дети перечисляют, что именно хотели бы получить. Но, конечно, все желания исполняют родители.

Олеся скороговоркой рассказывала о новогодних традициях. Ее захлестнули детские воспоминания. А еще было ужасно интересно, как на них отреагирует Габор.

— Однажды в детстве, дедушка устроил мне сюрприз. Бабушка с нами не праздновала, у нее ведь своя семья была. Но я этого тогда не знала. Дедушка попросил ее позвонить нам в дверь и быстро

уйти. Она позвонила, и мы выглянули. А возле двери огромный мешок — как будто Дедушка Мороз забыл. И весь этот мешок для меня, представляешь? — Олеся снова рассмеялась. — Там было столько сладостей, а еще подарки... Мягкий пушистый заяц с такими забавными ушами...

Олеся перевела дыхание.

— Ох, не знаю, зачем все это тебе рассказываю... У вас, наверное, все похоже... Адрианна все время ждала от тебя подарков. Но говорила про Морозного Деда...

Габор покачал головой и едва заметно улыбнулся:

— Наш праздник немного не такой, как твой... Провожая Старый год, мы его... хороним. И мы не наряжаем деревья. Хвойные ветки нужны для обряда похорон.

— О-о-о...

Такого Олеся не ожидала. Обряд похорон.

Но следующие слова Габора ошарашили еще больше.

— А Морозный Дед... Он реален. Не сказочный, как этот твой Дедушка Мороз. Это бессмертный воин. Защитник. И судья.

Только сейчас Олеся поняла, что между их мирами огромная пропасть. Нелепо было надеяться, что сумеет здесь обжиться. Да она даже привыкнуть к этому не сможет! Бессмертный воин и защитник. Кого?! Белочек и зайчиков от зимней стужи?

Наверное Габор как-то почувствовал ее недоумение.

Он хмыкнул и снова напомнил:

— Рассказывай дальше.

Олеся заставила себя собраться с мыслями. Перед самой главной частью ее признания они начали трусливо метаться, запертые в голове.

— Ла-а-адно... Из-за того, что у меня нет семьи... — Она сглотнула ком в горле. — Мне приходилось задерживаться на работе дольше других. Дежурить, отвечать на звонки и... в общем, разное. Однажды я уходила уже почти ночью. И по пути... Меня сбила машина. Такая... карета. Только она едет сама. Лошади не нужны. Я помню, что мне было очень больно. Ужасно. Внутри горело. По-моему, у меня все органы перемешались. И кровь помню. Во рту так четко ощущала ее привкус... — Олеся передернуло от воспоминаний. — Потом я потеряла сознание. Если честно... Я почти уверена, что умерла.

Только сейчас, когда произнесла это вслух, Олеся осознала весь ужас происшедшего. ТАМ ее больше нет. А здесь ее положение слишком шатко, и держится лишь на верно подобранных словах. Но словам она уже давно не доверяла.

И если Габор не поверит ей, ее истории, то... она даже не сможет его обвинить в этом.

— А потом я пришла в себя. В какой-то избушке... Я даже подумала, что вижу дедушку. Не знаю, кто это был. Огромный старик. Он усадил меня на телегу, довез до дороги и там оставил. Ну а дальше ты знаешь... Адрианна меня нашла и подумала, что я жена твоего брата. Видимо, мы с Маргит действительно похожи. Но... у меня были короткие волосы. И голубые глаза. А когда я пришла в себя, волосы оказались длинными... — Олеся подергала кончик гладкой прядки. — И один глаз стал карим.

Габор задумчиво всматривался в ее лицо. Что он пытался там разглядеть? Признаки лжи?

Его тихий голос, подхваченный ветром, разнесся по всему залу:

— Теперь они голубые. С того момента, когда мы возвращались из деревни.

Олеся даже приоткрыла рот от удивления. Она и не подозревала об этом.

— Правда? — Она дотронулась до виска.

Разве такое может быть?!

Габор кивнул:

— Да. В тот момент, когда я просил признаться, обижал ли тебя Миклош.

Олеся вздрогнула и отвернулась. Взгляд сам собой уткнулся в жуткую картину с окровавленными девушками.

Вот ее шанс. Она может рассказать ему о брате, о том, что он творил с Маргит. Слово сумасшедшей иномирянки против слова его близкого человека? А что если он не поверил ее рассказу?

Пальцы Габора мягко коснулись ее подбородка. Он заставил ее повернуться лицом.

— Ты ведь что-то знаешь о нем. Не ври мне, А-ле-ся... Я могу простить многое, но не предательство. Не предавай мое доверие.

Господи... Да не может она ему довериться, в том-то и дело! Наверное в зале обитала не только статуя демона. Но и его дух.

Только он мог заставить ее сделать то, что она задумала. С проклятой саблей было не так страшно, как сейчас.

— Что ж... Господарь Габор... Тогда и ты не предавай меня.

Она высвободилась из его объятий и резко поднялась. Голова немного закружилась, но Олеся устояла.

Габор потянулся к ней, но она уверенно отвела его руки. Повернулась спиной и дрожащими ладонями стянула с себя плащ. Прохладный воздух тут же заставил поежиться. Тело остывало так быстро, словно коченело.

Дрожа еще больше, уже и от холода, Олеся сняла нижнюю сорочку и швырнула на пол.

Голос не слушался, охрип. Звучал тяжело и низко.

— Этих ран у меня не было. — Она завела руку за спину и коснулась шероховатого рубца. — И я получила их не тогда, когда меня сбила машина.

Сложно было говорить в пустоту. Не видеть его лица. Не знать его реакции. Пусть она и не могла понять, о чем он думает, но открываться вот так... обнажать свои страхи, догадки, переживания...

Именно сейчас между ними была близость. Интим. Она показывала ему свое тело, свой страх. Отдавала свою жизнь.

— Когда я очнулась в замке... мне было больно... В зеркале я увидела, во что превратилась моя спина. Сначала даже подумала, что это порезы от стекла... А потом... потом в памяти начали всплывать странные воспоминания. Сперва мне казалось, что я действительно схожу с ума. Но... Постепенно они становились все четче. И я уже своими глазами видела, как молодой красивый мужчина насилует... меня. Избивает... длинным кнутом. Но так, чтобы не было видно из-под одежды... И еще он все время надевал деревянную маску. Этого вашего Крампуса. Думал, что я ничего не вижу и не понимаю. Но я видела. И понимала. Видела его с другим мужчиной. В постели. Отвратительные картины. Повсюду кровь... А потом он снова приходил ко мне. С кнутом. И в маске.

Столько насилия... Пусть даже видишь его в голове... На это трудно смотреть.

Однажды он... увлекся — Олеся горько улыбнулась, глядя в одну точку. — Избивал, потом долго насилует и снова избивал. Последнее, что я помню... что она помнила — жуткая маска. — Олеся перестала чувствовать холод. Она вообще перестала чувствовать. — Мне сложно, понять, о чем она думала... Такая неразбериха в голове. Кажется, Маргит и вправду была сумасшедшей. Но гораздо меньше, чем все думали. Она смотрела на него... И понимала, что это не Крампус.

Неожиданно плеч Олеси коснулись мужские ладони. Ее бережно закутали в плащ и прижали спиной к знакомой горячей твердости. Сильные мужские руки растирали ее руки, грудь, живот. Согревали. Как за каменной скалой — вот каково это. За спиной был камень. Обжигающий, но надежный.

— Она знала, что за маской скрывается ее муж. Лежала, смотрела на него и молилась, чтобы он не понял, что она жива. Чтобы дал ей спокойно умереть. А потом боль и темнота.

Олеся откинула голову на плечо Габора. Она заставляла себя смотреть на небо, на сверкающие в темноте снежинки.

— Ты можешь мне не верить. Я бы и сама себе не поверила. Что может доказать мои слова? Да ничего... Тело Маргит теперь не найти. У нее не осталось даже его. У нее не было ни жизни, ни смерти. В этом моя вина. Может, было бы легче, если бы она оказалась ужасной стервой, если бы ее все ненавидели, если бы она делала людям гадости... Но она ни в чем не виновата!

Олеся истерично рассмеялась и попробовала вырваться из объятий Габора. Но он крепко ее держал, притягивая к себе. И впрямь приковал цепями.

— Она была всего лишь сумасшедшей. Никто даже не пытался ее защитить. Кто она, а кто Миклош?! Наверняка, любой бы сказал, что он имеет право делать с ней все, что пожелает. А она даже слова в свою защиту сказать не могла. Не потому что не имела права. А потому что НЕ-МОГЛА!

— Тихо... Тихо... Успокойся...

Габор не разжимал объятий. Шептал на ухо, просил успокоиться, но тормоза больше не работали.

— Вы все тут боитесь демонов... Но самый главный демон живет с вами... И я знаю, что ты согласишься ему. Миклошу. Потому что он твой брат. А я, как и Маргит, — никто.

Олеся перестала вырываться. Силы просто покинули замерзшее тело. И как бы крепко Габор ни прижимал ее к себе, она не могла согреться.

— Хуже всего то, что за эти несколько дней... я тоже стала сумасшедшей... Помешалась на тебе.

Олеся ненавидела себя за это признание. Но не смогла его удержать. Рот просто произнес то, что было на душе. Выдал ее главную тайну. Предатель.

Глава 14

Габор отчаянно пытался не сжимать Маргит слишком сильно. Он так крепко держал ее, что боялся сломать тонкие кости.

И тут же напомнил себе: Олесья. Не Маргит. Необычное и непривычное имя. И сама она... оказалась необычной.

Ее хрупкое тело отчаянно извивалось. Габор ощущал каждый изгиб и впадинку. Она вся была словно вода — скользила по нему, обтекала и дрожала крупной дрожью.

Он старался осмыслить все, что услышал от нее. Но некоторые вещи никак не укладывались в голове.

У него еще будет время подумать о том, что она рассказала. Сейчас необходимо увести ее отсюда.

В ушах до сих пор звенели сказанные срывающимся голосом слова. «Я тоже стала сумасшедшей... Помешалась на тебе.» Видимо и он псих, если это признание оказалось для него важнее того, что она поведала.

Габор подхватил Олесю на руки и понес прочь из зала. Не нужно ей здесь находиться. Она немного успокоилась, обмякла в его объятиях. Доверчиво положила голову на плечо.

Крампус, наблюдающий за ними с картины, прищурился и оскалил пасть. Габор отвернулся. Демон не получит его женщину. Пусть придется утопить весь лес в крови. А заодно и Миклоша.

Больная мразь! Габор знал о пристрастиях брата. Ему регулярно докладывали о его любовниках и «тайных» праздниках, которые тот устраивал.

Но ни слова, ни одного гребаного слова о том, что он творил с Маргит!

Теперь ее кровь на его руках. Габор ощущал себя последней сволочью. Но вовсе не из-за того, что не смог уберечь Маргит от брата. Нет. Совсем по другой причине. Он был... счастлив. Странно извращенно счастлив. Потому что благодаря смерти Маргит Олесья оказалась здесь. Наверное он полный урод, но Габор был рад, что все обернулось именно так.

Маргит была безумна. Ее жизнь и до Миклоша не отличалась легкостью. Эта жертва подарила ему своенравную иномирянку. Может, Маргит и жила лишь для того, чтобы Олесья смогла попасть сюда.

Габор быстро нес ее, через мрачный коридор. Такая маленькая и беззащитная. И столько всего пережила. Он даже представить не мог, что с ней творилось в это время. Как она выдерживала?

Если бы она растерялась, а он задержался с приездом, ее жизнь могла окончиться на костре.

Нет, этого он не допустит. Он получил свой невероятный подарок и теперь не отдаст его никому. Ни разъяренной толпе, ни извращенцу-братцу, ни Крампусу.

Вот только сама Олесья... Не хочет ли она вернуться в свой странный мир? Она с такой радостью рассказывала о нелепых обычаях, о «наряженных» деревьях, о подаренной игрушке.

Она скучала по всему этому. А здесь чувствовала себя неудобно. Это ведь было так заметно. В деревне, когда она смотрела уличное представление или просила дать старухе еще одну монету.

Наверное ей его мир казался диким. Конечно, здесь ведь нет карет, которые могут передвигаться без лошадей. И здесь она будет связана с одним мужчиной навсегда. У нее не будет шанса... как она сказала? Развестись? Здесь она не сможет этого сделать. И любовника завести он ей не позволит.

Потому что для нее теперь будет существовать только один мужчина.

Габор еще сильнее прижал Олесю к себе. Хочет она того или нет, но теперь она принадлежит ему. Удивительная иномирянка... Женщина, от которой он настолько потерял голову, что готов разорвать на куски любого, кто покусится на нее.

Нет, он ее не отпустит. Не позволит вернуться обратно в ее непонятный мир.

— Что означают эти фрески? — Олесья подняла руку и махнула в сторону стены.

Габор ускорил шаг. Не нужно, чтобы она все это видела. Но похоже уже поздно. Наверняка она успела рассмотреть их, когда шла сюда.

— Что это вообще за место?

Похоже именно это его в ней и привлекало. Она его не боялась. Общалась с ним на равных. Постоянно дерзила и делала все так, как хотелось ей, а не так, как он приказывал.

Наверное в ее мире, мужчины не управляли женщинами и не говорили, как себя вести. Но это больше не ее нелепая вселенная, где тот, кто назывался отцом, мог так поступить с дочерью.

Теперь она живет здесь. И придется привыкать к новым правилам. Хотя Габор понимал, что Олесю уже не изменить. Она не подчинится.

И вот это заводило его больше всего.

Постоянная необходимость вступать с ней в маленькое противостояние.

Ее сопротивление. И его попытки сломить ее.

Великие Небеса!.. Она только что рассказала ему, что прибыла сюда из другого мира, а он... А он мечтает, как бы снова поскорее оказаться с ней в постели. Или у стены. Или прямо на полу. Ему не принципиально. Где она позволит снова овладеть своим потрясающим телом, там он и сделает это.

— Я все о себе рассказала... Ты мог бы... проявить... ответную любезность...

Габор взглянул на Олесю. В темноте коридора ее лицо почти не было видно. Но ее голос... В нем уже слышалась готовность вступить в новый бой.

Габор улыбнулся этой мысли и спросил:

— Что ты хочешь обо мне узнать?

— Я хочу узнать об этом коридоре и о зале. Для чего они?

— А я думал, что хоть немного тебе интересен.

С ней удивительно легко было общаться. Сколько себя помнил, Габор тяжело сходил с людьми. Даже с равными ему по положению.

Еще в детстве в него вбили привычку держаться в стороне ото всех. Как бы сильно его не задевало происходящее. Или как бы не были близки люди, окружающие его.

Быть в стороне. Ни к кому не тянуться, ведь люди так легко предают друг друга.

С Олесей, этой удивительной чужачкой, он не мог оставаться в стороне. Его тянуло к ней. Невероятно сильно. Противоестественно. Где-то в глубине души оставались сомнения, что она лишь умело водит его за нос. Придумать можно все, что угодно.

Но уж слишком фантастической была такая ложь. И столько деталей. Он видел, с какой уверенностью Олеся рассказывает о том, что пережила, о том, что видела. Невозможно придумать столько подробностей и ни разу в них не запутаться.

В самом начале ее рассказа он еще пытался убедить себя, что она врет. Или просто настолько поверила в собственную выдумку, что считает ее правдой, но... Но понимал, что обманывает сам себя. А себе врать Габор не мог.

Старуха Бражена и демон, не ведая того, подтвердили каждое слово Олеси.

В какой-то момент он даже вздохнул с облегчением — это не Маргит. Совершенно другая женщина. И у Миклоша нет на нее никаких прав.

Нужно как можно скорее разобраться с братом. Этот скот способен на все, что угодно. Мысль о ранах на спине Олеси наполняла жгучей яростью. Слепящей.

Габор дошел до лестницы и осторожно шагнул на ступеньку. Он сгноит Миклоша за весь тот ужас, который теперь преследует Олесю в воспоминаниях.

— Пусты, я сама поднимусь. — Олеся попыталась высвободиться из его объятий, но Габор только сильнее прижал ее к себе. — Не глупите, господарь. — В ее голосе уже слышалась привычная насмешка. — Проход слишком узкий. Мы оба свалимся и свернем шеи.

Габор бережно поставил ее на ступеньки и улыбнулся:

— Тебе доставляет удовольствие все время спорить со мной? В твоём мире все женщины такие?

Ее глаза гневно сверкнули:

— Не знаю. Вот найдешь еще одну такую же... переселенку и спросишь.

Кажется, она ревновала.

Габор следил за тем, как Олеся медленно поднимается по ступенькам. Неужели, она ревновала его? Некоторые из бывших любовниц пытались изводить его ревностью. После такого он быстро с ними расставался.

Но с Олесей все было иначе. Ему вдруг захотелось, чтобы она испытывала к нему чувства настолько сильные, что ревновала бы к несуществующим соперницам.

Он поднимался за ней, тяжело глядя в хрупкую спину, скрытую плащом. Она смогла выдержать боль от чужих ран и ужас воспоминаний. Не побоялась в одиночестве отправиться в темноту.

Примет ли она ту правду, которую он может рассказать ей? Или лучше промолчать об этом?

Он до сих пор помнил, как изменилось лицо матери, когда она узнала тайну отца. И тайну Габора. Отношения между родителями и так не отличались теплотой. А после того, как ей все стало известно, она смотрела и на мужа, и на сына лишь с одним чувством: с отвращением.

Глупо повторять родительские ошибки. Мать узнала обо всем случайно. Отец не собирался ей говорить. И внушил Габору, что никто из членов семьи, как бы не был близок, не должен узнать. Наверное поэтому они все никогда и не были нормальной семьей.

Габор был старшим в роду, а значит обязан был защищать и заботиться об остальных. Адрианну занимали лишь платья и украшения. Она больше общалась с Миклошем. Ведь он мог с ней играть, в отличие от всегда занятого уроками и занятиями Габора. А Миклош... Миклош пользовался доступными благами и ненавидел всех вокруг, мастерски скрывая свои чувства.

Теперь же у Габора появился шанс на настоящую семью. С Олесей. То, о чем он никогда и не мечтал. А если вдруг случались такие моменты, то сразу давил все свои желания на корню. Но теперь в его жизни есть Олеся. И рассказать ей все? Своими руками разрушить их будущее? Не-е-ет... Нет.

Вот только она слишком упряма. Сколько времени пройдет, чем умудрится сама все выяснить? А в том, что ей это удастся, Габор не сомневался.

Несколько проклятых ступеней стали для него самым настоящим испытанием.

Свечи уже почти догорели. Олесю окутывало нежное золотистое сияние. Безумно захотелось ее поцеловать. Наброситься на ее пухлые губы, убедиться, что она реальная, а не плод его воображения.

Неужели может существовать женщина, настолько ему подходящая? Улавливающая его желания, готовая исполнить их. И одновременно такая непокорная, дерзкая.

Олеся остановилась посреди спальни. Полы плаща разошлись в стороны, обнажая соблазнительную полоску совершенного изящного тела. Габор сглотнул слюну. Как же хотелось попробовать ее. Руками, губами, языком. Он чувствовал голод... Жуткий, сводящий с ума голод.

Взгляд жадно скользнул по очертаниям груди к красивому пупку, в который хотелось запустить язык. И ниже, к небольшому треугольничку волос. И вот там... Он должен узнать, какая она на вкус там. В прошлый раз она была влажной и шелковистой. Обволакивала член, позволяя ему скользить внутри ее тела.

На этот раз она должна быть мокрой. От своих соков и от его слюны, пока он будет пробовать ее. А потом и от семени. Чтобы слышно было, как он входит в нее, каждый влажный порочный звук.

Олеся быстро прикрылась. Свела полы плаща, закуталась так, словно броню нацепила.

Габор посмотрел ей в глаза. Она покраснела и еще сильнее завернулась в плащ.

— Не смотри на меня так.

Габор удивленно вздернул брови:

— Как?

— Как сейчас. Это... это мешает мне сосредоточиться. Я должна... рассказать еще кое-что.

Ему тоже трудно было сосредоточиться. Почти невозможно. Желание, которое он надеялся утолить за один раз, никуда не исчезло. Оно стало лишь больше. Еще больше. Пожирало его изнутри, как

голодный зверь. Словно он провел годы в неволе. А теперь выпущен наружу. Одиравший и обезумевший.

Потому что в полной мере осознал только сейчас: эта женщина принадлежит лишь ему и никому больше. Миклош никогда не обладал ею. Не прикасался. И даже не видел ее.

Плевать. Плевать на все-е-е. Она его. Теперь его.

Он постарается. Сделает над собой усилие и выслушает все, что она хочет сказать.

Габор кивнул. Тело плохо слушалось. Хотелось схватить Олесю и сделать с ней все то, о чем так отчаянно фантазировал. Боясь сорваться, он отчаянно контролировал каждое движение. Никогда прежде и подумать не мог, что будет настолько не властен над собственным телом.

Олеся присела на краешек развороченной ими кровати. Он видел, как тяжело поднимается и опускается ее грудь под плащом, как бьется жилка на виске и как дрожит нижняя губа.

— Это о... о твоём брате. Я пойму, если ты не поверил тому, что я уже сказала. И если не согласишься сейчас. Потому что... — Она прямо и уверенно посмотрела ему в глаза. — Потому что он — твоя семья. И его ты знаешь всю жизнь. А меня лишь пару дней. Но... Я не хочу умирать во второй раз. Мне дан ещё один шанс, и я хочу им воспользоваться. Я хочу жить, понимаешь? ХОЧУ! И... если... если ты считаешь меня обманщицей или ещё кем-то, то просто позволь уйти. Дай какую-нибудь одежду, пару этих ваших монет ипусти. Но не отдавай меня Миклошу.

Габор понимал её страх. Понимал желание жить. Но неужели она не видит в нём своего защитника? Неужели сомневается в том, что он сможет её уберечь. Что ему нужно сказать или сделать, чтобы она доверилась ему?!

Габор подошёл к окну и закрыл проход в камине. Опасаясь, что может не сдержаться и наброситься на неё, он привалился к стене и скрестил руки на груди.

— Со временем ты узнаешь меня лучше. И поймёшь, что я никому не позволяю брать то, что считаю своим.

Олеся бросила на него странный взгляд и отвернулась к камину. От волнения начала теребить кончики волос, наматывать их на пальцы и дергать. Эти движения заворожили Габора.

— В том коридоре была маленькая ниша с двумя глазками. Я слышала голоса и подошла послушать. А потом заглянула... Там был Миклош. И та служанка. Фиданка. Она служит твоей сестре. У них... кажется, у них связь. — Олеся резко повернулась к Габору. — Это было ужасно мерзко. Он заставил её раздеться, а сам взял кнут и сказал, что обучит её... как тебе понравится.

Габор вздернул брови. Что за..?

— Она хочет за тебя замуж. Заключила какую-то сделку с Миклошем. Он поможет ей стать твоей женой. А взамен она должна избавить его от Маргит. От меня. Он приказал ей распускать обо мне разные ужасные сплетни. Будто... у меня на теле какие-то знаки. И что я рада нападению демонов и хотела уйти с ним. И даже... — Когда Олеся снова повернулась к нему, в её глазах застыли боль и обида. — Чтобы она говорила, будто я хочу отдаться демону. Он надеется, что после этого люди решат сжечь меня.

Мра-а-азь! Проклятая хитрая мразь. Да он его размажет. Заставит харкать кровью. Эта тварь будет умолять о смерти. Каждый день и каждую минуту.

Габор оттолкнулся от стены и подошёл к Олесе. Она обнимала себя и дрожала, как в ознобе. Наверное, нужно что-то сказать, как-то успокоить её... Но когда речь шла о действительно важных вещах, ему плохо удавалось говорить. Гораздо лучше получалось действовать. Ни одно слово не могло заменить действие.

Он осторожно, почти невесомо коснулся волос Олеси. Провел ладонью по спутавшимся прядям. Кое-где к ним прилипли ниточки паутины.

Она вдруг тихо спросила:

— Ты победил демона?

В этом было что-то по-детски трогательное и нежное.

Он не смог сдержать улыбку:

— Да.

— Это точно не твоя кровь?

— Нет. Но если ты хочешь, то можешь сегодня стать моим лекарем. И тщательно обследовать.

Олеся слабо улыбнулась и подняла на него глаза. Она смотрела снизу-вверх, и Габора странным образом заводила эта мягкая покорность.

— Зачем он проник в замок?

Габор сжал зубы. Она не должна знать об этом. Никто не должен.

Он слишком замешкался с ответом, потому что Олеся вдруг прищурилась.

— Это из-за меня? — Она побледнела.

Черты лица заострились. Он видел, что ей страшно. И в этом была его вина.

— Нет. — Габор покачал головой. — Ты здесь ни при чем. Иногда они совершают вылазки. Ищут, чем поживиться. Зимой особенно часто.

Лишь бы она не услышала, как фальшиво звучат его слова. Почему-то лгать ей становилось все труднее.

— Почему фрески в том коридоре так хорошо сохранились?

Этого вопроса он не ожидал. Олеся быстро и резко сменила тему. Она не остановится, пока все не выяснит. Теперь Габор убедился в этом окончательно. Чем скорее он отведет от нее угрозу, тем быстрее она выбросит из головы Крампуса и все с ним связанное.

Нужно прямо сейчас заняться Миклошем.

Габор сделал вид, что не расслышал ее вопроса. Он шагнул к почти незаметной двери в углу комнаты и повернул ручку. Заржавевший от времени механизм протяжно скрипнул.

— Мне нужно снова отлучиться.

Он вошел в темное помещение — когда-то здесь была просторная купальня, его личная. А теперь — лишь запах сырости да пыли. Света из спальни едва хватало на пару шагов. Но Габор и без этого помнил, что и где находится. Он уверенно прошел дальше и открыл один из кранов. Спустя пару секунд по трубам зашелестела вода, и в небольшой бассейн хлынул горячий поток.

Он обернулся. На пороге застыла Олеся. Сияние свечей гладило ее силуэт. Она все еще куталась в плащ. Габор не смог справиться с собственным воображением, которое уже рисовало, как нетерпеливо она будет избавляться от одежды — настолько жарко ей будет от его ласк.

— Ты так и не ответил на мой вопрос.

Она слегка вздрогнула, когда по купальне разлетелось эхо ее голоса.

Габор приблизился. Он хотел обладать ею. Думать ни о чем другом не мог. Теперь он знает, что это не Маргит. Что она никогда не любила Миклоша и даже не видела его. Она принадлежит только ему. Да, у нее был муж. Какой-то идиот, который не понял, чем обладает. И которому Габор теперь был благодарен.

Здесь же, он стал ее первым мужчиной. В новом для нее мире. В ее новой жизни. Там она умерла. Заново родилась здесь. Теперь ее дом тут — рядом с ним. И тут он ее первый и единственный мужчина.

Габор подошел к Олесе вплотную. Не смог сдержаться — наклонился, почти касаясь носом ее гладких волос, вдохнул их аромат. Мороз. От них веяло запахом мороза. Кое-где в прядях до сих пор блестели капельки воды — растаявшие снежинки.

— Тебе не нужно знать о коридоре. Просто забудь все, что там видела. Забудь о его существовании.

Он видел, как изменилось ее лицо. Она закрылась от него.

— Я рассказала тебе правду о себе и о своем мире.

— Я тоже расскажу тебе. Все, что хочешь знать. Все, кроме этого.

Ну зачем?! Зачем она лезет во все это? Даже не подозревает, чем может обернуться ее любопытство. Он не хотел пачкать ее своей правдой. Просто не мог этого сделать. Из-за страха, что она не поймет, как не поняла мать. Что она в ужасе брезгливо отвернется от него. И из-за эгоизма.

Потому что хотел, чтобы она всецело, без остатка принадлежала ему.

Он даст ей все. Подарит такие богатства, каких нет даже у королевской семьи. Наряды, украшения, развлечения — все, что она только пожелает. Он покажет ей, насколько его мир лучше и интереснее, чем ее. Он сделает все, чтобы она привыкла к Дьекельни и думать забыла о возвращении. Пусть даже придется приковать ее цепями.

При мысли об этом Габор с трудом подавил улыбку предвкушения. Тело тут же загорелось в огне, реагируя на мимолетную мысль о новых ласках.

— Я скоро буду. Можешь ждать меня в купальне. Хочу еще послушать о твоём мире.

На самом деле не хотел. Она должна как можно скорее забыть о нём. Нет больше странных обычаев и самоходных карет.

— Зажги свечи.

Он быстро поцеловал молчащую Олесю в макушку и, не оглядываясь, вышел.

Он не хотел никого видеть, кроме Олеси. Не хотел ни с кем разговаривать. Нужно было о многом подумать. Что делать с братом. И со служанкой сестры... Фиданкой, кажется.

Он бы рассмеялся, не будь в такой ярости. Многие из женщин Бергандии хотели войти в род Баттьяни, став его женой. Мамаши юных аристократок к каким только ухищрениям не прибегали, чтобы заманить его в ловушку. Вдовы пытались соблазнить открыто. Папаши пробовали подкупить приданым.

Но Габор не собирался жениться. По крайней мере еще несколько лет. Потом бы он, конечно, выбрал какую-нибудь девушку. Но только с одной целью: не дать роду угаснуть. На Миклоша с его пристрастиями он тогда не надеялся. Да и каким мог быть ребенок больного выроodka и умалишенной? Адрианна перешла в род Драгана — ее дети не будут носить фамилию Баттьяни. А значит, именно Габору выпала честь обеспечить семье наследников.

Но от одной мысли о детях его скручивало узлами. Представить маленьких существ в замке он не мог. Габор помнил, в каком ужасе провел детство. С гобеленов, картин и фресок на него смотрели давно умершие предки, демоны, Крампус и безымянные жертвы сражений. Они все чего-то от него ждали. Следили за каждым шагом, подслушивали все, что он говорил.

Он удивлялся, как не чокнулся и не стал параноиком. Но со временем привык. Даже полюбил крепость. Настолько, насколько вообще был способен любить.

Но еще не был готов стать отцом. Необходимость продолжить род давила каменными глыбами. Но сначала необходимо было найти подходящую жену.

Габор давно решил, какая женщина ему нужна. Из обедневшего аристократического рода — чтобы была благодарна ему за безбедное существование ее и ее семьи. Старая дева, вынужденная прозябать где-нибудь в глуши, — чтобы не рвалась в столицу и не лезла в его дела. Достаточно симпатичная — чтобы он испытывал к ней хоть какое-то желание, пока будет пытаться зачать наследников. Тихая, скромная, покорная и молчаливая. У нее и мысли не должно возникать о том, чтобы перечить ему или ослушаться.

Он сам воспитает их детей. От нее лишь требуется... быть рядом, когда он прикажет.

Габор едва не расхохотался. Не удержался и все-таки хмыкнул. Эхо тут же бросило его голос о стены темной галереи. Ну он и дурак! Идиот.

Олеся точно не была такой женщиной. И дело не в том, что она даже не крестьянка в его мире. Нет, происхождение будущей жены его не сильно волновало. Главное — ее покорность и полное подчинение во всем. Вплоть до выбора платья, если он посчитает, что она одета не так, как надо.

Олеся не будет ему подчиняться. Она станет сопротивляться только из-за того, что он попытается на нее надавить. Она просто будет делать то, что считает нужным. За пару дней она умудрилась перевернуть всю его жизнь, вывести его самого из равновесия.

Это глупо, но Габору казалось, что она устроена не так, как все женщины. Может, дело в том, что она из абсолютно другого мира? Там она была свободна и вольна сама принимать решения, ни от кого не зависела и могла иметь сколько угодно мужей, а затем... разводиться с ними.

Габор раздраженно пнул одну из дверей, спускаясь на нижние этажи замка, где располагалась его личная стража.

Идиотский мир. Неправильный. Как может женщина быть настолько предоставлена самой себе?

Нет, в его мире тоже полно безумств и несправедливости, но то, что рассказала Олеся... казалось каким-то диким.

Может, там все женщины такие? Но Габор почему-то в этом сомневался. Откуда-то он был уверен, что второй такой же не найти.

Хуже всего было то, что он легко представил ее в крепости. Хозяйкой замка. Он видел ее блуждающей по коридорам, знакомящейся с новым домом. Наверняка она еще не один раз заблудится, а он сойдет с ума, разыскивая ее. И гадая, не нашла ли она новый тайный ход, в котором он попросту не сможет ее отыскать.

Еще он видел, как она удивляется всему вокруг. Каким же слепым идиотом он был, когда не заметил, насколько все происходящее для нее чуждо и незнакомо.

Она вполне может полюбить его мир. Нужно только показать ей, что здесь тоже могут быть интересные вещи. Она ведь с таким удовольствием и восторгом наблюдала за представлением бродячего артиста. Может, позвать его на праздники в замок? Или даже всю труппу. Наверняка Олесе понравится. Блеск, шум, старые сказки — это сможет ее увлечь. Еще можно устроить танцы. Женщины обожают танцевать. Он еще не встречал ни одну, которая бы отказалась от такого развлечения. Адрианна не может жить без них.

Но Олеся совсем другая... Может, в ее мире не танцуют? Или там приняты другие танцы. А здешние покажутся ей странными и нелепыми.

Твою мать! Ну просто замечательно. Он уже переживает, понравятся ли иномирянке здешние танцы. Что дальше?

И все-таки, нужно их устроить. Он сам будет учить Олесю, если окажется, что она не умеет. Они могут провести вдвоем много жарких часов. Под предлогом обучения, он сможет соблазнять ее прикосновениями и слышным только ей шепотом.

Впервые в жизни он планировал какой-то праздник потому что сам этого хотел. Потому что хотел сделать его особенным для своей женщины. Чтобы она навсегда забыла о прежней жизни. И желала только одного: остаться с ним.

Нужно ехать к Бражене. Ведьма знает что-то важное. Сначала он думал взять Олесю с собой, чтобы быть уверенным в ее безопасности. Но мало ли что старуха может рассказать. Или просто послать за ней стражу, чтобы привезли хитрую дрянью силой?

Так и не решив, как лучше поступить, Габор спустился в подземные залы. Часть стражников ужинала. При его появлении все тут же встали и поклонились.

— Где Вазул?

— Во дворе, господарь. Сжигает с остальными тело демона. Сходить за ним?

— Не нужно. Я сам схожу.

Может хоть мороз сможет прочистить мозги? Хотя и на это надежды оставалось мало.

Он никогда не думал, что свихнется из-за женщины. Что это будет настолько глубоко и сумасшедше. На Олесе теперь сосредоточилась вся его жизнь.

Выйдя из замка, Габор вдохнул колючий воздух. Легкие разрывались на куски, исколотые иголками мороза. Холод медленно забирался под кожу. Габор вспомнил, как нашел Олесю на балконе, замерзшую, почти окоченевшую. О чем она думала? Стояла такая одинокая и несчастная. И безумно красивая. Когда он пытался ее согреть в зале, едва сдерживал желание. Если бы знал, что это не Маргит, набросился бы на нее прямо там. Отогрел бы. Ей бы понравился такой способ согреться?

Моментально стало жарко. Кровь зашумела в ушах. И хлынула в пах.

Треск костра привел в себя. Один из внутренних дворов замка был предназначен именно для таких целей — избавляться от демонов. В центре уже полыхал огонь, в котором жарился демон. Под руководством Вазила его насадили на вертел, чтобы легче было сжечь. Воины ждали, пока от тела не останется ничего, кроме пепла, который можно будет сложить в специальный ящик. До тех пор никто не мог уйти со своего поста.

Хорошо, что не стали дожидаться утра. От твари лучше избавиться прямо сейчас. Даже свежий воздух не мог перекрыть жуткую вонь паленой шерсти и плоти.

Поскорей бы вернуться к Олесе. Вдохнуть ее аромат. Надышаться им так, что ничего другого уже не

ощущать.

— Господарь! Чем могу служить?

Габор отвел Вазила в сторону и тихо приказал:

— Выставь охрану возле покоев моего брата. Он не должен покинуть их. Ни под каким предлогом. Никого, кроме меня, к нему не пускать. Еду будете забирать у слуг и отдавать ему. О любом происшествии сразу же докладывать мне. На его вопросы не отвечать. Если он возьмется за оружие, разрешаю в ответ применить свое. Все ясно?

— Да, господарь.

— Это сделать немедленно. И вот еще что... Отправь кого-нибудь к слугам. Среди них есть Фиданка. Она прибыла с моей сестрой. Запереть ее в подземелье. Но тихо, чтобы остальные слуги не увидели и не подняли панику.

— Будет исполнено, господарь. — Вазил несколько секунд помолчал. — Есть ли что-то, о чем я должен знать?

Габор быстро прикинул в уме, что следует сказать и как.

— Они в сговоре против рода Баттьяни. И, возможно, они служат демонам.

Всегда невозмутимое лицо Вазила вытянулось. Но он тут же взял себя в руки.

— Я понял, господарь. Все будет исполнено.

— Поторопись. И не подведи меня.

Едва он сказал, как где-то в лесу раздалось завывание, переходящее в рычание. Страшный звук разлетелся далеко по округе. Габор знал, кому принадлежит этот зов.

Что ж... Он готов. Ни брат, ни демон не смогут отобрать то, что он считает своим. И брату он объяснит это прямо сейчас.

Глава 15

Миклош кричал и обливался потом. Уже давно он не чувствовал такого напряжения. Пожалуй, с той ночи, когда брел по темному лесу с телом Маргит на плече.

Он до сих пор не понимал, как чокнутая тварь умудрилась выжить. Без демонов тут точно не обошлось. Вполне возможно, что дура-служаночка права, и Маргит действительно отмечена одним из них.

Но даже если нет, то это лишь дело времени.

Выжила да еще и говорить научилась! Как такое возможно? Ка-а-а-ак?! Дело тут нечисто. И сколько времени пройдет, прежде чем она разболтает братцу все тайны их супружеской жизни?

Ни в какую потерю памяти он не верил. Но почему она тогда молчит? Чего выжидает, хитрая тварь? Опасается, что ей не поверят? Конечно. Ее слово против его. Понимает, что безродной выскочке ничего не светит.

А может, она УЖЕ рассказала все Габору? Почему тогда братец до сих пор не явился по его душу?

Габор всегда умел мастерски тянуть время. Его отправляли брать крепости, которые сопротивлялись десятилетиями. И всего за пару месяцев осады выродец въезжал в город на коне, в сопровождении свиты подхалимов.

Не-е-е-ет... Миклош так просто не собирался сдаваться. Он еще повоюет. Будь он проклят, если не получит эту крепость и состояние семьи в придачу.

Габору придется крепко пожалеть, что встал у него на пути. Что первым появился на свет! Ведь первым должен был родиться он, Миклош!

Высунув язык от усердия, Миклош ползал по полу. Ноги путались в длинных и тяжелых полах халата, пока он чертил позабытые фигуры и символы.

Простой мелок пропитался потом с пальцев и крошился от того, с каким усердием он давил.

Постоянно приходилось стирать ошибки и начинать заново.

Он должен, должен вспомнить! Почему важные вещи всегда оказываются настолько трудными? Габор наверняка не испытывал никаких проблем с памятью.

Миклош от досады скрипнул зубами. О чем бы ни спросил учитель, брат всегда сразу же отвечал. Монотонным скучающим голосом. Как будто вопросы были слишком легкими для него, и он ожидал задачки посложнее.

Миклоша это всегда бесило. Правда, он никогда особо и не пытался запомнить, что говорили учителя. А зачем? Все равно ему господарем не быть. Пусть брат напрягается.

Но кое-что он все же потрудился зазубрить.

Ох, сколько ночей он провел, молясь Небесам, чтобы брат свернул себе шею во время урока верховой езды. Или напоролся на саблю во время урока фехтования. Или разбился, упав с галереи прямо на острые скалы. Да хоть что-нибудь!

Но Габор был каким-то бездушным механизмом. Ни усталости, ни ошибок. Однажды, Миклош стащил на кухне нож и пробрался в спальню к старшему брату. Он хотел разрезать его и заглянуть внутрь — узнать, что скрыто за его кожей. Человеческие органы? Или сложный механизм?

Но эта сволочь и тут оказалась неуязвимой. Когда Миклош крался к кровати, Габор распахнул глаза. Миклошу с трудом удалось спрятать нож. Он что-то наплел про бессонницу и быстро ушел.

Как часто он после жалел, что не довел дело до конца. И жалеет до сих пор.

Ну ничего, совсем скоро все изменится. Жаль, что эта идея не пришла к нему раньше.

Его готовили с Габором наравне. Вдруг со старшим наследником что-то случится? И тогда его место по праву займет Миклош. Отец учил их охотиться на демонов, пытаться их и убивать.

Но выслеживая неделями одного демона, не сильно продвинувшись в науке его убийства. Совсем скоро Миклошу надоело бродить по болотам, выискивая следы присутствия этих вонючих тварей. В крепости было тепло и уютно, много вкусных угощений, жаждущие исполнить любой каприз слуги. А вместо этого отец таскал их по необъятному лесу и учил распознавать, какие клочки шерсти

принадлежат медведю, а какие — демону.

Убивать демонов было намного интереснее. Миклошу нравились их хриплые вопли и брызги крови. Но даже это не стоило бесконечных скитаний по лесам и скалам.

Как оказалось позже, чтобы научиться убивать монстров, необязательно было за ними охотиться. Охота — одна наука. Убийство — другая.

Не научишься убивать демонов, если с трудом находишь одного в месяц. Но у всех охотников был секрет. И однажды Миклош стал обладателем этого секрета.

Существовал особый ритуал. Древняя, забытая всеми магия, пошедшая сквозь века. На заре времен, когда Крампус правил этими землями, магия еще не покинула их мир. Она была первобытной и кровавой.

Люди поклонялись Крампусу, приносили ему жертвы, умоляя о благостях и помощи. Они звали его, записывая призыв древним языком, который людям даровал Крампус. А затем окропляли свои послания кровью, чтобы демон точно знал, кто его зовет.

Спустя века суть этих ритуалов забылась, и демонов призывали лишь за тем, чтобы заманить в ловушку, а затем убить. Правда, некоторые особенно отчаянные смельчаки пытались заключить с ними сделку.

Миклош исправил еще одну закорючку. Древние буквы были для него слишком сложными. Это Габор мог читать манускрипты, исписанные умершим языком. Миклош же видел в них лишь бессмыслицу. Белиберду, которая, тем не менее, сейчас могла ему здорово помочь.

Заполнив треугольники и круги нужными символами, он быстро поднялся на ноги и подошел к камину. Запустил руку в дымоход и пошарил в поисках потайной защелки. Покрытый сажей рычажок нашелся не сразу, и Миклош уже начал было волноваться. Он изо всех сил давил туда, где должен был находиться заветный выступ, до крови содрал кожу на пальцах. Неожиданно механизм пришел в движение, решетка заскрипела и с грохотом ударилась о стену дымохода, повиснув на одной петле.

Миклош не смог сдержать вздох облегчения. Хвала Небесам. Путь для демона открыт. Теперь нужно «оживить» записанное на полу послание. Небольшим ножичком Миклош чиркнул себе по ладони и поморщился от боли. Ну и мерзость!

Порез жутко дергало, но превозмогая боль он заставил себя опустить руку и размазать липкую кровь по белым символам.

Отец говорил, что необходимо покрыть кровью вершины треугольника и центр круга. Миклош быстро елозил ладонью — еще не хватало сразу какую-нибудь в рану загнать.

Ну вот, он все сделал. Как долго ждать демона? Миклош обвязал рану платком и выглянул в окно. Никого...

Может, демон побоится явиться сюда после того, как Габор расправился с его собратом?

Ну где же ты, мохнатая тварь? Где-е-е?..

В дверь тихо постучали. Миклоша снова бросило в пот. Он быстро вернул мягкий ковер на место, скрывая начертанные на полу письмена и кровавые пятна. Сунул раненую руку в карман и плюхнулся в кресло.

— Войдите!

В дверном проеме появилось лицо служанки. Как же она его достала! Ну сколько можно?!

— Господин! — Фиданка упала перед ним на колени. — За мной приходили!

— И кто же? — Миклош нетерпеливо смахнул с коленей ее руки.

— Стражники господаря. Они явились на кухню и спрашивали у Марты, где я.

— И что в этом такого?

Служанка жутко его раздражала. Неужели и вправду считала, что она что-то большее, чем расходный материал? Нужно от нее избавиться. Толку — ноль. Зато хлопот... В постели она не сравнится с Вильгельмом. Даже Маргит, и та, вопила, как резаная. А эта все сдерживается, чего-то мычит в кулак.

— Как что?! Они наверняка нас в чем-то заподозрили!

Миклош поморщился. До чего же у нее неприятное лицо. Сразу видно — безродная крестьянская девка.

— Ну, заподозрили тебя, а не меня. — Он в нетерпении взглянул на камин.

Когда же явится демон? Эта девка только мешает. Нужно придумать, как от нее избавиться без вреда для себя.

Ее лицо изменилось. Стало каким-то высокомерным.

— И вас тоже. Один из стражников велел остальным отправляться к вашим покоям.

Миклоша в который уже раз прошиб пот. Не может быть. Не мог Габор подобного приказать. Миклош ведь так хорошо играет свою роль. Да, с Маргит и историей о ее любовнике вышел прокол, но все еще можно исправить.

А что если мерзавка просто решила его надурить?

Миклош схватил ее за патлы, прикрытые косынкой:

— Врешь, лживая тварь.

Фиданка вцепилась в его ладони. Даже умудрилась оцарапать. Мразь!

— Нет! Нет! Небесами клянусь! И матерью! Не вру! Так все и было.

— И что же они говорили? — Миклош сполз с кресла, опустившись перед ней на колени.

— Говорили... говорили... — Фиданка захлебывалась рыданиями. — Один сказал, чтобы шли выполнять поручение господаря... Чтобы все было, как он приказал... А он с помощником меня будет искать...

Миклош рассвирепел. С такой силой отвесил мерзавке пощечину, что та с криком упала на пол. В его кулаке осталась косынка и окровавленная прядь волос. Девка стукнулась головой и теперь слабо скулила.

Почувствовав прилив возбуждения, Миклош набросился на нее, разрывая поношенную одежду. Фиданка кричала и сопротивлялась, но его это только больше заводило.

После того, как он с ней покончит, будет демонам достойная жертва. Наверняка давно им никто таких подарков не дарил.

Миклош видел перед глазами только ее искаженное ужасом лицо. Самое прекрасное зрелище на свете. Страх... И кровь... И все это по его воле.

Внезапно чьи-то руки вцепились в его плечи. Его отодрали от служанки и с такой силой, швырнули в сторону, что Миклош даже взлетел. Неужто демон?..

От удара о кровать перехватило дыхание, перед глазами потемнело. Когда зрение прояснилось, Миклош даже подумал, что у него галлюцинации. Или может это демон принял образ его брата?

Габор стоял посреди спальни, а у его ног ползала Фиданка, пытаясь поцеловать сапоги.

Миклош поморщился. Вот же сука. Сейчас наплетет ему неизвестно чего. Выставит его насильником, а себя жертвой.

— Господарь... господарь... — Служанка тянулась поцеловать Габору ноги.

Миклоша скрутило от ненавистной картины. С ним она не была такой покладистой.

Отерев со рта кровь от прикушенной губы, Миклош рассмеялся:

— Чем обязан столь позднему визиту, брат? Какое удовольствие разгуливать по этому унылому замку вместо того, чтобы нежиться с красоткой, которая греет твою постель?

Миклош боялся даже моргнуть. Смотрел брату прямо в глаза, хоть это и было нелегко. Но лучше ощущение скрученных в узел кишок от взгляда братца, чем раскрытие его замысла.

Из-за возни со служанкой ковер сбился складками, но все еще скрывал древнюю магическую формулу.

С трудом Миклош поднялся на ноги, но Габор тут же приказал:

— Сядь!

Голос брата звучал так тихо и холодно, что Миклош не смог послушаться. Он знал: когда Габор говорит настолько спокойно и отстраненно, значит, беде. Он максимально сосредоточен на своем деле, как зверь, почуявший добычу. Не упустит своего.

Миклош плюхнулся в кресло и уставился на Габора. Брат медленно подошел и навис сверху скалой, оперевшись руками в подлокотники.

— Я хочу знать во всех подробностях, как ты пытался убить Маргит. Куда отнес ее, пока она была без сознания.

Миклош похолодел от страха. Холодный пот градом скатывался с тела. Он знает. Габор все знает! Но как?! Маргит была мертва. Он убил ее — ошибки быть не могло. Убил чокнутую стерву, вывернув ей голову так, что лицо оказалось на спине.

Она не могла быть без сознания. Не могла!

Сохраняя последние остатки самообладания, Миклош покачал головой.

— Что на тебя нашло, брат? Я любил свою жену. Хотя она и оказалась предательницей.

Габор резко отстранился, окинув Миклоша презрительным взглядом:

— Мои люди уже едут за... Вильгельмом. Проверим, насколько ваши чувства сильны. И кого ты любил больше, жену или любовника.

Нет! Нет, не может быть! Как же так?! У Миклоша поплыло перед глазами. Он соскочил с кресла и бросился на Габора.

— Ты не посмеешь! Только попробуй его тронуть!

Габор легко оттолкнул Миклоша от себя. Он снова упал на пол, больно ударившись о кресло. Габор иронично выгнул бровь.

— И что же ты со мной сделаешь? Мир населяют не только слабые запуганные женщины... брат.

Он с таким чувством выплюнул это слово, что Миклошу стало ясно: Габор его не пощадит. Ему точно так же наплевать на братские узы, как самому Миклошу было плевать на Маргит.

Успокаивало лишь то, что Вильгельм ничего не знал. Он не скажет Габору ни слова. Нет, Миклош не сомневался в верности любовника — он бы его не предал. Но Габор вполне мог подвергнуть Вильгельма нечеловеческим пыткам.

Габор приближен к королевской семье и может безнаказанно творить все, что ему вздумается.

Миклош решил до последнего стоять на своем. Ради себя. Ради Вильгельма. Ради их совместного будущего.

— Ты не там ищешь, Габор. Маргит мне изменяла... Пользовалась деньгами нашей семьи... Положением... А сама крутила шашни... С грязными крестьянами...

— У меня нет времени на выслушивание твоих жалких оправданий. Ты до сих пор жив лишь потому, что носишь ту же фамилию, что и я.

Миклош сжал зубы. Ну почему он не может взять и убить этого выродка?! Почему Небеса не наделили его силой и ловкостью? Почему все это досталось высокомерной мрази — его братцу?!

— Господарь... Господарь, умоляю... пощадите... — Служанка распласталась у ног Габора.

Габор взглянул на нее, как на мерзкое надоедливое насекомое.

— Значит, это ты хотела стать госпожой Баттьяни?

Миклош выпучил глаза. Откуда он все это знает? Откуда?! Как ему удастся всех держать в кулаке?

— Нет... Нет, что вы, господин? У меня и в мыслях не было... Я не достойна...

— Вот именно. Вставайте оба. Сегодня вы ночуете в темнице.

Глава 16

Олеся сидела на каменном полу и рассматривала содержимое корзинки.

Огромная ванна, больше напоминающая бассейн, почти наполнилась. От горячей воды поднимался пар. Дымка, освещенная свечами, которые Олеся принесла, мерцала и дрожала.

Олеся задумчиво следила за бурными потоками воды, рвущимися из бронзовых разъявленных пастей. Краны были выполнены в виде длинных шей с драконьими головами. Красиво, но немного страшно. В глазницах фантастических существ сияли камни, наверное, драгоценные. Из-за пара они как-то странно блестели, и Олеся казалось, что драконы за ней следят.

Она уже была на грани. Признание Габору далось намного тяжелее, чем она думала. А его реакция ее обескуражила.

Олеся столько времени готовила себя к тому, что он не поверит, что сочтет ее сумасшедшей, обманщицей или заключившей сделку с демоном, что... Что теперь даже не знала, как быть.

Он поверил ей. Поверил и встал на ее сторону. Но не захотел открыть свой секрет. И Олеся было больно осознать, что он ей настолько сильно не доверял. Что она значила для него? Значила ли хоть что-то?

Олеся вытащила свечи, купленные у старушки, зажгла и поставила на бортик бассейна. В воздухе разлился дурманивший сладковато-горький аромат полевых трав и цветов.

Нужно что-то делать. Габор скрывал нечто важное. Олеся чувствовала, что все это как-то связано с ней. Глупая интуиция, до сих пор спавшая, теперь проснулась и вопила об этом. Во фресках было что-то странное. Не просто так они выглядели свежими, как будто вчера нарисованными.

Габор наверняка знал, в чем дело. Но скорее всего не воспринимал ее кем-то важным и достойным, чтобы доверить свои тайны. Но ведь это касалось не только его!

Олеся не могла отделаться от ощущения, что ей суждено было попасть в этот мир. Ее здесь ждали. Не случайно на фресках была изображена черноволосая женщина.

Ее положение до сих пор шатко и ненадежно. Даже если Габор поверил в ее историю — это еще ни о чем не говорит. Кто она в этом замке? Для него — странная девушка, пришедшая из другого мира. Для всех остальных — сумасшедшая жена Миклоша, одержимая демоном.

Ей нужно что-то предпринять. Самое время проверить, не обманула ли продавщица необычных зелий.

Олеся вытащила бутылку и два пузырька. Принятие верных решений — наверное главное, что ей сейчас нужно. Осторожно откупорив крышку, она плеснула в горячую воду пару капель. Взгляд упал на флакон с отваром, обещающим снять усталость. Ничего ведь страшного не случится, если она добавит и его? В воду полетело еще несколько капель.

На самом дне, аккуратно завернутый, оставался еще один пузырек. С маслом, которое должно было подсказать, что испытывает мужчина. Да и Габор, кажется, собирался принять ванну вместе с ней.

Олеся вытащила последний пузырек. Жидкость в нем необычно мерцала, как будто внутри плавали невидимые блестки. А еще масло меняло цвет. Становилось то розовым, то золотистым, то сиреневым.

Олеся осторожно открутила крышечку с маленькой пипеткой. По всей ванной тут же разлетелся необычный аромат. Пахло сразу и ванилью, и немного шоколадом. И даже дождливым лесом. Странно, но именно такие духи она и любила. В которых ощущались именно эти нотки.

Олеся капнула в воду одну маслянистую капельку. Немного подумала и капнула еще одну.

Не случится ведь ничего страшного?

Перекрывая шум воды, в спальне хлопнула дверь. Олеся быстро закрутила крышку и положила пузырек в корзину к остальным.

Обернувшись на звук шагов, Олеся увидела, как Габор входит в ванную. Он был очень красив. И совершенно на своем месте.

Господарь странного и пугающего мира. Чем-то он походил на султана, утомленного политикой и войнами. В конце дня он приходит к своим наложницам, принимающим ванну. Может, ему хочется просто расслабиться. А может, наоборот, он нуждается в грубых ласках, чтобы выпустить пар. Он

обводит сосредоточенным взглядом все помещение, выбирая рабыню, которая будет ублажать его всю ночь.

Но видит только Олеся.

На душе почему-то стало нестерпимо грустно. Она ревновала его даже к вымышленным женщинам, которые существовали лишь в ее воображении.

Когда она успела так погрязнуть в нем? Как умудрилась стать настолько зависимой от мужчины? Не защитила себя и свое глупое сердце.

На лице Габора отразилось удовлетворение. Как будто именно та наложница, которую он искал, оказалась на месте.

Что за идиотские мысли лезут в голову? Может, это все из-за масел, которыми она так опрометчиво воспользовалась? Неужели пара капель могла оказать настолько губительное влияние на ее сознание?

Габор хитро улыбнулся и, на ходу расстегивая сюртук, двинулся в ее сторону.

— Я думал, ты опять куда-то сбежала.

Олеся не нашла в себе сил встать на ноги. Она чувствовала странную слабость, блуждающую по всему телу.

Неожиданно охрипшим голосом она спросила:

— Здесь есть еще тайные ходы?

Она отдавала себе отчет в том, насколько призывно и соблазнительно это звучало.

Габор стянул сюртук с плеч, небрежно бросил на пол и потянулся к ее плащу.

— Да. Их здесь много. Раньше крепость выглядела совсем иначе.

Олеся позволила ему спустить с ее плеч плащ и оставить ее абсолютно обнаженной.

— Ты такая красивая.

Он погладил ее щеку, лаская взглядом плечи, грудь и живот. От его внимания соски набухли и начали ныть. Габор заметил это и порочно улыбнулся. Взгляд устремился вниз.

Должно быть, в нее и впрямь вселился демон. А может она просто решила побыть развратной, смелой и на все готовой девицей, которым втайне завидовала в своем мире.

Олеся села поудобнее, поджимая под себя ноги и немного разводя бедра в стороны, позволяя ему рассмотреть часть небольшого треугольничка волос.

Габор вздохнул так громко, что было слышно даже сквозь шум воды.

— О чем ты думала, когда я вошел? — Его голос звучал хрипло, одновременно угрожающе и искушающе.

Олеся потянулась руками к завязкам его брюк.

— Почему ты спрашиваешь?

— У тебя было странное выражение лица.

— Странное? — Олеся, не спеша, распутывала узелок на шнуровке.

— Да... Как будто ты ненавидишь меня, но рада, что я пришел.

— Я думала о том, — Олеся наконец справилась с узлом и начала медленно приспускать брюки Габора, — что ты похож на султана.

— Кто такой султан?

Он сбросил рубашку, и Олеся снова залюбовалась сильным тренированным телом. Ей нравилось, что он скорее стройный, чем накачанный. С красиво выделяющимися мышцами. Широкие плечи, узкая талия и бедра, рельефный живот — в нем все было создано для сражений. На поле боя и в постели.

Олеся встала на колени и поцеловала чуть шершавую кожу под пупком. В месте ее поцелуя начиналась дорожка волосков, убегающая под пояс брюк, которые она так и не сняла с него.

Олесе с удовольствием наблюдала, как напрягся его живот, когда она слегка прикусила кожу чуть ниже.

— Это такие правители в моем мире. Ты напомнил мне султана, пришедшего в свой гарем.

Габор задышал чаще, когда Олеся лизнула покрасневший след от своих зубов. Ее прикосновения не оставляли его равнодушным, и это ужасно ее возбуждало. Настолько сильно, что внизу уже все стало влажным. Плоть набухла и жаждала нового вторжения. Ей хотелось быть наполненной им до предела. До краев.

Она взглянула на Габора. Его взгляд затуманился, а грудь поднималась и опускалась от тяжелого дыхания.

Он накрыл обеими ладонями ее затылок, зачесывая назад волосы, убирая их с лица. Олеся понимала, чего он ждет. И собиралась дать ему это. Причем так, чтобы он запомнил на всю жизнь.

Глядя ей в глаза, еще более хриплым голосом, Габор спросил:

— Что такое гарем?

— Это место, где жили его наложницы. Много-много красивых женщин. Некоторые были пленницами, завоеванными в походах, многих специально для этого воспитывали.

Олеся потянула вниз штаны, обнажая уже налившийся кровью член. В Гареме все было совершенным, даже плоть, покачивающаяся в стороны после избавления от плена ткани.

Олеся чувствовала себя сумасшедшей. Помешанной.

Габор хотел ее. И видеть у своего лица свидетельство его желания было как награда за ее одиночество и предательство мужа.

В Олесе просыпалась нимфоманка. И фетишистка, которая сходила с ума от вида твердого длинного члена.

— На ночь султан выбирал себе одну из наложниц гарема. — Олеся потерлась щекой о бархатистость горячей кожи. — Она должна была его ублажать всеми доступными способами. — Задела губами потемневшую от напряжения головку и заглянула Габору в глаза. — Каждая старалась сделать нечто такое, чтобы запомниться султану, чтобы заполучить его расположение. Ведь фаворитка правителя занимала особое положение в гареме.

Габор смотрел ей в глаза тяжелым темным взглядом. Желваки ходили на щеках, а кадык дергался, когда он сглатывал.

Его низкий тягучий голос заставил соски сжаться и отвердеть еще больше:

— И ни одна из них его не любила?.. Они просто хотели занимать важное положение?

Сердце забилося быстрее. Неужели он хочет, чтобы она его любила? Но ведь они знакомы всего пару дней. И тем не менее, он уже столько для нее сделал.

Что-то подсказывало Олесе, что еще ни для одной женщины он не делал того, что совершил ради нее.

Олеся не хотела обманывать себя пустой надеждой. Но так хотела, чтобы за его поступками крылось глубокое чувство.

— Они считали его своим господином, а служение ему — честью. Но некоторые из них действительно любили своего повелителя. Ты бы хотел иметь такой гарем? Со множеством прекрасных наложниц, готовых ублажать тебя каждую ночь?

Олеся замерла напротив его бедер. Положила ладони на крепкие гладкие ягодички и слегка сжала.

Габор застонал, прикрыв глаза. Но тут же широко их распахнул и хрипло ответил:

— Будь у меня гарем, там жила бы одна наложница. Ты бы... хотела быть единственной?

Олеся улыбнулась. Спустила брюки Габора до колен и накрыла пальцем щель на головке, из которой вступило несколько густых капелек.

— Они все хотели быть единственными.

Мужские ладони сильнее сжались на ее затылке, натягивая волосы до легкой, но приятной боли.

— Ты сказала, они должны были ублажать его? — Габор толкнулся бедрами к ее рукам, но Олеся лишь не спеша размазывала смазку по его головке.

— Да...

Она специально приблизила губы к вздыбленному члену и выдохнула слово прямо на блестящее от влаги навершие.

Габор снова застонал. Намотал на пальцы ее волосы и потянул вперед.

— Еще ты сказала, что... каждая хотела сделать что-то такое, чтобы запомниться ему...

Олеся заглянула Габору в глаза и, лукаво улыбнувшись, кивнула. Она видела, что несколько ее простых прикосновений довели его до грани. Золотистая кожа блестела от пота. Грудная клетка тяжело поднималась и опадала, а мышцы живота сокращались.

Член подрагивал у ее губ, и она сама уже сходила с ума от желания, доставить ему удовольствие ртом. В ней проснулась ужасная жажда, утолить которую могло только его семя.

Олеся никогда и подумать не могла, что обезумеет от желания ощутить между губ горячий мужской член. Но с Габором ей хотелось именно этого. Лизать и сосать его, пока оба не утратят последние крупницы контроля.

— Что бы сделала ты? — Он шумно дышал, слегка покраснев.

Язык заплетался, как будто он был немного пьян:

— Будь у тебя лишь одна ночь, чтобы стать моей фавориткой, на что бы ты осмелилась?

Олеся собрала немного слюны и коснулась языком твердого ствола, смачивая его у самого основания.

Габор снова хрипло застонал.

Ее собственное тело ответило на этот звук горячей лавиной. Между бедер становилось все более влажно. Нежные складочки набухали практически до боли.

Олеся лизнула палец, не отводя взгляда от лица Габора. От нее не укрылось, как напряженно он сглотнул, когда она смачивала кожу слюной.

Проведя сверху-вниз и обратно по чувствительному шовчику на отяжелевшей набухшей мошонке, она хрипло ответила:

— Я бы исполнила все фантазии своего господина. Ему нужно лишь приказывать мне... Говорить, чего и как он хочет... А я... буду ему служить.

Габор с такой силой сжал челюсти, что желваки на щеках заходили.

На несколько секунд он выпустил ее волосы и взял за руки. Положил одну ее ладонь на член, а второй заставил обхватить мошонку.

Его голос стал совсем неузнаваем:

— Большинство моих фантазий приведут тебя в ужас.

Олеся тихонько рассмеялась, совсем осмелев. Она послушно сжала отяжелевший мешочек плоти и оттянула вниз. Габор выдохнул громкий стон.

Он снова зарылся пальцами в ее волосы и начал тянуть, заставляя приблизиться к члену вплотную.

Кажется, он увеличивался прямо на глазах, становясь еще больше. Слегка подрагивал, возвышаясь из поросли густых черных волос.

Олеся скользнула языком по выделяющейся вене. Массирующими движениями она ласкала мошонку, обхватив ее ладонью.

Сумасшедшая реакция Габора завораживала. Он толкался в ее руку. Хрипло стонал, совершенно не сдерживаясь. Даже иногда порывался.

Олеся выпустила ниточку слюны, стараясь обильно смочить ствол. Размазывая ее пальцами и смешивая с сочащейся из головки смазкой, она наслаждалась бархатистостью и нежностью кожи. Она слегка сдвигала ее вверх и вниз, ощущая под ладонями каменно-твердую плоть.

А еще он был обжигающе горячим. Настолько, что вся она плавилась, превращаясь в жидкий металл. Таяла, как снег. Между ног становилось все более влажно. Олеся уже казалось, что она непрерывно течет, и скоро влага заструится по бедрам.

Желая быть единственной женщиной, которая способна исполнить его тайные фантазии, Олеся приблизилась к головке. Нежно поцеловала щель.

Задевая плоть губами, тихо спросила:

— Откуда ты знаешь? Может, я хочу именно таких фантазий?

Габор зарычал, с силой натягивая ее волосы:

— Ты выполняешь одну из них.

— Так тебе нравится? — Олеся заскользила ладонью по члену, останавливаясь на головке, немного ее сжимая, и устремляясь вниз, к основанию.

— Да-а-а... Возьми его в рот. Хочу поиметь тебя в горло.

От грубых слов ее обожгло жаром. Похоже, Габор перестал себя контролировать. Он толкался в ее руку рваным ритмом, все резче и жестче.

Между ног было так мокро, что Олеся на несколько секунд стало стыдно из-за своего неудержимого желания. Практически ничего не делая, Габор умудрялся доводить ее до дикого неумного возбуждения. Промежность была скользкой от обильной влаги и пылающей — готовой для его вторжения.

Но сначала...

Олеся крепче сжала основание широкого длинного ствола и сомкнула губы на набухшей темно-вишневой головке. Габор низко рыкнул, резко толкаясь в ее рот.

Какой же он вкусный и горячий... Невероятный. Совершенный. Пряный. Все быстрее двигая рукой вверх и вниз, Олеся направила жесткий член глубже в рот. Мягко надавила языком на щель и тут же пососала, сдавливая губами набухшую головку.

Ответный стон Габора стал подсказкой, что она все делает правильно.

Поиграв языком с чувствительной уздечкой, она начала жадно сосать, втягивая щеки и с громким влажным звуком, выпуская изо рта.

Габор стонал все громче. Он настойчиво тянул ее за волосы, все резче и отчаяннее двигая бедрами.

— Не выпускай его изо рта. Хочу быть в твоём горле.

Олеся покорно снова обхватила губами головку, сжимая так крепко, как могла. Позволила Габору толкнуться дальше. Он был слишком крупным для ее рта, но она изо всех сил старалась доставить ему удовольствие и сделать так, как он хочет.

Расслабившись и вдыхая невероятный запах их влажных тел, Олеся продолжала ласкать мошонку. Несильно сжимала пальцами кожу и немного оттягивала, гладила местечко у самого корня члена. Другой ладонью сжимала ствол и неторопливо скользила о нему, направляя в рот.

Габор толкнулся глубже, ударяясь головкой в небо. Тут же зашипел, как будто обжегшись, дернулся, отстранился и вошел снова. На этот раз резче и сильнее.

Одна его ладонь давила на Олесин затылок. Другой он обхватил сзади ее шею, дергая на себя.

— Заглоти глубже... Ну же, постарайся... Дай мне почувствовать твоё горло.

Олеся заставила себя еще немного расслабиться. Шире открыла рот, вдыхая его невероятный запах. Корица и шоколад. Неужели, человек может так великолепно пахнуть?

Одурманенная ароматом его тела, она почувствовала, как Габор толкается в горло, задевая головкой заднюю стенку. Она думала, будет неприятно и больно. Но было неопишимо.

Габор был в ее власти. Зависел от ее движений и ласк. Олеся не забывала ласкать ствол и мошонку.

Сжимая вокруг них влажные ладони, сделала глотательное движение. От этого Габор окончательно сорвался с цепей.

Издавал рычащие стоны, шумно дыша и вбиваясь в ее рот. Почти насильно удерживал голову, не давая отстраниться и сделать глоток воздуха. Олеся начинала задыхаться, еще сильнее сжимая горло.

В какой-то момент Габор задрожал. Порывисто дернулся, сотрясаясь как от озноба. В горло Олесе ударила сильная струя. Мощные потоки заполняли рот. Она не успевала глотать вязкую густую жидкость, тоже напоминающую по вкусу корицу и шоколад. Но с неповторимым вкусом самого Габора.

Ее тоже начала бить дрожь, когда она поняла, что не справляется с его возбуждением. Габор кончал с громкими болезненными стонами и грубыми движениями. Она не успевала глотать его семя. Капельки потекли по губам и подбородку, а он все бился в ее рот, как одержимый.

Олеся и сама начала сходить с ума. От его вкуса, запаха, от ощущения бархатистой плоти. Его движения начали замедляться. Но она хотела еще! Еще его вкуса и запаха. Еще бешеных движений.

Она жадно высасывала из головки последние остатки семени, пока плоть не обмякла. Олеся собрала языком последние следы спермы, пока член не заблестел лишь от ее слюны.

Выпустив его из губ, Олеся отстранилась, чувствуя, как пульсируют соски. Им требовалась ласка. Сильное сжатие. Ощущение мужских пальцев. Пальцев Габора. Ей нужно, чтобы он сжимал их тисками и оттягивал...

Откуда эти желания? Наверное, от его вкуса на ее губах.

Олеся подняла глаза на Габора. Его затуманенный взгляд был сосредоточен на ней, пугающе пристальный и тяжелый. Сумасшедший.

Олеся видела, что Габор с трудом дышит. По груди и животу стекал пот. Даже волосы были влажными. С потемневших прядей падали капли испарины.

Пошатываясь, Габор отступил от Олеси и прижался к стене. Он выглядел обессиленным и уставшим. Седые пряди таинственно мерцали в волосах. Олеся жадно любовалась им, таким красивым, сильным, уверенным в себе.

Ее желание увеличивалось с каждой секундой.

Взгляд Габора пьяно мерцал, тяжелый и лихорадочный. Олеся, не спеша, провела языком по губам, слизывая последние капли его вкуса.

От его голоса кожа покрылась мурашками.

— Ты научилась этому с мужем?

Неужели он ревнует ее? Вниз устремился еще один поток влаги. Мышцы влагалища сократились. Промежность пылала жаром.

Олеся покачала головой, по-прежнему сидя на полу, в той же позе.

— У нас не было ничего такого.

— Тогда откуда ты это умеешь?

— Я и не умею...

— Что же будет, когда ты... «научишься»? — Габор ухмыльнулся.

Олеся совсем потеряла голову. Осмелела и решила быть развратной и порочной настолько, насколько хватало воображения.

Ей казалось, что именно это и нужно было Габору. То, что она долго и тщательно скрывала даже от самой себя.

— Когда я научусь, то смогу заглатывать твой член так глубоко, что ты будешь проникать в самое горло.

Он резко дернулся к ней. Схватил за плечи и поднял с пола, поставив на ноги.

— Ты моя. Слышишь? Даже не думай о том, чтобы вернуться в свой мир. Или быть с кем-то другим.

У тебя буду только я. Ты моя. Я — твой господарь. Повтори это!

Габор встряхнул Олеся, как тряпичную куклу. Она коснулась рукой его впалой шершавой щеки. От пота щетина была не такой колючей и мягко щекотала кожу.

— Ты мо-о-ой...

Олеся выдохнула признание, намеренно искажая смысл. И он это понял. Улыбнулся опасной улыбкой. Глаза загадочно сверкнули.

Какой же он...

— Да. Мы принадлежим друг другу. Навеки. В тот момент, когда ты очнулась в моем мире, — Габор откинул за спину ее волосы, — ты стала моей.

Олеся прижималась к нему изо всех сил. Плавилась, как теплый воск в слишком горячих руках. Странное чувство, что сейчас расцветало в груди, немного пугало. Может, это действие масел, которые она так неосмотрительно добавила в воду?

Как будто приняла наркотик, от которого размягчается мозг и возникают странные желания.

Наверное стоило подумать о женской гордости. Но Олеся понимала, что давно уже забыла про нее. Примерно с тех пор, как пришла в себя в чужом незнакомом мире.

Слабым голосом, не умея скрыть грусть, она спросила:

— И как долго мы будем принадлежать друг другу?

Что с ней станет, когда не захочет другую? Она здесь совершенно одна. И поддержки у нее еще меньше, чем было у Маргит.

Но ответ Габора был совершенно не тем, что она готовилась услышать:

— Здесь не существует... разводов. Поэтому принадлежать друг другу мы будем очень долго.

Неужели он намекает на..? Додумать Олеся не успела. Габор подхватил ее под попку, поднимая вверх по своему телу. Она с готовностью обвила его талию ногами, прижимаясь возбужденными складочками к горячей коже его живота.

Он понес ее к бассейну, заполнившемуся почти до краев. У красивых бортов, выложенных цветной мозаикой, Габор поставил ее на ноги и быстро закрутил краны.

Когда он обернулся к ней, глаза снова полыхали возбуждением. Он жадно осматривал ее тело. И этот горячий взгляд был таким ощутимым, что Олесе казалось будто он трогает ее руками.

Габор пожирал глазами ее грудь, которая снова налилась. Тугие соски призывно торчали, умоляя о жестких ласках. В самом низу живота скапливалось почти непереносимое напряжение.

Она была готова наброситься на Габора. И все же хотела, чтобы инициатива исходила от него. Ей нужно было, чтобы он нуждался в ней, просил о ласках и хотел...

— Ты говорила, что исполнишь все мои желания.

Олеся удивилась, все еще не до конца понимая, в какую игру он играет:

— Да... Если бы хотела стать фавориткой и женой султана...

Габор обжег ее взглядом. Олесе показалось, что ее бросили в бурлящий лавой вулкан.

В голосе Габора сплелись одновременно угроза и сладкое обещание:

— Нет. Не султана, а моей.

Он взял ее за руку и повел за собой, спускаясь по ступеням в бассейн.

— О чем ты думала, когда я кончил?

Олеся сразу поняла, что он имеет ввиду и честно призналась:

— Хотела, чтобы ты ласкал мою грудь. — Осмелев, моментально севшим голосом добавила: — И соски. Я представляла, как ты их сжимаешь и... оттягиваешь... Мне хочется все время ощущать твои ладони.

Он вдруг улыбнулся. Той самой порочной улыбкой, которая обещала нечто особенное и совершенно запредельное.

— Все время?

Олеся кивнула. Горячая вода коснулась тела, омывая нежной волной. Ароматный пар заполнил сначала ноздри, а потом и легкие.

Олеся испугалась: а вдруг, масла, которые она капнула в воду, заставляют их с Габором хотеть друг друга? Вдруг их желание ненастоящее? Но ведь она и до этого безумно жаждала его. Да и отварами воспользовалась лишь для того, чтобы получить доказательства его взаимности.

Ну и дурочка... Сама все запутала. Может, признаться ему?

Габор потянул ее к себе. Он стоял по пояс в воде, действительно напоминая развратного султана. Ей вода доставала до груди. Мягко гладила и без того возбужденные соски, превращая их в маленькие очаги пульсирующей боли.

Габор подтолкнул ее к изогнутому бортику и легко подсадил на широкие выступ, слегка прикрытый водой. Надавил на плечо, заставляя ее откинуться назад, почти лечь на согретые горячей водой и паром плиты. Его ладони ласково прошли по ее коленям, погладили икры. Неожиданно сильно Габор развел ее ноги в стороны, сгибая в коленях и ставя на ступеньку.

Олеся задрожала от такой открытости и бесстыдности позы.

Еще большую дрожь вызвал его одержимый взгляд и низкий голос. Он смотрел на ее промежность, как оголодавший сумасшедший.

— Ты такая красивая... здесь...

Его пальцы ласково коснулись малых губок, погладили каждую, раскрыли.

Олеся не смогла сдержать стон. Ей было и стыдно, и нестерпимо хотелось продолжения. Пальцы Габора скользнули ниже, замирая у входа в ее тело. Олеся не вытерпела. Сжала мышцы, жаждающая ощутить внутри хотя бы его пальцы.

Габор улыбнулся, размазывая ее влагу по большим и малым губам, проводя пальцами еще ниже.

Олеся несколько раз нетерпеливо подняла бедра. Но Габор проигнорировал ее призыв.

Коварная улыбка изогнула губы:

— Лежи смирно.

Олеся откинула голову назад, не в силах наблюдать за его порочными ласками и тяжелым взглядом, направленным на ее промежность.

— Разве не я должна исполнять сегодня все твои желания?

— Мое желание, чтобы ты позволила мне сейчас делать все, что я захочу.

Олеся удивленно взглянула на Габора. Его пальцы опустились еще ниже и коснулись плотно сжатого колечка ануса. Она сразу же напряглась и попыталась свести ноги. Но Габор покачал головой и шагнул еще ближе.

— Твой муж брал тебя сюда?

Она, молча, покачала головой. Внезапно пришло понимание. Наверное, это и есть действие отваров. Они оба осмелели настолько, что готовы воплотить в реальность самые дикие и запретные желания друг друга. А заодно и выпустили наружу потаенные страхи.

Габор ревнует ее. К прежней жизни. К тому миру. К бывшему мужу.

— Расслабься.

Он медленно ввел два пальца в ее тесное влагалище, не останавливаясь ни на секунду, пока не проник на всю длину. Олеся даже не пыталась подавить стон. Она не успела привыкнуть к растяжению. Мышцы неконтролируемо сокращались и дрожали, стискивая его еще сильнее.

Ее захлестнули нереальные ощущения. Внутри все пылало. Казалось, что она просто сойдет с ума от миллиона ощущений, которые ее терзали. Сгорит от его ласк.

Чуть согнув пальцы, Габор вышел из ее тела, собирая с чувствительных стенок смазку.

Медленными движениями он спустился ниже и начал гладить плотно стянутое колечко ануса, тщательно размазывая ее собственную влагу.

Олеся дернулась, но он покачал головой и напомнил:

— Все, что я захочу.

Олеся все же еще раз попыталась его остановить:

— Я ни разу...

Он не дал ей договорить, улыбнувшись греховной улыбкой:

— Знаю. Поэтому, сегодня здесь будут только пальцы.

От этого обещания живот задрожал, а на коже выступила испарина.

Олеся закусила губу, когда почувствовала, как его палец осторожно проникает в попку. Кажется у нее началась лихорадка от запредельных необычных ощущений.

Габор навис сверху, вглядываясь в ее лицо:

— Не сопротивляйся мне.

Он проник еще глубже, неумолимо растягивая тугое колечко. Олеся почувствовала, что задыхается. Влаги стало еще больше.

Невероятно, но она возбуждалась сильнее и сильнее с каждой секундой его проникновения.

Габор начал двигать пальцем: осторожно вышел, позволив тесному отверстию закрыться, и вошел снова. Олеся громко застонала, слушая как голос эхом отражается от стен. Ее стоны превратились в бесконечную череду.

Неожиданно она почувствовала, как он вставляет пальцы во влагалище.

Даже дыхание перехватило от ощущения наполненности. Олеся посмотрела вниз, туда, где Габор терзал запретными ласками ее тело.

Влагалище снова заполнили два пальца. Он начал в уверенном жестком темпе двигать рукой. Другая ладонь терзала попку. Он снова ввел в горящий огнем анус палец и начал двигать ладонью, наращивая темп.

Олесе казалось, что в нее вонзились тысячи его сабель. Ее пронизывало острыми клинками. На каждое движение тело отвечало рваными судорогами и новым потоком влаги, которая текла по пальцам Габора.

Олесю начало трясти, когда она ощутила, как его пальцы внутри гладят тоненькую перегородочку.

— Чувствуешь?

Голос Габора звучал дьявольским искушением. Олеся вскрикнула, срывая голос. Габор повторил ласку и спросил еще требовательнее:

— Чувствуешь меня?

У Олеси не было сил даже ответить. Она несколько раз кивнула, сотрясаясь от напряжения.

Неожиданно обе его руки замерли. Пальцы во влагалище остались неподвижными, а вот тот, который он вводил в попку пришел в движение.

Олеся закричала, когда он резко дернул ладонью, выходя из ее тела и надавливая на живот.

Он начал быстро и грубо двигать рукой, растягивая ее анус. От дикого трения перед глазами все плыло, а из горла рвались неконтролируемые всхлипы.

Напряжение нарастало, превращаясь в пожирающий плоть огонь. Олеся металась на каменном выступе с такой силой, что даже Габору было сложно ее удержать.

Он безжалостно мучил ее попку, натирая ставшим чувствительным до боли колечко ануса.

Внутренние мышцы начали неконтролируемо сокращаться, и Олеся ощутила давление, которого никогда прежде не чувствовала.

Габор отпустил ее живот.

— Умница... Вот так...

Он надавил на набухший клитор. Начал тереть в одном ритме с движением пальца в попке.

Внутри все обожгло. Мышцы сжимались с такой силой, что она уже не могла этого контролировать.

Горячая волна опалила все внутри. Наружу вырвалось несколько прозрачных брызг.

Пораженная собственной реакцией, Олеся даже не успела смутиться.

Габор наклонился и все еще вбивая палец в анус, быстро приказал:

— Дай мне еще...

Спазмы не прекращались. Повинуясь его приказу, мышцы дрожали и сжимались, а попка горела огнем.

— Ну же, постарайся... Моя умница...

Олеся сорвала голос на крике. Внутренние мышцы пронзило расплавленным металлом.

Выстрелил обильный поток брызг и влаги. Боже... Габор наклонился и поймал ртом сверкающий фонтанчик ее соков.

Его губы и подбородок блестели, пока он жадно хватал ртом последние брызги.

Едва дыша, Олеся откинулась назад. По телу пробежали мелкие судороги, которые никак не желали прекращаться. Габор нагнулся и одержимо лизнул горячие складки плоти.

Он убрал палец, оставив в попке горящую пустоту. Раскаленное от трения колечко ануса пульсировало. От ощущения на нижних губках его языка, Олеся продолжало трясти.

Габор шумно вылизывал ее, сдавливая губами и посасывая. А Олеся казалось, что она больше никогда не сможет пошевелиться.

Она и не подозревала, что способна на такое, но он пробудил в ней ненасытное до откровенных ласк существо.

Он втянул в рот малые губки, вырывая из нее очередной стон.

Олеся взмолилась:

— Я больше не могу... Остановись...

Он медленно поднял голову и пригвоздил ее взглядом:

— Мы ведь делаем все, что хочу я. А я хочу из тебя пить...

Олеся снова тряхнуло от его слов. Все тело превратилось в оголенные нервы. Электрический провод, который окунули в воду.

Габор проник языком внутрь, вызвав новую волну ощущения и судорог. Олеся больше не могла. Ей было слишком хорошо. Разрядка оказалась невыносимо мощной, оставив от ее тела лишь руины.

Габор алчно вылизывал ее изнутри, и Олеся неконтролируемо насадилась на его язык. От этого по телу прокатилась еще одна волна наслаждения, от которой потемнело перед глазами.

Она из последних сил вцепилась в волосы Габора и оттянула его голову от себя.

— Умоляю, перестань... Пожалуйста...

Голос звучал хрипло, невнятно. Стал совсем чужим.

Габор все-таки послушался. Он встал между ее ног и притянул безвольное тело Олеси к себе.

Его губы порочно блестели. На лице появился румянец. Влажная кожа переливалась золотом.

— Обещай, что не будешь искать способ вернуться.

Сейчас Олеся могла пообещать ему все, что угодно. Она с трудом соображала и могла только любоваться им.

Но мозг все-таки немного очнулся и скинул с себя дымку наслаждения.

— Каждый день здесь может стать для меня последним.

— Тебя никто не тронет. — Он убрал с ее лица волосы и провел пальцем по припухшим губам.

— Твой брат попытается от меня избавиться. Даже если ему не удастся — это сделают люди. Фиданка наверняка успела распустить слухи. А меня и без них подозревают в сговоре с демонами.

Габор покачал головой.

— Я уничтожу всех, кто тебе угрожает.

Олеся не ожидала от него этих слов. В груди разлился жар. Но совсем уже не возбуждения. Это чувство было в душе. Что-то отчаянно глубокое и важное, чего ей всегда не хватало в жизни. То, в чем нуждается каждая женщина.

Любовь... Сильный мужчина рядом. Защитник.

Олеся погладила его колючий от щетины подбородок.

— Для людей я — сумасшедшая жена твоего брата. Меня будут бояться и ненавидеть. А я не хочу жить, постоянно оглядываясь и ожидая удара со спины.

Олеся решила быть откровенной. Слова потоком полились из нее, обнажая страхи и переживания. Все, от чего она так отчаянно бежала даже в прошлой жизни.

— Единственный шанс выжить, это... Ты можешь отослать меня в какое-нибудь место, где обо мне никто не знает. Где никто не видел настоящую Маргит.

Не смотря на горячую воду и жар наслаждения, по телу прошел озноб. Ей стало грустно. И больно. От одной мысли о расставании с Габором, внутри скручивались жгуты боли и безысходности.

Руки Габора сжались на ее талии.

— Я ничего не знаю о твоём мире, но думаю... Я бы смогла научиться что-то делать, чтобы зарабатывать себе на жизнь.

Габор резко отстранился и выпрямился. Он стащил ее со ступени и поднял на руки. Осторожно поднялся по ступенькам, не обращая внимания на воду, текущую ручьями с их тел.

Когда дошел до двери в спальню, отрывисто приказал:

— Открой.

Олеся послушно потянулась к ручке и отворила дверь.

Габор вошел в спальню и, не церемонясь, швырнул Олеся на кровать.

Она попробовала сесть, пораженная такой внезапной грубостью. Даже обиженная. Неужели, теперь она ему не нужна.

Но Габор снова удивил. Сел на край кровати. Олеся не удержалась и опустила взгляд вниз. Он опять был возбужден. От каждого движения член подрагивал и качался, возвышаясь из поросли густых волос.

— Иди сюда.

Олеся покачала головой и попыталась отползти. Но он ловко ухватил ее за лодыжку и притянул к себе.

Олеся попробовала сопротивляться, но Габор усадил ее к на колени, лицом к себе, широко разведя бедра.

— Я одного не пойму: я настолько хуже твоего мужа, что ты не можешь мне довериться?

Олеся широко раскрыла глаза:

— Почему ты все время о нем спрашиваешь?

— Хочу понять.

Олеся недоуменно повела плечами:

— Что именно?

— Что сделал он, чтобы заслужить твое доверие настолько, что ты перешла в его род?

Олеся нахмурилась, вцепилась в его сильные плечи, не в силах не прикасаться.

— Перешла в его род?

— Да. Вышла за него замуж. Почему ты сомневаешься в моей способности тебя защитить?

Олеся покачала головой, прячась за завесой волос.

— Я сомневаюсь не в этом.

— А в чем тогда?

Габор резко дернул ее на себя. Олеся тихонько ахнула, когда впечаталась все еще влажной промежностью в его твердый раскаленный член.

— В том, что... — Голос предательски срывался. — В том, что нужна тебе.

Его глаза сверкнули гневным пламенем. Черты лица заострились, а губы сжались в суровую тонкую полосу.

Олеся решила быть откровенной до конца:

— В любом из миров любовница — женщина лишь на пару дней. Время проходит. И она становится не нужна. Ее всегда можно заменить, когда она наскучит или начнет хотеть слишком многого.

Голос Габора звучал хрипло и угрожающе:

— А когда многого начинает хотеть мужчина?

— Что ты имеешь ввиду?

— Я имею твое тело. Но хочу иметь душу.

Он прижал ладонь к ее груди. Там, где билось сердце.

Дыхание перехватило. От его слов, от прикосновения. От взгляда, в котором бушевал темный ураган.

— Зачем тебе моя душа?

Габор обхватил ее ладонь и прижал к колом стоящему члену. Обхватив поверх своей рукой, вдавил ее пальцы в свою горячую плоть, заставляя крепко сжать кулак. Одним движением направил в ее тело.

Олеся застонала и приподнялась, чувствуя, как широкая набухшая головка растягивает узкий вход.

Шея Габора напряглась, вздулись и выступили вены. На лице отразилось выражение муки.

— Твоя душа в обмен на мою, которую ты забрала без спроса.

Габор жестко толкнулся в ее тело, растягивая под себя и заполняя так, что не осталось и миллиметра пространства между ними.

Олеся пыталась приспособиться к его размеру, привыкнуть, подстроиться. Но не смотря на прошлый раз, все было как впервые.

Она с трудом дышала. Мышцы влагалища сокращались и пульсировала в одном ритме с биением сердца.

Габор ухватился за ее бедра и одним махом натянул ее на себя. Олеся застонала. Так мучительно сладко. Обжигающе горячо.

Она обхватывала его, ощущая отчетливо и явно. Намного более ярко, чем любая эмоция, чем что-либо еще.

Вонзив ногти в его плечи, хрипло спросила:

— Как ты хочешь?

Олеся видела, что Габор сдерживается из последних сил. Но ей хотелось, чтобы он отпустил себя. А после его признания... Он должен принадлежать ей без остатка.

Сквозь зубы Габор проскрежетал:

— Быстро. Очень. Так быстро, как можешь.

Олеся закусила губу и слегка поерзала, потираясь внутренними стенками о бархатистую кожу члена. Такое впечатление, что каждая выступающая на стволе вена вплавляется в ее тело.

Уцепившись за плечи Габора, Олеся приподнялась, выпуская его плоть почти до конца. Внутри осталась лишь широкая головка.

Напрягая мышцы, Олеся начала двигаться, постепенно ускоряясь. Она двигалась все быстрее и быстрее. Габор так крепко держал ее за бедра, что она чувствовала боль.

Он начала насаживать ее на себя, легко приподнимая и опуская. С такой скоростью, что перед глазами все расплывалось. Олеся старалась не отставать. Он хотел быстро? Будет ему скорость...

Их соединение сопровождалось порочной музыкой: ударами тел друг о друга, влажными шлепками и хлюпающими звуками проникновения.

Олеся бесстыдно прыгала на Габоре, вбирая его глубоко и резко. Трение горячего члена об узкие стеночки ее влагалища вызывало сумасшедший прилив страсти.

Обезумев от дикой скачки, она толкнула Габора назад. Он послушно откинулся на кровать. Упершись ладонями по обе стороны от его головы, Олеся ускорила еще больше.

Ее грудь бесстыдно колыхалась над его лицом. Но Олеся утратила последние крупницы смущения.

Она устроила сумасшедшую скачку. Их с Габором стоны звучали одним сплошным криком. Не прерываясь.

Габор не отпускал ее, натягивая на себя с растущей безжалостностью.

Он хрипел и что-то бессвязно бормотал. Олеся почувствовала приближение оргазма. Мышцы начали сокращаться вокруг его члена, втягивая его все глубже. Пожар охватил тело. Внизу было горячее всего.

Габор опустил руку, нашел ее клитор и начал ласкать его быстрыми круговыми движениями. Олеся взорвалась, как звезда.

Облако звездной пыли окутало ее разум, затуманило сознание, оседая на коже и нервах дрожью наслаждения.

Она тряслась, сжимая его член, сдавливая до отчаяния.

Габор заревел. Громкие хрипы вырвались из его горла. Он вбил в ее тело, поднимая над кроватью. Олеся взмыла вверх, чувствуя, как он извергается внутри нее обжигающим потоком.

Олеся тряслась, как ударенная током. Дрожала и металась над ним. Перед глазами сверкали звезды. По коже проходила рябь освобождения.

Габор рычал и продолжал вбиваться в нее, содрогаясь от таких же спазмов, как у нее.

Без сил Олеся упала на его бурно вздымающуюся влажную грудь. Это было самое потрясающее, что она когда либо испытывала. Габор был потрясающим. Его искаженное страстью лицо было совершенным.

Соски терлись о волоски на его груди, и эта сладкая боль, продлевала мучительно-сладкие спазмы.

Пальцы Габора запутались в ее волосах. Он прижал ее лицо к своей шее и хрипло прошептал:

— Моей жене никогда и ничего не будет угрожать.

Он оттянул ее волосы, заставляя поднять голову и заглянуть ему в глаза.

— Тебе здесь понравится. Ты полюбишь мой мир. Эту крепость. И меня.

Глава 17

Долгое время они просто молчали. Габор уложил Олесю на себя и нежно гладил по спине. Каждый раз, когда она пыталась сдвинуться или перелечь на кровать, он прижимал ее еще сильнее и возвращал на место.

В конце концов Олеся смирилась. Поудобнее устроилась на его крепком горячем теле и положила подбородок на кулак.

Габор, заложив одну руку за голову, рассматривал старый пыльный полог.

Олеся жадно разглядывала его лицо. Четкую линию подбородка, красивые губы, прямой нос. Между бровей и в уголках глаз собрались морщины. Он так часто хмурился...

Но сейчас на его лице застыло странное выражение. Задумчивое и умиротворенное. Действительно султан. Немного расслабился, но завтра его ждет очередная уйма дел.

Олеся плавилась от нежных прикосновений. Каждый позвонок дрожал под его ладонями.

Она убрала со лба Габора темные пряди, в которых мерцали серебристые нити седины. Он тут же перевел взгляд на нее и знакомо лукаво улыбнулся.

Ее безнадежное глупое сердце забилося чаще.

Олеся тяжело вздохнула, понимая, что и сердце, и душа собрали чемоданы и переехали к Габору. Она больше не владела ими. И собой.

Она разгладила глубокую складку морщин вокруг его рта и очертила контур губ. А он жадно обхватил ее палец втянул в рот и начал сосать, обводя языком. Легко прикусил зубами и тут же снова лизнул.

Олеся поерзала на Габоре, чувствуя, что краснеет. Быстро убрала палец и, поддаваясь странному порыву, тоже лизнула. На коже остался его вкус.

Габор снова задумчиво улыбнулся:

— Завтра днем к тебе должна приехать портниха.

Олеся чувствовала себя немного странно, окруженная такой непривычной заботой.

— Я не разбираюсь в вашей моде.

— Ничего страшного. Она подскажет. К тому же, рядом буду я. И остановлю тебя от выбора слишком открытого платья.

Габор ухмыльнулся, но что-то в его тоне было совсем далеким от шутки.

Олеся тут же решила поспорить:

— Может, стоит попросить Адрианну? Она наверняка лучше...

Он нетерпеливо перебил, даже не дослушав:

— Адрианна не самый надежный член семьи. Она попытается одеть тебя так же, как одевается сама.

Олеся выгнула брови:

— Это плохо? Мне ее платья понравились.

Габор покачал головой:

— Это не обсуждается. С тобой буду я.

Олеся подперла голову ладонью, решив идти до конца:

— Оденешь меня в самые дешевые и уродливые платья?

Он угрожающе сузил глаза:

— Ты хочешь меня оскорбить?

— Ну а что мне еще думать? У меня нет ни одной монетки. А одежда всегда стоит дорого. Самый простой способ — найти одежду Маргит и...

Он снова не дослушал:

— Одежда моей жены будет самой красивой и дорогой. Новой. И я буду рядом не из-за твоих идиотских предположений, а потому что хочу знать, что платья, которые ты наденешь, не позволят другим мужчинам разглядеть то, чем владею я. Но помимо них ты, конечно, можешь заказать все самое откровенное, что только будет. Даже должна так сделать. Мне понравится думать, что под одеждой на тебе будет что-то такое, что мне захочется сорвать с тебя.

Габор откинулся на подушки и перевел дыхание. Олеся потрясенно замерла. В голове вопили десятки взбудораженных мыслей. Бегали, словно маленькие перепуганные паучки.

И первым, что она осознала, почему-то было то, что после таких длинных речей он всегда выглядел уставшим. Как будто очень не любил говорить. Даже после схватки с демоном Габор казался бодрее, чем сейчас.

Второй мыслью было то, что он собирался выбрать одежду для своей... жены. Может, слышалось?

О том, что он хотел с нее что-нибудь сорвать Олеся старалась не думать. Еще одной лавины возбуждения она просто не выдержит.

Немного дрожащим голосом она переспросила:

— Одежда твоей жены?

Габор вздернул брови и вернул ее на место, снова укладывая поверх себя:

— Да. Что тебя удивляет?

— Разве ты не должен спросить меня, хочу ли я за тебя замуж?

— А ты не хочешь? — Его голос был странно напряжен.

Кажется, в нем звучала угроза.

— Мне показалось, это ты не хочешь жениться. Сколько тебе лет?

Брови Габора взлетели еще выше:

— Тридцать девять. Но ты думаешь после всего произошедшего между нами, я не женюсь на тебе?

Вот, значит, в чем дело. Наверное думает, что она несчастная обещанная девица.

Олеся вырвалась из его объятий и резко села. Покрывало соскользнуло. Она осталась совершенно обнажена, но почему-то на это было плевать. Он уже увидел все, что только можно.

— Слушай, у тебя нет передо мной никаких обязательств. Я тебе позволила все... все, что было, понимая, что между нами только секс. Я не девственница, не какого-то знатного... рода и не собираюсь тебя заставлять...

— Меня сложно заставить делать то, чего я не хочу. — Габор тоже сел, в упор пронзая ее взглядом. — Я хочу, чтобы ты была моей. И ты моей будешь.

— А когда тебе надоест? — Ей все еще чудился какой-то подвох.

И он не сказал тех до боли избитых слов, о которых мечтает каждая женщина. Хотя нутро подсказывало, что «Я хочу, чтобы ты была моей. И ты моей будешь» значит намного больше, чем она смогла понять.

— Мне не надоест.

— Тебе тридцать девять лет, Габор. И за это время ты не нашел ту, которую можно было бы сделать своей женой.

Он потянулся к ней, обхватил за талию и притянул к себе на колени. Его глаза наполнились расплавленной серой сталью.

— Ты появилась только сейчас.

Олеся открыла рот, но... так ничего и не сказала. Кажется он и вправду намерен жениться на ней. Неужели это то самое?.

— А как же Миклош?

Пальцы на ее талии сжались сильнее:

— Этот вопрос я решу.

Олеся грустно покачала головой:

— Тебе не удастся выдать меня за другую женщину. Никто не обратит внимания на то, что у меня другой цвет глаз. Мы слишком похожи. И наверняка все знают, что у нее нет сестры-близнеца или еще какой-нибудь родственницы.

Это казалось ей лучшим выходом из ситуации, но было совершенно неосуществимо.

Габор снова улыбнулся:

— Ты все-таки хочешь за меня замуж?

Она смущенно опустила глаза и призналась:

— Хочу. Очень.

— Зачем тогда спорила?

— Потому что я уже была замужем. Мне не хочется, чтобы все снова закончилось так же. — Олеся не удержалась и погладила его колючую щеку. — Я не смогу мириться с твоими изменами и делать вид, что ничего не замечаю. Ты такой... такой, что я постоянно буду ревновать тебя ко всем окружающим женщинам, подозревать и устраивать скандалы. А единственный способ избавиться от меня в твоём мире — убить.

На этот раз Габор слушал внимательно и не перебивал. Его лицо было задумчивым, а улыбка немного рассеянной.

Олеся все еще сомневалась. Обжегшись один раз, теперь она боялась совершить новую ошибку. Габор не Андрей. Если он изменит или решит выгнать ее, то так легко она не вылечится. И дело совсем не в том, что она практически ничего не знает о мире, где оказалась.

Приспособиться можно ко всему. А вот вытравить из сердца мужчину, на котором теперь сосредоточились все ее мысли... Кажется, она помешалась на Габоре.

Он сказал: «Твоя душа в обмен на мою, которую ты забрала без спроса.» Но это было в пылу секса. И вполне возможно, под действием масел. Считал ли он так на самом деле? Чувствовал ли то же, что и она? Хотя бы часть тех невероятных эмоций, что сжигали изнутри?!

Габор опять запустил пальцы в ее все еще влажные волосы и начал перебирать пряди. Он так пристально рассматривал ее и при этом молчал, что Олесе стало даже немного страшно.

Габор во всех отношениях был необычным мужчиной. И он безжалостно затягивал ее в свой омут, где каждый метр был заселен чертями.

— Знаешь, я ведь уже распланировал наперед, чем мы займемся, когда будем помолвлены и когда ты станешь моей женой.

Он снова удивил ее. В этом было что-то интимное. Планы на совместную жизнь.

Габор опять привлек ее к себе, и Олеся послушно последовала за ним, вновь укладываясь на горячую твердую грудь. Она чувствовала биение его сердца под щекой, слышала мерный стук, который ее гипнотизировал, привязывая к этому мужчине крепкой цепью.

— Правда? И что ты запланировал?

— После Проводов Старого года мне придется вернуться в Ибранью. Ты поедешь со мной.

— Даже не спросишь, хочу ли я в эту твою... Ибранью... Что это такое?

Она почувствовала смешок Габора:

— Столица Бергандии. Я вынужден буду уехать. И оставить тебя в крепости не смогу.

— Зачем тебе в столицу? Разве здесь плохо?

— Я состою на королевской службе.

— О-о-о...

Конечно, он не мог быть рядовым землевладельцем. Это не для таких, как он.

— И что именно ты делаешь на этой службе? — Олеся поморщилась от собственного тона — как ни старалась, не смогла скрыть иронию.

Он немного замялся:

— Отвечаю за... внутреннюю безопасность страны.

Ну, вообще замечательно. Олеся приподнялась и заглянула Габору в глаза:

— Внутренняя безопасность? Чем конкретно ты занимаешься?

Его лицо тут же окаменело, превращаясь в маску. Было видно, что он очень не хочет отвечать. Да что ж такое, в самом деле?!

Все-таки Габор скупно пояснил:

— В мои обязанности входит... Борьба с демонами, с изменщиками и предателями. С преступниками. Со всеми, кто угрожает благополучию страны и спокойной жизни людей.

Олеся упала на подушки рядом с Габором, вырвавшись из его объятий.

— Значит, ты будешь принадлежать не мне, а службе.

Он навис над ней, прижав горячим телом к кровати. Олеся сама удивилась, как быстро и покорно развела ноги, позволяя ему устроиться между них. Обвила его бедра и быстро погладила ступней упругие ягодицы.

Габор довольно хмыкнул и наклонился поцеловать ее. Искушающе медленно провел языком по губам, нырнул в рот.

— Я не принадлежу службе. Только тебе. Но иметь такое положение очень важно. В моих руках много власти. Можешь не сомневаться, что всегда будешь под защитой. Потом мой пост займет наш сын.

Олеся даже не пыталась скрыть удивление. Обычно, мужчины стараются оттянуть момент с детьми, как можно дальше. Но ведь в этом мире и порядки другие. Наверняка, Габор давно уже должен был иметь наследника.

Олеся осторожно спросила:

— А если родится дочь?

— Если дочь, то придется спрятать ее здесь от всех недостойных идиотов. Лет до восьмидесяти.

Олеся расхохоталась. Но тут же стала серьезной, понимая, что упустила кое-что важное.

— Габор, скажи мне.... Только честно...

— Да? — Он вытянулся на руках, нависая над ней.

— У тебя.... У тебя уже есть дети? Ну, незаконные...

Он слегка нахмурился и покачал головой:

— Нет.

Олеся выдохнула с облегчением. Не смотря ни на что, она верила ему безоговорочно.

Наверное, Габор понимал ее страхи и неуверенность, поэтому добавил:

— У меня было не очень много женщин. И я всегда принимал меры.

Олеся погладила мощное предплечье, наслаждаясь ощущением крепких мускулов под пальцами. Она просто не могла к нему не прикасаться.

— Не очень много, говоришь? Мне кажется, что мы по-разному понимаем это слово.

Он вскинул темную бровь:

— Мне нужно вспомнить каждую, пересчитать и назвать тебе точное число?

— Только их имена. Чтобы точно знать, с кем мне придется кроваво расправиться, если взглянут в твою сторону.

Габор рассмеялся. Но спустя пару минут стал серьезным. В глазах отразилась неожиданная нежность, которая окутала Олесю теплым облаком.

— Я даже представить не мог, что...

Сердце забилося чаще. Что он собирался сказать?

Габор тяжело вздохнул, как будто собираясь с силами:

— Ты как из фантазии... Мне до сих пор кажется, что ты нереальна.

Олеся улыбнулась, не в силах совладать с жаром, охватившим ее от макушки до пят. Прямо сейчас она сгорала и плавилась, превращаясь в воск, который осядет несмываемыми капельками на его теле.

Как теперь жить без Габора?

Олеся поднялась и обняла его, прижимаясь изо всех сил:

— Береги меня.

Он нежно водил губами по ее щеке и виску и так крепко прижимал к себе, что Олеся впервые за долгие годы ощутила чувство защищенности. Вот ее каменная стена. Опора.

Несколько свечей с шипением погасли, погружая спальню в опасный и загадочный сумрак.

Олеся, не хотя, отстранилась от Габора и улеглась.

— Наверное, пора спать?

Он лег рядом, не отводя от нее мерцающих в темноте глаз.

— Завтра я планировал поехать к Бражене. Не хочу оставлять тебя здесь одну. Поедешь со мной?

Олеся быстро закивала:

— Конечно! А кто она такая?

— Старуха-знахарка, которая тебя лечила. Она должна помочь разобраться с тем, что с тобой произошло. Многие считают ее ведьмой. — На этих словах Габор хитро улыбнулся.

— Ведьмой? В смысле, она..? — Олеся изобразила непонятные пассы руками, которые должны были означать колдовство.

Габор усмехнулся:

— Что?

— Ну, в моем мире про ведьм есть сказки. Они носят остроконечные шляпы, варят зелья из лягушек, едят детей и летают на метлах.

Габор снова засмеялся. Олесе было непривычно слышать этот звук. Мягкий, бархатистый, тягучий, как вино. По-настоящему мужской. И такой соблазнительный, что ее уставшее измученное тело тут же ответило легкой дрожью.

— Летают на метлах? — В темноте блеснула его белозубая улыбка. — И как они на них сидят? Это же неудобно.

Олеся тоже хихикнула и легонько ударила его кулачком в плечо:

— Эй! Это же детские сказки. Правда, в старину люди верили, что ведьмы действительно могут летать. И во всех своих бедах винили их.

— У тебя какой-то неправильный мир. Нет, Бражена не летает на метле. Но она разбирается во многих древних и забытых вещах.

— Ужасно любопытно посмотреть, как она живет.

Олесе в самом деле начало казаться, что она попала в сказку. Все проблемы и страхи немного отступили, оставив предвкушение грядущих чудес.

— Не думаю, что ее изба тебя впечатлит.

Олеся рассмеялась:

— Ведьма, живущая в избушке, — я уже впечатлена!

Габор снова хмыкнул.

— Наверное, я никогда тебя не пойму.

Олеся мечтательно улыбнулась:

— Почему?

— Тебя удивляют совершенно неожиданные вещи. Мне сложно придумать, чем тебя можно поразить.

Олеся укрыла их мягким покрывалом. Оно все еще пахло пылью. Но к этому запаху примешался мускусный аромат их секса. Порочно и возбуждающе.

Погасло еще несколько свечей. Олеся едва различила плавное движение Габора, но почувствовала, как его широкая мозолистая ладонь накрывает ее грудь. Обожженный горячим прикосновением сосок тут же набух и жадно ткнулся ему в ладонь.

Олеся тихонько захныкала.

Габор приблизил губы к ее уху и опалил влажным дыханием:

— Но я все же попробую придумать что-нибудь необычное... Чтобы твоя грудь постоянно ощущала мои ласки, пока я буду здесь...

Он опустил ладонь под покрывало и накрыл ладонью лобок, легонько задевая пальцами чувствительные складочки. Он запомнил, какие ласки она хотела чувствовать, и одно это уже заставляло дрожать от предвкушения.

— Габор... Нужно спать...

Он убрал руку и притянул Олеся к себе. Царапая щетиной, поцеловал в висок и обнял.

— Спи.

Она устроилась под боком Габора, обнимая его за талию. Мысли-паучки заворочались и тоже улеглись, заставляя осознать, что сейчас она ощущала себя на своем месте. Все было правильно. Вот оно счастье. И за это счастье Олеся будет бороться изо всех сил.

Глава 18

Олеся проснулась от неторопливых колючих поцелуев и вкусного шоколадного дыхания.

С трудом разлепив веки, она встретила взгляд Габора. Он улыбался, но глаза внимательно следили за ней.

Охрипшим ото сна голосом Олеся ласково прошептала:

— С добрым утром.

Он не улыбнулся. Продолжал пристально на нее смотреть, вычерчивая на обнаженных плечах узоры.

Олеся встревожилась:

— Габор... Все в порядке? Что-то случилось?

— Ты не жалеешь о вчерашнем?

От его вопроса по коже прошел озноб. Неужели, он считает ночь ошибкой? Действие масел закончилось, и теперь она не кажется ему привлекательной и не вызывает желания.

К глазам подступили слезы. Утро было таким прекрасным и нежным. Тело ощущалось и уставшим, и отдохнувшим. В натруженных мышцах чувствовалась боль, смешавшаяся с блаженством.

Такой контраст расслабленной усталости и льда на душе оказался самым страшным и мучительным, что она испытывала.

Прекрасная сказка закончилась. Он все-таки причинил ей боль. Поигрался с сердцем и выбросил.

— О-ле-ся... — Габор буквально прорычал ее имя, тряхнул за плечи, заставляя смотреть в глаза. — Если ты думала, что мы играем, то я не шутил. Ты моя. Я не отпущу тебя ни в твой глупый мир, ни куда-то еще. Ты навсегда принадлежишь мне. Либо по-хорошему, либо по-плохому. Зависит от тебя.

Господи, кажется он не собирается от нее отказываться. И воспринимает вчерашнюю ночь всерьез.

Олеся не знала, сколько еще так выдержит. С Габором ее эмоции швыряло туда-сюда, как детские качели.

В спальне было сумрачно, но сквозь щель между тяжелыми портьерами пробивалась полоска холодного утреннего света. В этом сумраке на лицо Габора падали тени, и он казался еще более суровым, чем обычно.

Олеся прижала ладони к его груди, наслаждаясь ощущением мягкой поросли волос.

Наверное она злоупотребила с маслами, потому что вновь ощущала себя распущенной и развратной, готовой на все.

— А что будет если я захочу по-плохому?

Габор шумно выдохнул и тряхнул головой:

— Не шути так.

— Я не шутила.

Он откинулся на подушки и притянул Олеся, усаживая спиной к себе. Между лопаток чувствовалось его горячее дыхание. А в ягодицы упирался твердый член.

— Ты смотрела так, словно до слез жалела о вчерашнем.

— Я не жалею о вчерашнем. Ни о чем. Но ты зачем-то спросил у меня об этом, и я подумала...

Он зажал ей рот ладонью. Просто бесцеремонно прижал руку к губам и прикусил кожу на шее. Олеся задрожала, и выдохнула в его мозолистую ладонь.

Рука скользнула ниже, оставляя губы и обхватывая грудь. Олеся не смогла сдержать стона блаженства. Когда Габор зажал между пальцев набухший сосок, она тихонько вскрикнула. Как же хорошо... Невероятно... По всему телу разливались ручейки наслаждения.

Габор сжимал и оттягивал сосок, безошибочно угадывая, что ей нужно. Олеся откинула голову на

его плечо и бездумно смотрела в потолок. Вцепилась пальцами в его бедра, покрытые короткими волосками и шумно дышала.

Он просунул ладонь между их телами, обхватил член рукой и направил в ее тело. Олеся могла лишь мотать головой по его плечу и груди, сходя с ума от невероятных ощущений. Габор продолжал пощипывать то один сосок, то другой, опалая ее кожу жаром ладоней.

Захватив зубами мочку ее уха, тихо приказал:

— Приподнимись.

Олеся послушно подняла бедра, чувствуя, как о нежные складочки трется жесткая плоть. Она начала осторожно опускаться на твердый член, пытаясь подстроиться под немалый размер Габора.

Головка уже привычно растянула влагалище, ныряя внутрь. Олеся застонала от опалившего гладкие стеночки жара, непроизвольно сжала мышцы. Габор ответил протяжным хрипом, резко входя в нее до основания.

Олеся начала плавно двигаться, плавая под ладонями Габора. Он нежно и чувственно гладил ее тело, словно не мог оторваться ни на секунду. Его руки блуждали по плечам, животу, дразнили грудь, как бы невзначай задевая отвердевшие соски. Олеся громко стонала, когда не получала желаемого.

В какой-то момент она не выдержала, схватила Габора за руки и прижала к налившейся тяжестью груди.

От его мягкого смешка живот задрожал в предвкушении.

Большими пальцами он потеребил камешки сосков и горячо шепнул:

— Сейчас ничего не будет... Придется тебе подождать...

Его руки неумолимо сдвинулись вниз, пальцы пощекотали пупок, перемещаясь к промежности.

Олеся обернулась и мстительно простонала:

— Если ты не будешь трогать мою грудь, то я не буду двигаться...

Она приподнялась на коленях, выпуская его член из плена тела. Внутри осталась лишь набухшая головка. Олеся напряглась и сжала ее внутренними мышцами. На лице сама собой возникла довольная улыбка, когда она услышала ответный стон Габора.

Пальца Габора впились в ее бедра. Низким чужим голосом он угрожающе прохрипел:

— Тебе необязательно двигаться... Женщины рода Баттьяни могут ничего не делать. Мужчины все сделают сами.

Олеся даже не успела сообразить, что ответить на такое заявление. Габор прижал ее к себе и уложил на живот, навалившись сверху.

Она вскрикнула, когда почувствовала грубый беспощадный толчок. Габор припечатал ее к кровати своим весом и начал жестко двигаться, превращая утренний ленивый секс в горячее сражение.

Олеся стонала, сминая пальцами покрывало. Каждый толчок Габора приносил ощущение сумасшедшего вихря. Все ее тело дрожало от спазмов. Низ живота пульсировал. Ей нравилось ощущать его горячее дыхание на шее и затылке. Нравилось, когда он откидывал волосы с мокрой спины и целовал ее лопатки. Нравилось прикосновение твердой ладони к животу.

Он все делал идеально. Так, что у нее кружилась голова и пропадала способность соображать. Он проникал так глубоко, что Олеся чувствовала себя насаженной на здоровенный кол. Еще чуть-чуть, и он просто разорвет ее на части. Но этого не происходило. Тело подстраивалось под его жесткие толчки. Влагалище растягивалось, на грани, едва-едва, но достаточно, чтобы он уверенно скользил в ней. Узкие стеночки обхватывали горячий бархатистый ствол, мышцы сокращались, пытаясь удержать его внутри.

Движения Габора стали резче и сильнее. Он ударялся о нее с такой силой, что попка дрожала, а в груди перехватывало дыхание. Олеся начала вскрикивать, подходя все ближе к грани.

Наверное Габор сумел каким-то образом почувствовать это. Просунул руку между кроватью и ее животом, накрыл ладонью лобок и собственническим жестом сжал. Олеся повернула голову, стараясь разглядеть его лицо.

Она еще никогда не видела его таким. Сосредоточенным, суровым. Даже злым. Брови сведены в одну линию, а зубы сжаты. Он тяжело и шумно дышал, блуждая взглядом по ее плечам, спине и затылку.

Неожиданно мужские пальцы пришли в движение. Развели нижние губы и нашли клитор. Олеса не смогла сдержать череду бессвязных всхлипов, когда он принялся натирать чувствительный бугорок плоти.

В теле начали вспыхивать и извергаться вулканы. Нутро затопило лавой. Движения Габора стали быстрее. Он сбился с ритма, просто рвано долбясь в ее тело. Палец на клиторе увеличил темп, и Олеса сорвалась в пропасть.

Громко закричала от болезненно-острого наслаждения, прошившего все тело.

Она дрожала и дергалась от сладких судорог, сжимая член Габора изо всех сил. Ее затопила горячая волна, когда он в последний раз ворвался в нее и с громким ревом кончил. Спиной Олеса ощущала бешеное сотрясение его тела. Их влажная кожа терлась друг о дружку, запахи тел смешивались, становясь единым целым. Напряжение такое, что до боли. Даже дышать тяжело. А перед глазами вспыхивают и гаснут яркие огни. Олеса без сил уронила голову на покрывало. Габор упал сверху, прижимая ее к кровати и лишая последних крупиц воздуха.

Но Олеса не желала выбираться из-под его тяжести. Казалось, что вдох, сделанный без него, не принесет ей ничего. Габор чуть сдвинулся, поворачиваясь к ней лицом. Он все еще был внутри нее, и каждое его движение отдавалось внутри Олеси невозможно сладким чувством.

Габор провел пальцем по ее приоткрытым губам, погладил щеки.

— Хочу просыпаться так каждое утро.

Олеса обессиленно улыбнулась. Она не могла даже пошевелиться. С трудом приподнявшись на локтях, она заглянула в его все еще серьезные глаза:

— Наверняка ты уже просыпался так... с другими...

Он посуровел еще больше:

— В нашей постели не будет других. И ты первая женщина, с которой я спал. В смысле... именно спал. Всю ночь. И первая, с кем я проснулся.

Он замолчал, продолжая вьедаться в нее тяжелым взглядом. Олеса даже представить не могла, каких усилий ему стоило сделать это признание.

Она прижалась к Габору и довольно потерлась о его тело.

— Знаешь... Я поняла, что ничто не может длиться вечно. И я утешаю себя тем, что... — Олеса провела пальцем линию через лоб, нос и губы Габора, деля его лицо пополам. — ...что смогу вспоминать эти моменты, когда все закончится.

Габор резко поднялся с кровати:

— Какого демона, Олеса? Почему ты постоянно твердишь, что все закончится?!

Потрясающе обнаженный он метался по спальне, разыскивая свои вещи. Олеса села, бездумно глядя на свою порванную одежду. Не свою — поправила себя. У нее здесь нет ничего.

Да что же с ней такое?! Почему никак не может отделаться от мысли, что все это недолговечно? Дурацкие сомнения оказываются сильнее такого хрупкого счастья.

На несколько минут Габор пропадает в купальне, а когда возвращается, то уже полностью одет. На нем вчерашняя окровавленная одежда. О бедро бьются ножны с саблей. И Олесю вдруг пронзает странная неожиданная мысль.

Этот звук... равномерный стук оружия кажется таким родным и близким. Привычным. Как будто тысячу лет подряд она просыпалась и слышала именно его. Словно это и есть ее настоящая жизнь. Ее настоящее место.

Какая же она дура. Глупая трусиха. За свое счастье нужно бороться. А она всеми силами отталкивает его. Ну и что, что может наступить ужасный момент, когда она станет ему не нужна? Сейчас-то она счастлива! Сейчас у нее есть самый потрясающий мужчина из всех миров.

А она... Дура-дура-дура! Идиотка!

— Я распоряжусь, чтобы тебе подали завтрак сюда. — Голос Габора звучал холодно и отстраненно. Заметив, куда направлен ее взгляд, он сдержанно добавил: — И попрошу Адрианну передать тебе еще одежды до приезда портнихи.

Он развернулся и направился к выходу, унося с собой тепло и воздух. Олеся начала спешно выбираться из кровати. Нет! Она не даст ему так просто уйти. Она совершила ошибку и намерена ее исправить.

Чертово покрывало никак не желало следовать за ней, и Олеся попросту его откинула. Старая не думать о своей наготе, она побежала за Габором.

— Постой!

Не оборачиваясь, он замер у дверей. Олеся догнала его и прижалась к широкой спине. Обвила руками талию, впечатываясь в его тело через ткань.

— Прости меня...

Он стоял неподвижно, убивая ее своей холодностью и внезапным равнодушием. Олеся встала перед ним, заглядывая в ледяные глаза. Там бушевала вьюга. Убийственный буран, который мог уничтожить все на своем пути.

— Я не могу не сомневаться, как же ты не поймешь?! — Она стукнула кулаком по плечу Габора.

Он оставался неподвижен. На лице не дрогнул ни один мускул. И на этот раз от него повеяло холодом. Ощутимой арктической стужей, от которой кожа покрылась мурашками.

И его голос, когда он заговорил, был чужим. Равнодушный господарь вернулся.

— Если бы ты сказала мне, что я должен сделать, чтобы ты перестала сомневаться, было бы легче. — Он чуть наклонился к ней, проникая замораживающим взглядом прямо в душу: — Я могу дать тебе все. Но ты сама не знаешь, что тебе нужно.

Обойдя ее, как досадное препятствие, Габор вышел из спальни и уже привычно запер дверь на ключ. Олеся не удержалась и несколько раз пнула дверь ногой. Но добила лишь того, что к душевной боли прибавилась еще и физическая.

Она опять все испортила. Растоптала крошечные зарождающиеся ростки счастья. Чудесная, полная страсти и порока ночь, сладкое утро и... ее мерзкие сомнения, поднявшие голову тогда, когда все было идеально.

Олеся прижалась лбом к холодной каменной кладке стены и вдохнула уже почти родной запах пыли. Ей не просто был дан второй шанс. Она получила новую жизнь и возможность исполнить все свои заветные мечты. Любящий сильный мужчина, защитник. Он был готов взять на себя ответственность за нее. Он и взял! Для него это не было обузой или необходимостью. Это было чем-то самым собой разумеющимся, с чем он сросся так крепко, что считал нормой. Разве не такого мужчину она всегда хотела?

Так вот же он! Был так близко. А она не удержала. Сама прогнала. От досады хотелось по-волчьи взвыть. Но как быть со страхами, которые ее мучили? С сомнениями? Она не знала, как побороть их. Довериться Габору было так просто. Но она не могла не ждать того, что однажды все закончится. Она ему наскучит. Постепенно станет раздражать. Он просто устанет объяснять ей очевидные для его мира вещи. Одно дело возиться с ребенком. Другое — со взрослой женщиной.

И как бы она ни готовилась к этому, конец все равно придет неожиданно. Однажды он просто посмотрит на нее и не поймет, что находил в ней прежде.

Олеся закуталась в покрывало и тяжело осела на пол возле кровати. Босым ногам было холодно, из глаз потекли слезы, а душу разрывали на куски невидимые звери.

Она так хотела этого счастья. До последнего вдоха ждала и надеялась, что встретит мужчину из мечты. Буквально — до последнего вдоха!

Воспоминания о ночи и аварии зажглись в голове яркими вспышками. Она так отчаянно загадывала желание о мужчине, с которым сможет быть счастлива, что готова была поверить и в новогодние чудеса, и даже в Деда Мороза.

Неужели, ее желание исполнилось, а она теперь так глупо отвергает этот дар? Знать бы наверняка, что Габор именно тот мужчина...

Стоп! Олеся отерла слезы и глубоко вздохнула. А не слишком ли много она хочет? Она могла быть мертва уже несколько дней. Вместо этого на ней лишь пара шрамов от ударов кнутом. Ей

предстояло встречать одинокий унылый Новый год в пустой холодной квартире. Взамен — огромная, почти сказочная, крепость. В прежнем мире она бы провела пару дней, рыдая над черными фильмами и наматывая сопли на кулак из-за измены Андрея. Но получила сумасшедшую ночь и мужчину, о котором даже не осмеливалась мечтать. А если и позволяла себе представить такого, так все равно понимала, что он — лишь сказка. Выдумка. Фантазия.

Она получила новую жизнь. Новый шанс. Свою собственную сказку. Мужчину. Зная ее лишь несколько дней, он уже собирался сделать ее своей женой. А ведь он наверняка должен был выбрать девушку равную по положению. Наверняка богатую. Хорошо воспитанную. Невинную. И уж точно осознающую, какой подарок судьбы ей выпал.

Олеся перевела взгляд на камин. Хватит разводить нюни. Ей надоело быть сопливой овцой. Она уже начинала ненавидеть себя за минуту слабости. Она получила новогодний подарок. Просто он не в коробке и не обернут яркой бумагой.

Если ей нужно грызть землю, то она будет ее, черт возьми, грызть! Габор именно тот мужчина, который ей нужен. Которого она всегда хотела. Андрей ему и в подметки не годился. А она так глупо его оттолкнула.

Ничего. Все еще можно исправить. Наверняка можно. Она способна растопить тот холод, который он на нее наслал своим равнодушием. Нужно только отыскать его...

Олеся поняла, что до сих пор смотрит на камин. Пусть Габор ее запер, но чтобы выйти из комнаты ей и не нужен ключ. Есть другой способ.

Она быстро отерла слезы краешком покрывала и направилась к подоконнику. Неожиданно закричала замочная скважина.

Сердце забило быстрее. Неужели он все-таки вернулся? Понял, что был не прав, уходя так резко и холодно.

Дверь отворилась, и на пороге показалась низенькая пухлая старушка. На морщинистом лице застыло выражение доброты и любопытства. Из-под опрятной косынки выглядывали пушистые седые волосы, которые сияли на свету.

Старушка подслеповато щурилась, рассматривая спальню. Увидев у окна Олеся, она радостно улыбнулась и вошла в комнату.

— Вот вы где, госпожа! А я уж было подумала, что перепутала чего со старости.

Голос он у нее оказался напевный, но на удивление громкие и бодрый. Таким сказки малышне рассказывать и залихватские народные песни петь.

Олеся неуверенно мялась у подоконника, не зная, что сказать. Переминаясь с ноги на ногу, как утка, старушка вошла в спальню. Только сейчас Олеся увидела у нее в руках тяжеленный поднос, нагруженный всякой едой. А через локоть было перекинута платье и, судя по белой ткани, нижняя сорочка.

Олеся тут же подскочила к женщине и вырвала из ее рук поднос:

— Давайте помогу.

Та не ожидала подобной прыти. Остановилась, несколько раз забавно моргнула, приоткрыла наполовину беззубый рот и... всплеснула руками:

— Да что ж вы, госпожа?! Кто тут служанка: вы или я?

Олеся осмотрелась, ища, куда пристроить поднос, от которого исходили чудесные аппетитные ароматы. В животе тут же жадно заурчало, и она поняла, что краснеет.

— Вот я глупая гусыня! — Старушенция всплеснула руками. — Поставить-то некуда!

Олеся осторожно водрузила поднос на краешек кровати. С другой стороны женщина начала аккуратно раскладывать платье, нижнюю сорочку и чулки.

— Давайте вас оденем, госпожа, а потом я и завтраком накормлю. А то уж больно вы бледная. Да и худышка такая. Глаза вон на пол-лица. — Она взяла сорочку и встряхнула. — Идите-ка сюда.

Олеся с сомнением посмотрела на пожилую женщину и поплотнее закуталась в сползшее покрывало.

— Пожалуй, я сама оденусь.

— Да где ж это видано, чтобы госпожа, да еще такая юная и красивая, сама одевалась? Нет уж, я хоть и стара, но свои обязанности знаю!

Загадочная старушка придирчиво разглядывала нижнюю сорочку.

— Разве ж эта ветошь убережет девичью честь? — Она покачала головой и двинулась к Олеся. — Давайте-ка, госпожа, поднимайте руки, надену на вас этот срам.

Олеся абсолютно не желала обнажаться перед старой ворчуньей. Она мягко высвободила ткань из натруженных дряблых рук, подхватила чулки и платье и двинулась в ванную.

Женщина снова забавно моргнула:

— Госпожа, куда ж это вы?!

— Сейчас вернусь!

Олеся захлопнула дверь, быстро скинула с себя покрывало и принялась одеваться. Старушенция так смешно причитала над сорочкой, что ей в голову пришла одна идея. Нужно было только договориться со швеей. И если к тому моменту, когда ее идея воплотится в жизнь, Габор все еще будет сердит... она сумеет заслужить его прощение.

Из обуви у нее были только сапоги, так что пришлось довольствоваться ими. А вот платье застегивалось сзади, и без помощи старушенции было не обойтись.

Олеся вышла из купальни, когда женщина сутилась над подносом. Выкладывала на красивую серебряную тарелку всевозможные яства.

— Вы не поможете? — Она повернулась к женщине спиной.

Та тотчас бросилась застегивать бесконечные крючки:

— Конечно, госпожа моя славная. Для того я и здесь.

Олеся не знала, принято ли здесь общаться со слугами, но молчать было глупо. Да и Габор позволил этой женщине сюда прийти. Значит, доверял.

Решившись, она спросила:

— А как вас звать?

— Петра я, госпожа.

— А я... Маргит. — Олеся едва не назвала свое настоящее имя. Спихватилась лишь в самый последний момент. И чтобы Петра не заметила заминки, поспешно добавила: — Рада с вами познакомиться, Петра.

— Ох вы ж, девочка моя... Ласковая какая...

Петра вышла из-за спины Олеси и ласково на нее посмотрела:

— Как же хорошо, что Морозный дед сделал нам всем такой подарок. Исцелил тебя, речь вернул. А ты вон какая оказалась... добрая... Да ты не бойся, господарь Габор уж все мне объяснил. Знаю я, что ты ничегошеньки не помнишь. Да это и не беда. Заново все узнаешь. Оно ж даже и лучше, когда в себе.

Олеся немного напряглась. Петра общалась не так, как другие слуги. Сбилась с почтительного «госпожа» на «девочка моя». И все так бойко, шустро. Олеся едва успевала следить за ее речью. Явно она не из простых слуг. Только как это узнать? Да ведь старушка сама подсказала!

— А вы давно здесь служите? Мы встречались прежде? — Она изо всех сил старалась подражать здешней манере говорить, но выходило немного коряво.

Одна надежда, что спишут на ее мнимую болезнь.

— Госпожа моя... — Она покачала головой и подтолкнула Олеся к кровати. — Вы садитесь да завтракать начинайте, а я вам все-все расскажу. Даже и не заметите, что чего-то не знали.

Олеся послушно села, стараясь не обращать внимание на погром в постели, который они учинили с Габором. Поставила на колени тарелку с едой и осторожно поднесла ко рту теплый кусочек поджаренного хлеба. На нем лежал ломтик ароматного сыра, который уже начал плавиться. Красота... Олеся даже зажмурилась от удовольствия.

— Я, стало быть, нянчила наших господ. Всех троих. Кормилицей у них была. Тебя-то один разочек видала... Совсем ты печальная была. Как ноченька темная. Все боялась чего-то, по углам шарахалась. Да и господин Миклош с тобой не особенно возился. — Петра прикусила язык, поняв, что сболтнула лишнего: — Но я-то его и не так хорошо, как господаря Габора, знаю.

Олеся замерла, не донеся до рта очередной ломтик хлеба. Кормилица и няня Габора, которая его растила. Знает с пеленок. Спасибо, Господи, ты слышал ее молитвы!

Быстро прожевав, Олеся спросила:

— И какой же он? Господарь Габор?

Одна надежда, что Петра не станет сильно удивляться любопытству Олеси. Ведь ей положено интересоваться совсем другим братом.

Но она зря переживала: лицо Петры озарилось восторгом. Даже щеки порозовели. Кажется, сейчас Олеся услышит много интересного и нового. Конечно, нянечка может судить предвзято, но лучше уж хоть что-то, чем тыкаться в пустоту.

— Ох, он наш защитник. Ты, девочка моя, не бойся его. Если вдруг, какая беда приключится, сразу к нему иди. Он о своем народе вперед себя думает. В обиду не даст никому. Ни врагам, ни демонам. Он-то с детства таким был. Серьезный всегда, внимательный. Старался очень. Чтобы родители его довольны были. С самого-то детства мальчонка знал, чем ему заниматься предстоит. Не то что младший господин. Вот уж кто пальцем лишний раз не пошевелит. Да и госпожа Адрианна. Одни платья и побрякушки на уме. Глупая она, хоть и добрая.

Олеся поморщилась. До Адрианны и извращенца Миклоша ей не было никакого дела.

— А что господарь Габор любит?

Петра бросила на нее странный взгляд, и Олеся поняла, что спросила что-то не то. Нужно как-то оправдать свой вопрос... Конечно!

— Я просто... Все готовят подарки друг другу. А я никак не могу решить, что ему подарить на... на Проводы Старого года.

— О, это ты хорошо придумала, деточка. Нашему господарю так редко подарки дарят. Он-то всех одарит, позаботится. А ему никто ничего и не подарит, дескать все у него и так есть. Так он и не просит. И в детстве не просил. Родители-то его, господин с госпожой покойные, все оружие да еще глупости какие дарили. Совсем мальчонку не радовали.

Олеся тут же напряглась:

— А чего ему в детстве хотелось?

Петра пожала плечами и подала Олесе кубок с душистым теплым питьем.

— Мне-то он ни разу не говорил. Он вообще всегда скрытным был. Ни горестями, ни радостями ни с кем не делился. Все в себе держал. Но вот я точно знаю, что Проводы Старого года в замке его тяготили. Он часто сбегал в деревню. Я однажды у него крестьянскую одежду нашла. Переодевался в деревенского... С ними праздновать хотел...

— А как празднуют в деревне?

— О, Великие Небеса! Ты и этого не помнишь?

Олеся помотала головой:

— Вообще ничего.

Следующие полчаса Петра рассказывала ей о том, как простые люди пытаются развлечь себя и своих детей. Удивительно, чего только не придумывали крестьяне, чтобы превратить праздник в буйное веселье. Олеся старалась запоминать все обычаи, гадая, что из этого пришлось бы Габору по душе.

Но чем больше рассказывала Петра, тем меньше Олеся верила в успех своей затеи. Она совершенно не представляла Габора беззаботно веселящегося среди крестьян. Она помнила, каким он был в деревне. Сосредоточенным, злым и недовольным абсолютно всем. Как будто всеобщее веселье его раздражало и даже причиняло боль.

Может, Петра чего-то не знает, и Габор сбегал вовсе не за этим? Что если среди крестьянских девушек была та, с которой он хотел видаться вопреки воле родителей?

От этой мысли стало совсем муторно на душе. Олеся никогда не понимала тех женщин, которые из кожи вон лезли, чтобы удержать возле себя мужчину. Но если хотя бы один из них был в половину похож на Габора, то все становилось на свои места.

Теперь и она стала одной из тех одержимых, которые ищут способ привязать к себе любовника. И ведь он сам готов был взять ее в жены. А она глупо все испортила своими страхами и сомнениями. Но так трудно убедить мозг, что он не Андрей и не ее отец. Он не бросит ее, не оставит на произвол судьбы. Но ей и не это нужно было.

Его любовь... Вот, чего она желала. Он так и не сказал, что любит. «Дура! Он сказал, что его душа теперь принадлежит тебе. А ты ждешь заученных слов. Как будто «Я тебя люблю» обладает какой-то волшебной силой и сможет его пришить к тебе.»

Хватит отталкивать собственное счастье и бояться сделать шаг навстречу. Она уже устала опасаться. Устала от собственных страхов. Хотела мужчину? Так вот же он! Дедушка Мороз постарался. Отыскал такого, как заказывала. Не один мир перебрал, прежде чем нашел. А она все сомневается.

Хватит!

— Ох, я тебя заболтала, деточка! Портниха-то уже тут, дожидается. Важная такая. Господарь велел тебя накормить и сразу к ней вести, а я глупостями тебя заговариваю.

— Нет-нет! — Олеся быстро дожевала ломтик теплого пирога. — Я вам очень благодарна.

Петра принялась что-то бубнить себе под нос, собрала поднос и кивком головы указала на дверь:

— Идемте, госпожа. Идемте. Поторопимся. Красота ждать не может. — Она хихикнула и тут же добавила: — Мастерицы-то шептались, что господарь целое состояние на ваш гардероб отвалил. Да еще и за срочность приплатил. А ткани, какие велел привезти... Даже у принцессы таких платьев красивых не будет. Вот как он вас ценит!

Олеся прикусила язык. Для окружающих она все еще была женой Миклоша, поэтому странно, что ее ценит брат мужа. Чтобы не ляпнуть лишнего, она решила промолчать и просто следовала за нянюшкой до нужной комнаты.

Замок до сих пор оставался для нее мудреным переплетением коридоров, которые разветвлялись и скрещивались, заводя в неожиданные места.

Вот и сейчас Петра быстро провела ее по мрачному проходу, увешанному гобеленами. Коридор заканчивался тупиком — резной дверью с изображением гор, леса и компании демонов.

Петра уверенно отворила дверь и пропустила Олеся вперед. Она оказалась в небольшом, но просторном зале со сводчатым голубым потолком. Даже в неярком утреннем свете солнце, звезды и луна красиво блестели и переливались, раскрашенные золотой и серебряной красками. Стены, как и в тайном проходе, который она нашла за камином, были расписаны фресками. Но никаких отвратительных сцен совокупления не было. Красивая длинноволосая девушка гладила могучего оленя. На его ветвистых рогах были написаны какие-то слова, но Олеся не могла понять ни одной буковки. Как такое может быть? Она понимала чужую речь, но не могла прочитать ни словечка. Это очень и очень плохо.

Нужно спросить Габора, что делать. Мало того, что она повела себя с ним, как истеричка, так еще и оказалась неграмотной. И зачем ему с такой возиться?..

Одна из стен была завешана красивой темно-зеленой портьерой, как будто поросла мхом. Там стояли массивные кресла, больше похожие на троны. В одном из них сидела сурового вида дама с пучком на макушке.

По обе стороны от нее стояли две девушки с сосредоточенными лицами и взглядами, устремленными в пространство. Все трое были одеты в одинаковые зеленые платья и сливались с портьерами. Это странное трио напоминало жуткую семейку: мать и дочек, которые только что кого-то расчленили.

Олеся даже вздрогнула от страха. Ее неловкие движения привлекли внимание «семейства».

Дама подскочила с кресла и окатила Олеся холодным сосредоточенным взглядом. Синхронно с «дочерьми» она присела перед Олесей в поклоне.

— Меня зовут Карола, госпожа. Господин Габор оказал мне честь сшить для вас новый гардероб. Он уже сказал, что вам необходимо. Смею заверить, все будет готово в кратчайшие сроки.

Под въедливым взглядом швеи Олеся чувствовала себя странно. В речи Каролы слышалось едва скрытое превосходство. Олеся легко его разгадала: с ней часто так разговаривали мужчины-пиарщики, которым не удавалось заполучить настолько же крупные заказы, как получала она.

Олеся повыше вздернула подбородок:

— Раз уж вы уже все решили с господином Габором, то зачем здесь я?

Вся компания тут же напряглась. У «дочек» так выразительно открылись рты, что Олеся едва не хихикнула. Приходилось сдерживать себя, сохраняя лицо.

Карола прочистила горло. Ее землистого цвета лицо покрылось лихорадочными пятнами.

— Хм... Нам необходимо снять с вас мерки... И вы должны выбрать ткани...

— А-а, значит, для меня тоже нашлось занятие?

Карола нетерпеливо махнула рукой, подзывая девиц:

— Живо!

Дальше все завертелось с нечеловеческой скоростью. Как по волшебству в руках Каролы возник красивый блокнот в тканевой обложке. Девушки крутили Олесю из стороны в сторону, прикладывали к ней сантиметр, надиктовывали хозяйке десятки чисел. Олеся и не подозревала, что на человеке можно столько всего измерить.

Когда все мерки были записаны, Олесю усадили в кресло и вручили в руки тяжеленный фолиант.

Карола быстро пролистала том почти до конца. Перед глазами мелькнули образцы тканей, пуговиц, эскизы, шнурки, нити.

— Прошу, госпожа Маргит. — Тон Каролы стал намного теплее и уважительнее. — Образцы новых тканей. Это — для плащей и верхней одежды. Здесь — меха. Дальше — наши новинки для платьев. И в самом конце — для нижних сорочек, халатов и прочего белья.

Олеся сразу открыла самый конец:

— А вы можете пошить так, как я попрошу?

Швея удивленно вскинула тонкие брови:

— Господарь Габор дал четкие указания...

Олеся нетерпеливо перебила ее:

— Да, но это касалось платьев. А я бы хотела сделать... особый заказ на белье. — Олеся взглянула на черный образец мягкой ажурной ткани. — И пошить это надо в первую очередь.

Карола неуверенно кивнула и снова раскрыла свой блокнот.

— Постараюсь сделать все возможное...

— Постарайтесь. Я хочу кое-что особенное, поэтому слушайте внимательно...

Глава 19

Спустя пару часов и десяток неудавшихся эскизов Олеся и госпожа Карола стали едва ли не лучшими подругами.

Олеся чувствовала себя так, словно целые сутки пропалывала огород. Должно быть и выглядела так же. Она и не думала, что попытка объяснить, какой хочет видеть ночную рубашку, выпьет из нее столько сил.

Правда, и задумки у нее были не совсем обычные. Олеся не могла дождаться момента, когда предстанет перед Габором в одной из новых сорочек. К концу обсуждения с щек швеи не сходил пунцовый румянец.

— Вы уверены, что вам нужно именно ночное платье?

Олеся придирчиво разглядывала эскиз будущего пеньюара. Черное кружево, длинный шлейф, тонкий кожаный пояс.

Она наденет его прямо на обнаженное тело. Почему бы не порадовать Габора за его же деньги? Если уж это не заставит его простить ее... тогда она привяжет его к кровати и примерит пять оставшихся.

Карола вновь принялась ворчать:

— Возможно вы не знаете... но подобное не заказывают даже куртизанки. ТАКОГО вообще никто еще не заказывал.

Олеся вздернула брови:

— Вас что-то смущает?

В этот момент дверь распахнулась, и в зал вошел Габор. Помещение тут же уменьшилось, сосредоточившись вокруг его высокой фигуры. Олесиному сердцу забило чаще, кровь прилила к щекам.

Он сразу же нашел ее взглядом, как будто заранее знал, где она сидит. Олеся не смогла сдержать радостную улыбку, но Габор не улыбнулся в ответ. Равнодушно посмотрел на нее и повернулся к швее:

— Вы закончили?

— Да, господарь. Все будет готово в кратчайшие сроки.

Габор лишь кивнул, отступая от двери, без слов давая понять, что разговор окончен. Карола захлопнула блокнот, а ее помощницы подхватили фолиант с образцами тканей.

Выходя, портниха бросила на Габора такой взгляд, что Олесе захотелось вцепиться ей в волосы. Есть тут хоть кто-то, кто не мечтает заполучить господаря?!

Едва за Каролой захлопнулась дверь, Габор подошел к Олесе. Опустился в соседнее кресло и, рассматривая фреску с оленем коротко бросил:

— Я все обдумал.

Боже... Ну все, доигралась. Он решил оставить все, как есть. Одной страстной ночи оказалась недостаточно, чтобы заинтересовать его. Да и вряд ли ему доставляет удовольствие выслушивать ее истерики.

Габор повернулся к ней и резко отчеканил:

— К Бражене я поеду сам.

— Что?!

Олеся была так удивлена, что не сразу сообразила, о чем он говорит. Она успела себя накрутить и снова напридумывать невесту чего.

— Вряд ли ты умеешь ездить верхом. И погода портится. Тебе безопаснее будет остаться здесь. Поможешь Адрианне с украшением крепости к Проводам Старого года.

Ну уж нет! Теперь она не отступит. Поездка — это шанс лучше узнать Габора. И помириться. А на то, что скажет местная ведьма, по сути — уже плевать.

— Я понятия не имею, как украшать крепость. А усидеть в седле... Для чего тогда нужен ты? Научишь меня.

Глаза Габора опасно сверкнули. Кажется, ей удалось его немного расшевелить.

— Это не урок верховой езды. И если я говорю, что ты остаешься, значит ты остаешься.

Он устало потер глаза, но в этой усталости не было ничего от их бессонной ночи. Пресловутым шестым чувством, женской интуицией Олеся чувствовала, что его что-то тревожит.

Она поднялась из кресла и встала перед Габором:

— Я поеду с тобой.

— Опять ты споришь... — Наконец на его лице появилась новая эмоция. Кажется, восхищение. — Ты остаешься.

— А как же Миклош?

— Тебя он больше не побеспокоит. Можешь не переживать.

— Нет уж! Я буду переживать. Потому что это моя жизнь. МОЯ. И... — Олеся решила идти до последнего. Если он не хочет брать ее, то нужно сделать так, чтобы он не мог не взять.

Она скользнула Габору на колени, запустила пальцы в гладко причесанные волосы и растрепала. На его лице отразилось такое удивление, что она едва не улыбнулась.

— И к тому же... я хочу постоянно быть с тобой.

— Да неужели? — Габор усмехнулся и откинулся на спинку кресла.

Он точно разгадал все ее нехитрые маневры и теперь просто наблюдал за тем, как далеко она может зайти.

Но Олеся не собиралась идти на поводу его ожиданий. Она еще больше взъерошила его волосы и погладила ладонью колючую от щетины щеку.

— Что-то произошло? Ведь так?

Вот теперь он по-настоящему удивился. Свел на переносице брови и отвернулся к фреске. Молчание длилось так долго, что Олеся перестала надеяться на ответ. Она просто гладила его волосы, накручивая на пальцы отросшие пряди, ласково скользила пальцами по губам, очерчивала их контур.

Неожиданно Габор нарушил тишину:

— Пришло письмо от короля. Они с дочерью едут сюда. Провожать Старый год.

Этого Олеся ожидала меньше всего.

— Это... это плохо?

— Да. — Габор прямо посмотрел ей в глаза. Накрыл ладонью колено, обжигая жаром даже сквозь несколько слоев ткани.

— Я тебя не подведу. Обещаю, что буду смирно сидеть в твоей спальне и даже лишнего звука не произнесу. Они ничего обо мне не узнают.

Он покачал головой и притянул Олесю ближе.

— Король часто устраивает подданным подобные... «сюрпризы». Обычно, так он проверяет, насколько окружение к нему лояльно и кого можно... к себе приблизить.

— Но разве ты не достаточно к нему близок? Безопасность страны абы кому не доверят.

Габор медленно вычерчивал на ее спине узоры.

— Близок. Но у короля более... личные планы. — В голосе Габора слышалось раздражение. Даже злость.

Олеся напряглась:

— Ты о чем?

— Неважно.

Он безжалостно выдернул шпильки из ее прически, распустил волосы и сгреб в кулак. Жестко притянул Олесю еще ближе к себе и шумно вдохнул аромат ее волос.

— Если действительно хочешь ехать, то нужно собираться прямо сейчас. — Но вместо этого Габор потерся губами о чувствительное место между Олесиных ключиц.

До боли прикусил нежную кожу. А когда она застонала и откинула назад голову, лизнул укус.

— Почему ты такая?.. Вку-у-усная... — Его язык вольготно гулял по шее, зубы царапали кожу. А губами он порочно-сладко обхватывал влажные участки и всасывал их в рот. — Хочу, чтобы на твоём теле повсюду были мои следы.

Олеся содрогалась мелкой дрожью от каждого движения, от каждой запретной ласки. Тихо постанывала, тщетно пытаясь сдержаться.

Звуки ее стонов и его поцелуев смешались, превращаясь в возбуждающую музыку.

Она уперлась ладонями в плечи Габора. Пока еще она могла себя контролировать, нужно сдержаться. Даже такой сумасшедший секс, как у них, может наскучить. Хотя, кого она обманывает? Когда любишь, не можешь насытиться любимым человеком. Теперь она понимала всю эту беготню вокруг вторых половинок.

Габор и вправду казался когда-то давно потерянной частью, которую она наконец обрела. А как жить разрубленной пополам? Да никак.

Олесю напугали собственные чувства. Так зависеть от другого человека... Это было слишком непривычно. Только сейчас она вполне осознала, насколько сильно привязана к нему. Пришита. Приклеена. Без Габора уже никак.

Его голос, взгляд, скупые редкие улыбки — все казалось дорогим и важным. Самой большой ценностью, которую ей удалось получить. Воздухом. Водой.

А может, наоборот, наркотиком, на который она прочно подседа?

Пока еще могла сколько-нибудь трезво мыслить, Олеся попыталась сползти с коленей Габора. Но он впился пальцами в ее бедра, другой рукой натянул волосы, не позволяя отстраниться.

— Не отпускаю... — Его глаза потемнели настолько сильно, что казались двумя бездонными омутами.

Олеся хрипло напомнила:

— Мы собирались ехать...

Габор потянулся к ее губам, словно и не слышал:

— Сегодня ночью ты снова будешь моей. — Он прикусил ее нижнюю губу.

Внизу живота стремительно скапливалось напряжение, такое тягучее и острое, что Олеся опасалась не выдержать. Рядом с Габором она становилась слабой. Неуравновешенной. Истеричкой. Действительно, как наркоманка в поисках новой дозы. И этой дозой был господарь.

Он медленно и тщательно облизывал ее губы, превращая поцелуй в запредельно порочную ласку. Олеся не могла остаться равнодушной. Отпустила возбуждение на волю и несмело коснулась кончиком языка губ Габора.

Он улыбнулся. Особенной улыбкой. Улыбкой соблазнителя. Опытного мужчины, который знал, как обращаться с женским телом и разбивать женские сердца.

От этой мысли в душе Олеси поднялась буря. Внутри проснулась дикая, одержимая собственница, которая готова была пустить кровь любому, кто покусится на принадлежащего ей мужчину.

Олеся даже не поняла, что тихие рычащие звуки издает именно она. Габор придвинул ее вплотную к себе, впечатывая бедра в бедра так, что она ощутила сквозь слои одежды восставшую плоть.

Но на задворках сознания еще слабо билась мысль о том, что сейчас не время и не место.

Нечеловеческим усилием воли, она заставила себя отстраниться от Габора. Вцепилась пальцами в его волосы и буквально отодрала от себя голову Габора.

— Нужно ехать... — Дышать было тяжело, как будто она пробежала много километров. — Ты же сам

говорил: пора собираться.

Пару долгих мгновений Габор буравил ее тяжелым взглядом, а затем грубо спихнул с коленей. Олеся едва не упала. Хотела возмутиться и обидеться, но заметила, как дрожат его руки и ходят желваки.

Габор был слишком возбужден. Даже больше, чем она. Его резкость стала казаться не такой уж жестокой. А если он любит грубость... что ж... вполне можно поиграть.

Олеся повернулась к нему лицом, отступая. Габор продолжал смотреть на нее мрачным взглядом.

— Кажется, господарь разозлился? — Она никогда не умела быть соблазнительной. Но сейчас чувствовала в себе силу покорить этого мужчину.

Габор прищурился, следя за ней, как за глупой жертвой, решившей поиграть с хищником.

— А ты хочешь проверить, насколько сильно я зол?

Олеся улыбнулась. Как же он ей нравился таким. Диким, неудержимым. Внешне сдерживающийся, остающийся практически невозмутимым и преступно спокойным, но внутри... Настоящий ураган, который отражается лишь в его глазах.

— Любишь быть грубым с женщинами?

— Ты меня провоцируешь? — Он иронично вздернул бровь, став похожим на пресыщенного султана.

Олеся пожала плечами:

— Я бы могла тебе позволить...

— Что именно? — Он тут же напрягся. Глаза лихорадочно заблестели.

Олеся откинула назад растрепанные волосы. Взгляд Габора не отрывался от нее ни на минуту.

— Мне кажется, ты... дикий... Не смотря на то, что кажешься всем суровым и холодным.

Уголки его губ медленно поднялись вверх, придавая лицу хитрое выражение.

— Если кого-то долго сдерживать, рано или поздно он сорвется и вырвется наружу. Меня сдерживали с детства.

— Можешь сорваться со мной. А все пусть продолжают считать тебя хладнокровным господарем. И только я буду знать, какой ты на самом деле...

— И какой же я?

— Порочный... — Олеся сделала шаг в сторону и начала обходить Габора по кругу, заходя ему за спину. — Развратный. Страстный. Неукротимый. — Положила ладони ему на плечи и нагнулась к его уху. — Дикий. Очень-очень дикий...

Нежно поцеловала его ухо и тут же отстранилась:

— Но нам нужно ехать к ведьме. Ты обещал.

Габор резко поднялся и схватил ее за руку. Поташил за собой, как неразумного ребенка.

Олеся едва успевала переставлять ноги:

— Постой! Куда мы?

— Быстрее уедем — быстрее вернемся. И ты узнаешь, насколько сильно я люблю быть грубым.

От предвкушения кожа покрылась мурашками, и грудь налилась тяжестью. Такая ненужная сейчас реакция мешала сосредоточиться. Но Олеся заставила себя прогнать из головы откровенные картинки. Бросила последний взгляд на фреску. Буквы на рогах оленя по-прежнему были незнакомыми.

Нужно сказать Габору... Но наверное не сейчас. Вряд ли он обрадуется ее безграмотности.

— Куда мы идем?

Они шли знакомыми коридорами, но Олеся так и не запомнила, куда какой ведет.

— В мои покои.

— Зачем?

— Если ты поедешь со мной, это может вызвать ненужные разговоры и подозрения.

— Хочешь опять меня запереть?! Но ты же обещал...

— И сдержу свое обещание. Мне как раз нужен доверенный слуга. — Габор хитро улыбнулся и открыл дверь комнаты, где они впервые встретились.

Олеся нахмурилась:

— Что ты имеешь ввиду? Какой еще слуга?

Он окинул ее загадочным взглядом и скрылся за неприметной дверью в углу. А когда появился вновь, держал в руках стопку одежды:

— Чтобы не вызвать подозрений, тебе придется временно побыть моим верным, — он снова усмехнулся, — и преданным слугой. Надеюсь, ты любишь маскарады?

Кажется, она начинала понимать...

— В моем мире я не была ни на одном. Да их и устраивают нечасто.

На лице Габора появилось недоверие.

— Как вы тогда развлекаетесь? — Он начал раскладывать на кровати одежду. Мужскую. Но явно не своего размера.

— Ну-у-у... Есть разные способы... Откуда эта одежда?

Он снова надел маску. Холодное непроницаемое выражение. Но в глубине глаз затаилось что-то глубокое и опасное.

— Это моя одежда. Тебе должна подойти. Мне было тогда лет двенадцать.

Кажется, это именно то, во что он переодевался, сбегая в деревню. Олеся мысленно поблагодарила Петру. Старушка дала ей возможность лучше понять Габора. И Олеся обязана воспользоваться этим шансом.

— И ты до сих пор хранишь ее?

Габор бросил на нее мрачный взгляд:

— Да.

И это все? Олеся взяла рубашку из плотной ткани с красно-желтой вышивкой на воротнике и манжетах. Сдержанные угловатые узоры идеально подходили характеру Габора. Вся его натура сосредоточилась в этих орнаментах.

Ладно... Она все равно заставит его признаться.

— Где можно переодеться?

— Здесь.

— Прямо перед тобой? Для того, кто скрывает каждую минуту своей жизни, ты слишком много от меня хочешь.

— Ты будешь одеваться здесь. Передо мной. Или считаешь, что я вчера не все рассмотрел? — От его высокомерного и даже пренебрежительного тона Олеся передернуло.

Да что же это такое? Оставаясь невозмутимым, он так безжалостно играл с ее эмоциями, что Олеся боялась сойти с ума. Жестокое падение с небес и безумного возбуждения в преисподнюю его равнодушия.

Размахнувшись, Олеся вlepила ему звонкую пощечину, вложив в нее всю свою силу и боль. Всю ярость. Звон от удара плоти о плоть, задрожал в воздухе.

Габор откинул голову, но скорее от неожиданности. На его смуглой коже проступил алый след.

Он схватил ее за плечи и встряхнул:

— Ты забываешься, Олеся. Не нужно думать, что тебе все позволено, лишь потому что мы спим.

— Какой же ты все-таки мудака! Я не просила твоей милости. Можешь меня выбросить из крепости. Я ведь даже не бедняжка Маргит, на которую всем было плевать. Мне ты вообще ничего не должен.

На щеках Габора снова заиграли желваки, венка на виске забила. Но больше не дрогнул ни один мускул. Он швырнул Олесю лицом на кровать и начал расстегивать ее платье. Олеся попробовала отползти, но Габор просто рванул ткань на спине, выдирая крючки, а затем грубо перевернул ее на спину.

Низким голосом прорычал:

— Еще помощь нужна?

Он стащил с нее платье, совершенно не обращая внимание на отчаянное сопротивление.

— Рубашка, брюки, сюртук, плащ. — Перечисляя, он швырял ей на колени одежду.

Олеся поднялась с кровати, пытаясь сохранить последние крупы гордости. Держа спину до боли прямо, стащила с себя платье. Пышной горкой оно упало к ногам.

Габор, не отрываясь, следил за каждым ее движением. Как будто ждал, когда она сделает что-то неправильно. Его вспышка ярости никак не вязалась со скрытым характером.

Внезапная догадка поразила надеждой. Может... Может, все дело в ней? На нее он реагирует так остро и почти болезненно?

Демонстративно медленно она надела его брюки и рубашку. Одежда оказалась впору. Мягкая ткань штанов обтянула бедра, а рубашка оказалась чуточку узка в груди. И судя по горячему взгляду Габора, он это заметил.

Что ж, пусть смотрит. Теперь, прежде чем получить от нее хотя бы поцелуй, господарю придется потрудиться. Натягивая короткую кожаную куртку, Олеся специально выпятила грудь. Пуговицы натянули материю, отчего глаза Габора потемнели еще больше.

По коже прошли мурашки от пристального тяжелого взгляда. Казалось, Габор впал в транс, застыл, не видит ничего вокруг.

Олеся поправила воротник, и в то же мгновение Габор шагнул к ней. Резко свел вместе расходящиеся пальцы и почему-то дрожащими пальцами принялся застегивать металлические бляшки. Он едва ли не с мясом выдирает короткие ремешки.

Олеся вздернула подбородок:

— Ну что, господарь? Я похожа на вашего слугу?

Она резко вскинул голову и опалил ее бешеным взглядом — будто вулканической лавой облил.

— Мои слуги следуют моим приказам и стараются во всем мне угодить.

Олеся нагнулась в шуточном поклоне:

— Я живу ради того, чтобы угождать вам... господарь.

Кажется, она перегнула палку. Габор так крепко стиснул зубы, что кожа на скулах едва не трескалась — настолько четко они обозначились. Его лицо стало хищным и опасным. Олеся впервые испугалась его по-настоящему. Было в нем что-то... демоническое. Сердце царапнуло неприятное подозрение, но она постаралась отогнать его подальше.

Габор взял с кровати выцветший темный плащ. Наверное, когда-то он был очень красивым — с темно-зеленой каймой и вышивкой по подолу. Но сейчас края выглядели потрепанными, кое-где торчали короткие ниточки.

Габор окинул ее похолодевшим взглядом и приказал:

— Накинь капюшон, и не снимай, пока я не разрешу.

Олеся закрутила растрепанные волосы в пучок на макушке и закрепила парой шпилек. Послушно опустила капюшон прямо на глаза.

Габор отвернулся, в очередной раз умудрившись пройти грубой подошвой по ее сердцу. Он нажал на один из кирпичей в кладке, и на стене отчетливо обозначился контур небольшой арки. Кирпичи

внутри нее начали отъезжать в стороны, открывая небольшую темную нишу.

Олеся приоткрыла от удивления рот. Каждый сантиметр ниши был занят оружием. Оно висело на стенах, мягко светясь в темноте тайного помещения.

Габор обвязал вокруг талии пояс со множеством непонятных ремней и креплений. Помимо воли Олеся залюбовалась его скупыми точными движениями. Ни одного лишнего жеста. И это было... очень соблазнительно. Она почувствовала, как кровь приливает к щекам, и становится невыносимо жарко.

Габор снял со стены длинный меч в ножнах и прикрепил к поясу. С другой стороны повесил уже знакомую ей саблю.

За спиной закрепил кинжалы с длинными лезвиями. Больше всего Олесю поразила блестящая цепь с жутковатым крюком, напоминающим наконечник стрелы, только в несколько раз больше. Выглядело жутко и навевало мысли о пытках. Похоже, он не шутил, когда угрожал запереть ее в подземелье и приковать цепями.

Осторожно Олеся спросила:

— Мы едем на войну?

Габор повернулся к ней, закрепляя на предплечьях странные наручи. Кажется, это были футляры для толстых металлических стержней. Во что она вязалась?

— Мы едем в лес. Зимой. Накануне Проводов Старого года. А зимний лес — это территория Крампуса. Я должен тебя защитить. С нами не будет отряда солдат.

Олесе стало страшно. Крампус, сколько бы она о нем не слышала, все еще оставался для нее мифической угрозой. Но Габор говорил о нем слишком серьезно.

— Тогда почему нам не взять с собой солдат?

— Вдвоем у нас есть шанс проскочить незаметно. Но вооруженная армия вряд ли останется незамеченной. Ты все еще можешь остаться здесь. — Он поднял бровь, то ли сомневаясь в ее смелости, то ли провоцируя на что-то.

Но Олеся и не считала себя храброй или бойкой. Она была трусихой! И соваться в жуткий лес на верную смерть... было по меньшей мере глупо.

Но ведь Габор собирался ехать. Один. А ей вдруг захотелось стать отчаянной. Ну когда еще в жизни случится такое приключение? Да и лучше быть в лесу с ним, чем остаться одной в крепости.

— Ты готова? — Он придирчиво оглядел Олесю и тоже облачился в плащ.

— Да.

— «Да, мой господарь». — Он подошел к ней вплотную, очертил пальцами линию подбородка. — Так слуги обращаются к своему хозяину.

— Как быстро меня понизили с любовницы до служанки... — Когда палец Габора скользнул по ее губам и надавил, побуждая впустить в рот, она слегка прихватила кончик зубами и тут же отпустила. — Так слуги тоже делают?

Влажным пальцем он снова провел по ее губам:

— Слуги делают все, что я прикажу. Они стремятся угодить своему хозяину.

— Наверное, им приходится несладко. Ведь их хозяин такой привередливый. — Олеся коснулась кончиком языка шершавой и чуточку солоноватой кожи.

Ладони Габора легли на ее обтянутую мягкой кожей брюк попку. Пальцы впились в упругую плоть. От этой грубоватой и такой примитивной ласки внизу живота завязался тугой болезненный узел.

— Да. — Голос Габора снова охрип. — У их хозяина особые запросы. И им нужно сильно стараться, чтобы их удовлетворить.

Олеся отступила, вырываясь из плена его рук. Наверное, Габор не ожидал, что она отойдет, поэтому легко ее отпустил.

— Что ж... Я за вас спокойна, господарь: целый штат слуг сможет удовлетворить любой из ваших капризов.

— Я вижу, ты не знаешь, зачем тебе нужен язык... — Габор убрал с ее лица выбившуюся прядку. — Придется объяснить. А потом наказать... за дерзость.

Олеся охватило невиданное прежде возбуждение. Их перепалка, наполовину шуточная, наполовину серьезная, была словно огнем, поджигающим ее тело и душу. Она уже не желала никуда ехать. И бессонной ночи как будто не было. Хотелось затеряться в этом человеке. Пропасть в нем и его ласках. В его страсти и теплоте тела. В его душе. Он сказал, что она принадлежит ей?

Но Олеся пока не чувствовала себя способной разгадать и понять таинственного господаря. Он по-прежнему был самым непонятным человеком, которого она когда-либо встречала. Загадочным. С ворохом секретов, которых хватит на сотню жизней.

— Господарю нравится наказывать? — Во рту пересохло, и Олеся с трудом шевелила языком.

— Да. Очень нравится. Для этих целей у меня есть особое подземелье. И цепи... Ты ведь к ним равнодушна, если я правильно помню?..

Габор улыбнулся. Но не по-доброму. Опасная коварная улыбка, от которой стало и страшно, и нестерпимо горячо. Он помнил ее слова перед поездкой в деревню.

Олеся поняла, что оказалась в ловушке, в которую сама же себя и загнала. С Габором было так легко забыть про все запреты и стыд. Она легко могла откинуть стеснение, превращаясь в одержимую этим мужчиной нимфоманку. Но ей было необходимо еще кое-что: его сердце и душа. Как понять, что вчерашние слова — не просто красивые фразы, а правда?

— Да, цепи — моя слабость. — Олеся облизнула губы.

Взгляд Габора, тягучий и томный, остановился на них.

— Нам пора отправляться.

Вот и все. Все?! Олеся тяжело дышала, пытаясь сдержать разочарование и рвущий душу крик. Габор еще ниже надвинул капюшон ей на глаза, проверил свое оружие и направился к двери.

— Учти: хоть одно слово, сказанное без моего разрешения, и ты останешься здесь. Для всех — ты мой слуга, который будет сопровождать меня в поездке в деревню.

Олеся кивнула:

— Я все поняла. Понял. — Она постаралась говорить тише и ниже.

Что ж за мальчика-слугу может и сойдет.

Габор как-то странно взглянул на нее, вновь сжав губы в узкую линию. На лбу проступила длинная глубокая морщина. Кажется, он на что-то злился, но Олеся никак не могла понять, на что именно.

Он покачал головой и отвернулся.

— Следуй за мной.

— Слушаюсь, господарь.

— Молчи-и-и...

Олеся послушно захлопнула рот, понимая, что сейчас не лучшее время для споров. Интуитивно она чувствовала, что Габор злится, вот только не понимала, на что именно.

Он быстро шел по коридорам, и Олеся старалась не отставать. Но все равно вертела головой по сторонам, рассматривая прежде незнакомые лестничные пролеты и открытые галереи.

Все-таки, здесь было невероятно красиво. Сначала замок казался ей неудобным и пугающим. Холодным. Сейчас же Олеся смогла разглядеть его суровую мрачную красоту. Она была повсюду. В стенах, украшенных барельефами драконов, Крампуса и лесов. В стрельчатых окнах с яркими витражами. В огромных напольных подсвечниках в виде деревьев и в люстрах, подвешенных на толстых длинных цепях. В них, наверное, было не меньше тысячи свечей.

Олеся не могла отвести взгляд от всей этой красоты. И в то же время она понимала, что Габор здесь на своем месте. А вот она... Сможет ли она стать достойной его? Пока она вела себя, как чокнутая истеричка. Габор все это терпел и даже спускал ей многое. Но она и не была его женой. Жена...

Он ведь имел ввиду именно это? Почему-то она не ощущала себя женщиной, уже побывавшей замужем. Вроде бы не должна испытывать странного волнения и предвкушения. Но ощущения были

такие, словно все происходит впервые.

— Габор!

Олеся аж подпрыгнула. Навстречу им спешила Адрианна. Женщина выглядела взволнованной и едва ли не плакала.

Габор остановился, и Олеся не придумала ничего лучше, как спрятаться за его спиной. Замерла, уставившись в пол, надеясь, что Адрианна не разглядит ее лица.

— Куда это ты собрался?

— Я должен отчитываться перед тобой? — Его тон снова был холодным и высокомерным.

Вот он — настоящий господарь. Зря Олеся думала, что сможет привыкнуть к этому миру. Возможно, у нее получится приспособиться, но жить рядом с мужчиной, который настолько холоден даже к родным... Она не выдержит. Ей нужны эмоции. Бушующие страсти. Сумасшествие. Его равнодушие ее попросту убьет.

— Нет. Нет, конечно не должен. Но ты мог бы мне хоть немного помочь! До приезда короля осталось сколько? Дня три? А еще ничего не готово! — Она обвела рукой просторный зал. — Я уже сбилась с ног...

Они с Габором только что спустились с крутой лестницы и сейчас стояли в огромном зале с улетающим вверх потолком. Полукруглый свод был так высоко, что казался едва ли не небом. И он был расписан...

Олеся не удержалась и немного приподняла голову. Лес, горы... Уже знакомый олень. Воины в доспехах. Крампус, выглядывающий из-за дерева. Дракон на скале. Демоны, склонившиеся над котлом. Дети, заблудившиеся в лесу. И все эти картины были пронизаны волнами лент, на которых было что-то написано.

Олеся сжала кулаки. Ну почему ей так не везет?! Почему может говорить, а написанное не понимает?

— Ты со всем прекрасно справляешься. Все слуги в твоём распоряжении. Мои люди знают, что делать. Я уже отдал им все необходимые распоряжения.

— Я и вижу! Они совсем не так украшают замок, как раньше. И все, как один, твердят, что это твой приказ.

Только сейчас Олеся заметила суесящихся людей. Одни натирали полы, другие разбирали огромные связки еловых ветвей.

— Да. Тебе нужно лишь все контролировать.

Несколько человек устанавливали по периметру зала искусственные деревья. Они были абсолютно голыми, с неестественно скрюченными стволами и завернутыми в спирали ветками. На эти ветки долговязый мальчишка крепил белые фонари со свечами внутри, а две служанки повязывали красные и белые шелковые ленты.

Казалось, что их окружает нереальный сказочный лес.

— Но куда ты собрался? И кто это с тобой?

Не скрывая любопытства, Адрианна заглянула Габору за спину.

— Адрианна, мои дела тебя не должны волновать. Твоя единственная забота — украшение крепости.

— Очень плохо, что это только моя забота. Он везет с собой дочь. Ты не можешь не понимать, что это значит!

— Адрианна... — Габор буквально прорычал имя сестры.

По коже прошел озноб от нехорошего предчувствия. Почему он не дает ей договорить? Что такого в том, что король едет с дочерью? Отмечать праздники с семьей — это нормально. Но в глубине души уже зрело подозрение.

— Ты должен быть здесь! И стараться ей понравиться. Хотя она и так давно влюблена в тебя. А вместо этого отправляешься неизвестно куда неизвестно с кем!

Олеся закусила губу, чтобы не всхлипнуть. Сердце болезненно дернулось в груди.

Габор схватил сестру под локоть и проскрежетал:

— Чтобы я больше ни слышал от тебя ни слова о короле.

— Н-но-о-о...

— Ни слова!

Адрианна обиженно надула губы и опустила голову. Олеся сжала кулаки. Пальцы дрожали, как у наркоманки. А ведь она ею и была. Конченная девица, у которой отбирают любимый наркотик, и нет шанса даже на последнюю дозу. Наркотиком был Габор. Вызвал у нее привыкание после первого же употребления. И теперь он — все, что ей нужно.

Вода, еда, сон ничего для нее не значат, если нет его. А он готовит замок к приезду принцессы. Своей будущей жены. Выходит, все было неправдой? Конечно. Зачем ему нужна какая-то безродная девчонка в теле сумасшедшей жены брата, когда есть принцесса?! И возможность стать королем. С ней можно спать и играть словами. Лишь для этого она хороша.

А для королевской дочери он готовит особый прием и как-то по-новому украшает замок. Наверное, будет стыдиться, что имел такую любовницу.

Боже... она грубила будущему королю! И что теперь будет? Лишь бы не отдавал Миклошу. А со всем остальным она справится. Скорее всего. А может и нет. Возможно ли умереть от тоски по другому человеку? Кажется, скоро ей предстоит это проверить.

— Прости, брат. Я лишь беспокоюсь о тебе.

— Ты уже достаточно побеспокоилась.

— Ты ведь можешь стать ко...

— Довольно! Что в моем приказе было непонятно?

— Я...

— Что, я спрашиваю? — Голос Габора эхом разнесся по залу.

Олеся вздрогнула. Глаза предательски щипало, и пришлось часто-часто заморгать. Дурочка... Позволила себе надеяться. А ведь знала, что нельзя.

— За мной!

Она не сразу поняла, что Габор обращается к ней. Попытка не расплакаться отнимала все силы. А черная ярость застилала глаза пеленой.

Лишь когда Габор отошел на несколько метров, Олеся поняла, что стоит напротив красной от злости Адрианны.

— Ты что, уснул?!

Олеся забыла об осторожности и посмела прямо встретить его тяжелый его взгляд.

— Оглох? Я тороплюсь. Шевелись.

Конечно! Она ведь мальчик-слуга. Вовремя господарь напомнил о ее месте в его жизни. Вот только во взгляде Габора бушевала такая буря, что ее начали одолевать сомнения. Ну не может равнодушный расчетливый мужчина смотреть так на случайную любовницу.

А может ей просто хочется видеть в его взгляде больше, чем там есть? Вдруг, причина его ярости в том, что она случайно узнала о его планах? Но стал бы он возиться с любовницей...

Олеся не знала, что думать. Надежды, страхи, предположения — все сплелось в причудливый клубок, который она не могла распутать.

Оставалось лишь покорно опустить голову и следовать за Габором. Они прошли через каменную арку, украшенную пушистыми еловыми лапами и ветками остролиста. Замок преображался, готовясь к празднику. Но у Олеся еще никогда не было так мрачно на душе.

Мрачно. Горько. И страшно.

Она послушно вышла за Габором в запороженный снегом двор. Хрустящая поземка покрывала каменные плиты белоснежным кружевом.

С каким-то маниакальным удовольствием Олеся разрушала снежные узоры толстой подошвой сапог. Габор все так же шел впереди и не спешил с ней заговаривать. Опасался, что их могут подслушать? Или пытался отсрочить неизбежное объяснение? О, пусть не переживает. Она не будет устраивать ему сцен и истерик. Хотя, почему это не будет?! Он должен получить сполна за свой обман. Но был ли то обман?

В какой-то миг Олесе захотелось стать сумасшедшей Маргит, которая не знала ни одного из миров, кроме мира своих фантазий и выдумок. Ни привязанностей, ни чувств, раздирающих душу, ни мыслей, способных свести с ума.

Лошади уже ждали. Угрожающего вида бородатый старик держал их под уздцы. Габор забрал у него поводья и кивнул. Старик немного ссутулился и, молча, направился в сторону. Он не выказал Габору никакого почтения, даже не поклонился. Ни слова не сказал.

Олеся удивленно смотрела ему вслед. Обычно, в присутствии великого господаря все слуги старались уменьшиться в размерах и едва ли не падали на колени, чтобы угодить.

Сильные ладони обхватили ее талию и потянули вверх.

— Ногу в стремя.

Олеся выполнила равнодушный приказ, и через секунду уже сидела в седле. Было жутко непривычно смотреть на мир с такой высоты. И страшно. Конь под ней перебирал ногами и водил головой из стороны в сторону. Из широких ноздрей вырывался пар. Жуть какая-то!

Габор поправил седельную сумку и легко вскочил в свое седло. Олесе даже показалось, что он взлетел — так быстро и легко господарь двигался.

Хотя чему она удивляется? Он идеален во всем. Вряд ли у принцессы был хоть один шанс устоять перед таким мужчиной. У Олеся вот точно не было.

Габор взялся за поводья ее лошади, и Олеся едва не выпала из седла, когда та сделала шаг вперед. Пришлось вцепиться в луку, потому что перед глазами все шаталось и плыло.

Габор умело управлял обеими лошадьми, ведя их к неприметной каменной арке в толстой стене. Возле прохода стояли два стражника, которые поклонились ему.

Едва они выехали наружу, как стражники захлопнули тяжелые двустворчатые двери, как будто отрезали путь назад. Олеся уставилась в спину Габора. Он молчал и даже не оборачивался к ней. Хоть бы проверил, не выпала ли она из седла. Наверное, всем будет легче, если она грохнется где-то по дороге. Сразу столько проблем решится. И оба братца от нее наконец избавятся.

Олеся ненавидела это острое чувство жалости к самой себе. Она ненавидела судьбу, которая раз за разом оказывалась к ней так несправедлива.

За этими мыслями она и не заметила, как они с Габором въехали в лес. Он оказался неожиданно близко к крепости, подступал к самым стенам. За пушистыми елями, покрытыми толстой снежной шубой, уже не было видно ни кирпичика.

Олеся осмелилась нарушить тишину:

— Я такая глупая...

Габор резко обернулся к ней. Оглядел цепким взглядом окрестности и сурово взглянул на нее.

— Будешь трепать языком, вернешься обратно в крепость. Пешком.

Олеся понизила голос:

— Не буду, если ответишь на вопрос: принцессе ты так же ответишь, если она посмеет сказать что-то не вовремя?

Габор остановил лошадей и прыгнул на землю. По его лицу ничего нельзя было понять. Только глаза жутко сверкали. На какой-то миг Олесе стало страшно до ужаса. Может, не только Миклош желает от нее избавиться? Вдруг Габору она тоже не угодила. И вот они одни. Вдвоем в лесу. Позади стоят часовые — угрожающие ели в белых доспехах. Впереди — непроходимая черно-синяя чаща. Повсюду — голые деревья с черными стволами. Как будто скорченные в муках грешники, попавшие в ледяной плен ада.

Габор сжал ее талию и резко потянул вниз из седла. Олеся тихонько вскрикнула, готовясь упасть в холодный сугроб. Но Габор удержал. Крепко прижал ее к себе и только потом поставил на землю.

И все это затем, чтобы тут же пересадить ее на своего коня, и, по-прежнему, молча, устроиться позади. Олеся вздрогнула, когда к спине прижалось твердое тело Габора. Он заключил ее в кольцо сильных рук, взялся за поводья и направил скакуна в мрачные заросли.

Олеся заставляла себя сидеть ровно и прямо, не прижиматься к нему. Но Габор был таким теплым, а ей всегда не хватало тепла и силы надежного мужчины.

Вот как она о нем уже думает: надежный. И это спустя полчаса после того, как узнала, что он скоро женится на другой. Ну и ду-у-у-ура.

Они медленно продвигались вперед, рядом спокойно брела и ее лошадка.

Олеся осмелилась нарушить тишину:

— Думаешь, что если буду сидеть вместе с тобой, то растаю, потеряю голову и забуду про то, что ты скоро женишься на другой?

Его голос звучал тихо. Обволакивал мягкой лаской.

— Так намного удобнее и быстрее. В крепости кто-то мог увидеть нас. В окно, например. Согласись, странно, что мой слуга, которому я доверяю настолько, что беру в лес, не умеет ездить верхом. И сколько бы ненужных разговоров пошло, усади я перед собой какого-то мальчишку. Хотя... — Его ладонь легла на ее бедро, медленно погладила и сжала. — Ты выглядишь в моей одежде так, что я думаю только о том, как спускаю с тебя штаны и долго трахаю.

Олесю бросило в жар от его слов. Она вскинула голову и взглянула на Габора. Он смотрел на нее так, словно ничего вокруг не существовало. Будто была только она и видел он только ее.

— А как же принцесса? — Олеся отвернулась и уставилась в таинственную синеву чащи.

Пальцы Габора впились в ее бедро.

— Сейчас тебе лучше молчать.

— Как прикажете, мой господарь.

Он напрягся. Олеся почувствовала это. Ощутила всем телом, как грудь Габора стала тверже. За спиной как будто выросла стена.

Он обнял ее одной рукой за талию, прижимая к себе еще сильнее. Олеся почувствовала, как вливается в его тело.

Голос Габора прошелестел мягкой лаской у уха:

— Мне нравится, когда ты такая послушная. Очень сильно нравится...

От малейшего движения с веток сыпался снег. Легкие снежинки танцевали в воздухе, создавая нереальную, почти сказочную, атмосферу праздника. Олесе и хотелось бы веселиться, предвкушать чудеса. На пару часов забыть обо всем и снова поверить в волшебство, которое никогда не случится. Но она понимала, что ее прекрасной сказке пришел конец.

Казалось, что они едва плетутся, но лес совсем сгустился, а на снегу не было даже птичьих следов. Они заходили все дальше в чащу, в непроходимое переплетение ветвей. Деревья росли часто и густо. Настолько, что над головой образовался купол, который едва пропускал свет.

Не оборачиваясь к Габору, Олеся тихо спросила:

— Может поищем дом того старика?

Тело Габора знакомо окаменело.

— Какого старика?

Олесю не обманул его деланно равнодушный тон. Она слышала злые суровые нотки, чувствовала сдерживаемый гнев.

— У которого я пришла в себя. Я ведь тебе говорила. Он оставил меня у дороги.

— Кроме Бражены в лесу никто не живет. — На этот раз она отчетливо слышала ярость.

— Может, он из деревни? Думаю... если бы увидела его, то смогла бы узнать.

На самом деле она и думать забыла о таинственном старике. Да и возвращаться в свой мир совсем

не хотелось. И даже не из-за того, что там она, возможно, давно уже мертва.

Просто здесь был Габор. А там... Там — пустота и бесконечные часы одиночества. Она столько времени ждала. Мечтала. Представляла. Дед Мороз подарил ей самую настоящую сказку. С замком. Правда, немного жутким и с кучей загадок, но таким величественным и неприступным. Со злодеями и фантастическими существами. И с Габором. Он не тот мужчина, которого она загадывала. Он лучше.

И наверное поэтому сейчас так отчаянно искала способ его спровоцировать. Она хотела услышать, что она для него единственная. Что он сходит с ума и никому ее не отдаст. Что принцесса для него ничего не значит, и он обязательно найдет способ избежать этой свадьбы.

Она хотела этого мужчину себе. Только себе. Олеся и предположить не могла, что в ней живет такая одержимая собственница. Кажется она готова была пойти на все, чтобы не делиться Габором ни с кем.

А что если... Что если подстроить так, чтобы принцесса увидела их вместе? Должна же быть у нее женская гордость?

Но вдруг Габор сам хочет этой свадьбы? Просто рассчитывает, что у него будут и жена, и любовница?

— Нам некогда искать старика, которого, возможно, и не существует. Тебе могло просто показаться.

Рука на ее талии сжалась крепче. Олеся твердо решила спровоцировать Габора хоть на что-то, вывести из себя и заставить проговориться о своих планах и намерениях.

— Мне не показалось. Он точно был. Наверняка он живет рядом с дорогой к твоей крепости.

— Я уже сказал: в лесу живет только Бражена.

— Но мы можем хотя бы попытаться. Может, он поселился тут, когда ты был в столице?! Вдруг он сможет вернуть меня обратно? Глупо упускать такой шанс.

Кажется, ей все-таки удалось его немного разозлить.

Сквозь зубы он проскрежетал:

— Ты. Никуда. Не вернешься. Забудь про это.

— Меня здесь ничего не держит.

— Серьезно? Ничего? Хочешь сказать... все, что было, для тебя ничего не значит?

Олеся сжала кулаки. Да как он может?! Шантажирует ее. Но ведь это к нему едет невеста!

Стараясь задеть Габора, как можно больнее, она холодно произнесла:

— Было... хорошо.

Он рывком развернул ее к себе, и Олеся едва не свалилась в снег.

На лице Габора была написана такая неподдельная ярость, что впервые рядом с ним ей стало по-настоящему страшно. Черты его лица исказились так сильно, что проступило нечто... как будто звериное. Глаза стали какого-то невероятного оттенка. Насыщенного, темно-серого, почти черного — как карандашный грифель. И в них мерцали серебристые точки. С ним что-то происходило. Что-то нечеловеческое...

Олеся задрожала, когда он слегка приоткрыл губы. Оскалился, словно хищник. В какой-то момент Олесе показалось, что сейчас он вцепится ей в горло.

Она шумно сглотнула, чувствуя, как тело покрывается мурашками страха. Ледяной холод легко пробрался под одежду — больше ее не грело тело Габора.

Он обманчиво нежно погладил пальцем ее горло, провел подушечкой вниз, отодвигая край плаща, и надавил на выемку между ключицами. Его бешеный взгляд не отпускал ее, приковав намертво.

Сейчас впервые Олеся четко осознала: он способен на все. На убийство, на пытки, на заговоры и интриги. Абсолютно на все. И с ней он проявлял чудеса выдержки и терпения. Но кажется сейчас она разозлила его по-настоящему.

В лесной тишине его голос звучал угрожающе вкрадчиво и страшно:

— Ты чего-то не поняла, Олеся... Я объясню в последний раз и больше повторять не буду. Не хочешь по хорошему, по хорошему и не будет. Я предлагал тебе стать моей женой, но если тебя это не устраивает, то есть еще роль моей... рабыни. Ты останешься здесь. Либо по доброй воле, либо прикованная цепями и ожидающая, пока я не захочу тебя навестить. У тебя будет много времени, чтобы понять, насколько нам... «хорошо». — Он издевательски изогнул уголок губ. — Тебе все ясно?

Ее начало потряхивать от угрожающего тона и тех слов, которые он произнес. Словно стал другим человеком. Внутренний голос испуганно прошелестел: «Нет. Он всегда таким и был. Просто тебе показывал лучшую свою часть. А ты умудрилась раздражить сидящего в нем демона».

При воспоминании о демоне в животе что-то сжалось. Какая-то смутная догадка, подозрение... Разрозненные куски головоломки лежали прямо перед ней, но она никак не могла собрать их вместе. Не хватало вроде бы и крошечных, но безумно важных фрагментов.

Стараясь не злить его еще больше, Олеся тихо ответила:

— Да.

Его палец переместился, скользнул по ее губам и надавил на нижнюю:

— Да, мой господарь.

Олеся кивнула, все больше пугаясь его тихого вкрадчивого голоса. Кажется, она допустила ошибку. Разозлила. Но в чем причина? Он так сильно не хотел, чтобы она уходила? Или ему просто понравилась новая игрушка?

Габор сжал ее подбородок и приказал:

— Повтори!

Расширившимися от ужаса глазами она смотрела на него. Что, что она должна повторить? Когда до парализованного мозга стало доходить, ее едва не скрутило пополам от ярости, возмущения и... страха.

Все еще в плену его ладони, она тихо выдохнула:

— Да, мой господарь.

Он надавил на ее губы большим пальцем и протолкнул его в рот. Коснулся зубов, скользя дальше.

Новый приказ он отдал хладнокровным равнодушным тоном:

— Оближи.

Олеся снова сглотнула вязкую слюну. На этот раз от обиды и унижения. Невольно коснулась языком кончика его пальца и тут же прижала его к небу.

На щеке Габора дрогнул желвак. Глаза опасно сузились, белых искорок в радужках стало еще больше. Загипнотизированная страхом, Олеся следила за тем, как они взрывались, подобно звездам и рассыпались на крошечные пылинки. От этого казалось, что в его глазах бушует ураган.

— Твой господарь приказал тебе... Ты не услышала? Или не поняла? — Его голос стал еще тише.

Опасный, страшный, но бархатисто-вкрадчивый. Как будто он заволакивал свою жертву, чтобы через секунду лишить ее жизни.

Именно жертвой Олеся сейчас себя и ощущала. Несмело коснулась его солоноватой холодной кожи языком и слегка погладила. Она чувствовала себя униженной этим приказом. Растоптанной. Не хотелось думать, что она сама виновата в происходящем.

Просто... просто он показал себя перед ней таким, каким и был на самом деле. Выпустил на волю того Габора, о котором все и говорили. Холодного, жестокого, беспринципного. А тот, которого она знала — лишь маска, личина. И наверное он использовал всю свою силу воли, чтобы казаться рядом с ней другим.

— Ты недостаточно усердна. — Он уже откровенно издевался над ней.

Начал вводить палец ей в рот и тут же убирать, имитируя движения бедер. Олесе захотелось плакать от унижения. И от желания, которое помимо воли разгоралось внутри. Она заставляла себя ненавидеть его и то, что он творит, но тело жадно отзывалось на каждое мимолетное касание, узнавая ласки желанного мужчины.

Кровь затопила лицо и шею. Щеки пылали, и кажется, он это видел. По чувственным губам скользнула ухмылка.

— Мне долго ждать? — Он резко толкнул палец в рот, найдя язык, погладил подушечкой.

Олесе не оставалось ничего иного, как обвести его и сжать губами, слегка всосать, хоть он этого и не приказывал. Приказы... Она уже ждет и готова их исполнять. Как быстро она станет его послушной рабой?

Ей было неудобно сидеть полубоком, спина затекла, а между бедер становилось тяжело и горячо. От этой мысли, щеки вспыхнули огнем.

Габор вдруг убрал палец и тоже его облизнул.

— Я почти уверен, что если опущу руку, то почувствую, что ты уже мокрая. Мы будем это проверять?

Олеся судорожно замотала головой. Новая ухмылка больно резанула по сердцу.

— Как ты должна мне ответить?

— Н-нет... — Заплетающийся язык не слушался, словно она опьянела и с трудом могла говорить.

Габор вздернул бровь:

— Как ты должна отвечать?

Боже, да чего он от нее хочет?! Олеся тяжело вздохнула, наполняя грудь воздухом. Легкие тут же опалило колючим морозом. До этого момента она не ощущала холода, раскаленная внутри словно металл.

— Нет... мой господарь.

Габор кивнул. Не дрогнул ни один мускул. Он снова развернул ее спиной к себе и взялся за поводья.

— Хорошо. Оказывается, ты все-таки понятливая. — Габор чуть наклонился и понизил голос почти до шепота. Горячее влажное дыхание опалило словно вулканический выброс: — Сейчас мы едем к Бражене. Ты молчишь, пока я не разрешу откврь рот. И делаешь только то, что я говорю. Все понятно?

Олеся кивнула. Но он снова жестко сжал ее подбородок и грубо развернул к себе:

— Я не слышу.

Сцепив челюсти, она сквозь зубы проговорила:

— Да, мой господарь.

Он лишь улыбнулся. Холодно. Расчетливо. Кивнул и слегка ударил поводьями коня.

Олеся ужаснулась тому, какого монстра пробудила.

Глава 20

В душе все постепенно леденело, и уже нельзя было сказать, где холоднее: в мрачном сумрачном лесу, или у нее внутри. Олеся сидела прямо, боясь пошевелиться. Как могла, она отодвигалась от Габора, но сделать это в седле было невозможно.

При каждом движении лошади его бедра терлись о ее, грудью и животом он слегка толкался в ее спину, горячее дыхание все время оведало уши и шею.

Это была самая настоящая пытка. Ехать вот так, рядом с ним, сходить с ума от желания, страха и непонимания.

Олесю начала бить лихорадка. Холод зимы пробирал до костей, но жар Габора опалял огнем. Неужели, теперь между ними будет только так?

Олеся покачнулась в седле, и сильная рука Габора тут же обвилась вокруг ее талии, накрепко прижимая ее к твердой горячей груди. Она попыталась отстраниться, вырваться, но Габор лишь сильнее надавил.

— Сиди смирно и не дергайся.

Ее так и тянуло съязвить и сказать какую-нибудь гадость. Аж трясло. Но, прикусив язык, Олеся заставила себя смолчать. Он хочет играть в молчанку? Она подыграет. Ему нужна рабыня? Он, черт возьми, ее получит! Но по своей воле она к нему даже не прикоснется.

Внезапно в лесу потемнело. Мрачное совиное уханье напугало до дрожи. Пальцы Габора распластались на ее талии, ощутимо впиваясь в кожу. Олесе нестерпимо хотелось обернуться и заглянуть в его глаза, в его лицо.

Но все мысли в голове замерли, пораженные увиденным.

Они продвинулись глубоко в лес. Сюда едва-едва проникал свет. Из-за блуждающих теней, казалось, что между деревьев бродят призраки. С детства знакомые сосны и ели казались жуткими монстрами, вышедшими нести дозор.

Олеся потрясенно разглядывала деревья, мимо которых они проезжали. Среди пушистых еловых лап темнели обрывки тканей. Некоторые выцвели, другие — все еще хранили узорчатую вышивку, третьи вообще казались обычной мешковиной.

Олеся все-таки не удержалась и прошептала указывая на торчащую среди хвои темно-красную ленту:

— Что это?

Габор сурово ответил:

— Не смотри по сторонам.

От его слов стало только хуже. Взгляд сам собой возвращался к странным тряпицам, то и дело выглядывавшим из густой хвои.

В какой-то момент ее нервы сдали:

— Господарь решил избавиться от меня, завезя подальше в чащу? Чтобы не досаждала своей болтовней и не мешала жениться на принцессе?

Лишь договорив, она поняла, что сболтнула лишнего. Даже сейчас, сходя с ума от страха и неизвестности, она не могла сдержать рвущуюся наружу ревность. Ревность к мужчине, который совсем недавно назвал ее рабыней.

Он понял. Конечно, он все понял...

— Думаешь, что можешь помешать мне жениться? — Его насмешливый тон болью отозвался в груди. — Ты слишком много на себя берешь, иномирная. Нам всего лишь было... хорошо. — Ей даже не нужно было видеть — она прекрасно расслышала усмешку в красивом голосе.

Ее собственные слова вернулись к ней острыми кольями, вонзенными прямо в сердце. Хуже всего было то, что она понятия не имела, почему он так сказал. Потому что ему было обидно это услышать от нее? Она задела мужскую гордость? Или он решил посмеяться над ней? Ведь прошлой ночью он говорил, что она украла его душу...

Горькое признание само вырвалось наружу, не спрашивая разрешения:

— Наверное, я снова ошиблась...

Она сказала это себе, не ему. Но Габор вдруг слетел с коня и вытащил ее из седла так грубо и неожиданно, что Олеся едва не полетела кубарем в снег.

Но он легко ее поймал, схватил за плечи и тряхнул.

— Не смей сравнивать меня с ним.

Она даже не удивилась, что он понял. Он был чертовски умен. И хитер. И, как оказалось, жесток. Олеся не знала, что еще скрывается за его мужественным лицом, но подозревала, что не хочет этого знать. Он оказался слишком сложным для нее. Для простой девушки, жившей в крошечной квартирке и мечтавшей о тихом спокойном счастье.

— Нет... — Она попробовала встать на цыпочки, но лишь глубже увязла в холодном снегу. — Ты в миллион раз хуже. Ты... — Олеся просто не знала, какими словами выразить все, что у нее на душе. И возможно ли это вообще как-то объяснить. — Ты такой... Я даже не думала, что такие существуют. Ты ведь во всем лучший. Совершенный! Идеальный... — Ее голос сорвался на хриплый придушенный шепот. — Ты лучший, и ты знаешь об этом. К твоим ногам упадет любая, какую ты только пожелаешь. Сама принцесса. А кто я? Меня ведь... меня ведь здесь даже не существует. Кого я заменила, попав в твой мир? Жену твоего брата. Сумасшедшую. Почему не чертову принцессу?! — Последние слова она уже едва ли не прокричала, оскверняя почти священную тишину.

Габор больно сжал ее плечи, вплотную притянул к себе и вдавил в свое тело. Олеся задыхнулась. Дышать стало тяжело. От него хлынул такой нестерпимый жар, что лес показался пылающим адом, а не ледяной чашей.

— Ты до сих пор не можешь понять одного, иномирянка: если я чего-то хочу, то я этого добиваюсь. Любой ценой. А хочу я тебя. Возможно, я худший, кого ты встретила в этом мире. Возможно, худший, кого ты знаешь в обоих мирах. Но ты будешь моей. И ни принцесса, ни король не помешают мне.

Олеся судорожно вдохнула морозный воздух, смешавшийся с его ароматом, едва ощутимым, но таким важным. Она все еще боялась его. Габор смотрел на нее... с ненавистью. Со странной, затаенной в глубине глаз болью. Серая сталь немного отступала, возвращая место ярким голубым краскам, но все-таки... Сейчас, именно сейчас она видела его настоящего. И этот настоящий Габор вызывал у нее совершенно противоположные чувства. Он пугал. До ужаса. И он завораживал. Манил узнать его секреты. Его тайны. Раскрыть их.

Олеся помотала головой, вцепилась в его плащ, судорожно сминая ткань:

— Я не смогу так, понимаешь? Не смогу... Быть твоей... любовницей. Знать, что от меня ты пойдешь к ней... Что будешь делать с ней то же, что делал со мной.

Ну вот, она наконец призналась. Это было не так сложно. Нет. Это было одуряюще больно. Как будто чьи-то когти впивались в ее сердце и тянули из груди.

Габор криво усмехнулся. Его губы изогнулись соблазнительно-порочно, как будто он наслаждался ее слабостью. Олесю вновь пробрала дрожь.

Его глаза сверкнули:

— Мне нравится, что ты ревнуешь... Никогда не думал, что это может так пьянить... — Он коснулся пальцем ее скулы, мазнул по щеке и снова дотронулся до губ. — Твоя ревность... меня возбуждает...

Господи, что он такое говорит?! Олеся попробовала вырваться из его рук, но хватка была стальной. В бессилии она ударила кулаками по его мощной груди.

— Ты не понимаешь! Мне больно! Больно!

Он резко толкнул ее спиной к шершавому толстому стволу.

— Это ты не понимаешь. И не слышишь. Вчера я все тебе сказал. Ты. Ты будешь моей женой. Только ты. Моей любовницей. Моей рабыней. Моей женщиной. Моей. Только ты. — Тяжелый взгляд въедался в самую душу. Он действовал дурманяще, заползал в голову туманом и лишал рассудка.

Его слова разливались внутри сладкой отравой. Олеся жадно хватала ртом воздух, пытаясь понять, что он только что сказал...

— Но... Но она же принцесса... Как можно отказать королю?

Габор стиснул челюсти. На щеках вновь заиграли желваки.

— Предоставь все проблемы решать мне. Это не твоя забота.

Олеся до боли закусила губу. Может, хоть это ее немного отрезвит и вернет рассудок. Мужчины ее мира поступали не так. Совсем не так. Они ждали, что женщины сами разберутся со всем, а потом еще и будут их ублажать.

Габор был совершенно другим. И ей никогда к этому не привыкнуть.

Его взгляд стал темнее, сосредоточившись на ее губах. Едва ли не до крови Олеся вонзила зубы в мягкую плоть.

Габор покачал головой:

— Не порть свои губы.

Он наклонился и медленно лизнул набухшую от боли губу. Олеся тут же тяжело выдохнула. Не контролируя себя, подалась ему навстречу, задевая рукой длинную еловую лапу, тянущуюся к ней.

Раздался тихий свист, рассекаемого воздуха. Мелькнуло алое грязное пятно, и за спиной Габора повисло нечто жуткое. Призрак, дух, демон. Олеся не знала...

Она вскрикнула, безуспешно пытаясь протолкнуть застрявший в горле ком. Потянула Габора на себя, в сторону. Пустые глазницы злобно следили за ней. Перед глазами от ужаса все поплыло.

Она старалась оттянуть Габора от зависшего в воздухе монстра, но он не сдвигаемой скалой стоял между ней и призраком. Мелькнул мутный блик, и Олеся только сейчас поняла, что в его руке зажата сабля с длинным изогнутым лезвием.

От вида оружия стало только хуже. Это делало опасность реальной.

Габор закрыл ее своим телом, загораживая жуткое существо. Олеся опасливо выглянула из-за его плеча, но в этот самый момент он взмахнул саблей, разрубая воздух. Поверженный враг упал в снег.

Едва шевеля вмиг замершими губами, Олеся пискнула:

— О-он у-умер?

Габор повернулся к ней. Его лицо было непроницаемо. Он наклонился и поднял со снега веревку, на которой болталось... Олеся быстро зажала рот рукой.

Сквозь пальцы тихо спросила:

— Что это?

Голос Габора остался невозмутим:

— Страшилище.

Олеся шагнула ближе:

— Это же... оно... не живое?

— Нет, конечно.

Габор пошел к ели, из-за которой эта жуть выпрыгнула, но Олеся вцепилась в его плечо, останавливая:

— Постой. Я хочу рассмотреть... Что это?

На почерневшей от времени длинной и толстой веревке висело... Олеся даже не знала, как назвать это. Кажется, лошадиный череп, на котором кто-то вырезал странные и пугающие символы. Сверху торчали две толстых ветки — что-то вроде рогов. Снизу непостижимым образом крепилось.... Ну, это напоминало платье. Влажная и потемневшая от снега ткань с некогда красивым узором по подолу. Из рукавов выглядывали скукоженные птичьи лапки с острыми коготками.

— Кто это... его... сделал? — Олеся несмело коснулась пальцем грязной ткани.

Габор раздраженно махнул головой и отвернулся. Потянулся к ветке, которую Олеся так неосторожно задела, обвязал вокруг нее веревку и затолкал существо в самую глубь. Снаружи остался торчать только обтрепанный подол.

Увидь она подобное в своем мире, решила бы, что натолкнулась на каких-нибудь чокнутых сатанистов. Но здесь все имело свой смысл.

— Для чего это... Страшилище?

Габор развернулся к ней и с каменным выражением лица вложил саблю обратно в ножны.

— Пугать.

— Крампуса?

Он обхватил ее за талию и легко поднял вверх, усаживая в седло. Не смотря на пережитый страх и все еще гулко бьющееся сердце, она снова поразилась его силе и мощи.

— Нет, людей. — Габор вскочил в седло позади нее и снова прижался.

Олеся ненавидела себя за радость, которую ощутила, почувствовав за спиной его крепкую грудь. Ей все время хотелось прикасаться к нему. Трогать. Осязать. Как будто так она могла убедиться, что он настоящий, а не плод ее воображения. Мысли таяли от жара его дыхания и растекались ручейками. Напряжение после пережитого страха начало немного отпускать, и сосредоточиться от этого казалось все сложнее.

— Зачем пугать людей? Они и так в ужасе от всего происходящего.

— Это предупреждение для тех, кто зайдет в лес.

— Расскажи мне.

— Обязанность любого господаря — следить за благополучием своего народа. Справиться с демоном могут только обученные воины. Все ими быть не могут. Нужны ремесленники, крестьяне, обычные горожане. Всех их я должен защитить. Это обязанность любого господаря Бергандии. Есть то, что сделать могу только я.

Габор на несколько секунд замолчал. Олеся слышала, как тяжело ему говорить так много. Он с трудом подбирал слова и выцеживал их из себя через силу. Слово каждое из них давалось ему с невероятным трудом.

И все же это была не единственная причина. Он говорил, как будто с осторожностью... Тщательно обдумывая то, что хочет сказать. Олеся чувствовала, что есть целое множество тайн, которые он от нее скрывает. Но как их раскрыть? Как убедить его довериться?

Ведь если он скажет... тогда они точно будут связаны. Олеся знала, что это эгоистично, что это желание пришить его к себе общим секретом. Но иначе она не могла. Она хотела этого мужчину, чувствовала, что только с ним может быть счастлива.

Если только не будет темной пропасти лжи и тайн между ними. И этой неведомой принцессы.

Голос Габора мягким бархатом прошелся по коже:

— В большинстве своем крестьяне малограмотны и суеверны. Их очень легко напугать. Они стараются не заходить далеко в лес и с детства предостерегают от этого детей. Но всегда находится тот, кто считает, что может одолеть демона или даже самого Крампуса. А кто-то жаждет заключить с ними сделку. Первые господари Бергандии придумали, как с этим бороться. Во всех больших лесах есть Страшилища. Их вешают на границе, за которую лучше не выходить. Это как предупреждение, что идти дальше значит кликать беду.

Олеся немного обернулась. Его губы мазнули по уху, колючая щетина слегка царапнула кожу щеки. Так тяжело сосредоточиться, когда даже нечаянное касание заставляет дрожать, а чувства мечутся, как оголтелые, от ненависти до желания.

— Значит... их делают люди? Но как они могут помешать?

— Их делает сам господарь и его воины. Прячут в лесу, развешивая на деревьях так, чтобы казалось, будто из чащи кто-то следит за глупцом, который осмелился сюда прийти. Волей-не волей все, кто решается пройти дальше, задевают ветки. Тогда Страшилища... «выскакивают» на них. Мало кто будет разбираться, из чего они сделаны. Чаще всего это работает.

— О-о-о... — Олеся переваривала услышанное. — Значит, крестьяне понятия не имеют, что их тут ждет? Видят Страшилищ, пугаются и убегают?

— Да. Это спасает их жизни.

— Но разве еще никто не раскрыл этот секрет и не понял, что это просто обманки?

— Ты все никак не поймешь, Олеся... — Нарочно или просто задумавшись, Габор погладил ее по животу. Каждым движением он распалял ее все больше, внося сумятицу в душу. — Те, кто зашел в лес дальше Страшилищ, не возвращаются. Они либо погибают от когтей и зубов демонов, либо становятся их слугами. Секрет Страшилищ никогда не будет раскрыт, потому что его некому раскрыть.

Кожа покрылась мурашками.

— Значит, демонов никак не победить?

— Нет. Они были здесь до нас. И будут после.

Габор сказал это таким тоном, что стало ясно: больше про демонов лучше не спрашивать.

Она решилась задать другой вопрос:

— Но ведь мы с тобой пересекли границу Страшилищ. Значит, демоны могут напасть на нас?

— Думаешь, я взял бы тебя в лес, если бы существовала такая возможность? Даже если они вдруг осмелятся напасть, я смогу тебя защитить.

— Ты так уверен в своих силах.

— Да, и ты должна быть в них уверена тоже. — Звучало это угрожающе. — Я — твой господарь, Олеся. И ты не можешь ставить под сомнение ни мои слова, ни мои дела.

Снова его тон стал тяжелым и властным. Таким, что лучше не спорить. Понимая, что ее положение здесь все еще шатко, Олеся сделала вид, что не слышала последних слов.

Она всматривалась в чащу, замечая все больше цветастых лоскутов между деревьев:

— Значит, то Страшилище сделал ты?

— Нет, его делал мой дед.

— А твои? Есть те, которых делал ты?

— Зачем они тебе?

— Просто интересно, что ты придумал.

Габор долго молчал, Олеся начала думать, что он и не ответит.

Наконец он произнес... Голос звучал приглушенно и задумчиво. Олеся расслышала в ровном тоне едва заметную грусть.

— Ты действительно необычная. Когда мать узнала, что мы с отцом сами их мастерим, она посчитала это глупостью. Сказала, что нам следовало поручить это дело кому-нибудь из крестьян. И она никогда не интересовалась, что смастерил я.

Олеся не совсем понимала, что делать с его признанием. Габор всегда казался ей... холодным. Суровым. Она с трудом верила в его чувства, считая, что ему просто комфортно с ней в сексе. Но, кажется, все было сложнее.

В его голосе было что-то такое... Похоже, он вообще был не самого высокого мнения о женщинах.

Олеся осторожно спросила:

— Разе это не перечеркивает всю идею Страшилищ? Ведь тогда крестьяне узнали бы, кто их на самом деле пугает.

Габор невесело усмехнулся:

— Ты намного умнее, чем она.

Его слова совсем не звучали как похвала.

— Жены господарей мало интересуются тем, что делают их мужья. Отец не посвящал мать в дела. Да она и сама не спрашивала. Ее занимали совсем другие вещи. Как и большинство женщин. — Его пальцы неожиданно снова накрыли ее подбородок и повернули голову к себе. — Ну же, скажи, что ты не такая, что тебя не волнуют мои деньги, мое положение, и тебе нужен только я. Соври что-

нибудь. Вы же, женщины, умеете убеждать, когда вам что-то нужно.

Олесе стало до слез обидно. Она не понимала таких резких перемен в нем. То он убеждает ее, что она принадлежит ему, потом называет рабыней. Обещает взять в жены ее, а не загадочную принцессу, и тут же обвиняет в лицемерии.

Сморгнув слезу, которую так и не смогла удержать, Олеся тихо ответила:

— Мне нужно было домой. Это единственное, чего я хотела, пока не встретила тебя. Если ты хочешь услышать мою ложь, то вот она: верни меня обратно.

Кажется, Габор понял, что она хотела этим сказать. Она едва ли не согласилась на то, чтобы терпеть его унижения и положение бесправной любовницы, хоть это и убивало бы ее день за днем. Ей-то всего лишь и нужно было слышать от него, что она важна и любима. И те слова, что только она будет его женой, любовницей и рабыней, были лучше всех признаний и обещаний в мире.

Но он опять думал о чем-то ей неведомом и непонятном.

— А если бы я хотел услышать правду? Что бы ты тогда сказала?

Смотреть в его опасные глаза было больно. Осмелившись, она решилась сделать шаг вперед. В бушующее море у стен его крепости. Один шаг в неизвестность. В пустоту. И он либо поймает ее и не даст упасть, либо подтолкнет к падению.

— Я бы сказала, что хотела бы...

Он сдвинул брови и сжал челюсти. На щеках проступили желваки. Кадык дернулся, когда он шумно сглотнул.

— Чего?

— Быть твоей любовницей, рабыней и женой. Всего этого.

— Как только вернемся... — Голос Габора сел и звучал надтреснуто, словно ему было больно говорить. — ...у нас будет брачная ночь. В твоём мире ведь существуют брачные ночи?

Олесю снова бросило в жар:

— Да. — Она заставила себя говорить, как можно спокойнее. — Но они происходят после свадьбы.

Габор улыбнулся:

— Я не смогу ждать до свадьбы.

Он так об этом говорил... Словно брачная ночь была чем-то важным.

Олеся отвернулась, снова всматриваясь в чашу:

— Никогда не понимала, зачем она нужна, если невеста уже не девственница. Это просто одна из ночей... Первая ночь в новом статусе. Но не более...

Габор сильнее ударил поводьями:

— Мир, в котором ты жила, бессмысленный и глупый. Ты узнаешь, что такое «брачная ночь». Со мной.

От того, как он это сказал, Олеся начала плавиться. Он действует на нее разрушительно. Разъедает, как кислота, ее мозг и способность соображать. А еще всю ее гордость.

— Здесь она какая-то особенная?

— Здесь, — он выделил это слово, — она важна.

В груди стало горячо, а во рту сухо. Внутри как будто извергался вулкан, который выжигал весь кислород из легких и наполнял рот пеплом.

Ей слишком тяжело было говорить о брачной ночи. Тем более, с ним. И не тогда, когда его женой должна стать принцесса. Олеся понятия не имела, как он сможет отказаться от этой свадьбы. Власть короля представлялась ей чем-то неоспоримым. Как Габор сможет избежать свадьбы, если ему прикажут?

Олеся старалась не сводить глаз с покрытых снегом деревьев.

— Так какое из Страшилищ сделал ты? Где оно висит?

— Зачем тебе?

— Я же уже сказала: интересно, что ты придумал, чтобы предостеречь крестьян.

— Я делал их только в детстве. Тогда мне казалось, что я смастерил самое отвратительное Страшилище, и ни один человек не сможет пройти мимо него.

— А сейчас?

Габор хмыкнул:

— Мне тогда было... лет пять. Что я могу думать об этом сейчас?

Олеся представила маленького Габора, усердно мастерищего жуткое существо. Наверное, он был очень старательным ребенком. Уже тогда осознающим, какая ответственность на нем лежит.

— Почти приехали. Спускаемся.

Олеся огляделась и потрясенно открыла рот. Деревья стояли почти непроходимой стеной. Среди них едва мог протиснуться человек. Но удивительным было не это. В этой живой стене была брешь — выложенные из камня ворота. Большие и маленькие булыжники были плотно подогнаны друг к другу, словно их только вчера сложили. Сверху лежала перекладина — каменный монолит. С одной стороны он оказался шире, чем с другой. Похоже, его даже не обрабатывали. Не смотря на сгустившуюся темноту, Олеся разглядела выбитый барельеф: дракона и ворона, которые смотрели друг на друга с разных концов.

— Что это?

— Ворота Крампуса. Дальше идем пешком. Там не проехать.

Габор прыгнул в снег и потянулся к Олесе, чтобы помочь.

— Постой! Разве... разве мы не к Бражене собирались?

— Мы к ней и идем. — Его голос звучал, как ни в чем ни бывало.

— Хочешь сказать, что она живет... рядом с Крампусом?

— Ворота Крампуса еще не означают, что он где-то рядом.

— Тогда почему они так названы?

На лице Габора вновь появилось нечитаемое выражение.

— Ты задаешь слишком много вопросов. Идем, времени мало. Темнеет быстро.

Габор спустил ее с коня, обязал поводья вокруг одного из деревьев и взял Олесю за руку. Другая его рука сжалась на рукояти сабли. Он несколько раз огляделся, нахмурившись так сильно, что между бровей залегли глубокие морщины.

Вдвоем они прошли через ворота, погружаясь в еще более мрачную темноту. Здесь было оглушающе тихо — только снег скрипел под ногами. Тяжелое дыхание вырывалось облачком пара из рта.

Габор вел Олесю по одной ему ведомой тропинке среди плотных почти непроходимых зарослей деревьев и колючих кустарников. Пару раз Олеся поранила руки об острые, покрытые льдом, ветки. Иногда между стволов приходилось протискиваться боком, словно сами деревья препятствовали тому, чтобы люди шли дальше.

На языке вертелась тысяча вопросов, но она не решалась задать ни один. Казалось, что даже слово, сказанное шепотом, может накликать беду. Вера в Крампуса и страх перед ним, просачивались в душу и разум.

Под ногами скрипел снег, и этот, обычно, праздничный и радостный звук сейчас царапал нервы наждачной бумагой. Каждый шаг сопровождался жутким скрежетом, не сулящим ничего хорошего. Олеся даже не осознавала, как крепко сжимает руку Габора, пока собственные пальцы не начали болеть.

Напряжение стало настолько велико, что она не выдержала:

— А ты видел когда-нибудь Крампуса?

Габор посмотрел на нее ничего не выражающим взглядом. Сначала просто молчал, а потом отрывисто произнес:

— Да.

Он бережно подхватил Олесю на руки и перенес через огромный сугроб.

Она почувствовала, как жар затапливает щеки.

— Я могла бы и сама...

— Т-с-с... Я делаю то, что хочу и считаю нужным.

Он осторожно поставил ее на ноги и осмотрелся, сурово сдвинув брови. Олеся тоже огляделась. Они оказались среди руин. Видимо, когда-то здесь был еще один замок. Олеся расчистила подошвой снег. Под ним обнаружились неровные каменные плиты, выщербленные и потрескавшиеся. Сквозь них пробивалась пожухшая трава. Должно быть, этим развалинам невероятно много лет, если травинки смогли разрушить камень.

Олеся рассмотрела припорошенные снегом колонны и чашу фонтана. Она подошла ближе и стряхнула холодный снег. Чаша была украшена барельефом. Олеся смогла рассмотреть грубые примитивные изображения страшных физиономий. Чем-то напоминало маски греческого театра. Только с рогами. И жуткими осками.

Олеся коснулась холодной шершавой поверхности. Мурашки пролетели по коже. Обжигающее прикосновение Габора оказалось почти пыткой. Он отвел ее руку, и сжал дрожащие пальцы.

— Идем скорее. — Его голос звучал низко и хрипло. Олеся знала, что таким он становится, когда Габор напряжен.

— Что-то... не так? — Она все еще говорила шепотом, боясь потревожить притаившуюся за каждой тенью опасность.

Габор кивнул на землю.

— Этих следов здесь быть не должно.

Олеся посмотрела в указанном направлении. Кое-где на плитах серели следы длинных когтистых лап. Выглядело жутко. Снег едва скрыл их, контуры казались размазанными, и от этого становилось только страшнее. Можно справиться со страхом перед оружием, перед убийцей. Но когда угрожает нечто сверхъестественное, нечто такое, чего ты даже не видишь и не можешь представить...

— Это... это демоны? — Олеся с трудом произнесла слово, которое теперь обрело четкий и пугающий смысл.

— Да. — Габор потащил ее за собой.

— Они где-то рядом? — Она всматривалась в лесную чащу, которая казалась еще более страшной.

— Нет. — Габор повел ее за собой, в самое сердце дремучей чащи. — Следы припорошены снегом. Равномерно. Значит, демоны не пытались их замести. Скорее всего, эти были неразумные. Они могли проходить здесь вчера ночью. Как раз шел снег.

Габор легко перемахнул через поваленное дерево, в очередной раз поразив Олесю своей ловкостью и силой. Грацией дикого хищника. Он вновь обвил ее талию рукой и без особых усилий перенес через ствол. Олеся не удержалась и прижалась к его сильному телу, но тут же отстранилась. Так легко она начала привыкать к ощущению его сильного плеча рядом. И даже непонятное и порой пугающее поведение Габора не останавливало ее душу от падения в пропасть.

Олеся на секунду прикрыла глаза. А когда открыла, встретила с удивительным взглядом господаря. Ледяные глаза Габора мерцали в угнетающем сумраке и казались двумя блуждающими огоньками, готовыми заманить наивного путника в омут. Ее уже заманили. Олеся поняла, что готова прыгнуть в этот омут с головой. Погрузиться в него, зная, что спасения не будет. Но хоть раз в жизни почувствовать себя счастливой... Хоть раз в жизни быть с настоящим мужчиной... Нет, не просто с мужчиной — с НИМ. Габор был идеалом. Совершенным. Он говорил ей жутко унижительные речи, намекал на пропасть между ними, но даже после этого она продолжала его желать.

Пусть потом ее сердце будет окончательно разбито, и не останется никакой надежды получить этого мужчину, но сейчас... сейчас она воспользуется каждой доступной секундой рядом с ним. Послушно возьмет все, что он ей даст. Забудет про гордость и отдастся ему без остатка. Лишь бы получить его себе хоть на краткий миг. Окунуться в иллюзию, что все у них будет волшебным.

Габор повел ее за собой, и Олесе пришлось вынырнуть из неподъемного вороха мыслей. Они оказались на узкой тропе, по обеим сторонам которой высились гигантские сосны. Олеся посмотрела вверх. Деревья-великаны выглядели... странно. Они изгибались дугами, макушки нависали над тропой, едва ли не сцепляясь с деревьями напротив.

И до сих пор, в этой пугающей чаще, встречались осыпающиеся руины. Плотнo стоящие ели разрушали небольшую башенку, очертания которой Олеся разглядела во мраке чащобы.

А ведь в сказках все жуткие вещи происходили именно в таких вот лесах. И сейчас Олеся, как никогда, верила в людоедку Бабу Ягу и пряничный домик, найденный Гензелем и Гретель.

Олеся не смогла сдержать нервный смешок.

— Что случилось?

— Ничего. Просто... вспомнила одну сказку...

— Какую? — Габор сосредоточенно всматривался в заросли.

Олеся закусила губу, когда он достал из ножен саблю. Дело плохо... А что если они сейчас наткнутся на демона? Олеся заворуженно смотрела, как по гладкому лезвию скользит хищный блеск. Слово оружие жаждало крови.

— Так какую сказку ты вспомнила? — Габор пристально смотрел на нее.

Олеся поежилась:

— О Гензеле и Гретель.

— Кто это такие? — Кажется, он пытался ее отвлечь.

— Брат с сестрой. Мачеха их не любила и уговорила мужа отвести детей в лес и там оставить. Он так и сделал. Дети бродили по лесу, пока не наткнулись на пряничный домик. Он весь состоял из леденцов, крема и конфет. Дети были очень голодны и начали откусывать от домика. Тут-то ведьма их и схватила. Она хотела съесть Гензеля, а Гретель держала в качестве служанки. Но дети перехитрили ее, сожгли в печи и вернулись домой.

Габор усмехнулся:

— Ну и сказочки в твоём мире. И как дети после них засыпают? С кошмарами?

— Эта сказка ничем не хуже той, что ты рассказывал мне о Крампусе.

— Истории о Крампусе нужны для того, чтобы предупреждать людей об опасности. А в твоём мире даже ведьм нет. Кстати, почему она хотела съесть ребенка?

Олеся задумалась, неожиданно осознавая, что даже вещи, имеющие одинаковые названия в их мирах, по сути, являются чем-то совершенно разным.

— В моём мире... когда люди ещё верили в ведьм, они считали, что те едят людей.

Габор выразительно поднял брови и хмыкнул:

— Только не говори этого Бражене.

Олеся указала на каменные развалины, сквозь которые проросло дерево:

— Что это за руины?

Взгляд Габора потемнел. Он неохотно бросил:

— Много веков назад моя крепость была больше.

— Что случилось?

Габор резко дернул ее за руку, таща за собой. Его голос снова звучал зло и отрывисто:

— Разве ты не заметила? Все пришло в запустение.

— Не хочешь мне говорить? Опять какая-то великая тайна?

Он обернулся и вонзил в Олесю свой непостижимый взгляд, от которого ей стало и страшно, и жарко.

— Умнеешь прямо на глазах, иномирянка.

Олеся сжала челюсти и надула губы:

— Не называй меня так.

На этот раз он даже не посмотрел на нее:

— Приказываю здесь я. А все остальные подчиняются. И ты в том числе. То, что мы спали, не выделяет тебя среди остальных.

Его слова как ржавые крючья вонзились в живот и под ребра. Невидимая рука рванула их вверх, сдирая кожу и разрывая ее на кровавые куски.

— А ночью ты мне говорил совсем другие слова. — Олеся ненавидела себя за то, как дрожал голос.

— Ночью ты была послушной и покорной и вела себя так, как и подобает себя вести со своим господарем.

Олеся выдернула ладонь из его хватки и остановилась:

— Но ты не мой господарь.

Он все-таки обернулся и снова взял ее за руку. По губам зазмеилась опасная улыбка, в которой не было ни тепла, ни доброты. Только опасность.

— Ошибаешься. А знаешь почему? Потому что без меня ты не продержишься и дня здесь. Тебя либо обвинят в сговоре с демонами и убьют, даже не посмотрев на твое положение. Либо изнасилуют и... все равно убьют. Только я могу защитить тебя. И обеспечить тебе комфортную жизнь. Без трудностей и забот. Ну, иномирянка? Я все еще не твой господарь?

Олеся тяжело дышала, глядя в его красивое, но такое жестокое лицо. Холодный воздух выжигал душу.

На щеке Габора дернулся желвак. От него веяло угрозой. Мощью, опасностью и силой. Олесе стало не по себе. Она наедине с ним, далеко в лесу.

— Если ты до сих пор сомневаешься, то мы можем проверить. Сегодня же я вышвырну тебя из замка. На ту дорогу, где тебя нашла Адрианна. В том, что на тебе было. И можешь отправляться на поиски старика, который бросил тебя под колеса кареты.

Олеся покачала головой:

— Ты — монстр...

— Когда я звал тебя замуж, ты сопротивлялась и отправляла меня к другой. Когда я предложил тебе вожделенную свободу, вдруг стал монстром. — Он тихо рассмеялся. — Ты действительно лицемерка, Олеся.

Господи... Они просто ходят по кругу. В сотый раз. Как заколдованные. Как будто проклятье какое-то. Одно неверно сказанное слово, и все летит к чертям.

Олеся устало выдохнула:

— Когда ты сказал, что твоя душа принадлежит мне... я стала самой счастливой в мире. И в твоём, и в моём. — Она горько улыбнулась. — Я никогда не понимала девушек, добивающихся мужчин. Сражающихся за них. Потому что никогда не встречала кого-то хоть капельку похожего на тебя. Ты сказал мне столько ужасных и обидных слов сейчас, а я все равно думаю, как навечно пришить тебя к себе. Единственное, чего я хочу, — стать твоей женой. Чтобы ты был только моим. Мне кажется... кажется, что ради тебя я даже способна на убийство этой проклятой принцессы. Наверное, это все сумасшествие Маргит... Передалось и мне. — Олеся сглотнула ком в горле. — Но король... В моём мире правителям могли противостоять совсем немногие. Им ничего не стоило отдать приказ об убийстве собственной семьи.

Габор навис над нею, коснулся подбородка, ласково его погладил. Обхватил Олесю за плечи и притянул к себе:

— Я из тех немногих, которые могут противостоять королям.

Олеся погладила ладонью его шершавую щеку. Кожа оказалась удивительно горячей, как если бы его сжигала лихорадка.

— Ты правда отправил бы меня на ту дорогу?

Габор наклонился еще ниже. Пристально посмотрел ей в глаза. Его губы замерли напротив ее губ, опаяя обжигающе-влажным дыханием:

— Да... раздел бы тебя до нижней сорочки и завел бы глубоко в лес. И если бы ты захотела выбраться оттуда, тебе пришлось бы уговорить меня...

Олеся не удержалась — подалась к Габору, словно споткнувшись. Ее словно магнитом потянуло к нему. Слова, которые он говорил, возбуждали и будоражили кровь. Он обещал ей нечто большее, чем страсть и секс. Олеся чувствовала в нем темную сторону. Того самого господаря, которого так боялась Адрианна и которому так стремились любой ценой угодить крестьяне.

Олеся совершенно его не знала. Но готова была подчиниться, потому что даже эта тьма в нем ее невообразимо притягивала.

Неожиданно что-то громко хрустнуло. Олеся вздрогнула, а Габор молниеносно обернулся. От высокой ели отломилась ветка и упала в снег.

Габор наклонился и поднял толстый, шириной в руку, сук. Несколько секунд он вьедался глазами в разлом, а затем отшвырнул в сторону и почти по-звериному оскалится.

Олеся схватила Габора за локоть:

— Что не так?

— Кто-то ее сломал.

— Она... она не могла сломаться под тяжестью снега?

— Нет. Разлом другой.

Олеся ожидала новой волны страха, но ощутила совсем другое. Она поразилась тому, сколько всего он знает. В ее мире такими навыками могли похвастать разве что охотники.

Габор задвинул ее себе за спину и тихо приказал:

— Не высовывайся, что бы ни увидела.

Олеся кивнула, глядя в его спину, чувствуя, как страх подступает ближе.

Он свернул с тропы, ныряя в темный омут леса. Олеся разглядела среди намертво сцепившихся ветвей несколько жутких рогатых Страшилищ. Огромные выпученные глаза следили за ней. А свисающие из пастей языки колыхались. Наверное от ветра. Они ведь не могли быть живыми?

Олесю начало трясти. Она едва не вскрикнула, когда встретила с оцепеневшим взглядом. Почерневшая от времени и сырости деревянная маска торчала из дупла. Ее обрамляли седые свалывшиеся космы. Два длинных острых рога устремлялись вверх. С еще двух, толстых и изогнутых, свисала замерзшая паутина. Из пасти вываливался длинный раздвоенный язык. Белая краска на белках глаз потрескалась, но от этого взгляд Страшилища казался живым. Красные радужки и черные кругляши зрачков смотрели в самую души.

Олесю била дрожь. Во рту ощущался вкус горечи. Она хотела отвернуться и не могла. Потому что... потому что Страшилище все равно следило бы за ней, притаившись в дупле. Оно знало ее секреты. Оно знало наперед, какой шаг она сделает. И если она отвернется, оно нападет...

— Олеся, приди в себя! — Габор схватил ее за руку. — Не смотри на них!

Олеся сфокусировала взгляд на его лице. Кажется, она сходит с ума. Боже, только не это. Подул ветер, но казалось, что кто-то лающе смеется в давящей тишине леса. Оскал Страшилища стал шире. Оно улыбалось, глядя на ее испуг.

Габор дал ей пощечину. Щеку обожгло болью, а в легкие хлынул колючий морозный воздух. Пахло сыростью и чем-то прелым.

Габор впился в нее серо-голубым взглядом. В радужках опять мерцали завораживающие вихри:

— Смотри. Только. На. Меня. Слышишь?

Олеся судорожно кивнула, сглотнув горечь и ком страха в горле.

Габор осмотрелся:

— Он был здесь... Ты ему нужна. А я, идиот, привел тебя в его лапы. Идем обратно.

Сквозь туман в голове до Олеси дошел смысл его слов. Она тут же вцепилась в плащ Габора:

— Нет! Мы должны попасть к Бражене. Это... это очень важно. У меня такое чувство... предчувствие... не знаю! Но мне кажется, мы должны там быть. Пожалуйста...

Габор сжал челюсти так сильно, что кожа натянулась на лице, обрисовывая скулы. Он вдруг стал похожим на... Олесья не дала себе додумать эту мысль.

— Я просто не ожидала, что... что все будет настолько реально. Но я справлюсь. Не буду тебя отвлекать.

Ноздри Габора гневно раздулись:

— Ты не понимаешь... Крампус знает о тебе. Демон в замке, следы в обители, ветка... Они где-то рядом.

— Бражена ведь что-то знает? О том, что со мной случилось и почему я здесь. Мы проделали такой путь, Габор. Ты сам сказал, что защитишь меня. Мы не можем бросить все на полпути.

Габор покачал головой. На щеках вновь проступили желваки.

— Надеюсь, я не пожалею об этом. Не выходи из-за моей спины и... держись за меня. Не отпускай.

Олесья быстро закивала. Стараясь больше не глядеть на Страшилище, она вцепилась пальцами в плащ Габора и уставилась в его затылок. В сумраке лесной чащи его волосы приобрели невероятный оттенок. Седые прядки отливали серебристо-голубым. Он казался частью этого леса. Его хозяином. Повелителем.

Олесья врезалась в Габора, когда он внезапно остановился. Она осторожно выглянула из-за его спины и тихонько выдохнула от удивления.

Что ж, она нашла свой «пряничный домик». Невысокий, словно расползающееся во все стороны безе. Он выглядел как сваленная груда камней. Неровные, они лежали друг на дружке, непонятно как удерживаясь вместе. Каменная печь, пристроенная снаружи наверняка сжарила не одного неосторожного Гензеля. Под крышей чернело круглое чердачное окошко.

Дом казался давно покинутым и брошенным. С трубы, подвешенные за лапки, свисали несколько черных воронов. Олесья сжала плащ Габора еще сильнее. Ткань едва ли не затрещала под пальцами. Может, это просто чучела птиц?

Габор что-то тихо отрывисто сказал. Олесья распознала злость и гнев в его голосе. Его спина напряглась, натягивая ткань плаща. Олесья не сразу заметила, что во второй руке у него появилась та жуткая цепь с крюком.

Что-то происходило. Что-то, что заставило его достать свое пугающее оружие. Вот только Олесья никак не могла понять, что именно.

Едва слышно она спросила:

— Там ведь должен гореть свет?

Габор хрипло и низко ответил:

— Там не должно быть крови. И следов.

Крови? В лесной тени она даже не разглядела... Олесья посмотрела на снег. Он весь был утопан следами. Слишком длинными, чтобы принадлежать человеку, и слишком звериными. Глубокие провалы когтей и отсутствие пальцев. А у самого дома на синем от сгущающейся тьмы снегу эти следы оказались алыми.

Глава 21

Габор ненавидел себя. Он допустил самую худшую ошибку из тех, какие мог совершить, — привел Олесю сюда.

Какого демона он согласился?! Почему уступил там, где должен был оставаться непреклонным. Его слово — закон. Во всем и всегда. Но с ней... С ней все летело в демонскую пропасть. С ней он не мог себя контролировать: мечтал то свернуть ей шею, чтобы больше не мучила, то прижать к ближайшему дереву и насадить на себя.

Всю дорогу до Бражены его раздирало на части. Такое впечатление, демоны все-таки добрались до него и теперь вгрызались зубами и глодали кости.

Олеся... Она стала его проклятием. Он просто не мог сдерживаться. Почему она сомневалась в нем? Почему не хотела признать его силу? А когда все же сделала это и сказала те слова... Он едва сдержался. Это было подобно буре. Только не снежной, а огненной. Горячей волной ее опрометчивых признаний его сносило с ног.

А он был уверен, что они именно опрометчивые. Она наверняка еще не раз пожалеет о своих словах. Потому что его мир был слишком чужд для нее. И Габор испытывал почти физическую боль из-за этого. Из-за ее желания вернуться домой.

Только вот он ее никуда не отпустит. Он за двоих будет бороться за их будущее. И если придется посадить ее на цепь и приковать к кровати, то он так и сделает. Ей дано выбрать: быть его женой или его пленницей. Его рабыней.

Мысль об Олесе в этой роли возбуждала до горячей испарины. Посреди холодного мрачного леса его жгло раскаленным металлом от фантазий о ней. Ведь вчера она так сладко изображала из себя покорную наложницу... Он почти поверил в то, что она больше не будет ни в чем сомневаться.

Хуже всего было то, что его одолевали не только физические желания. Он ненавидел себя, но признал, что мог бы взять ее даже силой, если бы она отказала. Хуже всего было то, что он действительно хотел жизни с ней. Видел ее хозяйкой крепости. И всерьез думал, что покажет ей в Ибранье в первую очередь, какие развлечения будут ей доступны, какие драгоценности и одежды он бросит к ее ногам. Он планировал их жизнь. И ведь видел все так четко и ясно, что казалось это не мечты о будущем, а нечто реальное.

Он так хотел увидеть ее в серьгах, которые заказал, и в новых платьях, сшитых специально для нее. Но увидев в мужской одежде, едва не кончил от одного только зрелища обтянутых мягкой кожей бедер. Ни одна женщина не действовала на него подобным образом. Ни к одной он не испытывал такого желания обладать. Сделать своей. Навечно привязать к себе.

Он хотел... хотел, чтобы она была слабой с ним. Чтобы нуждалась в его защите. Чтобы признала своим господарем и даже не думала, что теперь что-то может быть иначе. Разве, это так ужасно: принадлежать ему?

Он может дать ей все. А она сомневается...

Габор пытался понять ее страхи и сомнения. Нелегко забыть о том, как с ней поступила собственная мать, как дважды предал отец, как изменил муж.

Но он выходил из себя, стоило подумать, что она могла сравнить его с ними. Он просто не знал, что еще сказать или сделать, чтобы она наконец поняла. Наверное именно поэтому он намеренно унизил ее. Пусть думает, что без него ей здесь не выжить. Пусть думает, что обязана ему всем. Пусть считает себя пленницей и потеряет всякую надежду на то, что сможет сбежать от него в свой мир.

Этим неконтролируемым желанием он едва все не разрушил. Когда она призналась, что хочет за него замуж и даже готова убить принцессу... В этот момент вены лопнули, и кровь затопила все нутро. Обжигающая, горячая, вскипающая от одной мысли, что она равнодушна к нему. Что он для нее кто-то гораздо больший, чем просто защитник. Он ее мужчина.

В тот момент, когда она сказала, что ей интересно, какое из Страшилищ придумал он, Габор понял, что сходит с ума. От желания обладать ею. От необходимости удержать ее рядом. На всю жизнь. Потому что больше такой, как она, нет и не будет.

Его подарок. Его награда за годы одиночества. Он был окружен людьми, толпой людей, но всегда один. Он привык к этому. Меньше предателей. Никто не мог подобраться к нему достаточно близко, чтобы нанести удар. Никто, кроме Олеси.

А он привел ее сюда. И это после признания демона, что Крампус желает ее получить.

Габор уже знал, что обнаружит в доме Бражены. Еще с того момента, как увидел следы демонов. Именно тогда нужно было повернуть обратно. Нужно было. Но поздно. Старая ведьма выяснила что-то такое, из-за чего демоны всполошились. Или же... или она специально заманила их с Олесей в ловушку. Но ведь он и сам не знал, что возьмет ее с собой и до последнего сомневался. Западня предназначалась только для него?

Нет... Тут что-то не то. Пробравшийся в замок демон сказал, что Крампусу нужна Олеся. Она — причина всего происходящего. И он должен как можно скорее выяснить, что хитрые твари задумывают.

Габор обернулся к Олесе. Она пыталась скрыть дрожь, но было слышно, как стучат ее зубы. Он снова почувствовал вину за то, что привел ее сюда. Оставалось лишь надеяться, что сделав свое дело, демоны ушли. Судя по формам и размерам лап, их было трое. С этим количеством он сможет справиться. Но вступать в бой — последнее, что Габору сейчас было нужно. Не тогда, когда он затащил Олесю в самую чащу.

Так хотелось ее обнять и поцеловать. Согреть ее холодные посиневшие губы своими — Габор был уверен, что весь горит в демонском огне. Этого жара хватит, чтобы они оба долго сгорали. Но не на костре. А в их постели. Или в любом другом месте, до которого хватит терпения добраться.

Вместо поцелуя он лишь тихо приказал:

— Успокойся. В доме их нет. Идем.

Она кивнула и тут же перевела взгляд на кровавые следы.

Они быстро пересекли поляну. Габор остановился рядом с грубой деревянной дверью. Она была сколочена из нескольких досок, разошедшихся от времени и сырости. В огромных щелях зияла пустота. И тьма, которая выползала наружу. Впервые дом Бражены встречал его так. Обычно, в печи у ведьмы горел огонь, из трубы вырывался столб то белого, то черного дыма, а в единственном окне мелькали тени.

Габор поддел кончиком сабли ржавое дверное кольцо. Его покрывали замерзшие сгустки бордовой крови. К ним прилипли волоски шерсти.

На самой двери алели длинные алые мазки. Почти вся она была исполосована следами когтей. Бражена пыталась защититься. Но вряд ли ей это удалось.

Габор потянул саблей кольцо, и дверь, тихо скрипнув, неохотно отворилась. Наружу вырвался спертый запах. Приторный и горьковатый — так пахнут засушенные травы и цветы. А еще немного металлический — как кровь. К ним примешивался стойкий запах воска.

Габор открыл дверь шире и, пригнувшись, вошел внутрь. Олеся шагнула за ним, как ребенок вцепившись в его плащ. Этот жест доверия разлил внутри горячее масло. Она училась доверять ему, полагаться на него. Неужели так сложно, забыть о проблемах и заботах, предоставив разбираться с ними тому, кто может?! Ничего, постепенно она научится и привыкнет.

Габор заставил себя на время отвлечься от этих мыслей, спрятал их в потайной комнате своего разума, куда никому не было хода. Об Олесе он будет думать потом. Сейчас нужно сосредоточиться. Он должен собраться. Забыть обо всем, что может отвлекать. Но как забыть об Олесе? Как не отвлекаться на ее присутствие рядом?

Сквозь спертый воздух пробивался ее свежий запах. Едва уловимый аромат волос и кожи. Она пахла потрясающе. И здесь, в самом эпицентре опасности, этот аромат проникал Габору глубоко в душу, превращая в наркомана и отвлекая от того, что он должен сделать.

Скудный свет из грязного квадратного окна осветил единственную комнату. Печь с заслонкой, подвешенные к потолочным балкам пучки трав, пузырьки и склянки, птичьи перья и белые кости. Но больше всего здесь было свечей. Толстые и тонкие. Высокие и низкие. Они стояли на полках, на столе, на книгах и на полу. Оплавленный воск застыл причудливыми фигурами.

Олеся едва слышно прошептала за спиной:

— Где Бражена? Она... куда-то ушла?

Габор принялся, пытаясь определить, откуда сильнее всего разило кровью. На дощатом полу белели вмятины от демонских когтей. Странно, что здесь почти ничего не тронuto. Никаких следов борьбы.

На столе все так же лежали стопки толстых книг, стояли ступки с вонючими смесями и свечи. Ничего не изменилось с того раза, когда он здесь был.

— Нет. Она здесь. — И кажется он даже знал, где именно.

Габор обернулся к Олесе и прижал ее к стене.

— Стой тут и не ходи за мной.

Ее глаза расширились от страха, когда она поймала его взгляд, и Габор быстро моргнул. Проклятье! Иногда было трудно это контролировать. Чем старше он становился, тем меньших усилий требовалось, но рядом с Олесей... Рядом с ней он терял способность сдерживаться и не мог обуздать отравленную кровь, копившуюся в нем веками.

Отстраняясь, Габор снова повторил:

— Стой. Тут.

Он отвернулся от Олеси, ощущая что-то странное: как будто даже не смотреть на нее было больно. Каждая секунда, когда он не знал, что с ней, превращалась в пытку. Такая зависимость пугала. Это не было чем-то прекрасным, о чем так любит писать поэты, рассчитывая побольше продать своих сказочек наивным девушкам. Это ощущалось... ужасно. Габор обошел стол, следуя за царапинами на скрипучем полу.

Заслонка печи оказалась приоткрыта, на каменной кладке темнел кровоподтек. Он опоздал. Опоздал и сам сделал шаг в расставленный капкан. И привел сюда Олесю.

Габор осторожно отодвинул саблей ржавую заслонку. Из покрытого золой углубления на него смотрели остекленевшие глаза Бражены. Ее голова была отгрызена. На обрывках шеи запеклась кровь. Она же покрывала седые слипшиеся космы. Рот навсегда застыл в крике. Вывалившийся язык почернел от золы. Морщины обозначились глубокими бороздами. Ее лицо походило на деревянную маску Крампуса.

Позади послышался шорох, скрипнула доска. Он резко обернулся, подгоняемый мыслью, что демон сумел застать его врасплох. Но за спиной стояла Олеся.

Габор дернулся, загоразживая собой нутро печи, вот только Олеся успела разглядеть. Она побледнела и покачнулась. Проклиная себя за очередную ошибку, он бросился к ней, подхватил, прижал к себе. Олеся уперлась ладонями в его плечи. Расширившимися от ужаса глазами она смотрела то на него, то на печь.

— Она... мертва... Мертва?.. Кто ее убил?

Габор чувствовал, как она дрожит. Дрожь маленького хрупкого тела причиняла ему боль. Он отодвинул грубо сколоченный стул, смахнул с него стопку книг и усадил Олесю.

— Ты должна взять себя в руки, слышишь? Сейчас ты нужна мне сильной и спокойной. Продержись до дома...

Олеся кивнула, закусив губу, а Габора вдруг понял... Он впервые за много лет назвал крепость домом. Эта мысль ошеломила его больше, чем все происходящее.

Они оказались вдвоем, в самой чаще леса, в заброшенной хижине, а он думает о том, что только сейчас смог произнести это слово. Замок всегда его пугал. Давил. Да, он его любил — как свидетельство силы его рода, многовековой власти, богатств, надежности. Но не как дом. И только сейчас груда камней становилась важной и значимой. Причиной была Олеся. Там он мог спрятать ее ото всех бед. Там он мог ее защитить. Там он мог ее любить и владеть ею вечно. Неожиданно пришла и другая мысль: дом будет везде, где будет она.

В загадочной иномирянке было нечто, что делало его слабым, зависимым от нее. Но лучше об этом не думать. Не сейчас. Потом он изобретет какую-нибудь отговорку, наврет себе, что его покорила секс с ней, и будет спокойно жить дальше. Но сейчас нужно собраться.

Олеся повернула голову, чтобы снова взглянуть на печь, но Габор сжал ее подбородок, не давая пошевелиться.

— Не нужно туда смотреть.

— Это ведь сделали демоны? — От страха в ее голосе Габору захотелось что-нибудь сломать.

Так же она говорила, что была самой счастливой женщиной. И таким же голосом рассказывала о своей жизни в другом мире. Габор научился распознавать оттенки ее тона. Сейчас Олесе было не

только страшно. Ей было больно.

— Да. — Он выпрямился и огляделся. — Наверное, она выяснила что-то важное.

— Важное? Она ведь должна была узнать, что со мной происходит? Как я оказалась здесь?! Выходит, ее убили из-за меня?!

Проклятье! Когда не нужно было, она соображала слишком быстро.

— Нет, не из-за тебя. Не смей так думать.

— Но...

— Олеся! — Габор раздраженно пнул свечи, устроившиеся на полу.

Он должен ей сказать. Хотя бы часть правды. Она наверняка рано или поздно сама все узнает. Лучше, чтобы узнала от него, а не от посторонних. Недомолвки и обман разрушили и так не очень счастливый брак его родителей. Он не хотел, чтобы то же самое произошло и у них с Олесей. Она не простит ему. А он не сможет ее отпустить. Они станут врагами, между которыми останется только ненависть. Он уже знал, как это будет. Олеся будет сопротивляться ему и отталкивать, а он, слишком погрязший в ней, не сможет держаться от нее в стороне. Там, где была их общая на двоих страсть, останется только насилие. Это будет хуже всех мук и всех пыток.

Только часть правды. Необходимая часть, которая сохранит их шаткое равновесие. Она никогда не узнает о его обмане.

Габор успокоился и взял себя в руки. Холод наконец проник в голову, очищая разум. Он наклонился, поднял с пола свечи и зажег их. Зажег почти все, которые увидел, чтобы прогнать ужас и смерть, чтобы Олеся почувствовала себя защищенной. Но золотистый свет не успокаивал. Наоборот — он высветил все тени, которые следили за ними из грязных, опутанных паутиной углов.

— Ты говорила, что в твоём мире, ведьмы существуют только в сказках, что они вредят людям и... едят детей. В моём мире все не так. Люди боятся ведьм. Адрианна, например, всегда пыталась куда-нибудь спрятаться, если Бражена приходила в замок. Но ведьм и уважают. Потому что они... они кто-то вроде посредников.

Олеся куталась в его плащ, выглядя такой маленькой и беззащитной. В горле встал ком нежности. Он обязан ее защитить. Обязан.

Она вдруг начала вырисовывать пальцем узоры на пыльном столе. Нахмутив брови, неуверенно переспросила:

— Посредником?

— Да. Между людьми и демонами.

Ее голубые глаза стали ярче. Они удивленно расширились, а рот соблазнительно приоткрылся. Габор снова проклял себя. В такой момент он думает о том, для чего созданы ее губы. Сумасшествие какое-то.

— Зачем людям и демонам посредник?

А вот это уже опасный вопрос. Он был почти уверен, что Олеся не поверит ни единому слову лжи, которой веками он и ему подобные пичкали народ Бергандии. Лжи, которая скрывала постыдную правду. И именно эту правду Олеся никогда не должна узнать.

Габор еще никогда так тщательно не подбирал слова. Обычно он молчал, давая возможность другим закапывать себя ворохом лжи. А теперь сам оказался в плену тысячи грязных секретов.

— Когда-то демоны раскрыли ведьмам многие из своих секретов.

— Зачем?

На секунду Габор замялся:

— Никто не знает. Возможно, чтобы ведьмы совращали тех, кто хочет заключить сделку.

Олеся вскочила со стула. В тесном пространстве дома она остановилась напротив. Их разделяли какие-то сантиметры, жалких полшага. Протяни он руку, и сможет коснуться ее, скинуть с головы капюшон и зарыться пальцами в шелковистые волосы. Намотать на кулак. Притянуть к себе.

Он не должен был привозить ее сюда.

— Я же вижу, что ты мне врешь. Никто, может, и не знает, но тебе известно. Так?

Габор сжал челюсти. Почему она не может довольствоваться тем, что он ей говорит? Почему ей необходимо ворошить грязные подробности прошлого?

Он знал, как ее остановить, и ненавидел себя за то, что собирался сделать.

— То, что мы с тобой спим, не значит, что ты меня знаешь.

Она снова отшатнулась от него. На лице застыла обида. Олеся совсем не умела скрывать своих чувств, и это его привлекало. Но это же делало ее уязвимой. Ее уязвимостью он и воспользовался. Намеренно обидел, лишь бы скрыть грехи своей семьи. Свои собственные грехи. Самым худшим было то, что ему придется и дальше ее обижать, потому что он не собирался ничего рассказывать. Но и не думал отпускать. Он прогнал насквозь. Он уже таким родился. Гнилым и испорченным. Виновата ли в этом кровь, или воспитание, или весь их род... Вопрос, на который он точно не знал ответа.

Губы Олеси дрожали. Она смотрела на него с ненавистью и болью.

— Возможно, принцесса тебе будет лучшей женой, чем я.

Почему-то он забыл, что она тоже может ранить словами.

— Значит, тебя больше привлекает роль моей любовницы?

— Я говорила, что меня привлекает. Больше повторять не буду. Тебе нравится меня унижать... Скажи, а те другие, с которыми ты спал, им тоже приходилось терпеть такие унижения?

Нет, совсем не Маргит была сумасшедшей в их роду. Сумасшествие одолело его. Когда увидел Олеся, выскочившую на его саблю.

— Им приходилось терпеть все, что я говорил. И они делали это с радостью.

Горячая пощечина обожгла щеку. Ледяная ладонь Олеси не могла причинить ему боли, но больно все-таки было. Душе. Сердцу. В существовании которых он уже давно сомневался.

Она даже не узнает, что он говорил все это, чтобы ее защитить.

— Тогда мне жаль тебя. — Губы Олеси презрительно изогнулись, а ему захотелось впиться в них грубым голодным поцелуем. Выжечь на них свое имя. — Хотя кто-то делал для великого господаря что-то искренне?

О, да. Она попала по самому больному. Он всегда был окружен фальшью и ложью. Вся жизнь пропитана враньем. Но ей он открылся. Позволил узнать себя настоящего, показал ей свою жизнь. А теперь она превращает его откровенность в оружие и использует против него.

Но разве не то же самое делал он?

Габор не удержал признание. Оно вырвалось быстрее, чем он успел сообразить, что собирается сказать. Мысль даже не оформилась в слова — просто на каком-то инстинктивном уровне сорвалась с губ.

— Да. Ты.

В ее глазах вспыхнула и погасла надежда. Плечи напряглись. Габор ненавидел себя все больше. За то, что лишал ее выбора. И за то, что даже осознавая это, он не собирался ее отпускать. Он обрекал ее на жизнь с монстром. Но Олеся была ему нужна. А он был слишком большим эгоистом, чтобы от нее отказаться.

Губы Олеси изогнулись в горькую улыбку. Она приоткрыла рот, собираясь что-то сказать. Габор опять завороченно следил за каждым ее движением. Он не мог мыслить здраво рядом с ней. Желание обладать Олесей никак не унималось. Оно росло и с каждой секундой становилось больше. В душе расцветала жажда безумств. Он хотел чего-то дикого. Чего-то на грани. И чтобы Олеся была связана с ним по рукам и ногам. Без возможности вырваться. Мысль о том, чтобы связать ее, бросила в жар.

Словно издеваясь над ним, Олеся облизнула губы.

— Я не знаю, чего ты от меня хочешь... — Она неуверенно подалась ему навстречу, как будто пошатнулась.

Он не даст ей даже возможности думать, что теперь она свободна. Габор шагнул к ней и, сжав

хрупкие худенькие плечи, притянул к себе.

— Я хочу, чтобы ты стала моей госпожой.

— Мне тебя не понять, Габор.

— Этого и не нужно... — Он провел пальцем по ее чуточку влажным теплым губам. — Просто будь со мной. Верь. И подчиняйся. У тебя будет все, что пожелаешь. Но в обмен ты должна принадлежать мне.

— Я не просила у тебя ничего, кроме тебя самого. — Ее ресницы дрогнули и печально опустились. В груди от ее слов стало больно и горячо. — Но ты не хочешь быть со мной честным...

Габор сжал зубы. Далась ей эта честность!

— Я честен с тобой в главном! Я верен тебе. И всегда буду. Все остальное...

Ему не дали договорить.

Громкий вой пронесся над окрестностями. И не звериный, и не человеческий он распался на десятки голосов.

— Господи... Что это? — Олеся тихонько пискнула в его грудь.

Габор даже не осознавал, как крепко прижимает ее к себе — притянул и впечатал в свое тело, стремясь защитить и уберечь. Вой повторился. На этот раз он звучал ближе, перемежаясь с протяжным рычанием. Сиплые звуки доносились отовсюду.

Дом сотрясся от гулких ударов. С потолка посыпалась пыль и щепки. Крыша дрожала от ударов лап. Рычание стало громче. К нему прибавился остервенелый смех.

Демоны... Примитивные. Лишенные разума и умеющие лишь убивать, вгрызаясь в глотки жертв. Габор снова вытащил цепь и сжал саблю. Олеся неподвижно замерла, вцепившись в его одежду. Ее лицо побледнело, став блее снега, а пальцы дрожали. Габор огляделся, пытаясь придумать, куда лучше всего спрятать Олеся. Но уже знал ответ: некуда. В доме ведьмы не было других комнат, кроме этой.

Послышалось царапанье когтей. Олеся вскрикнула. В окне возникла морда демона. Грязная черная шерсть, на которой выделялись лишь белки глаз да длинный красный язык. Демон хохотал, срываясь на сиплое рычание.

Их загнали в ловушку. Как зверье. Провели, как детей. Габор быстро задвинул Олеся за спину. Ее можно спрятать только в доме. А значит, ему придется выйти наружу. Один демон пялится в окно, второй взобрался на крышу. С двумя он вполне справится. Но сколько их еще? Хватит ли ему силы?

Хватит. Он не отдаст этим тварям Олеся. Они пришли за ней. Она нужна Крампусу. А значит, в безопасности. Демоны сделают все, чтобы добраться до нее, но не навредят. Значит, он должен просто не подпустить их к ней.

— Габор... — Ее тихий голос дрожал от страха. Но Олеся снова его удивила: — Дай мне свое оружие...

Она с ужасом смотрела в окно, за которым глумился демон. Он хохотал, корчил рожи, облизывал острым треугольным языком стекло и манил когтистым пальцем Олеся к себе.

Его Габор убьет первым.

Он развернулся к Олесе и скинул с себя плащ:

— Сиди здесь и даже не вздумай высунуться наружу. Ты нужна им живой. — Если бы он еще был в этом так уверен, как говорил... — Они будут пытаться выманить тебя наружу. Не поддавайся. Что бы ни случилось, и что бы ты ни увидела, не выходи. Понятно?

— А как же ты? Ты что, собрался выйти?!

Она переживала за него, волновалась. И от этого стало до боли приятно, чем бы ни была вызвана ее тревога.

Демон за окном провел когтями по стеклу, рождая жуткий до одурения звук.

Габор взглянул в глаза Олеси, нарочно игнорируя ее вопрос. Голубые. Какие же они голубые. Она еще никогда не была так красива, как в этот момент. Как только вернутся в крепость, сразу же

поженятся.

Если вернуться... О, нет. Он не отдаст ее никому. Ни больному садисту Миклошу, ни орде демонов, ни Крампусу. Пусть хоть сам приходит. Олесю ему не получить.

По крыше запрыгали. Дом снова начал трястись, словно сооруженный из картона, а не камня. В печной трубе послышался жуткий сиплый голос:

— Где же ты-ы-ы, наш-ш-ш-ша-а-а будущ-щ-щая гос-спожа-а-а? Твой с-с-супруг уже ждет... — Отраженный стенками звук вполз в дом. — Идем с-с-с нами... Отдай-с-с-ся наш-шему гос-с-сподину... Подари ему лас-с-ску...

В трубе что-то зашелестело. Сквозь заслонку наружу вырвалось черное облако золы.

Габор быстро поднял с пола свечу, открыл заслонку и подпалил волосы на голове Бражены. Пламя с радостью схватилось за грязные космы. К разгорающемуся огню отправились несколько пучков трав. Огненные языки взвились вверх, в дымоход. Тут же раздалось болезненное взвизгивание, завоняло жженой шерстью. Когти заскрежетали по камням. Но звук удалялся.

Демон снова запрыгал на крыше, безостановочно вопя. Тот, который кривлялся в окно, зарычал и со всего маху разбил тонкое стекло. Габор отшвырнул Олесю к противоположной стене, а сам бросился к демону, который пытался пролезть внутрь.

Взмах сабли, дикое рычание, и на пол шлепнулась отрубленная лапа. Демон заверещал, приходя в бешенство.

В проклятом доме было слишком мало места. Не развернуться. Габор вытащил нож и всадил демону в глаз. Алым фонтаном брызнула кровь.

Раздался оглушающий рев, и его подхватили десятки хриплых голосов.

Габор вытолкнул извивающееся в судорогах тело из окна и быстро обернулся к Олесе.

— Бросай травы в очаг. Огонь не подпустит их.

Неожиданно она рванула к нему, и он едва успел убрать саблю. Тонкие пальцы накрыли ее плечи.

— Даже не вздумай туда идти. Я тебя не пущу.

Маленькая храбрая иномирянка. Он сделает для нее все, лишь бы всегда смотрела на него, как сейчас.

Габор старался сохранить рассудок ясным, но внутри уже все клокотало. Он не отдаст ее никому. Даже если придется сдохнуть у порога этой хижины.

— Здесь я — господарь. И я сам решаю, что делать. А ты сидишь здесь и ждешь.

Олеся помотала головой.

— Не пущу!

Он оторвал ее руки от себя и вложил в холодную ладошку нож с длинным лезвием.

— Жди меня.

Она растерянно посмотрела сначала на нож в своих пальцах, а потом на Габора.

— Нет! — Бросилась к нему под звуки многоголосого воя.

Габор прижал Олесю к стене и впился в ее рот. Холодные губы вздрогнули под его грубой лаской. Яркая, словно вспышка молнии мысль, вдруг озарила все вокруг.

Габор отстранился от Олеси и прижал ладонь к ее животу:

— Возможно здесь уже наш ребенок. Подумай о нем.

Она побледнела еще больше. Глаза расширились, а рот приоткрылся. Габор воспользовался секундным замешательством и метнулся к выходу.

Скользнул за дверь, оставляя дом за спиной и оглядывая поляну. Ему придется потрудиться.

Демоны облепили деревья вокруг дома. Сидели на ветках, цепляясь за стволы, скалились из темной чащи. Похоже, Крампус собрал целую армию. Их девять. И как бы хорошо Габор не был обучен, он

понимал: разом со всеми ему не совладать.

Но там, в доме, осталась Олеся. И возможно, их ребенок. А значит он должен их защитить, чего бы это ни стоило. Он знал способ. И знал, какими могут быть последствия.

Но это не высокая цена ради возможности защитить свою женщину.

Глава 22

С крыши прыгнул еще один демон. Десятый. От него разило паленой шерстью и еще каким-то жутким смрадом.

Его темно-рыжая шерсть была длинной и грязной, а на голове торчали два кривых рога. Половина морды одеревенела. Он был старым. Очень старым. А значит, сильным. И еще он говорил. Зачатки разума делали его в сотню раз опаснее остальных.

— Отдай ее, гос-с-сподарь... Отдай и уходи-и-и... Она с-создана не для тебя-я-я-я.

Габор отпустил один конец цепи, позволяя ей раскрутиться и свободно повиснуть до земли.

Демон рассмеялся.

— Ты не уйдешь-ш-шь отс-с-сюда живым... Отс-с-ступись... Найди с-с-себе другую... А эту отдай на-а-а-ам... Хоз-з-зяин велел тебе переда-а-а-ать... Ты видел пророчес-с-с-ства на с-с-стенах... Ей понравится-с-ся... Она приш-ш-ш-шла в наш мир, чтобы с-с-с-служить Крампус-с-су... с-с-стать нашей новой гос-с-с-спожой... Только под ним она будет кричать от нас-с-с-слаждения... Ты ей не нужен...

Габор с трудом контролировал себя, выжидая время, как мог. Каждое слово демона резало ножом. Нет, это все ложь. И ожившие на стенах фрески — просто совпадение. Они не об Олесе.

Смеясь, демон пролаял:

— А-а-а-а так ты уже вкус-с-сил с-с-с-сладость ее тела... Крампус-с-с будет недоволен, что ты развлекался между ног наш-ш-шей гос-с-с-спожи... Придется забрать тебя с с-с-собой, чтобы ты пос-с-с-смотрел, как надо ее ублажать. И как ей будет хорош-ш-шо с гос-с-с-сподином...

Габор не стал слушать дальше. Он больше не собирался ждать. Демонская тварь прекрасно знала, что говорить. Габора скручивало узлом от мысли, что Олеся может оказаться рядом с этими уродами, и что ей может понравиться. Всем, кто был до нее, нравилось.

Но ее он не отдаст. А этого выроodka прикончит первым.

Габор выбросил вперед руку с цепью. Крюк на конце засвистел и потянулся к демону. Длинные острые шипы выскользнули наружу по всей длине цепи. Демон успел отскочить, отпрыгнул, выманивая Габора в центр поляны.

Но Габор остался стоять у двери. Демоны скалились и рычали, наблюдая за схваткой. Некоторые начали завывать.

Рыжий демон снова расхохотался:

— Мы можем так игра-а-ать много дней и ночи-е-ей... А можем закончить через мину-у-у-уту... Хочешь узнать, что ощу-щ-щ-щала эта предательница, когда я отгрызал ей руки и но-о-оги? — Он облизнулся, клацая длинными зубами.

Предательница?.. Сам не зная того, демон выдавал ему причины убийства Бражены. Значит, дело не только в том, что Габор собирался приехать.

Понимая, что на прямой вопрос демон вряд ли ответит, Габор усмехнулся:

— Какой ты, оказывается, ранимый.

Демон зарычал:

— Не думай, что старух-х-ха была на твоей с-с-стороне... Она уже начала варить любовный напиток... Прос-с-сто хотела ис-с-с-пользовать тебя...

Краем глаза он заметил, как один из примитивных демонов карабкается с дерева на дерево, пытаясь ближе подобраться к дому. Габор заставил себя изогнуть губы в улыбке, ничем не показывая, что увидел маневр.

— Значит, ты заботился о моей чести и разбитом сердце? Я тронут.

Морда демона пошла жуткими морщинами. Одеревеневшая часть оставалась неподвижной, натягивая все, что еще могло двигаться.

— Зря ты вздумал ш-ш-шутить с-с-со мной, гос-с-сподарь... Я ведь могу на много дней рас-с-стянуть трапеzu твоим телом, а ты будешь в ж-жив... На глазах наш-ш-шей гос-с-с-спожи... А она будет с-с-с-смотреть и с-с-с-смеяться, а потом ублажать Крампус-с-са... Зелье-то уже почти готово...

Демон засмеялся, задрав мохнатую бошку к небу. Его хохот подхватили остальные. Тот, который пытался подобраться к дому, полез на вершину сосны. Хочет прыгнуть на крышу, тварь.

Габор взглянул на черное пятно — валяющегося на снегу демона с ножом в глазу. Кажется, этот был примитивным. А их всегда отличала дикая ярость и сила. Контролировать эту силу было сложно, она подчинялась только инстинктам. Но Габор не сомневался: его воли достаточно, чтобы справиться с отравленной кровью.

Он взмахнул цепью. Рыжий демон отскочил в сторону, думая, что Габор снова пытается напасть. Но целью на этот раз был не он.

Острый крюк, а затем и шипы впились в шкуру черного мертвого демона, лишённого лапы.

Изо всех сил Габор дернул цепь на себя, рывком притягивая тяжелое тело. Пронзенный шипами демон плюхнулся безжизненной тушей у ног.

Рыжая тварь заржала:

— Это и ес-с-сть великий гос-с-сподарь? Ты не того демона сграбас-с-стал... Вот он я... здес-с-с-сь... — Он продолжал глумиться, перепрыгивая с ноги на ногу.

Габор бросил взгляд на окно. Внутри мелькнул силуэт Олеси. Он так старался скрыть от нее постыдную сторону своей жизни, и вот теперь собирался сделать это прямо у нее на глазах. Но уж лучше он вечно будет видеть отвращение на ее лице, чем позволит демонам добраться до нее. Ему не привыкать к такой жизни.

Но Олесю он не отдаст.

Пока демон смеялся и издевался, не догадываясь о замысле Габора, он схватил демона за длинную шерсть на спине и полосонул лезвием по шее.

Голова примитивного демона начала отделяться от тела, а из раны брызнула темная густая кровь. Ее капли упали на лицо. Габор быстро слизнул с губ соленую влагу с металлическим привкусом.

Глубоко вдохнув холодный воздух, он заставил себя прижать рот к ране. Поток крови хлынул в горло, обжигая кислотой.

Рыжий демон заголосил и бросился к Габору, но он успел сделать несколько жадных глотков вязкой отравы. Нутро тут же опалило огнем, органы сжались, а потом словно начали увеличиваться в размере, мешая дышать.

Перед глазами на секунду потемнело. Желудок свело. Габор был уверен, что ощущает, как демонская кровь впрыскивается в вены, смешиваясь с его собственной, как торопится к сердцу, омывая его черной волной. И как, уже соединившаяся с его кровью, спешит обратно, разнося губительную силу по мышцам.

Зрение обострилось, а слух различал каждый лесной шорох. Но прислушивался Габор вовсе не к лесу. Он пытался уловить крик Олеси. Крик ужаса. Она ведь наверняка видела... Не могла не видеть.

Но слух уловил только учащенное дыхание. Шумное, чуть с хрипотцой. Почему она не кричит? Почему не бросается обидными словами, как мать?

Время словно замедлилось. Габор знал: так всегда происходит, когда выпьешь слишком много крови. А он хлебнул несколько глотков. Да еще не разбавленной. Концентрированная отравка могла убить. Но не того, кто с детства пил ее каждый день, даже не подозревая об этом.

Габор взглянул на рыжего демона. Он все еще бежал к нему. Но движения выглядели медленными и размытыми. Габор ухмыльнулся. Конечно, куда ему успеть, каким бы старым он ни был. Ведь в самом демоне лишь его кровь. В Габоре же — дикая смесь сотен монстров.

Он легко увернулся от длинных когтей, направленных в лицо. Слух улавливал рев примитивных. Они впали в ярость. В безумие.

И их все еще было слишком много. А значит, ему нужна кровь древнего...

Габор поднырнул под лапы демона. Острые зубы клацнули в миллиметре от уха. Демон зарычал и все-таки умудрился дотянуться.

Его лапа достала до лица. Габор вздрогнул от боли. Но она ощущалась слабо, словно сквозь пелену. И это тоже было действием демонской крови.

К нему уже подбирались остальные. Спешили на помощь своему предводителю. А тот, который влез на макушку сосны, начал перебираться на ближайшие к дому деревья.

Пора уже кончать с рыжей мразью. Демон завыл призывая остальных, и к Габору бросились еще два демона. Он едва успел увернуться от них.

У двери дома он был в ловушке, лишенный маневра. Но уйти означало открыть путь к Олесе.

Он позволил разумного демону прижать себя к двери. Не успел вовремя перехватить его лапу и получил удар в живот. Когти вонзились в руку. Кажется, демон пытался вырвать из рук саблю. Еще немного...

Демон отскакивал от клинка в последний момент, не давая себя задеть. Обострившееся зрение выхватило еще одного грязного монстра, тот примерялся к окну и пытался влезть в него. Отвлечшись, Габор пропустил еще одно нападение. Разумный всадил когти ему в грудь, словно пытался вырвать сердце.

За дверью послышался испуганный крик Олеси:

— Габо-о-ор!

Это привело его в чувство. Демон был достаточно близко. Снова и снова всаживал когти ему в грудь, забыв об оружии. Габор размахнулся, перерубая его пополам. На белый снег упали вишневые капли. Словно драгоценные камни рассыпались.

Демон закричал, разделяясь на две половины. Габор еще раз всадил лезвие в его тушу. На этот раз в сторону сердца. Сабля чиркнула о ребра, переламывая кости.

На несколько мгновений остальные демоны замерли, пораженные смертью предводителя. И этого времени хватило на то, чтобы рубануть грудь зверя еще раз. Габор запустил руку прямо внутрь, выхватывая сердце, выдирая его и выдавливая такой необходимый сейчас яд себе в рот. На язык полилась отравленная кровь. Обожгла горечью и привкусом тлена. Словно земля и тина набились в рот.

Габора едва не вывернуло наизнанку от такой концентрации. Густая маслянистая кровь прожигала небо. Но он заставил себя проглотить. Тело нагрелось, словно его сунули в горящую печь.

На теле выступила испарина. В мозгу билось лишь одно: убивать... Уничтожать... Он должен уничтожить всех. До единого. Каждого.

Как в Олесиной сказке...

Мысль о ней вернула рассудок. Габора выдернуло из черно-красной пелены. Лес больше не был бело-голубым от сумерек и снега. Он был бордовым — от крови. И темным — от ярости.

Но в холодном каменном доме оставалась Олеся. Женщина из другого мира, которая вернула ему жизнь. Сделала несбыточные мечты реальностью и вытряхнула из него десятки неизведанных ранее чувств.

Это все ради нее. Только для нее. Он не может впасть в безумие. Только не сейчас. Ведь впереди столько всего. Целая жизнь, которую он уже успел придумать. Картинки в воображении вспыхивали так ярко, что Габор начал убеждать себя в их реальности. Словно все это происходило на самом деле. Как будто они уже были на берегу моря. Как будто он уже подарил ей серьги. Как будто она уже сказала, что любит его и хочет навсегда остаться рядом с ним.

Организм принял демоническую кровь. Ее отравляющая сила напитала его собственную. Теперь, смешавшись, она свободно циркулировала по организму. А мысли об Олесе очищали разум.

Габор понял, что окружен оставшимися демонами. Между ним и ими оставалась пара жалких шагов. Пока его разум и тело пытались справиться с такой дозой чистой крови, они подобрались почти вплотную и теперь готовились напасть.

Габор отшвырнул ногой истерзанное тело разумного демона в одного из примитивных. Теперь он выстоит. Сколько бы их ни было.

Олеся его. И он не отдаст ее никому.

Теперь на его стороне были сила и скорость. Даже один он мог выстоять против всех них. Нужно лишь сохранить ясность рассудка. Сознание ускользало, растворяясь в алом мареве. Демоны были целями, которые он должен уничтожить. И ему придется принять еще крови. На тот случай, если Крампус пришлет новых подручных. Но тело едва справлялось с этим количеством.

Тяжелое дыхание и четкий аромат женщины, испарины с ее кожи тонкой дымкой просочились сквозь поры, втекли в рот, скользнули в уши. Олеся... Разум ухватился за ее имя, как за якорь. Она не даст ему пропасть. Не даст.

Демоны бросились к нему, обнажая желтые зубы. Длинные грязные когти тянулись к лицу и груди. Каждый пытался достать, распотрошить и сожрать. В их нападении было только безумное стремление разодрать его на куски.

Габор раскрутил цепь на головой. Двое демонов не успели отклониться от шипов, и они вонзились им в морды. Габор дернул цепь на себя, выдирая из них куски плоти. Демоны заревели, хватаясь за головы, и тут же упали на снег. Их место тут же заняли еще двое. Они видели опасность и теперь пытались организовать атаку. Но их примитивных мозгов хватало только на то, чтобы рычать на него, цепляясь друг за друга.

Габор не собирался давать им собраться. Когда примитивный прыгнул на него, он упал на колени, выбрасывая саблю вверх и вспарывая живот. Еще с одним покончено.

Габор быстро вскочил на ноги. Едва поднялся, как на него понеслись одновременно три демона. Им хватило сообразительности напасть вместе и повалить его на спину. Когти вонзились в живот, в грудь, прошлись по лицу, заливая глаза кровью. Габор задохнулся — тощий вонючий демон уселся ему на грудь, надавливая коленями на ребра. Длинные лапы потянулись к горлу, то ли задушить, то ли разодрать.

Боковым зрением Габор увидел, как другой демон бросился в сторону окна. Нет...

Он отвлекся, и еще одному удалось приложить его затылком о дверь. Удар оказался такой силы, что дерево раскололось на части. Одна из досок полетела вниз, и Габор умудрился перехватить ее и разможжить одним ударом череп демона. Сбросив с себя его тело, он схватил обороненную саблю и вогнал в пасть твари.

Третий демон действовал хитро. Он заметил, что Габор все время смотрит на окно и пытался задержать его. Теперь место у двери оказалось ловушкой. Даже если Габор укроется в доме, демоны продолжат наступать...

Тварь заржала, оглушая чувствительный слух радостными завываниями. Он громко завыл, задрал голову, и Габор воспользовался моментом. Размахнулся, чтобы отрубить голову. Но демон успел отскочить в бок и вонзить когти в ладонь Габора. Он снова выронил саблю, но на этот раз даже не стал смотреть куда. Олеся закричала, и этот звук сорвал с цепи все то темное, что таилось в его душе. Все, что он прятал и скрывал ото всех. Но из-за чужой крови темница, в которую он загнал свои пагубные желания, оказалась разрушена. И только воля сдерживала их внутри.

Но теперь, когда Олеся кричала... Не осталось больше ничего. Габор сам бросился к демону. Несколько секунд, и вот его руки сами врываються в пасть зверя и раздирают ее на части. Габор обернулся и швырнул оторванную челюсть в демона, пытающегося влезть в окно.

Вид карабкающейся внутрь твари заставил и его самого зарычать, как бешеного зверя. Габор рванул вперед, отдирая демона от стены и швыряя в снег. Мелькнуло испуганное лицо Олеси. Она сжимала в ладони нож, а на бледном лице темнели капельки крови. Нет... Только не это. Она не должна быть ранена.

Он ведь должен был ее защитить. Должен был!

Габор отломил от рамы осколок стекла, даже не чувствуя, как тот вонзается в израненную ладонь. С остервенением и какой-то первобытной яростью он начал всаживать осколок в морду демона, пока на ее месте не осталось кровавое месиво.

Послышался треск ломаемых ветвей, и Габор взглянул на лес. Несколько демонов убегали. Бегите-бегите, твари. И передайте своему господину, что его ждет то же самое.

Габор отбросил осколок и поднялся на ноги. Он слышал, как шумит кровь в ушах, как часто бьется собственное сердце, и как тяжело дышит Олеся.

Он обернулся. Она смотрела на изувеченного демона с выражением ужаса и отвращения на лице. А потом перевела взгляд на него. Габор не хотел видеть ее глаза. Он вообще не хотел ее сейчас видеть. Не тогда, когда она узнала...

Он хрипло, едва разборчиво приказал:

— Отвернись.

Но она, как всегда, не послушалась. Продолжала мучить его своим взглядом. Он сам отвернулся.

Нашел оброненную в кровавый снег саблю и поднял ее. Одним быстрым движением вспорол грудь демона и снова достал все еще теплое сердце.

Маслянистая густая кровь опять наполнила рот вкусом земли. Могильной. Как будто внутри него все было похоронено. Остался только прах.

Габор вытер снегом саблю, нашел цепь и содрал остаток двери с петель. Его кровь устала бороться с инородной. Он сам устал. Еще никогда не чувствовал себя таким грязным.

Габор заставил себя переступить через порог. Внутри все так же горели свечи, но при его появлении вспыхнули еще ярче. Огонь в печи прорвался сквозь прорези в заслонке. Стихия хотела очистить его, сжечь. Он бы и сам был не против...

Олеся отошла от окна и сглотнула. Он видел, как едва напряглось ее горло, как капелька испарины скользнула по нему, теряясь за воротом рубашки. Его рубашки. На ней сейчас его одежда. Его. И она сама принадлежит ему. И не хочется ничего, кроме как содрать с нее одежду, прижаться к хрупкому телу, зарыться лицом в ложбинку между грудей и вдыхать ее запах до тех пор, пока в легких не останется только его. Чтобы Олеся заполнила собой все его нутро. Не демоническая кровь, а ее аромат, пот с ее разгоряченной кожи и ее громкие стоны, крики, обещания, что ей нужен только он...

Но кажется, этого он больше не услышит никогда. Хорошо, что удалось вытянуть из нее эти слова до того, как она все увидела. Теперь он хотя бы сможет вспоминать.

Как жаль, что ни за какие деньги не купить ее душу и ее любовь. После того, что он сделал на ее глазах, ему не хватит всей королевской казны...

Олеся бросилась ему навстречу. Обвила руками шею и прижала к себе. Тянулась, привстав на цыпочки, и горячо дышала в шею.

Габор даже покачнулся. Внутри что-то сломалось и пришло в негодность. Он удивленно обнял ее за талию, вдавливая в себя так, что она застонала от боли.

— Слава Богу, ты живой...

Габор прижался носом к ее макушке и вдохнул невероятный аромат волос. Что она сказала? Радует, что живой? А как же отвращение и... и что-нибудь еще, что должно окончательно его растоптать и уничтожить? Почему она так говорит?

Олеся отстранилась, и он угрожающе рыкнул, не давая ей отодвинуться. Она подняла к нему лицо и, кажется, не собиралась вырываться. Коснулась пальцами его губ, стирая с них отравленную кровь.

— Больше никогда не смей уходить к ним и оставлять меня одну. — По ее щеке скатилась одинокая слезинка. — Пусть другие сражаются, ясно? Кто угодно! Пусть дерутся, умирают, защищают народ. Мне все равно! — Она ударила ладонью ему по плечу. — Но ты не смей к ним ходить. Я думала, что умру...

Она снова обняла его и почему-то заплакала. Зарыдала так громко, что этот звук почти оглушил. Почему, почему она плачет? Сквозь пелену в голове Габор слышал, как внутри него снова и снова что-то ломается. Из-за ее слез, из-за тонких рук на талии, из-за ее слов. Он пытался понять, но все никак не мог поверить... Нет, боялся поверить.

Он все ждал, когда она скажет, что ей противно просто смотреть на него, не то что прикасаться. Но она только всхлипывала. И ничего не говорила.

Алое кровавое марево начало рассеиваться. Габор осторожно накрыл ладонью ее затылок и погладил растрепавшиеся волосы.

— Не плачь...

Она помотала головой, все еще не отнимая лица от его груди:

— Не могу... Может, эта твоя чертовая принцесса сильная и привычная к таким вещам, но я нет... Чем ты вообще думал?! Их же было так много! И ты один! Боже-е-е... — Она резко выдохнула.

Габору хотелось ощутить ее дыхание обнаженной кожей. Чтобы между ними больше не было преград. Никаких. Никаких... Он должен рассказать ей.

— Ты просто чертов герой! Таких не должно существовать, ясно?! Тебе место в какой-нибудь книжке! Или в фильме. Чтобы все были влюблены и сходили по тебе с ума, а ты весь такой совершенный и выбрал бы какую-нибудь невзрачную серую мышь... и... и...

Олеся снова ударила его в плечо:

— Ты не можешь быть реальным... Я наверное все-таки умерла, и ты мне привиделся... Ты — галлюцинация... Фантазия чокнутой разведенки. И ты там едва не умер. Я больше не отпущу тебя никуда.

Его мозг зацепился за слово «умерла», и Габор судорожно сгреб ее волосы в кулак:

— Ты не умрешь. — Он пристально всматривался в ее лихорадочно-яркие глаза. — Никто не сможет причинить тебе вред. Ты под моей защитой. — Он стер с ее лица слезы, оставив на бледной щеке кровавый росчерк, словно опорочил и осквернил.

Тут же судорожно принялся оттирать, но Олеся схватил его за запястье:

— Габор, перестань...

— Я испачкал тебя. Я...

— Ты ранен. У тебя кровь.

— Это не моя.

— Да мне плевать, чья она! Я видела, как они на тебя бросались! Я вижу ЭТО!

Она сжала его ладонь, и только сейчас он заметил прокусы от зубов и содранную кожу.

— Прости. — Габор отнял руку. — Я не должен трогать тебя.

Олеся нахмурилась и обхватил его лицо ладонями.

— Да что с тобой такое? Почему ты... Ты жалеешь, что защитил меня? Думаешь, что тот демон сказал правду? Ты отдашь меня?..

Что?! Да как она вообще может о таком думать?! Габор схватил Олесю за плечи и потащил к столу. Прижал к столешнице, нависнув над ней, обхватил пальцами шею, ощущая, как бьется и трепещет пульс.

— Если ты хоть еще раз скажешь такое... подумаешь об этом...

Олеся откинула голову, заглядывая ему в глаза. Неосознанно она обнажила тонкую шею, словно подчиняясь и покоряясь его силе. Так сложно было удержаться... Так тяжело было сохранять человечность и не подчиняться первобытным инстинктам, выпущенным на волю кровью демонов.

Он и не смог. Сорвался. Наклонился, прижимаясь губами к бледной коже. Оставить на ней десятки алых следов поцелуев, тонкие царапинки от щетины, сделать своей безоговорочно и дико. Навсегда.

Габор прикусил кожу в изгибе шеи и всосал в рот, жадно лизнул.

— Ты моя... Только моя... И больше никому не принадлежишь. Ни твой муж, ни демоны, ни Крампус — никто тебя у меня не заберет. Никому не отдам.

Он почувствовал, как нежные руки обвили шею. Теплые ладони скользнули по затылку, зарываясь в волосы. Ее дыхание коснулось щеки. Сама не ведая того, Олеся разрушала оковы, сдерживающие демона, жившего в нем. Настоящего демона. Ничуть не лучше тех, которых она сегодня видела.

Габор заставил себя отстраниться. Все человеческое, что еще было в нем, твердило, что так нельзя. Она не похожа на других и не будет безмолвно принимать то, что он будет давать.

— Я должен... кое-что рассказать тебе.

Казалось, что ее глаза горят. С той стороны кто-то зажег яркие огни, и теперь голубой свет рвется наружу. Габору стало больно смотреть. Страшно. Она видела, каким чудовищем он стал. Видела все без прикрас. Его настоящего.

Ее ладони опустились на его грудь, пальцы вжались в кожу, и Габор вздрогнул от саднящей боли, прокатившейся горячей волной.

— Ты соврал! — Олеся быстро расстегнула сюртук, а затем жилет, безжалостно отдирая ткань от раны. — Господи... Что они с тобой сделали? Нужно... нужно... Нужен врач! И...

Он не дал ей договорить. Перехватил ладони и прижал к своей груди, впитывая спасительное тепло ее кожи.

— Все заживет.

На ее скулах проступил румянец, глаза лихорадочно заблестели. Еще ярче.

— Ты хоть видел свои?! На тебе живого места нет!

Ее пальцы испачкались в крови, губы дрожали.

Не контролируя себя, он разъяренно рыкнул:

— Замолчи и слушай меня!

Сметя со стола ступки и склянки с мазями и зельями, Габор усадил Олесю на стол, сжимая узкие плечи. Кровь демона высвобождала все самое плохое и опасное, что было в человеке. Толкала на те поступки, на которые в здравом уме никто бы не осмелился.

Убийства, пытки, издевательства.

Но ему хотелось... От картинок, вспыхнувших в мозгу, стало только хуже. На него проклятая кровь воздействовала странным образом. Или... или то, что он хотел сделать с Олесей и не было нормальным?

Габор заставил себя отстраниться. Без сил опустился на грубо сколоченный стул и убрал окровавленной рукой волосы со лба. Взгляд Олеси скользил по его лицу и телу. Лучше не знать, как он сейчас выглядит.

Но она смотрела без отвращения. Разкм твердил, что здесь какая ловушка, что он обманывает сам себя. В чем-то есть подвох. Но стерва-надежда разливалась по телу и затапливала нутро едучей отравой.

Она ведь должна его ненавидеть, презирать. Смотреть с ненавистью и отвращением. Как смотрела мать. Как любая, кто размышляла о демонах и том, как с ними бороться.

Но Олеся не его мать. И она не любая.

Габор собрался с силами. Заставить себя открыть рот и произнести то, что нужно, было едва ли не сложнее, чем сражаться.

Олеся соскользнула со стола. На ее лице застыло непонимание.

— Нам наверное, нужно вернуться в замок? — Она отвернулась и взглянула на печь, где весело полыхал огонь, сжигая голову Бражены. Хрупкое тело вздрогнуло, превращая Габора в зверя, одержимого желанием защищать и не подпускать никого к своей добыче. — Здесь мы уже вряд ли что-то узнаем...

Габор покачал головой и тяжело прохрипел:

— Нельзя. Сейчас лес — вотчина демонов. Ночь — их время. Я не смогу тебя защитить, сколько крови не выпью.

Он ждал. Ждал, что она сделает, услышав эти слова. Ждал, как изменится ее лицо. Ну давай же, давай, скривись, оттолкни, посмотри с презрением. Скажи обидные слова, обзови, прокляни. Сделай то, что должна. И тогда он отдастся проклятой крови. Позволит ей поглотить себя целиком и полностью, чтобы захватить власть.

Но Олеся обхватила себя за плечи, как будто ей было очень холодно. Грустно опустила взгляд. Топтала его человечность не хуже отравленной крови. Будила инстинкты и странное тягучее чувство, от которого шумело в ушах.

Тихий голос опутал его, словно паутинка:

— Я совсем не знаю, как тебе помочь. Раны, наверное, нужно промыть, а потом... зашить... — Она подняла на него глаза, прорезая тело голубым сиянием. Габору показалось, что его живьем вспороли и начали сдирать кожу. — Прости, что я такая... неумелая.

Он должен ей все рассказать. Только она и поймет. Только она. Потому что она его. Он отдал ей свою расколотую душу. И только она сможет собрать воедино безобразные куски.

Он должен...

Пальцы сжались в кулаки. Она сможет понять.

Но с чего начать, чтобы эта история не казалась такой отвратительной, какой была на самом деле? Беда в том, что не существовало слов, способного приукрасить отвратительные подробности.

Почти лихорадочный жар прокатился по коже. Габор снял сюртук и бросил на пол.

С чего начать... С самого начала.

Глава 23

Олесю трясло. От холода. От страха. От переживаний.

Он мог умереть. Чертовы твари едва не разодрали его на части. От вида жутких ран на мощной груди, кружилась голова и болезненно сжимался живот.

Олесе хотелось броситься к нему, упасть у его ног. Утешить. Успокоить. Залечить кровавые следы когтей поцелуями. Но... но она не решалась.

Габор стал чужим. Он словно ждал от нее чего-то. А она все никак не могла понять чего. Боялась сказать или сделать что-то не то. Каждое слово — словно шаг по тонкому неокрепшему льду.

Боже! Она только что видела демонов. Настоящих демонов, вышедших словно из самого ада. Она видела, как любимый мужчина сражается с ними. Как пытается ее защитить. Возможно ли пережить больший ужас, чем тот, который она испытала, когда огромная вонючая тварь лезла в окно?

Возможно. Ужас она испытывала сейчас, глядя на Габора и не понимая, что должна сделать. Может... может он ждал, что она последует за демонами? Может до сих пор верил, что она заключила с ними сделку, и...

— Ты хотела знать, что происходило в том зале. И почему на фресках изображен Крампус. — Габор говорил тихо и ровно.

Даже равнодушно. Только голос казался ниже обычного и немного хрипел. И именно эти хриплые нотки стали последней каплей, добившей ее окончательно.

Он не совсем человек. Необычный человек. Это Олеся подозревала с самого начала. Это она видела и чувствовала. Ее потянуло к нему, не смотря на его странное сходство с ее начальником. Не смотря на его жесткий характер. Не смотря на то, что он ждал от всех полного подчинения.

Он притягивал ее. Притягивал настолько, что это казалось странным и ненормальным. Увидев его в бою, она окончательно поняла: ее болезненно к нему влечет. Это что-то гораздо большее, чем страсть, чем любовь. И что-то дикое, первобытное, на уровне инстинктов и примитивных потребностей.

Путаница чувств ее напугала. Но еще больше напугало то, о чем он говорил. Хочет ли она сейчас узнать правду? Вряд ли. Гораздо легче жить, ничего не зная. Он ведь всегда нес этот груз в одиночку. Почему бы не дать ему и дальше справляться с этой ответственностью?

Вот только она не позволит, чтобы у него были секреты. Он должен принадлежать ей всецело. Она не отпустит его. Никогда. Ни к кому. Ему не удастся вышвырнуть ее, когда он наиграется. Человеческие чувства не вечны. А чувства сумасшедших? Не просто так она оказалась копией Маргит. Ее безумие было и безумием Олеси. Оно сохранилось, как сохранились шрамы от кнута Миклоша.

Это безумие имело имя: Габор. Она помешалась на нем. Как маньячка. Когда тяга к мужчине становится болезненным пристрастием и ты готова убить любую, на кого будет направлен его взгляд.

Олеся осторожно кивнула, боясь выдать свое состояние.

— Да, хотела. Но ты не собирался мне говорить.

— Ты увидела то, что не должна была видеть. Этого никто не должен был видеть. — На щеках Габора заиграли желваки. — Я расскажу тебе все. Но не думай, что у тебя будет шанс уйти. Ты все равно останешься моей.

«А ты — моим. Мой. Мой. Мой. Только мой. Никто тебя не получит. Никто не сможет отобрать у меня.»

Олеся испугалась собственных мыслей.

И снова это ужасное желание его спровоцировать, услышать, что никуда ее не отпустит. Как будто сойдет с ума, если не будет слышать вечно, что нужна ему.

— Куда же я уйду? Без Бражены путь в свой мир мне заказан.

Он с такой силой сжал челюсти, что побледнели губы. Зачем, зачем она его дразнит? Ведь видит же, что в нем теперь не просто человек. В нем нечто большее. Нечто более опасное и жестокое.

Но в самых потаенных уголках ее души, ее мозга и сознания крылся ответ. Она просто хотела, чтобы он продолжал желать ее. Чтобы даже испив крови жутких демонов, думал о ней.

Одно Олеся поняла точно: Габор — кто-то больший, чем просто человек. В нем смешалась кровь человека и демона, сделав его таким, каким она успела узнать. И это причудливое смешение двух душ ее совсем не отталкивало. Наоборот, она хотела, чтобы каждой клеточкой двух ипостасей он принадлежал ей.

Его глаза снова сверкнули пугающей сталью. Теперь Олеся знала, с чем это связано. Выпитая кровь дает о себе знать. Но сделал он это, чтобы защитить ее.

Могла ли она мечтать о таком мужчине? Нет. Даже в самых смелых фантазиях ее скудное воображение рисовало жалкое подобие этого человека. Ее господарь. Теперь Олеся знала это. Она рождена, чтобы принадлежать ему.

Чем больше он смотрел на нее, тем больше его глаза заволакивало пугающей дымкой.

— Ты все еще хочешь вернуться?

Олеся покачала головой. Похоже, она тоже оказалась под воздействием странной магии демонов.

— Нет, я хочу услышать, что ты меня никому не отдашь и никуда непустишь.

Он соскочил со стула и шагнул к ней.

— А ты еще этого не поняла?

— Я хочу постоянно это слышать. — Она вцепилась в воротник его рубашки. — Не думай, что какая-то там кровь поможет тебе от меня избавиться. Я не отдам тебя, ни демонам, ни принцессе. Никому.

Он навис над ней. Темные волосы снова упали на лоб. Они были покрыты потом и кровью, и почему-то это возбуждало.

Олеся не знала, что с ней происходит. Но его сила, его решимость, его властность и непоколебимость смешались в дикий коктейль, от которого она совершенно опьянела и никак не могла ему противостоять.

Он резко наклонился, но замер. В чертовом сантиметре от ее губ!

— Глупенькая иномирянка... Думаешь, узнала самое худшее обо мне? Ты хотела знать правду? Я тебе ее расскажу. Но когда ты решишь сбежать, знай, что исполню свою угрозу и прикую тебя цепями. Запру в темнице. И никуда тебя не выпущу. Тогда ты очень быстро начнешь меня ненавидеть. А я так и не смогу избавиться от наваждения, которое ты наслала на меня.

Он коснулся лбом ее лба и опалил горячим дыханием щеки.

— Я давал клятву, что расскажу правду только своему первенцу. Сыну, который продолжит мое дело. Ты заставляешь меня нарушить собственное слово.

Габор резко отстранился, оставив лишь ощущение холода и ветра, влетающего в дом через разбитое окно.

Его лицо снова окаменело, лишившись эмоций. Он снова становился господарем.

— С детства наших детей учат, что Бергандия — великая страна. Могучее королевство, наводящее страх на врагов. У нас множество богатств, сильная армия, непобедимый флот. Есть только одна напасть — демоны. Их не удастся истребить, как бы мы ни пытались. Но пока есть четыре Великих Господаря, люди Бергандии могут жить спокойно — мы защитим их от Крампуса и его слуг, даже ценой своей жизни. Красиво сказано, да? — Габор невесело ухмыльнулся. — Это часть клятвы, которую мы даем, вступая в совершеннолетие.

Габор мерил шагами тесное пространство домика, метался от стены к печи и обратно, как зверь, посаженный на привязь.

— Но это все — красивые и насквозь лицемерные обряды, чтобы пустить пыль в глаза. Никто не знает правды. И никогда не должен узнать.

Олесю пробрал озноб. Но ни плащ, ни плотная теплая одежда не могли согреть. Ей нужны были объятия Габора — только они могла прогнать холод и страх, заползающие в ее тело сквозь поры, и стремящиеся добраться до души.

Но Олеся стояла неподвижно, боясь даже шевельнуться. Спугнуть желание Габора все рассказать.

Ей уже не важна проклятая правда. Ну ее! Что такого ужасного он мог скрывать? Олеся была уверена, что не существовало ничего, с чем бы они не могли справиться вместе. Вдвоем.

Главное, чтобы он выговорился. Выплеснул то, что так давно его гложет и мучает.

— Если ты решишь меня предать и рассказать о том, что услышишь, тебе никто не поверит. Сочтут сумасшедшей и отмеченной демонами.

На смену ознобу пришел сжигающий жар гнева и ярости.

— Ты говорил, что откажешь принцессе ради меня. И тут же ждешь, что я тебя предам. Кто я, по-твоему?

Габор остановился и вперился в нее тяжелым взглядом. Кривая ухмылка изогнула его красивые губы:

— Как только ты узнаешь правду... я даже не смогу обвинять тебя за предательство.

Олеся едва не расплакалась. Задрала голову к потолку и часто заморгала, чтобы прогнать слезы.

— Какая же я дрянь, по-твоему. И на такой женщине ты собрался жениться.

— Потому что не могу без тебя. Даже если ты предашь. Хоть тысячу раз. Ты послана сюда, чтобы свести меня с ума. — Ноздри Габора раздулись. Он зло пнул стул и без сил опустился на пол, возле ярко горящих свечей. — Бергандия не всегда была процветающим королевством. Когда-то здесь были только леса, горы и снег. Нас со всех сторон окружает море. Ни один враг не сможет подобраться незаметно. А раньше люди вообще боялись приближаться к этому острову. Все, кто сюда попадал, бесследно исчезали и больше никогда не возвращались. Поговаривали, что здесь обитает монстр из пекла. Под землей ему так жарко, что иногда он поднимается на поверхность, чтобы подышать свежим воздухом. Но очень быстро замерзает и возвращается обратно в преисподнюю.

Габор взглянул на печь. В его холодных, как два зеркала глазах, отразились огненные всполохи.

— Здесь никто никогда не жил, пока однажды к берегу не пристал потрепанный бурями и ветрами корабль. С него сошли семь рыцарей со своими семьями. Они прибыли из страны, которой, возможно, уже и не существует. У себя на родине они совершили ужаснейшее преступление, о котором даже не говорили вслух. Не знаю, что такого они сделали... Никто не знает, но это было что-то ужасное. Их и их семьи приговорили к смертной казни. Им удалось сбежать и сесть на корабль, принадлежащий одному из них. За ними пустили погоню. Ни одно из королевств их не приняло бы. Тогда они повернули к этому жуткому острову. Преследователи отступили, решив, что остров и живущее здесь зло, само покарает преступников. Но они ошиблись...

Олеся слушала, затаив дыхание. Она боялась даже думать о том, чем мог обернуться рассказ Габора. Он открывал ей старые тайны, похороненные за ворохом лжи. Он доверял ей настолько, что впускал в свой мир. Не в странное и жутковатое королевство, а мир своей души. Сейчас Олеся знала: в его душе холодно и страшно, там повсюду кровь, снег и тьма. Но где-то есть пылающий костер, который согреет, сожжет в своих огненных объятиях. Нужно лишь найти и раздуть полыхающее пламя.

Габор горько улыбнулся и продолжил:

— Рыцарей встретили каменистые берега и ледяная метель. Здесь не было никакого прока от их воинского искусства. В вечном холоде они не могли отыскать ни растений, ни животных, чтобы прокормить себя и своих детей. Но они намерены были выжить и даже отомстить тем, по чьей воле здесь оказались. — Габор ухмыльнулся. — Им не хватило смелости и благородства принять смерть за свое преступление, так они еще и мстить решили. Оставив жен и детей на берегу, рыцари отправились в горы, поискать там укрытие от холода. И вот в одной из пещер они наткнулись на жуткое существо. Оно не было похоже ни на одного из известных животных и могло понимать человеческую речь. А еще оно было ужасно кровожадным. За минуту оно разделалось с тремя из рыцарей. Но оставшимся в живых удалось вместе одолеть его. И тогда земля разверзлась, наружу потекли потоки лавы, а из них, словно из воды, вышел еще один монстр. Он был намного больше и страшнее предыдущего. Весь покрытый черным мехом, с горящими углями вместо глаз и огромными рогами. Вместо ног у него были копыта, а на руках ногти такой длины, словно к пальцам кто-то прикрепил ножи. Его язык жил собственной жизнью и был настолько длинным, что без труда мог обернуться вокруг шеи любого из рыцарей. А его морда казалась высеченной из дерева.

Рыцари не испугались. Измученные долгим путешествием и кровавой схваткой, они готовы были до последнего вздоха сражаться за свои жизни. Но существо не хотело с ними драться. Оно сказала, что восхищено их храбростью и умением обращаться с оружием. И пообещало, что не тронет их, а даже поможет устроиться здесь, даст силы победить врагов. Но они должны будут заплатить за это.

Один из рыцарей сказал, что у них почти нет золота, и тогда существо рассмеялось. Оно окунуло руку в лаву и, зачерпнув горсть жидкого огня, бросило его в рыцарей. Но вместо раскаленных брызг к их ногам упали золотые монеты и сияющие алые камни. Существо сказала, что у него полно золота и драгоценных самоцветов, и оно может поделиться с рыцарями, ведь ему нечего делать с ними.

Ему нужна была другая плата. Существо сказала, что оно обитает здесь с начала времен. В одиночестве и тоске. Он — правитель этих холодных земель, и у него есть все, кроме... королев.

Олеся и сама не поняла, что вцепилась пальцами в столешницу. Ногти чиркнули по дереву, загоня опилки под кожу. В памяти всплыли жуткие фрески, найденные в потайном ходу. Страшная сказка, которую рассказывал Габор, с каждой секундой становилась все реальнее. И Олеся осознала, что с этим ей теперь придется жить. Потому что с этим жил Габор.

— Он назвался Крампусом — древнейшим из демонов. Таким же древним, как земля и вода, как солнце, луна и звезды. Веками он копил силу. Веками он был один. На берегу он увидел женщину. С белой, как снег кожей, алыми, как лава губами и черными, как зола волосами. Он пообещал, что даст рыцарям власть, силу, богатства — все, что они пожелают. В обмен на эту женщину. Рыцари сразу поняли, о ком говорит демон. Жена одного из погибших в схватке с монстром. Рыцари согласились ее отдать. Тогда Крампус собственными когтями поранил свою грудь и приказал рыцарям выпить его крови. Они стали первыми, кто заключил сделку с демоном. В тот момент, когда его кровь достигла их сердец, они навсегда изменились. Самый хитрый и коварный из них обернулся лисом, самый мудрый — вороном, самый сильный увеличился в размерах, его кожа превратилась в камень, а самый жестокий стал драконом. Демоническая кровь явила их истинные натуры. Когда они вернулись в человеческое обличье, на теле каждого из них обнаружилось клеймо — так они стали отмеченными демоном. Вернувшись на берег, они забрали черноволосую женщину и привели ее в пещеру, где повстречались с Крампусом. Они оставили ее там одну, а сами спрятались неподалеку, чтобы убедиться, что она никуда не сбежит. Всю ночь они слышали ее крики и плач, а под утро все смолкло. Вернувшись в пещеру, они обнаружили только растерзанное тело.

Больше Крампуса они не видели. Зато появились десятки других демонов, которые стали служить рыцарям. Вместе они начали возводить неприступную крепость. Благодаря силе, дарованной Крампусом, рыцари стали неуязвимыми. Но постепенно магия крови сходилась на нет. И рыцари больше не могли превращаться. А к их берегам причалили корабли из того королевства, где они раньше жили. У рыцарей не было ни армии, ни силы демонической крови, чтобы отстоять свой новый дом.

И тогда они снова отправились в пещеру Крампуса. Он явился и опять потребовал себе женщину. Черноволосую, белокожую, с алыми губами. И вновь такая оказалась лишь одна — дочь одного из рыцарей.

Олеся прижала пальцы к губам. Это ведь все неправда? Габор просто рассказывает ей страшную сказку... Иначе и быть не может. Она бы еще долго себя убеждала в этом, но он продолжил, вытаскивая на свет настолько страшные и фантастические подробности, что они не могли быть ничем иным, как правдой. Потому что сказки не бывают такими жестокими и жуткими.

— Он не хотел отдавать свою дочь, но если желаешь получить силу и власть, всегда приходится чем-то жертвовать. И тогда рыцари договорились, что будут отдавать Крампусу своих дочерей по очереди. Отец отвел юную дочку в пещеру, скрыв от нее, что ее там ждет. Когда на следующее утро рыцари вернулись за кровью, они снова обнаружили разбросанные по всей пещере окровавленные останки.

Крампус позволил им сделать по глотку крови, и рыцари вновь обрели прежнюю силу. Они отстояли остров, разбив вражеский флот.

Но власть пьянит... Что одна крепость, когда можно выстроить целое королевство? Тем более, подрастает еще одна черноволосая дева.

Вот только матери не хотели отдавать своих дочерей. Они рожали их не для того, чтобы помвлать на растерзание какому-то монстру.

Но к тому моменту рыцари уже были настолько отравлены демонской кровью, что не испытывали никаких чувств, обрекая дочерей на смерть. Их волновало только собственное бессмертие и безграничная сила.

Тогда они придумали хитрость. Стали говорить, что Крампус — древнее божество этих мест. И что служить ему — великая честь. С рождения девочек потчевали историями о том, какая великая судьба им уготована. Возле крепости выстроили особый монастырь. Едва становилось понятно, что девочка будет черноволосой, а ее кожа светлее, чем у остальных, ее запирали там.

Население острова множилось. Сюда стали сбегать те, кто не мог найти пристанища в других местах. И Крампуса действительно стали почитать как бога и покровителя этих земель. Вот только никто не знал, что происходило с женщинами, попавшими к нему в лапы.

Кто-то начал догадываться, что с девушками творится что-то неладное. Они сопротивлялись и пытались сбежать с острова, чтобы не стать жертвами уготованной им участи.

И тогда Крампус явился в крепость сам. Он проник в замок через дымоход и оказался в спальне дочери одного из рыцарей. Кровь Крампуса даровала рыцарям сотни лет жизни. Они брали в жены молодых красавцев, взамен умирающих. Их дети, отравленные кровью отцов, рождались... не такими как все.

Дева, к которой явился Крампус, могла предсказывать будущее. Едва увидев демона, ей явилось пророчество. Что однажды в наш мир придет женщина, рожденная там, где звезды иначе расположены на небе. Она не будет принадлежать ни к одному из четырех Великих Родов. Ее глаза будут как звезды. Она покорит дракона и с радостью примет кровь демона, лишь бы быть с ее хозяином.

Габор перевел дыхание, подняв на Олеся тяжелый задумчивый взгляд. Она с трудом осознавала то, что сейчас услышала. Нет, такого просто не может быть. Это все не о ней. Она даже не видела здесь драконов и совсем не собирается принимать демоническую кровь. Бражена ведь слышала о перемещениях в другие миры. Значит, она не одна такая.

Словно прочтя ее мысли, Габор усмехнулся:

— Ты исполнила все условия пророчества. Рождена в неизвестном мире, не принадлежишь родам рыцарей-основателей. У Маргит были карие глаза, а твои стали голубыми...

Олеся зло перебила его:

— У меня глаза всегда были голубыми. Просто вернулся их настоящий цвет. И я не покоряла никаких драконов. Или один из них припрятан у тебя в подземелье?

Габор невесело ухмыльнулся:

— Дракон — это я. Потомок одного из рыцарей. Того, который когда-то умел летать и изрыгал пламя. И я давно уже покорен тобой...

Олесе стало не по себе. От грусти и обреченности в его голосе. От того, что она вспомнила силуэт горы в форуме дракона и многочисленные знамена, развешанные в крепости. Знамена... Там ведь был не только дракон. Мозг ухватился за спасительную мысль.

— Постой! Но ведь у тебя в крепости висят еще и изображения ворона...

— Моя мать была из Рода Ворона. Войдя в род отца она... — Он неожиданно отвел взгляд, не сумев скрыть выражение боли на лице. — Неважно.

Олеся решила не настаивать. Он и так рассказал ей столько, что кружилась голова. Доверился практически незнакомому человеку. Доверился. Он ей доверял, не смотря на то, что считал женщиной из нелепого пророчества, сделанного неизвестно когда.

— Но ведь теперь вы не поклоняетесь Крампусу? Как так получилось?

Рот Габора изогнулся в кривую линию:

— Когда он услышал то пророчество, решил воплотить его в жизнь. Во что бы то ни стало. Он забрал пророчицу с собой и поделился с ней тайными знаниями. Он научил варить ее любовный напиток. Так появились ведьмы. Они знали некоторые секреты Крампуса, умели готовить зелья. Теперь все было иначе. В крепости построили потайной зал, куда приводили избранных девушек и опаивали их. Они с радостью отдавались Крампусу прямо в том зале, на глазах у других рыцарей. Теперь они следили за происходящим, чтобы женщина не могла обмануть их, не выпив зелье. И чтобы никто не мог помочь им сбежать. Ты ведь уже догадалась, о какой крепости и о каком зале идет речь?

Холодный пот выступил на коже. Она была настолько погружена в рассказ Габора, что даже не собрала воедино части пугающей головоломки. Рассмотрев что-то на ее лице, Габор кивнул.

— Те цепи... Они были не для демонов. Ими приковывали девушку. Чтобы наверняка. Рыцари так боялись, что их очередная жертва сбежит, что предусмотрели все. Взамен они получали кровь, которая стала их наркотиком. Они медленно погружались в безумие. Кровь демона отравляла их все больше и больше. За свои бесконечно долгие жизни они напитались ею настолько, что однажды на

свет из чрев их новых жен начали рождаться уже не дети, а демоны. Демоны, которых Крампус не позволил убивать. Эти демоны были разумными. Они могли мыслить, как люди. Идеальные воины. Сильные и хитрые. Вот только одержимые жаждой крови и насилия.

Крампус держал их в узде, но одна из матерей не могла позволить, чтобы ее ребенок творил бесчинства. Так началась охота на демонов. Женщине из Рода Воронов удалось поднять восстание. Сыновья, сохранившие человеческий рассудок и облик, пошли с мечами на отцов. В их венах текла отравленная кровь, а потому им удалось победить чудовищ, в которых обращались рыцари. Так с бессмертными воинами, основавшими королевство было покончено. Их останки разорвали и захоронили в разных уголках Бергандии, чтобы они не могла восстать из мертвых. Но осталось их проклятое потомство, направляемое Крампусом. Он оказался в западне собственного творения. Потомки рыцарей усердно уничтожали его культ и своих собратьев — разумных демонов. Вот только со временем им стало не хватать силы. И тогда они решили сделать то, что в свое время сделали их отцы. Но теперь кровь они брали не у Крампуса, а у пойманных демонов — своих братьев. Ловили их и сажали в темницы, ссезивая определенное количество и принимая раз в месяц. Это был ритуал. И это была тайна. Никто, кроме первенцев каждого из Великих Родов, не знал, как сразиться с демоном и выжить. Так продолжается и поныне. Четыре Великих Рода держат в своих руках Бергандию, сменяя друг друга на престоле и храня тайну своего могущества и богатств. Вот с кем ты связалась, Олеся... С первенцем из рода Дракона. В котором не только кровь демонов, но и кровь Крампуса.

Олеся закусила губу. Если он хотел ее напугать, то ему... почти удалось. Вот только ее пугала не участь стать его женой, а совсем иное.

— А как же Адрианна и Миклош? В них ведь тоже кровь демонов.

— В них она спит, а потому не имеет почти никакой силы. Меня же поили кровью с рождения, чтобы я научился ее принимать и обуздывать. Кровь Крампуса проснулась и обрела силу, как только я сделал первый глоток.

— Но ведь Миклош... Ты уверен, что он не принимал кровь?

Габор как-то странно посмотрел на нее, а затем покачал головой:

— Демонской кровью можно оправдать многое. Но чтобы быть уродом и садистом, необязательно что-то пить.

Олеся пыталась разобраться в этой дикой истории, но понимала, что запутывается еще больше:

— А те фрески в замке? Кто их нарисовал? И почему они такие яркие? Прошло ведь столько лет...

— Прошли тысячелетия. Но фрески заколдованы. Их рисовала самая первая ведьма. Которая обладала даром предвидения. В ее краски Крампус добавил свою кровь. Чем ближе к ним будет суженая Крампуса, тем ярче и четче они будут становиться.

Олеся не знала, куда себя деть. Оттолкнулась от стола и подошла к окну. Студеный воздух не мог охладить разгоряченное тело. Как будто ее швырнули в ту лаву, из которой вышел Крампус.

— Все это... не укладывается в голове. — Она смотрела в окно, на растерзанные тела демонов, и пыталась понять, что делать.

У каждого слова, сказанного Габором, был смысл, но осознать все сейчас Олеся просто не могла. Наверное нужно было сказать что-то... Но в голове было пусто. И как она оказалась втянута во все это?

А потом вдруг пришло понимание. Она жила пустой никчемной жизнью. Муж изменял, а на работе не уважали. Что ее ждало? Ничего. Унылое безнадежное существование.

Ее ждала смерть! Олеся едва не рассмеялась. Она ведь умирала. Там, на заснеженной дороге, под колесами черного автомобиля. Ее давно уже могло не быть.

Но вот она, живая, целая и невредимая. С мужчиной, который стоил десятка смертей. Который стоил каждой секунды той боли, что она пережила, когда огромное железное тело машины врезалось в нее, когда острые осколки прорезали тело и нутро. Он стоил предательства родителей и измен мужа. Он стоил каждой секунды, которую она провела в своем мире. Она просто ждала того момента, когда их встреча будет возможна. Шла к нему все это время, даже не подозревая, какой подарок приготовил Дед Мороз.

Теперь у нее есть настоящий замок, жуткая легенда и самый лучший мужчина. Лучший в любом из миров.

Олеся едва не рассмеялась нервным истерическим смехом.

— Значит, твой замок строили рыцари, поклоняющиеся Крампусу?

Голос Габора раздался совсем рядом, напугав и заставив вздрогнуть.

Олеся обернулась и тут же оказалась в плену его рук. Он уперся ладонями в стену, по обеим сторонам от ее лица, и гипнотизировал серебряным взглядом.

— Это все, что ты хочешь у меня спросить?

Олеся зачарованно рассматривала его широкую грудь, покрытую ранами и кровью.

— Это все, что я могу сейчас придумать. Если вопрос не нравится, давай выберу другой. То место, мимо которого мы проехали, с фонтаном и Ворота Крампуса... Что там было раньше?

— Монастырь, в котором держали жертв для него.

Олеся все еще боялась смотреть Габору в глаза. Кажется, он готов был ответить на любой вопрос.

— Твоя мать была из Рода Ворона?

— Да.

— Ты с ней... был не очень близок?

— Она ненавидела отца и собиралась замуж за другого. За обычного дворянина. Но... она была незаконной дочерью прежнего короля, и он решил упрочить ее положение, выдав за моего отца. Однажды она увидела, как я пью кровь демона. В тот момент наша семья перестала существовать. Она повсюду развешивала знамена с гербом своего рода, чтобы напомнить мне и отцу, что никак с нами не связана.

Олеся удивленно посмотрела на него, все-таки осмелившись взглянуть в глаза:

— Твоя мать — незаконная дочь короля?

— Умершего короля. И единокровная сестра нынешнего.

В голове постепенно начала складываться картина всего происходящего.

— То есть ты планировал отказаться от свадьбы, намекнув королю, что являешься родственником его дочери? Вы же, получается, двоюродные брат и сестра?

Габор неожиданно рассмеялся, откинув голову. Какой же он красивый. Уверенный. Сильный. С таким ничего не страшно. Господи... Олеся несмело потянула руки к Габору и положила ему на плечи. Ощувив ее прикосновение, он тут же перестал смеяться и серьезно взглянул на нее:

— Нет. Такие родственные связи никогда не были помехой браку.

— Тогда как ты собирался отказаться?

— Уже много столетий власть в Бергандии в руках Великих Родов. Никто не правит, кроме нас. Как только одна династия ослабевает или начинает вызывать недовольство народа, власть тут же перехватывает другая. Нынешний король не очень-то любим людьми. Его сын слаб и не пользуется авторитетом. И если Его Величество, — Габор криво ухмыльнулся, — хочет сохранить свой престол, то ему лучше оставить меня в покое. В противном случае, мне ничего не стоит собрать сторонников и отобрать у него трон.

— О-о-о... Ради меня ты готов пойти против короля? А что если пророчество — правда? — Олеся осмелилась озвучить то, что терзало душу.

Габор ударил кулаком по стене с такой силой, что в каменной кладке осталась вмятина.

— Я открыл тебе всю правду о себе. О тех зверствах, что творил мой род! О сотнях женщин, погубленных моими предками. Сейчас ты должна кричать от ужаса и искать способ сбежать от меня! Ты должна ненавидеть меня и презирать! Во мне столько отравленной крови, что хватило бы наполнить ею море.

Олеся не знала, как назвать то чувство, которое разлилось в груди, а потом начало затапливать все нутро. Дрожь в пальцах — от желания обнять его. Сами собой призывно раскрывшиеся губы — от необходимости поцеловать его. Внезапно усилившийся ветер — словно побуждение прижаться к нему ближе и согреться.

И Олеся поддалась порыву. Отпустила свои инстинкты.

Если его так волнует кровь...

Она прижалась к его груди и животу. Потерлась носом о горячую, покрытую волосками кожу. Габор шумно вздохнул. Сначала Олеся почувствовала, а потом увидела, как напряглись мышцы его плоского живота. Наверное, она тоже чем-то испорчена, раз не может думать ни о чем, кроме полной и абсолютной близости с ним.

Олеся прижалась щекой к местечку, где билось сердце Габора, а потом лизнула краешек рваной раны на груди. Успевшая засохнуть кровь ощущалась шершавой корочкой. Но ее вкус казался таким правильным... словно нитка, прочно сшившая их с Габором.

Он вздрогнул и сжал ее волосы в кулак, грубо отрывая от своей груди.

Олеся облизала губы:

— Смотри, теперь твоя кровь и во мне. Мы отравлены вместе.

От силы удара, которым он прижал ее к стене, Олеся задохнулась. Габор впился в ее рот голодным пожирающим поцелуем.

— Ты — сумасшедшая. Моя кровь проклята.

— Быть проклятыми вдвоем не так грустно, правда?

Глава 24

Олеся рвала на куски всю его жизнь. Превращала в жалкие ошметки то, что он привык считать непреложными истинами. Должно быть так, а не иначе — по этому принципу он проживал отведенные ему годы. Но Олеся, словно маленький капризный ребенок, ворвалась на его территорию, раскидала свои игрушки и объявила, что теперь все будет так, как хочет она.

Габор не знал, что с ним происходит. Ни под какими пытками он не должен был рассказывать правду. Но рассказал. И она не сбежала в ужасе, не прокляла его. На ее лице не было отвращения или ненависти. Наоборот — она доверчиво прижалась к нему и лизнула кровь.

Лизнула... Габора бросило в холодный пот, когда он осознал, что на самом деле она сделала. В нем ведь тоже теперь кровь демона, и Олеся... Он не позволил себе додумать эту мысль. Не сейчас. В крепости. Он спокойно сядет и обдумает все, что произошло. Найдет выход.

В конце концов, отыщет в деревне похожую на Олеся крестьянку и подсунет ее Крампусу. Пусть это жестоко и противоречит всему, чему его учили, но Олеся он не отдаст.

И нужно как-то представить ее остальным. Наверняка возникнут вопросы, кто она такая, откуда взялась и каким образом смогла войти в его род.

— Габор... — Олеся тихонько позвала его, тревожно заглядывая в лицо. — Тебе плохо? Из-за ран?

Какая же она все-таки... О нем никто и никогда так не заботился. Нет, конечно, его оберегали — как наследника знатного и богатого рода. Но ведь был Миклош — запасной вариант — и родители всегда готовы были к тому, что с Габором что-то может случиться. А как этого ждал брат...

План созрел сам собой. Миклошу придется навечно остаться в подземелье замка. Габор объявит, что брата растерзали демоны. Да он даже организует его поиски и найдет окровавленные останки.

Все знают, что Миклош привык развлекаться, ни о чем не задумываясь. Никто не удивится, что он пьяным полез в ночной лес и встретил там свою кончину. Это закономерный исход.

А Габор займется безутешной вдовой. Сначала объявит, что она будет жить в его крепости, что ее здоровье слишком слабо от потрясения, а потому он просто обязан забрать ее в столицу — показать докторам и лекарям. Их свадьбе никто и не удивится. А даже если найдутся такие... Габор знал, как разбираться с теми, кто много болтает.

Все равно, как это воспримут другие. Главное — Олеся будет принадлежать ему.

Габор улыбнулся и погладил ее по щеке:

— Нет. Мне еще никогда не было так хорошо.

Миклоша нужно запереть в подземельях. Замуровать. На брата рука не поднимется. Хотя лучше бы избавиться от него навсегда. И все проблемы будут решены.

— Что нам теперь делать? Демоны ведь могут вернуться, а ты ранен.

Она так о нем заботится... В голубых глазах столько страха и переживаний. Он не отдаст ее никому. Никогда.

— На рассвете выдвинемся. Я же говорил: ночью в лесу опасно.

— А как быть... — Олеся неопределенно махнула рукой в сторону печи. — С Браженной?

Габор сжал челюсти, подавив желание выругаться.

— Если тварь предала меня, то она заслужила свою участь.

Теплые нежные ладони накрыли его грудь, и Габор не смог сдержать тихий стон. Великие Небеса... Ему бы сил, чтобы сдержаться и не трахнуть ее прямо здесь, нагнув над грязным столом. А потом еще раз, развернув лицом к стене.

— А если она все-таки не предательница? Разве они стали бы ее убивать, будь Бражена на их стороне? Может, ей удалось что-то про меня выяснить?

Не удержался и впился пальцами в ее талию.

— Даже если ей что-то удалось узнать, это ничего не меняет.

Он не отпустит ее.

— Ты не понимаешь! — Ее глаза приобрели невероятный оттенок синего — как вода в горных озерах. Именно зимой, когда все покрывает лед. Его сияние придает воде какой-то нереальный, неподдающийся описанию цвет. — Что если Бражена предала демонов, а не тебя? Вдруг она узнала обо мне что-то такое, что их напугало? Зачем им убивать ту, которая может сварить эту приворотную ерунду?

— Приворотную ерунду?

— Ну... тот отвар, который должен влюбить меня в Крампуса.

— Любовный напиток.

— Вот. И еще тот мерзкий демон, который тебя ранил, сказал, что Бражена начала варить эту дрянь. А в пророчестве говорится, что девушка сама должна пожелать быть с Крампусом и добровольно принять его кровь. Значит, он либо сомневается, что нужная ему девушка я, либо...

Пальцы дрожали, когда он ласково коснулся ее шеи. Ее кожа такая нежная и мягкая, гладкая, душистая. Габор хотел облизать Олесю всю, целиком и полностью, как вкуснейшее лакомство. Сожрать ее без остатка, поглотить и сделать своей.

— Неужели, ты не поняла? — Его голос изменился. Это были хрипы сотен демонов. — Ты исполнила пророчество. — Габор коснулся раны на груди. — Добровольно приняла мою кровь и кровь демонов.

Она начала осознавать. Рот от удивления приоткрылся, а черные брови взлетели вверх.

— Но я никогда не захочу быть с этим монстром. Такого просто не может быть. Он ведь даже не человек...

— Но ведь я тоже демон. Наполовину. — Габор следил за тем, как меняется ее лицо. Что на нем отразится? Страх? Брезгливость? — Ты со мной. И я тебя не отпущу. Не отдам Крампусу. Ты добровольно приняла мою кровь и хочешь быть со мной. — Он словно пытался ее в этом убедить. Внушить нужную мысль — она принадлежит ему.

Вдруг в глазах Олеси вспыхнул голубой огонек. Она задумчиво осмотрелась. Габору все больше не нравилось то, какой самостоятельной и независимой она была. Возможно там, в ее мире, это было нормой. Но не в его. Здесь женщина зависела от мужчины. Олеся должна была зависеть от него. Так у нее не будет шанса сбежать. Она не сможет уйти, потому что привыкнет жить в роскоши. А он постарается ее ею окружить. Ей будет доступно все.

— Нужен союзник. Тот, кого Крампус боится.

— Он не боится никого и ничего. Он — хозяин этих мест.

Олеся покачала головой, вновь оспаривая его слова:

— Почему тогда он не напомнил всем, что главный здесь он? У него были тысячелетия, чтобы вернуть себе власть над островом. Неужели, он не хочет, чтобы люди как и раньше поклонялись ему? Чтобы приносили в жертвы девушек и чтили его как бога?

Габор понимал, о чем она говорит. Сколько раз он сам и главы остальных Родов задавались этим вопросом: почему Крампус не нападает? Копит силы? Выжидает удобного момента? У него были века, чтобы создать непобедимую армию. У Крампуса всегда было достаточно сторонников — глупцов, решивших заключить сделку с демонами в обмен на призрачные блага.

— Мне кажется, — Олеся выскользнула из плена между стеной и его телом, — что он не так силен и ужасен, как все думают. Но недооценивать врага глупо, и вполне может оказаться так, что существует кто-то или что-то, что его сдерживает. Почему-то я уверена, что Бражена узнала какой-то важный секрет. И раз мы здесь, нужно попытаться выяснить какой.

Габор едва не скрипнул зубами. Ее буйная энергия не доведет до добра. Ладно, пусть натешится. Сейчас он вполне может ей подыграть. Пока они в ловушке старого дома можно развлечь себя поисками недостающей части головоломки.

Но это пока. Потом, когда они вернутся в крепость, Олесе придется принять новые условия. А иначе, он будет вынужден запереть ее в покоях и не выпускать оттуда до тех пор, пока Олеся не поймет, как себя вести.

Мысль о ней, скованной цепями и дожидаящейся его, лежа на кровати, снова странным образом возбудила. Наверное, кровь предков в нем все еще сильна. Как иначе объяснить жажду спрятать свое сокровище, чтобы самому втайне ото всех им любоваться.

— Весь дом в твоем распоряжении.

Как-то легко он согласился... Олеся бросила быстрый взгляд на Габора. Она видела, что он недоволен ее желанием выяснить правду о предательстве Бражены. Его глаза светились в темноте бледно-серебристым светом, производя жутковатое впечатление.

Олесе стало страшно. Она впервые видела Габора хищником, практически демоном, способным на все. Но вчера и позавчера он был точно таким же. Только в нем было чуточку меньше демонической крови.

Он до сих пор не набросился на нее, не убил и не отдал Крампусу — значит, он может справляться с воздействием крови.

А еще он рассказал ей то, что скрывал ото всех. Даже его мать не знала правды, не говоря уж о брате и сестре. Значит, он не опасен...

Наверное, не опасен. Олеся снова украдкой взглянула на Габора. Он следил за ней как хитрый сытый кот за обнаглевшей мышью, которая почувствовала себя в достаточной безопасности и решила покуситься на аппетитный кусочек сыра. Сейчас кот просто наблюдает. Потом решит поиграть. Пока не почувствует голод, он будет забавляться с ней, а потом... глупой мышке придется расплачиваться.

Олеся не сдержала нервного смешка. Габор заметил.

Он устроился на прежнем месте и принялся чистить оружие какой-то тряпицей.

— Что тебя развеселило?

Олеся покачала головой. Не самое подходящее время и место для смеха.

— А где... где тело Бражены?

Габор пожал плечами:

— Они могли его растерзать. Или бросить в лесу.

Уже знакомое ощущение озноба сотрясло от макушки до пяток.

— Это ужасно. Как ее теперь похоронить?

Габор ответил странным взглядом и кивнул головой в сторону полыхающей печи:

— Для такой, как она, сожжения достаточно.

Олеся поразились его холодности. Наверное, демонического в нем гораздо больше, чем она решила. Но кто сказал, что эта холодность от демонов? Наоборот, выпив крови, он проявлял больше чувств и эмоций, чем до этого. Возможно, человек в нем был холоднее демона.

Олеся отвернулась и потянулась к книгам, небрежно сваленным в углу. Похоже, их давно не открывали — паук успел сплести добротное полотно паутины. Пушистые липкие клочья свисали с обложек и корешков.

Олеся быстро сняла пушистую «бороду», поморщившись от неприятного ощущения. Усевшись прямо на полу и скрестив по-турецки ноги, она устроила на коленях увесистый фолиант и открыла.

С первой же страницы стало ясно, что ее идея обречена на провал. Черные значки оказались лишь нелепыми закорючками, смысла которых Олеся не могла постичь при всем желании.

Она пролистала фолиант, бегло рассматривая рисунки. Кажется, речь здесь шла о растениях и грибах. Олеся отложила книгу. Судя по скрипучему корешку, плотным страницам и слою паутины, эту книгу открывали редко. Как и лежащие под ней. Вряд ли Бражена оставила подсказку в них. Тогда где?

Олеся осмотрелась. С чего она вообще взяла, что подсказка в книге? А может Габор прав, и ведьма была на стороне демонов?

Но Олеся не собиралась сдаваться просто так. Впереди была вся ночь. В крови бурлил адреналин, и спать совершенно не хотелось. Но если быть честной с самой собой, она просто боялась закрыть глаза и уснуть. А вдруг, пока она будет спать, снова нападут демоны? Габор останется один против них...

Олеся снова едва не рассмеялась. Он и был один. Она ему совсем не помогала. Даже понятия не имела, что делать. Габор в одиночку сражался с ордой монстров и все это время беспокоился о ней, как будто это не его жизнь была под угрозой.

Он скупо улыбнулся, поймав Олесин взгляд.

— Нашла что-то? — В его тоне отчетливо слышался сарказм.

Почему? Он не верил, что она способна отыскать уязвимое место Крампуса? Или уже уверился в предательстве Бражены? Да какие же еще тайны он скрывает?!

Взгляд Олеси упал на небольшую книжицу, которой подоткнули одну из ножек стола. Внутри Олеси, которая всегда любила читать и чтением спасалась от реальности, все аж забурило от такого обращения с книгой.

Она потянулась и осторожно вытащила книгу из-под ножки стола. Книга была небольшой и потрепанной, с потрескавшейся обложкой и в странных бурых пятнах. На обложке сохранились следы тиснения и несколько кусочков золотистой фольги.

— Где ты ее взяла? — Габор бесшумно возник рядом и вырвал книжку у Олеси из рук. Он удивленно вертел ее в разны стороны, открывал и закрывал, перелистывая страницы.

Олеся продолжала сидеть на полу, глядя снизу-вверх на помрачневшего Габора. Чем она умудрилась его разозлить?

— Ею стол подпирали. Я только что вытащила. Что я опять сделала не так? — Напряжение и волнение от пережитого выплеснулись в неожиданное раздражение.

— Все так. Прости. — Он тоже опустился на пол за ее спиной, вытянул вперед длинные ноги, взяв Олесю в плен бедер. — Эта книга... Я точно знаю, что до моего отъезда она была в замке.

Габор обнял Олесю, пристроив книжицу у нее на коленях и потершись подбородком о ее ухо. Олеся вздрогнула от сотен горячих мурашек, промчавшихся по телу, едва ощутила его колкую щетину.

— Может, у Бражены была такая же? — Олеся расслабилась и позволила себе откинуться на грудь Габора.

Спина вжалась в горячую твердь, и в живот потекло волнующее тепло.

— Нет. Это моя книга. Таких по всему королевству несколько. Их делал на заказ один мастер... Она полностью ручной работы. На буквах было настоящее золото.

Габор осторожно провел пальцем по темному тиснению. Олесе даже показалось, что она подглядывает за чем-то сокровенным и интимным.

— Понятия не имею, как она оказалась у Бражены. Да еще вместо подпорки.

— Эта книга о чем-то важном?

Олеся повернулась, заглянув Габору в глаза. Они снова мерцали серебристым огнем.

Он недоуменно сдвинул брови:

— Нет, конечно. Это же легенды Бергандии. — Он постучал пальцем по обложке.

Олеся отвернулась и отстранилась, внезапно вспомнив, что он ранен, а она с удовольствием на нем расположилась. И он слова на это не сказал. И вот зачем ему вся эта возня с ней? Наверное, действительно она нужна ему. Любит? Ни слова про это не сказал, но уже столько раз доказал. И пусть знакомы всего ничего, от него она получила больше заботы, чем от отца и бывшего мужа.

Олеся еще немного отодвинулась от Габора, но он заметил ее позорный маневр отступления. Тут же оставил книгу и прижал ее к себе.

— Что случилось? — Твердые губы коснулись мочки уха, горячее дыхание мягкой тканью прошло по коже.

— Ты слишком идеальный. И наверняка знаешь об этом. А я даже читать не умею. Ни единой буковки не понимаю. Я только сегодня поняла...

Габор тихо рассмеялся. Его смех словно мягкий теплый бархат окутал тело, обвиваясь теплым коконом и не выпуская на волю. Олеся оказалась в плену этого звука, такого по-настоящему мужского и искушающего, что сердце предательски забилося где-то в животе.

— Я найму тебе лучших учителей. А первый урок можем начать прямо сейчас. — Он перешел на вкрадчивый шепот. — Здесь написано «Сказки и легенды Бергандии». Вот, смотри, — Габор обвел пальцем витиеватый значок, — это буква «С». С нее начинается много слов. Например... — Другая

ладонь Габора неожиданно накрыла и сжала ее грудь. — Например соски... Они у тебя такие твердые и нежные. Когда вернемся в крепость я займусь ими... Тебе ведь нравится, когда я ласкаю твою грудь?

Все здоровые мысли вылетели из головы. Внизу живота моментально сосредоточилось острое горячее желание. Разумом она понимала, что сейчас не время и не место, но тело уже начало плавиться, как масло на сковороде. Олеся откинулась на грудь Габора. Позвоночник отказывался держать спину прямо, а холод одолевал с неимоверной силой, стоило чуть отодвинуться от Габора. И помимо воли приходилось прижиматься к нему ближе и ближе. «Чтобы согреться и сохранить драгоценное тепло» — хитро шептал находчивый разум.

Олеся бы накинулась на него прямо сейчас, если бы не напоминала себе постоянно, где они находятся и в какой ситуации оказались. Она что, стала озабоченной маньячкой? Похоже, что так... Но отказаться от ласк этого мужчины и от всего, что он дает, не было сил.

— Да, мне очень нравится... Ты делаешь это... по-особенному.

Она услышала улыбку в его голосе:

— Я кое-что придумал для тебя... тебе понравится. — Обещание и предвкушение в тоне Габора заставило мышцы живота жадно сжаться.

Олеся свела бедра, чтобы унять разгорающийся жар.

— Что это будет? — Звучало хрипло и просяще.

— Узнаешь. Если будешь хорошо себя вести и старательно учить алфавит. Ты же послушная ученица?

То, что начиналось, как легкий флирт, слишком быстро превращалось в нечто большее. Настолько, что сдерживать возбуждение становилось почти невозможно. Между ног слишком жарко, нестерпимо горячо. Олеся почувствовала, как плоть становится чувствительной и влажной. От малейшего движения нежные складочки терлись друг о друга, напоминая о ласках Габора.

— Да. — Олеся не удержалась и потерлась попкой о бедра Габора. Ей хотелось получить доказательства его возбуждения. Он ведь не мог остаться равнодушным, когда она вся уже плавилась от желания! — Я очень послушная и старательная.

— Запомнила, какое слово начинается на букву «С»?

— Да-а-а...

— Повтори. — Рука Габора снова сжала ее грудь. Жар проник через ткань обжигающей волной. Тугой сосок терся о ткань, словно хотел поскорее оказаться в его пальцах.

— Соски.

— Умница... Может, ты тоже знаешь какие-нибудь слова на эту букву? — Габор лизнул ее ушко, вырывая из груди жадный стон.

Олеся дернулась в его руках, и тут же горячая ладонь опустилась ниже, накрывая промежность, легко сжимая. Олеся снова застонала и невольно двинула бедрами.

— Да. Да, я знаю.

— Скажи.

Он снова приказывал. Отрывисто. Хрипло. Четко. Олеся чувствовала его возбуждение. Габор словно распространял вокруг себя волны сладострастия и томления. Цунами его мужской энергии накрывало Олесю волнами. Наверное поэтому она уже текла.

Господи... Хоть бы он не почувствовал... Его рука между ее бедер пришла в движение. Он неспешно потирал ее естество через ткань, но это было еще более безумным и сладким, чем откровенные ласки.

— Я знаю... много слов. Например, соблазнительный... Соблазнительный господарь, о котором я постоянно думаю.

Габор сжал ладонь сильнее и начал двигать ладонью интенсивнее. Ткань терлась о нежные набухшие складочки, и Олесе казалось, что она горит в испепеляющем адском огне.

— Хорошо... Может, вспомнишь еще? Ты сказала, что знаешь много.

Вот же коварный тип. Сообразительный. Даже сейчас не теряет контроля. А ей так хотелось, чтобы он забылся. Хоть на секундочку. И плевать, что это может стоить им обоим жизнью. Олеся хотела, чтобы он сходил от нее с ума так же, как и она от него.

— Да, еще есть слово... секс. — Она извернулась в его объятиях и пытливо заглянула в яркие серо-голубые глаза, которые сверкали и переливались, как драгоценные камни. Постаралась придать лицу выражение любопытной, но старательной ученицы. — В твоём мире существует такое слово?

Габор ответил ей мрачным тяжелым взглядом и играющими желваками. Похоже, его возбуждение было не меньше, чем ее. И это добавило в чашу наслаждения еще несколько капель, из-за которых бурный поток был готов хлынуть наружу. Это ни с чем не сравнимо — осознавать, что возбуждаешь любимого мужчину до вот такого испепеляющего горящего взгляда.

— Существует.

— И что же им называют в Бергандии?

— А ты не знаешь?

— Нет. — Олеся лукаво улыбнулась. — Я услышала его от взрослых и понятия не имею, что оно обозначает. Ты мне расскажешь?

Книжка с тихим стуком упала с коленей, когда Габор развернул ее лицом к себе и усадил на свои бедра, заставив раскинуть ноги по обеим сторонам его талии. Олеся была и открыта в этой позе, и все же защищена одеждой. Странное пьянящее ощущение иллюзорной власти над ситуацией.

— Расскажу. Но сначала, ты мне ответишь... на один вопрос...

Глядя ей в глаза, он начал пальцем обводить шов на ее штанах, именно там, где сейчас было влажно и все горело.

— На какой? — Голос сел от легких прикосновений и невероятных ощущений. Ей хотелось кричать во все горло, чтобы вновь положил туда ладонь и сжал. И в то же время она ужасно стеснялась посмотреть вниз, на его палец, плавнодвигающийся между ног. Удивительно, но после всего произошедшего между ними, она все еще испытывала стыд.

— Ты уже мокрая? Течешь?

Жар затопил щеки. Она едва не застонала от его вопроса. Похоже, он решил убить ее этой греховной игрой.

Закусив губу, Олеся кивнула и тихо выдохнула:

— Да. Очень сильно... теку. — Она опустила глаза и тут же увидела, как его палец замер. Промежность снова накрыла широкая ладонь, и дыхание безнадежно застряло в груди от простреливших влагалище спазмов.

Олеся подняла взгляд на лицо Габора. Он смотрел на нее, на ее реакцию, безумно сосредоточенный и серьезный настолько, как будто от происходящего зависела его жизнь. А она сходила с ума от проступившего на его смуглой коже румянца и капелек пота, блестящих на лбу. От движений его ладони ее всю ломало и крутило спазмами. Мышцы натягивались, а нервные окончания сходили с ума.

— Если бы мы были в крепости, я бы... развернул тебя спиной к себе, спустил с тебя штаны, нагнул над креслом и долго бы занимался с тобой тем, что взрослые называют «сексом». — Он криво ухмыльнулся, как будто ему одновременно было и больно, и хорошо.

Олеся вдруг разозлилась. Почему она испытывает такие мучения, а он, словно каменный, даже не двигается?!

— А знаешь, я вспомнила еще одно слово на букву «С». — Олеся провела пальцами по твердому животу Габора, все еще скрытому разодранной рубашкой.

— Какое? — Габор сжал ладонь, и Олеся словно ударило током. Он каким-то образом умудрялся задевать самые чувствительные точки ее тела. Клитор пульсировал и горел от неуголенного возбуждения.

С мстительной улыбкой Олеся произнесла:

— Сосать... тоже начинается на «с».

На лице Габора не дрогнул ни один мускул. Наоборот, он лишь сильнее сжал челюсти.

Олеся скользнула пальцами еще ниже, задевая пояс его брюк, глядя рукой шершавую ткань.

— А знаешь, что можно сосать? — Она накрыла ладонью внушительный бугор на его брюках. Его возбуждение было осязаемым. Настолько, что Олеся чувствовала очертания набухшей головки. Как и Габор, она начала гладить его прямо через одежду. — Например твой член... Как я делала вчера. Помнишь? — Она не спеша двигала рукой. — А ты знал, господарь, что у тебя невероятный вкус? Такой пряный... — Олеся облизнулась, привстала и тут же лизнула сурово сжатые губы Габора. — Ты на вкус, как шоколад и корица. Постоянно хочется тебя еще и еще.

Кадык Габора дернулся, а плоть в ее пальцах увеличилась в размере — даже через ткань Олеся ощущала это. Она опустила ладонь еще ниже, нащупывая тяжелую мошонку. Легко сжала и погладила. Габор откинул голову назад и хрипло часто задышал.

Неожиданно горячие пальцы сжали ее запястье.

— Я понял: урок усвоен. — Он отнял ее ладонь от своего члена. — Не вынуждай меня кончать в штаны...

Олеся улыбнулась:

— А что же делаешь ты?

Он невозмутимо вздернул бровь:

— Учю тебя алфавиту? — Но частое дыхание и подрагивание мышц живота под пальцами лучше всего говорили о его реакции.

Олеся осмотрелась в поисках книжки. Она лежала рядом, раскрывшись на красивой яркой иллюстрации. На текст Олеся даже не смотрела — все равно не поймет. Зато легко разыскала среди множества закорючек ту, которая обозначала «с».

Едва не рассмеявшись, Олеся взяла книгу:

— Тогда можешь продолжить. О чем эта сказка?

На картинке был изображен грузный великан с седой бородой и румяными щеками. На боку висел меч, руки угрожающе скрещены на груди. Чем-то он напоминал былинного богатыря.

Габор мельком взглянул на иллюстрацию и тут же перевел взгляд на Олесю.

— О Морозном Деде. Я тебе потом расскажу. Ты даже получишь от него подарок.

Олеся поднесла книжку ближе к глазам. Раньше, при упоминании этого загадочного Деда, она думала, что речь о ком-то вроде Дедушки Мороза. Но тот, кто был изображен на странице, больше походил на старого воина, чем на доброго волшебника, которому пишут письма маленькие дети. Наверное, она ошиблась. Почему-то показалось очень важным разобраться в этом.

— Расскажи сейчас. — Олеся задумчиво перелистнула страницу, но Габор вырвал из ее рук книгу.

— Завтра. Когда поедем обратно в крепость. Поспи. Тебе нужно хоть немного отдохнуть.

Вряд ли она уснет! После его сражения, после того, как увидела демонов, после правды о Бергандии... После такого не до сна. О возбуждении даже думать не хотелось. Тело требовало немедленного удовлетворения всех грязных желаний.

— Тебе тоже нужно отдохнуть! Ты ослаблен схваткой.

Габор покачал головой, поднимаясь с пола. Его возбуждение все еще было заметно, и искушало Олесю. Но она послушно позволила господарю подхватить себя за талию и устроить на скрипучем топчане в другом углу дома. Видимо, тут Бражена спала.

— Я буду караулить. Демоны вряд ли вернуться. Но все равно лучше не спать. Меня поддерживает их кровь. Не переживай.

Олеся не могла понять, говорит ли он правду, или искусно обманывает ее. Но раны на его груди уже начали затягиваться. Она решила не спорить. Впервые в жизни позволила себе переложить все на плечи мужчины.

— Ладно. Но полежи со мной. Мне как-то не по себе от мысли, что раньше здесь спала Бражена, а теперь ее голова в печи...

Габор без слов лег, устроив Олесю поверх своего тела. Они удивительно совпали всеми выемками и

выпуклостями, словно были двумя частями одного целого. Его член замер напротив входа в ее тело.

Горячее дыхание овеяло лоб:

— Только не ерзай. Лучше вообще не двигайся.

Он говорил тихо... и с затаенной мукой. Внутри Олеси все расцвело радостью: даже такая близость, через слои одежды, не оставляет его равнодушным.

Ничего, в крепости она много раз докажет ему, что намного лучше принцессы, пусть даже не умеет ни читать, ни писать. Внутренний голосок насмешливо шепнул: «Дурочка, он не просит тебя ничего доказывать. Просто береги его. И никому не отдавай».

Олеся довольно улыбнулась, слушая его глубокое возбужденное дыхание. Так она и поступит. Прикует к себе теми цепями, которыми он столько раз пугал.

Думая, что не уснет, Олеся неожиданно провалилась в глубокий крепкий сон.

Глава 25

Олеся проснулась от того, что кто-то... пел. Она осторожно приподнялась на узком топчане, пытаясь понять, как оказалась в захламленном доме.

Огонь в печи потух, а от воспоминания о том, что в ней горело, стало дурно. Голова Бражены наверняка все еще там, обгоревшая и страшная. И Олеся осталась один на один с ней...

Под ладонью что-то поднялось и опустилось. Габор. Он спокойно спал, одним своим видом прогоняя все страхи. Олеся тут же забыла обо всех ужасах и залюбовалась своим мужчиной.

Даже во сне он выглядел сильным и мужественным. Не расслабляющийся ни на секунду суровый господарь. Он спал, запрокинув голову и открыв шею. Волосы спутались еще больше и открывали высокий лоб. Веки слегка подрагивали. Что ему снится?

Тяжесть его руки на поясище согревала и вселяла уверенность, что все наладится. С ним она не боялась ничего. Хотя нет, один страх все же был...

Страх за Габора. Он защищал ее. Отчаянно сражался с демонами, лишь бы не дать ее в обиду. А кто защитит его? Только она.

Олеся ласково и нежно, чтобы не разбудить, коснулась седых волосков на выбритых висках. Наверное и сейчас он не отдыхал. Такой бесконечно серьезный и сосредоточенный. Что же ему снится?

Олеся осторожно отодвинула клочок испорченной рубашки, чтобы проверить его раны, как снова услышала странное пение. Она уже и забыла, что именно оно ее разбудило.

От страха тут же бросило в пот, и по телу прошла предательская дрожь. Низкий мужской голос выводил протяжную мелодию, чем-то похожую на заунывный плач волынки. Слов было не разобрать — только голос, вытягивающий гласные. Кажется, пел кто-то старый.

Неужели, Крампус? Пришел за ней? От грустной мелодии хотелось зарыдать. Не-е-ет... Ну как же так?! Габор ведь прогнал демонов...

— Олеся-я-я-я... — Низкий шепот влетел в разбитое окно.

Олеся застыла. Посмотрела на Габора и закусила губу. Он словно превратился в каменное изваяние. Совершенная статуя. Не дышал, кажется.

Пусть спит. Она не даст его в обиду. Если Крампусу нужна она, то... то она выйдет к нему. Только пусть оставит ее господаря в покое. Лишь бы он жил. Ничего, он еще найдет свое счастье. Быть может с принцессой. Из него выйдет замечательный король.

Олеся осторожно соскользнула с узкой кровати и плотнее закуталась в сюртук Габора. Хоть так он будет рядом с ней.

Невидимый гость продолжал напевать, и Олесе казалось, что эта погребальная песня звучит по ней. Что ж, она получила свою сказку. Просто рано или поздно, всем историям приходит конец. Это конец ее истории. Но не истории Габора. Она пойдет на что угодно, лишь бы с ним ничего не случилось.

Олеся взяла нож, который ей отдал Габор. На рукояти темнела гравировка: грозный дракон расправил крылья и раскрыл пасть. Его длинный язык извивался, как полотнище флага, а в глазницы были вставлены два крошечных красных камушка. Казалось, что сказочное чудовище лукаво смотрит на Олесю, как будто спрашивает, на что она способна.

Олеся сжала холодную рукоять и шагнула за порог. Здесь пение стало громче, а мелодия — более унылой и грустной. Как будто из загробного мира.

Олеся обогнула дом, выходя на поляну, где совсем недавно сражался Габор. От увиденного кровь застыла в жилах. Все пространство поляны заняли высокие кривые палки, на верхушках которых висели Страшилища. От ветра они болтались на своих веревках, как тела висельников.

Господи, как они тут оказались?..

Песня вдруг оборвалась:

— Это мои помощники. Да ты не бойся.

Олеся едва не подпрыгнула от страха. Из-за ближайшего дерева вышел огромный старик — точь-в-

точь тот, которого она видела в книге Габора. Окладистая борода белела в темноте. Седые волосы, аккуратно расчесанные, были заплетены в длинную косу. Рукава красной рубахи, закатанные до локтей, открывали мощные для такого старика руки. По вороту висала вышивка в виде крошечных воронов.

Точно богатырь.

В огромной ручище он сжимал топор.

Заметив Олесю, приветливо улыбнулся в бороду и усы:

— Хороши здесь деревья. Пора и мне погребальное выбрать. Проводы Старого года близятся.

Олеся так и продолжала стоять, не понимая, что происходит. Это же... это же тот старик! В его избе она пришла в себя. Это он привез ее на грязную дорогу и буквально бросил под колеса кареты Адрианны.

— Кто вы? — Собственный голос показался замогильным шепотом.

Старик-богатырь ухмыльнулся:

— А то ты не помнишь! Ты ж меня искала.

— Это вы спасли меня... — Олеся шагнула вперед задевая вогнанную в землю палку. Страшилище недовольно заколыхалось, словно от возмущения. — Где вы нашли меня?

— А разве это важно? — Старик фыркнул, отчего пышные усы встопорщились.

— Конечно, важно! — Олеся поежилась и огляделась. Ей все казалось, что за деревьями притаились демоны и только выжидают удобного момента, чтобы напасть.

— Нашел я тебя на улице. Все косточки наружу торчали. Думал, не дотянешь до исполнения своего желания. Но ты уверена, что хочешь знать именно это? — Старик задумчиво поднял лицо к небу. — Буран собирается. Настоящая буря грядет. Успеть бы...

Что-то подсказывало, что он говорит совсем не о погоде.

— Я уже не понимаю, что хочу знать... — Ее мучила тысяча вопросов, и на каждый из них она боялась услышать ответ. Нужны ли ей вообще эти ответы? — Вы и есть Морозный Дед?

Старик огладил бороду:

— Так меня ЗДЕСЬ называют.

— И вы исполнили мое желание...

— Ну ты же загадала его... Поверила в мою силу, искренне. Почему бы и не исполнить? — Улыбка деда стала лукавой.

Олеся вздрогнула, когда совсем рядом появилась палка со Страшилищем. Она была уверена, что еще пару секунд назад оставила его за спиной. Но вот палка снова стояла рядом, и раздражающе раскачивался в разные стороны лоскут ткани с деревянной маской.

Олеся опасливо отодвинулась в сторону. Не удержалась и бросила взгляд на дом, где теперь в одиночестве спал Габор.

— Вы ведь не просто так появились здесь?

— Конечно, не просто. Пришел выбрать погребальное дерево для праздника. Слышал, в крепости готовится грандиозное празднество. Вот где дерево будет такое, что засмотришься.

Олеся не могла понять, о чем он говорит. При чем здесь крепость и праздник? В словах деда было что-то, что она должна была понять. Но ей никогда не удавалось читать между строк.

— Я не понимаю... Скажите прямо. Что здесь происходит? Все эти демоны... Вы ведь знаете о Крампусе? Как его победить?

Морозный Дед пожал могучими плечами:

— Никак. Он бессмертен. Он — часть этих мест. Такая же часть, как эти ели, снега и я.

Услышанные слова были словно приговор. Олеся не хотела в это верить. Не могла.

— Получается, любая борьба против него... бессмысленна? Скольких он еще убьет, чтобы получить меня? — Без сил Олеся упала в снег, прижав холодные ладони к горящему лбу. — Если он доберется до Габора... Он ведь не выстоит в этой схватке.

— Дело господаря — сражаться с демонами. Оставь это ему.

— Сражаясь за меня, он погибнет!

Морозный Дед тихо хмыкнул:

— Почему ты так не веришь в своего мужчину?

— Я верю! Верю в него! Но вы сами сказали, что Крампус бессмертен. Его не победить.

— Нет, не победить. — Дед погладил бороду. — Но его можно остановить.

Олеся ухватила за эти слова, как за соломинку. Она не отстанет от Морозного Деда до тех пор, пока он все ей не расскажет.

— Как?! Как это сделать?

Дед хохотнул в бороду:

— А ты алфавит с господарем доучи и все узнаешь.

Господи, неужели он знает?.. Олеся на секунду стало до ужаса стыдно, кровь бросилась в лицо. Но она тут же постаралась взять себя в руки.

— При чем здесь алфавит? Просто скажите, как остановить Крампуса?

Дед покачал головой и закрепил топор на поясе:

— На все-то ты хочешь готовый ответ получить. В себе и в своем мужчине постоянно сомневаешься. Вот хотела ты, чтобы он был смелым. Разве господарь не смел? Сильного желала — по-моему достаточно он силен. Чтоб «каменной стеной» для тебя стал, загадывала. Так он ради тебя на все готов. — От шока Олеся утратила дар речи. Морозный Дед помнил каждое слово загаданного ею желания. — Богатый тебе нужен был. Так господарь Баттьяни — в любом из миров богаче многих. Симпатичного ждала — чай не урод он. В верности его сомневаешься? Но он ради тебя против всех готов идти. Брата родного в подземелья бросил. Хотела, чтобы ценил? Ну а ты сама заслужила это? Он-то всего и просит не сомневаться в нем и верить. А ты его все принцессе да еще невесте кому сватаешь. Сама хоть знаешь, чего хочешь?

Олеся, не ожидавшая такой отповеди, замерла от потрясения. Стояла на коленях в глубоком снегу и чувствовала, как мороз пробирается под кожу. Морозный Дед был прав во всем. От первого до последнего слова. Она сомневалась и не верила, боялась и постоянно отрекалась от собственного счастья. Собиралась бороться за каждый миг рядом с Габором, а в следующую минуту уже сдавалась и готова была опустить руки.

— Да, знаю. — Олеся украдкой смахнула горячую злую слезу. — Рядом с ним быть хочу. Навсегда. Но Крампус...

— А ты не Крампусу предназначена. Так случается, что предначертанные друг другу люди рождаются в разных мирах. Некоторые никогда так и не встречаются. Но ты хотела этой встречи. Хотела обрести своего мужчину. И нашла способ получить это — попросила меня. Великая любовь не дается без великих испытаний. Господарь Дьекельни за свою любовь готов сражаться. Он ради тебя не только против Крампуса пойдет. Это его испытание. Отстоит тебя у обоих миров — получит свое счастье, ни с чем несравнимое. А у тебя свое испытание. Я твое пожелание исполнил — привел к твоему мужчине. Все остальное только в твоих руках. Хочешь любви — борись за нее.

Олеся поднялась с колен.

— Я готова! Готова бороться! Но как?! Вы говорите, что Крампуса не уничтожить...

Морозный Дед сердито перебил ее:

— Не о том ты думаешь. Крампус — испытание Габора. Но не твое.

Олеся перестала понимать, что происходит. Она вдруг осознала, что вокруг нее плотным кольцом сошлись Страшилища. От ветра они покачивались на шестах, и казалось, что над ней стоят дрожащие лики призраков. Ветки с жутковатым звуком терлись о древесину.

— А в чем мое испытание?

— Габор — твоё испытание. Ему нужна твоя поддержка, твоя любовь. Готова ты их дать ему?

Разговор принимал совсем странное направление. Олесе всё больше начинало казаться, что она загнана в ловушку. Морозный Дед буравил её требовательным въедливым взглядом и больше не казался добрым стариком. Суровый воин, каким его и назвал Габор. Да ещё пугающие Страшилища... Как так получилось, что они все стоят возле неё? Их ведь никто не переставлял.

Впервые начало казаться, что зря она вышла. Нужно было разбудить Габора, а не играть в самопожертвование. Он бы во всём разобрался...

— Ну так что, Олеся-Маргит, ты готова доказать господарю свою любовь?

Не зная, на что соглашается, Олеся опасливо кивнула:

— Д-да...

Морозный Дед погладил огромной ладонью шершавый ствол высокой сосны.

— Чудесное дерево... А всё же, в крепости-то получше будет. — Он у пор взглянул на Олесю, и его глаза вдруг сверкнули алыми угольками. — Это хорошо, что готова. Но ты слишком долго сомневалась в его преданности. Не хотела верить в мой подарок... Поэтому, вот тебе доказательство его любви, а ему наказание... за тебя.

Олеся даже не успела понять, что произошло. Морозный Дед снял с пояса топор и принялся рубить сосну. Подул ледяной ветер, и Страшилища ещё пуще закачались на своих веревках. Наверное, это галлюцинации, но они вдруг... начали водить хоровод! Закружились вокруг Олеси в диком жутком танце под потусторонние напевы старика.

Олеся сделала отчаянный шаг вперед, пытаясь вырваться из круга, но перед ней оказалось Страшилище с высунутым из пасти языком и черными клочьями меха, торчащими во все стороны. Из-за деревянной маски доносился тихий смех и хриплый голос вдруг начал напевать на манер детской считалки:

— Первая невеста за водой пошла. Вторая невеста поясок нашла. Третья невеста хоровод водила. Четвертая невеста за демоном ходила. А пятая у окна сидела да в окно глядела. Глядела-ждала, демона звала. «Приди, ненаглядный, женишок мой ладный. За тобой пойду, в пещеру войду. Обнимать буду. Целовать буду. Род, семью забуду. Жертв тебе добуду».

Олеся оцепенела от страха. Тело не слушалось и леденело под порывами ветра. Кольцо вокруг неё сужалось, и слышался уже хор голосов, повторяющих дурацкую считалку. Топор стучал всё быстрее, а песня Деда становилась громче.

Олеся не выдержала. Оттолкнула рогатую маску, приготовившись бежать к дому.

Окоченевшие негнущиеся пальцы коснулись холодного и почему-то мокрого дерева. Кожа тут же покрылась теплой липкой... кровью?

Олеся сорвала Страшилище с шеста и отшвырнула маску в снег. Послышался издевательский смех, а из темноты леса на неё смотрели десятки алых глаз.

В следующую секунду она проснулась...

Едва дыша, Олеся села в кровати. Он запуталась в ворохе простыней, одежда липла к мокрой от пота коже, а в окно несмело пробирался рассвет.

Она в ужасе огляделась по сторонам. Не было леса, не было заваленного ветошью дома. Не было Габора...

Она оказалась в спальне, где пришла в себя. Уютная голубая комнатка с просторной кроватью, украшенной крылатыми драконами. Они обвивали цепкими когтистыми лапами столбики и карабкались вверх, к нежному прозрачному пологу. За синими портьерами прятались узкие стрельчатые окна, за которыми мелькали юркие тени.

Олеся выбралась из кровати и подбежала к окну. Снег... Огромные пушистые хлопья кружились в воздухе белым роем.

«Буря собирается. Настоящая буря грядет» — так сказал Морозный Дед. Морозный Дед! Олеся прижалась лбом к холодному стеклу и сделала пару глубоких вдохов.

Сонная дрема никак не желала уходить. В голове вяло ворочались мысли, и звучала странная детская считалка.

Габор! Он остался в лесу, в хижине Бражены. А она оказалась здесь. Ей это все не приснилось. Олеся осмотрела себя: на старой мужской одежде кое-где темнели пятна крови. Не сон. Это был не сон! Нужно что-то делать...

Зря она искала встречи с Морозным Дедом. Чокнутый старик только все испортил. Каким-то образом ему удалось отправить ее сюда. Олеся уже ничему не удивлялась. Пора бы привыкнуть к чертовщине, которая здесь происходит. Но зачем он это сделал?! Олеся просила помощи и совета, а он решил ее проучить. Проучить каким-то извращенным садистским способом.

Что будет с Габором, когда он проснется и не найдет ее рядом?! А вдруг снова нападут демоны?! Нужно срочно найти Адрианну и убедить послать за Габором отряд.

Олеся развернулась к двери, собираясь бежать на поиски, но неловко зацепилась за пушистый ковер и полетела на пол. Пытаясь удержать от падения, схватилась за свисающее с кровати одеяло и потянула на себя. Устоять на ногах не удалось. Она упала, больно ударившись коленями о вымощенный досками пол. Одеяло сползло, а вместе с ним и старая потрепанная книжica в кожаной обложке со следами тиснения. Сказки!

Олеся схватила книжку, словно в любой момент мог появиться кто-то, кто отберет ее. Почему-то сейчас эта книжка казалась самым большим сокровищем на свете. Олеся прижала ее к животу, пытаясь выровнять сорвавшееся дыхание.

Ногти впились в обложку, а уголок корешка больно давил в живот, но Олеся не выпускала книжку из рук. Она вспомнила, с каким выражением лица Габор рассказывал о ней, о том, что таких всего несколько. Вспомнила, как мерцали серебром и сталью его глаза, и как нежно, словно ласкал, он водил пальцем по буквам. Как сурово сдвигал брови...

Потом она вспомнила, как он начал учить ее алфавиту. Жар возбуждения обжигал все тело, растекаясь от кончиков пальцев до лица. Ей так хотелось оказаться сейчас рядом с Габором, прижаться к нему и сказать, что любит... Любит до безумия, до нестерпимой острой боли там, где бьется сердце.

«А ты алфавит с господарем доучи и все узнаешь.»

Голос Морозного Деда прозвучал совсем рядом. Как будто он прошептал ей это на ухо. Не просто так он ей это сказал. Не просто. А она опять, дуреха, не послушала и принялась твердить о своих страхах.

Олеся быстро пролистала книжку, находя нужную картинку. Как маленький ребенок, не умеющий читать и познающий книги по рисункам, она внимательно рассматривала уже знакомую иллюстрацию. Суровый богатырь с мечом на поясе был удивительно похож на того, кого она видела ночью. Не хватало только топора и Страшилищ на длинных шестах. Олеся перевернула плотную, чуточку шершавую, страницу. Здесь тоже была картинка — яркая и четкая, выполненная так искусно, что казалась ожившей.

Олеся жадно вглядывалась в каждую деталь. Это и есть подсказка. Ответ. Знать бы только, о чем речь в сказке. Олеся перевернула еще одну страницу, находя новую иллюстрацию.

Может ли такое быть, что способ справиться с Крампусом всегда был на поверхности? Зашифрован в детской сказке, от того и не воспринимается никем всерьез?

Олеся захлопнула книжку и поспешила к выходу. Она потом разберется. Сначала нужно вызволить Габора из леса.

Она вышла в знакомый уже коридор с мрачными толстыми стенами и гобеленами минувших сражений. Теперь ее не пугали жуткие картины, изображающие демонов и их деяния. Она была полна решимости разобраться с мерзкими тварями.

Нужно только найти Адрианну. Где она может быть? Конечно, в зале! Наверняка руководит приготовлениями к празднику. И к приезду ненавистного короля со своей дочуркой.

Повсюду кипела работа. Замок преображался. Слуги без устали трудились, развешивали пышные еловые ветви. По воздуху разливался аромат леса и предвкушения. Предвкушения чего-то таинственного и сказочного. Почему она не могла сейчас наслаждаться предпраздничной суетой вместе с Габором?! Морозный Дед сыграл с ней злую шутку. Не нужны ей никакие доказательства! Дурой она была, что сомневалась в чувствах Габора. Идиоткой. Равнодушный не стал бы рисковать ради нее всем.

Он открылся ей. Доверил тайны, которые готов был скрывать до самой смерти. В одиночку вышел против орды демонов и не отдал ее. А ведь мог бы. Чего стоило избавиться от той, из-за кого столько проблем?

Господи... Лишь бы с ним там ничего не случилось. Не случится. Он великий господарь. В нем течет кровь демонов, и он с детства обучен их убивать. Лес ему не страшен. Вот только что он подумает, когда не найдет ее рядом с собой? Что подумает о ней? Решит, что она все-таки ушла с демонами? Предала его и... Так, рано паниковать. Даже если он начнет сомневаться в ней, в ее чувствах, если начнет подозревать в связях с демонами, то она найдет способ его убедить в своей искренности. У нее еще остались чудесные снадобья, купленные в деревне. И госпожа Карола обещала сшить первые «ночные платья», как она их назвала, в кратчайшие сроки.

За всеми этими размышлениями Олеся добралась до зала. Слуги не тратили времени даром. За то время, что их с Габором не было, огромное помещение превратилось в... Олеся даже не знала, как назвать увиденную красоту. Как будто кто-то взял кусочек сказки, вырезал из книжки фантастические иллюстрации и разбросал их в реальном мире. «Реальный мир» — вот как она теперь думает о Бергандии и замке в Дьекельни.

Да, это было именно то место, в котором она хотела провести свою жизнь. Именно здесь. Но не потому, что украшенный зал поражал воображение. А потому, что здесь был Габор. Он создал эту сказку.

В зале было пусто и тихо. Эхо каждого шага отражалось от стен, усиливалось и превращалось в шаги невидимых призраков. Олеся знала, что здесь лишь она одна, но... но чувствовала чье-то незримое присутствие. Кто-то играл с ней в прятки, маскируя свои шаги под ее. За изогнутыми деревьями мелькнула чья-то тень. Олеся испуганно огляделась — никого. Это все фантазия, страх и напряжение минувшей ночи. Как три маленьких демона, они объединились и теперь играют над Олесей злые шутки.

Нужно успокоиться и найти Адрианну. Пусть отправит за Габором стражников — он должен знать, что с ней все нормально.

Тихий смех напугал до чертиков. Он звучал приглушенно, словно из-за стены. Но они тут такие толстые, что не пропускали даже вопли. Олеся прислушалась. Звук напоминал то ли хрип, то ли скрежет, но в нем все равно отчетливо угадывались нотки смеха. И он удалялся.

Олеся шагнула следом, уже полностью уверенная, что ей не слышится. Но едва заметила необычное украшение, тут же забыла о таинственном хозяине смеха.

С потолка свисали широкие полупрозрачные ленты, на концах которых мерцали сосульки почти ювелирной работы. От потоков воздуха ленты подрагивали, а сосульки загадочно мерцали. Они спутывались с длинными острыми ветками настоящих деревьев, которые сюда затащили неведомо каким образом. Олеся даже коснулась ладонью шершавых прохладных стволов, чтобы убедиться, что зрение ее не подвело. Из-за стены деревьев выглядывало чучело демона. Гротескный монстр состоял из деревянной маски, меховых рук и ног и темного плаща, который раскинулся широким полотном на ветвях деревьев. Плащ был украшен блестящими кристаллами и серпом полумесяца с нарисованной хитрой улыбкой и лукавым прищуром.

Олеся не сразу сообразила, что широкий плащ скрывает что-то наподобие алькова. Уютная ниша была украшена ветками и лентами, белыми и зелеными. Плащ демона служил надежным укрытием от посторонних глаз. С белой кушетки, обитой бархатом, свисали прозрачные подвески в виде сосулек.

Должно быть, ниши предназначались для самых отчаянных и нетерпеливых гостей, которым вздумается уединиться во время праздника.

Олеся осмотрелась. Такие «островки» были повсюду. Они словно отделялись от стен, готовые принять в свои объятия тех, кто рискнет спрятаться на глазах у всех.

Хватило бы у нее смелости нырнуть туда вместе с Габором? Знать, что в любой момент их могут обнаружить, но все равно шагнуть за ним в эфемерное укрытие невесомых лент? Да, она сделала бы это, если бы Габор пожелал. Вчера он стал ее господарем, и она готова была исполнить любую его волю. Какой бы она ни была.

Олесю пугала сила своих чувств. Пугала готовность пойти на все, лишь бы Габор был с ней счастлив. Они действительно созданы друг для друга. Просто родились в разных мирах. Но Морозный Дед помог им встретиться.

А еще Морозный Дед сказал, что нужно доучить алфавит. Олеся взглянула на книгу, которую до сих пор безотчетно прижимала к груди. Дело наверняка было в тех иллюстрациях, которые она обнаружила. Нужно лишь прочитать сказку, к которой они сделаны. Наверняка Морозный Дед имел в виду именно это. Он дал ей подсказку. И теперь она должна подсказать Габору. А уж он найдет способ разобраться со всем этим.

Довольная своим планом, Олеся еще крепче сжала книжку, когда вновь услышала голоса. На этот

раз они доносились не из-за стены и были совершенно отчетливы.

Один, без сомнения, принадлежал Адрианне. А второй оказался мужским, и его Олеся слышала впервые. Она не знала, что руководило ее действиями. То ли запоздалая мысль о том, что на ней по-прежнему мужская одежда, то ли пресловутая женская интуиция, но что-то заставило нагнуться и юркнуть под плащ демона. Она скользнула в тайное укрытие для любовников и забилась в самый дальний уголок.

Как раз вовремя, потому что в следующую же секунду в зал вошли.

— Как видите, Ваше Величество, приготовления идут полным ходом. В этом году мы решили проводить Старый год с особым размахом. В замке устроим маскарад и пригласим всех важных лиц округи. На этот раз мой брат хочет воздать благодарности всем жителям Дьекельни за верную службу, а так же Морозному Деду за сотворенное чудо. — Адрианна так беззаботно и уверенно щебетала, что Олеся не сразу уловила смысл сказанного.

Глава 26

Олеся осторожно сдвинулась в сторону, пытаясь рассмотреть собеседника Адрианны. Плащ, ветви и ленты надежно ее скрывали, но она все равно боялась выглядывать наружу. Виднелся лишь краешек роскошного платья, расшитого золотистой тканью и сверкающим бисером.

Мужской голос, елеинный и неприятный, раздался совсем рядом:

— Чудо — это замечательно, госпожа Адрианна. Но приглашать в замок едва ли не крестьян... Вы уверены, что Габор отдал именно такие распоряжения?

— Уверена, Ваше Величество. Брат дал предельно четкие указания. Да и что плохого в том, чтобы пригласить в замок уважаемых землевладельцев, лекаря и торговцев, услугами которых мы пользуемся? Вам ли не знать, что положение любого правителя зависит от любви и уважения его подданных. — Удивительно, но в голосе Адрианны звучали гордость и превосходство.

Олеся затаила дыхание. Два раза Адрианна сказала «Ваше Величество». Король... Он приехал. Раньше, чем они ждали. И кажется, он был не самой приятной личностью. Ему, видите ли, не нравится, что Габор пригласил обычных людей! Ну так может убраться отсюда, куда подальше.

— Вы правы, прелестная Адрианна. Конечно, вы правы. Все мы служим людям. Но крестьянин никогда не сравняется с королем. Не думаю, что моей дражайшей Генриетте будет комфортно с этими неотесанными дикарями. Это совершенно неподходящее окружение для принцессы. Да и для вас тоже. Я все же советую вам, госпожа Адрианна, избрать более достойную публику.

Вот же козел. Неудивительно, что народ его не любит. С таким-то отношением к простым людям. Олеся уже ненавидела этого самовлюбленного козла. Пусть забирает свою «дражайшую Генриетту» и катится отсюда.

— Вы предлагаете нам взять свое слово обратно и закрыть двери перед людьми, которых пригласили? — Тон Адрианны звучал холодно.

— Более того: я настаиваю на этом. Не могу поверить, что Габор устроил всю эту красоту для крестьян. Ох, я понял! Это для моей милой Генриетты. Дорогая, тебе нравится, как тут все украшено?

— Да... Довольно мило... — Томный голос, нарочито растягивающий гласные, звучал так, словно его обладательнице было невыразимо скучно.

Олеся впила ногти в кожаную обложку. Его дочь. Оказывается она тоже была здесь. Голос звучал молодо. Стоило признать, что он был красивым. Если бы не нотки превосходства над всеми.

Олеся ничего не могла поделать с лютой ненавистью, зарождающейся где-то глубоко в животе. Как бы она не была уверена в чувствах Габора, но появление рядом с ним любой женщины превращало ее в злобную бешеную ведьму. От злости хотелось взвыть. Сколько у нее еще будет соперниц? Сколько боев за господаря придется выстоять? Да, она уверена в нем. Но ревность — то пламя, которое не загасить никакой водой. Олеся знала: чем сильнее она будет любить Габора, тем яростнее станет ревновать.

— Какое же чудо произошло в вашем роду? — А принцесса явно не глупа — зацепилась за те слова, на которые сама Олеся даже не обратила внимание. Интересно, красива ли?

Последовала заминка, и Олеся могла лишь гадать, что происходит за пределами ее укрытия.

— Морозный Дед даровал нашей дорогой Маргит надежду на исцеление — она теперь может говорить. К сожалению, рассудок ее все так же слаб, но мы не теряем надежды. — Адрианна отвечала, не хотя, словно уже успела пожалеть о сказанном.

— Это действительно настоящее чудо. — Томный голос принцессы звучал совсем рядом. — Я, конечно, слышала о бедняжке и о том, как тяжело господину Миклошу с ней приходится. Помните, отец, госпожа Танильдис рассказывала, что несчастная надела платье прислуги, измазалась сажей и пошла в окрестную деревню пугать детей. Госпожа Танильдис, конечно, та еще сплетница, но это и впрямь так грустно. — Голос Генриетты сочился фальшью. Она наслаждалась чужой бедой. Издевалась и получала от этого удовольствие.

Олеся так сжала челюсти, что аж зубы скрипнули.

— Ничего подобного не было. — Адрианна злилась и даже не пыталась это скрыть. — Маргит — очень милая и добрая девушка. Она никого не пугала. Просто была немного не в себе.

— Но вы сказали, она и сейчас не до конца исцелилась? — Кажется, король о чем-то задумался. —

Не опасно ли будет позволять ей общаться с другими людьми? Да еще и во время праздника. Вдруг, она нападет на кого-нибудь?

Олеся ожидала, что сейчас Адрианна начнет оправдываться и заверять короля в том, что Маргит совсем не опасна, но сестра Габора снова удивила ее:

— Если ее не провоцировать, то не нападет. Но коль вы сомневаетесь в своей безопасности... — Адрианна так многозначительно замолчала, что не догадаться о смысле было невозможно.

— Это возмутительно! — Голос короля прогремел на весь зал. — Ставить полоумную девицу выше короля! Вы должны немедленно ее изолировать.

Судя по тону, Адрианна сохраняла полную невозмутимость:

— Ваше Величество! Как вы могли такое о нас подумать?! Род Баттьяни всецело предан вам и вашей воле. Но только представьте, что будет, когда пойдут слухи... — Адрианна оборвала себя на полуслове. Повисла трагичная театральная пауза.

И король не выдержал:

— Какие еще слухи? — Его недовольство было почти ощутимым.

— Как «какие»? Слухи о вас! Что вы запретили бедняжке Маргит веселиться и провожать Старый год. Что не цените семейные связи и не даете мужу с женой отпраздновать воссоединение. А кому, как не королю и Великим Родам чтить семейные традиции?! Я пекусь о вашей же репутации.

Олеся затаила дыхание. Нужно попросить у Адрианны прощения за то, что плохо думала о ней. Так поставить короля на место! Едва ли не шантажом. Неужели это та самая Адрианна, которая собиралась женить Габора на принцессе? Олеся хотелось выбраться из своего укрытия и обнять черноволосую Белоснежку. Не такой уж глупой она и была. Слово Габора значило для нее гораздо больше слова короля. Она не боялась разгневать его, беспрекословно выполняя то, что приказал брат.

Олеся следовало поучиться этому. С самого начала она вела себя как избалованный ребенок, доказывая свою правду. Вот только здесь эта правда никому не нужна. Это другой мир. И правят в нем сильнейшие из мужчин. Если женщина рядом с таким мужчиной умна и хитра, то в этом и есть ее могущество. Такое, что никакой король не справится. Жаль, что ей потребовалось столько времени, чтобы понять это.

— А вы все так же находчивы, госпожа Адрианна. Двор многое потерял, когда вы его покинули. Что ж... как только Габор вернется, передайте ему, что он должен немедленно ко мне явиться.

— Это будет первое, что я ему скажу, как только увижу, Ваше Величество. — Голос Адрианны сочился сарказмом.

Олеся не смогла сдержать ухмылку. С каждой секундой Адрианна удивляла ее все больше. Когда же королевское семейство уберется отсюда? Ей необходимо поговорить с Адрианной.

Но тут послышался громкий скрип открываемой двери, деревянная створка стукнулась о камень.

Незнакомый голос взволнованно и с надрывом разнесся на весь огромный зал:

— Госпожа Адрианна, привезли заказанные господарем украшения. Слуги не знают, что с ними делать и куда относить.

— Уже иду. Надеюсь, наши гости меня простят.

— Конечно, милая хозяйка. Отправляйтесь руководить приготовлениями. Без вас никто не справляется.

Послышался шорох платьев — все расходились. Встав на носочки, Олеся осторожно подкралась к краю плаща и выглянула наружу.

Против воли взглядом она судорожно искала принцессу. И нашла. Увидела лишь изящную спину и нежный пшенично-золотистый цвет волос. Высокая, стройная и наверняка красавица. Олеся сильнее сжала книжку. Но Габор выбрал не ее, а Олеся.

Кажется, она заиклилась на Генриетте. Еще не успела обрести мужчину, а уже отправила его к другой, смирилась с его потерей и признала превосходство соперницы.

Олеся покачала головой, осторожно выбираясь из своего укрытия. Она так привыкла терять родных и близких людей, привыкла к их предательству, что уже свыклась с мыслью, что однажды потеряет

Габора. Она теряла всех дорогих людей. Но он не ее мать и не отец. Дедушка умер от старости. А муж... Не она первая, не она последняя, кто столкнулся с изменником. Стоило сказать ему «спасибо», что быстро открыл глаза на себя, и попытаться построить новую жизнь. Навести бы порядок в своей голове, где скопилось столько страхов и комплексов, неуверенности, обреченности. Да, она может продолжать сомневаться в себе и в Габоре, ждать каждую секунду, что он променяет ее на более красивую, более подходящую. Но сколько так протянет? Ведь любовь к нему никуда не исчезнет. И что ее тогда ждет? Дни, полные мучений и страданий, укоров самой себе, что не удержала счастье.

Морозный Дед прав. Она мечтала, просила. И вот — мечта сбылась. А вот сохранить счастье — это только ее забота. Стоило просто открыть глаза и посмотреть на все со стороны. Габор — зрелый мужчина, богатый и уважаемый, старший в роду. Он обязан позаботиться о наследнике, даже о нескольких. Так неужели, не сделал бы этого, если бы встретил подходящую женщину? Он наверняка знает принцессу едва ли не с ее рождения. Ему бы не стоило труда добиться брака с ней. С любой. Но нет. Он этого не сделал. Он ждал... Сам не осознавая того, ждал.

Ради нее, ради простой практически безграмотной дурочки из другого мира, он едва ли не перевернул все устои. Он рассказал ей тайны, к которым имели доступ лишь такие, как он — старшие в роду, борцы с демонами.

Он менял целый мир ради нее, чтобы ей было комфортно. А она упивалась своими страхами и сомнениями. Почти с маниакальным наслаждением готовила себя к боли, которую испытает, когда он предаст ее. И ведь понимала, что он не такой как отец, не такой, как муж. Таких вообще нет...

Дура! Дура! Идиотка! Да пусть катится король со своей дочерью к чертям! Не о том, как отстоять мужчину у соперницы, она должна думать. А о том, как подарить этому мужчине сказку, такую же, как дарит он ей.

Наконец Олеся почувствовала, как внутри все встало на свои места. Слишком много времени ей на это потребовалось, но зато теперь она ощущала небывалую уверенность в собственных силах.

Нужно только найти Адрианну и убедить послать в лес отряд. Габор должен знать, что с ней все в порядке. Как только они встретятся, она больше его не отпустит. И сама ни на шаг не отойдет от него. Будет рядом, каждую секунду показывая, как нестерпимо его любит и как сильно дорожит им.

Олеся выскользнула из зала, молясь, чтобы король с дочерью уже ушли и не пришлось объясняться еще и с ними. Совсем рядом слышался сердитый голос Адрианны. Олеся вылетела в маленький коридор, вдыхая грудью морозный воздух. Дверь наружу была распахнута, на каменные плиты пола ветер намел снега. Сосредоточенные крестьяне вносили внутрь коробки, ящики и массивные сундуки.

— Маргит? Великие Небеса, что на тебе надето?

Олеся удивленно осмотрела себя, вспоминая об одежде Габора, которая стала ей милее всех роскошных шелков и бархата госпожи Каролы.

Олеся беззаботно пожала плечами:

— А, это... я готовлюсь к маскараду, примеряю разные наряды...

Брови Адрианны стремительно полезли на лоб:

— Тебе не кажется, что это немного слишком смело?

— Я еще не определилась до конца... — Олеся мучительно искала способ перейти к разговору о Габоре, но не могла придумать ни одной причины заговорить о нем. В конце концов, она решила сказать, как есть: — Нужно поговорить. О Габоре.

Во дворе послышался странный шум, лошадиное ржание, но тут же все стихло.

Адрианна бросала взгляд то на выход, то на Маргит:

— О Габоре? А это не может подождать? Он сейчас в отъезде, а мне столько еще предстоит всего сделать...

— Нет! — Ничуть не заботясь, что о ней еще могут подумать, Олеся перебила Белоснежку. — Это важно. И срочно. — Снаружи раздались звуки знакомых шагов, но она не придала участившемуся сердцебиению никакого значения. — Габору нужна помощь.

— Какая еще помощь? Маргит, что происходит? Послушай... Возможно, ты не до конца исцелилась, и тебе кажется, что... Небеса, я не знаю, что тебе кажется. — Адрианна выглядела уставшей и

растерянной. Впервые Олеся ощутила к ней сочувствие. А ведь она в одиночку пыталась управлять этим огромным замком. То, что возможно предстоит делать и Олеся. — Король приехал раньше ожидаемого, еще столько всего нужно сделать, я ничего не успеваю...

— Я понимаю. — Олеся испытала прилив жгучего стыда. — И постараюсь обязательно помочь, чем смогу... Но... Я понимаю, что звучит странно, но ты должна послать в лес отряд солдат. За Габором.

— Зачем? — Адрианна выглядела искренне удивленной. — И почему ты решила, что он поехал в лес?

Олеся зажмурилась. Как же это все сложно!

— Не заставляй меня объяснять! Нужно просто послать несколько человек к дому Бражены и сказать, что со мной все хорошо.

— Маргит, милая... — Адрианна тяжело вздохнула. — Я понимаю, ты еще не до конца излечилась...

Так, ну все ясно. Она считает ее просьбу капризом сумасшедшей. Олеся начала терять терпение. Пока они тут заняты бессмысленными спорами, Габор может отправиться еще дальше в лес, на ее поиски. Или подумает, что она его предала...

— Да, я сумасшедшая! Чокнутая! — Олеся развела руки в стороны и пожала плечами. — С этим уже ничего не поделаешь. Я умоляю тебя... Единственное, о чем прошу... — Она без сил опустилась на колени перед Адрианной. — Я больше никогда и ни о чем не попрошу. Но сейчас умоляю, пошли людей к дому Бражены. Они должны заставить Габора...

Адрианна сжала Олеся плечо. В ее глазах плескались горечь и сожаление:

— Маргит... Мне так жаль... Я вправду думала, что ты исцелилась... Отправляйся к себе в комнату и продолжай готовиться к маскараду. А я обязательно пошлю... кого-нибудь.

Не нужно было обладать шестым чувством, чтобы понять, что Адрианна врет. Она воспринимает слова Олеся, как очередную причуду сумасшедшей.

Олеся стряхнула с плеча ладонь Адрианны:

— Никого ты не пошлешь.

— Маргит... Тебе это просто кажется. Габору ничего не угрожает. И он точно не у Бражены. Пойми, ты просто не можешь знать, где он сейчас находится. Он даже мне не сказал. Давай я отведу тебя к Миклошу? Вы с ним уже виделись? Он так по тебе скучает. Только сначала нужно тебя переодеть.

Все так же стоя на коленях, Олеся попыталась вырваться из неожиданно крепкой хватки Адрианны. Но до боли знакомый низкий чуть хриплый голос пригвоздил к месту, заставил замереть.

— Печально осознавать, что мог умереть лишь потому, что ты до сих пор считаешь Маргит сумасшедшей. — Габор появился в проеме, заслонив и без того скудный свет.

Сердце забило так быстро и с такой силой, что едва не прорвало грудную клетку. На лице Габора вновь застыла непроницаемая маска. Только глаза оставались живыми, выдавая в их обладателе живого человека, а не бездушный, но совершенный механизм. Олеся снова почувствовала перед ним страх. Благоговейный ужас. Габор мог сделать с ней все, что угодно, и она даже не стала бы сопротивляться.

Она заглянула в его глаза, пытаясь понять, в каком он настроении, что скрывается за каменным хладнокровием. В радужках плескалось жидкое демонское серебро. Он сдерживал себя, но внутри уже поднимал голову разъяренный дракон.

Адрианна шагнула к брату:

— Габор...

— Встань! — Он смотрел только на Олеся, и от этого взгляда она начала вся покрываться мурашками. Сама не знала от чего: от страха или... предвкушения.

Послушно, словно была его рабыней, Олеся поднялась на ноги.

По-прежнему, глядя только на нее, Габор тихо, но так, что в жилах мгновенно застыла кровь, проговорил:

— Маргит теперь полноценная хозяйка в этой крепости. Ее положение равно твоему, сестра. Ее приказы должны выполняться быстро и неукоснительно.

— Но Габор... — Адрианна была в замешательстве.

— Ты продолжаешь заниматься крепостью. А ты, — он схватил Олесю за локоть, — идешь за мной.

— Король уже здесь! С дочерью! — В голосе Адрианны слышалось отчаяние.

Габор проигнорировал ее слова, таща Олесю за собой. Ни говоря ни слова, они миновали зал и вышли в коридор.

Он был зол, в ярости, — Олеся это чувствовала. Она снова испытала ярое желание оправдаться.

— Я сейчас все объясню.

— Конечно объяснишь... — Он хрипло рычал, и на краткий миг Олесе показалось, что она все-таки попала в плен к демону.

Рывком Габор распахнул дверь и втолкнул Олесю в уютный зал со сводчатым потолком, расписанным луной и звездами. Вчера она обсуждала здесь фасоны провокационного белья с госпожой Каролой. Поскорей бы их сшили. Олеся уже предвкушала реакцию Габора, когда она появится перед ним в одной из новых сорочек или...

Не церемонясь, Габор швырнул ее в кресло. Темно-зеленые портьеры у стены заколыхались, послышался мелодичный перезвон — тонкие причудливо закрученные стеклянные сосульки, украшавшие ткань, ударились друг о дружку.

Габор навис над Олесей, упершись ладонями в подлокотники. Сейчас она разглядела, как на его щеках играли желваки, как сурово сжимались губы. Наверное он злился на нее, но хотя бы был жив.

Они смотрели друг другу в глаза, словно соревновались, кто первый не выдержит и отвернется. Олеся отвела взгляд, но лишь для того, чтобы убедиться, что он не получил новых ран. Плащ распахнулся, открывая кое-как застегнутый сюртук с порезами от когтей демонов и бурыми пятнами крови.

— Они больше не нападали? — Голос задрожал от волнения.

— Как видишь, нет.

Она понимала, что должна что-то сказать, объяснить, но при виде Габора, такого красивого, мужественного и разъяренного, мозг отказывался работать. Медленно превращался в кашу.

— Я переживала, как ты... как ты сможешь добраться в одиночку и... — Как же глупо это было! Наверняка он тысячу раз пересекал этот лес один и знал все его тайны.

— Это я уже понял. — Габор придвинулся еще ближе, вклиниваясь между ее коленей. — Теперь я хочу услышать, как ты оказалась ЗДЕСЬ. И какого демона происходит? Что ты творишь?!

Кажется теперь они поменялись ролями. Он сомневался в ее честности. Наверное считает, что она что-то задумала.

Олеся глубоко вздохнула, ощущая себя сумасшедшей Маргит. А может, она и впрямь начинает сходить с ума?

— Я нашла того старика, у которого пришла в себя.

— Вот как? — Габор иронично вздернул бровь. Его глаза сверкнули. Неповторимый оттенок небесно-голубого тут же заволокла серая стальная туча, словно густой дым.

— Понимаю, как это звучит... и возможно ты не поверишь...

— А ты постарайся, чтобы поверил. Убеди меня в правдивости своей новой сказки.

Олеся сжала кулаки.

— Я не вру! И не врал. Он пришел к избе Бражены. Старик. Морозный Дед. Я думала, что сплю...

Сбивчиво Олеся начала рассказывать, как проснулась от странного жуткого пения. Чем больше говорила, тем более фантастичным звучал собственный рассказ. Лицо Габора оставалось непроницаемым. Только мышцы каменели, пока не замерли, перестав отражать вообще какие-либо эмоции.

— Он сказал, что я... что я... слишком много в тебе сомневаюсь и не ценю. И раз сомневаюсь, то он

меня накажет тем, что заставит тебя снова доказывать, что я тебе... — Про любовь язык не поворачивался сказать, и Олеся тихо выдохнула: — ...дорога.

Габор наконец отмер. Снова вздернул бровь. Уголок рта дернулся в издевательской улыбке.

— Это все, что он тебе сообщил? Больше ничего интересного не поведал?

Олеся почувствовала, что начинает злиться.

— Поведал. Сказал, что нужно доучить алфавит, и тогда мы пойдем, как справиться с Крапусом. — Олеся помахала перед лицом книжкой.

— Он и про алфавит знает?

— Поверь, я тоже была удивлена. — Олеся уперлась Габору в плечо, пытаясь оттолкнуть, но боясь потревожить его раны.

Глаза Габора сверкнули жидким серебром. Убийственно опасно.

— Что ж, если без алфавита никак, то давай учить.

Олеся тяжело выдохнула:

— Ты мне не веришь...

Габор тряхнул головой, губы сложились в искушающую улыбку, которая обещала наслаждение и муки.

— Нет, не верю. — Он замолчал, словно раздумывая, сказать ей нечто важное или нет. — Но мне было приятно, что ты так переживаешь за меня.

— Считаешь, я могла не переживать за тебя? Ты ранен, остался один в этом чертовом лесу, а я непонятно где...

Габор потянул ее выбившийся локон:

— Но больше ни перед кем не вздумай становиться на колени. Госпожа Баттьяни ни перед кем не склоняет голову. Только перед своим господарем.

Он потянулся к ее губам, но Олеся отвернулась:

— Ты мне не веришь. Ни одному слову. Хотя сам рассказывал о Морозном Деде.

— Его никто не видел.

— Даже ты?

— Даже я.

Олесе хотелось и расплакаться, и рассмеяться.

— Тебе нужен лекарь.

Габор неожиданно ласково коснулся ее щеки:

— Ты не хочешь рассказать, как НА САМОМ ДЕЛЕ вернулась в крепость?

Олеся покачала головой:

— Я уже рассказала.

Невидящим взглядом Олеся рассматривала фреску на стене. Олень посреди густого леса. Она вспомнила о книжке, зажатой в ладонях.

— Это твое. — Она протянула книжицу Габору. — Я думаю, она не просто так оказалась у Бражены. И мне кажется... Морозный Дед имел в виду то, что в ней можно найти подсказку. Вот... — Дрожащими пальцами она перевертывала страницы, пока не нашла нужные иллюстрации. — Смотри. — Габор мазнул взглядом по картинке, выразительно выгнув бровь. — Ты ведь должен знать, о чем эта сказка. В отличии от меня можешь ее прочитать.

— Олеся, это всего лишь сказка.

— А что если ответ, как справиться с Крапусом, всегда лежал на поверхности?

- Сейчас лежащей на поверхности я хочу видеть только тебя.
- Серьезно? Ты ведь мне даже не веришь! Считаешь... обманщицей... Предательницей...
- Да. Считаю. Но это не мешает мне хотеть тебя.
- Я не вру! Я видела этого старика.

Глава 27

Габора раздирало на части отчаянное желание нагнуть паршивую девку и трахнуть так, чтобы больше не вздумала лезть на рожон. Идея приковать ее цепями больше не казалась только средством подразнить друг друга.

За эти пару часов он едва не сошел с ума. Был уверен, что к моменту, когда доберется до крепости, чокнется.

Конечно, он ей верил. И даже не потому, что обнаружил сосновый пенек и длинный шест со Страшилищем, которое смастерил еще будучи ребенком. Он просто видел по ее лицу. По едва ли не слезящимся глазам, по румянцу обиды, по тому, как срывался голос, когда она пыталась доказать свою правоту.

Но больше всего его поразило не это. В тот момент, когда он услышал ее голос, умоляющий Адрианну выслать за ним отряд, Габор понял, что простит ей все. Даже откровенную ложь.

А ее вид, стоящей на коленях, отчаявшейся, едва не свел его в могилу.

Никто и никогда так за него не переживал. Никто не волновался. Его ведь тоже можно было заменить. Например, Миклошем. Так что, ничего уникального в нем не было. Но Олесья... она заставила его почувствовать себя кем-то значимым, кем-то настолько важным, что ради него она опустила на колени.

Одновременно с этим в мозгу что-то взорвалось от ярости. Он и не знал, как сдержался. Кровавая пелена заволокла взгляд. Габор был уверен, что кровь потечет из глаз и ушей, если она и дальше будет так стоять. Габор давно уже не ощущал такой злости. На Адрианну и на саму Олесью. Какого демона она опустила на колени?!

Госпожа Баттьяни ни перед кем и никогда не должна склонять своей головы. Только перед ним и то, за закрытыми дверьми их спальни.

Он все еще сходил с ума от злости и страха за нее, когда тащил Олесью в уединение старого зала. Даже простого прикосновения к ней, ощущения ее тела под своими пальцами, было достаточно, чтобы немного успокоиться.

Габор не хотел вспоминать, что почувствовал, когда проснулся и понял, что Олеси рядом нет. Он ощутил это сразу, даже не открыв глаз. Мир изменился, стоило ей исчезнуть. Он не чувствовал нежного дурманящего аромата ее кожи и волос, не чувствовал ее тихого дыхания на своей шее, не чувствовал тепла ее тела, прижимающегося к нему так правильно и так необходимо.

Он ощущал лишь пустоту. Леденящую острую пустоту. Словно весь мир кругом заморожен, и вместо воздуха он дышит льдом. Острые сосульки впивались в легкие, раздирая их до умопомрачительной боли.

Первой мыслью было, что ее забрали демоны. Смогли каким-то образом выкрасть из его объятий.

Но какого демона он тогда жив?!

И как получилось так, что не услышал ни звука? Он всегда спал очень чутко. Только с рядом Олесей его сон становился глубоким и крепким. Таким, что он действительно отдыхал и расслаблялся.

Но не услышать шум борьбы было бы невозможно. Внутреннее чутье не дало бы спать, окажись Олесья в опасности. Да и она бы не сдалась без сопротивления. От воспоминания о том, как крепко она сжимала его нож, в груди становилось теплее, а на губах сама собой появлялась по-дурацки довольная улыбка.

Нет, ее не могли украсть демоны. Новых признаков борьбы он не увидел. Зато от хижины Бражены до края леса вела тонкая цепочка следов. Прямо к Страшилищу. Габор потрясенно всматривался в клочья свалявшейся шерсти и в уродливую деревянную маску. Не верил своим глазам, что видит перед собой того, самого первого, монстра, которого сделал под руководством отца.

Потрескавшаяся краска осыпалась с каждым дуновением ветерка. Полинявшая тряпка, некогда игравшая роль языка, насмешливо телепалась из стороны в сторону.

Когда-то он мечтал смастерить ужасающего монстра, который будет пугать всех в округе и навсегда закроет крестьянам путь в лес. Теперь же Страшилище словно издевалось над ним. Отыгрывалось за свое уродство. Габор был уверен, что слышит в голове насмешливое сиплое шипение: «Ты хочешь ее. А на ночное свидание она убежала со мной. Поищи ее теперь, господарь. Каково знать, что она предпочла уродца всем твоим обещаниям?»

Тогда Габор позволил себе еще одну вспышку ярости. Выдрал шест из земли и зашвырнул так далеко в лес, как только мог. Тяжело дыша, он наблюдал, как Страшилище распадается на части. Шерсть комками разлеталась в стороны, маска плюхнулась в снег, покрытые мхом лапы-ветки, отвалились еще в полете. Ткань грязными лоскутами медленно кружилась в воздухе.

Втоптав сапогом маску в снег, Габор ощутил едва ли не садистское удовлетворение. И тут же осознал, как жалко выглядит, сражаясь с куском дерева.

Он обшарил поляну, обнаружив неподалеку свежий пенек и впадины полозьев на снегу. Еще одна цепочка следов, крупных, почти гигантских, но точно человеческих, испещрила снег у самой границы леса.

Здесь кто-то был. Но этот кто-то не приближался к Олесе. К тому же, ее следы снег уже успел слегка замести, а следы ночного визитера все еще оставались глубокими и четкими.

Подобно безумцу, одержимому охотой на желанного зверя, Габор обшарил все пространство, пока окончательно не уверился, что незнакомец уходил один. Но где Олесья?

Рассвет только пробирался на небо, а Габор, задыхаясь спешил к оставленной лошади, чтобы поскорее добраться до крепости и собрать свой отряд. Он прочешет каждый дюйм проклятого леса, но найдет Олесью. Никто не отберет ее у него. Ни демоны, ни Крампус, ни сила, забросившая ее сюда.

И вот теперь он смотрел на ее покрасневшее от волнения и обиды лицо и не понимал, как мог жить без нее.

Больше всего он желал вновь овладеть ею. Иметь до тех пор, пока оба не перестанут соображать. Такая одержимость пугала его самого. Олесья смотрела на него с молчаливым вызовом, и внутри рождались такие желания, от которых она наверняка бы пришла в ужас.

— Хватит так на меня смотреть... — Ее голос дрожал, а глаза влажно и таинственно блеснули. Это сочетание сводило с ума.

— Как? — Собственный голос охрип и едва слушался. Габор прочистил горло, бездумно уставившись на ее губы. — Как я на тебя смотрю?

— Так, что... — Она несмело облизнула губы, и в этом быстром движении языка было столько порока и невинности, что голова пошла кругом. — ...так что я боюсь тебя до ужаса, но становлюсь влажной.

От ее признания член налился кровью и встал так быстро, что перед глазами потемнело. В ушах зашумело. И в этом шуме он слышал эхо громких Олесиных стонов.

— Насколько влажной ты становишься?

Ее глаза подернулись пьяной дымкой. Осознание, что именно он был причиной этого, заставляло кровь с нечеловеческой скоростью бежать по венам, а яйца поджиматься от желания кончить.

— Очень... — Олесья покраснела еще сильнее. — Мокрой... — Она слегка раздвинула бедра и непроизвольно выгнулась.

Габор хрипло застонал, чувствуя, как член натягивает ткань брюк, стремясь глубоко и грубо вбиться между этих бедер. Плотный шов вонзился в головку, и в мозгу тут же возникла картинка того, как Олесья сосала у него.

Он едва не кончил в собственные штаны от одних только фантазий и воспоминаний о ней.

Неожиданно Олесья выпрямилась в кресле и прижала книжку к животу так, словно стремилась защититься ею. Габор даже знать не хотел, как сейчас выглядит. Наверняка, он до ужаса пугал ее, но никак не мог с собой совладать.

Олесья вдруг выдохнула:

— Это все неправильно.

— Что же по-твоему неправильно? — Уснувшая было ярость снова начала поднимать голову. Их отношения кажутся ей неправильными? Ошибкой?

— Ты ранен. Тебе необходима помощь лекаря. И отдохнуть. А еще Король с дочерью приехал. Я... я подслушала его разговор с Адрианной. Он хочет видеть тебя. Велел ей тут же отправить тебя к нему, как только вернешься... — Последнее слово Олесья буквально выдохнула. Так тихо, что он едва слышал.

Она выглядела грустной и печальной. И Габор понял, что рад этому. Глупо извращенно рад. Она боялась потерять его и не скрывала своих чувств из-за этого.

А он становился счастлив, как глупый пацан, получивший кивок и взгляд от желанной женщины.

— Ты все еще сомневаешься. — Он коснулся ее волос и едва не застонал, когда ощутил их прохладную шелковистость.

Олеся покачала головой, позволяя его пальцам запутаться в прямых прядях.

— Нет. Я просто... боюсь тебя потерять. Хочу, чтобы ты принадлежал только мне. Был моим и больше ничьим. Это так глупо, да?

Желание и нежность затопили нутро. Стало трудно дышать. Габор понял, что сердце лопнет, если он не поцелует ее.

Он наклонился и замер на расстоянии дыхания от ее пухлых алых губ:

— Нет. Это совсем не глупо. Я твой.

Габор понимал, что позволит ей сделать с собой все, что она только пожелает. Вся его жизнь оказалась сосредоточена в ее тонких изящных ладонях.

Он уже ощущал ее рваное дыхание на своих губах, когда дверь оглушительно скрипнула, раздался звук шагов, а женский голос испуганно запричитал:

— О-о-о... прошу прощения! Я думала, мы можем расположиться здесь же, как и вчера, чтобы продолжить примерку... Возможно мне стоит поискать другое место...

Габор отчаянно пытался заставить мозг работать. Он медленно обернулся. Портниха пялилась на них с Олесей и даже не думала никуда уходить.

А он не собирался менять своего положения, понимая, что это наверняка породит тысячи сплетен о них с Олесей. Это был не ее мир, где можно было поменять мужа и жену, как только они надоедали друг другу. Здесь даже пребывание в одной комнате пусть и отдаленных родственников, могло подвергнуться осуждению.

Возможно, Олеся и не осознавала, но теперь она была привязана к нему еще крепче. Людской молвой. Габор подавил желание расхохотаться.

Великие Небеса! До чего он докатился?! Пытается загнать в ловушку сплетен девушку, которая и понятия не имеет о принятых здесь порядках. Но разве она не сказала, что хочет быть с ним? Кажется, она наконец откинула свои глупые сомнения и приняла свои чувства к нему. Но Габор не собирался оставлять ей даже малейшего шанса на отступление.

Не после того, что собирался делать с Миклошем. И все это — лишь бы обладать ею.

Олеся сдавленно выдохнула и вжалась в спинку кресла, пытаясь отстраниться от него. Ее румянец стал алым. Даже удивительно, что она отчаянно стеснялась, оказавшись застуканной с ним.

Пересилив себя, Габор все-таки выпрямился. Он действительно выглядел ужасно. Да и пах, наверное так же. Не самое подходящее время набрасываться на желанную женщину.

Он заставил себя сделать шаг в сторону от Олеси и кивнул портнихе:

— Можете продолжить здесь. Госпожа... — Он едва не сказал «Олеся», остановившись в самый последний момент. Да, пожалуй, это будет не так-то и легко. — Госпожа Маргит готова к примерке. Уже жаждалась вас. Пришлось скрасить ее одиночество.

— Ох, простите, господарь. Мы совсем не желали заставлять вас ждать. — Портниха заламывала руки и кусала губы. Эти попытки флиртовать вызывали в Габоре раздражение. Как отреагирует Олеся? Она и так постоянно в нем сомневалась. Видимо, швею придется заменить.

— Разбирайтесь с платьями, я подойду позже. — Он обернулся к Олесе, которая теперь стала смертельно бледной. Что ее напугало? Или расстроило? — И подумай над нарядом для маскарада. Ни в чем себя не ограничивай. — Он обращался к ней на «ты», слишком интимно для несвязанных кровью родственников, тем более для мужчины и женщины. Но это словно оставляло на ней отпечаток — знак принадлежности ему.

Олеся неожиданно вскочила на ноги и протянула ему книгу. Она поклонилась, смиренно склонив голову и тихо проговорила:

— Спасибо за то, что дали почитать вашу книгу. Я бы позже хотела дочитать эту сказку. — Она буквально всунула ему в руки книжку, раскрытую на страницах с пресловутой легендой.

Кланяясь Олесе, Габор не смог сдержать довольную улыбку:

— Обязательно. Я надеюсь продолжить наш разговор об алфавите. Было очень познавательно.

Габор с наслаждением наблюдал, как румянец возвращается на ее лицо, как расцветают щеки. Член снова дернулся. Мозг наводнили фантазии о том, как он проводит головкой по алому румянцу на Олесиных щеках, как она трется о его плоть губами, а он ударяет напряженным естеством по ее лицу.

Пока окончательно не утратил рассудок, Габор запахнул полы плаща и стремительно вышел из зала. Ему уже не терпелось увидеть Олесю в новых платьях, которые будут сшиты специально для нее и которые будут принадлежать ей. Совсем скоро она окончательно станет частью его мира. Частью его семьи. Частью его самого.

Даже этот маскарад он затевал не в угоду королю, а ради Олеси. Показать всем, что она больше не безумная жена его младшего брата, а полноценный член его семьи и находится под его защитой. Украшения, танцы и все, что будет происходить, было задумано для нее. Удивить, порадовать, показать, что его мир — не только страх и угроза нападения демонов, но и праздники, веселье, развлечения.

Наверное глупо, но чем больше думал об этом, тем больше переживал. Понравятся ли Олесе традиции его страны, примет ли она их, будет ли в них участвовать?

А еще стоило подумать о Миклоше.

Добравшись до спальни и сбросив грязную одежду, Габор сосредоточился на ранах, которые выглядели совсем не так безобидно, как хотелось бы. Он вполне мог обойтись и без лекаря, но может стоило намекнуть Олесе, что он не отказался бы от нее в роли врача? Она так переживала из-за его ран. Сердце наполнилось теплом. Забота Олеси была ему приятна. До абсурда. Почему-то он ощущал себя ребенком, стремящимся заслужить внимание и одобрение взрослого. Смешно.

Разобравшись с ранами, он опустил в горячую воду. Казалось, или в купальне до сих пор витал легкий аромат их недавних безумств? Габор закрыл глаза и позволил себе расслабиться. Поднимающийся от воды пар превращался в тени и силуэты. Сладкие образы наводнили мозг. Утихнет ли хоть немного его безумная яростная страсть? Научится ли он оставаться спокойным в присутствии этой непостижимой женщины?

Как можно скорее он должен сделать Олесю своей. Привязать к себе накрепко и навсегда. Возможно, она уже беременна их малышом. А если нет... Он наполнит ее семенем так, что это будет делом времени.

Оставалась только одна преграда. Мысли снова вернулись к Миклошу. Никто, кроме нескольких человек его личной стражи не знает, что брат сейчас в подземелье. Он мог бы избавиться от свидетелей, хоть достойную замену таким воинам придется искать долго. Остаток жизни Миклош проведет в темнице за то, что издевался над Маргит. А Габор просто объявит брата погибшим в сражении с демоном. Напился, отправился в лес и... Это поможет избежать скандала и лишних сплетен. Останется лишь выждать положенное время, которое он, конечно, будет проводить с «безутешной вдовой». А потом они с Олесей поженятся.

Был и другой выход. Гораздо более разумный. Убить брата.

Раз и навсегда избавиться от него и от проблем, которые он мог доставить.

С ума сойти! Он всерьез планирует убийство собственного брата ради возможности быть с любимой женщиной. Но сейчас Миклош был для него врагом, а не родственником. Да и не было у Габора особых чувств к нему. Он старался не вмешиваться в его жизнь, позволяя тому развлекаться с любовниками и устраивать вечеринки, от которых кровь стыла в жилах. Пока Миклош держал это в секрете и не выставлял напоказ, мог жить как хочет. Но он измывался над Маргит, убил ее и планировал избавиться от Олеси. Под носом у Габора. Такое не прощают. Даже брату.

Габор не ожидал, что так спокойно смирится с мыслью, что от Миклоша нужно избавиться. Мразь, угрожающая жизни его женщины, необходимо устранить. Пусть он хоть трижды будет его братом.

Взгляд скользнул к брошенной тут же книжке. Как она оказалась у Бражены? Старуха не могла ее украсть. В замке к ней был приставлен человек, который повсюду ее сопровождал. Да и зачем ведьме сказки? Книга подпирала ножку стола. Но Олеся все равно ее заметила...

Габор подплыл к борту купальни и взял книжицу. Мокрые пальцы оставили на бумаге стремительно темнеющие следы. Олеся так искренне верила, что здесь скрыт способ справиться с Крампусом... Габор понимал, что готов уцепиться за малейший, даже такой нелепый шанс справиться с демоном, только не отдавать ему Олеся.

Он смутно помнил сказку, указанную ею. Она была грустной и заканчивалась смертью почти всех героев. А еще в ней почти с маниакальной точностью описывались кровавые подробности пыток и изуверств. После прочтения на ночь этой жути ему долго снились кошмары. Но тогда ему было лет пять.

Габор перевернул страницу, возвращаясь к началу сказки. Возможно, следует перечитать ее заново.

Пару часов Миклош безрезультатно метался по темнице. Он сорвал голос, требуя, чтобы его выпустили, сбил руки в кровь, стуча по грубой двери. Никто не отвечал. Не слышно было ни звука. Хотя он точно знал, что его охраняют.

Эхом до него доносились сдавленные рыдания идиотки-служанки. Не нужно было с ней связываться. Это ее вина, что он оказался в сыром вонючем подzemелье. Наверняка кому-то проболталась.

А Габор... Молодец, братишка! Молодец! Миклош истерично расхохотался. Интересно, хоть кто-нибудь подозревает, что благородный всеильный господарь сунул собственного брата в темницу? Вряд ли. Габор же почти святой. Идеальный господарь. Образец для подражания.

Но Миклош всегда знал, что за маской равнодушия скрывается монстр. Он пытался казаться добреньким, но в душе был еще хуже Миклоша. Справедливый и честный, мечта восторженных девиц и их мамаш. Эти сучки надеялись заполучить его себе. Все, от целки до растрханной шлюхи, не теряли надежду, что братец обратит на них внимание. Даже мужчины находили его идеальным.

Его дорогой Вильгельм пару раз намекал, что не прочь развлечься втроем. Как же сильно они тогда поругались... Вильгельм посмел его упрекнуть, что он с удовольствием развлекается с другими мужчинами, но не хочет предложить это самому родному и близкому человеку.

Миклош ненавидел Габора. И уж точно не считал его самым родным и близким. Но то, как загорались глаза Вильгельма при мыслях о брате... Он готов был уничтожить обоих.

И что в результате? Сидит в проклятой затхлой камере, слушает завывания Фиданки и зависит от воли братца. Вильгельм никогда не узнает, что с ним случилось. А что если он и вовсе попытается соблазнить Габора? Забудет о нем, Миклоше, и примется очаровывать брата?

О, Вильгельм мог быть очень убедительным. Идеальное тело, пронзительный карий взгляд, шелковистые волосы и голос, который так сладко шепчет на уши грязные обещания.

От мыслей о проведенных вместе часах стало жарко. Это согрело в промозглом холоде. Нет, он не намерен сидеть здесь вечно, и обязательно найдет способ выбраться. Фиданка завывала еще громче. Даже здесь от этой сучки проблемы!

В висках запульсировало. Сквозь шум крови в ушах послышался еще какой-то странный звук. Миклош подумал, что ему мерещится. Провел здесь неизвестно сколько времени, в сумраке и сырости. Ни еды, ни воды ему не приносили, счет часам он уже потерял. Приглушенное лязганье доносилось из-за двери. Всхлипы Фиданки стали тише, и Миклош смог расслышать звуки ударов. Дверь затряслась, как будто в нее швырнули что-то тяжелое.

Миклош насторожился и прислушался. Будь проклята Фиданка — ее стоны мешали расслышать хоть что-то. Металл чиркнул по камням, ему вторил мужской вскрик. Да что же там происходит?!

Миклош поднялся с ледяного пола и поспешил к двери. Прижался к ней ухом, но с той стороны доносились только глухие хрипы. Чье-то сбивчивое ругательство, звук ломаемых костей и... тишина.

Проклятье! Миклош опустился на колени и прижался к замочной скважине. Тусклый свет свечи освещал часть стены и множил тени. Ничего не было видно. Только вот коленям стало мокро.

Он взглянул на пол. Через узкий просвет между дверью и полом в камеру вползало темно-вишневое пятно. Оно было густым и пахло солью и металлом. Миклош вскочил на ноги и попятился к самой дальней стене своей камеры. Он в ловушке. В хреновой ловушке! Что там может происходить?

Габор пришел убить его? Прислал кого-то, решив не марать свои руки братоубийством? Еще и Фиданка замолкла, превращая тишину в орудие пытки.

В замке повернулся ключ. Ржавый механизм противно лязгнул. Щелчок, и тяжелая дверь медленно отворилась, предупреждая скрипнув.

Запах собственного пота ударила в ноздри, когда на пол упала длинная бесформенная тень. Миклош едва не обмочился, но каким-то чудом совладал с собой.

В невысоком дверном проеме выросла гигантская фигура. Миклош сглотнул. Сердце едва не разорвалось от страха, а по ногам все-таки потекла горячая вонючая влага.

Огромный, покрытый шерстью, с расходящимися в стороны, словно втеки, рогами, перед ним стоял демон. Тварь ухмылялась, демонстрируя острые окровавленные зубы и длинный, как змея, язык.

Он нагнулся, но все равно задел ветвистыми рогами потолок. От неприятного звука, Миклош едва не подпрыгнул. Кажется, что только от этого скрежета натянутые жилы рвутся на кровавые нитки.

— Ну здравствуй, младший с-с-сын, так и не ставший гос-с-сподарем... — Демон ухмыльнулся. Извиваясь червем, язык скользнул меж острых кинжальных зубов.

Миклош едва не задохнулся. Воздуха не хватало. Он заставил себя сделать вдох, но это было ошибкой. Желудок скрутило и едва не вывернуло наизнанку. Смердящая вонь подобно кислоте разъедала изнутри. Моча, кровь и вывалившаяся непонятно в чем шерсть превращались в рвотный коктейль.

— Не рад, что ль? С-с-с-сам же меня звал... Так всс-с-стречай. Пришел...

Миклош сглотнул горькую слюну и облизал вмиг пересохшие губы. Демон говорил абсолютно отчетливо и разборчиво. Выговаривал каждое слово. Разумный. Да еще такой огромный... Это плохо. Это очень плохо. Это ужасно. Пришел, чтобы убить. И где же хваленый господарь?! Где Габор, который должен защищать всех от демонов?! Где этот проклятый выродок?! Он же утверждал, что в крепость не проникнуть!

— Ты язык, час-с-сом, не проглотил? — Демон сипло рассмеялся и шагнул вперед, наступая прямо на кровавое пятно.

Миклош, словно одурманенный следил за тем, как демон нарочито размазывает кровавую кляксу. На полу остался жуткий мазок и след когтистой лапы.

— Не рад меня видеть, с-с-сын, не ставший гос-с-сподарем? Ты же обряд провел, реш-ш-шетку открыл, так вс-с-стреть, как подобает. — Демон жутко хохотнул.

Разум медленно осознал услышанное. Демон пришел на его зов! Ритуал сработал! Тварь смогла проникнуть в крепость и явилась к Миклошу, потому что он позвал. И кажется вовсе не собирается его убивать. Наоборот!

Миклош расправил плечи и, преодолевая страх, шагнул вперед, выходя из лужи собственной мочи.

Надежда медленно расцветала в душе. Ну что, братец, посмотрим, кто кого? Думаешь, ты самый сильный и умный? Но это он, Миклош — никчемный младший брат, сумел призвать демона и помочь ему проникнуть в неприступную цитадель. И демон к нему явился не абы какой. Разумный! Даже более чем.

Миклош задрал подбородок, полный решимости выбраться из крепости живым. Он еще покажет братцу. Да Габор будет на коленях у него ползать и молить поцеловать ноги в обмен на милость. Сердце застучало еще быстрее, когда Миклош представил, как срывает с брата одежду и отдает своим друзьям на потеху. Великий господарь станет покорной шлюхой. Будет молча исполнять все их прихоти и обслуживать при первой необходимости. Миклош едва не возбудился, представив, как Габор обслуживает члены их маленькой компании. О, да, ради этого он готов был призвать всю демонскую рать.

— Да, я вызывал тебя.

— И зачем же? — Демон приблизился, с каждым шагом увеличиваясь в размерах.

Только сейчас Миклош заметил, что с его жутких рогов капает кровь. С трудом сдержался, чтобы не передернуться от отвращения.

В голову пришла гениальная идея:

— В соседней камере тебя ждет мой дар. В благодарность за то, что откликнулся.

Усмешка исказила и без того уродливую одеревеневшую морду демона:

— Ты о той визжащей девке? Что ж... я принимаю твое подношение. Только ради этого ты меня побес-с-спокоил?

Стараясь не показывать своего страха, Миклош повел плечами:

— Нет. Я хочу заключить с тобой сделку.

— И что ты можешь-ш-шь мне предложить, второй сын? Что ес-с-сть у тебя, чего нет у нас-с-с?

Миклош моментально разъярился. Даже демоны смеются над ним. Ну уж нет! Он никому не позволит насмеяться над Миклошем Баттьяни. Ни-ко-му!

— Благодаря мне ты смог проникнуть в замок и разгуливаешь здесь, словно в своей пещере.

Демон заржал, сотрясая низкие потолки темницы. Миклош задрожал: а вдруг кто-то услышит и явится сюда?

— Ес-с-сли бы я не смог пробраться в крепос-с-сть, то мы бы не бес-с-седовали тут, младш-ш-ший с-с-сын... Это не я с-с-сiju в вонючей темнице в луже своей мочи. — Демон снова загоготал так, что слышно было наверное на другом конце княжества.

Миклош задрожал от злости, но все-таки заставил себя успокоиться. Если он даст эмоциям взять верх, то никогда не победит. Габор бы не был таким могущественным, если бы не стал бесчувственным камнем.

Взяв себя в руки, Миклош скрестил руки на груди и, как ни в чем ни бывало, облокотился на холодную, влажную от сырости, стену:

— Наверное неприятно осознавать, что ты здесь благодаря младшему сыну? — Главное не показывать своего страха. — Такой сильный и могущественный демон, а проник в крепость только с моей помощью.

Демон метнулся к нему и схватил за шею. Острые когти впились в кожу, испарывая. Миклош сцепил зубы, чтобы не закричать от боли. Соленый пот попадал в раны, причиняя жуткую боль. Но он будущий господарь этих земель! Он все выдержит! К тому же, пара шрамов после схватки с демоном только придадут ему мужественности. Вильгельм будет в восторге.

— Не дерзи мне, ничтожес-с-ство... — Демон вдавил его в стену и без усилия поднял вверх. — Говори, зачем звал...

Миклош засучил ногами по полу, желая ощутить такую необходимую опору. В шее что-то хрустнуло. Проклятый монстр оторвет ему голову!

Хватая ртом воздух, Миклош отчаянно пытался выдавить из себя хоть слово:

— Хочу предложить тебе сделку... Помогите одолеть брата. Дьекельни всегда должен был принадлежать мне. Если я стану господарем, позволю демонам забирать столько людей, сколько они пожелают...

Демон навис над ним, пристально вглядываясь в лицо. Миклош пытался проглотить вязкую слюну, которая больше напоминала болотную жижу. Он смотрел в жуткие глаза монстра, но не потому что чувствовал в себе силу это сделать, а потому что не мог отвести взгляд. Глаза у демона не имели век. Два круглых шара на выкате с молочно-белыми белками и красными радужками. Чернота зрачка казалась самой тьмой. Как будто две дырки, из которых наружу выбирается бездна.

— Если мы будем забирать людей, то тебя заставят нас-с-с уничтожить. А ес-с-сли ты этого не с-с-сделаешь, то сюда придут другие убийцы моих братьев...

— Я что-нибудь придумаю! Прикажу своим людям отлавливать крестьян по всей Бергандии. Здесь огромные подземелья — всем места хватит. Они будут сидеть и дожидаться, когда вы за ними придете... Я даже... даже... позволю вам пировать в замке... Только представь, какие праздники можно устраивать в крепости, которую вы столько веков не можете одолеть! Ты и твои братья будут пировать телами тех, кого я для вас поймаю... Столько крови, сколько вы только пожелаете.

— С-с-сладко говоришь, младший с-с-сын... — Демон приблизил свою морду к лицу Миклоша. Длинный змееподобный язык вырвался наружу и скользнул по щеке Миклоша, слизывая пот. От отвращения перехватило дыхание. — Значит, ты будешь служить демонам, играя роль гос-с-сподаря?

Миклош кивнул, настороженно следя за жутким языком.

Демон ухмыльнулся:

— Мне нравитс-с-ся твое предложение... Ты с-с-станешь нашей марионетко-о-ой... Будешь делать то, что мы говорим... Будешь отдавать нам столько людей, сколько мы пожелаем... И позволишь

пировать в замке... Будешь вкушать кровь и пользоваться плотью наших жертв вмес-с-сте с нами... С-станешь нашим с-слугой... Но нам нужно кое-что еще...

Миклош уже плохо вслушивался в то, что говорил демон. Сознанием завладела одна-единственная мысль: «Монстр готов согласиться. Еще немного, и победа будет на моей стороне.»

— Что? Что вам нужно? Я готов дать все!

— Иномирянка в теле твоей жены... Отдай ее нам.

— Что угодно! Вам нужна Маргит? Забирайте!

Запоздалые вопросы наводнили мозг. Иномирянка в теле его жены? Что это значит? Уже неважно! Пусть чокнутая сука сдохнет и оставит, наконец, его в покое.

Предчувствуя скорую победу, Миклош попытался кивнуть:

— Забирайте ее! Хоть сейчас.

Улыбка демона стала еще шире. Раззявленная в пол-лица пасть оведала Миклоша смрадным дыханием.

— Что ж... Такая сделка мне нравится... Ты станешь гос-с-сподарем, а взамен отдашь нам жену и власть в княжес-с-тве.

Миклош потряс головой:

— Да-да, все так! Поймайте моего брата, и будете здесь главными! — Миклош на секунду задумался и тут же добавил: — Приведите его ко мне.

Демон разжал когтистую лапу, и Миклош едва не грохнулся на пол. Лишь каким-то чудом устоял на ногах.

— Привес-с-сти его к тебе? Заче-е-ем?

От ощущения близкой удачи Миклоша начало потряхивать.

— Хочу, чтобы он ползал у моих ног... Буду делать с ним все, что захочу. Великий господарь будет вещью в моих руках. Я и вам дам поразвлекаться с ним.

На этот раз смех демона звучал тихо, но как-то уж слишком пугающе.

— Как будто нам нужно твое разреш-ш-шение... Хорош-ш-шо... Получишь брата... А теперь слушай внимательно, что должен сделать. Сейчас отправиш-ш-шься наверх и откроешь с-столько решеток, с-сколько сможешь.

— Но как я это сделаю? Я же пленник! Как я смогу передвигаться по замку?

— Я же с-с-смог. Крепос-сть велика. Не попадайся никому на глаза. К Проводам Старого года все реш-ш-шетки должны быть открыты.

— А если кто-то решит проверить камин? Габор всегда заставляет слуг и стражников обследовать решетки накануне праздника.

Глаза демона едва ли не завращались в глазницах. Жуткое зрелище.

— К тому времени мы уже будем в крепос-с-сти.

Миклош хотел спросить, что демон задумал, но понял, что ему нет до этого совершенно никакого дела. Плевать, как вонючие мохнатые монстры проберутся в замок. Лишь бы сдержали обещание и одолели Габора.

— Хорошо. — Миклош кивнул своим мыслям, предвкушая, как станет здесь хозяином. — Я постараюсь.

Демон снова приблизился. Улыбка не сходила с его отвратительной морды.

— Нет, ты не понял... Не пос-с-стараешься... Ты с-с-сделаешь это.

От свистящего тона, в котором крылась угроза всех мыслимых пыток, Миклош вновь затрясся. Может не стоило связываться с демоном? Поздно. Он уже тут. Некуда отступить. Либо все, либо ничего.

— Да. Сделаю. — Миклош сжал кулаки, преисполненный решимости сделать что угодно, чтобы стать господарем.

— Вот и чудес-с-сно. А теперь раздевайс-с-ся... — Язык демона заплясал пугающий танец меж зубов, обвивая их кольцами.

Перепуганный этим зрелищем, Миклош не сразу сообразил, о чем говорит демон.

— Что? Раздеваться? Зачем?

Взгляд демона стал совсем уж недобрым:

— С-с-скажи, младш-ш-ший сын, как называют тех, кто заключил сделку с демоном?

Не понимая, к чему клонит волосатое чудовище, Миклош запинаясь ответил:

— О-отмеченные д-демоном.

— Ве-е-ерно... Вот и мне нужно тебя отме-е-етить... — Длинный язык с шипением вырвался и пасти, словно гадюка в смертоносном броске.

— Т-ты хочешь оставить на мне какой-то знак? — Миклош уже даже не пытался скрыть удушающий страх.

— Не-е-ет, глупый... — Демон снисходительно хохотнул и накрыл лапой плечо Миклоша. — Я ос-с-ставлю в тебе... часть с-с-себя... Ты же взрос-с-слый и должен знать, зачем нужны эти чудес-с-сные отверс-с-стия в твоём теле... Так демоны отмечают тех, с кем заключают с-с-сделки. Мы будем с-с-связаны... — Язык демона снова прошёлся по щеке, скользнул на шею, оставляя смердящую густую слюну на коже.

Миклош затряс головой:

— Н-нет... Ты же не имеешь ввиду, что мы будем... что будем...

— Ну, младш-ш-ший сын, с-с-смелее... что мы будем делать? Иметь друг друга? Ты же знаеш-ш-шь, как это проис-с-сходит... Позволь мне отметить тебя, и получиш-ш-шь все, о чем мечтаешь... Чего ты стес-с-сняешься? Или хочешь, чтобы я порвал твою красивую одежду? — Коготь демона подцепил пуговицу и легко ее отодрал.

От удара деревянного кругляша о пол, в голове что-то взорвалось. Ладно, это не так страшно. В конце концов, все остальные проходили, через это. Пройдет и он. Не такая уж высокая цена за возможность обладать тем, что всегда должно было принадлежать ему.

Дрожащими руками, Миклош скинул одежду, оставшись перед демоном обнаженным. От похотливого взгляда монстра, тело начала бить лихорадочная дрожь.

Демон довольно улыбнулся и кивнул.

— Ты будеш-ш-шь замечательным гос-с-сподарем...

Миклош прикусил язык. Демон вогнал когти в его плечо, развернул спиной к себе и толкнул на пол, заставляя опуститься на колени. В ладони тут же впились мелкие камни. Когтистые лапы накрыли его зад, грубо раздвинули половинки. Миклоша едва не подбросило над полом от омерзения, когда что-то склизкое прошло по расщелине, смачивая слизеподобной слюной. Неужели отвратительный змееподобный язык гуляет там?

Сам того не осознавая, Миклош как молитву начал твердить: «Лишь бы побыстрее. Лишь бы побыстрее...»

Он не смог сдержать крика, когда огромная дубина ворвалась в него. По бедрам что-то потекло. Тяжело дыша, Миклош опустил голову вниз. По ногам текла кровь.

Рыча и крича, демон начал насиловать его, пользуясь, как покорную игрушку. Боль была такой, что темнело перед глазами. Миклош пытался представить, что сзади расположился Вильгельм, или что он сам проделывает тоже самое с Габором, но отвлечься не получалось.

Демон распиливал его на части, превращая в сгусток боли и крови. Миклош пытался сдерживать крики, чтобы сюда не слетелись все стражники замка, но выходило плохо. Демон не останавливался ни на секунду. Двигался все быстрее и, кажется, увеличивался в размерах. Миклош начал беззвучно рыдать. Внутри все жгло. За что? Почему так больно? Да столько же можно?!

Дыхание перехватило. Руки ослабели. Он упал на пол, утыкаясь лицом в холодный пол.

Сколько времени прошло? Секунды или часы? Внизу стало горячо и опять мокро. Послышался какой-то шорох, и острые когти наконец оставили его раненую кожу в покое.

Миклош так и лежал на полу, ощущая влажный холод там, где секунду назад бушевало жестокое пламя.

— А ты мне понравилс-с-ся... — Смех демона долетал как будто издалека. — Захочеш-ш-шь развлечься по-настоящему, призови меня опять. — Демон загоготал. — Теперь ты отмечен мной. Наш-ш-ша с-сделка с-скреплена, и нет с-с-способа ее рас-с-сторгнуть. Хватит валятьс-с-ся. — Демон пнул его в живот. — Забыл, что должен с-с-сделать? Открой реш-ш-шетки, и будешь владеть здес-сь всем.

Миклош с трудом поднялся, опираясь о локти. От каждого движения все внизу простреливало огненными вспышками агонии. По бедрам снова что-то потекло. Миклош не желал знать кровь ли это или семя проклятого демона.

Монстр вышел из камеры. Послышался скрежет еще одной двери, а потом раздался полный страха женский крик. Сиплый голос демона что-то проговорил, но Миклош не смог разобрать что. Кое-как он принялся натягивать на себя одежду. Ноги дрожали, и пришлось прижаться к холодной стене.

В камеру снова заглянул демон. Он держал за ногу лежащую на полу Фиданку. Кажется, она была без сознания.

— Встал, наконец? Пош-ш-шевеливайся. Неудивительно, что всем заправляет твой брат. Помни, младш-ш-ший сын: решетки. Они должны быть открыты.

Демон развернулся и, неторопливо, побрел куда-то, волоча за собой Фиданку.

Миклош не смог сдержать рыдание. Полный муки всхлип вырвался на свободу. Грязная тварь! Да как только демон посмел?! Зачем он вообще его призвал?

В голове встрепенулся тихий голосок и быстро зашептал: «Как зачем? Чтобы получить свое. Твоей вины в этом нет. Это все Габор. Твой брат. Из-за него ты оказался здесь. Из-за него был вынужден призвать демона и терпеть это зверское насилие. Из-за него ты разлучен с Вильгельмом. Все твои беды из-за него только из-за него.»

Вздрагивая и морщась от каждого движения, Миклош оделся до конца и кивнул самому себе. Все верно. Во всем случившемся вина только Габора. И он ответит за каждую секунду боли и унижения, которые Миклош был вынужден терпеть.

Он откроет все до единой решетки в проклятом Небесами замке. Все! У Габора не будет шанса на спасение. Ни одного. Брату не жить. И смерть его будет долгой и мучительной.

Глава 28

Габор стоял у массивной дубовой двери и вслушивался в происходящее с той стороны. Он чувствовал себя мальчишкой, пытавшимся выследить Морозного Деда, принесшего в крепость дары.

Ощущение восторга, сказки, предчувствие волшебства — все бурлило в крови, как ароматные специи в кипящем вине. От одного только аромата можно опьянеть и сойти с ума. Но был другой запах, который наверняка превратит его в безумца. Запах Олеси. Ее волос, ее кожи, ее шелковистой горячей влаги, покрывающей нежные лепестки плоти.

Он снова хотел ее. Хотя бы просто прижать к себе, вдавить в свое тело так, чтобы она сплавилась с ним воедино. Уткнуться бы носом в ее блестящие локоны и дышать теплом и цветами.

У него была тысяча неотложных, требующих решения дел. Подготовка праздника, которым он хотел удивить и порадовать ее, поразить, влюбить в крепость и в себя. Миклош, с которым нужно было что-то сделать, чтобы навсегда избавиться от проблемы и угрозы потерять Олесю. Король, которого он и так заставил ждать слишком долго, и с которым нужно было решить все раз и навсегда.

Вместо этого он стоял у приоткрытой двери и не мог заставить себя пошевелиться. Сначала он просто собирался ворваться в зал без стука и убедиться, что с Олесей все в порядке. В глубине души он надеялся, что сможет застать ее обнаженной во время примерки. Он представлял, как она покраснеет, смутится, постарается спрятаться от него. Но ее глаза будут блестеть, а румянец смущения сменится румянцем возбуждением.

Он остановился, когда услышал ее гневный возглас. Она возмущенно о чем-то спорила с портнихой, и Габор не смог отказать себе в удовольствии подслушать.

Оказывается, его маленькая соблазнительница заказала госпоже Кароле белье. Которое, как утверждала швея, больше приличествовало куртизанке и девушкам, служащим в борделе. Высокомерным тоном портниха доказывала, что даже для подобных женщин, заказанное Олесей слишком откровенно. В тот момент когда Габор собирался вмешаться, его будущая госпожа поставила зарвавшуюся тварь на место. Габор не смог совладать с ударившим в голову возбуждением, когда звенящим голосом Олеси сообщила, что швея должна делать то, за что ей заплатили. И если она не хочет шить нужные Олесе вещи, то может уходить.

Габор стоял у двери и улыбался. Похоже, Олесья наконец распрощалась с мыслями покинуть его мир. А швею он действительно выставит отсюда — пусть только сначала выполнит заказ. Ему не терпелось увидеть, что придумала Олесья. Кажется, там действительно что-то необычное и потрясающее воображение, раз даже выдавшая виды портниха шокирована.

Осторожно приоткрыв дверь чуть шире, Габор заглянул в образовавшуюся щель, но увидел лишь помощниц портнихи, раскладывающих отрезы тканей.

Сейчас Олесья пыталась выбрать платье на маскарад. Кажется, портниха показывала эскизы и объясняла, какие герои легенд могли так одеться.

Габор жадно вслушивался в каждый вопрос своей женщины. Он желал, чтобы они оказались наедине. И он бы сам рассказал ей о легендарных героях и их облачении. А потом бы они вместе выбрали, кем оденутся на праздник. Мысль о том, что у них будут парные костюмы, разлилась неожиданным теплом в груди. Быть связанной с Олесей даже таким способом казалось жизненно важным. Словно у них есть маленькая тайна. Она на виду у всех и в то же время, доступна только им обоим.

— Так вы что-нибудь выбрали, госпожа? — В голосе портнихи слышалось едва скрываемое раздражение и нетерпение. Похоже, она совсем не понимала, с кем разговаривает.

Габор сдержал порыв выгнать ее сейчас же. Искать другую некогда, он не мог оставить Олесю без одежды. Но и позволять зарвавшейся твари общаться с его госпожой таким образом он не собирался.

Но Олесья, кажется, и сама прекрасно справлялась. Ее уставший голос долетел до него незримой лаской.

— Нет. А вы что, куда-то торопитесь?

— Нет, совсем нет, госпожа. Но мы можем не успеть сшить ваш наряд в срок.

— Лучше совсем не идти на маскарад, чем идти в том, что не нравится. Это все, что есть?

— Да, госпожа. Это самые популярные модели. При дворе одеваются именно так.

— Какие-то они все мрачные и скучные. В таких на похороны ходят, а не на праздники.

Габор едва не засмеялся в голос. Непосредственность и прямота Олеси его восхищали.

— Ну-у-у... а что бы вы хотели? Может, просто праздничное платье?

С замиранием сердца Габор ждал, что ответит Олеся. Его никогда в жизни не волновала женская одежда. Какая разница, как женщина одета? Под платьями они все одинаковые. Но сейчас он сходил с ума от нетерпения и любопытства.

Что она выберет? Кем захочет нарядиться?

— Мне нужно... посоветоваться кое с кем. — В голосе Олеси слышались сомнение и неуверенность. Габор и сам не понял, что нахмурился: с кем же она собралась советоваться?

— Без ложной скромности заявлю, что в этом замке лучший совет вы можете получить именно от меня, госпожа Маргит.

Молчание было подобно пытке.

— Я хочу поговорить с госпожой Адрианной. Она... хм... одевается со вкусом, и наверняка сможет мне помочь.

Габор не хотел признаваться себе в том, что испытал разочарование — он-то глупо надеялся, что Олеся попросит совета именно у него.

— Но именно я шью платья для госпожи Адрианны.

— Просто подождите меня здесь. Я скоро вернусь.

Габор едва успел отойти от двери. Бесшумно он скользнул в сторону, прижимаясь к стене. В ту же секунду тяжелая дверь неохотно открылось, и легкой поступью, Олеся вышла наружу.

Она обернулась, чтобы прикрыть дверь, и удивленно распахнула губы, когда увидела его. Габор приложил палец к губам, призывая ее к молчанию.

Великие Небеса. Он и забыл, как же она красива. Да еще в его одежде — настоящий соблазн. И теперь эта женщина принадлежит ему. Немыслимо.

Еще не полностью, но скоро... Очень скоро... Вполне возможно, у нее под сердцем уже растет их малыш. Если вдруг она когда-нибудь решит от него сбежать... он не отдаст ей ребенка. Что-то подсказывало, что она не сможет оставить свое дитя. А значит, и сама останется с ним. Навсегда.

Габор постарался отогнать мрачные мысли. С чего бы ей уходить? Да, его мир неидеален и, возможно, не такой безопасный, как ее. Но он сделает все, чтобы она была счастлива.

Захлопнув дверь, Олеся шагнула к нему и положила теплую ладонь на его грудь:

— Как твои раны?

Так непривычно, что кто-то о нем беспокоится. Переживает о ранах. Вообще помнит о том, что он получил ранения.

— Скоро заживут, не останется и следа. Так что, тебе не придется жить с уродом. — Пока не произнес вслух, сам не понимал, как сильно его это волнует. А ведь раньше он о подобном и не задумывался — шрамом больше, шрамом меньше.

Олеся положила и вторую ладонь ему на грудь, безошибочно находя то место под рубашкой, где была еще одна рана.

— Я даже представить не могу, какую боль ты пережил. — Она прижалась губами к его груди. Теплое дыхание обожгло огнем. Вот так просто, и он горит. Ни поцелуев, ни ласк. Одно невинное прикосновение, и он уже не может дышать без нее. — Но люблю каждый твой шрам. Ни один из них не может тебя испортить. Ты совершенный. Лучший из мужчин, созданных природой.

Таких слов ему никто не говорил. Габор прекрасно знал, что не урод. А богатство и положение его семьи делали его в глазах женщин красавцем. Но то, как реагировала на него Олеся... Она действительно была создана для него. Просто по нелепой случайности родилась в другом мире. Но теперь она здесь, с ним, и будь он проклят, если когда-нибудь ее отпустит.

Она сладко потерлась носом о его грудь, прижимаясь всем телом, и томно прошептала:

— М-м-м... как же ты пахнешь... Идеально...

Габор зарылся пальцами в ее волосы, приводя в беспорядок и так растрепанную прическу:

— Я пахну тобой. — Когда она подняла голову и непонимающе взглянула на него, Габор пояснил: — Я взял тот настой, который ты купила в деревне. Вдыхал его запах и представлял, что ты рядом.

Олеся покраснела. Румянец моментально залил ее щеки, а глаза странно заблестели.

— Продавщица сказала, что он помогает усилить естественный запах и...

Небеса!.. Она полна сюрпризов и секретов.

Предчувствуя нечто неожиданное, Габор поторопил Олесю с ответом:

— И?..

— И оно подскажет, что испытывает избранник.

Габор от удивления выгнул бровь:

— Это как же?

— Ну... если чувства мужчины сильны, то он не сможет устоять. А если он ничего не ощущает, то ничего и не произойдет.

Даже в его мире она нашла, чем его удивить. Румянец на щеках Олеси стал еще ярче.

— Ты думаешь, это работает?

Она спрятала лицо у него на груди и вдруг начала дрожать:

— Сработало, когда я плеснула его в воду, и мы... — Ее голос совсем охрип, став вызывающе соблазнительным.

Хотячее искушение, которому невозможно противостоять. Да и не хотелось. Плоть загорелось огнем, и член встал так быстро, что на секунду перед глазами поплыло.

С трудом ворочая языком, он спросил:

— И мы что? — «Пожалуйста, скажи, как тебе было хорошо. Произнеси вслух, перечисли все, чем мы занимались, и убей меня звуком своего голоса. Я умру до охречения счастливым и пьяным. Тобой.»

— Ты знаешь что. — Ее голос звучал глухо. Вибрации растекались по его груди, устремляясь в живот, еще ниже.

— Думаешь, это из-за какого-то отвара? — Нечеловеческим усилием Габор заставил себя стоять неподвижно, как будто проверял на прочность свою выдержку.

— Да. Теперь он действует против меня... — Олеся тихонько застонала и выгнулась, прижимаясь животом к его бедрам.

Габор стиснул зубы. Член дернулся, едва ли не прорывая брюки. Ему нужно быть в ней. Сейчас же!

— Как он может действовать против тебя?

Олеся захныкала и потерлась грудью о его. Он видел, как ее соски натянули ткань и выделяются острыми вершинками, словно умоляя взять их в рот. Такому Габор сопротивляться не мог. Потянулся к ее груди, накрыл ладонью упругий холмик и сжал. Олеся откинула голову назад, обнажая горло и тихо застонала, прикрыв глаза.

Гладя и сжимая ее грудь, Габор с трудом повторил:

— Так как он действует против тебя?

Олеся повела головой, открывая глаза и с трудом сосредотачивая свой плывущий взгляд на нем.

— Попала в собственную ловушку. — Ее голос был таким тихим, что казалось, звучал у него в голове. — Ты искупался в нем, и теперь я отчетливо ощущаю твой запах. — Она дышала тяжело и часто, сводя с ума своим возбуждением. Грудь поднималась и опускалась, потираясь о его ладонь. — Когда... Когда ты заставил меня сосать у тебя, я чувствовала твой запах. Ты пахнешь корицей и шоколадом. Это нереальное сочетание. Обычные люди так не пахнут. И сейчас, когда я вдохнула, то

снова ощутила твой аромат. Так четко...

Ее тонкие пальцы скользнул по его животу, вытащили рубашку из брюк и оцарапали кожу над поясом. Габор не выдержал. Стиснул зубы и толкнулся бедрами к ее животу. Если она сейчас не замолчит, то он трахнет ее прямо у стены, и плевать на все. Член разрывало от боли, а яйца ныли так, словно он не кончал целую вечность. Ему нужно быть в ней! До изнеможения долго долбить податливое и согласное на все тело, слушать, как член хлопает в ее влагалище, а яйца бьются об упругую задницу. И так до тех пор, пока оба не сойдут с ума, перестав осознавать, где находятся и что происходит вокруг. Чтобы она затопила его своими соками.

Эти фантазии только подлили масла в огонь. Член болезненно пульсировал, изводя его необходимостью кончить. Но еще ему нужно было слышать. Каждое ее слово, каждое признание. Что он заводит ее так же, как и она его. Что с ним она становится такой же безумной, как и он с ней.

— На тебя действует мой запах? — Он сгреб ее волосы в кулак. — Хочешь сказать, уже возбуждалась?

Олеся опалила его сосредоточенным и каким-то недоверчивым взглядом. Как будто ей больно.

— Да. Сразу же... Ты мне не веришь?

Проклятье! Он был всего лишь мужчиной... Мужчиной, одержимым своей женщиной. Такой идеальной, что не могла быть настоящей. Она его понимала, чувствовала и поддерживала. Не боялась демонской крови внутри и не осуждала за историю его семьи. Кто выдержит рядом с такой? Никто.

Он не мог не спровоцировать ее на что-то, что — он знал — добьет его окончательно.

— Не верю.

Они смотрели друг другу в глаза, словно это была схватка. Молчаливая битва. Схватив его за руку, Олеся прижала его ладонь к своему животу и направила вниз, за пояс брюк. Кое-как расстегнув их другой рукой, она повела его ладонь еще ниже.

Габор замер, возбужденный до предела. Прикосновение к ее шелковистой разгоряченной коже было подобно касанию языков пламени. Больно до помутнения рассудка, но так необходимо, чтобы согреться. Она опустила его руку к развилке между бедер, и вот он уже смог ощутит мягкие волосы.

— Потрогай, какая я влажная. Кажется, твои штаны навсегда испорчены.

Олеся вела его ладонь прямо к горячим складкам, которые оказались набухшими и буквально истекали шелковистой влагой. Да... влажная. Настолько, что его пальцы стали мокрыми и могли беспрепятственно скользить по ее плоти, лаская. Вот только он хотел еще больше. Чтобы она текла у его рта.

Олеся застонала, когда его пальцы уже самостоятельно скользнули дальше, раздвигая складочки и поглаживая между ними. Она была такой нежной мягкой и набухшей там. Он сдохнет, если не попробует ее снова. Пусть кончит ему в рот, сочась ароматной горячей влагой. Невероятная. А он и вправду стал наркоманом. Желание трахнуть узкое влагалище языком превратилось в потребность, в навязчивую идею.

Его ладонь скользнула еще дальше, обхватывая лобок. Медленно и осторожно он направил в узкое отверстие палей. Олеся застонала, откинув голову, обнажая шею для его поцелуев. Нужно прикусить бледную кожу, оставить на ней столько засосов, чтобы ни у кого и сомнения не возникло, что эта женщина занята, что она принадлежит ему. Отмечена им... Отмечена. Как заключившие сделку с демоном. Но ведь он и был отчасти им.

И он хотел сделать Олесю своей. Показать всем, что она принадлежит ему. Он добавил второй палец, вводя в нее так глубоко, как позволяло их положение. Внутри нее было невероятно. Восхитительно. Горячо и мокро. Гладкие мышцы обхватили его пальцы и сжали. Стиснули с такой силой, словно никогда не хотели отпустить.

Олеся протяжно хрипло застонала. Закусила губу, пытаясь сдержать этот самый потрясающий порочный звук на свете.

Габор совершенно обезумел. Перестал себя контролировать. Перестал осознавать, где он. Важна была только Олеся. Рядом с ним. Его женщина.

Он согнул пальцы внутри нее. Олеся тут же дернулась, насаживаясь на него еще сильнее. Он мог смотреть на нее вечно. Как она стонет от наслаждения и не находит себе места в ожидании

оргазма.

Что-то темное и страшное, что всегда жило в его душе, начало подниматься из самых глубин. Чернота хлынула наружу, вытесняя все человеческое, сметая рамки и границы. Габор чувствовал, что становится самим собой, настоящим — рядом с этой необыкновенной женщиной.

Он снова согнул пальцы внутри Олеси и слегка потянул на себя. Она громко протяжно застонала, поддаваясь ему навстречу. Ее тугие мышцы сжимали его с невероятной силой. Так, что он с трудом мог двигать ими. Но ему хотелось, чтобы так же она сжимала его язык, удерживая внутри себя. А потом и член, выжимая до капли всю сперму, которая в нем была и которую он мог ей дать.

От мыслей об этом член едва не взорвался. Габор был уверен, что яйца лопнут от попытки сдержать поток семени, который рвался в Олесю.

Обезумев, он наклонился к ее уху и с трудом прошептал:

— Скоро я растряхаю твоё узкое отверстие так, что тебе будет мало трех пальцев. Постоянно будешь умолять меня вставлять в тебя все больше и больше.

Олеся всхлипнула и почти упала на него, прижимаясь лбом к его груди. Ее горячее дыхание опалило сквозь рубашку кожу и пришлось по ней жестокой пыткой. Когда она подняла дрожащие пальцы и вцепилась в ткань, он испытал огромное желание исполнить свою угрозу прямо сейчас.

Олеся снова удивила его. Рванула в стороны полы рубашки. Стук пуговиц по полу звучал музыкой. Габор и сам не смог сдержать тяжелого жадного стога, когда она потерлась носом о его грудь. В следующую секунду ее горячий язык прочертил обжигающе влажную дорожку до сосков. Проклятье! Олеся прикусила его зубами и потянула. Он и не думал, что подобная ласка может сделать его практически невменяемым. Олеся несколько раз ударила языком по соску, пока ее горячие пальцы скользили к поясу его брюк.

Она вычертила какой-то узор на его животе, и мышцы содрогнулись прямо под ее ладонями.

В отместку за то, что творит с ним, Габор начал неторопливо двигать внутри нее пальцами, полностью покидая ее лоно и снова входя мучительно медленным движением.

Ее щеки окрашивал яркий румянец, а глаза лихорадочно блестели. Ему досталась самая красивая женщина из всех миров, сколько бы их не существовало.

Олеся двигала бедрами, пытаясь задать собственный темп, потиралась о его пальцы, но Габор не собирался давать ей такое желанное освобождение. Нет, он подведет ее к той грани, где она будет согласна на все. Где напряжение будет причинять боль. И где она сама захочет этой боли, лишь бы он позволил ей кончить.

Он хотел, чтобы она всецело принадлежало ему. Зависела от него. Чтобы ее желание было таким же неконтролируемым и диким, неутолимим, как и его.

Она тихонько хныкнула:

— Быстрее...

Габор отрицательно мотнул головой и совсем убрал пальцы.

— Ты должна это заслужить... — Не в силах сопротивляться, он поднес влажные пальцы к губам.

Глядя Олесе прямо в глаза, тщательно слизнул каждую капельку ее соков. Охренеть... Он и не осознавал, какой влажной она была. Шелковистая смазка покрывала даже его ладонь. А ее вкус... Как только они окажутся в кровати, он усадит ее себе на лицо и оттрахает языком так, что она затопит его рот. Вылижет ее всю до суха.

Габор поднес ладонь к ее губам.

— Хочешь знать, какая ты на вкус? Оближи. — Это был приказ. И то, с какой готовностью и покорностью она начала его выполнять, едва не заставило его кончить.

Габор не знал, какими усилиями ему удастся сдерживаться. Только мысль о том, что он хочет погрузиться глубоко в нее и залить ее семенем, помогала контролировать безумный огонь, охвативший все тело и разум.

Олеся несмело коснулась языком его ладони, собирая собственную влагу. Ее ресницы подрагивали, отбрасывая тени на щеки и заставляя его задерживать дыхание от такой невинной красоты. Он чувствовал себя совратителем. Но поделать ничего не мог.

Олеся слизнула влагу, покраснев еще больше, пощекотала языком центр его ладони. Искушение... Каким же искушением она была!

Габор сжал волосы на ее затылке и потянул, заставляя поднять голову и посмотреть ему в глаза.

— Нравится?

Она неуверенно кивнула.

Он снова приказал, окончательно сходя с ума от ощущения своей власти над ней:

— Вслух!

— Д-да-а-а...

Она принадлежит только ему. Он уничтожит любого, кто захочет ее отобрать. Будь то демон или человек. Неважно. Лучше никому не стоять у него на пути.

— А теперь представь, каково это будет ощущаться на вкус — когда твоя смазка смешается с моей спермой.

Жар на ее щеках и шее мог обжечь. Габор кожей чувствовал исходящее от нее пламя. Не смотря на то, что между ними происходило, на те безумства, что они разделили, он стойко ощущал, что совращает невинную и неопытную девушку. Ее отчаянный румянец говорил об этом. Но он не мог устоять и отказать себе в этом.

Искусить? Нет. Запачкать ее собой. Замарать. Покрыть своим семенем, растянуть членом, расцарапать щетиной. Отметить всеми возможными и невозможными способами.

Голос Олеси прерывался и дрожал, когда она вдруг спросила:

— Как ты это сделаешь? Как... смешает н-нашу влагу? — Каждое слово давалась ей с таким трудом. Но он чувствовал: она хочет всего этого.

Пробравшись под ее рубашку и сжав упругую грудь, Габор пообещал:

— Узнаешь. В нашу брачную ночь. Помнишь, я говорил, что здесь она обладает особым смыслом?

Олеся лишь кивнула, а он захватил набухший тугой сосок между пальцев и снова сжал ее грудь, оказывая давление на все доступные точки. Габор помнил, как Олесе нравились ласки груди, как она едва ли не кончала от них. Он заставит ее кончить от этого. Скоро. Ей понравится. Так, что она будет кричать, оглушая своими криками всю крепость. Пусть знают, что она стонет от его ласк, что принадлежит ему и только ему!

— Мы будем делать то, что навечно скрепит нас с тобой. Это будет так грязно, что каждый раз вспоминая, ты будешь сгорать от стыда. Это будет наш секрет. Который ты станешь хранить, и бояться, что однажды кто-то может узнать. Когда ты начнешь вспоминать об этом, то всегда будешь оглядываться, боясь, что другие могут понять, о чем ты думаешь... — Габор устроил большой палец на вершинке ее соска и надавил, ловля губами протяжный Олесин стон. — Но никому и в голову не придет, о чем ты вспоминаешь. Никто не сможет даже вообразить — нужно быть такими же испорченными, как мы с тобой, чтобы сделать то же самое... Хочешь узнать, что это будет?

Олеся кивнула, шумно дыша. Она прижималась грудью к его ладони, бедра вжались в его. Габор зашипел, с шумом втягивая в себя воздух. Член дернулся, едва не прорывая ткань брюк. Толстый шов впился в головку. Проклятье! Ему необходимо кончить в нее!

— Отвечай вслух.

— Да, хочу...

— Скоро узнаешь. Но вспоминая об этом, ты будешь стыдиться не только того, что мы делали... Ты будешь стыдиться того, что хочешь еще. Что хочешь продолжения. Ты начнешь фантазировать, как это будет... И к тому моменту, когда мы останемся наедине, ты станешь мокрой. Настолько, что задрав твоё платье, я увижу, как по твоим бедрам течет смазка. Так много, что я смогу пить... Я наполню ею кубок... Запомни мои слова и думай о них. Кубок, твоя влага и наш вкус.

Ногти Олеси впились в его живот, царапая до крови. И в этом тоже было что-то сводящее с ума. Через ткань она накрыла его ладонь, сжимающую ее грудь.

— Погладь меня еще...

Габор послушно сжал между пальцев сосок, потом наклонился и обхватил прямо через ткань тугую

вершинку. Ее сосок был таким твердым, словно камешек. И горячим...

— Что я за это получу? — Он несколько раз облизал сосок через ткань, смачивая его так, что на рубашке появилось темное влажное пятно.

— А что ты хочешь? — Олеся шумно дышала, потерявшись в наслаждении так же, как и он.

Габор понял, что мог бы растягивать эту пытку часами. Гребаные сутки! Пока оба не сорвутся в бездну безумия. Он и хотел, чтобы было так. Довести их обоих до той точки, когда они обезумят от похоти и набросятся друг на друга, как два животных, одержимых инстинктом спаривания. Самец со своей самкой.

Наверное, Олеся пришла бы в ужас, узнай, о чем он думает. Но ему ни капли не было стыдно.

— Так чего ты хочешь? — Звук ее голоса заставил его вздрогнуть. Волна жара прошла по телу, измученному едва сдерживаемой похотью.

— Отсоси у меня. Возьми в горло. Так глубоко, как сможешь.

Олеся сверкнула на него глазами:

— Ты же знаешь, что я не смогу...

Сладкая уступчивая девочка. Он сделает для нее все. Только бы она не узнала, какой властью над ним обладает.

— Я тебе помогу. Когда ты возьмешь мой член в рот, я сам вгоню его в тебе горло и буду держать там, пока ты не привыкнешь. — Она закусил губу, а взгляд совсем поплыл. — Тебя ведь это заводит, да? Мысли о том, как я буду натягивать твой рот на свой член, как буду трахать тебя в горло, пока ты не начнешь захлебываться...

— Перестань!

Она задрожала, сжимая бедра. На лице появилась гримаса брови. От испарины кожа заблестела, словно покрытая тонкой изморозью.

Габор быстро убрал руку от ее груди и надавил Олесе на плечи, заставляя опуститься на колени:

— Не вздумай кончать. Только когда я разрешу! — Он поставил Олесю на колени и приподнял ее подбородок. — Ты слышишь меня? Только. Когда. Я. Позволю. Сначала будешь сосать.

Олеся кивнула и с готовностью принялась расстегивать его брюки. Габор тихо зарычал, не в силах сдержаться. Бедра рванули вперед. Едва он ощутил, как пальцы Олеси, через ткань, коснулись окаменевшей плоти, остатки разума испарились. Едва Олеся справилась с пуговицами и приспустила брюки вниз, член вырвался на свободу и качнулся к ней, прямо к пухлым алым губам.

Габор обхватил ствол рукой, пытаясь удержать себя от рывка в ее рот. Тогда все закончится через секунду. Он даже наполовину не успеет в нее погрузиться. Не выдержит.

— Открой рот. — Голос напоминал звериное рычание. И когда Олеся послушалась, разомкнув губы, Габор как никогда явно ощутил себя обезумевшим демоном, одержимым только одним: жаждой крови. Только ему нужна была не кровь. Он был одержим Олесей. Нуждался в ней. Так, словно она была его кислородом, его сердцем, его душой.

Габор провел потемневшей от притока крови головкой по ее губам.

— Шире! — И снова она послушалась. Тонкие пальцы вцепились в его бедра, и Габор пожалел лишь о том, что она не ранит его ногтями до крови.

— Смочи головку. — Олеся вопросительно посмотрела на него, а потом легко пробежала языком, обводя по кругу несколько раз.

Горячо, влажно, невероятно... Пришлось едва не до боли сжать основание ствола, чтобы не кончить. Он уже с трудом дышал. Набрякшие вены опутали член, доводя до темноты перед глазами.

— Сильнее. Больше слюны. — Олеся выдохнула горячий воздух прямо на его плоть. Как огненный ветер прошелся по чувствительной коже. — Не бойся. Плюнь на нее.

Она осторожно слизнула капли его смени, сочащиеся из щели, и выпустила через губы ниточку белой слюны.

Он точно свихнется. Все самый яркие фантазии, воплотившиеся в реальность.

— Размажь по головке...

Олеся начала облизывать член, пока он не заблестел от ее горячей слюны. Из щели снова показалось несколько капель, а яйца стали еще тяжелее. Долго он не продержится. Олеся со старанием примерной ученицы выполняла все его указания, а Габор не понимал, от чего улетает больше: от ее вида или от ощущения, которые она дарит.

Направляя ствол, он снова провел членом по ее губам. Олеся попыталась поймать головку, но он не дал, легонько ударив ее по подбородку, а затем по щеке. Она застонала, наполняя коридор самым потрясающим звуком на земле.

Совсем обезумев, Габор снова приказал:

— Держи рот открытым. Не закрывай. Иначе... будешь наказана. — Он улыбнулся удивленному выражению на ее лице. Удивленному и... любопытному.

Шире разомкнув губы, Олеся заглянула ему в глаза.

— Высуни язык.

И снова она послушалась. Он собирался кончить именно так, погрузившись в ее рот, наполнив его спермой, чтобы стекала по ее розовому горячему язычку, который один был способен лишить его остатков разума.

Но не удержался. Несколько раз провел членом по ее губам, а потом ударил горячим стволом по щеке, оставляя влажный блестящий след. Олеся вздрогнула, прикрыла глаза и застонала. Он повторил.

Олеся неожиданно царапнула ногтями кожу прямо над членом. Извиваясь всем телом, она попросила:

— Сделай так еще... Так грубо, как тебе хочется. Я же знаю... — Она пронзила его ярким голубым взглядом. — Знаю, что тебе хочется... Не сдерживайся со мной... Делай, как хочешь...

Это окончательно сорвало все запреты. Зажав основание ствола в руке, Габор начал хлестать Олеся членом по щекам, покрывая нежную кожу ее же слюной и собственной спермой. Олеся стонала и ловила губами его головку, старалась приласкать языком, пока он снова не начинал ударять каменно-твердой плотью по ее лицу, оставляя порочно-горячие пощечины. Пальцы Олеси сжали его мошонку, потянули и начали ласкать кожу.

Габор зарычал, направляя член так глубоко в рот Олеси, как только мог. От неожиданности она задохнулась и закашлялась. Горло сжалось вокруг его головки, принося почти извращенное болезненно-сладкое удовольствие. Да, вот так это и должно быть. Только так.

— О, Великие Небеса! Что здесь происходит?! Господарь Батъяни?! Как это все понимать?

Габор распахнул глаза, даже не осознавая, что закрыл их от наслаждения. Чужой, до омерзения отвратительный голос, ворвался в его удовольствие, мешая насладиться сполна.

Он сфокусировал взгляд. В противоположном конце коридора стояла... Принцесса, мать ее! Какого демона она здесь делает?!

Олеся отодвинулась, выпуская его член из рта, нахмурилась, и попробовала обернуться. Но Габор положил ладонь на ее затылок, удерживая на месте. Все тело горело в огне. Наслаждение плескалось под кожей, грозя обернуться пожаром, который оставит лишь пепел.

Он не позволит таскающейся по его замку дуре видеть Олеся, ее перепачканное его спермой лицо и перепуганные глаза. Их взгляды встретились. Она так потерянно смотрела на него. Сладкая страстная девочка...

С трудом ворочая языком, Габор как можно равнодушнее выговорил:

— Ваше Высочество. Советую вам вернуться к отцу. Мы заняты.

— Да уж! Я вижу! Это... это... это же невозможно! Вот, значит, в какой вы поездке?! С какой-то падшей женщиной?! Когда я вас жду! То есть, отец... Отец вас ждет!

Ну, все, хватит. Он не позволит какой-то идиотке его отчитывать.

— Когда я говорил, что советую вам вернуться, я имел в виду, что вы должны выйти вон отсюда! — Он рывкнул так громко, что эхо его голоса отразилось от стен.

Теплые пальцы легкой лаской прошли по животу. Габор посмотрел на Олесю. Ее руки дрожали, пока она застегивала его брюки.

— Вот еще! Вы не смеете так со мной разговаривать! Мой отец ждет вас, пока вы занимаетесь тут... всякими непотребствами! Я никуда не уйду, пока вы не выбросите отсюда эту шлюху, и не пойдете со мной.

Голос истерички перешел на визг. После соблазнительных стонов Олеси, этот звук пилил размягченный страстью мозг. Но как только смысл ее слов дошел до его сознания, возбуждение начало трансформироваться в дикую ярость.

Он открыл рот, собираясь приказать мерзавке извиниться перед Олесей, но она его опередила.

Все еще стоя на коленях и не оборачиваясь, томным голосом Олеся протянула:

— Возможно, Ее Высочеству нравится наблюдать за тем, как другие женщины ублажают своих мужчин?..

Тишина, последовавшая за этими словами, казалась абсолютной. Габор едва не расхохотался. Ему хотелось запрокинуть голову и дико рассмеяться. Олеся ни на кого не была похожа. Она казалась сильной. Очень сильной. Так смело с ним спорила, сопротивлялась, дерзила!

Но на самом деле, она была ранимой. Беззащитной. Слабой и хрупкой. И он обязан был ее защитить. От любой угрозы.

Запутавшись пальцами в ее волосах, Габор сжал Олесин затылок, не позволяя ей отстраниться от себя.

— Никому не позволено оскорблять госпожу Баттьяни. Вы в моем замке и будете подчиняться моим правилам. Извинитесь немедленно. — И, выплюнув, добавил: — Ваше Высочество.

— Что-о-о?! Я не собираюсь...

— Немедленно!

— Я пожалуйюсь отцу... Он... Он... казнит вас! — Принцесса развернулась и вихрем вылетела из коридора.

Габор сжал Олесин подбородок, поднимая ее встревоженно лицо к себе:

— Она извинится перед вами, моя госпожа. Сегодня же...

Олеся поднялась на ноги, снова закусив губу. На этот раз от переживаний. Габор все бы отдал, чтобы вернуть на ее лицо страсть.

— Зря ты так с ней... Теперь она пожалуется отцу. Королю!

— Тебе нечего бояться. — Он обхватил ладонью ее шею и погладил большим пальцем припухшие губы. — Я со всем разберусь.

— Не нужно было бросаться на тебя... — В ее глазах блеснули слезы. — Я во всем виновата. Просто не могла сдержаться. Ты так пахнешь, что у меня голова кружится. Как будто я пьяная. Хочется дышать тобой вечно.

Древние боги, если вы слышите, дайте сил. Никто и никогда не говорил ему таких слов. Как Олесе удавалось действовать на него так? Он не понимал. Это было оружие, против которого он не знал, как выстоять. Да и не хотел.

— Скоро все в этой крепости, в затем и в Бергандии узнают, что ты моя. И мне плевать, что кто-то мог увидеть нас двоих. Никто не сможет отнять тебя у меня. Ни демоны, ни тем более, король. Я уничтожу всех. Ты должна понимать, что это не пустые слова. — Габор надавил на центр ее нижней губы, ощущая нежную мягкость.

Он никогда не давал обещаний, которые не мог исполнить. Он вообще никогда и ничего никому не обещал. Это было одно из первых правил, которое отец заставил его усвоить. Господарь не может позволить себе не оправдать чьих-то надежд. Если ты пообещал, сдохни, но исполни. Гораздо легче жить, никому ничего не суля. Просто делаешь то, что должен. Молча.

Но Олеся, похоже, гораздо охотнее верила его словам, чем поступкам. А значит, он должен как можно скорее решить вопрос с королем. Чтобы уже на празднике показать всем, что она под его покровительством.

— Сейчас мы поступим так: ты отправишься обратно к портнихе и закажешь самое красивое и богатое платье, какое только сможешь придумать. А я поговорю с королем. Поняла?

Олеся кивнула и слабо улыбнулась. А он заставил себя вытащить платок и стереть с ее лица следы того, что они только что творили. Даже не думал, что будет ощущать себя так хреново. Своими же руками стирает с нее метки ее принадлежности ему. И вправду гребаный демон!

Олеся неожиданно призналась:

— Я сбежала от портнихи. Наврала, что хотела посоветоваться с Адрианной. Но на самом деле, хотела спросить тебя, какой наряд мне выбрать.

Нутро наполнилось теплом. И еще чем-то таким, названия чему он не знал. Может, это и было счастье, о котором столько твердила его глуповатая мечтательная сестра? Он всегда думал, что для него ничего подобного не существует. На его долю отмерена ответственность, забота о семье и о своем роде, преумножение и так несчетных богатств и борьба с демонами.

Но вот перед ним стоит женщина, из-за которой он не может нормально дышать. Она пробралась в его разум. Завладела душой. И подчинила себе его тело.

С ней он мечтал о будущем. О семье. О жизни. А он не был из тех, кто мечтает. Никогда в жизни не тратил на это время.

До встречи с Олесей.

— Ты можешь выбрать любое платье. Не думай о деньгах. — Почему-то ему казалось — это единственное, что может ее заботить.

Но Олеся, похоже, решила окончательно добить его:

— Если бы я боялась тебя разорить, то пошла бы в этом. — Она дернула себя за рубашку. — Я хочу нравиться тебе.

— Ты нравишься мне. Любой. Лучше всего голой. — Габор оставил легкий поцелуй на ее виске. — После свадьбы не буду выпускать из нашей спальни и не позволю одеваться. — От этой мысли так и неудовлетворенное возбуждение окончательно превратилось в боль.

Олеся бросила на него раздраженный взгляд:

— Неужели так сложно сказать, в чем бы ты хотел меня увидеть? Здесь все чужое. Госпожа Карола показала мне ваши традиционные платья, а для меня они отличаются только степенью уродства.

Даже если бы захотел, Габор не смог бы объяснить Олесе, насколько для него важно слышать эти слова. Она хочет нравиться ему. Хочет выбрать то, что привлекло бы его. Готова пожертвовать собственным удобством и желаниями.

Габор наклонился и прошептал Олесе на ухо:

— Я бы очень не хотел, чтобы другие мужчины увидели, какая ты красивая, и глазели на тебя. Но твоё платье должно быть таким, чтобы я кончил, едва тебя увидев. Сможешь придумать такой наряд?

Олеся облизнула губы, и Габор едва сдержал стон. Ему требовалось закончить то, что они начали.

— Думаю, что смогу...

— Уверена? — Он настороженно следил за движениями ее языка, сходя с ума уже только от этого.

— Хочешь со мной поспорить? — Олеся быстро обернулась. Наверное, хотела убедиться, что их никто не подслушивает.

— А ты азартная... Что ж, давай поспорим. Какая ставка? — Габор еще никогда не ощущал такого азарта и желания жить.

— Проигравший исполняет любое желание победителя. — Олеся задиристо вздернула подбородок, и Габор не смог сдержать смехок.

— В деревне ты сказала, что я могу надеть на тебя кляп... и что ты будешь сопротивляться.

Олеся моментально насторожилась. Словно маленькая лисичка, остановившаяся в шаге от ловушки.

— Правда? Я... я не помню...

Но Габор не собирался отпускать свою жертву и позволять ей уходить.

— Зато я помню. Об этом и будет мое желание.

— Ты еще не выиграл.

— Ну так и не позволь мне этого сделать. Возвращайся и придумывай платье. А я разберусь с королем и его любопытной дочерью.

Олеся неожиданно обняла его, вжимаясь всем своим хрупким телом. Они настолько идеально подходили друг другу, словно были слеплены из одного куска глины, который неосторожный гончар разбил на две части. И вот теперь они снова вместе. Снова стали единым целым, безошибочно совместив отколотые части.

Габор сжал Олесю в жесткой хватке, вдыхая аромат ее волос, подпитываясь ее нежным искушающим теплом. Нет, он не отдаст ее. Никогда.

— Будь осторожен с ним... Он уже наверняка все знает. Потому что если с тобой что-то случится, я... — Она посмотрела на него ярким, прошивающим насквозь взглядом. Стальная игла с шершавой ниткой вонзилась в душу и начала, стежок за стежком, пришивать его к ней. — ...я не выдержу. Теперь я уже и не знаю, как жила без тебя.

Ее признание было узлом на проклятой нитке. Намертво завязала его кишки, превратив в одного из слабаков, зависимых от своих женщин. Раньше он таких презирал. Теперь же не желал для себя иного.

— Я всегда буду рядом. — Габор нежно поцеловал Олесю в лоб. — Ты моя. Я сделаю все, чтобы тебя защитить. Иди, выбирай наряд. Когда все решу, я вернусь к тебе.

Глава 29

Если времени на раздумья не оставалось, а решение нужно было принять немедленно, он принимал его. Он видел перед собой множество путей и выбирал тот, который должен был привести к цели с наименьшими потерями. А потом просто шел по этому пути, делая все, чтобы получить желаемое. И неважно, сколько трупов ляжет на его дороге. Неважно, сколько крови придется пролить. Нужно просто идти и не тратить время на сомнения.

Его Величество Гергард был хитрым подлым вырожденком. Ради того, чтобы удержать власть в своих руках, он был способен на многое, и Габор это прекрасно знал. Но в его жизни впервые появилось то, за что он хотел бороться. То, что наполняло смыслом его отравленное кровью Крампуса существование. Поэтому он готов был идти напролом. Даже если придется заколоть жирного ублюдка в своем же замке.

Габор сидел напротив короля, превратив свое лицо в маску. Никаких эмоций и чувств. Никаких переживаний. Это искусство он освоил уже очень давно. Поразительно, но только Олесе удавалось легко выводить его на эмоции и рушить самообладание. Что бы она ни делала. С королем же изображать из себя каменное изваяние было привычно легко. Особенно, когда от этого зависело их с Олесей будущее.

От мыслей о ней снова стало жарко. Захотелось улыбнуться и сглотнуть вязкую слюну жажды. Но он сдержался. Сейчас нужна трезвая голова. Если он правильно разыграет свои карты, то уже сегодня вечером Олеса будет полностью принадлежать ему. А для этого рассудок должен оставаться холодным.

В памяти внезапно всплыли строчки из сказки...

Едва солнце закатилось за горизонт, как Крампус выбрался из своей пещеры и отправился в деревню. Нынче он придумал замечательное развлечение и собирался хорошенько повеселиться. Он заставит мерзких людишек поубивать друг друга со страху!

Но для начала преподнесет им подарочек...

Крампус тащил за собой тяжелые, груженные телами сани, и иногда оглядывался, чтобы полюбоваться на кровавый след.

Да, это будет чудесное развлечение. Может, разбросать посиневшие тела на главной площади? Али же оставить так? Прямо возле колодца... Хм-м-м, колодец...

Крампус потащил сани дальше. Двери всех домов были заперты на замки, а ставни на окнах плотно закрыты. Он мог вольготно бродить по узким улочкам и посмеиваться над глупыми деревенщинами.

Крампус добрал до колодца, скинул грязные тряпки с саней и принялся забрасывать изувеченные тела в колодец. Холодные, посиневшие, с темной коркой запекшейся крови — красота... А были и посвежее. Кровь еще сочилась из ран и падала на снег яркими вязкими сгустками.

Да-а-а... Морозный Дед таких подарочков не принесет. Крампус захохотал и струсил с ладоней золу из преисподней. Кто себя плохо вел, тот получит от него в подарок кусочек угля. Эти вели себя ужасно. Думали, что справятся с ним.

Крампус собрался уже было обратно, как заметил огонек. Странно-странно... Все людишки ведь попрятались. Так кто осмелился зажечь свечу в своем домишке и привлечь его внимание?

Король демонов бросил сани и быстро добежал до яркого огня. Какая-то лавка со скрипучей вывеской. Все ставни заперты, двери закрыты, а на чердаке-то окошко светится.

Тихо Крампус забрался на крышу и заглянул в открытое окно. Ну вы поглядите! Не все попрятались и дрожат в ужасе. Не все трясутся перед ним. Совсем о страхе забыли — кричат и стонут на узкой кровати. Потные, дышат тяжело — не холодно им, значит. А девка-то красавица какая... Кожа белая, волосы длинные, как сама ночь. Блестят, черными змеями по плечам расползаются.

Такая и Крампусу пригодилась бы. С ним бы повеселее было. Вопила бы на всю деревню. И все равно, что от страха...

— Смотрю, ты решил проводить Старый год с размахом. — Король хохотнул и принялся разглаживать складки на халате. — Даже в Ибранье так не готовятся, как здесь.

— Вы преувеличиваете, Ваше Величество.

На лице короля мелькнуло недовольство. Не такого ответа он ожидал, и Габор это видел. Он мог бы наперед пересказать их беседу. Что будет говорить король, и что сам Габор ДОЛЖЕН будет ему отвечать. Но сейчас все намного сложнее и важнее, чем обычный разговор.

— Ты же меня знаешь. Я зазря не хвалю. Генриетта уже все уши мне прожужжала о том, что прежде такого не видела. Не может дожидаться праздника.

Разговор о дочери был затеян не зря — Габор чувствовал.

— Я буду рад, если праздник в Дьекельни запомнится вам и вашей семье, Ваше Величество.

— Давай уже по простому. Мы не при дворе. — Гергард откинулся на спинку кресла, демонстрируя расслабленность.

Но от Габора не укрылось дергающееся веко и напряженно сцепленные пальцы.

— Давненько мы вот так с тобой не сидели. По семейному.

— Своим визитом вы оказали большую честь моему роду, Ваше Величество.

— Да что ты все заладил «Ваше Величество»? У тебя в гостях твой дядя, а не король. — В голосе Гергарда отчетливо слышалось раздражение. И напряжение.

Габор склонил голову:

— Прежде всего вы — мой король. А уже после этого — родственник. И мы оба знаем, что я не имею никаких прав на это родство.

Король хмыкнул:

— Всем известно, что твоя мать — моя сестра. Да, единокровная. Да, незаконнорожденная. Но сестра. Она никогда не стыдилась обстоятельств своего рождения. Не стыдись и ты.

Габор видел, что король расставляет вокруг него ловушку. Нужно было лишь осторожно обойти ее.

— Я не мог мечтать о лучших родителях.

— Тебе действительно повезло. В тебе слились два сильнейших рода. Сын дракона и ворона. Свирепость, мощь и мудрость. Мало кто не завидует роду Баттьяни. Тебе. Твоему влиянию. Твоим богатствам.

— Это заслуга моих предков.

— Не скромничай, мальчик мой. И ты, и я прекрасно знаем, сколько ты трудился и как приумножил свое состояние. Должно быть, ты уже стал богаче меня. — Король снова хохотнул, но в этом звуке слышалась лишь мрачная решимость и угроза.

Габор знал: они подошли к самому важному. К тому, ради чего и затевался весь разговор.

— Молва склонна преувеличивать. — Габор говорил отстраненно и холодно, чувствуя, как напряжение сковывает каждую мышцу.

— Молва так же любит разносить сплетни о короле и его дворе. Ты знаешь, я никогда не игнорировал свой народ. Возможно, я был не лучшим правителем, но всегда прислушивался к простым людям.

Габор едва не хмыкнул. Прислушивался... Наводнил доносчиками всю Бергандию и бросал в темницы всех недовольных своим правлением. Нет, он не осуждал короля. Проклятье, да он сам когда-то это предложил! Потому что это было разумно: подавить недовольство в зачатке. Но всем рот не заткнешь. Люди будут лишь более осторожными и изобретательными. Гергард этого не понимал.

— Так вот они тебя любят, Габор. Я тут послушал, что говорят мои... министры о тебе. Оказывается, ты взял на себя большинство разорительных и ненужных для казны трат вроде строительства приютов для этих грязных беспризорников или лечебниц для нищих... Так давно никто не приходил выпрашивать у меня деньги на них, что я и позабыл об их существовании. Но кто бы мог подумать, что народ после этого посчитает тебя героем...

Габор сжал челюсти. Министры? Доносчики, которых Гергард послал шпионить за ним. Стоило немалых усилий вычислить их, а потом подsunуть то, что они должны были преподнести королю, как «важные сведения».

— Я лишь стараюсь поддерживать репутацию своей семьи. Мать не простила бы меня, оставь я без попечения монастыри и лечебницы, за которыми она... приглядывала.

— Ох, моя дорогая сестра... Она всегда делала то, что требовали приличия. Не более. Тебя ведь никто не просил устраивать морскую академию после того пожара. А навигационная школа... Я туда заехал по пути сюда. Нужно сказать, ты постарался на славу. Она едва ли не больше, чем мой дворец.

Габор растянул губы в фальшивой улыбке:

— Вы преувеличиваете, Ваше Величество. Да и кто будет служить на наших кораблях, если морякам нигде будет учиться?

— На твоих кораблях, ты хочешь сказать? Я видел в гавани «Пламя дракона». Признаю, этот корабль смог бы возглавить наш флот.

— «Пламя» — торговый корабль. Боюсь, нашему флоту не будет от него никакой пользы. Но я буду рад служить Бергандии, если возникнет... такая необходимость.

Король рассмеялся. Но слишком уж нервно и даже зло:

— Если так выглядит твой торговый корабль, то боюсь даже представить, каковы же военные. Я слышал, у тебя их еще три... — Гергард вперил в Габора свой едкий водянистый взгляд.

— Все торговые, Ваше Величество. — Габор ответил улыбкой.

На самом деле у него было семь кораблей, не считая «Пламени дракона». Но все они были хорошо скрыты от короля и тех, кто мог заинтересоваться его делами.

— Хитрец, ох, хитре-е-ец... Но таким и должен быть настоящий король. — Гергард вдруг стал серьезным. Уставился на Габора немигающим взглядом. — А знаешь, ведь по сути, ты делаешь то, что и должен делать король. Народ тебя любит. Мало того, что меценат, так еще и борец с демонами. Ты для них герой. Чего не скажешь о моем сыне.

Они еще на шаг приблизились к самому главному. Габор внутренне напрягся, готовый в любой момент отразить удар. Гергард никогда не просил. Он приказывал. Чаще всего, лишая права выбора. Он угрожал, шантажировал, но всегда вынуждал делать то, что ему было нужно. Вполне возможно, что у него уже было какое-то оружие против Габора. А может, он хотел сыграть на его честолюбии. И сейчас Габор молился о втором.

Он столько лет потратил на то, чтобы не скрыть — уничтожить все слабые места своего рода, что сейчас просто не имел права на ошибку.

— Его Высочество еще слишком молод. Но вы научите его всему, что нужно знать королю. А Великие Рода помогут ему править.

Король презрительно фыркнул:

— Мой сын — слабак, и все это прекрасно знают. О нем шепчутся в закоулках дворца и обсмеивают в тавернах. Невозможно представить более жалкого правителя. Я не могу оставить королевство ему. Как только я умру, а он взойдет на престол, его тут же свергнут. Он не сможет постоять за себя. Опозорит наш род. Он не сможет защитить Генриетту. Но вот ты — другое дело. Ты достоин стать королем. Ты сможешь вознести Род Дракона и Род Ворона на небывалую высоту. И ты — мой племянник. У тебя есть все основания занять престол. Конечно, не сразу. Сначала придется взойти моему сыну.

Габор еще никогда так тщательно не подбирал слова. Проклятые слова! От них теперь зависела жизнь. Не его — Олеси. Он ненавидел слова. Ненавидел говорить. Но сейчас только они были его оружием.

— Это огромная честь, Ваше Величество...

Гергард перебил его:

— Оставь! Сейчас я говорю с тобой, как со своим преемником, а не с подданным. Я все продумал. Если сделаем так, как я сейчас скажу, власть останется в наших руках еще долгие годы.

— Я ценю ваше доверие. Но, боюсь, не смогу быть достойным такой чести.

— Прекрати! Только ты и достоин. Бергандии нужен хитрый и сильный король, которого любит народ. И ты именно такой. За тобой люди пойдут, куда угодно! Ты их герой. А моя дочь будет достойной тебя королевой. Поверь, она спит и видит, как станет твоей женой. Это то, что сделает

вашу власть абсолютной. Красавица-жена, молодая и влюбленная. Самоотверженный король, способный и миловать, и казнить. Людям нужно это. Брак, заключенный по любви между принцессой и ее подданным. Никто не посмеет поднять восстание или свергнуть вас. Генриетта — красавица, а красоте прощается многое. Да, она несколько... избалованна и легкомысленна. Но ты сможешь ее обуздать.

Габор отмерял слова, как лекарь травы для своих порошков. Тщательно и скрупулезно. Одна ошибка, и все потеряно.

— Увы, но я не смогу оправдать ваше доверие, и тем более стать достойным супругом для госпожи Генриетты.

— Габор... Буду честен с тобой. Генриетта мне рассказала, что стала свидетельницей весьма пикантной сцены. Поверь, так ее не занимал еще ни один вопрос. — Король усмехнулся. — Ты сумел ее заинтересовать, как ни один из учителей. Последние полчаса я только и слышал вопросы о том, «как такое вообще возможно» и «что такого делала эта шлюха, что господарь Габор едва не умер». Я даже позавидовал. Не поделишься этой прелестью?

Габор стиснул зубы. Желание прямо пальцами разодрать грудь старого мудака и вынуть оттуда сердце затмило разум. Ублюдок проживет еще пару секунд — достаточно, чтобы почувствовать, как Габор запихнет его сердце ему же в глотку.

Взять себя в руки стоило огромных усилий. Но Габор заставил себя оставаться внешне спокойным. Даже удивительно, как легко это оказалось. Мать и отец вбили в него это на уровне инстинктов. Скорее рефлексов.

Он переиграет ублюдка.

— Не поделюсь, Ваше Величество.

— Габор, я тебя понимаю. В некотором роде. Возможно, ты чувствуешь себя неловко из-за этой сцены. Могу только догадываться, что там произошло. — Снова скабресный смешок. — Я буду с тобой откровенным. Ты — взрослый опытный мужчина. Она — избалованный ребенок. Да, у нее много поклонников, но вряд ли она понимает, что происходит между мужчиной и женщиной. Ты сможешь ее... хм... просветить. К тому же, я прекрасно понимаю, время от времени тебе нужно будет отвлекаться. Конечно, у тебя может быть фаворитка. И я уверен, будет. Но постарайся сохранить хотя бы видимость приличия. Королю это простительно. Тем более, хорошему королю, каким ты будешь.

Спокойным и ровным голосом Габор проговорил:

— Я всегда был предан вам, Ваше Величество. И всегда буду. Но в этот раз не смогу исполнить вашу волю. — Габор выдержал короткую паузу. — Я уже женат.

— Что-о-о? Это какая-то шутка? Решил разыграть меня? Или поломаться, как целка, чтобы набить себе цену?!

Так же спокойно Габор продолжил:

— Свадьба была тайной. У рода Баттьяни много врагов. Чтобы моей невесте ничего не угрожало, пришлось пойти на эти меры. В коридоре госпожа Генриетта видела меня... — Габор снова сделал паузу, прежде чем добавить: — ...И мою жену. Думаю ни вы, ни Ее Высочество не хотели ее оскорбить подобными высказываниями. — Габор в упор взглянул на короля.

Лицо Гергарда багровело. Габор даже понадеялся, что ублюдок задохнется.

— Какая еще тайная свадьба? — Гергард вскочил на ноги и начал метаться из стороны в сторону. — Ты в своем уме? Когда она состоялась? Где?! Глава рода не может жениться тайно! Да еще неизвестно на ком! Кто она вообще такая?! — Брызжа слюной, король остановился перед Габором и снова прохрипел: — Кто? Она?

— Я пока не смогу сказать. Даже вам, Ваше Величество. Вы должны меня понять.

— Что-о-о?! Понять тебя?! Тайная свадьба! У тебя!

Габор сохранял невозмутимость.

— Официальная церемония состоится после Проводов Старого года. В Ибранье. Мы соблюдем все традиции.

Король остановился. Он безумно вращал глазами и дергал себя за редкие волосы, которые теперь торчали седыми клочками.

— Не может быть, чтобы это нельзя было исправить. Не может быть... Где вы поженились?

Габор спокойно ответил:

— В семейной часовне.

— Нет... От нее нужно избавиться... Свадьба была тайной! — На лице Гергарда появилось совершенно безумное выражение. — Избавься от этой девицы. Заплати ей за молчание. Брось в казематы. Да что угодно! Нет свидетелей — нет и свадьбы. Ты сможешь взять в жены мою дочь.

Габор вздернул брови. Он ожидал, что король придет в бешенство. Но что начнет предлагать подобное...

— Наша свадьба прошла по всем законам. С соблюдением всех традиций и обычаев. Моя жена стала частью моего рода. Ваши слова звучат оскорбительно.

Гергард еще сильнее выпучил глаза:

— Я собирался сделать тебя королем. Какая-то девка не помешает этому! Кто она?! Наследница Кветош? Или дочка Вильмоша? Я всегда знал, что он хочет меня свергнуть... Подсунул тебе свое уродливое отродье, чтобы объединить два рода... А ты согласился... Согласился... Решил предать меня.

Габор прищурился, следя за каждым движением короля. Сейчас. Он должен ударить сейчас. Но так, чтобы король этого даже не понял. По началу...

— Я всегда был предан вам. И вы это знаете, Ваше Величество. Моя жена не имеет никакого отношения ни к роду Кветош, ни к роду Хегажей.

— А раз так, тогда ты должен избавиться от нее! Не хочешь сам марать руки, я позабочусь об этом!

— Ваше Величество... — Габор не менял позы. — Я готов служить вам. Служить Бергандии. Но сейчас вы говорите о моей жене. О части рода Баттьяни. Это оскорбление. И угроза моей семье.

— Что-о-о-о-о?! — Голос короля сорвался на визг. — Я собирался сделать тебя королем! Я посвятил тебя в свои планы. Ты... ты только что совершил государственную измену!

Габор соединил кончики пальцев, расслабившись в кресле. А вот теперь его ход.

— Ваше Величество, прошу вас, успокойтесь... Присядьте...

— Да как ты смеешь?! Я сейчас же прикажу взять тебя под стражу, а в Ибранье тебя вздернут на виселице. — Они оба понимали, как абсурдно это звучит, но короля уже было не остановить. — Я лишу твой род всего. Всего! В пользу страны, которую ты предал и...

Габор резко приказал:

— Сядьте!

Его голос повис в наступившей тишине. Король действительно опустился в кресло, тяжело дыша и багровея еще сильнее.

Габор чуть подался вперед:

— А теперь буду говорить я. — Габор плеснул в бокал вина и сунул в трясущиеся руки короля. — Выпейте.

— Ты что творишь, щенок?

Габор усмехнулся:

— Пейте-пейте. За будущего короля Бергандии. — На этих словах король начал глотать ртом воздух, напоминая выброшенную на берег рыбу. С улыбкой Габор продолжил: — За вашего сына. Я думаю, он будет достойным королем. А я, как его советник, конечно, неофициальный, ему в этом помогу.

Галаза короля полезли из глазниц.

— Ч-что? Ты в своем уме?!

— Пару минут назад вы хотели сделать меня своим преемником и королем. Не думаю, что вы оказали бы эту честь... безумцу. — А он ведь и вправду обезумел. Сошел с ума. Заболел Олесей. Неизлечимо.

— Забудь! Тебе не быть королем! Род Баттьяни закончится на тебе. — Король захрипел, сдавливая тонкий бокал и делая жадные шумные глотки.

Габор пожал плечами:

— Я всегда считал вас... мудрым правителем. Неразумно говорить такие вещи в замке своего врага и изменника. Неразумно говорить это, угощаясь вином, в котором может быть что угодно... — Улыбка Габора стала еще шире, когда в глазах короля отразился дикий ужас.

Он закашлялся, по подбородку побежала слюна.

Хватаясь за горло, Гергард проскрежетал:

— Ты не посмеешь...

— Конечно, нет. Вам еще править и править. — Габор снова наполнил бокал короля, который застыл, словно окоченел.

— Ты угрожаешь мне... Это измена. Заговор! Вздумал перехватить власть? Учти, на мое предложение был только один ответ — согласие. Ты только что предал меня и Бергандию. Наказание за это — смерть. — Белки его глаз покраснели.

Габор почти ждал, что из глаз короля брызнет кровь.

— Ваше Величество... Вы гостите в моем замке. С кучкой воинов... Большинство из которых сейчас расположились на кухне и пробуют нашу лучшую медовуху. О вашем приезде сюда знают лишь самые доверенные. Но даже им неизвестно доехали вы до Дьекельни или нет. В последнее время демоны снова начали вылезать из своих пещер...

— Ты сейчас угрожаешь мне? Мне?! Королю?!

— Нет, что вы? — Габор опять улыбнулся. — Я веду разговор со своим любимым дядей. Который... попросил меня помочь его сыну разобраться в тонкостях управления Бергандией. И с удовольствием приму ваше предложение стать его наставником. Более того, когда он взойдет на престол, я согласен прикрывать его спину и помогать советом.

Гергард зло ухмыльнулся:

— Решил стать кукловодом? Управлять моим сыном, как марионеткой?

— Помогать. Направлять. Не более.

— Никогда! Ты будешь отлучен от двора...

Габор перебил:

— Думаю, что смогу пережить это. Но как воспримут мое отлучение подданные Бергандии?

— Ублюдок... Я заставлю тебя отречься...

— В случае несчастья с любым членом моего рода верные мне люди примут... меры. Гораздо более жесткие, чем... переворот.

— Ты... ты угрожаешь мне? — В очередной раз заданный вопрос теперь звучал иначе. Лицо короля стало фиолетовым. Он пытался демонстрировать гнев, но Габор видел в глубине его глаз страх. Страх от того, что сам же вложил в руки Габора оружие.

Габор проигнорировал вопрос и продолжил:

— Вы подпишите указ о назначении моего зятя, Драгана, на пост министра торгового дела, как внутри страны, так и с нашими соседями. А так же напишите письмо, в котором возьмете на себя ответственность за любой... несчастный случай, который может произойти с членами моего рода. Вы поставите свою подпись и свою печать. Ваша дочь так же распишется.

— Ты обезумел, если думаешь, что я на это пойду.

Габор улыбнулся:

— За этими стенами ждут мои воины. Может, они смогут вас убедить? — Габор подался вперед: — Вы ведь хотели именно этого, дорогой дядя. Чтобы я правил. Я предлагаю вам гораздо более выгодные для вас и вашего рода условия. Власть сохранится в ваших руках. И в руках вашего сына. А я помогу. Не безвозмездно, конечно. Но помогу. И даже посоветую, — он с нажимом произнес

последнее слово, — кого следует выбрать в мужа для ее Высочества.

— Ты все предусмотрел, да? — Гергард истерично рассмеялся. — Все...

— Это будет выгодно для нас обоих.

— Решил обыграть меня...

Габор выразительно вздернул брови:

— Мы играем? Я думал, здесь решается судьба Бергандии.

Король смерил его таким взглядом, словно надеялся прожечь дыру в голове. Габор криво ухмыльнулся. Он прижмет ублюдка к ногтю. На его пути к Олесе не станет никто.

Гергард неожиданно обмяк в кресле. Габор видел — пытается найти его слабое место.

— И как же ты думаешь все это повернуть? Я ведь не подпишу чертово письмо. Даже не думай.

Габор пожал плечами:

— Значит, больше никогда не покинете стен этой крепости.

— Ты — тварь... Хитрая тварь... Думаешь, я дам тебе спокойно жить? Я уничтожу весь твой род.

— Вы приехали сюда с минимум охраны и никого не поставив в известность. Разумно ли сейчас говорить мне все это? — Габор снова улыбнулся: — И неужели вы думаете, что я не побеспокоился о безопасности моей семьи?

Он сдвинулся на самый край кресла, пристально глядя королю в глаза:

— Вы должны уяснить две вещи. Я не хочу править и не собираюсь отбирать престол у вашего рода. Но если с любимым членом моей семьи, с кем угодно, что-то случится, я не оставлю от вас НИ-ЧЕ-ГО. Вы старший в своем роду и должны понимать, что так просто меня не убить. Я уничтожу всех, единой с вами крови. Не будет никого. Ни вас, ни вашей дочери, ни вашего сына. Ни одного вашего незаконнорожденного ребенка. Ни даже вашей матери.

Лицо Гергарда вытянулось и начало покрываться фиолетовыми пятнами.

— Н-незаконнорожденные?.. Откуда тебе...

Габор снова улыбнулся:

— Да. Я знаю обо всех пятерых. Об их матерях, вовремя выданных замуж, и об их богатом приданном. Думаю, эти земли станут отличным дополнением к моим.

— Мра-а-а-азь... Какая же ты мра-а-а-азь...

— Ну так выпейте за то, что вовремя избежали участи быть моим тестем.

Гергард покачал головой и нервно рассмеялся:

— Ты все предусмотрел, да?

Габор пожал плечами:

— Вам от этого только выгода.

Король оскалился, безумно вращая глазами:

— Я ведь не дам тебе спокойной жизни. Постоянно будешь оглядываться, не стоит ли кто за спиной с занесенным кинжалом. Я и до наследников твоих доберусь... И до Драгана с Адрианной...

Стоило огромных усилий не свернуть ему шею прямо сейчас. Это бы сразу решило все проблемы. Ублюдок давно облизывался на Адрианну. Хотел сделать ее своей любовницей. Тогда Габор просто увез ее от двора и спрятал в крепости, оградив от всего, что могло ей навредить. Но Гергард, похоже, не забыл. Более того, он угрожал будущим детям Габора.

Такое не прощают. Даже правителю.

Король вдруг рассмеялся, приняв молчание Габора за капитуляцию.

— А! Понял, что со мной лучше не тягаться? Я буду иметь твою сестренку у тебя на глазах. И на

глазах у ее муженька. А твои дети... О, для них я придумаю кое-что особенное. Этого ты не предусмотрел? И что теперь?

Габор поднялся, бросив равнодушный взгляд на короля.

Он все решил.

— Теперь мне придется вас убить.

Он успел сделать несколько шагов в сторону дверей, когда до короля дошел смысл сказанного.

Срываясь на истеричный визг, Гергард завопил «Что-о-о-о-о?!» и ринулся за Габором. Но жирный хряк запутался в полах своего же халата и едва не завалился на пол.

За дверьми уже ждала личная стража.

Габор кивнул на дверь:

— Заприте его!

Один из стражников тут же принялся выполнять приказ.

— А что делать, когда вернутся его солдаты?

Дверь затряслась под градом тяжелых ударов. Габор проигнорировал поток приглушенной ругани и разнообразных угроз.

— Часть из них на кухне. Часть — во внутреннем дворе. Сделай так, чтобы сюда никто не пришел.

— Слушаюсь, господарь.

Он удалился, а Габор повернулся к оставшемуся стражу:

— Никого не подпускать. Особенно — принцессу. И следить, чтобы ничего не придумал. Не вздумай повестись на припадки, удушья и сердечные приступы.

До зубного скрежета хотелось увидеть Олесю. Разговор с королем длился не больше часа, но за это время он оголодал по ней. Хоть на стену лезь. Подсадила его на себя, как на сладкий наркотик. Демонская девчонка. Сюда ее точно закинули силы из пекла, а не власть Морозного Деда.

Но сейчас не время. Если увидит ее, не сдержится, сорвется. Опять потонет в ее соблазнительном цветочном запахе. Погрузится в омут голубых глаз и не сможет из него вынырнуть, пока не наполнит ее лоно таким количеством семени, что будет течь по стройным бедрам.

Ноги сами несли к залу, где он оставил ее с портнихой. Великие Небеса... То, что она творила в коридоре... После Проводов Старого года он даст выходной всем слугам, чтобы брать Олесю в любой части крепости. И чтобы никто не смел им помешать.

И снова пришлось себе повторить: не сейчас. Сначала Гергард и Миклош. Может... выставить брата убийцей короля? Убьет двух зайцев. Но тогда его род будет навечно покрыт позором. Конечно, другие семьи творили не меньшее, но все это тщательно скрывалось. Значит, нужно искать другой выход.

Но с Миклошем однозначно нужно что-то решать. Олеся... Точно ведьма! Довела его до того, что он готов уничтожить всех, от короля до брата, кто стоит между ними.

Габор резко свернул и направился в темницы. Какая-то невидимая нить потянула туда. Почему-то казалось, что как только он увидит брата, сразу придумает, как с ним поступить.

Запах крови он мог распознать даже в холодной сырости подземелья. А еще вонь грязной шерсти. С детства его натаскивали на них, как охотничью гончую.

Нехорошее предчувствие забилося в пульсе. Проклятье! У него даже оружия с собой нет, кроме длинного тонкого кинжала.

Габор вытащил его из ножен и снял со стены факел. Гулкая тишина отдавала смертью. Габор шагнул в бок, чтобы за спиной оказалось хоть какое-то прикрытие стены. Над головой нависали своды и приходилось нагибаться, чтобы не биться о них.

Габор поднял факел выше. Пламя лизнуло потолок. Габор не знал, что заставило его взглянуть на тронутую огнем кладку. Но две длинных глубоких царапины, будто кто-то чиркнул острой кочергой, могли принадлежать только одному существу.

Олеся не находила себе места.

Ветер с такой силой бился в окна, что стекла жалобно дребезжали. Того и гляди, ворвутся в зал сотней разноцветных осколков. Следом за ветром постучался и снег. Влажный и тяжелый. Врезался в стекла и остался на них мокрыми комками.

— Похоже, буря будет сильной. Счастье — провожать Старый год в этом чудесном замке. Да еще и во время такого ненастья. Ночь торжества будет волшебной.

Олеся вздрогнула и перевела взгляд на госпожу Каролу. Глаза портнихи мечтательно блеснули, а щеки покрылись алыми пятнами. Она задумчиво вертела в руках толстый черный карандаш.

Олесе казалось, что еще час назад он был длиннее. Час, а может, и два... Без Габора время тянулось бесконечно. Так и не удовлетворенное возбуждение превратилось в адскую пытку. Хуже того — оно не желало утихать. В этом было что-то ненормальное. Она ведь должна остыть. Хоть немного успокоиться.

Нет. Внутри все кипело. Олеся была уверена, что ее кровь уже пузырится. Скоро она расплавит вены и вырвется наружу, вытекая через глаза, нос и уши. Кожу покалывало. По ней словно пробежали разряды электричества. И дело было в Габоре. Во всех тех словах, которые он ей сказал.

Он был прав. Она уже думает об этом. О том, что он ей пообещал. Не может выкинуть из головы ни одного стыдного, развратного слова. Она могла только догадываться о том, что он хотел сделать. И это превращало возбуждение в постоянно тлеющий костер. Чуть подует ветер — одна более яркая фантазия — и она сгорит окончательно.

А фантазий было много. Олеся пыталась не думать, но слова Габора намертво отпечатались в ее мозгу раскаленным кровавым клеймом. Он обещал надеть на нее кляп. Задрать платье. Наполнить их влагой кубок.

Боже...Кубок, в котором смешается ее сок и его сперма... Он заставит ее пить? Олеся была уверена, что да. Или она хотела, чтобы заставил... Ради него она готова была на что угодно.

Наверное, дело в чертовом отваре. Ведь как иначе объяснить ее неутихающее возбуждение и желание быть возле Габора? В самом потаенном уголке души, куда она никогда и никого не пускала, где было темно, мрачно и сыро, где жили ее внутренние демоны и жуткие чудовища, тихонько рассмеялся внутренний голос. Дело не в отваре, дурочка. Дело не в замке, красивых платьях и роскоши. Дело в самом Габоре. Если она еще когда-нибудь встретит Морозного Деда, то должна упасть перед ним на колени и поблагодарить за то, что исполнил ее желание. Габор... За такого мужчину стоило бороться. Он должен принадлежать только ей и никому больше. Принцессе Генриетте и всем, кто когда-нибудь решит отобрать его, стоит отойти в сторонку.

Потому что теперь она точно знала: это ее мужчина.

— Я, все же советую, выбрать вам более традиционный наряд. — Госпожа Карола вновь вытянула ее из размышлений. Она с сомнением рассматривала набросок, который сделала со слов Олеси. — В этом году большой популярностью пользуются платья крестьянок. — Она открыла альбом, в который уже раз демонстрируя рисунки вычурных скучных нарядов, украшенных таким количеством камней, что весили, наверное, тонну.

Олеся скривила губы:

— Я недавно была в деревне. Крестьянки так не одеваются. — Едва сказав, она вспомнила про колье, купленное у продавца ярких украшений.

Сплетение десятков цепочек, напоминающее рыболовную сеть. Наверное именно в такую средневековые рыбаки пытались поймать русалок. И еще там были звездочки. Яркие кристаллы, обрамленные гладким блестящим серебром.

Олеся задумчиво закусила губу:

— А можете еще вышить звезды?

— Конечно, можем. Тем более, ЭТО необходимо как-то украсить. — Карола брезгливо скривилась, рассматривая набросок.

Олеся стиснула зубы. Да, она не была женой Габора, но считалась женой Миклоша. А значит, к ней должны относиться с уважением. И когда она только успела стать такой снобкой? Мнит себя лучше других. Нет. Просто не хочет быть предметом насмешек любого, кто посчитает ее странной.

Мир Габора совсем не прост. Он не сможет вечно быть рядом с ней. А значит, она должна

поборотся за саму себя.

— Вижу, вам не нравится мой выбор, госпожа Карола? — Олеся прямо посмотрела на портниху.

Швея покрылась новым слоем алых пятен.

— Что вы, госпожа Маргит?! Просто... я не хочу, чтобы вы чувствовали себя некомфортно и выделялись среди остальных приглашенных.

Олеся пожала плечами:

— А может, я хочу выделяться? Я же... сумасшедшая. А сумасшедшие должны привлекать внимание. — Олеся с наслаждением наблюдала, как вытянулось лицо портнихи. — Звезды должны быть вышиты черным.

Карола прокашлялась:

— Черное на черном?

— Совершенно верно.

В повисшем молчании раздался странный жутковатый звук. Он доносился из-за стены, занавешенной темно-зеленой портьерой. Олеся с портнихой одновременно повернули головы, когда послышался женский крик, а за ним — лающий хриплый смех.

— Что это? — Портниха спросила шепотом, с ужасом глядя на портьеру.

Олеся встала, почему-то на цыпочках подошла к тяжелой ткани и отодвинула часть в сторону. За ней обнаружилась высокая деревянная дверь, украшенная искусной резьбой. Дракон... Огромный сказочный монстр с раззявленной пастью, из которой вырывались языки пламени. На распахнутых крыльях вились строки непонятного текста. Олесю бросило в жар — букву «С», показанную Габором, она узнала сразу. Она словно горела среди других и выделялась огненным пятном.

В животе что-то сжалось, соски болезненно заныли. Фантастическое чудовище с длинным хвостом, украшенным на конце острой стрелкой, было словно душой Габора. Неистовый, дикий, свирепый. Способный растерзать, разорвать на части, а затем спалить, оставив только пепел.

Так и было. Она сгорала в его пламени. Сумасшедшая страсть раздирала на куски. А любовь к нему рвала сердце на части.

Вместо ручки на Олесю свирепо глядела темная драконья морда, сквозь широкие ноздри которой было продето кольцо. Пальцы коснулись холодного чуточку шершавого металла. Олеся потянула на себя, но дверь оказалась заперта.

— Не думаю, что стоит...

Карола резко оборвала себя, когда дверь сотряслась от удара. Как будто с той стороны в нее бросили что-то тяжелое. Или кого-то...

Глава 30

В дверь как будто заскребли. Эти звуки перемежались с едва слышными всхлипываниями.

— Думаю, лучше позвать... кого-нибудь...

Олеся обернулась — госпожа Карола с ужасом смотрела на дверь, прижимая к груди альбом с набросками. Плохое предчувствие вновь заворочалось в груди. Портниха была абсолютно права: нужно кого-то позвать. И дураку ясно: с той стороны происходит что-то плохое.

Олесе жутко не хотелось оставаться здесь, имея в соседях лишь пугающую компанию. Но Карола уже продвигалась к дверям, явно намереваясь любым способом сбежать. Когда она преодолела половину пути, дверь в зал распахнулась и с гулким грохотом ударилась о стену.

Карола тихо вскрикнула, а Олеся вздрогнула от неожиданности. Она была готова увидеть кого угодно, даже демона, но совсем не ожидала, что в зал ворвется золотоволосая красавица. Длинные локоны были слегка растрепаны, а количеству драгоценностей на ней могла позавидовать даже Адрианна. Не нужно было долго думать, чтобы понять, кто это. Принцесса собственной персоной. На ее платье было столько камней, что их блеск слепил. В глубоком вырезе виднелась пышная грудь, на которой лежало массивное ожерелье. Шелковистые волосы цвета золота запутались в острых зубах изящной короны.

Она была красива. Идеальна. Если бы не слишком тонкие губы, которые сейчас брезгливо кривились. Только они портили почти совершенное лицо. Бледные, узкие, словно их и не было совсем. Как у змеи.

Холодный прищур скользнул по Олесе, по мужской одежде, и она сразу поняла: принцесса ее узнала.

— Ваше Высочество! — Карола изобразила настолько глубокий поклон, что был слышен стук ее коленей о пол.

— Пошла вон! — Она с таким презрением окинула портниху взглядом, словно облила помоями.

Карола поторопилась исполнить приказ, пытаясь неловко протиснуться в проем, загороженный принцессой. Та и не думала пододвигаться. Конечно, швея ее зацепила. Совсем легонько, но этого хватило, чтобы принцесса разъяренно прошипела:

— Смотри, куда прешь, жирная свинья.

Карола рассыпалась в извинениях, но принцесса, кажется, и позабыла о ней. Все ее внимание было сосредоточено на Олесе.

— Так-так... Значит это и есть таинственная шлюха господаря. Я ожидала кого-то более... впечатляющего.

Олеся мысленно попросила прощения у Габора. Возможно, своими словами она только усугубит их положение, но сносить оскорбления высокомерной стервы она не собиралась.

Вздернув подбородок, Олеся пожала плечами:

— Поверьте, господарь был весьма впечатлен.

От удивления принцесса некрасиво раззявила рот и несколько раз глупо моргнула.

— Ты, наверное, не знаешь, с кем говоришь, оборванка... Что, нормальной одежды не нашлось? В твоём борделе совсем плохи дела?

Олеся сжала кулаки. Нет, она не отдаст Габора этой мерзости.

— Отчего же не знаю? Знаю. — Олеся вызывающе ухмыльнулась: — С той, которая хотела бы быть на моем месте. Но никогда на нем не будет. А за одежду не волнуйтесь. Господарь Габор был так добр, что одолжил мне свою.

Нарочито медленно Олеся провела по груди, разглаживая складки на темной рубашке.

Лицо принцессы исказилось до неузнаваемости. Бледные губы совсем исчезли, ноздри свирепо раздувались — она почти до ужаса стала походить на змею.

— Я — будущая жена господаря. Скоро все здесь будет принадлежать мне. Знаешь, как я буду развлекаться? Прикажу раздеть тебя и выкину на потеху всему Дьекельни. Привяжу к столбу и

разрешу каждому проезжающему мимо моих земель иметь тебя. Будешь милостью принцессы для путников. Бесплатная потаскуха в подарок.

Она неестественно громко рассмеялась, продолжая буравить Олесю полным ненависти взглядом. Золотистые локоны дрожали, как ядовитые змеи.

Олеся вздернула брови, подражая Габору.

— А я-то думала, что принцесса Бергандии будет мне соперницей... А на деле просто избалованная неуверенная в себе девчонка, которая не знает, как удержать мужчину.

Она ведь и сама была такой. Неуверенной. На каждом шагу сомневалась в себе и готова была уступить Габора первой встречной. Совсем не любила и не уважала себя. Все гадала, чем же смогла привлечь его. А на деле все ведь было просто. Они оказались одним целым, когда-то давно разделенным и разбросанным по разным мирам. Пусть это звучало банально, но действительность состояла именно в этом. Дед Мороз или Морозный Дед, как бы его ни звали, не просто исполнил ее желание. Он дал ей то, о чем она мечтала всю жизнь. Он привел ее туда, где она и должна быть. Решила бороться? Борись!

Олеся шагнула к потрясенно молчавшей Генриетте:

— Можете сколько угодно пугать меня, Ваше Высочество. Только вы никогда не сможете дать ему того, что ему нужно. Он никогда не женится на вас по своей воле. И если ваш отец его заставит... рядом с вами всегда будет мой призрак. Вы будете смотреть на него и понимать, что он ищет глазами меня. Что думает обо мне. Что хочет целовать меня. Забывшись, он будет называть вас моим именем. Выполняя супружеский долг, он будет представлять меня на вашем месте. Однажды вы проснетесь и поймете, что пытаетесь быть похожей на меня, лишь бы получить хоть толику, хоть капельку его внимания. Один только взгляд. Улыбку. Слово.

Олеся не ожидала от себя таких слов. Она и подумать не могла, что однажды будет стоять напротив соперницы, доказывая, что любимый мужчина принадлежит ей. Но ради Габора она пошла бы и не на такое.

Принцесса все-таки пришла в себя. Ее щеки покраснели, а глаза блестели диким огнем. Казалось, что она сейчас либо разрыдается и грохнется на пол, требуя любимую игрушку, либо вцепится Олесе в волосы.

— Думаешь, раз занималась теми непотребствами, так он уже принадлежит тебе? Считаешь, это ему нужно? Шлюхи для того и существуют, чтобы... чтобы делать то, что ты делала. Жен и благородных леди таким не оскорбляют.

На секунду Олеся позволила этим словам подобраться ближе к сердцу и больно уколоть. Но тут же в памяти всплыла одинокая избушка посреди леса. Раненый Габор, пьющий отравленную демонскую кровь. Его признание...

Она рассмеялась:

— Вам ведь любопытно... Гадаете, что же такого я делала, что он вас прогнал? Думаете, осмелились бы на это, лишь бы ему понравиться. Представляете себя на моем месте, владеющей мужчиной настолько, что он не видит и не слышит ничего вокруг. — Олеся сделала еще один шаг к принцессе. — На мне его одежда. На мне его запах. Я до сих пор чувствую его губы на своих губах. Он мой. И вам, Ваше Высочество, лучше отойти в сторону. Потому что я не отдам его НИ-КО-МУ.

Губы принцессы побелели, превращаясь в нитку. Она бросилась к Олесе и ткнула острым ногтем ей в шею:

— Ты забыла, с кем говоришь, шлюха! Мой отец — король! Он сгноит тебя в подземелье. А господарь Габор и думать о тебе забудет!

Олеся оттолкнула руку принцессы:

— Он никогда обо мне не забудет. И вы понимаете это. — Олеся поймала испуганный взгляд принцессы. Кажется, сама того не ведая, она попала точно в цель. — Вы думаете, что все дело в том, что вы увидели в коридоре. Но нет... Совсем нет. Он мой не потому что я могу доставить ему удовольствие, от которого темнеет перед глазами. И всю жизнь вы будете мучиться вопросом, в чем же наш секрет. А он будет мучиться без меня.

Олеся с трудом осознавала, что говорит. Слова сами собой вырывались из груди и летели в принцессу острыми кинжалами. Лицо Генриетты вытянулось, утрачивая совершенную красоту. Она стала похожа на уродливую птицу с пальцами-когтями, которые были нацелены прямо на Олесю.

Олеся была готова к тому, что сейчас принцесса бросится на нее. Но сзади снова раздался приглушенный вскрик. Дверь задрожала от удара. Даже кольцо в ноздрах дракона дернулось и стукнуло о резную поверхность.

Олеся обернулась. Дверь дрожала под градом ударов. Слышались тихие вскрики, стоны и леденящие кровь хрипы.

Перекрикивая шум ветра, позади завизжала принцесса:

Олеся обернулась и прошептала, дрожа от страха и дурного предчувствия:

Дверь за ее спиной отлетела к стене, гулко о нее ударяясь. Морда дракона отвалилась и с жутким скрежетом прокатилась по полу.

Боже... В человеке не может быть столько крови. Чтобы она просочилась через несколько слоев ткани и стекала на пол маленькими лужицами... Фиданка начала заваливаться вперед. Олеся бросилась к ней, чтобы подхватить, как-то смягчить удар. Но служанке было уже все равно. Сзади заверещала принцесса, а у самой Олеси в горле застыл комок желчи. Спина Фиданки была исполосована настолько глубокими ранами, что в их глубине виднелись кости позвонков.

Тело служанки неподвижно лежало у Олеси на коленях и, кажется, с каждой секундой, становилось все тяжелее.

Огромная тень накрыла собой и Олесю, и бездыханную Фиданку. Словно в плену оказалась. Могильный холод тут же добрался до костей.

Вместо лица на нем была жуткая деревянная маска, изрезанная морщинами и рубцами. И только когда эти морщины пришли в движение, меня изгибы и кривясь в пугающую гримасу, она поняла, что это и есть лицо! Его лицо было... деревянным. А глаза... Наверное, именно они были самыми жуткими в его облике. Даже огромные ветвистые рога, покрытые запекшейся кровью, не пугали как круглые на выкате глаза. Ни век, ни радужек у них не было. Остались только черные точки.

Олеся обернулась: принцесса смотрела на существо обезумевшими глазами и тыкала пальцем в Олеся.

— Пра-а-авда? А голос похож на твой...

Олеся с трудом сделала вдох. На языке тут же осел привкус гнили и крови. Боже, даже воздух был отравлен этим существом. Демоном! Это же демон... Он был совсем не похож на тех, с которыми Габор сражался в лесу, но сомнений у нее не было.

А вдруг это сам Крампус? По спине скатилась капелька пота. Тело задрожало от озноба. Кем бы ни был этот дикий демон, как он оказался в замке?! Габор говорил, что они могут проникать через камины. Но всем камины были защищены железными решетками. Так как он тут оказался? И что теперь делать?

Он разорвет их с принцессой, не моргнув и глазом. Они и закричать не успеют. Так ведь и надо кричать! Почему она молчит?! Кто-то обязательно услышит и придет на помощь!

Олеся открыла рот, собираясь заорать во всю мощь легких. Пусть она сорвет голос, но докричится хоть до кого-то.

Принцесса начала пятиться к дверям. Собиралась сбежать, оставив соперницу на растерзание демону? Что ж, этим она хотя бы отвлекла внимание монстра от Олеси. Он шагнул за принцессой, язык ядовитой змеей тянулся за ним.

— Куда это ты собралас-с-с-с, крас-с-савица?

Он переступил через ноги Фиданки, оставляя за спиной и ее, и Олеся. Едва показалась его спина, как Олеся, не жалея горла, закричала:

— Де-е-емо-о-о-он!

От собственного крика заложило уши, а в груди что-то оборвалось.

— З-заткнис-с-сь! — Острые когти прошли по щеке, обжигая болью.

От силы удара, Олеся отлетела в сторону, ударяясь спиной о пол. Дыхание на секунду перехватило. Лицо горело. Потекла липкая горячая кровь. Ее вкус почувствовался на губах и языке.

— Думаешь-ш-шь, это тебя спасет? — Демон склонился над ней, выпустив свой жуткий язык на волю. Он раскачивался ядовитой гадюкой, выжидая удобный момент, чтобы наброситься.

Олеся с трудом прохрипела:

— Нет. Это спасет других.

Он замер. Два жутких глаза впились в нее ржавыми иглами.

— Это же ты-ы-ы-ы... Тебя-я-я я ис-с-ска-а-ал... Иномирянка... Куда ж ты так торопиш-ш-шься?

Он резко выпрямился и раззявил пасть. Голова, как механизм, дернулась в сторону принцессы, разворачиваясь аж на спину, по-совиному. Длинный язык выстрелил стрелой и обвился вокруг запястья Генриетты. Она вскрикнула, и в ту же секунду красный язык потянул ее на себя.

Олеся с трудом села, оглядываясь в поисках хоть какого-нибудь оружия. И где воины? Стражники? Хоть кто-то должен был услышать!

Тонкий голос принцессы дрожал и срывался:

— Крамп-пус?... Я ничего не делала... Забери ее! Она шлюха! Ей все равно, кого ублажать — людей или демонов.

Демон захохотал:

— А ты-то почему знаешь-ш-шь? Э-эх, и тебя придется взять... Отучить язык рас-с-спускать... Он девкам только для одного нуж-жен... — Он залился безумным смехом, как будто сказал что-то невероятно смешное. — Вот я тебя и научу им пользоваться-я-я.

Пока демон рассматривал принцессу, Олеся пыталась отползти как можно дальше. Дверь все еще была недостижима. Но если получится, не привлекая внимания, встать, то она добежит и...

Демон швырнул принцессу в темный проход, откуда появился, и повернулся к Олеся.

— А ты куда собралас-с-сь? — Он снова уставился на нее страшными глазами.

Олеся решила рискнуть. Не будет она умирать ради принцессы. За компанию с соперницей, которая, не задумываясь, толкнула ее в лапы демона. Она вскочила на ноги, не обращая внимания на то, как перед глазами потемнело. Даже успела развернуться, но острые когти прорвали плоть,

разрезая кожу плеча. Олеся ощутила, как они продвигаются все дальше и дальше, рана насквозь. Окровавленный кончик когтя вырвался из плеча прямо над сердцем.

Олесю потянуло назад. Боль разлилась кислотой. Так горячо... Нестерпимо. Хотелось закричать.

— Не торописс-с-сь, будущая гос-с-спожа-а...

Демон толкнул ее в темный проход, следом за принцессой. Олеся громко выдохнула, когда когти наконец покинули тело.

Мозг заработал с утроенной скоростью. Будущая госпожа... Так он ее назвал. Значит, хочет отвести ее к Крампусу. Этого нельзя допустить. Ни за что! Тогда Габор не сможет ее отыскать. Она должна помешать ему. Должна... Любым способом.

Демон шагнул за ними, мерзко облизываясь. Его язык, словно обладал собственным разумом и жил отдельно от хозяина. То выскальзывал наружу, повисая веревкой, то, как у змеи, скользил назад и вперед, то обвивался кольцами вокруг зубов.

Это было настолько отвратительно, что Олесю скрутил рвотный позыв. Она согнулась пополам, пытаясь удержать содержимое желудка. От тошноты ее бросило в жар, а потом сразу в холод. Перед глазами поплыло, кожа покрылась потом. Соленые капли попали в раны от когтей. Их тут же адски защищало.

Олесю затрясло. Она часто задышала, пытаясь вернуть желудок на место. Но затхлый воздух отравлял гнилостной вонью.

Демон вошел за ними, заполняя собой узкий тоннель. Его рога чиркнули по низкому потолку, высекая яркие искры.

Олеся выпрямилась, прижимая ладони к животу. Ей нужны силы. Если она сейчас расклеится, то о спасении можно и не мечтать.

Она откинулась спиной на холодную влажную стену и отерла пот со лба. Плечо дергало, а на языке ощущался вкус желчи. Рядом дрожала принцесса. Олеся слышала, как стучат ее зубы, и каждый выдох сопровождается всхлипом. Куда-то пропал весь боевой пыл.

Олеся прямо посмотрела на демона:

— Я никуда не пойду.

— Придетс-с-я идти... Твой муж тебя отдал... Теперь ты — с-собственность Крампус-с-а... И ты попадеш-ш-шь к нему...

Олеся помотала головой и спокойно проговорила:

— Нет. Я принадлежу господарю этих земель. И не сделаю ни шага.

Демон рыкнул, брызгая во все стороны слюной:

— Тогда я поташ-щ-щу тебя за волос-с-сы... — Он схватил ее за растрепавшуюся косу и дернул за собой. Толкнул принцессу в спину и грозно рявкнул: — Шагай!

От боли из уголков глаз брызнули слезы. Демон поволок Олесю за собой, вынуждая идти. Она не сомневалась: он может и кожу с ее головы содрать, но притащит туда, куда захочет.

Впереди всхлипывала принцесса. Ее спина дрожала от тихого плача. Он отражался от холодных стен и превращался в жуткие завывания призраков. Как будто когда-то давно здесь насмерть замучили сотни людей. Но ведь так и было. Она вспомнила рассказ Габора и всех тех несчастных женщин, опоенных любовным напитком и растерзанных Крампусом.

Свет из зала уже не добирался сюда, и вокруг сгущалась темнота. Вязкая, как жижа из болота. Она казалась еще хуже демона, тащащего ее за собой.

Что Крампус с ней сделает? Зачем она ему нужна? Почему она, черт возьми?! Она ведь просто хочет быть счастливой. Ради этого счастья пришлось умереть и попасть в другой мир. Неужели, она не заслуживает спокойной радости и любви? Неужели не заслуживает быть рядом с своим мужчиной?

Темнота дрожала и колыхалась, как живое существо. Она обволакивала темным погребальным саваном и кружила вороном над добычей, ожидая, пока та испустит последний вздох.

Бежать? Но куда? Огромный демон заполнял собой узкий тоннель — назад не вернуться, а впереди

— неизвестность.

Хватка демона на волосах немного ослабла. Он не отпустил ее полностью, но уже и не сжимал так крепко. Расслабился? Или не хочет выдирать волосы? Вряд ли Крампусу понравится лысая.

Крампус! Наверняка же она нужна ему живой. Какой прок от мертвой? А воскрешать он явно не умеет.

А значит... у нее есть шанс.

— Куда ты нас ведешь?

Олеся испугалась, услышав собственный голос. Он звучал потусторонним эхом. Словно... словно призрак решил заговорить с живыми. И этим призраком была она.

— К твоему гос-с-сподину. — Даже в темноте было слышно, как демон усмехнулся.

Олеся закусила губу:

— МОЙ ГОСПОДИН уничтожит тебя!

Демон захохотал. Эхо вернуло его смех, разбив на сотни осколков, и казалось, что рядом затаилось множество демонов.

Под ногами что-то трещало и скрипело. Олеся боялась даже думать, по чему идет.

— Жду-не дождус-с-сь встречи с ним. Говорят, он — выдающийся потомок своего рода... Хочу узнать, так ли уж правдива молва.

На этот раз рассмеялась Олеся, нарочно громко:

— Неужели, твои друзья из леса тебе не сообщили? Те трусы, которым он позволил убежать. Десять на одного... и они не смогли с ним справиться.

— А ты верная... Такая моему гос-с-сподину и нужна.

Олеся вздернула подбородок, больно натягивая волосы.

— Пусть поищет другую.

Тихий голос брезгливо прошептал:

— Сумасшедшая...

Олеся едва не подпрыгнула от страха. Она совсем забыла о принцессе. В темноте та была неразличима. И даже ее всхлипы прекратились. Олеся поняла: принцесса слушала. Слушала ее разговор с демоном. И наверняка тоже искала способ побега. А может, придумывала, как выторговать себе жизнь и свободу.

Неожиданно ход начал резко уходить вниз. Они словно спустились с высокой горы. Демон ведет их в подземелья?

Олеся пыталась вспомнить рассказанную Габором легенду. Рыцари нашли демона в пещере. Из окна комнаты она видела горы. Но чтобы добраться туда уйдут не одни сутки. А еще Габор говорил, что земля разверзлась, и вместе с потоками лавы из нее появился Крампус... Так куда он, черт возьми, тащит их?!

Ход продолжал убегать вниз. Когда Олеся задела рукой холодную стену, то поняла, что она влажная. Капельки быстро стекали, словно камень рыдал над незавидной участью пленниц.

Неожиданно принцесса вскрикнула. Послышался звук удара. Кажется, она упала. Олеся ничего не видела. Только отчаянно прижимала руку к стене.

— Вс-с-ставай... — В шипении демона проскользнуло раздражение.

Генриетта захныкала:

— Н-но я н-ничего... н-не вижу...

— Зато вижу я... Вс-с-ставай и не тяни время... За вами никто не придет...

Он видит в темноте. Они обречены. У Олеси закружилась голова, и снова нахлынула тошнота. От него не убежать. И никто их не спасет. Даже Габор... Наверняка он до сих пор разговаривает с

королем и понятия не имеет, что с ней. Но пусть лучше так.

Ей все равно уже не жить. Так хотя бы он останется в живых. Морозный Дед сказал, что Крампус бессмертен. Он — часть этих мест. Его нельзя убить. Только остановить как-то можно. Она была уверена, что подсказка есть в книжке Габора. Но он вряд ли отнесется к ее словам серьезно и прочитает. Вот пусть и не читает. Пусть не ищет ее. У него будет шанс на жизнь.

Он храбрый и красивый. Наверняка найдет достойную девушку, которая станет для него верной женой. Родит ему красивых малышей, которые продолжат дело отца, и будут защищать Бергандию от демонов. Но только бы он не пошел за ней. Он достоин счастья. Отец учил его сражаться, а мать ненавидела. Младший брат мечтал убить. У него была ужасная жизнь. Не смотря на богатства, влияние и положение. Ничего радостного, ничего светлого.

Слепо ступая в крошечной темноте, ощущая на щеках зловонное дыхание, Олеся отчаянно молилась о том, чтобы Габор не пошел за ней. Пожалуйста, пожалуйста, Господь, Дед Мороз, Морозный Дед, кто угодно, удержите его в замке, не пускайте в погоню за демоном. Пусть он останется под защитой крепости, пусть проживет долгую и счастливую жизнь, пусть у него будет достойная жена и много прекрасных детей. Пусть он будет счастлив, как того заслуживает. Только пусть останется в живых.

Одинокая слеза скользнула по щеке, попадая в глубокую царапину. Она! Она должна быть той женщиной. И она будет. Останется бесплотным призраком. Будет тенью следовать за ним и ревниво хранить его счастье. Будет плакать, глядя на то, как он целует другую и подбрасывает в воздух детишек. Будет наблюдать за тем, как он спит, каким суровым и сосредоточенным выглядит даже во сне. Будет следовать за ним попятам, готовая еще тысячу раз отдать за него и жизнь, и душу...

— С-с-стойте!

Рык демона напугал так, что сердце едва не выпрыгнуло из груди. Олеся замерла, как вкопанная. Они пришли? Но куда?

Раздался жуткий скрежет, от которого все нутро скрутило тугим узлом. От стены посыпались искры, на секунду освещая когти демона. Он царапал камень когтями-кинжалами, высекая град искорок. Они упали на что-то серое, и вдруг ярко запылал огонь.

Олеся едва успела зажмуриться, чтобы не ослепнуть от яркого света. А когда распахнула глаза, увидела, что они стоят посреди небольшого зала с низким потолком. Принцесса испуганно крутилась вокруг своей оси, а демон смотрел в темноту и мерзко ухмылялся. Его язык вытянулся вперед, извиваясь змеей, и на несколько секунд просто завис в воздухе.

— Где мы?! Ты хоть знаешь, кто я, грязное животное?! Я тебе ни какая-то шлюха! Я — будущая королева Бергандии. Отец камня на камне не оставит от этого замка.

Демон откинул назад рогатую голову и громко рассмеялся. Его глаза полыхнули алым, а язык вылетел из пасти и коснулся щеки принцессы. Та вскрикнула и отскочила.

— Твой отец с-с-скоро с-с-станет пищей для моих братьев. Крепость потонет в крови...

Олеся бросилась к демону:

— Что?! Что ты сказал?!

Демон в упор взглянул на нее:

— А то, что твой муженек поз-з-звал меня в замок. С-с-сам открыл реш-ш-шетку, с-с-сам впус-с-стил меня... Прямо с-с-сейчас он открывает другие камины — для моих братьев. Кажется, с-с-сегодня вечером, в замке будут гос-с-сти. — Он снова заржал, сотрясая этим смехом влажный камень, а затем повернулся к принцес-с-се: — Твоему папочке будет не до тебя... Жирный хряк за с-с-свою жизнь с-с-сегодня будет сражаться... А может, тоже с-с-сделку реш-ш-шит заключить... — Взгляд на Олесю: — Как твой с-с-супружник...

Олеся сжала кулаки:

— Миклош заключил с тобой сделку.

— Да-а-а-а...

— И... чего он хочет?

— Чего может хотеть такой с-с-слизняк? Влас-с-сти, конечно... А еще... — Пасть демона разошлась в стороны, словно разрываясь на части. Ничего более жуткого Олеся не видела. Ее снова скрутило рвотным спазмом. — ...еще он пожелал с-с-своего брата... поймать так, как его самого имел

любовник и как я его отымел, с-с-скрепляя сделку.

Олеся согнулась пополам. Ее стошнило горькой желчью прямо на лапы демона. От ужаса и страха за Габора трясоти начало так, что зубы скрипели.

— У-у-у-у... а я-то думал, ты покрепче...

Олеся с трудом разогнулась. Голова снова кружилась, и больше всего хотелось свернуться калачиком под боком у Габора. Но если сказанное демоном правда... Боже... Там, в крепости, случится самая настоящая резня.

Загремело что-то металлическое, и демон снова приказал:

— Хватит отдыхать! Руки вперед!

Олеся облизнула пересохшие губы. Зрение прояснилось, и она увидела, как демон заковывает запястья принцессы в тяжелые ржавые кандалы.

— Твоя очередь, гос-с-спожа... — Он засмеялся.

Но Олеся не собиралась подчиняться демону — продолжала стоять, не шевелясь. Только покачивалась, пытаясь совладать с дурнотой. Даже страх притупился — так плохо ей было.

— Ах ты шлюха! Ты — та сумасшедшая! — Кажется, до принцессы, наконец, дошло. Она тыкала в Олеся пальцем, гремя кандалами. — Жена его брата! Потаскуха! Да тебя нужно камнями на улице забить! Это ради тебя он устраивал маскарад. Из-за твоего исцеления! Запудрила ему мозги, хитрая тварь?

Олеся не успела ничего ответить, потому что демон вдруг размахнулся и отвесил принцессе такую пощечину, что та отлетела в сторону. С глухим ударом ее тело упало на пол. Послышался неприятный хруст.

Олеся задрожала:

— Ты убил ее!..

— Жива она, живехонька... Еще не р-раз передо мной свои ножки раздвинет. А теперь ты...

Он схватил ее за руки и нацепил точно такие же кандалы. Дернул за длинную цепь, которая тянулась от них, и Олеся, с трудом удержавшись на ногах, шагнула в его сторону.

— Пош-ш-шли, новая гос-с-спожа, пора знакомиться с-с-со своим хоз-зяином... Не терпится это увидеть... Меня ждет его милос-с-сть... С-с-столькие пытались привести тебя к нему, а только у меня получилось...

Он подхватил с пола вторую цепь, которая тянулась к кандалам Генриетты, и без труда потянул за собой. С тихим шорохом, ее тело заскользило следом.

Олеся старалась не думать, что ее ждет. Память подбрасывала сцены с фресок в другом тайном проходе. Это ее будущее? Жестокое насилие, пока от нее не останется кровавое месиво? Или она сама будет бросаться на монстра, одурманенная любовным напитком?

Хватит ли ей решимости остановить все это самой? И самое главное: будет ли у нее такая возможность?

Тьма испуганно отползала, сжигаемая светом факела. Темные клочки разбегались по углам, собираясь там в черные стайки и копя силы на то, чтобы сомкнуться сплошным полотном за спиной. Вот только один сгусток никак не желал отступать. Он клубился вокруг статуи, отливающей металлическим блеском.

Олеся ожидала увидеть еще одного Крампуса, как в том зале, где рассказала Габору правду. Но когда демон поднял факел выше, позволив голодному пламени лизнуть потолок, вздох удивления сорвался с губ.

Это был огромный ворон. Точнее, человек с головой и крыльями ворона, закутанный в длинный плащ. Огромный клюв тянулся вперед, как у пугающего чумного доктора. Только этот был намного больше. В глазницах сверкали два круглых крупных камня.

Демон прошипел:

— Чего ждеш-ш-шь? Жми давай...

Олеся задрала голову, пытаясь храбро встретить взгляд демона:

— Что?

— На глаза жми. Одноре-е-еменно.

Олеся нажала большими пальцами на камни в глазницах ворона, вдавливая их вглубь. С протяжным скрежетом крылья ворона начали расходиться в стороны, открывая темный провал в груди.

Вниз убегала лестница. Кажется, что она вела в самую бездну. Ту, откуда когда-то появился Крампус.

— Ну, пош-ш-шли...

Демон подтащил за цепь тело принцессы. Подхватил ее подмышку, словно мешок, и толкнул Олеся в спину.

— Я не пойду туда. — Она не знала, откуда еще брала силы спорить с монстром.

Он ведь мог сделать с ней все, что угодно. И сколько бы она не успокаивала себя тем, что он не может ее убить, страх никуда не исчезал.

— Пойдеш-ш-шь... А иначе...

— И что ты мне сделаешь? — Олеся обессиленно опустила руки с тяжелыми кандалами. — Убьешь? Покалечишь? Изнасилуешь? Давай, поведай мне все кровавые подробности расправы.

Рот демона снова начал расплзаться в стороны, как чернильное пятно.

— Зачем ж-ж-же убивать и калечить? Ты моему гос-с-сподину крас-с-авицей нужна, чтобы ублажать его. Только не забывай... — Он нагнулся к ней, выпуская на волю алый язык. Он скользнул по Олесяной щеке, оставляя капли вонючей слизи. — ...что сейчас замок наполняется моими братьями. Они будут уничтожать всех, кроме... твоего любимого гос-с-сподаря. — Демон тихонько захихикал. И этот звук был еще хуже его смеха и смердящей вони изо рта. До Олеси даже не сразу дошел смысл его слов. — Муженек твой попрос-с-сил жизнь ему сохранить... Но вот какой эта жизнь будет... Каждый день будешь смотреть, как он становится шлюхой собственного братца... И моих братьев... Будет обс-с-служивать своими дырами новых хозяев Дьекельни. И с-с-смотреть, как тоже самое делаешь ты для Крампус-с-с-са.

Олеся пошатнулась, едва не проваливаясь в темноту нового прохода. Она схватилась за холодное крыло ворона, удерживая ставшее ватным тело.

— Вы не сделаете этого с ним...

— Еще как с-с-сделаем... И зас-с-ставим тебя смотреть...

Олеся отвернулась и шагнула на первую ступеньку. Что ей делать? Как защитить Габора? Как предупредить о предательстве Миклоша и сделке, которую заключил больной извращенец?!

Свет факела осветил бесконечную лестницу. Она обернулась: демон на что-то нажал, и крылья ворона вновь вернулись на место. Все так же сжимая безвольную принцессу, монстр шагнул за Олесей.

Она сойдет с ума в этом путешествии. Как сходили с ума приговоренные к смертной казни. Просто чокнется по пути к логову чудовища.

— Куда мы идем?

— К Крампус-с-су.

— Где он... живет?

Демон хмыкнул:

— Ближе, чем ты думаеш-ш-шь...

В этих словах было что-то, что заставило ее насторожиться. И статуя ворона... В тайном зале, где опаивали жертв демона стояли изваяния Крампуса и девушек. А еще там была картина и кубок, в который наливали любовный напиток. Олеся зажмурилась, пытаясь вспомнить... Точно! Тяжелый кубок был украшен грубым барельефом — мордами Крампуса и воронами.

Ворон — символ одного из рыцарей. Мать Габора была из Рода Ворона. Она развесила повсюду

знамена своей семьи, чтобы напомнить мужу, что никогда его не любила. После того, как увидела, как Габор пьет кровь демонов... Когда он рассказывал ей об этом, Олеся могла разглядеть в его глазах боль, которую он научился скрывать. Наверное он и сам поверил, что равнодушен к этому. Но ворон... Почему, если замок принадлежал ОТЦУ Габора, который был из Рода Дракона?!

Достигнув последней ступеньки, Олеся снова обернулась:

— Почему ворон?

Демон швырнул принцессу на пол и снял со стены еще один факел. Он зажег его и сунул в скованные руки Олеси:

— А чем тебе ворон не нравится? Кр-р-рас-сивая птица...

— Этот замок принадлежит Роду Дракона.

Демон оскалился:

— А еще здесь поклонялис-с-сь Крампусу... Думаеш-ш-шь, знаешь все тайны крепос-с-сти... Даже твой драгоценный гос-с-сподарь не знает...

Они спустились в тупик. Была только одна грубо-сколоченная деревянная дверца с металлическими скобами, которые так проржавели, что часть их осыпалась на дверь некрасивыми потеками. Сквозь щели в двери задувал холодный воздух. И он пах морем... Той особой неповторимой свежестью, которая бывает только у ветров, гуляющих над солеными волнами.

Здесь тоже было кольцо, вдетое в вороний клюв. Совсем, как в том зале. Ответ лежал на поверхности, но ускользал, как и сознание.

— Ну, чего ждеш-ш-шь?

Олеся вскинула бровь. Боже, кажется это движение намертво въелось в нее. Словно Габор был рядом и... Лучше не думать о нем. А иначе, она совсем расклеится и не сможет сделать то, что нужно.

— А что я должна сделать? Постучать?

— Не играй со мной, гос-с-спожа... Возьми за кольцо и поверни три раза направо и два налево.

Олеся не унималась. Может, удастся разозлить демона, и он убьет ее? Наверняка Крампус этому не обрадуется и накажет своего прихлебателя?

Олеся взялась за кольцо. Господи, о чем она размышляет? Да еще так спокойно. Даже страх куда-то пропал, притупившись странным чувством.

Она повернула кольцо вместе с клювом.

— Может, дверь легче выломать? Выглядит не очень крепко. От кого она вас защищает? От букашек?

Еще поворот.

— Уж больно ты говор-р-рливая...

И еще один.

— Что будет с принцессой?

Поворот налево. Раз и два.

— С ней будет хор-р-рошо... мне. — Он хохотнул.

Одновременно с этим щелкнул какой-то механизм, и дверь распахнулась. Ледяной ветер подхватил волосы, бросая в лицо. Олеся вспомнила, как Габор зарывался в них ладонями, путался пальцами. Он прижимался к ним носом и вдыхал аромат. И ему нравилось. Нравилось, как она пахнет, нравилось трогать ее, ласкать. В животе разлилось странное тепло. Одно воспоминание придало сил и решимости. Уверенности, что... Что каким-то невероятным образом, но Габор сможет все исправить.

— Поднимайс-с-ся... Или разрешения ждеш-ш-шь?

Сжав обеими руками ручку факела, Олеся шагнула на винтовую лестницу, на этот раз ведущую вверх. Демон не отставал. Он шел по пятам, таща Генриетту, которая начала слабо постанывать.

Звон цепей звучал погребальной песнью. А ведь у нее есть оружие...

Пальцы почти ласково погладили деревянную поверхность.

Олеся поднималась вверх, и с каждым ее шагом на стенах проявлялись яркие фрески. Она замедлила шаг, задерживаясь на очередной ступеньке по несколько секунд. Яркими красками на совершенно белой чистой стене расцветали картины...

Глава 31

Она сразу узнала Миклоша, хоть и видела его лишь через крошечное отверстие в потайном проходе да в воспоминаниях Маргит. Урод стоял на коленях у камина, а за его спиной сгрудились сразу три демона. На следующей фреске была изображена группка воинов в остроконечных шлемах и кольчугах. Они спрятались за высокими щитами, выставив перед собой частокол из длинных копий. Напротив них стояли демоны, вытянув вперед неуклюжие лапы.

Неужели именно это сейчас происходит в замке? С трудом Олеся преодолела еще несколько ступенек. Она хотела и одновременно страшилась увидеть Габора. Где он сейчас? Что с ним? Знает ли, что с ней случилось?

Словно подчиняясь ее желанию, на стене начала проступать еще одна фреска. Габор... Его красивая мужественная фигура словно возвышалась над всеми остальными. В одной его руке была зажата сабля с длинным изогнутым лезвием. Та самая, которой она поранила руку, чтобы доказать свою невиновность.

На другую была намотана цепь с острыми шипами, похожими на птичьи когти. Рядом с ним стоял незнакомый мужчина. Он склонился над телом... Фиданки! Неужели, Габор уже понял, что она пропала?

Олеся обернулась к демону:

— Эти фрески... они показывают... то, что сейчас происходит?

— Нет, они показывают будущ-щ-щее...

Он проследил за взглядом Олеси и раздраженно ударил лапой по фигуре Габора, оставляя на стене длинные царапины.

— Не жди его... Это будущее можно изменить... И мы его изменим...

Олеся откинула назад влажные от пота волосы и снова посмотрела на фреску. Царапины, словно раны на коже, начали затягиваться.

— Тогда почему это измененное будущее не появляется сразу?

Демон зашипел, позволив своему языку станцевать новый жуткий танец, прямо перед Олесиным лицом:

— А чтобы нас предупредить. Об опас-с-ности...

Но ведь так и есть. Сейчас он расскажет Крампусу о том, что видел на стене, и тот пошлет своих демонов поджидать Габора и второго мужчину. Олеся еще раз взглянула на фреску. Но она, как и остальные, начала тускнеть и через пару секунд совсем исчезла, оставив стену девственно белой.

— Куда они пропали?

Демон не ответил. Он буравил злым взглядом стену и шумно дышал. Алые глаза грозно сверкали. Олеся тоже посмотрела на стену.

Что ж, себя она узнала сразу. Она лежала в кровати Габора. Откинув назад волосы и выгнувшись дугой. Обнаженная. Грудь бесстыдно выставлена напоказ. Соски призывно торчат, а ноги разведены. Между них расположился мужчина. Его голову она притягивала рукой к бедрам. От увиденного стало так жарко, что даже ледяной ветер не смог остудить лихорадку.

Она видела лишь спину мужчину — широкий разворот плеч и красивые выступы лопаток. Длинное русло позвоночника и две впадинки на пояснице. Волосы растрепаны в таком диком беспорядке, что остается только гадать, что такое он творил между ее ног.

Но Олеся ни на секунду не сомневалась в том, что видит Габора. Это точно был он. Его спина, его волосы, золотисто-бронзовый оттенок ЕГО кожи. Длинные и короткие росчерки шрамов. Все его.

Демон задумчиво прошипел:

— Придется заняться-с-ся им...

Надежда, только что ожившая в сердце, тут же увяла. У них с Габором было будущее. Но чертов демон наверняка воспользуется подсказкой фресок...

— Ступа-а-ай давай...

Он снова толкнула ее, и Олеся заставила себя отвернуться от стены. Нельзя позволить ему уйти. Нельзя дать предупредить остальных.

Если она сейчас развернется и толкнет его, то сможет одолеть. Он не ожидает от нее нападения, а значит, не будет защищаться. А ей всего-то и нужно — нанести удар факелом, а потом поджечь его вонючую шерсть. Но может пострадать и эта идиотка — принцесса. Что же делать?!

Вот бы она тоже могла выпить демонской крови и обрести их силу...

Неожиданно лестница кончилась. Еще одна дверь. На этот раз массивная, добротная. С красивой резьбой. Ворон, распахнувший мощный крылья. На каждом было что-то написано. Вокруг ворона был круг из морд Крампуса.

Демон отодвинул ее в сторону и спокойно провел когтем по ладони. Сваливающуюся шерсть намочили темные густые капли. Демон прижал окровавленную ладонь к одной из маленьких морд и одним движением окрасил бордовым пятном весь круг.

— Гос-с-сподин мой, узнай кровь твоего с-с-слуги и отвори врата в с-с-свою обитель...

Олеся вздрогнула, когда дверь закрипела и сама собой начала открываться. Вот и все... По ту сторону ее ждет конец. Смерть, насилие, зелье — не важно. Ее душа просто умрет. Без Габора она не сможет. В груди стало так больно, что захотелось взвыть. Закричать. Разорвать чертову грудную клетку, чтобы не ныло, не болело.

Демон шагнул вперед и, дернув за длинную цепь, втащил ее за собой. Олесю окутало запахом моря и мороза. Внутри оказалось холодно и сумрачно. Башня — вот куда ее привели. Круглая просторная башня без крыши. Ветер бешено метался среди мрачных стен, снежинки пьяным хороводом носились за ним, но врезались в стены и оседали на них ледяными кристаллами. Темно-серое небо мрачно наблюдало за происходящим.

Олеся обхватила себя за плечи, пытаясь удержать хоть капельку драгоценного тепла. Она превращалась в ледышку, и, наверное, так было даже лучше — она не сможет чувствовать разрывающего душу отчаяния. Но... но разве не спас ее Габор, когда она вот точно так же оказалась на холодном балконе, испуганная и потерянная?! Нет. Ему нельзя сюда. Ни за что. Он не должен умирать из-за нее.

Может она просто не создана для счастья? Все, что ей позволено — несколько кратких, но до боли прекрасных моментов рядом с любимым мужчиной.

— Явис-с-сь, хозяин... Я привел ее...

Демон стоял на коленях посреди башни, и только сейчас Олеся заметила узоры на белом полу. Два выложенных мозаикой ворона с монетами в клювах. Птицы смотрели друг на друга красными глазами. На монете у одной снова была морда Крампуса. У другой монету украшало... Олеся чуть согнулась, всматриваясь в мелкое, но вполне отчетливое изображение. Возможно, если бы она не видела вживую, то не узнала бы лицо. Но сейчас сомнений почти не осталось. Морозный Дед.

Олеся готова была зарыдать от нахлынувшей истерики. Что все это значит? Что?! Ворон со знамен матери Габора. Две монеты. Крампус и Морозный Дед. Почему она во всей этой чертовщине?! Ей ведь просто хотелось любви. Любви Габора...

Ветер окончательно растрепал волосы, выстудил покрытую потом кожу. Даже рана в плече перестала болеть и покалывать. Олесю словно парализовало холодом.

Неожиданно из щелей в стене начала сочиться... лава. Огненно-яркие капли вытекали, словно сок на коре дерева. Одна за другой, они ползли вниз, собираясь в ручейки. Все больше, больше и больше.

Олеся перевела взгляд на демона. Он зачарованно смотрел на то, как лава уже бурными потоками бежит по стене. Лежащая у его ног Генриетта не двигалась. А огненные лучи уже добрались до пола, сползли на него длинными змеями и начали свой новый путь.

Олеся была уверена, что они достанут до ее ног, но нет. Огненные реки словно обладали разумом. Они растекались кругом, отползали от контура и складывались в непонятные символы. Стена начала оплавляться. Повеяло жаром и вонью паленой шерсти. От каменной кладки, напротив Олеси, не осталось и следа. Но с той стороны была вовсе не пустота.

Сердце забило часто и тяжело. Волны страха начали накатывать одна за другой.

За оплавившейся стеной бушевала кипящая лава. Брызги взмывали в воздух крошечными фонтанчиками и со звуком, от которого кожа покрывалась мурашками, бултыхались обратно. Над

морем лавы клубился черный дым, в котором мелькали очертания людей. Только больше они напоминали высохшие скелеты. Тонкие руки и ноги, выпирающие ребра. На островках земли торчали скрюченные в немыслимых муках деревья. Повсюду были воткнуты копыя, на которых застыли обуглившиеся от жара лавы тела. Олеся даже разглядела, как трепещут на горячем ветру яркие полотна знамен.

С той стороны стены слышался лязг металла и воронье карканье.

Олесю обдало волной горячего сухого ветра. Огненные брызги и капли лавы полетели в ее сторону.

Расширившимися от ужаса глазами она всматривалась в жуткую картину по ту сторону башни. Кто-то закричал, зазвенело оружие. Из темного сумрака, подсвеченного красно-оранжевой лавой что-то вылетело.

Олеся закричала и отшатнулась, когда к ее ногам покатила отрубленная человеческая голова. К горлу снова подступила тошнота. Опять кто-то закричал, и Олеся увидела, как смазанные в черном тумане тени сошлись в дикой схватке.

Фигура с огромными рогами насадила на копье противника. Конечности человека дрожали, все тело тряслось в судорогах, хорошо различимых даже сквозь темное марево.

Боже, что там происходит?.. Что это за место? Какая битва там идет?

Рогатый силуэт увеличивался. Шаг за шагом, воин только что расправившийся с другим, приближался. Он становился все больше и больше.

От собственной глупости хотелось нервно рассмеяться. Рога, фигура, вырастающая до невероятных размеров... Вот он — хозяин преисподней. Крампус.

Олеся задрала голову, когда из клубов серого марева вышел огромный демон. Он действительно с ног до головы был покрыт шерстью. Длинной, угольно-черной. Вишневыми каплями с нее стекала кровь.

Бездумно Олеся следила, как каждая капелька превращается в крошечный алый рубин.

У демона не было козлиных копыт, как на фресках, которые она видела в тайном зале. У него вообще не было ног... Олеся не сразу поняла, что на Крампусе длинный меховой плащ. Лоснящаяся черная шерсть намочена от крови и тянулась за демоном тяжелым саваном.

У него было три пары рогов — огромные дуги возвышались над головой жуткой короной. И с них тоже стекала кровь, а еще частички чего-то... кажется, человеческой плоти.

Рвотный спазм сдавил желудок, а потом и горло. Олеся часто коротко задышала, пытаясь справиться с тошнотой. Запах пепелища и соленой влаги проникал в ее тело через поры, заполняя собой нутро.

Крампус вышел из тумана и дыма, перешагнул через ручьи лавы и ступил на каменный пол, покрытый тонким слоем хрустящего снега. Снежинки возле его ног тут же превратились в воду, а она — в белесый пар.

Олеся подняла глаза, готовая увидеть жуткую морду и подобный змее язык. Но этот демон отличался от других... Олеся не знала, откуда ей это известно, но на нем точно была деревянная маска. В прорезях отчетливо виднелись человеческие глаза. Только радужки в них были оранжевого цвета — словно лава, бурлящая по ту сторону стены, пролилась и туда. Выглядывающий изо рта язык был кусочком алого лоскута. Он трепыхался на ветру туда-сюда и казался скорее смешным, чем страшным.

Но почему-то Олесе совсем не хотелось смеяться. Ее била дрожь настолько сильная, что стучали зубы. Пот выступал на коже и тут же превращался в ледяную корку. Олеся была готова увидеть уродливого монстра, почти свыклась с мыслью, что ее просто растерзают на куски, как всех тех несчастных женщин, которые попадали к нему в лапы.

Но то, что скрывалось за маской, было намного хуже... Олеся знала это.

Жутковатый сип разнесся по башне:

— Наконец-то... Ты еще красивее, чем я думал...

Демон шагнул к Олесе. Она пристально следила за каждым его шагом. За каждым движением. Маска не двигалась, и казалось, что звук доносился откуда-то со стороны. Как будто говорит призрак. Бестелесный дух, которого нельзя увидеть или потрогать, но который может оставить от тебя только кровавые ошметки.

— Мо-о-ой гос-с-сподин, я привел ее... Как вы и прос-с-сили...

Деревянная маска повернулась к преклонившему колени демону. Налетевший ветер потрепал алый лоскут. От того, как безвольно зателепался «язык», по коже пробежали мурашки омерзения.

— Да, ты справился...

Он говорил спокойно, немного задумчиво. Обычным мужским голосом, но с неприятным сипом. Как будто его горло было обожжено.

— Встань. Проси, что пожелаешь...

Кажется, они забыли о ней. На полу все так же лежала принцесса. Ее пальцы слегка дрожали, но на этот раз Олеся не собиралась никого спасать, кроме себя. Она сделала крошечный шаг назад. Еще один. И еще. Ноги обдало горячим воздухом. Огненный контур из лавы жег кожу через одежду.

— Верните мне облик людс-с-ской... позвольте с-с-нова с-с-тать человеком...

Олеся застыла от удивления, услышав просьбу демона. Он хочет стать человеком? Не просто стать — вернуть себе человеческий облик. Значит, когда-то он БЫЛ ЧЕЛОВЕКОМ. Но Габор говорил, что монстры родились от союза обычных женщин и мужчин, переполненных демонской кровью.

Да плевать! Нужно бежать отсюда. Пока еще может.

Она развернулась и, стремглав, бросилась к двери, через которую демон ее привел сюда. Но стоило достигнуть огненной границы, попытаться перепрыгнуть через нее, как перед ней выросла прозрачная, сияющая алым стена. Олеся отбросило назад. Кожу, в тех местах, где она соприкоснулась с горячим барьером, обожгло огнем. Она проехала по полу, прямо к ногам Крампуса.

Он тихо рассмеялся:

— Какая отчаянная... Смелая... Моя прежняя жена тоже была такой. Я думал, что она такая... Но она оказалась трусихой. И предательницей. А ты? — Крампус нагнулся к Олесе и провел затянутой в перчатку ладонью по ее щеке.

Ощущение было таким, словно по ней прополз склизкий червяк.

Олеся снова начало тошнить. Буквально выворачивало наизнанку. Будто все органы разом решили покинуть ее тело.

Крампус снова повернулся к демону:

— Что ж... за верную службу я дарю тебе то, чего ты так жаждешь. — Он обхватил руками рога демона и одним махом сломал их.

Демон взревел так громко, что сотряслись стены башни. Он упал на пол, корчась в жутких судорогах. Царапал когтями по полу, высекая ослепительно яркие искры.

Олеся поняла, что ей не выбраться. Это какой же нечеловеческой силой нужно обладать, чтобы сломать рога толщиной в руку?! Даже Габор с ним не справится... И тут же в памяти всплыли слова Морозного Деда. Она не верит в Габора... Он столько сделал для нее, а она продолжает в нем сомневаться. Идиотка.

Демон уже просто поскуливал. Катался по полу, внутри огненного круга. Сжимался в калачик, словно эмбрион в теле матери. Вдруг его мех начал опадать, окровавленные клочь оставались на полу. Показалась обычная человеческая кожа — болезненно бледная, обтягивающая кости, с некрасивыми прожилками вен. Олеся не могла отвести взгляд. Демон продолжал кататься по полу, пока его тело жутким образом трансформировалось. Исчезали длинные лапы и когти на них, остатки рогов рассыпались в серый прах. На голове уже были видны обычные волосы — длинные космы, сбившиеся в колтуны. В один момент шерсть исчезла совсем, и осталось только человеческое тело. Тощее и долговязое. С огромным горбом и отовсюду торчащими костями. Они натягивали кожу, чуть ли не прорезая ее.

Демон начал подниматься. Горб давил на него, заставляя согнуться едва ли не дугой. На лицо он был так же страшен. Длинный крючковатый нос. Кривые, покрытые гнилью зубы. Глаза... глаза остались прежними — на выкате, с безумным полуосмысленным взглядом.

Теперь уже человек сделал неуверенный шаг в ее сторону. Один, второй, третий. Олеся в страхе отползла от него. А Крампус рассмеялся. Наверное только сейчас мужчина осознал, что с ним что-то не так, потому что обхватил себя руками и принялся щупать спину, лицо, волосы.

— Что со мной?! У меня не было горба! Почему я такой?! — Даже голос его звучал страшно. На надрыве. Как будто прямо сейчас его режут по живому.

Крампус расхохотался еще громче:

— Ну а чего ты хотел? Столько прожить, творя скверну, истязая и мучая, насилуя, поедая своих жертв... Ты сам сделал себя таким.

— Нет! Нет! Я был не таким! Я был красивым! За мое внимание боролись все женщины Ибраньи!

Крампус снова рассмеялся:

— С тех пор прошла не одна сотня лет. Я думаю, они и сейчас не будут прочь с тобой отдохнуть от своих мужей. — Отвратительный гогот разнесся по башне и улетел в небо. — А я займусь своей будущей супругой. — Он встал напротив Олеси. — Вставай, моя прекрасная невеста. — Он протянул Олесе руку.

Олеся помотала головой. Даже под угрозой смерти она не прикоснется к нему. И все равно, что он в перчатках!

— Брезгуешь? — Его голос опасно понизился, став похожим на жуткий змеиный свист. — А на нем скакала, как шлюха! Думаешь, он лучше?! Думаешь, у него власти больше? Богатств? Да никто со мной не сравнится! Никто...

Он больно схватил Олеся за волосы и потянул вверх, заставляя подняться на ноги. Ей даже удалось подавить вскрик. Она вообще онемела от ужаса. И в то же время, в душе крепла странная убежденность, что она должна быть сильной. Должна быть храброй.

— Знаешь, скольких я повидал? — Жуткая маска приблизилась к ее лицу. — Сколько красавиц мечтали услужить мне? — Он сжал ее шею, перекрывая поток воздуха.

Олеся почувствовала, как ноги отрываются от пола. Он сломает ей шею! Она и словечка пискнуть не успеет.

Что-то изнутри подтолкнуло вцепиться в плащ. Пальцам тут же стало липко от крови. В нос ударил запах гари. Едкий дым, от которого запершило в горле.

С трудом Олеся прохрипела:

— Мечтали? Поэтому их приковывали цепями?.. Поили любовным зельем?!

Крампус откинул голову и расхохотался:

— Думаешь, знаешь все? ГОСПОДАРЬ рассказал страшную тайну? Конечно, он... Больше никому... А он не рассказывал, как наши жены с ума сходили от желания оказаться под Крампусом? Как травили друг друга, чтобы убрать с пути соперниц? Как просили у своих мужей еще и еще драгоценностей, богатства, власти?!

Олеся вцепилась в его руки. Под перчатками они ощущались обычными. Мужские запястья. Он говорил так, словно он не был Крампусом.

— Разве... разве не этого тебе хотелось?

— Не-е-ет... нет, иномирняка. Совсем не этого. Я хотел, чтобы моя жена любила только меня. Чтобы смотрела на меня. Хотела меня. Не проклятого Крампуса!

Кажется, она сходит с ума.

— Это ведь ты... Ты — Крампус!

Он медленно опустил ее на ноги.

— Я не всегда им был, моя красавица. Не всегда...

Он потянулся к маске. Олеся закусила губу, боясь закричать. Медленно, словно никуда не торопился, демон начал снимать деревянную личину. Сначала он снял и отбросил рога. Они неприятно чиркнули по полу, оставляя длинные тонкие царапины. Потом развязал ленты, которых она до этого даже не замечала.

Когда ладонь накрыла деревянную маску, сердцебиение достигло опасного предела. Олеся чувствовала, как оно бьется о грудную клетку и рвется наружу. Острая боль расплзалась горячей лавой по всей груди.

Она ожидала увидеть что угодно. Пульс зашкаливал. Рубашка Габора промокла от пота. Ее всю трясло. Будто кто-то подключил к ней электрошокер.

В горле уже зародился крик. Но он замер на губах, когда демон медленно опустил маску.

Первое, что она увидела, — глаза. Пронзительно голубые, слишком знакомые ей глаза. Глаза, в которые она смотрела пару часов назад. Прямой нос, четко очерченные губы, широкие брови.

Он полностью убрал маску. Олеся тяжело выдохнула. Нет, это был не Габор, но... но он мог быть его братом. Или отцом. Да любым родственником!

Они были похожи. До безумия. Настолько, что становилось страшно. Будто, кто-то пытался создать копию ее господаря, и это почти удалось.

— Ну? Я не такой урод, как тебе рассказал господарь Баттьяни?

В голове не укладывалось. Жуткий Крампус был человеком. Обычным человеком. Нет. Это все неправильно. А как же фрески? Как же жуткие картины и статуи?

— Тебе даже не придется представлять ЕГО на моем месте. Это какая-то насмешка... Мы ведь... даже не связаны с ним кровно. Хотя, почему это не связаны? Он ведь выпил кровь стольких моих сыновей... Я проследил, чтобы в нем хоть так была часть меня.

Олеся честно пыталась понять. Ответ ведь лежал на поверхности. Где-то совсем рядом. Но она никак не могла добраться до него.

— Кто ты? — Губы пересохли от горячего воздуха, прилетающего с той стороны стены.

Ветер трепал волосы, бросал в глаза, и сквозь их завесу она видела искаженное лицо мужчины. И вот сейчас он казался до ужаса похожим на Габора.

— А ты не догадалась? — Он развел в стороны руки, демонстрируя своя странный мохнатый плащ.

Ветер подул сильнее, вздувая подол и почудилось, что перед ней стоит огромная птица с человеческой головой.

Боже, ну она и дура! Это был не мех! Сейчас, в отблесках пламени она отчетливо разглядела, из чего был сделан его плащ — перья. Тысячи черных перьев.

Едва слышно она выдохнула:

— Ворон...

И та статуя, открывающая тайный проход... И кубок, украшенный птицами...

Снова бездумно повторила:

— Ворон...

Демон или обычный человек, кем бы он ни был, тряхнул головой, отбрасывая назад волосы. В этом тоже было что-то неуловимо напоминающее Габора.

И вот сейчас Олеся поняла, что все то, что чувствовала с момента появления в зале демона, было совсем не страхом. Нет, это были просто переживания. Так, ерунда.

Страх, настоящий, липкий, леденящий душу ужас, она испытала только сейчас. Когда руки и ноги отнялись, отказываясь слушаться. Когда в висках застучало так, что глазам стало больно. Когда показалось, что глазные яблоки плавятся и вытекают вместе со слезами и кровью. Когда в животе все сжимается мучительными спазмами, от которых хочется согнуться пополам. Но согнуться тоже не получается, потому что тело больше не слушается.

Вот настоящий страх. И он лишь от одной, за секунду мелькнувшей мысли. А что если там, на фресках по пути в башню, был не Габор? Просто, кто-то очень похожий на него? А она... просто перепутала. ПЕ-РЕ-ПУ-ТА-ЛА!

Ведь могло же такое быть? Могло. Она же непутевая! Она же дура! Дура-а-а...

— Ну что ты застыла? — Он подошел к ней ближе, снова окружая жутким запахом гари. Коснулся рукой щеки.

Олеся даже не нашла в себе сил отодвинуться. Просто отстраненно подумала, что плачет. А ведь даже не заметила.

— Да... Ворон. Последний из Великого Рода Воронов. На мне он прервался. Несколько десятков лет назад. А такое ощущение, будто прошла вечность. — Его голос звучал задумчиво. — Быть Крампусом нелегко... Там, — он махнул головой в сторону поля битвы, подернутого черно-алым маревом, — нет ни дня, ни ночи. Бесконечный закат. Одному там безумно тяжело. Но вот любимая жена поможет смириться с моей участью.

Олеся сжала кулаки и решительно отступила назад:

— Я тебе не жена!

— Но очень скоро ею станешь.

— Нет. Никогда!

Он бросился к ней, снова сгребая волосы в кулак и оттягивая голову назад с такой силой, что хрустнули шейные позвонки. Олеся почти приготовилась к тому, что он просто на просто свернет ей шею.

— Видишь ли, иномирянка, твоего согласия здесь никто не спрашивает! Как не спрашивали моего, когда меня женили на брюхатой аристократке. А кого интересовало мое мнение, ведь она была любовницей короля?! Он ее трахал, а их ублюдка должен был растить я. Я! А как думаешь, что я получил в благодарность? Что сделала женщина, ради которой я был готов на все? Ну?! Знаешь?! Давай, скажи, ты ведь такая же... Думаешь, я не знаю, о чем ты просила Морозного Деда?

Олеся почувствовала, что начинает задыхаться. Откуда..? Он не может знать...

— О, гадаешь, откуда мне известно? По глазам же вижу, что гадаешь... А я рядом с ним был. — Он улыбнулся страшной улыбкой садиста. Сумасшедшего. Красивое лицо исказилось. Как она могла считать его похожим на Габора? Нет, у них не было ничего общего. Редкие улыбки преображали лицо ее господаря. Делали его еще красивее. А этот превратился в уродливого монстра. — Это у меня он спрашивал, позволить тебе жить или умереть. Я решал, закончится твоя жизнь на той дороге, или у тебя будет второй шанс... А знаешь, почему? Ну, знаешь?

Олеся снова помотала головой, морщась от боли в натянутой коже. Еще немного, и он просто вырвет ей волосы.

— Потому что ты моя награда за то, что я вынужден делать все эти годы. Да, об этом тебе господарь не расскажет. Он ведь и сам не знает. Никто не знает. Знаешь, кто такой Крампус? А, Олеся-я-я-я, знаешь?

Ему было известно ее имя и то, как она попала сюда. Ему было известно все. Неужели, ее судьба предрешена? Олеся не хотела думать об этом. Пока он не утащил ее за стену, в тот жуткий, воняющий смрадом мир, у нее еще был шанс. Призрачный, наивный, но шанс. И она цеплялась за него изо всех сил.

— Смотри, видишь монетки? — Он отпустил ее и толкнул в центр круга.

Олеся едва удержалась на негнущихся ногах. Чуть не врезалась в жуткого горбуна, который сидел на полу возле принцессы. Господи, она ведь совсем забыла о них обоих! Даже не видела.

Она вообще пребывала в каком-то странном беспамятстве. Не ощущала ни снега, хлопьями срывающегося с неба, ни жара с другой стороны стены.

— Вот Морозный Дед, а вот — Крампус... Две стороны одной монеты. — Демон шагнул ей за спину. — Крампус — брат Морозного Деда. Когда один исполняет желания и приносит дары тем, кто ведет достойную жизнь, второй карает всех грешников. Наказывает тех, кто творит бесчинства. Он утаскивает их в преисподнюю, в самое пекло, где все они вынуждены каждый день сражаться с подступающей тьмой, с ее жуткими порождениями... Вот, что должен делать Крампус — пополнять свое воинство грешниками. Убийцами, ворами, насильниками. Тебе не кажется, что это несправедливо? Один — любимчик всего народа. А второй — его самый страшный кошмар. Однажды Крампус тоже решил попробовать приносить дары. Золото, самоцветы, власть — в обмен на сущую малость. Знаешь, что он попросил взамен?

— Н-нет...

Демон захохотал:

— Ничего! Представляешь, ни-че-го?! Вот только умолчал, что придется занять его место в преисподней. Оказывается, Крампус — это не какое-то жуткое существо с рогами и мехом. Это десятки, сотни, тысячи мужчин, которые решили, что смогут обыграть судьбу и получить все. Я заключил сделку, чтобы стать достойным своей жены... Я всегда ее любил. Красавица...

Черноволосая, стройная. А глаза... Она так смотрела. Не на меня — на короля. Я готов был отдать все за один такой взгляд! И в один день мои молитвы оказались услышаны: сам король женил нас. Какая честь! А вот в первую брачную ночь меня ждал сюрприз. Я был так ослеплен ее красотой и собственным счастьем, что даже не замечал круглого живота под ее платьем. Король выдал за меня свою же любовницу! Чтобы избавиться от нее! А я был дураком, который так обрадовался, что не понял этого. Но думаешь, на этом все закончилось? Нет, Олеся... Все самое интересное только начиналось.

Демон снова стал перед ней и по-птичьи наклонил голову к плечу. Сейчас Олеся совершенно четко видела его сходство с вороном. Почему-то это занимало ее намного больше, чем «душещипательная» история его жизни. И только когда встретила с ним взглядом, заглянула в самую глубину ярко-голубых радужек, отдельные части мозаики начали складываться сами собой. Ворон... Любовница короля... Ребенок, который должен был родиться... Незаконный ребенок короля Бергандии.

— Ты из Рода Ворона. И мать Габора была из Рода Ворона.

— Ну, наконец-то ты все поняла. Ты казалась мне умнее. Впрочем, это не главное достоинство молодой жены. — Он снова жутко улыбнулся. — Она никогда не была из Рода Ворона. Да, я дал ей свою фамилию. Воспитывал. Называл дочерью. Но как же я ее ненавижу... Маленькое королевское отродье. Сначала я думал, что смогу с этим жить. Смогу полюбить чужого ребенка. У меня бы получилось. Если бы моя драгоценная женушка не повторяла каждый день, какое я ничтожество. Она восхищалась тем, кто подложил ее под другого, понимаешь? Ни на минуту не теряла надежды, что он обратит на нее внимание. Вспомнит о ее существовании. А он развлекался с другими. Даже думать о ней забыл. На моих глазах она вешалась на него. Умоляла снова сделать своей любовницей! А когда он отшвырнул ее, бросилась целовать ноги. Ползала за ним, как какая-то шлюха... Знаешь, что она мне сказала, когда я попытался ее поднять? Что я и в подметки ему не гошусь! И тогда я решил, что сделаю все, чтобы она пожалела о своих словах. Неподалеку есть чудное местечко — называется Гора Дракона. Возможно, ты ее видела.

Олеся вспомнила скалу, которую разглядывала в окно, когда Габор запер ее в спальне.

— Местные верят, что именно туда демоны утаскивают своих жертв. Оказывается, это правда! Я был раздавлен, в отчаянии, когда забрел в пещеру. Молил любую силу помочь мне. И тогда появился Он... Предыдущий Крампус.

Он медленно стянул перчатки и небрежным жестом отбросил их в сторону. Вновь приблизился к Олеся. Полы плаща взметнулись, и опять он стал похож на огромного парящего в небесах ворона. Когда он встал почти вплотную, Олеся разглядела жутковатые когти на его пальцах — совсем как у птиц. Он ухмыльнулся, проследив за ее взглядом, а потом снова сжал ее шею, отвернулся и потащил за собой, к проему в стене. Олеся вцепилась в запястье, впила ногтями, пытаясь его оцарапать. Но его пальцы сжимались сильнее, вытягивая из ее горла хрипы. Сухая кожа обжигала болью. Казалось, что он надел ей на шею раскаленный металлический ошейник, который сейчас прилипал к горлу, вплавляясь в него.

— Мне тоже рассказывали сказочку о том, как прародители Великих Родов заключили сделку с Крампусом, как он требовал себе в жертву красавиц... Я ведь единственный в своем роду, должен был сражаться с демонами, и мне, конечно, поведали о том, откуда берутся силы сразить демона. Вот только все это ложь. С самого начала было ложью. Один из них вернулся в ту пещеру и рискнул заключить сделку с Крампусом — самым первым демоном. Он пожелал такой же власти, какая была у Крампуса. Таких же богатств. И демон исполнил его желание... — Странный мужчина снова захохотал. На этот раз еще более безумно. — Поменялся с ним местами. Отдал все свои силы, власть, а заодно и бремя. Новый Крампус должен был отправляться в преисподнюю и сражаться с тьмой. Все, чего он хотел, — это, чтобы его жена пошла с ним. Он бы смирился с тем, что вынужден проводить вечность в пекле, если бы его любимая была рядом. Но она только посмеялась над ним. Какая женщина добровольно отправится в преисподнюю?! Да никакая! Вот и она не пошла. И тогда он ее заставил...

Крампус подтащил ее еще ближе к проходу и безумным взглядом уставился на Олеся. Ей даже показалось, что его глаза выкатились из глазниц, совсем как у Страшилищ.

От обжигающе горячего ветра тут же начали трескаться губы. Глаза заслезились, и пришлось их на секунду закрыть. Олеся ужасно боялась, что как только прикроет глаза, случится что-то непоправимое.

Но терпеть больше не было сил. Она опустила веки, и тут же Крампус заговорил:

— Он ее убил... Насиловал столько, что она не выдержала. — Олеся распахнула глаза, встретившись с безумным голубым взглядом. — А потом ему потребовалось еще и еще... Видишь ли, Крампус вечен. Меня нельзя убить. Можно только поменяться со мной местом. Моя избранница тоже

получит бессмертие, испив моей крови. Но должна она это сделать добровольно. Как оказалось, любовный напиток не помогает... Ни одна выпившая его не выжила. Пробуя кровь демона, они становились безумными. Одни сами бросались во тьму, отдаваясь ее порождениям. Другие спускались прямо в лаву. Зелье туманило разум, но не делало их влюбленными. А кровь только сильнее мутила рассудок. Они думали, что влюблены, но никаких искренних чувств не испытывали.

Олеся вогнала ногти в его кожу, расцарапывая до крови.

— Я тоже не испытываю никаких чувств к тебе, кроме ненависти... Ты не сможешь сделать меня бессмертной...

— Знаешь... моя жена тоже меня ненавидела. Когда я бросил к ее ногам богатства, которыми теперь владел, она только рассмеялась, назвав меня никчемным. Даже с ними я не мог сравниться с ее любимым королем. Она называла меня слабаком. Жалким ничтожеством. Наверное, нужно было изменять ей у нее же на глазах и ни во что не ставить. Когда я забрал ее в преисподнюю, я не стал давать ей никакого напитка. Хотел, чтобы она полностью осознавала, что я с ней сотворю. Чтобы была в сознании до последнего своего вдоха.

Теперь Олеся знала, что мир по ту сторону башни и есть преисподняя. Но даже ее жар не мог растопить холода, сковавшего все ее тело. Как никогда отчетливо Олеся ощущала каждую снежинку, опускающуюся на ее лицо, каждый порыв ледяного ветра. Она уже чувствовала похожее — когда оказалась на длинном балконе, блуждая по замку. Тогда ее спас Габор. Теперь... Теперь она должна сделать все, что угодно, лишь бы спасти его. И весь замок. Ведь все, что происходит... Кажется, это происходит именно из-за нее.

— Я отдал ее на растерзание своему воинству. Прямо на поле битвы. Мои верные братья и сыновья поставили трон, украшенный воронами, чтобы она видела мой герб и помнила, кто стал ее мужем. А потом я разрешил им пользоваться ею. Каждому. На поверженных телах, среди крови и грязи — вот где было ее место. Они держали ее так, чтобы она все время смотрела на меня. Она даже пыталась смеяться. Все твердила, что этим ее не напугать, что я настолько жалок в постели, что демоны и те лучше. Но этой бравады хватило не надолго. Как же она кричала... Сначала проклинала меня, потом начала умолять... Наконец вспомнила, что я любил ее. Пыталась напомнить и мне об этом. Как я могу поступать так с той, которую люблю?! — Он дико захохотал. — Вот тогда я и осознал свою власть. Хочешь посмотреть, как это было?

Олеся в ужасе затрясла головой. От каждого движения его когти впивались в кожу, но она уже не обращала внимания на такую досаду, как физическая боль.

— Я тебе все равно покажу. Чтобы ты не допустила ее ошибок. Смотри.

Все еще сжимая шею Олеся мертвой хваткой, Крампус опустился на колени, заставляя и ее последовать за ним. Зачерпнул лавы из бегущего ручейка и швырнул ее на островки земли в преисподней. Со змеиным шипением капли начали впитываться в землю. Вверх заструился сизый туман. Стоило ему немного рассеяться, как Олеся рассмотрела очертания высокого трона, который несли два лохматых демона. Они водрузили его прямо на тела убитых.

А потом начало происходить то, о чем Крампус ей только что рассказал. Она даже слышала крики несчастной женщины. Олеся не понимала, как можно пережить подобное. Но жена Крампуса терпела. Она умудрялась смеяться и бросать ему в лицо оскорбления. Но с каждым разом ее голос становился все тише и тише. А демоны... они не гнушались ничем. Олеся зажмурилась, когда сразу трое набросились на женщину.

— Думаешь, что после этого я пойду с тобой? — Она с трудом хрипела. Горячий воздух обжигал горло. Казалось, что она захлебывается собственной кровью.

— Пойдешь, конечно. Если не хочешь, чтобы я отдал твоего дорого Габора на потеху его собственному братцу.

Наконец он отпустил ее горло, оттолкнув от себя.

— Выбирай, или ты следуешь за мной добровольно, и я позволю господарю Баттьяни умереть в битве. Либо... ты будешь смотреть на то, как его насилуют собственный брат и моя армия. Пойми, Олеся, ты мне предсказана... Это о тебе было то пророчество. Ты примешь мою кровь. Ты рождена не здесь, твои глаза, как звезды. Прежний Крампус думал, что дева напроорочена ему, но он тебя не дождался. А значит, ты для меня. Ты ведь выпьешь мою кровь?

Он снова запустил ладонь в кипящую лаву и достал из нее кубок. Тот самый, тяжелый и серебряный, который она нашла в потайном зале. Грубая резьба, синие камни. Морда Крампуса и изображения птиц. Это точно был он.

— Ты примешь мою кровь в себя и обретешь бессмертие. Станешь моей супругой и будешь

дождаться меня в нашей крепости, пока я буду сражаться с тьмой. А когда я буду возвращаться... — Он потянулся к ее волосам и начал наматывать пряди на пальцы. — ...ты будешь встречать меня, предлагая свое красивое тело.

— Никогда этого не произойдет.

Олеся не знала, где берет решимость спорить с ним. Особенно, после того, как увидела, что он сделал со своей женой. Но так просто сдаваться она не собиралась. Бороться до конца. До самого конца, каким бы он ни был.

Крампус покачал головой и провел пальцем по ее губам. Олеся вздрогнула от омерзения.

— Ты все равно станешь моей. Это предначертано. А предначертанное всегда сбывается. Пойми, Олеся... ты можешь уйти со мной добровольно, и тогда никто больше тут не пострадает. А можешь сопротивляться мне... ценой твоему сопротивлению будет Габор и все, кто живут в крепости. Я заставлю тебя смотреть, как изо дня в день господарь становится шлюхой моих демонов. Ты будешь наблюдать за тем, как его пользуют, пока он не привыкнет настолько, что начнет получать от этого удовольствие... Ведь лучше лечь под демона, чем стать его жертвой. А я постараюсь причинить ему столько боли, что он сам будет умолять...

— Хватит! — Олеся закричала так громко, что голос разлетелся эхом по башне. Тело вдруг ожило, руки потянулись вперед. Она вцепилась ногтями в лицо демона, оставляя на его щеках длинные кровавые царапины.

Демон зашипел, отдергивая голову. Олеся не смогла сдержать мстительную улыбку.

— Думаешь, этими жалкими угрозами ты заставишь меня пить твою проклятую кровь? Можешь влить в меня эту лаву, но никогда и ничего я не сделаю для тебя по своему желанию. Я не твоя жена и никогда ею не стану. Она была права — ты жалкое ничтожество. И каждый день своего существования я буду напоминать тебе об этом, пока ты не решишь меня убить. О, нет, я же стану бессмертной... — Олеся улыбнулась еще шире, чувствуя подступающее безумие. — Нас ждет чудесная семейная жизнь. Ты уже готов, «дорогой»? — Она никак не могла перестать улыбаться.

Крампус стер с лица кровь и тоже улыбнулся. Вот только его улыбка была жутким оскалом маньяка, которому уже нечего терять и который придумал тысячи издевательств для своей жертвы.

— Ты еще лучше, чем я представлял. Габора тоже называла «дорогой»? — Он повернулся к двери, через которую демон их сюда привел. Его губы искривились в жуткую пугающую ухмылку. — Сейчас мы его об этом спросим...

Глава 32

— Все обитатели замка спрятаны в потайном зале. С ними отряды Марка и Радисло. Как вы и приказали, я отправил дозорных в лес, проверить нет ли демонов у тайного прохода. Если там будет чисто, мы начнем выводить людей.

Габор на ходу выслушивал доклад Вазула, но не слышал ни одного проклятого слова. Ни одного! Все мысли были сосредоточены на Олесе. Он не думал об Адрианне, Драгане и даже о Миклоше, чья кровь пропитала одежду. Тем более не думал о короле и пропавшей принцессе. Ему было плевать на сотню людей, оказавшихся в ловушке замка. Все мысли были сосредоточены на Олесе.

Он потерял ее... Оставил одну, когда нужно было приковать к себе пресловутой цепью и не отпускать ни на шаг.

Ему еще никогда не было так страшно. До безумия и черной пелены перед глазами. И еще ни сразу в жизни он не чувствовал себя настолько бессильным. Как только удержался и не свернул шею портнихе, когда увидел ее среди слуг. Бледная тварь распихивала посудомоек, пытаясь первой попасть в потайной проход.

Она призналась, что оставила Олесю и принцессу в зале, а сама отправилась искать его. Искать его! Если бы не Драган, оттащивший его от швеи, Габор бы не сдержался.

Он заметил портниху совершенно случайно. Она расталкивала прислугу и пыталась подобраться ближе к стражнику, который должен был вывести всех, кто еще оставался в западной части крепости. Возле портнихи вились помощницы, которые усердно орудовали локтями, прокладывая дорожку себе и своей госпоже.

Габор тут же бросился к швее. При его появлении все голоса смолкли. С его пути убирались перепуганные слуги, будто он сам был демоном, явившимся по их душу. Карать и вершить суд.

Но дело наверное было не в этом. Все из-за одежды, пропитавшейся кровью так, словно он искупался в ней.

С трудом соображая, что происходит вокруг, он приблизился к портнихе. Молчаливые слуги благоразумно расступились в стороны.

Он схватил трусливую тварь за плечо и тряхнул так, что ее голова едва не оторвалась:

— Где госпожа Маргит? — Голос превратился в жуткое рычание, почти неотличимое от демонического.

— Она... Она с Ее Высочеством... Мне было приказано оставить их...

Белобрысая стерва добралась до Олеси. Наговорила ей неизвестно чего... Вполне возможно что оскорбила или напугала. Избалованная дрянь могла сделать что угодно, и защитить его женщину было некому. Потому что он тратил драгоценное время на брата.

Взять себя в руки еще никогда не было так сложно. Мысли, одна хуже другой, толкались в голове, превращая его в одержимого безумца. Это только его вина. Скольких бы он не убил, исправить ничего не сможет.

Но среди сонма страхов за свою женщину и ненависти к самому себе, мелькнула надежда. Нет, Олесея не из тех, кто легко сдается. Она сможет продержаться, пока он ее не найдет. Обязательно сможет. Она ведь столько его ждала. И он не должен подвести ее сейчас, когда они были в шаге от того, чтобы получить друг друга навсегда. Никакие демоны ему не помешают. И даже Крампус, будь он проклят, не получит ту, которая завладела всеми мыслями и желаниями Габора. Наконец у него было то, за что биться. И он будет биться до конца.

Не правы говорящие, что непобедимы те, кому нечего терять. Непобедимы те, кому есть, за что сражаться. Потому что они познали то, насколько сладкой и желанной может быть жизнь, а значит, будут рвать за свое до конца.

Что-то в трусливом взгляде швеи его насторожило. Ее глаза перебежали с его искаженного яростью лица на окровавленную одежду, потом на Драгана, стоящего за спиной. Она будто искала помощи и поддержки.

Габор сжал пальцы вокруг цыплячьей шеи портнихи, наблюдая, как из мертвенно бледного ее лицо становится багровым:

— Хвать врать мне, тварь... Я хочу слышать правду...

— Там кто-то был... — Она едва слышно просипела, слепо цепляясь за его запястье.

Габор не смог сдержать подступающую ярость.

Пальцы сжались сильнее. Он едва ли не оторвал мразь от пола:

— Кто?!

— Н-не знаю... Кто-то стучал... в... в стену...

Габор швырнул дрянь на пол:

— Почему вы никого не позвали?!

— Я... я забыла! Ее Высочество отослала меня, и я... отправилась на ваши поиски. Но вас нигде не было...

Габор не осознавал, что творит, в кого превращается. В нем бурлили гнев и ярость, дикое, разрывающее душу отчаяние. Прямо сейчас кто-то невидимый копошился в его нутре, вытягивая наружу жилы. Он замахнулся ногой, желая размозжить голову мерзкой твари, но Драган навалился на него сзади, удерживая от неминуемого убийства. Он что-то кричал солдатам, приказывал помочь, и те, больше страшась его, чем демонов, с опаской подходили к Габору и пытались его оттащить.

В голове немного прояснилось. Достаточно для того, чтобы осознать всю степень своего бессилия. Он был готов убить каждого в замке, если бы это помогло привести его к Олесе.

Высвободившись из хватки стражей, чувствуя, как прерывается дыхание, Габор приказал:

— Проследите, чтобы... госпожа Карола не покинула нас раньше времени.

Если он не сможет спасти Олесю... тогда Дьекельни действительно потонет в крови, которую прольет он сам, начав с портнихи и заканчивая... самим собой.

За несколько минут его замок окрасился кровью. Реками крови и слез. Вместо радостного смеха и витающего в воздухе предвкушения праздника, повсюду клубился дух смерти. Зловонный, отравляющий разум смрад.

И Габор поддался безумию. Когда увидел Миклоша, отдающего распоряжения демонам, он позволил ярости овладеть собой. Отец всегда твердил, что только холодная голова поможет воину. Но сейчас... Сейчас он не хотел быть холодным. Он хотел разрывать и ломать отчаяннее тех демонов, которые встали перед Миклошем стеной.

Но и они не помогли. Не спасли ублюдка от смерти. Пытая брата, он словно впал в беспамятство. Утратил контроль над собой и поддался ярости. Болезненному отчаянию. А смотря, как Миклош умирает, испытывал... удовлетворение. Так было правильно. Устранить любую угрозу, угрожающую Олесе. Даже если этой угрозой оказался его собственный брат. Но за сотворенное этот выродок не достоин был жизни. Никакой.

Путь к Олесе преградили примитивные, одержимые лишь жаждой убийства, демоны. Они растерзали не успевших спрятаться слуг, справились с рыцарем, старавшимся их остановить, и теперь пытались вырвать железную решетку из камина. Они обжигали лапы о железо, ревели и толкали друг дружку попробовать. А руководил всем этим Миклош...

Его братец так увлекся командованием демонами, что даже не заметил приближения Габора.

— Ну же, тупые твари! Нужно вырвать эту решетку! Она тут вделана намертво. Это один из самых огромных каминов в крепости! Если у нас получится...

— А если нет? — Габор шагнул вперед, не желая больше выжидать и терять время.

Миклош так и замер, бросая на Габора полные ненависти взгляды. Но кроме нее в них плескался и страх. Габор видел это. Он, кажется, даже подпирывался ужасом брата.

— Ты... ты все еще жив? Но это не на долго! — Миклош пытался храбриться, а сам отступал за спины демонов, которые наконец заметили Габора.

Они скалились, рычали и хрипели. Вот только больше напоминали готовых сожрать друг друга

обезумевших животных, чем реальную угрозу. Но Габор не мог их недооценивать. Сначала он должен был разобраться именно с демонами. Только после этого получится подобраться к брату и сделать все, что тот заслужил.

Габор сжал челюсти, наблюдая, как взгляд Миклоша хаотично мечется по огромному залу, в поисках выхода. Нет, братец, отсюда сможет выбраться только один из них. И Габор точно знал, что это будет не Миклош.

Демоны выстроились перед Миклошем стеной, явно заслоняя его и оберегая от Габора. Вот же выродок... Он наверняка пошел на сделку...

Эта мысль не успела промелькнуть в мозгу, как Миклош уже отвечал на невысказанные вопросы:

— Скоро Дьекельни будет моим. Как тебе это, а, братец? Я стану Господарем, а ты — моей игрушкой.

Габор позволил улыбке изогнуть губы. Семья превыше всего. Это самое ценное, что у него было. Великий Род оставался великим пока были живы те, кто делал его таким. Между братьями и сестрами не должно быть разлада — не будет никакой власти и никаких богатств, если они перегрызут друг друга. Кто-то всегда был старшим, первенцем, наследником. Этот порядок вещей не изменит ничто.

Но сейчас ему было плевать. Он ХОТЕЛ убить брата. Уничтожить, причинив столько боли, сколько только возможно. Тварь, сотворившая подобное с его крепостью, тварь, из-за которой Олеся оказалась в опасности, — эта тварь должна умереть.

Если бы он не убил Маргит, Олеся никогда не заняла бы ее место. Она не умерла бы в своем мире и... и ей бы ничего не грозило. И все равно, что тогда он прожил бы пустую жизнь. Главное — с ней все было бы хорошо.

Габор медленно размотал цепь. Изогнутый железный шип на конце — «коготь дракона», чиркнул по полу.

— Понравилось заключать сделку, а, братец? Каково быть отмеченным демоном?

Миклош посерел. Уголки его глаз и губ задергались, а пальцы начали дрожать, сжимаясь в кулаки.

Значит, он все-таки пошел на это... Габор крепче сжал рукоять сабли. Жалкая мразь.

— Понравилось быть демонской шлюхой? А что на это скажет твой любовник? Вильгельм, кажется... Или он уступает демону?

— Ты — урод! — Миклош взревел, кинулся к нему, но остановился, понимая, что не выстоит в этой схватке. — Знаешь, что я сделаю, когда Дьекельни станет моим? Отдам тебя на потеху демонам. И ты испытаешь то, что пришлось пережить мне!

Габор заставил себя успокоиться. Нужно думать об Олесе. Она — его маяк. Мысли о ней придают сил. У них еще все возможно. Если он будет действовать четко и хладнокровно.

Боковым зрением он отмерял расстояние до боевых топоров, развешанных на стенах. Вогнать бы каждый в жалкого слизняка.

Сдерживая себя и не позволяя ярости окончательно помутить рассудок, Габор, кратко спросил:

— Где Маргит?

— Тоже захотел эту чокнутую суку? А все теперь! Я ее Крампусу пообещал. В обмен на Дьекельни. И на твою смерть. Взять его-о-о! — Он заверещал, совсем теряя человеческий облик. Брызжа слюной тыкал пальцем в Габора, приказывая демонам напасть.

Габор позволил демонской крови взять верх. Она забурлила, закипела, отравляя сердце и разум. Ненависть к брату превращала его в такое же безумное животное, какие сейчас кинулись в его сторону. И только лицо Олеси, стоящее перед глазами, ее аромат, и нежность прикосновений не позволяли ступить за черту.

За спиной была дверь, но Габор не собирался давать Миклошу шанс выскользнуть. Он не пропустит никого.

Габор заставил себя стать механизмом. Кем-то без души и чувств. Между ним и Олесей стояли демоны и Миклош. Значит, от них нужно избавиться...

Кровь врагов питала его. Габор отрубал мохнатые лапы и слизывал с губ кровавые брызги,

летающие в лицо.

Оказалось, что даже с таким количеством примитивных демонов справиться легко, если твоей рукой движет воспоминание о любимой женщине. Олеся словно стояла рядом и молила ее спасти, просила прийти вовремя, успеть, защитить. Она кричала, что ей страшно, что Крампус уже рядом и что ей хочется к Габору.

— Что ты такое?... — Голос Миклоша развеял дымку — блеклого призрака Олеси, который нашептывал на ухо, что он не имеет права никого щадить.

Габор взглянул на брата. Жалкий слабак дрожал, пот градом скатывался по его лицу. Он побледнел, словно уже начал коченеть.

Габор наклонился и сделал несколько глотков крови из шеи последнего убитого демона.

— А как же твои угрозы... братец? — Габор вытащил из-за голенища длинный нож с изогнутым крюком лезвием. — Давай, расскажи, что ты еще со мной сделаешь.

— Ты... ты... больной выродок! — Взгляд Миклоша прилип к окровавленным губам Габора.

Медленно он отер рукавом демонскую кровь и, переступив через бьющееся в предсмертных судорогах тело, шагнул к Миклошу.

— Думаешь, я хочу выпить твою кровь? Зачем она мне, брат?

— Не подходи ко мне! Не подходи! — Миклош пятился, даже не пытаясь скрыть ужас.

И Габор подпитывался его страхом. Он и вправду ощущал себя одним из демонов. Только ему не нужны были дети, вышедшие из дома после заката. Ему нужен страх брата. Такой, чтобы сволочь обделался, как последний слабак.

— А то что ты сделаешь? — Габор поудобнее перехватил нож и перерезал глотку еще одному демону, который пытался встать. — Напугаешь меня ими? — Он легко отшвырнул ногой обмякшее тело.

Время ускользало. Каждая секунда отдаляла его от Олеси. Некогда было церемониться с тем, кто предал их всех. Имя Миклоша навсегда будет стерто из истории их Рода. Хотя нет. Пусть все знают, как Род Дракона наказывает предателей.

— Итак, я хочу знать, где Маргит, и какую сделку ты заключил с демоном. Где он?

— Ничего тебе не скажу! Ничего! — Миклош безумно расхохотался. — Теперь уж моя дражайшая женушка сдохнет наверняка. И ты тоже. Тебе не победить всех демонов. Я хоть и не успел открыть решетки повсюду в замке, но демоны сделают это за меня! — Он снова засмеялся, брызжа слюной, не понимая, что часть правды уже выдал.

Габор заставил себя стоять неподвижно. Еще никогда в жизни ему не было так сложно совладать с собой. Никогда показное равнодушие не давалось с таким трудом. Но если он сейчас позволит себе хотя бы приблизиться к брату, тот просто не успеет ничего рассказать.

— Откроют, как открыли здесь? — Он вздернул брови, изо всех сил борясь с желанием причинить брату такую же боль, какая сейчас разъедала собственное сердце. Заставить его страдать.

«Ну же, просто расскажи мне все, чтобы я мог покончить с тобой раз и навсегда».

— Тебе не справиться с полчищем демонов. Не справиться, Габор.

— Ты об этом полчище?

— Ты думаешь, это единственные демоны в замке? Думаешь, убил всех и спас крепость? Не-е-ет... Я буду здесь господарем. Твое время закончилось.

Разделявшее их расстояние Габор преодолел за мгновение. А может и то меньше. Все вокруг расплылось, смазлось, как при быстрой скачке. Взмах, и лезвие прорезает сначала одежду, потом кожу Миклоша. Царапает кость.

Он схватил Миклоша за волосы, едва ли не отрывая ему голову:

— Мое ли?

Миклош захрипел и задергал ногами. Габор ощутил почти садистское удовлетворение, видя, как тварь трясется.

— От этого ранения ты не умрешь. Я могу мучить так тебя часами. — Он слегка потянул ножом, чтобы загнутый кончик цеплял внутренние органы. Миклош закричал, начал слепо махать кулаками. — Я хочу слышать все подробности твоей сделки. Все, что ты видел и делал.

— Ни слова... не скажу...

— Ладно, тогда так...

Габор резко выдернул нож, и Миклош снова закричал. Его крик превратился в уродливый вой, когда Габор прорезал ножом его пах.

— Больше я повторять не буду. — Габор вогнал нож глубже. — Сделка!

— Пусты меня-я-я-я... Пусты... — Миклош зарыдал, несколько раз дернулся и обмяк. — На по-о-омощь...

— Они не придут, глупец... — Габор снова выдернул нож из тела Милоша. Дал ему время сделать два вдоха... И снова вогнал нож. Ниже, почти отрезая ублюдку яйца. — Еще секунду, и нечем будет радовать Вильгельма. Или это он тебя пользовал, а, братец?

— Какая же ты сволочь... — По лицу Миклоша катились слезы.

— Да, я знаю. Все слова, которыми вы меня называли. Не тяни время, Миклош. Демоны тебе не помогут. Они лишь использовали тебя...

— Нет! Нет! Это все неправда! Он обещал мне! Замок, власть! И тебя... на коленях... — Рыдания Миклоша стали еще громче.

Да сколько же это будет продолжаться?!

— Хоть сейчас ты можешь быть мужиком?! — Габор швырнул Миклоша об стену. — Тебя поймали, как жалкую подстилку. Даже не за монету!

— Ты все врешь! — Взгляд Миклоша стал безумным.

За вылупленными глазами, словно изнутри их что-то выдавливало из глазниц, виднелось лишь сумасшествие. И если Габор ощущал свое безумие и прекрасно в нем ориентировался, не сбиваясь с пути благодаря Олесе, то брат потерялся в нем окончательно. Миклош утратил человечность. Он позволил демону отметить себя. Но еще раньше он решился на предательство. А до этого — убил Маргит. Каждый из грехов уже был достаточным поводом для кары. Но все вместе...

Габор не хотел его убивать. Он хотел его мучить. Но то время, которое это заняло бы, было слишком ценным.

Он подошел к Миклошу, который уже не пытался встать. Только что-то бормотал себе под нос и пытался зажать раны дрожащими ладонями.

— Они не так глубоки. Хватит! — Габор сжал его шею и, придавив к стене, вздернул на ноги. — Подробности сделки! Немедленно!

Наверное, он ошибся, и в Миклоше еще оставалась частичка разума. Частичка, которая ненавидела его, Габора, до последнего момента.

— А вот и не скажу, всесильный братец! Не скажу! — Он напевал эти слова, как артист из уличного театра. И хохотал. — Ничего не скажу! Ничегошеньки! — Словно маленький, он показал язык и снова засмеялся.

Миклош обезумел. Он действительно не скажет больше ничего. Так смысл тратить бесценное время на него?

За несколько мгновений тело Миклоша превратилось в истерзанные кровавые ошметья. Руки Габора буквально были по локоть в крови, когда он на живую вскрывал сволочь и вытягивал из него кишки. Миклош своими глазами увидел свое прогнившее нутро. Вот только это не помогло. Габор по-прежнему не знал, где Олеся и что с ней. Ему оставалось начать поиски с того места, где они расстались.

— Где еще демоны? — Липкими от крови пальцами Габор закреплял все доступное оружие на себе.

— Большинство в крыле, где вы разместили короля. Мы пока не можем туда прорваться.

Габор кивнул:

— Обойдите это крыло через проход в восточной башне и зайдите с другой стороны. Если получится, выманите демонов на смотровую площадку и облейте смолой. Сожгите тварей.

— А король?

Габор снова почувствовал подступающую ярость. Сейчас он должен успокоиться. Если не сможет совладать с собой, то не сможет справиться с Крампусом. А сейчас он только теряет время!

— Ты думаешь, король до сих пор жив? Там около двух десятков демонов. И если он не заключил с ними сделку, как мой... покойный братец, то уже наверняка завонялся.

Вмешался Драган:

— Если станет известно, что король погиб в Дьекельни... Нас всех ждет виселица.

Габор схватил Драгана за грудки:

— Виселица тебе будет не страшна, если все мы сегодня сдохнем. Я бы советовал тебе беспокоиться о своей жене. — Он оттолкнул Драгана и повернулся к Вазулу: — Стоять до последнего. Если потребуются сжечь крепость, чтобы вытравить их отсюда, я даю тебе на это разрешение. Но только когда все люди будут в безопасности.

— Слушаюсь, господарь.

Вазул ушел, а Габор перешел на бег, чувствуя, как время медленно и неотвратно ускользает.

— Сжечь крепость? Ты в своем уме? — Драган схватил его за локоть. — Габор, что происходит? Сначала ты в одиночку разделяешься с десятком демонов, потом зверски убиваешь Миклоша, а теперь... сжечь крепость...

Он вырвал локоть из хватки Драгана и потянулся к двери в зал, где оставил Олесю. Пальцы дрожали, как у пьяницы. Спустя столько времени он наконец добрался... Добрался, понимая, что поздно.

В горле встал ком. Вкус желчи во рту горчил так, что все нутро выворачивало наизнанку.

— Они не остановятся пока не получат того, за кем пришли. — Габор распахнул дверь, входя в зал, пропахший кровью и страхом. Эти запахи напитали воздух так, что отчетливо ощущались даже человеческим обонянием.

— Так давай им отдадим того, кто им нужен. Можно пожертвовать одним человеком ради спасения тысяч.

— Лучше заткнись, пока я не вырвал твой язык. — Габор сжал рукоять сабли, чувствуя, как ладонь становится влажной от дикого безумного страха за Олесю.

— Небеса! Что здесь...

Голос Драгана донесся издали, когда Габор увидел лежащее на полу тело. Пропитавшееся кровью платье, мышинные волосы — это не Олеся. Но он должен убедиться!

Габор быстро перевернул женщину на истерзанную спину. Фиданка. Он уперся взглядом в приоткрытую дверь. Проклятье! Позволил себе поддаться эмоциям настолько сильно, что перестал замечать, что происходит вокруг.

Он встал с колен, плотнее намотав на руку длинную цепь с железными шипами.

— Постой, ты что, собираешься туда? — Драган снова вцепился в его плечо.

Габор стряхнул с себя его руку:

— Да. Мой последний приказ в силе. Если я не вернусь, Дьекельни останется на тебе и Адрианне. Позаботься о людях.

— Ты всерьез пойдешь туда? За кем?!

— За Олесей.

— Кто это?

— Маргит. Я иду за Маргит.

— За этой сумасшедшей?! Габор, многие болтают, что это она накликала на нас беду и заключила

сделку с демоном.

Габор стиснул зубы.

— Драган, не будь мы родственниками... сейчас бы ты лежал рядом с моим братцем. Он заключил сделку с демоном. Призвал его. А остальным открыл камин. Хвалить валить все на женщину только потому, что она отличается от вас всех. — Габор достал из кармана три небольших пузырька. И вложил их в руку Драгана. — Будь мужчиной. Если демоны доберутся до вас, не дай им совершить то, что они хотят.

— Ты предлагаешь мне... — Нахмурившись, Драган смотрел на пузырьки с ядом.

— Да. Это то, что ты должен будешь сделать, как новый господарь.

Драган мрачно ухмыльнулся:

— Мое правление будет недолгим и безрадостным.

Габор проверил пояс с ножами. Остекленевший взгляд служанки был направлен прямо на него. В ее блеклых глазах отражалось то, что их всех ждет.

— Не торопись меня хоронить. Это на самый крайний случай. — Габор кивком головы указал на флаконы. — По глотку на человека. Тем, кому не хватит, тебе придется помочь... иначе. Но! — Теперь уже он сжал плечо Драгана и в упор посмотрел в его растерянное лицо. — Я очень люблю свою сестру и надеюсь, что она проживет еще долго и подарит нашим родам наследников. Сохрани ее и остальных.

— Я.... Постараюсь.

— Нет. Ты не постарайся. Ты сделаешь это. Все, иди. — Он оттолкнул Драгана в сторону двери, а сам повернулся к тайному ходу.

Олеся точно там... Осталось только дойти до нее.

— Будь осторожен. — Драган невесело улыбнулся. — Я все еще хочу Проводить Старый Год.

Габор кивнул и отвернулся. За Драганом захлопнулась дверь, и этот звук как будто разделил жизнь на две части. В прежней все было понятно. Он знал, как проживет каждый день до самой смерти. В новой... Новая могла закончиться в любой момент. Не станет Олеси, и все... Его тоже не будет. За несколько дней она вытащила на свет все его эмоции, научила чувствовать. Показала, сколько необычного может быть в самой привычной прогулке в деревню. Она была выточена для него. Каждая выемка в теле — для него. Каждое ее слово — под его мысли.

И теперь его собственная жизнь зависела от того, найдет он Олесю или нет. Удастся ли ее вернуть, или...

Нет, других исходов и быть не может.

Габор зажег свечу и поднял ее повыше, собираясь ступить в узкий низкий ход. Он знал о нем. Беспольный тоннель, который вел в зал со статуей ворона. Странно, что демон решил спрятаться там...

Он уже сделал шаг, как вдруг взгляд упал на кресло, в котором лежала... книжка. Та самая! Но он точно помнил, что оставил ее в купальне. Сказка, которая должна была помочь... Олеся в это верила. Но почему? Он прочел — ничего там такого не было. Крампус пытал людей, похитил девушку, а потом вместе с другими демонами решил пообедать детьми, которые отправились в лес, нарушив запрет родителей.

Морозный Дед подсказал его иномирянке, как одолеть Крампуса. Морозный Дед, который дарит подарки взрослым и детям, живущим в благочестии. В него верили. Но... это все равно что верить в дружбу и доброту, или в ненависть. Их не видишь, не знаешь, как они выглядят. Они вроде бы и существуют, а вроде бы и нет. Вот есть дружба, а в следующее мгновение вы уже враги.

Но Олеся так искренне рассказывала, что говорила с ним... И как-то же она оказалась в крепости. Да и книга. Словно преследует их. Что такого тут было?! Именно в этой сказке.

Он тратил драгоценное время. Но... словно какая-то сила заставила взять книгу и открыть страницу со сказкой. Олеся не могла прочесть, тогда как..?

Картинки! Конечно! Вот он дурак. В иллюстрациях что-то должно быть. Первая и самая большая была сразу на весь разворот. Двуликая фигура, слитая воедино. Одно тело на двоих. Но на левую страницу смотрел бородатый Морозный Дед, а на правую скалился рогатый демон. Они словно

срослись затылками. Габор быстро перелистнул страницу. Варящиеся в чане дети. Не то. Колодец, переполненный телами, из которого торчали посиневшие ноги и руки. Черноволосая девушка... Ее отправился спасать вовсе не возлюбленный, оказавшийся трусом, а маленький брат.

Дрожь от страха, он вошел в пугающий зимний лес. Деревья замерли, следя за каждым его шагом. Они шпионили за мальцом, чтобы поведать о его смелости или трусости своему владыке — могучему Морозному Деду. Деревья хмурились. Им не нравилось, что мальчишка продолжает идти вперед, не смотря на их угрожающие удары обледеневшими ветвями. Лес готовил препятствия на каждом шагу. Детям не разрешалось ходить туда после заката. Даже ради сестер. А то что же такое получается? Одному позволю блуждать среди черных древ, так и остальные захотят.

Вот лес и строил каверзы. То длинными сучками цеплялся за дырявую шапчонку. То ветром налетал на фонарь старый. То ямы звериные снегом скрывал.

Но мальчонка шел и назад не сворачивал. Когда уж совсем не вмоготу от страха стало, едва слышно завел старую песенку:

— Я бреду-бреду по лесу,

Чтобы деревце найти.

Высоченное, пушистое,

Колючее да душистое.

Ты меня, лесок, не трогай,

Не со злом к тебе пришел.

Мне навстречу —

Дед Морозный.

Борода его метелью стелется,

От стука топора

Мороз трещит.

От холодного дыхания

Реки льдом покрываются.

Хитро Дед улыбается

И мечом размахивает.

Все демоны разбегаются

Да в пещерах прячутся.

Я к Деду подойду,

О желании попрошу.

Габор не заметил, как начал повторять вслух детский стишок. Проводы Старого года, особенно в деревнях, почти никогда не обходились без этой песенки. Малышня заучивала наизусть строчки и просила Морозного Деда о щедрых дарах. Но сейчас эти слова приобретали какой-то совершенно иной смысл.

Габор быстро перевернул еще одну страницу. Несколько маленьких картинок, на которые он прежде и не обращал внимания. Краampus, срывающийся со скалы. Краampus, барахтающийся в холодной воде. Краampus, пытающийся пробить ледяную корку, мгновенно сомкнувшуюся над ним.

Это и есть способ справиться с ним? Утопить? Заточить подо льдом? Море у берегов Дьекельни даже не замерзает! Бред какой-то.

Габор швырнул книгу обратно в кресло и, вновь взяв свечу, шагнул в тайный ход. Он не соврал

Олесе — он видел Крампуса. Лишь однажды. Это произошло в тот день, когда они с отцом ездили вешать его Страшилище. Габор бродил по чаще, выискивая место, где пристроить своего самого жуткого в Бергнадии монстра.

Тогда-то и появился Крампус. Сначала он принял его за путника, заблудившегося в лесу. Ведь у кого еще мог быть такой плащ? Темный, длинный, он странно мерцал. Вблизи лоснящаяся ткань оказалась иссиня-черными перьями. Когда Габор подкрался ближе, путник вдруг обернулся к нему. Мальчишка, каким он тогда был, испуганно отшатнулся. На путнике была жуткая деревянная маска с языком-лоскутом. С его рогов почему-то свисали нити паутины. А на пальцах, впившихся в его плечо оказались жуткие птичьи когти.

«Заблудился, юный наследник?» — так он спросил. Просипел жутким голосом, словно ему сложно было говорить. «Маленький смелый дракон... Знаешь, кто я?» Тогда он покачал головой, хоть уже и догадывался. Вот только все отчаянно ждал, когда человек скинет плащ, снимет маску и под ней окажется обычный крестьянин, которого приставили стеречь границу. «Я — хозяин всего, что ты здесь видишь.» Что напуганный ребенок мог ответить на такое заявление? Уж явно не то, что он сказал... «Нет, хозяин этих мест — мой отец. А после его смерти господарем стану я.»

Габор окончательно убедился в том, что перед ним сам Крампус, когда все его тело объял пламень. Он обжег, опалил. Габор пытался убежать, но горячая ладонь держала крепко. Окрик отца его спас. Крампус тут же отступил в тень. Пламя развеялось, обращаясь в дым. «Мы еще встретимся, будущий господарь...» — прошептал Крампус и исчез, слившись с лесной чащею.

За столько лет он почти и забыл об этом. Но сейчас память всколыхнулась, вытаскивая на свет смазанные подробности. Почему деревянная маска? И почему странный плащ из вороньих перьев? Разве Крампус имел какое-то отношение к птицам? Но ворон был изображен и на ритуальном кубке, из которого опаивали дев. И вороньи клювы в церемониальной зале. Он всегда воспринимал это, как само собой разумеющееся. Но что, если дело в чем-то другом? Почему ворон? Почему?

В голове намертво засели строчки детской песенки, и Габор их тихо нашептывал, чтобы не позволять мрачным мыслям взять верх. Олеса жива. Не может умереть. Он найдет ее и спасет, как мальчишка из сказки.

Свеча с трудом осветила зал с вороньей статуей в углу. Проклятье! Тут ведь тоже был ворон... и больше ничего. Куда? Куда демоны могли увести Олесю? А что, если ее повели не сюда? Тогда почему дверь осталась открытой?

Шорох позади оказался оглушительным. Габор резко развернулся, выбрасывая вперед руку с зажатой в ней саблей. Острые уткнулось в грудь высокого седобородого старика, который был крупнее самого Габора. В одной руке старик сжимал длинный меч, в другой — топор. И даже скудного свечного пламени хватило на то, чтобы разглядеть вышитых на вороте его алой рубахи воронов.

— Ты меня, чтоб убить позвал, что ль? — Старик хохотнул и отодвинулся.

Габор уже с трудом соображал, что происходит вокруг. Наверное, он просто уснул, и все его самые потаенные страхи слились в один бесконечный кошмар. Потеря Олеси, атака демонов, падение Дьекельни.

— Кто вы? — Он все еще не убирал саблю, хоть в памяти и вспыхнула яркими красками цветная картинка из книжки.

— Ты же сам меня звал только что... Песню спел... — Старик лукаво прищурился.

Габор вздернул брови. Все это уже превращалось в какую-то дикую галлюцинацию.

— Морозный Дед, значит?

— Значит, я. — Он стукнул своим мечом по сабле Габора. — Ты покамест оружие свое верное убери. Разговор есть.

Старик просто отнимал время, которого и так не было. Габор не доверял никому. Что могли придумать проклятые демоны, чтобы погубить крепость? Да что угодно. В их звериных разумах властвовали кровь и тьма.

— Не хочешь, значит, убирать? — Дед покачал головой. — Упрямый мальчишка. Вот потому я к тебе никогда и не приходил.

— А сейчас что изменилось?

— А сейчас ты меня позвал. Да и помощь, вижу, тебе нужна... Суженая твоя и то в меня поверила

быстрее. Уж она-то никогда не сомневалась.

Все тело напряглось. Габор точно знал, что дед говорит об Олесе.

— Знаете, где Маргит?

— Знаю, что она не Маргит. И что я ее для Крампуса сюда привел.

— Не-е-ет... — То ли простонал, то ли выдохнул. Но в груди так больно стало. Это не он выпустил кишки Миклоша наружу. Это ему сейчас режут нутро. — Она моя...

Он замахнулся, собираясь разрубить проклятого старика надвое. Но тот легко скрестил меч с топором и взял его саблю в плен. Габор вытащил лезвие из ловушки металла. Во все стороны посыпались искры.

— Твоей она будет. Но сначала ее у другого Крампуса отстоять надо. — Дед вдруг надул щеки и дунул. Из его рта вырвалось морозное облако. В лицо дохнуло ледяным холодом. Таким сильным, что Габор сделал шаг назад. А вот пламя свечи даже не дрогнуло. — Остынь.

Габор стряхнул с рук ледяную изморозь и прямо посмотрел в искрящиеся синие глаза старика:

— Чего вы хотите?

— Чтобы опять наступило равновесие. — Дед тяжело вздохнул. — Послушай меня внимательно, господарь. Сейчас только от тебя зависит, как все будет.

Габор опустил саблю, пристально глядя на старика. Что ж, он готов был поверить, что перед ним Морозный Дед. Именно таким его описывала Олеся. Некто похожий был изображен в книге. Но во всем этом чувствовался какой-то подвох.

— Я наблюдал за тобой с твоего рождения. Знаю о тебе почти все. И ты обо мне должен кое-что узнать. — Кончиком меча Дед очертил между ними круг, и тот вспыхнул ярким голубоватым светом. — Мы с Крампусом — братья. Не по крови, конечно. Он рожден в пламени преисподней. Я — во льдах. Ему суждено карать грешников. Мне — вознаграждать за добрые деяния.

Габор нетерпеливо перебил старика:

— Сейчас не время для ваших сказок!

— Только сейчас и время! — Дед грозно рявкнул, и из круга на полу выступили ледяные наросты. — Без меня тебе ее не спасти. А мне без тебя не вернуть покой на нашу землю. — Старик упер кончик меча в центр круга. От него во все стороны начал расползаться мерцающий иней. Габор узнал в письменах древний ритуал призыва демона. Только в этой формуле встречались другие символы, значения которых он не знал.

— Что вы..?

Дед нетерпеливо перебил:

— Ты и сам знаешь: призываю демонов. Пока ты будешь сражаться с Крампусом, я разберусь с ними.

— Можно призвать только одного демона.

Дед хмыкнул:

— Я уже стар, знаешь ли, чтобы бегать по всему замку, отслеживая этих тварей. Мне известны способы призвать их всех разом. Сами ко мне придут. Тут-то я их и прихлопну. — Он проследил взглядом, как символы медленно сливаются в сплошную вязь. — А вот ты займешься Крампусом. Я научу тебя, как с ним справиться. Но у каждой победы есть цена. Если согласишься заплатить свою, то... будет тебе твоя госпожа из иного мира.

Габор тяжело вдохнул ставший ледяным воздух:

— Что нужно делать? — Невидимые глазу частички льда осели на легких, мешая дышать. Он словно обледеневал изнутри. И только мысли об Олесе согревали и не давали твердому льду сковать сердце.

— Нужно стать новым Крампусом.

Слова Морозного Деда прозвучали где-то далеко и донеслись до Габора эхом. И что-то подсказывало, что это не шутка.

— Новым Крампусом?

— Да. Мы созданы братьями. Наше предназначение — поддерживать равновесие. Я слежу, чтобы любое добро было вознаграждено. Чтобы доблесть и храбрость получили заслуженную награду. Крампус должен следить, чтобы зло и трусость не оставались безнаказанными. Чтобы грешники, которым удавалось избегать наказания здесь, получали свою кару в преисподней. Так было веками. Но однажды моему брату надоело жить в вечном пекле. Он вышел на поверхность и понял, сколько здесь всего прекрасного. Ему стало обидно, что я могу жить иуи, а он вынужден скрываться под землей. Он хотел свободно ходить по этим землям. И тогда он воспользовался тщеславием прибывших рыцарей. Один из них пожелал владеть всем, чем владеет Крампус. И брат предложил ему заключить сделку. Вот только рыцарь не думал, что сам станет демоном. И хозяином преисподней.

Габор нахмурился.

— Отец рассказывал, что все было иначе.

— Еще бы! Рыцари постарались придумать правдоподобную легенду. Им совсем не хотелось лишаться власти и влияния. Гораздо легче было убедить остальных в покровительстве грозного божества.

— Что стало с настоящим Крампусом?

— О-о-о... Это удивительно, но его земная жизнь была недолгой. Он обратился в пепел, едва обмен состоялся. Так стало и с его преемником, когда он тоже решил, что слишком долго служил преисподней.

— Крампусов много... Это не кто-то один... — Габор начал осознать все, что ему сказал Морозный Дед. — Он бессмертен, потому что место одного тут же занимает другой?

— Так и есть.

— Но почему всем им нужна одна и та же женщина?

Морозный Дед вдруг грустно улыбнулся:

— Каждый из них просто хотел любви. От своей женщины. От своей жены. Они бы с радостью согласились коротать вечность в преисподней и сражаться с ее монстрами, будь рядом верная любящая спутница. Представь, каково им было, когда они поняли, что им суждено до скончания мира держать бой, в полном одиночестве, видя только демонов и нескончаемую череду грешников?

— Их жены не пошли за ними?

— Нет. Жена рыцаря была в ужасе от того, что придется отправиться в преисподнюю. А вот жена твоего деда ненавидела его так сильно, что только обрадовалась, когда поняла, что больше не увидит его. Вот только...

Габор перебил, не дослушав:

— Жена моего деда?

— Да. Он стал следующим Крампусом. Тот самый, из Рода Ворона. Последний.

— Отец моей матери...

— Да. Он безумно ее любил. Но недостаточно, чтобы отпустить.

— Боги... Ему-то чего не хватало? Ну а как же пророчество? — Габор чувствовал, как изнутри поднимается дикая злость. Он оказался погрязшим в паутине каких-то совершенно диких и ненормальных тайн собственной семьи. — Оно было сделано сотни лет назад. Мой... дед тогда даже не родился.

— Видишь ли... Стать Крампусом их толкнуло очень сильное чувство. Рыцаря — жажда власть и богатств. Твоего деда, хоть он и не по крови твой родственник... так вот его толкнула на это ревность и безответная любовь. Но они оба хотели быть любимыми. Хотели, чтобы их ждала желанная женщина. У них не было этого здесь. Но и в преисподней они не смогли обрести желаемое. Ни одна женщина не любила достаточно сильно, чтобы отправиться за своим мужчиной в самое пекло. Не помогал даже любовный напиток. Он ведь создает не любовь, а лишь ее иллюзию. Эти женщины теряли рассудок и умирали. Только та, которая отправится вслед за Крампусом добровольно, получит бессмертие через его кровь. Рядом с ней Крампус наконец вспомнит о своем предназначении.

— Карать грешников?

— И вести вечный бой в преисподней. Но что есть бесконечная война, если рядом та, которая желаннее всего?

— При чем здесь Олеся? Почему Крампус считает, что она ему нужна? Она никуда за ним не пойдет. — Габор даже не сомневался в этом. Если только ублюдок не опоил ее зельем.

— Видишь ли... она может не пойти за ним по своей воле, но может сделать это ради тебя. Ты даже не представляешь, как велика ее любовь к тебе...

— Нет! Я... Нужно этому помешать! Она не отправится за ним... — Настоящий страх был подобен черной болотной жиже. Он медленно затапливал нутро, поднимаясь из живота до самого горла, мешая дышать, говорить и даже мыслить.

— В этот самый момент он шантажирует ее твоей жизнью. Ради тебя она пойдет на все.

Габор рванул к старику:

— Вы знаете, где они? Как к ним попасть? — Сам не замечая того он ступил в ледяной круг. Холод тут же опутал ноги, почти парализуя.

— Я знаю. Все знаю. А еще знаю, что пророчество должно быть исполнено.

— Нет!

— Ты же умен, господарь. Неужели, разом поглупел, как встретил свою госпожу? Подумай, возможно, пророчество было совсем о другом Крампусе? О том, за которым черноволосая дева с глазами-звездами, рожденная в другом мире, пойдет с желанием, более не жаждающая ничего так сильно, как быть с ним?

Наконец до него дошло, о чем говорит старик. Он не просто так рассказал ему все это. Правду о Крампусе. О том, что это не одно страшное и пугающее всех существо, но несколько мужчин, решившихся оставить все ради призрачных целей.

Габор сжал саблю, мечтая перерезать хитрому старику горло и разом покончить со всем этим. Вот только это ничего не даст. И не поможет спасти Олеся.

— Вы уже все придумали, ведь так? Вам нужен новый Крампус. И вы решили использовать меня. Допустим, я соглашусь торчать вечно в преисподней, но где гарантия, что Крампус согласится поменяться со мной местами? И почему вы уверены, что я пойду на это, жертвуя возможностью прожить жизнь со своей женщиной?

— А иначе тебе ее не спасти. За Крампусом все пламя преисподней и его братья-демоны. Они сразят тебя. А вот про то, что местами не поменяется, действительно так... Он верит, что Олеся сможет заменить его жену. И теперь, когда обрел ее, ни за что не пойдет на сделку. Ведь ты еще и ненавистный для него потомок. Но я задолжал тебе одно желание...

Габор зло улыбнулся с ненавистью глядя на того, кто должен был приносить радость и надежду, а на деле оказался манипулятором.

— Значит, я могу пожелать, чтобы Крампус отправился в преисподнюю и забыл думать об Олесе?

— Не все так просто... Я понимаю твою злость. Но мы не выбираем свою судьбу. Однако можем изменить ее. Я долго был в заблуждении, как и мои братья. Пророчество... Фрески... И я, и они все ждали, когда же она появится. Я перенес Олеся сюда, потому что она понравилась Крампусу. Я надеялся, что она та самая, которая исполнит пророчество первой ведьмы и добровольно отправится в пекло. Если еще и она оказалась бы не той... И только ночью, в лесу, я понял, что с иномирянкой я не ошибся. Я ошибся с Крампусом. Не тому Крампусу она предназначена.

— Как все складно. Но я не собираюсь играть в эти игры. Разбирайтесь с Крампусом сами. Просто скажите мне, где Олеся?

— Тебе с ним не справиться, мальчик мой. Я дам тебе силу, чтобы задержать его. Это будет твой шанс, чтобы позвать меня и загадать свое желание. Просто произнеси слова песенки.

Морозный Дед вдруг вытянул руку вперед и прижал ладонь к груди Габора, к тому месту, где билось сердце. Тут же Габор ощутил, как его нутро сковывает холод. Ледяной песок застревал в горле, а легкие словно пронзили тысячи игл.

— Этого хватит на какое-то время. Ты сможешь вейть холодом. И Крампусу будет сложно к тебе прикоснуться.

Габор едва дышал. Такое впечатление, будто внутри он стал одним сплошным куском льда. И теперь всю эту глыбу предстояло сдвинуть с места.

— Внутри птицы, — Морозный Дед махнул головой в сторону статуи полу-ворона — полу-человека, — еще один ход. Нажми на его глаза. Он приведет тебя к башне Крампуса. Там есть две двери... Как открыть их, известно только демонам... и мне. — Старик лукаво ухмыльнулся. — С первой, хлипкой, все легко. Повернешь кольцо. Три раза направо, два — налево. Со второй дверью сложнее... Открыть ее могут только демоны, заплатив кровавую дань. В тебе столько их крови, что обмануть ее ты сможешь легко. Кровью накормишь каждого ворона на круговой резьбе. Ну а дальше...

Габор отошел от Деда, чувствуя, как все внутри отзывается болью. Он действительно словно обледенел. Из рта вырвалось снежное облачко. Где-то внутри его ледяного нутра все еще билось горячее сердце. И билось только благодаря Олесе.

Словно прочитав его мысли, старик выкрикнул вслед:

— Тебе ее не спасти. И он от нее не отступится. Ни одно желание не даст тебе возможности быть с ней.

Габор вспомнил, как при первой встрече Олесья приняла его за кого-то знакомого. В ее мире у него тоже был двойник. А что если он загадает... отправиться вместе с Олесей в ее мир? Занять место этого человека. Тогда они смогут прожить жизнь вместе...

Габор подошел к статуе. Ворон... Теперь все ясно. Его предок — Крампус. Существо, которого Бергандия страшила тысячелетия... Двое мужчин, которые не смогли пережить предательство. А он? Разве он сможет коротать вечность без Олеси? Сможет жить в вечном пекле, собирать с земли грешников и все это время наблюдать за Олесей? Смотреть, как она проживает свою жизнь без него. Как, возможно, влюбляется в другого, как выходит за него замуж и рождает ему детей. Как она счастливо смеется, глядя на свою семью. Как дарит ласки, которые должны были принадлежать только ему, другому.

Возможно, тогда он станет самым безумным и беспощадным Крампусом из всех существовавших. Настоящим монстром, способным только убивать.

Но забрать ее с собой он не сможет. Никогда. Ее место в его крепости. Среди роскоши. А не в иссушенной огнем преисподней.

Габор нажал на глаза птицы, следящей за каждым его шагом. Металлические крылья разъехались в стороны, открывая черную пропасть.

— Будь осторожен, господарь. — Габор обернулся к Морозному Деду. Тот постукивал мечом по ледяному кругу. Узор внутри замкнулся, и тут же в отдалении послышался тихий шум. Стены задрожали от топота десятков лап. — Как разберусь с тварями, приду к тебе на подмогу. Будь готов загадать желание. — Синие глаза старика сверкнули: — Правильное желание. Твоей госпоже не вернуться в свой мир — там она умерла. Я не смогу исполнить это желание. Все, иди! У меня тут работенка!

Габор вытянул руку со свечей вперед, освещая убегающую в самую бездну лестницу. Он начал быстро спускаться. Столько времени было потеряно. Но, кажется, Морозный Дед знал все наперед. Каждую мысль, вашу мать! Он все предусмотрел...

Как избавиться от вышедшего из-под контроля Крампуса. И как манипулировать самим Габором. Самое смешное было в том, что ради Олеси он действительно пойдет на все. Тут расчет проклятого старикана был верным.

Габор даже не заметил, как добрался до первой двери — хлипкой и трухлявой. Странно, как еще держалась. Сквозь нее прорывались порывы ветра, которые больше не казались холодными. Габор ощущал лишь их прикосновение и морскую свежесть. А еще в воздухе пахло травами... Пьянящий дикий аромат Олеси. Тот, что сводил его с ума.

Габор быстро повернул замок, и дверь распахнулась. Едва он ступил на узкую лестницу, как на чистой белой стене начали расцветать яркие фрески.

Он позволил себе задержаться. Фрески могли подсказать... Бредущие по проходу обитатели замка во главе со смелой Адрианной. Габор гордился ею. Кто бы мог подумать, что его легкомысленная и заботящаяся лишь о своих нарядах и украшениях сестра сможет так твердо командовать перепуганными слугами?!

На новой фреске появился король — его растерзанное, практически выпотрошенное тело, возле которого бродил окровавленный демон. Значит, с королем и вправду покончено... Впрочем, он

сейчас был меньшей проблемой.

А вот следующая фреска поразила... На ней был изображен принц. Восседающий на троне, с простой короной на голове. Перед ним склонили колени подданные. Но не это привлекло внимание Габора. В тени, на самом краешке фрески застыли две крошечные фигурки, наблюдающие за происходящим. Габор без труда узнал себя и Олесю.

Проклятье! Так какое решение ему следует принять?! Как поступить? Он эгоистично желал прожить свою жизнь рядом с ней. А после смерти, хоть в пекло, хоть куда. Только бы иметь рядом с ней годы. Да даже один краткий день. Но ему любого времени будет мало. Он хотел насладиться Олесей, дышать ею. Без нее ему теперь никак.

Еще одна фреска полыхнула алыми красками в скудном пламене свечи. Его собственное окровавленное тело. Только кровь. Кровь повсюду. Нет... Нет, он не собирался отступать и позволять демону себя победить. Но вместе с тем прекрасно понимал, что шансов выстоять против короля всех демонов у него практически не было. Даже с силой Морозного Деда. Тогда как же фреска с принцем? Кто был изображен на ней?

Когда он добрался до последней ступеньки, на стене расцвела еще одна картина. Кубок. Тот самый, который демоны наполняли своей кровью, а рыцари любовным зельем. Вот только на этом кубке были вырезаны не вороны, а фигурки драконов с шипастыми хвостами и раззявленными пастьями. Они чередовались с уродливыми мордами Крампусов. А внизу сияли самоцветные камни. По преданию именно те, которые первый Крампус швырнул рыцарям.

Какое же будущее предсказывают эти фрески? Какое?! Как понять?! Как закончить этот кошмар? Как спасти Олесю? Разве многого он просит? Жизнь с любимой женщиной. Но, наверное, таким как он, не позволено этой роскоши.

Ворон — герб его деда. И если на чаше появился дракон, то несложно было догадаться, кто должен стать новым Крампусом. Но как же тогда коронация принца и они с Олесей, наблюдающие за этим? Выходит, это будущее несбыточно?

Должно быть, это и есть конец его пути. Вряд ли ему удастся подкрасться незаметно. А значит, преимущества почти нет.

Габор перехватил конец цепи и резанул шипом по ладони. Выступившей кровью окрасил вороний круг, вырезанный на двери.

И тут же до него донесся сиплый голос:

— Ты еще лучше, чем я представлял. Габора тоже называла «дорогой»? — И спустя короткую паузу:
— Сейчас мы его об этом спросим...

Глава 33

— Нет. — Габор вошел в полуразрушенную башню без крыши. Его голос разнесся во все стороны, подхваченный студеным ветром. — Она называет меня «мой господарь».

Габор нашел глазами Олесю. Быстро обшарил взглядом все ее тело. Она казалась смертельно бледной. Глаза, наполненные страхом, ярко блестели. И вправду — звезды.

Алые губы, пухлые и такие желанные, удивленно приоткрылись, и до Габора долетел ее неверящий шепот:

— Ты пришел...

Габор не ответил. Он полностью сосредоточился на Крампусе. На этом ублюдке, которого считал своим дедом. И пусть прекрасно знал, что кровью они не связаны, всегда гордился тем, что продолжает Род Ворона.

Ни один портрет или гобелен не передавали их сходства. Но сейчас Габор видел, как сильно они похожи. Была ли этому причина или просто совпадение — все равно. Это существо обладало силой, несравнимой с человеческой. И как с ним справиться, Габор пока не представлял. В голове мелькнули картинки из сказки — летящий со скалы демон. Может, и у него получится...

Демон сипло захохотал:

— Ох, двое влюбленных, так несправедливо разлученных в самый разгар романа. Какая жалость. Но я избавлю вас обоих от неизбежного разочарования друг в друге, когда дражайшие супруги опостылеют настолько сильно, что мечтают лишь о смерти своей второй половины.

Габор перевел взгляд на оплавившуюся стену за спиной демона. Дым от невидимого пламени расползлся по воздуху. Землю испещряли ручьи лавы. Вот где ему предстоит коротать вечность. Что ж, ради тех чувств и нескольких дней хмельного счастья, что ему подарила Олеся, можно и не такое перетерпеть.

Габор старался не смотреть на нее. Знал, что не выдержит. Не сможет сделать то, что должен. Один только ее взгляд, и он поплывет, как сопливый пацан. Страх за нее переполнял. Он не мог допустить, чтобы с ней что-то случилось. Она стала самым дорогим, что было в его жизни. Она стала его жизнью. Его всем.

Пока болтливый Крампус трепался, даже не сомневаясь в своем превосходстве, Габор пытался подобраться ближе. Встать между ним и Олесей. Чтобы демон не мог к ней прикоснуться. Не мог даже смотреть на нее.

В тени заворочался горбатый уродец. Он уставился на Габора полубезумным взглядом и засмеялся, демонстрируя гнилые зубы. А это кто еще? Помощник Крампуса? Возле его ног лежало неподвижное тело. По светлым волосам Габор узнал принцессу. Что ж, жива или мертва, она заслужила то, что с ней происходит.

Габор тут же забыл о ней, сосредоточив все свои мысли на Олесе.

— Стой, где стоишь, хитрый господарь! — Крампус взмахнул когтистой рукой.

Габор поставил свечу на пол и начал незаметно разворачивать цепь с шипами.

— Ты же такой непобедимый. — Габор шагнул вперед. — Неуязвимый. И боишься обычного человека? — Еще один шаг.

Он слышал шумное испуганное дыхание Олеси. Так хотелось сейчас прижать ее к себе, уткнуться лицом в макушку и просто вдыхать ее запах. Целовать лицо. Гладить дрожащее в объятиях тело.

Но он заставлял себя смотреть только на Крампуса, не отводить от врага взгляда.

Демон улыбнулся:

— Тебя так долго не было... Мы с моей невестой ждали. Станешь нашим гостем. Только я вот все гадаю: это ты из-за моих сыновей задержался? Или готовил мне свадебный... «подарочек»?

Габор размотал цепь. Коготь дракона царапнул по полу. Олеся шумно вздохнула, и Габор не удержался — посмотрел на нее. Их взгляды встретились. И сейчас он действительно видел в ней все. Все, чего был лишен свою долгую скучную жизнь. Все, чего ему не хватало и он уже отчаялся это найти. Все, о чем он даже не мечтал, потому что не думал, что на свете может существовать женщина настолько ему подходящая.

Они были выточены из одного камня. Друг под друга. И если для того, чтобы она осталась жить, ему придется отправиться в подернутое клубами дыма и тумана пекло, он это сделает.

— Значит, все-таки подарок? — Взгляд Крампуса задержался на его цепи. — Думаешь, что сможешь ее отстоять?

Габор бросил на Олесю последний взгляд. Успел удивиться: как же она красива! Даже сейчас. Отсветы пламени преисподней отражались в ее смоляных волосах и, казалось, они сияли огнем. Алым, как кровь.

Габор прямо посмотрел на Крампуса, не ощущая перед ним страха:

— Думаю, что она моя.

Нет, он не был бесстрашным. Никогда не плевал на опасность и не смеялся смерти в лицо. Он не боялся за себя. Но вот за Олесю... сходил с ума от ужаса. Однажды она уже умерла. В своем мире. И тогда оказалась здесь. Но если он не сможет защитить ее...

— А вот я так не думаю... Видишь ли, внук, — Крампус мерзко улыбнулся, — эта прекрасная иномирянка отправится со мной туда, куда я скажу. И будет делать все, что я пожелаю. Потому что в ином случае, она увидит твою долгую, полную мучений смерть. И убивать тебя я начну прямо сейчас.

Крампус широко взмахнул рукой, как будто призывал кого-то расположившегося за его спиной. От тумана, плывущего над преисподней отделились сотни черных точек.словно выпущенные из арбалета стрелы, они летели с дикой скоростью, и Габор понял, что на него надвигается туча черного воронья. Их глаза пылали, а по клювам пробегали огненные блики. Металл... Их клювы были из металла!

Он едва успел заслониться рукой, защитить глаза. В плечи и в живот тут же начали вонзаться острые раскаленные куски металла. Рядом закричала Олеся. Габор раскрутил цепь, сбивая птиц с полета. Острые шипы быстро нашли свои цели.

Не ощущая боли, он бросился к Олесе, но птицы к ней даже не подлетали. Тот уродец, что сидел на полу возле принцессы, схватил ее за руки и, безумно хохоча, оттаскивал к пышущему жаром проходу в стене. Цепь на кандалах, обхватывающих ее запястья, билась о пол. Олеся отчаянно сопротивлялась и пыталась вырваться.

Габор шагнул к ней, но на пути встал Крампус. Тела мертвых ворон усеивали пол. В воздухе до сих пор кружились черные перья.

— Пусти меня, урод! — Олеся изо всех сил сопротивлялась.

Габор еще никогда не ощущал себя таким бессильным. Крампус смотрел на него, готовый помешать каждому движению. Неожиданно демон захохотал:

— Не бойся так. Она не выдержит жара преисподней, пока не примет мою кровь. У тебя еще есть время полюбоваться на мою невесту. Несколько мгновений. — Смех Крампуса взлетел в небо, врезался в стены и распался на сотни повторений.

Габор воспользовался передышкой. Уверенный в своем превосходстве демон не обратил внимания, как он вытащил из наручей, скрытых под сюртуком, небольшой нож и метнул его.

Смех Крампуса тут же прервался. Он заметил, что Габор бросает нож, но даже не понял, в кого тот летит.

— Думаешь победить меня своим ножиком?

Он принялся ощупывать свой лоб, и Габор громко закричал застывшей Олесе:

— Беги отсюда!

Тело горбуна с глухим стуком ударилось о пол. Он упал прямо в огненные ручьи, разбрызгивая вокруг обжигающие капли. Из его лба торчала рукоятка ножа.

Олеся тут же сорвалась с места, но вместо того, чтобы побежать к двери, спряталась за спиной Габора.

Крампус взревел и возвел руки к небу. Его движения повторила вытекающая из стены лава. Потоки жидкого огня взмыли в воздух, складываясь в огненных птиц, устремившихся на Габора.

Он успел оттолкнуть Олесю. Вскрикнув, она отлетела к стене, оказавшись вне досягаемости

летающих во все стороны брызг.

Сила, которой с ним поделился старик! Капли лавы прожгли одежду, обжигая болью. Габор вдохнул полные легкие смрада и гари. Нутро обожгло жутким пламенем. Собрав весь лед, какой в нем был, он выдохнул прямо в уродливую птичью морду.

Языки пламени начали застывать и распадаться на тысячи льдинок.

Крампус зарычал. Теперь в его искажившихся чертах безошибочно угадывался демонский оскал. Он подскочил к мертвому горбуну и вырвал из его головы нож. С неприятным хрустом череп раскололся.

Крампус вонзил ногти в грудь мертвеца и прорычал:

— Восстань! — Он выдрал сердце и впился в него зубами, отрывая куски и спешно глотая.

Это шанс напасть. Габор бросил еще один взгляд на Олесю — она дергала кандалы, пытаясь от них избавиться, а потом потянулась за погасшим факелом.

Габор замахнулся и выбросил в Крампуса цепь. Дракониий коготь летел точно в его измазанное кровью лицо. Но отбросив недоеденное сердце в сторону, демон легко схватил цепь и дернул ее вверх. Габор взлетел в воздух. Рывок был такой силы, что вывихнуло плечо.

Он врезался в стену. Снова закричала Олеся.

— Габо-о-ор! — Ее голос прозвучал так пронзительно громко, что перекрыл собой всю боль, которую он испытал.

Габор упал на пол, подавив стон. С трудом поднял голову. Зрение поплыло, но он различил, как Олеся побежала к нему. Ее смазанная фигурка приближалась, и больше всего на свете хотелось обнять ее. Сжать в объятиях так, чтобы сплавилась с ним.

Во рту чувствовался привкус крови, но Габор заставил себя снова повторить:

— Уходи отсюда! Немедленно!

— Нет! Нет, никогда! Только с тобой!

— Какая прелесть! — Рык Крампуса сотряс стены башни. — Никуда она отсюда не уйдет. И ты тоже.

Габор с трудом поднялся на ноги, как раз в тот момент, когда к ним с Олесей побежало жуткое горбатое существо. Черное, обуглившееся, с ручьями лавы, бегущей в трещинах, которыми раньше была его кожа.

Габор задвинул Олесю за спину и взмахнул саблей. Существо протягивало к нему руки, и Габору удалось отрубить одну из них, но когти второй полосонули его по плечу. Порезы тут же загорелись нестерпимой болью.

Оттащив Олесю за собой, Габор снова взмахнул саблей, позволяя монстру подойти ближе. Нужно отрубить твари голову. И вывести Олесю отсюда. До двери далеко. Но если...

Крампус метнул в Габора его же нож. Он едва успел отклониться. Вместо головы лезвие впилося в вывихнутое плечо. Удар был такой силы, что Габора снова отбросило к стене.

Обуглившийся горбун бросился на Габора. Он выставил вперед саблю, собираясь отразить удар, но вдруг снова раздался крик. Олесин... И в то же мгновение грудь мертвеца пронзило острие факела. Он несколько раз дернулся и начал рассыпаться, как горстка пепла. Лава, текущая вместо крови, хлынула на пол.

Когда урод рассыпался в прах, за его спиной оказалась Олеся. Она дрожала, сжимая в скованных руках погасший факел.

— Как трогательно. — В голосе Крампуса слышалась ярость. — Оказывается, моя будущая женушка такая храбрая и отчаянная. Вот только это не спасет Род Дракона.

Габор потянулся к Олесе. Схватил ее за руку и дернул на себя. Их последний поцелуй пах травами и морской солью. Морозом и пламенем. Пара вдохов — не больше, но он дышал ею вместо кислорода. Мягкость и нежность ее губ была тем, ради чего стоило терпеть любую боль.

Ее горячее рваное дыхание, скользнувшее по его губам, ощущалось на языке чем-то невероятно вкусным и сладким. Кислинка, как у спелых лесных ягод. И терпкость — вкус всех несбывшихся надежд.

Габор оторвался от бесценного наркотика ее губ, в последний раз вдыхая родной и безумно желанный аромат:

— Я буду отвлекать его. А ты беги. Ради меня. Пожалуйста, беги... — Он прошептал тихо, как только мог, и отстранился. — Давай.

Оставив Олесю за спиной, он побежал на Крампуса, замахиваясь саблей. Демон успел погрузить руку в лаву и вытащить из нее длинный меч. Их клинки со звоном врезались друг в друга. Искры ярким водопадом разлетелись в стороны.

Габор не думал, что сможет одолеть превосходящего во всем противника, на стороне которого была сила преисподней. Но ему это и не нужно было.

Лишь бы отвлечь Крампуса от Олеси. Дать ей время сбежать. Тогда он позовет Морозного Деда. И если тот придет, то Олеся не станет свидетельницей того, что он совершит.

Крампус был силен. Он двигался быстрее. Его удары оказывались мощнее. А раскаленное лезвие прорезало плоть, словно горячий нож масло.

Все вокруг смазалось, пока они бросались друг на друга, кружа у стен башни. Но Олеся... Почему она не уходит? Почему стоит на месте? Чего ждет?!

Габор отвлекся, собираясь вновь крикнуть ей, чтобы уходила отсюда. Крампус воспользовался его заминкой и сумел всадить меч прямо в живот. Внутри все полыхнуло от боли. Наверное, он до сих пор держался только благодаря крови демонов и силе Морозного Деда. Но против Крампуса это не поможет.

Габор собрал в кулак последние крупницы и шагнул вперед, напарываясь на лезвие, позволяя ему пробить хребет и спину.

Крампус удивленно что-то вскрикнул, и Габор вогнал саблю ему в шею. Кровь хлынула во все стороны.

Но монстр вдруг засмеялся, прямо с лезвием в горле:

— Ты силен, внук, не спорю... Но тебе меня не победить, сколько бы крови ты не выпил. Потому что я — есть кровь всех демонов. Примитивных и разумных. Живых и мертвых.

Габор с трудом вдохнул, чувствуя, как легкие разрываются от опаляющей боли. Наполнив грудь воздухом, он выдохнул в лицо Крампуса холодный воздух. Между ними взвилось облако льда и снега. Крампус закричал и отшатнулся. Закрыв когтями лицо, пытаясь снять ледяную корку. Из последних сил Габор вытащил его меч из живота.

Он едва переставлял ноги, но должен довести дело до конца, даже если придется ползти. Схватив безумно вращающегося вокруг себя Крампуса, он потащил его к небольшому оконцу в башне. Напрягая силы, толкнул его прямо в окно, ударив ногой в спину.

Крампус что-то заверещал и полетел в бурлящую у скал черноту вод.

— Боже, Габор! — Подбежала Олеся.

В тот самый момент, когда темная вода сомкнулась над телом Крампуса, ее холодные ладони коснулись его щек.

Габор не выдержал. Упал на пол, с трудом делая каждый вдох.

— Ты победил! С ним... с ним покончено? Держись, пожалуйста, сейчас я что-нибудь придумаю. Ты сможешь идти? Покажи мне рану...

Ее голос звучал все дальше и дальше. Бледное лицо расплывалось и почему-то казалось прозрачным. Огонь преисподней все так же отбрасывал блики на ее волосы — и за это видение он все еще цеплялся. И за ее глаза. Две синие звезды удерживали его у края пропасти.

С Крампусом не покончено. Его не убить. Но Олеся не должна видеть то, что он должен сделать. Иначе возненавидит его. А он эгоистично желал ее любви. Хотя бы в воспоминаниях.

— Послушай... меня... — Он полуслепо шарил в воздухе, пытаясь коснуться ее лица, и Олеся поймала его ладонь, прижала к своей щеке и тихонько всхлипнула. — Нужно сделать все так... как я скажу... Ты сделаешь... это для меня?..

— Да-да, я все сделаю! Говори, что нужно. Только не трать силы.

Оставалось лишь молиться, что Морозный Дед справился со всеми демонами, а иначе он отправит ее на верную смерть. Но нет, она — женщина из пророчества. Ее монстры не тронут, каким бы ни был исход битвы.

Габор собрался с силами, вдавливая пальцы в ее кожу так, словно хотел навечно оставить на ее лице свой отпечаток.

— Иди на кухню... Там есть... должен быть Драган... позовешь его сюда... Он сможет мне помочь... Справишься? — Пока она дойдет до кухни, здесь уже никого не будет. И она навсегда избавится от угрозы.

— Да! Да, я справлюсь! Я быстро. Только... Только держись. Дождись меня, хорошо? — Она тихонько всхлипнула.

Габор попробовал улыбнуться. Он видел ее все хуже и ненавидел судьбу за то, что отбирала у него даже этот крошечный шанс — посмотреть на нее перед тем, когда все будет кончено.

— Обязательно... Ты же меня... дождалась... Все, иди...

— Я люблю тебя! — Она едва коснулась его губ, и Габор проклял себя за то, что не может потянуться за ней. Задержать этот соленый от слез поцелуй чуть дольше.

— Я тоже... тебя... люблю...

Звук ее легких быстрых шагов долетел вместе с холодным ветром.

На лицо упало несколько снежинок. Габор уже почти ничего не видел. Вокруг стало оглушительно тихо. Только голос Олеси едва слышно звучал в голове. Но, кажется, это была его выдумка. Самая прекрасная выдумка на свете.

Представляя ее рядом, представляя, как выходит из моря, пока он ждет ее на берегу, как играет с их детьми, как томно блестят глаза перед очередным безумством в их постели, представляя, как она радуется его подаркам и удивляется всему вокруг, Габор тихо зашептал:

— Я бреду-бреду по лесу,

Чтобы деревце найти.

Высоченное, пушистое,

Колючее да душистое.

Ты меня, лесок, не трогай,

Не со злом к тебе пришел.

Мне навстречу —

Дед Морозный...

Башня сотряслась от ударов. Снаружи раздался дикий вопль, слышный, наверное, на всю Бергандию:

— Меня не убить, глупец! Я бессмертен! Я вечен! — Кажется, он взбирался по башне, царапая камень своими когтями.

— Габор! Он жив!

Олеся! Проклятье! Почему не ушла?!

Габор пытался нащупать цепь, хоть что-то...

— Габор, Крампус жив! — Олеся упала на колени рядом с ним, цепляясь пальцами за одежду.

Башня продолжала сотрясаться, и завывания Крампуса слышались все ближе и ближе.

Габор схватил Олесю за руку, почти вслепую нащупывая тонкие запястья:

— Уходи отсюда, слышишь? Немедленно! Уходи!

— Я не оставляю тебя! Никогда! Лучше умереть, но с тобой рядом...

— Я уж думал и не позовешь! — Тяжелая дверь ударилась об стену, повеяло холодным воздухом.

Зрение немного прояснилось, и Габор сумел разглядеть могучую фигуру старика.

— Ну что, готов загадать свое желание?

— Габор... — Смазанная фигура Олеси мелькнула перед глазами, и ему оставалось только сжать ее руку, чтобы сделать то, что должен.

Пересохшими губами, все еще хранящими вкус ее поцелуя, он тихо прошептал:

— Прости меня... Я всегда буду тебя любить... Вечность...

Рев Крампуса раздался над головой.

Крик Морозного Деда перекрыл его:

— Ну же!

— Сделай меня Крампусом...

— Не-е-ет... Габор...

Потрясенный выдох Олеси был последним, что он услышал. Дальше начало что-то происходить. Непонятное... Но такое нестерпимо болезненное, что горло срывалось от крика. Все кости словно плавилась и вылазили наружу, прорывая горящую огнем кожу. Огонь был повсюду. Он сжигал, испепелял.

И это не заканчивалось. Глаза плавилась в глазницах, волосы горели. Пламя пожирало одежду и коржило кости. Больно, как же больно...

Во рту вкус гари и пепла, в ушах — рев пламени. Огонь везде... Даже в голове. Все горит. Он не выдержит. Все нутро вспыхивает. Сердце, легкие — они зажигаются, как костры и жгут изнутри.

И даже кричать уже нет сил... Сквозь смрад и алые кострища пробилась мысль. Неужели, она тоже видит его таким? Слабым и беспомощным? Неспособным выдержать боль. Ей ведь тоже было больно. Много раз. Когда умирала. И когда привыкала к чужому измученному пытками телу. Она терпела. Потерпит и он. Ради голубых, как звезды глаз. Ради волос, чернее самой жуткой темноты. Ради голоса, стонущего его имя. Ради нежности и теплоты кожи. Ради аромата трав в ее волосах и на покрытой испариной коже. Ради ее смеха и улыбок. Ради того, как рассматривала украшения на деревенской ярмарке. Ради того, как смело стояла перед его саблей. Ради того, как испуганно застыла на галерее, полностью беззащитная перед морозом. Ради того, как учила его язык и как спорила о том, какое платье выбрать на праздник.

Ради всего, что связано с ней, ради каждой мелочи он потерпит. Ради ее жизни и ради ее дыхания. Ради того, чтобы она ходила по его замку, пока он будет коротать вечность в пекле. Ради того, чтобы спала в его кровати, пока он будет скитаться по преисподней. Ради ее дыхания и взглядов.

Ради ее жизни... Весь он — ради нее.

Он ведь сможет быть рядом... Еще не все потеряно. У него есть шанс. Он будет наблюдать за ней издалека. Будет оберегать ее и защищать. И демоны, которые прежде творили черные дела, теперь будут его шпионами. Они будут ее стражниками. А любой, кто осмелится причинить ей боль или обидеть... Им он вскроет нутро.

Она только его... Он будет пробираться в ее спальню и воровать ее одежду, чтобы вдыхать в преисподней аромат трав и страсти — ее запахи, которые стали для него всем. Он будет дарить ей лучшие драгоценности, которые только раздобудет здесь. Чтобы она сияла. Сверкала. Как далекие звезды на черном небе. Он будет покупать ее любовь. Он будет обманывать и притворяться. Он будет делать все, чтобы она помнила о нем. Хотя бы помнила...

Пламя отступило. Оно перестало быть обжигающим, сколько-нибудь горячим. Ничто, даже огонь преисподней не мог сравниться с жаром ее прикосновений и с тем, как вспыхивает все внутри него, когда они остаются наедине. Огонь — ничто.

Пламя лизнуло его тело в последний раз и отступило, складываясь за спиной двумя крыльями.

Габор вдруг осознал, что погружен в кипящую лаву.

Он вынырнул, с жадностью вдыхая обжигающе холодный воздух. Зрение еще никогда не было таким четким. В теле бурлила сила. А на губах... на губах ощущался вкус Олесиного поцелуя. Он чувствовал ее аромат, разившийся в воздухе, заполнивший собой все.

Потребность в ней была такой острой, что его трясло. Сейчас ему хотелось только одного:

почувствовать ее. Что угодно: прикосновение, поцелуй, голос, запах. Она нужна ему. Без нее нет жизни. Нет смерти. Нет ничего.

И он увидел... Увидел ее. Напуганную и бледную. Бесконечно прекрасную в отсветах пламени. Такую нужную. Каким жалким и глупым он был, когда думал, что сможет без нее. Какой пустой и убогой была его жизнь. А теперь он даже дышит с трудом. Еще немного и задохнется совсем, не чувствуя ее аромата.

Ее глаза еще никогда не горели так ярко. Но это все было из-за слез по нему. А он не хотел, чтобы она плакала. Никогда. Кожа поражала своей белизной. Белее снега. Который теперь для него хуже отравы. И губы ее были такими алыми, что удержаться и не поцеловать их было сродни пытке. Он ошибся... Не выдержит он без нее и мгновения. Не сможет.

Он шагнул к ней, выходя из озера обжигающей лавы, и Олеся бросилась навстречу. На ней была его кровь, волосы рассыпались по плечам угольной чернотой, а из глаз катились слезы.

Он смотрел на нее и... боялся. Боялся прикоснуться. Боялся дотронуться и испачкать собой. Теперь он был тем, кого ненавидит и боится каждое живое существо Бергандии.

Олеся врезалась в него, уткнувшись лицом в обнаженную грудь. Задышала часто-часто, опалая горячим дыханием так, как не могло обжечь пламя. Габор застонал от боли, от сладкой желанной боли, пронесшейся по коже сумасшедшим пожаром. Губы Олеси оставляли влажные поцелуи на его коже. Такие нежные...

Он почувствовал, как по щеке стекает слеза. Нельзя. Она не должна быть с ним. Только не так. Он должен оттолкнуть ее. Позволить уйти. Отпустить. Сейчас. Потому что иначе не сдержится.

Она нужна. Нужна ему. Руки сами потянулись обнять ее и крепче прижать к себе. Так крепко, что она глухо выдохнула от боли. Но он не мог ее отпустить, не мог себя заставить. Еще мгновение. Еще хоть один вдох. Надышаться ее запахом.

Сладкий аромат трав и цветов проник в ноздри, дурманя и без того затуманенный разум. Вот так, да... Оставить ее в себе. Навсегда. Хотя бы так!

— Зачем ты это сделал? Что ты натворил?..

Ее тихий шепот он готов был слушать вечно. Там, в преисподней этого звука не будет. Но сейчас... Габор просто слушал, не вдумываясь в ее слова. Пусть ругает, проклинает — все, что угодно. Только бы продолжала говорить.

В груди зрела потребность. Дикая яростная необходимость сделать ее своей. Навсегда. Не отпускать. Привязать к себе всеми возможными способами. Но каким бы сильным не было это желание, любовь к ней была сильнее.

Чтобы выжить там, в вечном пекле, ему нужно лишь одно — знать... знать, что она любит его. Знать, что любила хотя бы эти пару мгновений. Пару мгновений. Пусть потом ее любовь иссякнет. Утихнет. Пусть она его забудет, проклянет, возненавидит.

Но у него будут эти несколько минут. Несколько самых сладких и горьких минут, пока она прижимается к нему вот так доверчиво, отчаянно, царапая ногтями кожу и порывисто дыша. Даже на этих крохах он способен продержаться там. Еще чуть-чуть. Пусть посмотрит на него. Пусть поцелует.

Габор приподнял голову Олеси, едав касаясь пальцами влажного от слез подбородка. В его голове царил настоящий сумбур.

Но постепенно туман начал рассеиваться, и он осознал, что вокруг слишком холодно. И что согревает его только Олеся, цепляющаяся за него так, словно могла поглотить его. Он начал понимать, что стоит прямо в кипящей лаве, и что вокруг летает пепел и тысячи вороньих перьев — все, что осталось от Крампуса.

Он увидел Морозного Деда, опирающегося на свой меч и принцессу, пытающуюся сесть. И он слышал, как там, в преисподней, извергаются вулканы, как куется оружие, и как ревут демоны.

Это значит, его время истекало.

Габор прижался ко рту Олеси, чувствуя его соленую сладость. Он кусал и лизал, всасывал ее губы, втягивал в рот язык, никак не мог насытиться ее вкусом. Все казалось мало. Он проникал в ее рот, надеясь хоть на такую близость. В последний раз. В голове пьяно шумело, а руки притягивали Олеся к себе все ближе. Пусть сплавится с ним, как металл с металлом. Пусть просочится в него.

Олеся отстранилась от него, и грозный рык вырвался из горла. Он готов был взять ее силой. Все, что угодно. Ему просто нужно...

Габор впился пальцами в плечи Олеси и рывком отодвинул ее от себя.

— Уходи...

Он должен сдержаться. Сдержаться и отпустить. Вот только чем дальше он отодвигал ее от себя, тем больнее становилось. Внутри что-то лопнуло. Он чувствовал это. Чувствовал по-настоящему. Грудь затапливало кровью. Даже в горле он ощущал ее привкус.

Но Габор заставил себя. Отнял от нее руки и отступил назад.

— Уходи, пока могу... тебя отпустить...

Нужно защититься от нее. От взгляда, в котором плескалась боль, как будто он ее предал. От тяжелого дыхания и поднимающейся груди. На ней ведь так и была его одежда... Она вся принадлежала ему.

Габор почувствовал, как кожа покрывается чем-то металлическим и холодным.

— Уходи же! — Он зарычал.

Но Олеся не испугалась. Упрямо выкрикнула в ответ:

— Нет!

Габор согнулся пополам и тут же выпрямился. Сами собой на его коже возникали доспехи. Тяжелая броня вокруг рук и груди, похожая на... чешую дракона. За спиной вытянулся до пола длинный черный плащ, точь-в-точь кожистые драконьи крылья.

— Я приветствую тебя, Крампус из Рода Дракона. — Морозный Дед легко поклонился. Тихо вскрикнула принцесса, так и не вставшая на ноги.

Изображения двух воронов в центре пола, начали стираться. Вместо них проступали два огромных дракона, скалящих друг на друга пасти с длинными клыками.

Вот и все...

— Зачем ты это сделал? — Олеся снова шагнула к нему.

Какая же она красивая... Даже сейчас, когда злится на него. И это он тоже запомнит навсегда.

— Потому что иначе его было не победить.

— И теперь ты должен уйти? — Она дернула подбородком в сторону преисподней: — Туда? Значит, я пойду за тобой.

Ее голос даже не дрожал. Лишь немного срывался. И это тоже действовало на него. Притягивало до дрожи в ногах.

— Нет. Ты не пойдешь. — Он вновь готов был проклясть себя за то, как хрипло говорит. И как на самом деле ему хотелось ответить иначе.

Ведь внутри, в душе, он благодарил Небеса за то, что она так сказала. И едва не согласился. Больше всего на свете ему хотелось взять ее за руку и забрать с собой.

Габор осознал, что уже протягивает ладонь. Пальцы дрожали от нужды прикоснуться, сжать ее пальцы и вновь притянуть к себе. Он словно добровольно отказывался от части себя. От какой-то безумно важной, необходимой части.

— Почему? Разве теперь я тебе не нужна? — Олеся шагнула к нему еще ближе, встала на цыпочки и ударила кулаком ему по груди. — Теперь все? Теперь ты страшный и великий Крампус и любовница тебе без надобности?

Габор схватил ее и прижал к себе. Плащ взвился за спиной, складываясь в крылья. Душа срывалась с места и рвалась туда, где они могли быть вдвоем. Вместе. Спрятаться бы с ней, где никто не сможет их отыскать.

Олеся порывисто вскрикнула, несколько раз слабо ударила кулаками и тихо всхлипнула.

— Отказываешься от меня?

— Ради тебя я все это и сделал. Чтобы тебе не пришлось идти туда. Ни с ним. Ни со мной.

— Я готова... идти туда. Куда угодно, только с тобой.

По телу Габора прошла дрожь. Теперь он явственно чувствовал сумасшедшее пламя преисподней. Чувствовал, каким холодным и слабым оно было рядом с жаром Олеси.

— Я пошел на это не ради того, чтобы ты отправилась за мной в пекло. У тебя... будет достойная жизнь. Даже оттуда я смогу защитить тебя. Ты все равно станешь госпожой Дьекельни...

Олеся помотала головой и вывернулась из его объятий, повернувшись к Морозному Деду:

— Это ведь все вы, да? Вы! Из-за вас он пошел на это... Я все слышала... Крампус сказал, что мое желание было ни при чем. Что вы перенесли меня сюда для него. Потому что я ему понравилась. Значит, у меня тоже есть право на желание!

Морозный Дед удивился и тут же нахмурился:

— Выходит, что так...

Габор не мог удержаться, как ребенок цеплялся за Олесю, стремясь продлить время рядом с ней настолько, насколько сможет.

— Тогда... тогда я желаю, чтобы он больше не был Крампусом! — Последние слова она произнесла, не скрывая слез.

Габор снова потянул ее к себе.

Морозный Дед тихо выдохнул:

— Такое желание я не могу исполнить...

— А какое? Какое можете?!

Он отвел взгляд, а Габор подавил горькую усмешку. Что ж, когда-то его счастье должно было закончиться. Оно было и сладким, и горьким, и безумным. Но недолгим.

Олеся порывисто выдохнула:

— Тогда дайте... дайте нам прожить вместе! Нашу жизнь. А потом мы вдвоем уйдем туда... Такое желание... такое желание вы исполнить можете?

Габор чувствовал, как с каждой секундой ему становится все холоднее. Он словно оледеневал. И только Олеся, ее присутствие рядом, поддерживало пламя в его груди.

Морозный Дед нахмурился, глядя на них. И Габор вновь ощутил себя мальчишкой, у которого взрослые грозились отобрать самое ценное. Он не верил этому старику. Больше он не верил никому. Но ему достаточно было того, что Олеся теперь в безопасности. Никто не причинит вреда его женщине. Никто.

— Хорошо. — Голос деда громыхнул подобно грому. — Это желание я могу исполнить. У вас будет шанс... прожить жизнь вдвоем. Но каждую зиму Габору придется возвращаться в преисподнюю. Он теперь Крампус и не должен допустить, чтобы Бергандию окутала тьма. К тому же... Теперь он не сможет выносить морозы и холод этих мест. Крампусу позволено проходить в наш мир лишь на пару часов. Потом он всегда вынужден возвращаться. И лишь одни зимние сутки он сможет провести на поверхности — Проводы Старого года.

— Но потом, когда зима закончится? — Олеся переплела пальцы с его. — Потом он сможет быть со мной постоянно?

— Да. До наступления новой зимы. Но здесь она длится полгода. Не так, как в твоём мире.

— Все равно! Мы сможем. Да, Габор?

Он до сих пор не мог полностью осознать, что произошло. В голове все перемешалось. Он чувствовал себя, как в тумане. Пьяным. Потерянным. Даже тело казалось чужим и неуклюжим. Но рядом была Олеся. И кажется, у них есть шанс быть вместе. Хоть так. Но есть. Она оказалась умной, находчивой и храброй. Его смелая девочка... Она сражалась за него до конца.

— Да, мы все сможем.

— Что ж... Тогда я исполняю твоё желание, Олеся. До своей смерти Крампус сможет жить на

поверхности, как обычный человек. Но зимы он будет проводить в преисподней — оберегая Бергандию от тьмы и греха. Когда же он окончит свой земной путь, он вернется в преисподнюю таким, как переродился. Если ты отправишься за ним, то твоя молодость будет возвращена, и вы сможете провести вечность вдвоем. Молодые и красивые, как в первый день вашей встречи.

Неужели у них будет шанс? Он у них уже есть! И снова Олеся его удивила... Выторговала им жизнь...

— Сейчас тебе нужно вернуться в преисподнюю. Показать своему войску, кто их новый повелитель. Но через три дня, в ночь Проводов Старого года, ты вернешься. Ну а тебе, — Морозный Дед повернулся к принцессе, которая, прижавшись к стене, пробиралась к выходу из башни, — придется забыть обо всем, что ты здесь видела...

Принцесса вскрикнула, побежала, но Морозный Дед легко ее догнал и прижал ко лбу широкую ладонь. Принцесса закрыла глаза и обмякла. А после удивленно моргнула, словно очнувшись от долгого сна, и начала испуганно озираться по сторонам.

— Г-где я?.. И что происходит?.. Кто вы?..

— Пойдем-пойдем, милая. — Он взглянул на Габора: — Мы подождем снаружи. А вы пока попрощайтесь.

Он вывел принцессу, и наступила тишина, прерываемая только извержением вулканов и грохотом грома вдаль. Олеся тяжело втянула воздух и снова заплакала.

— Ты ведь вернешься? Он сказал, что на праздник можно будет...

Габор кивнул и стер слезу с ее теплой щеки. Сейчас это тепло ему было жизненно необходимо. Он чувствовал надвигающийся холод, и этот холод завладевал всеми чувствами. А ему очень хотелось чувствовать.

Габор заставил себя улыбнуться:

— Да. Я приду на маскарад. Постарайся узнать меня.

Олеся быстро закивала, кусая губы, и Габор не смог удержаться — обнял ее, прижимая к себе и питаясь ее живительным теплом.

Ее голосок отдавался в груди тихим гулом:

— Я не хочу тебя терять. Только нашла и теперь...

— Теперь ничто и никто не станет между нами. — Габор поймал губами слезинки на ее щеках. — Я тебя не отпускаю и не отдам.

— Габор... Я не смогу без тебя. Не смогу отпустить...

— Сможешь... Теперь ты — госпожа Дьекельни. Тебе некогда будет скучать.

— Я... Мне нужен ты. И больше ничего.

— До того, как... все началось, я сказал королю, что ты стала моей женой. Но мы так и не успели с тобой пожениться. Через три дня, в ночь праздника, мы станем мужем и женой. — Он поймал губами еще одну слезинку, слизнул теплую соленую влагу.

— Мы поженимся? — В ее голосе звучала несмелая отчаянная надежда, как будто она до сих пор сомневалась в нем. Это ранило.

— Да. Чтобы все вокруг знали, что ты моя госпожа.

— Я не могу тебя потерять... Не могу отпустить. А что если у тебя не получится вернуться? Или забудешь там обо мне? Или... что-то случится... Когда я думала, что ты умираешь...

— Олеся... — Габор вдохнул аромат ее волос. Даже сейчас он ощущался поразительно ясно и отчетливо. До боли остро. Привязывал его еще крепче. — ...ничто не удержит меня вдаль от тебя. Я пошел на это, лишь бы не отдавать тебя ему. А теперь... теперь мы справимся со всем. Возвращайся в крепость и жди меня на праздник. — Он улыбнулся, воскрешая в памяти то, что происходило лишь несколько часов назад, а теперь казалось прожитым в другой, незнакомой жизни. — Помнишь про наш спор? Ты обещала выбрать платье, против которого я не смогу устоять. Проигравший исполняет желание. Я надеюсь тебе проиграть.

Олеся кивнула, борясь со слезами, и его почти обледеневшее сердце вдруг забилося быстрее.

Находиться здесь было очень сложно. Больно. Но еще сложнее, еще больнее было оставить Олесю.

— Я уже знаю, какое желание должен будешь исполнить. — Она улыбнулась сквозь слезы.

— Какое же?

— Подарить мне ребенка. Нашего ребенка...

В его груди что-то взорвалось. Что-то горячее, острое и ядовитое. Тысячи шипов вонзились в нутро, мешая дышать. Их ребенок... Их малыш... А что если они родятся демонами? Что, если будут монстрами, которых он когда-то клялся убивать? Тогда он станет лучшим отцом для них. Кем бы они ни были. Какими бы они ни были. Их дети будут самыми счастливыми и самыми любимыми.

Габор коснулся ее живота:

— Начинать готовиться к празднику, моя прекрасная госпожа.

Он отошел от нее. Заставил себя. Шаг, еще один, другой. И так до тех пор, пока спину не обожгло спасительное пламя. Вот только теперь казалось, что из него один за другим вытаскивают все органы, выдирают вены и тянут жилы. Чем дальше он отходил от Олеси, тем больнее становилось внутри. Тем более пустым он себя чувствовал.

Габор поднял шлем с кривыми рогами, как наросты на голове дракона. У шлема была металлическая маска с мордой Крампуса и алым лоскутом раздвоенного языка. Что ж... быть Крампусом не так уж и плохо, если тебя ждет желанная женщина.

Габор обернулся к Олесе и надел шлем:

— Через три дня. Жди меня.

Он шагнул в преисподнюю, слившись с бушующим пламенем. Олеся закусил губу, чтобы не разрыдаться. Сжала кулаки, заставляя себя стоять неподвижно и не броситься за ним, не вцепиться в его широченные плечи скрытые под чешуйчатыми доспехами.

Он был красив. Слишком. Должно быть, Бергандия еще не знала Крампуса красивее. И женщины будут сами предлагать ему сделки. А может ему начнут поклоняться, как божеству. Человек-дракон... Пламя бушевало вокруг него, а тонкий кожаный плащ развеивался за плечами, как два огромных черных крыла. Он действительно был драконом, готовым сжечь все вокруг. Сжечь ее...

Габор обернулся. Надел рогатый шлем, скрывая свое лицо. Опустил забрало, и на Олесю взглянуло пугающее и в то же время безумно родное лицо. Теперь Крампус не пугал. Теперь она жаждала пойти за ним. Лишь бы не расставаться даже на день. Даже на секунду.

— Через три дня. Жди меня.

Сжав зубы, она закивала до боли в шее. Одними губами прошептала «Да». Он отвернулся и пошел вперед, сливаясь с сизыми клубами дыма. Даже там он был на своем месте. Кто еще, как не ее храбрый господарь, сможет защитить людей от тьмы и зла? Кто еще сможет командовать демонами и забирать грешников вместо невинных людей?

Дым совсем скрыл его блестящие доспехи, похожие на чешую сказочного монстра. Сказочного героя. Дыма становилось так много, что в конце концов, он стал сплошной каменной стеной.

Исчезла лава, больше не было огненных ручейков, и даже гарь пекла не ощущалась. Только перья до сих пор усеивали пол. Олеся расчистила ногой центр, чтобы изображения двух драконов, держащих монетки, ничто не скрывало. Вот и все... Ей остается только ждать. Ждать и верить, что спустя три дня он придет. Олеся медленно побрела к стене, за которой скрывалась преисподняя. Прижала ладони к шершавым камням. Боже, какие же они холодные...

Как будто ничего и не было. Три дня. Ей ведь нужно продержаться лишь три дня. А потом всю зиму. Всю долгую зиму, и он придет. А вдруг, там он забудет о ней? Нет, не забудет... Ради нее он пришел сюда. Ради нее сражался с демоном. Ради нее стал одним из них.

А она ради него станет самой красивой. Чтобы через три дня у него перехватило дыхание. И чтобы уходя в преисподнюю он думал о том, как бы скорее вернуться к ней.

Олеся вышла из башни, тихонько прикрыв за собой дверь. На крутой лестнице дожидались принцесса и Морозный Дед.

Он тяжело вздохнул и посмотрел на нее сочувствующим взглядом:

— Ушел?

Олеся исподлобья взглянула на старика и начала спускаться:

— Вы и сами знаете...

— Иначе нельзя было. Здесь свои законы. И я нарушил главные из них, чтобы ты получила жизнь со своим господарем.

— Это вы заставили его стать... — Она осеклась, взглянув на принцессу, которая рассматривала стену. — ...тем, кем он стал.

— Он спасал тебя.

— Значит, это я теперь во всем виновата? — Она и сама чувствовала свою вину.

Если бы она не появилась здесь... Если бы не попала в тело несчастной Маргит... Если бы не полюбила Габора... Миллион «если бы», которые делали ее горько-соленое счастье почти ядом.

— Наверное, я должна сказать «спасибо». За него. И за... за то, что оказалась здесь. Я и вправду благодарна... За каждый свой день тут. — Олеся из последних сил сдерживала слезы.

Так сложно было поверить в то, что все почти хорошо. Так сложно...

Старик вдруг улыбнулся:

— Не плачь, прелестная госпожа. Ты должна быть сильной и красивой, как и все в роду Баттьяни. Ты — мать будущего наследника. Дитя, растущее в тебе, не должно знать материнских слез.

Олеся даже не сразу осознала... Она просто замерла на месте, боясь спугнуть эти слова. Пусть проникнут в мозг, в сознание. Пусть просочатся... Она прижала ладони к животу. Все было так же, как всегда. Как и прежде. Он даже немного впал поле всех переживаний. Теплая кожа. Ничего не изменилось.

Она посмотрела на Морозного Деда, пытаясь понять, говорит ли он правду или...

— Это жестокая шутка... — Голос дрожал так сильно, что превратился в неразборчивый шепот.

— Это не шутка. Скоро сама поймешь...

Олеся сглотнула ком в горле, внезапно вспомнив, как ее жутко тошнило по пути сюда. А что, если это был не страх? Что если это действительно их с Габором малыш? Первенец!

— Ой, смотрите! Картинки сами собой появляются! Чудеса...

Олеся вздрогнула от возгласа принцессы. Та со счастливым и удивленным видом рассматривала стену, на которой расцветали яркие фрески.

Олеся подошла ближе, всматриваясь в новые картины. Она и Габор... Они сидели на берегу моря, улыбаясь друг другу, пока черноволосый малыш сооружал из песка кривую гору. Дыхание замерло на губах. В висках что-то болезненно застучало, а сердце оказалось пойманным в клетку из ребер.

На следующей фреске она танцевала с мальчиком лет десяти, а Габор сидел за богато накрытым столом, улыбался и хлопал в ладоши.

Еще на одной фреске она стояла напротив алого марева преисподней. Стояла, держа за руки двух мальчиков. А в сером дыму отчетливо проступал величественный мужской силуэт, за спиной которого развевался не то плащ, не то крылья, а голову венчал рогатый шлем. Он шел к ним...

Олеся снова прикусила губу до острой отрезвляющей боли и повернулась к Морозному Деду. Она боялась даже дышать — чтобы не спугнуть фрески. Как будто именно от этих рисунков зависело, получит она все это или нет.

Морозный Дед улыбнулся:

— Ради такого будущего стоит и умереть, да?

Олеся кивнула, бессознательно погладив живот:

— Да. Стоит...

Тихий лепет принцессы немного привел ее в себя. Олеся указала на Генриетту, которая блаженно улыбалась и рассматривала фрески с таким видом, словно ничего удивительнее в жизни не встречала:

— Что с ней?

— Она теперь... другой человек. — Морозный Дед улыбнулся. — Пойдемте. Нужно вернуться в крепость и объявить всем, что с демонами покончено.

Олеся взяла принцессу за руку и повела за собой. Генриетта казалась несмышленным ребенком лет пяти. Вертела головой, что-то лепетала себе под нос и улыбалась каким-то своим мыслям. Олеся и вправду ощущала себя мамой, оберегающей неразумное дитя.

Неужели, у них с Габором и вправду будет ребенок? Красивый, умный и храбрый малыш, похожий на своего папу. Олеся прижала свободную руку к своему животу, как будто могла этим жестом могла сберечь еще не рожденного сына. Или дочку.

Морозный Дед довел их до широкого подземелья, помогая выбраться через проход в статую ворона.

Принцесса вскрикнула, и Олеся поспешила за ней, гадая, что могло ее так напугать. Весь пол был усеян телами мертвых демонов. Отрубленные лапы и головы, вывалившиеся из пастей языки.

Морозный Дед хмыкнул и погладил свой топор. Не оставалось сомнений, кто их всех убил.

— Дальше вы сами. А я наведу тут порядок.

Олеся взглянула на него:

— Вы еще придете?

Он улыбнулся:

— Я всегда рядом.

— Но мы еще увидимся?

Он указал на ее живот:

— Я приду к ним однажды. Чтобы исполнить их заветные желания.

Олеся погладила живот, все еще не находя в себе сил не прикоснуться к нему:

— Спасибо.

Дед кивнул:

— Возвращайтесь. Дьекельни ждет хороших новостей. Сейчас крепости нужна хозяйка. И пышное торжество. Как никогда.

Олеся крепче обхватила ладонь Генриетты и повела утратившую память и, похоже, разум, принцессу за собой.

— Это был твой дедушка? — Шепот Генриетты отскакивал от холодных стен, которые больше не казались ни страшными, ни пугающими.

Неожиданно для самой себя Олеся улыбнулась. А ведь совсем недавно она сама была, как принцесса. Ничего не понимала и не осознавала.

А теперь вот объясняет, что к чему в этом удивительном, почти сказочном мире.

— Это Морозный Дед. Хранитель всей Бергандии. Он награждает детей, которые хорошо себя вели весь год, — приносит им подарки.

— Ух ты! А я хорошо себя вела? Ты не знаешь?

Олеся не смогла сдержаться:

— Не совсем.

Генриетта заметно приуныла.

— Значит, у меня подарка не будет.

— Я думаю, ты свой подарок уже получила.

— Да? А какой? Я ничего не помню. Даже... свое имя. Как меня зовут?

— Генриетта. Тебя зовут Генриетта. И ты принцесса.

— Правда?

Генриетта начала шумно радоваться и удивляться, охать, а потом гадать, что нужно делать принцессе. А Олеся подумала, что не так уж она и соврала ей. Морозный Дед действительно сделал ей подарок — возможность начать жизнь заново.

За считанные минуты они выбрались из тайного прохода. В зале, откуда их похитил жуткий демон, пахло кровью. Окровавленное тело Фиданки все так же лежало на полу, пугая своим видом.

Генриетта закричала, и Олеся поспешила вывести ее отсюда. Но уже у самой двери она заметила книжку, одиноко лежащую в кресле... Сказки. Сказки, которые они читали с Габором. На глаза снова навернулись слезы.

Захотелось разрыдаться.

Она вытолкнула принцессу из зала и приказала:

— Подожди меня здесь.

Та намертво вцепилась в ее руку, не желая отпускать:

— Ты не оставишь меня? Не бросишь?

— Я только заберу кое-что.

Она вырвалась из хватки принцессы и бросилась к креслу. Схватила потрепанную книжку и прижала к груди, как самое величайшее сокровище.

Стоило вернуться к Генриетте, как та тотчас повисла у нее на шее.

— Я думала, ты оставишь меня здесь.

Олеся погладила дрожащую девушку по голове:

— Не бойся. Все хорошо. Теперь уже нечего бояться. Габор... Наш господарь позаботился, чтобы теперь мы все были в безопасности.

Вот так вдвоем они двинулись вперед, находя в замке окровавленные тела то рыцарей и стражников, то бездыханных, но все равно пугающих демонов.

— Госпожа Маргит! — Олеся вздрогнула, совсем отвыкнув от этого имени.

К ней спешил высокий воин, которого она пару раз замечала возле Габора.

— Слава Небесам, с вами все хорошо. Вы не пострадали?

Оказывается, жизнь не закончилась. Огромная крепость пыталась стряхнуть с себя покрывало смерти и восстать, чтобы жить заново.

И теперь она — часть всего этого. Госпожа Маргит.

— Нет. Со мной и Ее Высочеством все хорошо. Господарь Габор успел вовремя.

Стражник с облегчением выдохнул:

— Мы отведем вас к остальным, пока будем проверять крепость. Но... кажется все демоны... Не знаю, как это объяснить, но они сорвались и куда-то побежали... — Он вдруг запнулся. — А где господарь? Он... жив?

Наверное, когда-то ей пришлось бы ответить на этот вопрос. Но не сейчас. Она просто не знала, что сказать. И не потому что не успела придумать, или ее слова могли как-то повредить Габору. Нет. Она... боялась, что он не вернется. Все произошедшее в башне казалось дурным сном. Слишком ярким фильмом, который невозможно вот так просто выбросить из головы. Жизнь идет дальше. Вокруг что-то происходит. И, кажется, из-за поворота вот-вот должен выступить Габор. Подойти к ней своей стремительной походкой. Отрывисто отдать приказ. Выслушать всех, нахмутив брови и сжав губы так, что вокруг рта появится жесткая складка.

Но ничего это не происходит, и снова хочется плакать. Все от нее чего-то ждут, и, наверное, пора становиться госпожой.

Габор сказал, что вернется. И Морозный Дед согласился исполнить ее желание.

Он обязательно придет. Обязательно. Нужно лишь продержаться три дня. Она ждала его всю жизнь. А тут всего три дня.

Олеся задрала повыше подбородок и распрямила плечи:

— Конечно, он жив! — Она больше пыталась убедить себя, чем их. Заставить разум поверить. — Он сказал... что вернется. К празднику. Кажется, отправился преследовать демонов...

Высокий воин облегченно выдохнул.

— Идемте с нами. Придется посидеть в тайном укрытии, пока мы все проверим.

Олеся кивнула и потянула за собой Генриетту. Та восторженно хлопала ресницами, не скрываясь разглядывая стражника.

— А как вас звать? — Она с непосредственностью ребенка погладила металлический наплечник с гравировкой в виде дракона.

Он бросил растерянный взгляд на принцессу, а потом на Олеся.

Олеся пожала плечами и улыбнулась:

— Ее высочество сильно ударила голову и, похоже... теперь ничего не помнит.

Стражник понимающе кивнул и поклонился:

— Вазул, Ваше Высочество.

— Какое красивое имя...

Принцесса мечтательно улыбнулась и покраснела. Снова вцепилась в Олеся, смущенно отводя взгляд от уставившегося на нее воина.

Олеся ободряюще сжала прохладные пальцы Генриетты. Было странно ощущать себя кем-то настолько сильным, что у тебя ищут поддержки и защиты. Но, кажется, для принцессы она была именно такой силой. Да, она должна быть сильной, чтобы преодолеть все и дождаться... Врут те, кто пишут, что все сказки заканчиваются свадьбами и обязательным «И жили они долго и счастливо». Ее счастье казалось таким далеким...

Вазул со стражниками проводил их в очередной проход. Но здесь было совсем не страшно. На стенах ярко горели факелы, прогоняя холод и темноту. Но теперь Олеся не боялась демонов. Пока Крампусом был ее господарь, они не тронут ни в чем не повинных людей.

Вазул подвел их к огромным двустворчатым дверям, которые убегали так высоко вверх, что терялись в темноте. Их украшала красивая резьба в виде дракона, с сотней желобков на перепончатых крыльях. И вновь в памяти всплыл образ, скрывающегося в тумане и дыме Габора. Даже став Крампусом, он остался самым красивым мужчиной. Стал еще лучше — в своих чешуйчатых доспехах в рогатом шлеме.

Вазул взялся за рычаг и повел его по лабиринту желобков, доводя до хвоста с острой стрелкой на конце. Какой-то механизм пришел в действие, послышался скрежет, а затем наступила тишина. С той стороны раздались скрипучие звуки — должно быть, изнутри тоже открывали, и двери пришли в движение, медленно натужно распахиваясь.

В них уткнулись наконечники длинных копий, но тут же послышались радостные возгласы и облегченные выдохи.

Олеся едва не упала, когда на ее шее повисла Адрианна:

— Слава Небесам, ты жива! Где Габор?

Уже без запинки Олеся твердо проговорила:

— Отправился преследовать последних демонов. Они ушли из крепости.

Оказывается, до этого стояла полная тишина. Но она тут же взорвалась радостными выкриками. Слуги обнимались и плакали, подбадривали друг друга и улыбались сквозь слезы.

Знали бы эти люди, что их господарь сделал для них. Благодаря кому они все смогут вернуться к привычной жизни.

— Вам придется еще немного посидеть здесь. Мы проверим весь замок и вернемся за вами, если в

крепости безопасно. — Вазул ушел обратно со своим отрядом, а народ принялся радостно галдеть.

— Хоть бы с ним все было хорошо. — Адрианна задумчиво смотрела на закрывшуюся дверь.

Олеся сжала ее ладонь:

— С ним обязательно все будет хорошо. Он же наш господарь. Дракон... Он обещал вернуться к празднику.

— К празднику? К Проводам Старого года? Я уже и забыла... Сейчас не до празднований... Людям нужно оплакать погибших.

Олеся покачала головой:

— Именно сейчас праздник и необходим. Чтобы все знали, что нас не сломить. И что мы преодолеем все. Мы проводим Старый год и все плохое, что в нем случилось. Чтобы больше это не повторилось никогда. Габор сказал готовиться.

— Может, ты и права... Мы все так старались... И раз Габор сказал...

— А что это за место? — Принцесса вновь напомнила о себе, дергая Олеся за руку и осматривая просторный зал.

Кажется, он был выдолблен прямо внутри скалы. Потолок тонул в темноте. На полу были выгравированы какие-то узоры, а на стенах выбиты буквы и фигурки драконов.

— Пойдем посмотрим. — Олеся повела принцессу к одной из стен.

Она чувствовала себя странно. Очень странно. Как будто ею кто-то управлял. Звал. Тянул вперед.

Факелы весело полыхали, разбрасывая повсюду танцующие блики. Вместе с принцессой они подошли к одной из стен.

Олеся не удержалась. Очертила пальцами силуэт маленького дракончика, парящего над грубоватым изображением замка. В животе вдруг стало тепло. Жар разлился по окоченевшему телу, затапливая собой. Пламя факела неожиданно полыхнуло, и на стене появились серые тени. Очертания рыцаря в рогатом шлеме проступили так отчетливо, что Олеся даже обернулась — проверить, не стоит ли он за спиной.

Но нет, сзади были лишь измученные обитатели крепости. Она снова повернулась к стене, уверенная, что это все ей мерещится.

Но Генриетта развеяла последние опасения:

— Смотри... — Она указала пальцем на тени, принимающие совершенно отчетливые узнаваемые очертания. — Как тот рыцарь, с которым ты прощалась...

Да, это действительно был он. Лишь его силуэт. Но точно он! Он сражался... Снова сражался. Взмахивал мечом так быстро, что перед глазами начало плыть. Он взмывал в воздух в фантастических прыжках, безостановочно разя противников. Плащ за его спиной развевался подобно крыльям. Он был беспощаден и красив. Пусть даже Олеся не могла разглядеть черт его лица. Но в каждом его движении сквозили мощь и сила. Неудержимость.

Наконец, последний враг пал. Рогатые существа, так похожие на демонов, преклонили колени перед своим новым королем.

А он шагнул вперед.

Он приближался, и тень на стене увеличивалась. Олеся затаила дыхание, слезящимися глазами глядя на серый силуэт. Он вырастал, неумолимо приближаясь.

Когда он остановился перед Олесей, то возвышался над ней совсем, как прежде. И хоть тень была всего лишь одного цвета — темно-серого, почти черного, Олеся смогла разглядеть, как он снимает шлем. Его лицо было скрыто туманом и дымом преисподней, которая не хотела отпускать самого величественного короля, который когда-либо ею правил. Но даже так Олеся все видела.

Там, где должны были быть его глаза и рот, мерцали огненные блики. И даже сквозь слезы, которые все никак не могла остановить, она увидела, как ее господарь ей улыбнулся.

Три дня... Что это такое по сравнению с вечностью, которая их ждет? Ничто. Олеся коснулась ладонью нестерпимо горячей тени. Пальцы легли на то место, где должно было биться его огненное сердце.

Три дня... На десятки лет меньше, чем она его ждала.

Тень Габора снова улыбнулась, а за его спиной взметнулись два огромных крыла.

Олеся накрыла ладонью свой живот и тихо прошептала:

— Возвращайся скорее... Мы тебя очень ждем...

Эпилог

Удивительно, как быстро человек способен забыть все плохое. Еще вчера лились слезы, и на лицах была написана скорбь, пока стражники сжигали тела демонов и хоронили погибших, но уже сегодня крепость оживала вновь.

Замок наполнялся жизнью. Суета кипела в каждом уголке. Слуги драили полы, очищая их от крови и шерсти. Оружие, висящее на стенах, было заточено так, что ослепляло блеском острых лезвий.

Оказалось, что зал, где должно было пройти торжество, не пострадал. Туда не проник ни один демон, и все украшения остались нетронутыми. Скрюченные деревья с ветками-спиралями, как сторожевые, стояли у стен. Сосульки на длинных лентах свешивались с потолка и мягко звенели, соприкасаясь друг с дружкой от каждого потока воздуха. Демоны в плащах охраняли уютные альковы от постоянных глаз. Поддавшись странному порыву, Олеся приказала заменить все свечи в крошечных фонариках, развешанных на деревьях.

Габор говорил, что ему нравится ее запах — запах трав. И Олеся заказала у старушки из деревни столько свечей, сколько та могла сделать. И чтобы все они пахли травами и цветами.

Адрианна вспомнила, что где-то оставались старые подвески-драконы, принадлежащие еще ее отцу. С трудом, но слугам удалось отыскать пыльные, покрытые паутиной коробки, в которых отыскалось целое множество самых необычных украшений. Среди них нашлись те самые деревянные драконы, которые были тут же развешаны по всему замку.

Втроем, Олеся, Адрианна и Генриетта, с головой окунулись в подготовку праздника. По молчаливому согласию Олеся и Адрианна ничего не говорили о короле. Он был похоронен вместе с остальными погибшими в схватке с демонами. На месте его успокоения был водружен самый обычный могильный камень с выбитым именем. Больше ничего. Генриетта, похоже, искренне считала, что отец отправил ее погостить на время праздника в крепость, а заодно и повидаться с лучшей подругой — Маргит Батъяни. Ни Олеся, ни Адрианна не решились разубедить ее в этом. К тому же, принцесса была больше озадачена тем, как понравиться суровому и вечно хмурающемуся Вазулу. Стражник, кажется, не обращал на нее никакого внимания и, как ветер носился по крепости, лично перепроверя каждый камин.

Госпожа Карола со своими помощницами не поднимали головы от шитья праздничных нарядов. У Олеся сложилось впечатление, что женщины боятся, что их не выпустят отсюда живыми. Позже Адрианна рассказала ей, что Габор едва не убил портниху, когда узнал, что она не позвала на помощь.

Адрианна вообще превратилась в ее постоянную спутницу, следуя за Олесей по пятам и атакуя расспросами о романе с Габором. Олеся не знала, как она догадалась, но упорно молчала, делая вид, что не понимает, о чем речь.

О Миклоше они не говорили. Его имя вообще не упоминалось в крепости. Похоже, его считали злом, чуть ли не БОльшим, чем Крампус. И Олеся не могла с этим не согласиться. Теперь Крампус был ее заветной мечтой. Тем, кого она отчаянно, до разрыва души, ждала.

А еще ее постоянно тошнило. Каждый день по несколько раз. Иногда так сильно, что она едва держалась на ногах.

И снова не обошлось без вездесущей Адрианны:

— Матушка рассказывала, что ее тоже тошнило, когда она была беременна Габором и Ми... мальчиками. Со мной ничего такого не было. — Она деловито протерла лоб Олеся прохладной влажной тряпицей.

— Не понимаю, о чем ты. — Олеся лежала в кровати, в той самой голубой спальне, где впервые пришла в себя, оказавшись в замке.

Ей пришлось вернуться в эту спальню, потому что все вокруг считали ее вдовой Миклоша. Но ночью, когда замок погрузился в сон, Олеся тихонько выскользнула отсюда и отправилась в покой Габора. Она легла в их кровать и долго смотрела в окно, на скалу, похожую на дракона, пытающегося поглотить море.

— О беременности, милая, я говорю о беременности...

Сейчас они должны были примерять наряды перед маскарадом. Олеся уже собиралась облачиться в свое платье, которое должно было удивить Габора, как едва не упала в обморок посреди зала. Перед глазами все поплыло, голоса слились в одну раздражающую какофонию и последней мелькнувшей в голове мыслью был страх из-за того, что она может потерять ребенка.

Очнулась Олеся, когда Драган под руководством Адрианны укладывал ее на кровать. Путающуюся под ногами Генриетту отослали с распоряжением отправить кого-нибудь из слуг за лекарем.

— Сейчас приедет лекарь, и мы узнаем все точно.

Олеся отвернулась:

— Это все из-за переживаний.

Адрианна неожиданно сжала ее ладонь, заставляя Олеся взглянуть на нее:

— Что-то мне подсказывает, что отец не Миклош?

Олеся сдалась и покачала головой:

— Нет...

— Габор знает?

Каждое упоминание его имени отзывалось сладкой щемящей болью в сердце:

— Хотела ему сказать. На маскараде.

— Ох, милая моя...

Адрианна ее обняла и погладила по голове.

— Он обязательно захочет, чтобы ребенок был признан его. Но ты вдова его брата... Впрочем, он всегда плевал на правила хоть и умудрялся нарушать их так, что никто и придаться не мог. — Адрианна немного грустно улыбнулась: — Что ж, позволь мне первой поздравить тебя. Это так чудесно! Первый наследник рода Баттьяни... Маленький дракон. Я почему-то уверена, что это будет мальчик.

Олеся снова не смогла сдержать слез. Разревелась, утыкаясь лицом в подушку. Ее вновь атаковали все на свете страхи. А что если он не вернется завтра? Что если у него не получится? Вдруг он забудет о ней?

— Ну-ну, милая... Все будет хорошо... Молодые матери такие эмоциональные...

В ту ночь, последнюю перед праздником, Олеся вновь пробралась в спальню Габора. На этот раз она не думала ложиться спать. Чувствуя себя домовым, которому за ночь надо навести порядок в хозяйском доме, она начала собирать заранее приготовленные вещи и переносить их в тайный зал, где совсем недавно рассказала Габору всю правду о себе. Мягкое пушистое одеяло, подушки, пахнущие цветущим лугом свечи и плоские деревянные драконы, которых она незаметно вытащила из коробки. Пол она уложила душистыми хвойными ветками и тугими пучками сушеных трав. Их Олеся купила у той же самой старушки, что делает самые душистые во всей Бергандии свечи.

Оставалось надеяться, что все не зря. Что он завтра придет. Потому что если нет... Что ж, тогда она будет искать способ отправиться к нему.

Зал гудел сотней голосов. Повсюду слышался смех и пожелания процветания роду Баттьяни. Все пили за здоровье господаря Габора, который не поскупился устроить такое празднество и пригласить на него простой люд. Многие гадали, кем он нарядился, и скрывается ли среди гостей, или еще не явился на торжество. Но на всякий случай не забывали поднимать за него каждый серебряный кубок.

В отличие от всех, Олеся знала, что Габора еще нет. Улизнув от Адрианны и Генриетты, она блуждала среди гостей, игнорируя заигрывания молодых юношей, и гипнотизируя взглядом каждый вход. Кем бы ни нарядился Габор, она бы узнала его. Даже скрой он лицо маской, она бы безошибочно угадала его среди остальных. Но... Его не было.

Танцы, необычные обряды — все проносилось перед глазами одним сплошным калейдоскопом. Да где же он? Ведь обещал прийти! И Морозный Дед сказал, что исполнит ее желание. Не мог ведь он обмануть?

Олеся всматривалась в каждую маску. Караулила у одного входа, потом шла к другому, но все бесполезно. Ни в одном из мужчин она не узнавала Габора.

Ее начало захлестывать отчаяние. Рыдания подступали к горлу, и слезы уже становилось невозможно сдерживать.

Опять заиграла веселая мелодия, и гости пустились в диковатую пляску. Олеся без сил прижалась плечом к одному из деревьев, над которым меховой демон раскинул свой темный плащ. Она фантазировала, что они с Габором уединятся в потайном алькове, и будут нарушать все запреты и приличия, пока снаружи бушует безудержное веселье.

Наверное, этим мечтам тоже не суждено сбыться. Он не придет. Пора с этим смириться. И она, глупая, не пошла за ним, когда был шанс. Где теперь найти проход в преисподнюю? Как отправиться к нему?

Мимо промчались лихо отплясывающие парочки, и Олеся покачнулась от нахлынувшей дурноты.

Попыталась ухватиться за дерево, понимая, что сейчас упадет, не сумев совладать с собственным телом. Потолок закружился перед глазами. Наверно сейчас будет больно...

Горячие руки обхватили ее талию и нежно развернули. Олеся оказалась едва ли не лежащей на крепком предплечье. Аромат горького шоколада и костра опутал мягким коконом. Мир перестал плыть, и взгляд остановился на скрытом маской лице. Только дымчато-серые глаза с голубым отливом лихорадочно сверкали.

— Госпожа выпила слишком много?

Его вопрос должен был звучать как заигрывание, как поддразнивание, но в нем слышалась сумасшедшая жажда и нужда в ней. Олеся не верила происходящему. Пару секунд просто смотрела на него, запрещая поддаваться иллюзии, созданной собственным разумом.

Впрочем, она бы никогда не смогла придумать такого мужчину. Никогда.

Он был необыкновенен.

Олеся облизнула пересохшие губы и попыталась выпрямиться. Его взгляд тотчас переместился к ее рту, и захотелось сделать что-то безумное, неподдающееся логике, чтобы он запомнил этот момент навсегда, как запомнит она.

Его лицо полностью было скрыто маской. Все, кроме глаз. Но они прожигали Олесю насквозь.

Олеся все-таки взяла себя в руки и выпрямилась:

— Я веселюсь. Или вам жалко медовухи?

Его лицо было скрыто золотой металлической маской, ажурной. Нити металла складывались в узоры — языки пламени. Блики пробегали по золоту, и казалось, что его лицо объято огнем. Пугающе и красиво.

— А вдруг кто-то захочет воспользоваться... вашим опьянением? Мужчины ничем не гнушаются, чтобы получить понравившуюся женщину.

Его широкие сильные плечи были обтянуты черной гладкой тканью — должно быть, тончайшей кожей. Грудь пересекало множество ремешков с бляшками в виде драконов. Эти ремни удерживали ножны с оружием. Блеск свечей играл на рукоятях его кинжалов, и казалось, что ей хитро улыбаются серебряные драконы. Черные штаны обтягивали мускулистые ноги, и весь он был похож на сгусток ночи.

Олеся рассматривала его руки, запястья перехваченные тонкими ремешками, и гадала, какое оружие удерживают они? Его пальцы были оружием. Пальцы, которые до сих пор касались ее тела, обжигая жаром даже сквозь одежду.

Он наклонился к ней, обдавая влажным теплым дыханием:

— Достоин ли я стать на сегодня вашим спутником?

Олеся вздернула подбородок, почти оглушенная радостным стуком своего сердца. Все-таки он пришел. Нашел ее. И сейчас стоит рядом.

Их игра превращалась в нечто волшебное. Предвкушение наполняло собой вены и попадало в кровь, пьяня так, что на языке ощущался вкус сладости.

Олеся лукаво улыbnулась:

— Мне неинтересны танцы.

Он наклонился еще ниже, и теплый металл маски скользнул по ее уху.

— А что же интересно такой скромнице?

О, она знала, что он оценит ее наряд. Но гораздо больше ей хотелось увидеть, как изменится его лицо, когда он поймет, что надето под ним... Она сделает ему самый незабываемый подарок. Чтобы пламя преисподней казалось ему теплым легким ветерком по сравнению с тем огнем, который она сегодня в нем разожжет.

Ее платье действительно было скромным. Даже скучным. Черное. Длинное. С белым воротничком и белыми манжетами. Перехваченное на талии тонким, расшитым серебряной нитью, пояском. Единственным Олесиным украшением были цепочки, соединенные крошечными звездочками, — купленный Габором ободок, который она наспех выбрала в соседней деревушке.

Действительно, скромная и невинная девушка, впервые попавшая на бал.

Ей до сих пор было необходимо убедиться, что он — настоящий. Живой. Тут. Рядом с ней.

Олеся невзначай пробежала пальцами по его твердой, скрытой чуть блестящей ткани, груди:

— Мне интересно... Об этом стыдно говорить... — Она притворно опустила глаза.

Пальцы Габора вдруг запутались в ее распущенных и завитых в крупные локоны волосах:

— Я никому не скажу.

— Что ж... если вы и вправду сохраните мой секрет... — Олеся заглянула в его глаза, которые теперь стали пронзительно голубыми и яркими. Он тяжело дышал и весь словно тянулся к ней.

— Сохраню. Мне вы можете доверять, госпожа...

Он произнес последнее слово хрипло, чуть протянув. Таким голосом говорит любовник, только что достигший наслаждения. Их наслаждение еще впереди. Теперь Олеся знала это точно. Он пришел. Он смог. Она выдержит зиму без него. Как-нибудь продержится. А потом он снова вернется... От их разлуки встреча будет лишь слаще.

— Тогда я вам расскажу... — Олеся понизила голос до интимного шепота. — Всю жизнь я жила очень уединенно. Почти не видела людей. И вот однажды, совершенно случайно, я встретила одного человека...

— Кто это был? — Габор обхватил ее ладонь и потянул за собой, увлекая к выходу из зала, где как раз собирались проводить очередной ритуал.

Олеся уже плохо соображала, что происходит вокруг. Весь ее мир, вся она, — все было сосредоточено на Габоре.

Он куда-то ее вел, и она покорно следовала за ним, полностью погрузившись в свою историю, как будто она и впрямь была правдой.

— Он был охотником на демонов. Долгое время он выслеживал их, забыв о сне и еде. Пока однажды на его пути не появился скромный дом моей семьи. Была уже поздняя ночь, и он попросился на постой. Родители впустили его, но мне запретили даже приближаться к нему. Заперли меня в комнате и сказали, что не выпустят, пока он не уйдет.

Олеся слышала, как Габор тяжело и быстро дышит. Он вывел ее из зала и тут же поднял на руки, прижав к своей груди.

— Почему же они так поступили? Разве его стоило опасаться? — Его голос стал ниже и походил на грозное рычание. Так мог бы рычать разбуженный дракон.

Олеся обвила руками его шею и быстро зашептала на ухо, задевая его губами и легко лаская языком мочку. В ответ на каждое ее почти невинное прикосновение он вздрагивал и сжимал ее еще крепче.

— Да-а-а... Родители сказали, что он мужчина. А все мужчины коварны... Тогда я не понимала этого. Единственный мужчина, которого я видела, был мой отец. Толстенький добряк с носом-картошкой и лысиной. Разве мог быть он опасен? Но ночью я выбралась из своей комнаты и пробралась к комнате охотника. Опустилась на колени и заглянула в замочную скважину.

— Что там происходило? — Голос Габора разнесся по коридору громоподобным эхом. Он был так же захвачен ее историей, как и она сама.

Олеся начала гладить плечи и спину Габора, вычерчивая пальцами колдовские узоры, которые должны были навечно привязать ее к нему.

— О... там происходило нечто удивительное... Охотник готовился ко сну... Сначала он снял пояс с саблей. Она была такой длинной... И наверняка острой... Невероятное оружие. Я слышала, что оно убивает тех, кто заключил сделку с демонами. Как вы думаете, это правда?

— Да... — Его голос совсем охрип, а пальцы впивались в ее кожу. Казалось, что ее и впрямь несет по воздуху дракон. — Такое оружие существует.

— Хорошо... После он размотал и положил на кровать длинную цепь с шипами. Разложил все свои ножи. И начал раздеваться... Я все видела в замочную скважину... Кое-что было сложно разглядеть, но оказалось, что мужчины так сильно отличаются от женщин. Раньше я об этом не задумывалась. Была такой наивной... Он казался таким твердым и сильным. С широкими плечами. На груди у него росли волосы и немного на животе. А внизу он и вовсе был устроен не так как я. Я-то думала, что мы все одинаковые. Но оказалось, что нет...

Олеся вздрогнула, когда Габор, не церемонясь, распахнул, дверь своей спальни и внес ее внутрь. Он поставил ее на ноги, рядом с кроватью, но Олеся направилась к подоконнику и нажала на половинку, открывающую тайный проход в камине.

Она видела, как удивленно расширились глаза Габора. Но он ничего не сказал, лишь продолжал следить за ней диким голодным взглядом.

Олеся подхватила предусмотрительно зажженную свечу и шагнула в темноту:

— Хотите узнать, что было дальше?

— Да... — Его голос звучал напряженно и зло. Как будто он уже едва сдерживался.

И Олеся ждала, когда его пламя вырвется наружу и поглотит их обоих.

— Тогда идите, я расскажу... — Они нырнули в тайный ход, и Олеся вновь заговорила: — Я продолжала его рассматривать. Стоять на коленях было очень неудобно. Но ради него... Мне очень хотелось узнать, какой он, чем еще отличается от меня. Такая же у него гладкая кожа? Твердый ли он в тех местах, где я мягкая?

Фрески расцветали буйными красками на стенах. Но Олеся почти не смотрела на них. Лишь однажды заметила себя и Габора, стоящих друг напротив друга и держащихся за руки. Было так похоже на свадьбу, но она не позволила себе остановиться и рассмотреть подробнее. Все потом. Потом...

— А еще мне было интересно...

— Что? — Габор шел позади, обволакивая своим жаром, и Олеся совсем не ожидала, что он вдруг обовьет руками ее талию и притянет к своей груди так, что она даже вскрикнет от неожиданности.

Дыхание перехватило, но она все равно продолжила:

— Мне было интересно, нравится ли ему... прикасаться к себе, когда никто не видит. Как это делала я, пока родители спали. Я хотела знать, становится ли его тело влажным, как мое, или с ним происходит что-то другое...

Они вошли в зал, где много веков подряд Крампусу приносили в жертву юных девушек. Сегодня жертва тоже будет принесена. Но совсем иная.

Олеся развернулась к Габору лицом и начала снимать со своего лица простую маску, которая состояла из двух черных шелковых лент.

— Так вот моя просьба: я хочу узнать мужчину. Изучить его тело. Каждую впадинку и родинку. Я хочу знать, что испытывает мужчина, когда я касаюсь его ладонями и глажу, когда шепчу его имя и умоляю войти в меня. Вы покажете мне все это, господин?

Глаза Габора, кажется, даже светились в темноте. Он склонился над ней и выдохнул:

— Да...

Олеся зачарованно следила, как его руки развязывают ленты маски, и как появляется любимое лицо. Его щетина казалась колючей даже на вид. На висках прибавилось седины, а щеки впали. Но это был ее господарь. Ее красивый, смелый, беспощадный господин. Таким он останется навсегда. И впереди ее ждет целая вечность с ним.

Он наклонился еще ниже и прижался носом к основанию ее шеи, шумно вдохнул и тут же откинул голову, закрыв глаза.

— Повсюду пахнет тобой. И все-таки слишком слабо...

Олеся была не в силах сдержать счастливую улыбку. Она понимала, что завтра им придется расстаться, что увидятся они лишь после холодов, и что эта ночь с ним — последняя перед чередой долгих холодных дней и ночей в одиночестве. Но сейчас она была рядом с ним. И собиралась воспользоваться каждым моментом своего счастья.

Она все еще смущалась произнести то, что хотела ему сказать. Наверное, не просто так она оказалась в теле безумного двойника.

— Я хочу, чтобы этой ночью... Ты взял меня здесь... Где Крампус должен овладеть своей женщиной. Как... как в том ритуале, о котором ты рассказывал. — Олеся перевела дыхание, чувствуя, как все тело сотрясает дрожь.

Габор шумно вздохнул. Ноздри раздулись, а на щеках проступили желваки.

— Я не могу этого сделать с тобой... Ты меня возненавидишь.

— Глупый господарь... Я люблю тебя. Ты ведь этого хочешь... Ты столько раз говорил о цепях. Признайся, хочешь?

— Хочу. — Он сглотнул, и Олеся не смогла отвести взгляд от рваного движения его кадыка.

— Тогда сделай это...

— Нет. Я не стану монстром, на которого ты будешь смотреть с ненавистью.

Олеся взяла его за руки и сжала пальцами большие сильные ладони.

— Ты — мой господин. Господарь этой крепости и повелитель преисподней. Ты самый удивительный, красивый, умный и хитрый мужчина, какого я когда-либо знала. Ты — Крампус. И стал им, чтобы спасти меня. Ты — все это. Но ты не монстр и никогда им не станешь. — Она приподнялась на цыпочки и легко поцеловала его в колючий подбородок. — И если, мое платье удивит тебя, то ты исполнишь мое желание.

Олеся отступила на шаг и начала развязывать пояс.

Повернулась к Габору спиной, где на платье был ряд крошечных пуговиц и попросила:

— Помоги.

Она ощущала, как дрожат его пальцы, как не слушаются. Несколько раз он даже выругался сквозь зубы, переставая быть демоном и вновь превращаясь в обычного мужчину. В мужчину, желающего свою женщину.

Еще никогда Олеся не была ни в чем так уверена, как в жажде Габора. Она чувствовала исходящее от него желание. И собиралась удовлетворить его.

Когда с пуговицами было покончено, она вновь повернулась к нему лицом и начала медленно стаскивать лиф. Сначала с одного плеча. Потом с другого.

Габор стиснул зубы и сжал кулаки. Его грудь поднималась и опадала от тяжелого дыхания, а взгляд загорался нереальным светом. Ее тело обнажалось, а его черты все больше заострялись.

И сейчас перед Олесей стоял не мужчина, не господарь и даже не Крампус. Перед ней возвышался дракон, пламя которого могло сжечь. Но она готова гореть в его огне.

На этот наряд портниха потратила много сил, но в конце концов Олеся осталась довольна результатом. И сейчас, видя, как Габор пожирает ее бешеным взглядом, осознавала свою привлекательность, свою необходимость. Она была нужна ему.

Возбуждение, захватившее ее в плен, оказалось яростным и беспощадным. Внизу живота разлилась опаляющая тяжесть и стало нестерпимо влажно. Грудь налилась и болела, жажда грубых мужских прикосновений.

Олеся стянула платье до конца, позволив ему упасть к ногам черным облаком. Она стояла перед Габором, полностью открытая его взгляду, еще более обнаженная, чем если бы была без одежды.

Ее тело было прикрыто прозрачной черной тканью, мягкой и тонкой, не скрывающей ничего. Она мягко обтекала каждый изгиб, приятно лаская кожу. Единственным украшением были звезды, вышитые серебряной нитью и разбросанные по всей сорочке.

Олеся шагнула вперед, переступив через платье и демонстрируя разрез до талии.

— Ну что, я выиграла, наш спор? Ты хочешь кончить? — Олеся подошла к нему вплотную. — Давай я проверю.

Габор замер, как те статуи Крампусов в нишах. Только он не пугал ее. Не был холодным. Но был каменным и твердым. Горячим. Ее ладонь легла на его жесткий живот, а затем не спеша потянулась к паху и опустилась на горячий бугор, накрывая уже полностью вставшую плоть.

Габор схватил ее за руку и рывком отдернул от себя, втянув сквозь зубы воздух.

— Ты выиграла.

Олеся задрожала от его реакции и тихого рычания вырвавшегося из горла.

Он обхватил ладонями ее талию и приподнял. Олеся тут же с готовностью обвила ногами его бедра. Губы Габора набросились на ее шею, обжигая влажными колючими поцелуями.

Он уложил ее на одеяло, которое Олеся бросила на пол накануне.

— Готовилась к этому? — Габор навис над ней, расположившись между гостеприимно разведенных ног. — Заманила меня в ловушку.

Олеся улыбнулась:

— Да, готовилась.

Она начала дергать ремешки на его одежде, но те никак не поддавались. Габор убрал ее руки от себя и заставил закинуть их за голову.

— Я тоже готовился. — Он потянулся за спину и откуда-то достал тонкую серебряную цепь. Не толще пальца, но Олеся задрожала от предвкушения.

Влаги между ног стало так много, что она потекла на ягодицы. Олеся попыталась свести ноги, внезапно смутившись такой реакции своего тела. Габор обмотал ее запястья цепью и защелкнул какой-то невидимый механизм. Олеся тихо застонала и сжала бедра. Внизу уже все пылало от едкой тянущей боли.

Габор сжал ладонями ее колени и заставил развести ноги шире.

— Что ты скрываешь от меня? — Он хищно облизнулся, глядя на то, как ее тело истекает ее влагой.

Олеся выгнулась, кожу обьяло огнем. На коже выступила испарина. Ее начало трясти от его сумасшедшего голодного взгляда, в котором читались все безумства, которые он готов был с ней сотворить.

Соски терлись о тонкую ткань, и сейчас ее мягкость раздражала и злила. Между ног тянуло до нестерпимой боли.

Габор задрал ее сорочку, обнажая живот. Его ладонь погладила нежную кожу, и Олеся прикусила губу, чтобы раньше времени не выдать ему свой главный подарок. Вызванный Адрианной лекарь подтвердил беременность. Больше никаких сомнений не оставалось.

Габор задрал сорочку еще выше, обнажая ее грудь. Оставив ткань, он вдруг отстранился. Олеся не заметила, как в его руках появилась плоская шкатулочка, размером с ладонь. Щелчок, и ее ослепило сияние розовато-сиреневых капель. Они были обрамлены таким количеством сверкающих прозрачных камешков, что хотелось зажмуриться.

— Помнишь, я спросил, любишь ты, чтобы твою грудь ласкали?

Олеся могла лишь глухо выдохнуть «Да». Габор достал массивные серьги, красивее которых Олеся никогда не видела, и небрежно отбросил в сторону шкатулочку.

— Ты ответила, что любишь, а я пообещал, что придумаю что-нибудь. Чтобы ты ощущала мои ласки и на груди, и здесь. — Его взгляд прошелся по ее промежности. — Я придумал...

Вскрик Олеси улетел прямо к сводам зала, когда Габор закрепил зажимом от сережки сначала один сосок, а потом другой. Металл тут же согрелся жаром ее тела. Тяжесть серег давила на грудь, а зажимы стискивали соски так сладко, что хотелось плакать.

Олеся неосознанно начала поднимать и опускать бедра, чувствуя, как из тела уже безостановочно льется влага. Габор встал на ноги, возвысившись над ней, как завоеватель над плененной жертвой.

Он быстро срывал с себя одежду, глядя только на Олесю.

Оставшись полностью обнаженным, он не дал ей полюбоваться собой. Отвернулся и пошел к алтарю, на котором по-прежнему стоял массивный кубок. Подхватив его, он вернулся и снова расположился у ее ног.

Олеся задрожала, когда почувствовала прикосновения холодного металла к нежным разгоряченным складочкам плоти. Она не понимала, что Габор делает, и могла только извиваться, желая к нему прикоснуться. Скованные цепью запястья невозможно было рассоединить, а ей уже нестерпимо было ощущать эту болезненную пустоту.

Габор убрал кубок и поднял его. Олеся увидела, как блестит ободок с одной стороны. Прямо над изображением дракона... Вот еще одно подтверждение тому, что Крампус сменился.

Голос Габора послал новую волну дрожи по ее измученному изголодавшемуся телу.

— Раньше из него пили любовное зелье. И кровь демона. А я выпью твой сок.

Глядя ей в глаза, он принялся слизывать капельки ее влаги, оставшиеся на кубке. Олеся захныкала. Сжала бедра, и... перед глазами потемнело от нахлынувшего возбуждения.

Тихий смех Габора прозвучал у самого уха. Он накрыл ее собой, и Олеся задохнулась от жара его тела. Ее объяло огнем, перекинувшимся с него.

— Не дождалась меня...

Он улыбался, глядя на нее, но лицо искажалось так, словно ему было нестерпимо больно.

Олеся помотала головой, едва понимая, о чем он говорит:

— Нет....

— Моя маленькая иномирянка... Госпожа...

Одним мощным выбросом он ворвался в нее и начал двигаться резкими жесткими толчками, растягивая собой так, что Олеся задыхалась. Он таранил ее, вбиваясь, кажется, до самой груди. Дыхание застряло в горле. Грудь дрожала от каждого его движения. Соски ныли и горели от сладкого давления. Олеся обхватила скованными руками шею Габора и прижалась губами к его губам.

Он стонал, выбивая ответные стоны из нее. Олеся собрала последние силы и тихо прошептала ему в губы:

— Я беременна...

Он замер, весь будто окаменел, и впился в нее диким, нечитаемым взглядом. Олеся закричала, когда он ворвался в нее резко и неожиданно, почти на грани боли. Внутри стало горячо. Габор застонал, и мышцы влагалища сжались вокруг его члена. Волны сметающего все на своем пути удовольствия, накрыли Олесю с головой. Ее затопило наслаждение. Ощущать Габора внутри, чувствовать над собой... Слышать его сбившееся дыхание и касаться рукой его горячей мокрой от испарины кожи... Все это было бесконечным сладким сумасшествием, в котором существовали только она и Габор. И неважно, что им придется расстаться. Они переживут, перетерпят время друг без друга...

— Я думал... когда ты сказала «мы»...

Значит, та тень действительно принадлежала ему! Он приходил к ней! Нашел способ...

Олеся вновь почувствовала бегущие по щекам слезы.

Габор тут же принялся стирать их пальцами:

— Не плачь, моя госпожа... Олеся...

Она улыбнулась, обнимая его все еще скованными руками и притягивая к себе:

— Я теперь постоянно плачу... Это беременность...

Габор освободил ее соски от плена зажимов на серьгах и размотал цепь. Сев, он притянул ее к себе на колени и, обхватив ладонью затылок, приблизил ее лицо к своему:

— Я могу выдержать все, пока ты будешь меня ждать. Абсолютно все. Только не предавай меня. Я

буду наблюдать за тобой. Оттуда. Ты будешь под защитой Крампуса, пока Габор будет отсутствовать. Только люби меня.

Олеся нежно поцеловала его губы, пристально глядя в сверкающие глаза:

— Я всегда буду любить тебя. Всю вечность.

Когда жизнь господаря и госпожи Баттьяни подошла к концу, они оба были уже в почтенном возрасте. Род Дракона стал самым могущественным в Бергандии. Габора Баттьяни называли тайным королем, а его жену — госпожу Маргит, самой прекрасной женщиной королевства. Их союзу завидовали, обсуждали и мечтали войти в их семью. С Габором и Маргит Баттьяни было связано столько слухов и сплетен, что обсуждать их можно было бы целую вечность. Но никто ни разу так и не приблизился к истине.

Когда два наследника богатейшего из родов Бергандии возмужали и начали приумножать влияние и богатства своей семьи, их родители рассказали им необычную историю своего знакомства. И по сей день, эта удивительная легенда передается от сына к сыну, сохраняемая и пересказываемая так же тщательно, как и история Крампуса.

Бергандию ждало спокойное время. Время процветания и славы. Никогда еще не было такого благоденствия. Демоны не трогали людей, забирая в преисподнюю лишь грешников, отъявленных негодяев, которых не могли наказать при жизни.

А что же Габор и Олеся? Они жили долго. И очень-очень счастливо. Она ждала его и каждый раз встречала так, словно они видятся первые. А когда их дети стали взрослыми и самостоятельными, они решили уйти навсегда. Но не в преисподнюю, нет — в их отдельный, тайный мир, в котором бушуют битвы и идет бесконечная война. Олеся испила крови Габора и шагнула за ним в пылающий мир.

Их красота и молодость вернулись. Они были такими же, как в первый день встречи — счастливыми и бесконечно влюбленными друг в друга. И так каждый день их бесконечной пылающей огнем не пекла, но любви, жизни.

Конец